ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1933-1945

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

$\frac{7-2-2}{153-67}$

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

1933–1945

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА · 1968

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. Г. ДЕМЕНТЬЕВ

Журналистика тридцатых годов

В статье о движении журнальной литературы Н. В. Гоголь справедливо заметил, что литературный журнал — это зеркало своего времени, верный свидетель событий, мнений, духовной жизни общества. Несомненно, таким зеркалом эпохи были и советские литературно-художественные и общественно-политические журналы 20—30-х годов.

30-е годы — сложная и героическая эпоха. В этот период Советский Союз вступил в полосу завершения социалистического строительства; огромные перемены произошли в деревне, вставшей на колхозный путь, резко изменилось лицо страны: на необжитых местах возникли новые предприятия и промышленные города, «девизом» времени стали огни Днепрогэса и домны «Магнитки», героический штурм Арктики и замечательные перелеты советских летчиков. Была осуществлена индустриализация — этот «*великий подвиг рабочего класса, всего народа,* который не жалел ни сил, ни средств, сознательно шел на лишения, чтобы вытащить страну из отсталости» [1].

Вместе с тем 30-е годы (особенно их вторая половина) были годами антифашистскими и предвоенными, формировавшими не только строителей социализма, но и будущих солдат, тех, кто на фронте и в тылу вынесли на своих плечах всю тяжесть испытаний Великой Отечественной войны.

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Госполитиздат, 1962, стр. 29.

30-е годы подхватили порыв и устремленность революции, эстафету революционных дерзаний. Духом революционного вдохновения питались «Педагогическая поэма» А. Макаренко и «Соть» Л. Леонова, стихи магнитогорского строителя Бориса Ручьева и масштабная драматургия Всеволода Вишневского.

Трагически-прекрасно было время
Гигантских строек, подвигов, трудов,
Подвижничества, юного геройства,
Когда мы землю снова покоряли
Лопатою, киркою, топором,
А после — экскаватором и краном [2].

Взлет творческих сил народа проявлялся в широком развитии соревнования, в жажде знаний, в величайшей тяге широких масс к культуре. Он сказывался во всесветных достижениях науки (Павлов, Мичурин, Циолковский), в новых шагах литературы, радио, кино, для которых годы пятилеток были необыкновенно плодотворными.

Имея в виду это глубокое творческое народное начало, было бы неверно считать 30-е годы «периодом культа личности». Такой подход искажает реальное движение жизни, мешает понять истинную роль исторического творчества народа, разбуженного революцией. Это не означает в то же время, что последствия культа личности прошли бесследно. Развенчание партией и народом культа личности — этого глубоко чуждого марксизму явления — имело большое положительное значение.

В литературной журналистике 30-х годов сказались как издержки тех лет, так — и в гораздо большей степени — то, что А. М. Горький назвал «самым главным»,— активность масс, строящих социализм, «фантастическая по размаху» «работа возрождения... страны силами рабочей энергии» [3]. Связанные тысячами нитей с партией и народом, литературные журналы черпали силы в полноводной реке социалистического строительства.

Литературные журналы уже солидные, но в сущности еще молодые, как, скажем, «Октябрь» или «Новый мир», насчитывавший к началу 30-х годов всего одно пятилетие, продолжали развиваться и укрепляться; отходили и исчезали издания нежизнеспособные, журналистика укрупнялась. Это был путь выработки действительно глубокого внутреннего единства, без утери своеобразия, путь поисков наиболее убедительных решений насущных вопросов литературного движения, поисков художественного метода, успешно отвечавшего задачам строящегося социализма.

Журнальная жизнь в 20-е годы имела как бы несколько четко обозначенных «полюсов», которые концентрировали в себе те или иные силовые линии и тенденции развития литературы. Во всяком случае, даже при самом беглом взгляде на литературную периодику вплоть до 1932 г. можно говорить, скажем, о журналах пролетарских писателей, объединявших чаще всего «мобилизованную и призванную» революцией молодежь («На литературном посту», «Октябрь», «Молодая гвардия», «Ленинград», «Рост» и др.). Можно, далее, говорить о журналах, где наряду с писателями пролетарскими значительное место занимали произведе-

---

[2] Владимир Луговской. Середина века. Книга поэм. М., «Советский писатель», 1958, стр. 249.

[3] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 26. М., Гослитиздат, 1953, стр. 375.

ния писателей-«попутчиков» («Красная новь», «Новый мир», отчасти «Звезда»), наконец, об изданиях писателей, именовавших себя крестьянскими («Земля советская»), о журналах писателей «Кузницы» («Рабочий журнал», «Журнал для всех», называвшийся позднее «Пролетарский авангард») и т. д. Эта «расстановка сил», существовавшая в 20-е годы, возникла и закрепилась в период ожесточенных идейных столкновений, вскоре после гражданской войны, в начале нэпа, когда борьба с идеологией буржуазии и мещанства приобретала характер важнейшей задачи дня. Противники нередко выступали тогда с открытым забралом, а критика не без оснований говорила о существовании «журнальных окопов», где на крайних флангах располагались, с одной стороны, силы «На посту», с другой,— хотя бы таких сменовеховских литературных журналов, как «Россия», «Новая Россия».

Между тем общественные причины, обусловившие существование различных журнальных «полюсов», не оставались неизменными. Россия нэповская не сразу, но неуклонно превращалась в Россию социалистическую.

Вопрос о том, каким путем идти, успешно решался партией. В ожесточенных боях капитулянтская программа оппозиции была отвергнута на XV партсъезде (1927). XVI партийная конференция (1929) одобрила проект первого пятилетнего плана, принятого в мае того же года V съездом Советов.

Эти события определили многое в развитии экономической, политической и духовной жизни страны. Усилия партии и народа, закладывавшие индустриальный фундамент страны, обусловили новые шаги в строительстве нашей общей социалистической культуры и тем самым предопределили, в конечном счете, новые организационные формы развития искусства.

Глубинные изменения затронули и литературную журналистику. Но здесь они были осознаны не сразу; пожалуй, даже, напротив, притяжение литературных сил к различным журнальным полюсам еще более усилилось. Ожесточенные литературные споры различных групп и их журналов не прекращались и в начале 30-х годов. Особенно наступательно вели себя пролетарские журналы и руководители ассоциации пролетарских писателей. Они защищали и развивали свои теории и лозунги — «срывания масок», «живого человека» и др. Было бы неверным считать их только ошибочными; та же теория «живого человека» исходила из верного и понятного желания — показать нового человека всесторонне не только внешне, но и внутренне; ошибка заключалась в другом — в книжности, отвлеченности этих теорий, в непомерном преувеличении собственного значения, роли групповой принадлежности. В этом случае даже А. Фадеев, в те годы принадлежавший к руководству РАПП, заявлял: «Вредно думать, что литературу рабочего класса создадут для него интеллигенты»[4]. Однако такие заявления, отражавшие точку зрения журнала «На литературном посту», оказывались далекими от живого развития литературной жизни.

В борьбе за осуществление своих четко очерченных лозунгов, например, в борьбе за тип пролетарского писателя-революционера[5], пролетарские журналы не учитывали других возможностей, многообразия тех путей, которыми художники приходили к признанию и правдивому изображению новой жизни. Между тем глубочайшие изменения в обществе — строительство новой индустриально-колхозной России, воспитание нового человека — не проходили мимо писателей формально раз-

---

[4] А. Фадеев. На литературные темы. М., Гослитиздат, 1932, стр. 17.
[5] См. статью Г. Корабельникова в журнале «Октябрь», 1931, № 3.

ных групп, печатавшихся в разных журналах. В литературе не было монополии изображения новой жизни, которую отстаивали еще журналы групп. Тот же «Новый мир», который часто попадал под обстрел пролетарских изданий[6], публиковал в 1930 г. роман Л. Леонова, «Соть», где были художественно осмыслены волновавшие всех пути строительства новой жизни. Через год «Новый мир» опубликовал «Гидроцентраль» Мариэтты Шагинян. А то, насколько серьезно в этом журнале понимали суть наступающих перемен, могут разъяснить слова его руководителя Вяч. Полонского, сказанные им незадолго до смерти: «Смысл «реконструктивного периода» широк и глубок. Мы «реконструируем» не только наше хозяйство. Реконструируется вся наша культура, быт, наша философия и психология, наука и искусство. Перестраивается, наконец, сам человек»[7].

Чем ближе к рубежу 30-х годов, тем все отчетливее, несмотря на усиливающийся шум групповой борьбы, проступают в журналах разных литературных групп общие процессы, связанные с глубокими сдвигами в жизни.

Известно, что в «Лефе», так же как и в изданиях «Кузницы», усиленно пропагандировался фактический очерк. Очерк, казалось, был их знаменем, их спецификой. Но по сути одновременно проблемы очерка возникли в пролетарских журналах (выступления и даже книга М. Лузгина). Потребность дать пусть пока неглубокий, беглый абрис происходящих перемен обозначилась также в очерках «Октября», в зарисовках очеркистов «Комсомольской правды», «Молодой гвардии». В большую работу обозрения нашей огромной меняющейся страны включались «Новый мир», печатавший очерки Пришвина («Зооферма», 1931, № 1), «Красная новь», где появились, может быть, наиболее интересные и глубокие очерковые произведения — «Победители» Ивана Катаева (1931, № 9), «Школа на Чукотке» Т. Семушкина (1931, № 5—6) и другие.

Очерк «перехлестывал» групповые рамки журналов (о чем говорят и журналы Горького, к которым мы еще вернемся). Он как бы свидетельствовал о неодолимости и всеобщности поступательного развития страны. Многим он помогал осознать и понять новую действительность, точнее определить свое место в рабочем строю.

30-е годы были годами углубления понимания новой жизни и ее литературы. И если известная часть литературной интеллигенции не сразу разглядела связь между революцией и культурой, если сомнения выражались в форме вопроса: «умеем ли мы, русские, строить?»[8],— то теперь вопрос этот снимается жизнью. Именно поэтому (а не столько благодаря критике пролетарских журналов) казались устаревшими теперь такие книги, как «Чертухинский Балакирь» С. Клычкова, «Машины и волки» Б. Пильняка.

К началу нового десятилетия страница истории была окончательно перевернута. И тех, кто это не понимал, становилось все меньше и меньше. Величайшие реальные сдвиги в жизни страны, в культурном строительстве целых национальностей и народов — все это захватывало, убеждало, подсказывало образы и темы. И когда художники, столь разные по эстетическим убеждениям, по жизненному и литературному пути, наконец, по групповым симпатиям,— мы имеем в виду М. Ильина,

---

[6] В статье «Против буржуазной опасности в литературе» С. Карлин говорил, например, о «Новом мире» как о журнале, «напечатавшем не одно реакционное произведение», о существующей в нем «системе гнилого «либерализма» и т. д. («На литературном посту», 1932, № 1, стр. 39).

[7] «Новый мир», 1931, № 1, стр. 134.

[8] И. Соколов-Микитов. Исток-Город. Дорогобуж, 1918, стр. 4.

К. Паустовского, М. Пришвина,— предлагали читателю начала 30-х годов «Рассказ о великом плане», «Кара-Бугаз», «Жень-Шень», у них не было раздела «по линии сердца».

Постепенный «химический» процесс консолидации писательских сил на базе культурных завоеваний советского общества продолжался и углублялся. Но по мере своего развития консолидация все очевиднее наталкивалась на тормозившие ее журнально-групповые перегородки. В каких-то случаях их удавалось обойти. Удавалось в журналах Горького. Отвечало новым потребностям также возникшее в начале 30-х годов внегрупповое литературное объединение ЛОКАФ и одноименный журнал оборонных писателей. Необходимость перемен ощущалась даже в Ассоциации пролетарских писателей. Едва ли не каждый выступавший на V пленуме РАПП говорил о перестройке (Л. Авербах — «О перестройке РАПП», Г. Корабельников — «Звенья перестройки», С. Кирьянов — «За творческую перестройку») [9].

Однако предлагаемая перестройка, по сути оказывалась весьма ограниченной. Стремление изжить схоластику, обратиться лицом к творческой практике не выходило за рамки литературной группы. У РАПП не хватало смелости пойти дальше, потому что «дальше» — значило упразднить себя как узкую, отдающую сектантством организацию.

Документом, открывавшим путь литературной консолидации, явилось Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций». Это было решение о будущем нашей литературы и журналистики. Постановление прежде всего ликвидировало образовавшиеся «ножницы», привело формы литературного движения в соответствие с реальными процессами литературы. Групповые перегородки были разбиты, опасность превращения литературных организаций «в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству» [10], была предотвращена.

2

Новый период в развитии литературы и журналистики, охвативший 30-е годы, начинался, таким образом, прежде всего с решений организационного характера, изменявших не только саму обстановку литературной жизни, но и структуру организации писателей и литературных журналов.

17 мая 1932 г. в «Литературной газете» было опубликовано решение о создании единого Оргкомитета советских писателей в целях решения практических задач литературного процесса для подготовки к предстоящему писательскому съезду. В решении, подписанном основными литературными организациями и объединениями — ВССП, РАПП, РОПКП, ЛОКАФ, «Перевалом», указывалось, что почетным председателем Оргкомитета выбран Максим Горький, председателем — редактор газеты «Известия» И. М. Гронский. Горьковское руководство Оргкомитетом, несомненно, немало способствовало тому, чтобы преодолеть замкнутость и сектантство, повернуть писателей к решению больших задач формирования нового человека, строительства новой культуры, политических задач современности.

---

[9] «На литературном посту», 1931, № 35—36; 1932, № 1.
[10] «О партийной и советской печати». М., изд-во «Правда», 1954, стр. 431.

Все это не было делом скорым и простым хотя бы потому, что старые методы решения литературных проблем, групповые пристрастия и взгляды на характер и пути развития советской культуры и литературы, существовавшие в 20-е годы, не могли быть изменены мгновенно. Их инерция известное время сохранялась. «Групповизм,— писал Федор Гладков в 1933 г.,— не изжил себя и долго еще не будет изжит»[11]. В определенной степени это сказывалось, например, в «Октябре», в «Росте».

Следует заметить и то, что среди пролетарских писателей имели место чувства растерянности и обиды, проявлялось неумение и нежелание перестроиться. Поэтому в статье «О литературных забавах», напечатанной в московской и ленинградской литературных газетах, Горький резко критиковал ту часть рапповцев, которая, не поняв Постановления, «откололась от литературы и начала говорить о ней, как о чужом деле, как о работе «ихней», а не «нашей»[12]. Осуждению в печати была подвергнута и другого рода позиция, отразившаяся в выступлении С. Клычкова; он считал, что после Постановления «ласточка может лететь, куда хочет»[13]. Словом, единство образовывалось не без борьбы, не без острой принципиальной критики. В этих условиях Оргкомитет явился действенной литературной организацией, которая не ограничивалась пожеланиями, а намечала и решала новые большие задачи развития советской литературы практически.

Многообразную и сложную работу с литераторами деятели Оргкомитета прямо связывали с деятельностью литературно-художественных журналов.

«По самому существу литературного дела,— писал М. Горький в 1934 г.,— редакции литературных органов должны являться основными звеньями непосредственной связи и работы с писателями. Редакции журналов и издательств, занимаясь практически каждодневно литературной продукцией, имеют бо́льшую, чем какая-либо другая организация, возможность ставить творческие вопросы на конкретном литературном материале, идейно и художественно воспитывать писателей на живом деле, дифференцированно, учитывая все своеобразие дарования. подходить к каждому писателю,— оперативно проводить в области литературы политические задачи»[14].

Уже на первом заседании Оргкомитета вопрос о журналах был одним из основных. Выступивший на заседании И. М. Гронский отметил, что придется пересмотреть список выходящих журналов. Развивая горьковскую мысль, оратор подтвердил необходимость издания всесоюзного журнала, «который показывал бы лучшие образцы литературы всех народов СССР, информировал бы широкого читателя о социалистическом строительстве во всех союзных республиках»[15]. Здесь же были затронуты вопросы о критических журналах, о массовом издании для литкружковцев, о «Литературной газете». Поскольку эта ведущая газета «не сумела активно и правильно мобилизовать писательские массы на реализацию решения ЦК», было решено провести внутриредакционные изменения, освободить от руководства газетой А. Селивановского.

---

[11] «Горький и советские писатели. Неизданная переписка».— «Литературное наследство», т. 70. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 121.

[12] М. Горький. О литературных забавах.— «Литературный Ленинград», 14 июня 1934 г.

[13] Резкий отпор выступление Клычкова получило в статье И. Разина «К новым победам» («Октябрь», 1932, 5-6, стр. 220).

[14] М. Горький. О печати. М., Госполитиздат, 1962, стр. 110—111.

[15] «Литературная газета», 23 мая 1932 г.

В деятельности журналов, в расстановке сил на журнальном фронте происходят существенные сдвиги, причем результаты перестройки литературно-периодических изданий во многом определяются тем, как осуществляют они на деле задачи литературной консолидации, преодолевают инерцию групповщины. Для некоторых изданий, таких, например, как «На литературном посту» (1926—1932), «РАПП» (1931—1932), претендовавших на руководство всей литературой и имевших давно выработанную принципиально-групповую позицию, переход к работе в новых условиях оказывался весьма затруднителен. Рецензируя номера «На литературном посту», появившиеся уже после Постановления, критик Г. Васильковский отмечал, что редакция ничему не научилась, ничего не забыла [16].

Понятно, что названные издания не смогли плодотворно работать в новых условиях и были прекращены. 1932 год явился последним рубежом и для некоторых других изданий, выражавших позиции своих литературных групп и объединений. Среди них следует назвать ежемесячный литературный журнал пролетарско-крестьянских писателей «Земля советская» (М.— Л., 1929—1932), журнал литературной группы «Кузница» — «Пролетарский авангард» (М., 1928—1932), журнал Ленинградской ассоциации пролетарских писателей «Ленинград» (Л., 1930—1932).

В июне 1932 г. Оргкомитет утвердил новые составы редколлегий «Литературной газеты» (отв. ред. С. Динамов), «Красной нови», «Октября», «Роста». В целях улучшения качества критической работы было решено журналы «Марксистско-ленинское искусствознание», «Пролетарская литература», «На литературном посту» слить в один ежемесячный журнал [17]. Была определена редакционная коллегия будущего критического издания, получившего позднее практическую реализацию в журнале «Литературный критик».

Следует отметить, что в этот период появляются также ежемесячные критико-библиографические журналы и бюллетени: «Художественная литература» (1932—1935), «Детская литература» (1932—1941) и другие.

Оргкомитет, на деле осуществлявший литературную политику партии, принимал не только решения о слиянии или реорганизации журналов. На его заседаниях рассматривалась текущая работа редколлегий журналов и связанных с ними писателей. Так, в июне 1932 г. была рассмотрена работа писателей, связанных с деятельностью литературно-оборонных журналов.

Расширенный пленум Оргкомитета вновь вернулся к обсуждению работы центральной газеты литераторов, подчеркнул важность борьбы против остатков рапповского вульгаризаторства, за внимание к творческим проблемам [18]. По мере необходимости в Оргкомитете рассматривалась также деятельность других толстых ежемесячников (например, «Красной нови») [19].

Эти и подобные им меры расчищали путь развития журналов. Забегая вперед, следует отметить, что в дальнейшем действенная работа Союза писателей с журналами заметно ослабнет.

Избранная Оргкомитетом комиссия по журналам (в нее входили И. Гронский, А. Фадеев, В. Кирпотин, Н. Асеев, Л. Леонов и Ф. Панферов) добивалась организации товарищеской, деловой атмосферы в

---

[16] Г. Васильковский. Не на посту.— «Литературная газета», 23 мая 1932 г.
[17] «Литературная газета», 29 июня 1932 г.
[18] «Всю энергию на реализацию решений ЦК. Писатели обсуждают план «Литературной газеты».— «Литературная газета», 29 июля 1932 г.
[19] «Литературная газета», 5 апреля 1935 г.

редакционных коллегиях. Еще на первом расширенном заседании Оргкомитета старый писатель Пришвин говорил о недопустимости бесплодных внутриредакционных трений и конфликтов. «Журнал,— замечал он,— должен строиться на дружеской организации»[20]. О мерах по урегулированию взаимоотношений между писателями-партийцами и беспартийными членами редакций сообщал А. Фадеев. Он предлагал действительно коллегиальное, равноправное решение спорных вопросов при публикации тех или иных произведений. «Вот эти элементы командования, администрирования, неумения работать,— говорил он, имея в виду редакционные коллегии литературных журналов,— надо, конечно, ликвидировать в нашей работе»[21].

В ходе перестройки журнальной работы возникали новые взаимоотношения между писателем и редакцией. «В наших журналах,— писал в 1933 г. Л. М. Субоцкий,— появились произведения таких писателей, которые совсем было замолчали, которые были отшиблены групповой, иногда просто недопустимо грубой и резкой по тону критикой. Появились произведения таких писателей, как Сергеев-Ценский, Романов, Клычков, которые напечатаны в «Новом мире». Это,— продолжал Субоцкий,— показатель создания условий, при которых писатель не боится прийти в редакцию журнала и принести свое произведение, ибо он рассчитывает на критику уже в другом, товарищеском тоне...»[22].

Таким образом, расширялся круг авторов периодических изданий, устранялись прежние групповые антагонизмы литературных журналов. И в этом случае яснее обнаруживался тот общий идейный противник, который находился «по другую сторону красных баррикад».

3

Организационная перестройка журналов, сосредоточение работы с ними в Оргкомитете давали свои очевидные результаты. Литературная периодика успешно знакомила читателей с новыми интересными произведениями. За год, истекший со дня Постановления, в журналах были опубликованы «Баррикады» П. Павленко, третий том «Тихого Дона» М. Шолохова, «Россия кровью умытая» А. Веселого, «Кара-Бугаз» К. Паустовского, новые пьесы Афиногенова, Погодина, Киршона, Каверина и ряд других произведений. В новых условиях развертывается и расширяется связь с писателями у журнала «ЛОКАФ», который в 1932 г. заключил договора на печатание произведений А. Серафимовича, Ф. Гладкова, Ал. Малышкина, В. Ставского, Вс. Иванова, С. Мстиславского, Веселого и других[23].

Новый журнал — «Литературный современник» — получили писатели Ленинграда. Именно в начале 30-х годов единое руководство литературными журналами позволило преодолеть ненужный параллелизм: возникший как литературный журнал, адресованный советской деревне, «Великий перелом» (М., 1934, № 1) уступил свое место изданию более необходимому и авторитетному — горьковскому журналу «Колхозник» (М., 1934—1939).

---

[20] «Литературная газета», 11 ноября 1932 г.
[21] ИМЛИ, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 65, л. 19—20.
[22] В. Я. Кирпотин и Л. М. Субоцкий. Литература на новом этапе. М.—Л., Гослитиздат, 1933, стр. 53.
[23] А. Кр-ов. Расширение журнала «ЛОКАФ».— «Литературная газета», 5 июня 1932 г.

Значительность и важность организационных сдвигов являлась таким образом с достаточной очевидностью.

Однако это была только часть большого дела развития журналов и литературы, быть может наиболее легкая. Более сложной и не менее ответственной задачей оказывалась выработка тех творческих принципов, того художественного метода, которые соответствовали бы духу литературы и журналистики нового общества, строящего социализм.

РЕКЛАМА ЖУРНАЛА «НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ»

Это было коллективное дело всей советской литературы, ее печатных органов и прежде всего таких, как «Литературная газета», «Литературный критик», журналы А. М. Горького.

Журналы Горького, в частности «Наши достижения», возникшие еще в период групповой борьбы, по сути уже тогда были журналами консолидации. В них чувствовалась стремительная поступь эпохи, они привлекали и демонстрировали большое количество фактов борьбы за новую жизнь, показывали подвиг тех, кто плавил сталь, строил домны, добывал уголь. Горький, создавая эти журналы, старался во всем объеме понять и показать новую Россию. Показать в фактах не выдуманных, а реальных, в очерке с крепкой фактической основой, столь же важной в журнальной концепции Горького, как важны и дороги были в пореволюционные дни для Ленина очень строгие и точные, очень нужные именно этой своей реалистичной деловитостью строки книги А. Тодорского «Год с винтовкой и плугом», исследовавшие новую жизнь.

«Наши достижения», «Колхозник», «СССР на стройке», «На стройке МТС и колхозов» не противоречили социальному романтизму Горь-

кого. Их структура, «стиль» расположения и подачи материала определялись в конечном счете философской горьковской идеей человека, преобразующего мир, природу, свою страну. В журналах Горького можно встретить немало любопытнейших биографий людей, которые еще недавно не имели представления о том, что они придут на стройки, сядут за учебники, возглавят новую жизнь. Это были «карьеры», совершенно иные по своему значению, но не менее поучительные, чем в основанной Горьким серии «Жизнь молодого человека XIX века». Журналы рассказывали об энтузиастах новой жизни. Да и авторы их, такие, как Гудок-Еремеев, были энтузиастами общего дела, общей стройки, что опять-таки было важно в замысле Горького, ибо его очерковые издания рисовали не столько (особенно вначале) лицо героя, сколько лицо изменяющейся страны.

В этом, может быть, излишне подчеркнутом акценте: да, именно лицо страны! — заключался, конечно, не отказ от глубокого реалистического исследования человека (о чем свидетельствует творчество самого Горького, его другие издания, его альманах, о которых — ниже). В этом требовании как бы формулировалась нарочито заостренно основная проблема, стоявшая перед многими литераторами и журналами: писатель и новая действительность. Верное ее решение открывало пути искусству социалистического реализма.

Журналы Горького были до известной степени ответом на эту задачу. Ответом, заключавшимся в десятках и сотнях очерковых зарисовок о социализме «сегодняшнем, зримом». Это была попытка журнальными, очерковыми средствами, позднее средствами очерковой повести, портрета, рассказа создать эпос становления советского общества. В этой связи очень точной и верной представляется нам характеристика «Наших достижений», данная одним из ответственных работников журнала В. Бобрышевым в день пятилетия издания: «715 литературных произведений, напечатанных в 56 книжках журнала,— это 715 отдельных глав недописанной повести о том, как строился социализм в еще недавно отсталой, нищей стране»[24].

Журналы Горького являлись как бы той творческой лабораторией, в которой исследовалось, запечатлевалось историческое творчество масс. Они открывали новые факты ударничества, героизм труда, соревнования, проделывая огромную и необходимую для художника-реалиста работу по отбору, изучению явлений жизни, чтобы тот потом, используя найденное, дал образы новой действительности. Так, в сущности, и произошло с талантливым очеркистом Иваном Катаевым, входившим в коллектив «Наших достижений», с автором горьковских журналов — Константином Паустовским. Но дело, конечно, заключалось не только в том, что, скажем, Пришвин напечатал в «Наших достижениях» отличный и глубокий очерк «Берендеева чаща» о новой жизни Севера, что он печатался и в «Колхознике», а Леонид Леонов не печатался. Важно отметить, что и для него, по-видимому, не прошел бесследно опыт «Наших достижений». И то художественное исследование жизни, которое в этом журнале или в другом, иллюстрированном,— «СССР на стройке» — не могло быть по условиям очеркового издания развернуто в большой и глубокий роман, осуществилось с блеском таланта и глубиной в книгах «Люди из захолустья» А. Малышкина, «Скутаревский» Л. Леонова, в «Танкере Дербенте» Юрия Крымова.

Журналистика Горького, сильная своей социальной педагогикой, была жизненна, «питательна» для художника, очеркиста, литературоведа.

---

[24] В. Бобрышев. Ровесники пятилетки.— «Литературная газета», 6 марта 1934 г.

Школа жизни неотделима в ней от школы писательства — если вспомнить «Литературную учебу» (1930—1940), где печатались статьи и разборы крупнейших явлений русской и зарубежной классики, статьи и беседы писателей — Константина Федина, Николая Тихонова, Бориса Лавренева, Юрия Либединского о своей литературной деятельности.

«Литературная учеба» была одним из оригинальнейших и в то же время органичнейших замыслов Горького. Она «увязывала» литературу молодую, незрелую с большой литературой, подсказывала пути ее роста, стремилась подтянуть начинающих до высокого уровня мастеров. Журнал отвечал глубокой потребности его редактора в литературном учительстве (о чем он говорил, например, в письмах к Пришвину) и в то же время он отвечал серьезнейшей объективной потребности литературы.

Горький не преувеличивал возможностей этого издания, организованного в годы повсеместного рапповского призыва ударников в литературу. Но при всей своей недоброжелательности к рапповским методам литературной работы, он приветствовал ударников, ибо видел в них новую армию начинающих. Более того, он стремился приложить максимум усилий, чтобы внимание этих начинающих направить не в русло групповой борьбы и ложно понятого превосходства (только рабочие способны двинуть вперед дело литературы), а на понимание того, сколь ответственно, значительно писательское дело, что оно требует способностей и усилий, постоянного и пристального труда. Вот почему уже первые статьи первого номера были меньше всего апологетическими (как это нередко случалось в статьях и рецензиях об ударниках в рапповских изданиях). Они скорее были тревожны: статья Николая Тихонова «На опасных путях» предостерегала поэтическую молодежь от сомнительного ощущения легкости литературного пути, от богемной беспечности, от безответственного отношения к своему дарованию.

Этот верный тон суровой и трезвой требовательности, глубокой серьезности предпринятого дела сопутствовал «Литературной учебе» на всем протяжении ее работы. Примером тому явились «письма из редакции» — разборы Горьким рассказов молодых писателей: очень точные, без всяких скидок и заигрывания с молодежью.

«Литературная учеба» от номера к номеру охватывала все больший диапазон литературных знаний и проблем. В разделе «Язык и стиль» с грамматическими очерками выступали видные лингвисты (С. Бархударов и Б. Ларин. «Грамматические очерки»). С солидными статьями в другом отделе «Учеба у классиков» обращались к читателю известные литературоведы — проф. В. А. Десницкий (статьи о Горьком), Балухатый («Записные книжки Чехова»), М. Клеман («Гоголь о художественном творчестве»), Б. Реизов («Оноре Бальзак»), М. Храпченко («Творчество Пушкина»). Именно эта солидность, серьезность породила у ряда читателей мысль, что «Литературная учеба» должна стать заочным вузом [25]. Однако журнал литературной учебы, широко публикуя учебные материалы, не сделался «профессорским» изданием. Не меньше он писал о текущей литературе, о ее острых проблемах, и, в частности, о том вопросе качества, ради которого и была затеяна сама «Литературная учеба». И вполне закономерным было то обстоятельство, что как раз на страницах этого журнала одновременно с «Литературной газетой» публиковались острые и принципиальные статьи Горького, направленные против небрежности, легкомысленного отношения к языку — орудию культуры («По поводу одной дискуссии», «Открытое письмо А. С. Серафимовичу», «О языке»).

---

[25] «Литературная учеба», 1934, № 9, стр. 109.

В этой защите критерия художественного качества важное значение приобретали не только критические статьи о писательской работе Чехова и других классиков, публиковавшиеся «Литературной учебой». Сама журналистика Горького была достаточно богата, чтобы, не выходя за ее пределы, найти живое подтверждение силы слова подлинно художественной литературы на материале современном. Журналы Горького различались не только своей тематикой, не только тем, что среди них наряду с «Литературной учебой» оперативно действовал журнал совершенно иной по характеру и задачам — «За рубежом». Единая в своих целях и устремлениях, горьковская журналистика была многогранна в литературных решениях. Она не исчерпывалась программой положительного очерка. Она не сводилась к «Нашим достижениям», журналу очень яркому, но и очень специфичному, ее целенаправленность была далека от предвзятости и узости, и разве только истолкование в догматическом духе представляло ее такой.

В этой связи следует обратить внимание на еще одно, появившееся в 30-е годы издание Горького, о котором по ряду причин обычно говорилось не столь уж подробно — на его альманахи, выходившие с 1933 г. под последовательными названиями «Год шестнадцатый», «Год семнадцатый», «Год восемнадцатый» и т. д. Обширные, включавшие прозу, поэзию, драматургию и критику, книги альманаха выходили под редакцией М. Горького, Л. Авербаха, Е. Габриловича, В. Ермилова, Вс. Иванова, В. Кирпотина, П. Павленко, Н. Тихонова, А. Фадеева.

От альманаха протягивались живые нити к толстым журналам. Собственно, альманах «Год ...» и был в известном смысле толстым журналом Горького (при жизни писателя, за годы 1933—1936 вышло девять книг альманаха[26]). Он мало напоминал альманах как по большому в те годы тиражу (50 000 экз.), так и по широте и принципиальности его художественной платформы, по зрелости и значительности многих опубликованных в нем произведений. Именно здесь были опубликованы лучшие послеоктябрьские художественные вещи самого Алексея Максимовича: первая книга (1933) открывалась «Егором Булычовым и другими», вторую начинал отрывок из романа «Жизнь Клима Самгина» — «Бердников», заглавной вещью третьей книги была опять-таки горьковская пьеса «Достигаев и другие». Это была художественная программа, одна из линий горьковской журналистики, весьма существенная, один из ее аспектов, который нельзя не учитывать.

Альманах был тесно связан с очерковыми журналами Горького в том смысле, что и здесь немало было отведено места документальной прозе. В альманахе, например, печаталась журналистская запись выступлений на партийной чистке. Здесь встречались биографии («Биография инженера Иванова»), Г. М. Кржижановский статьей «Прекрасные человеческие документы» предварял выступления ученых-современников — профессора-полярника В. Ю. Визе, акад. С. Ф. Ольденбурга, инженера М. Л. Тер-Асатурова и др. Но все это не открывало, а завершало альманах, на первом плане которого была глубокая социально-психологическая проза и драма, и если вспомнить, что в альманахе печаталась вторая редакция «Вассы Железновой»,— драма реалистически беспощадная.

Первые книги альманаха чем-то напоминали начальные шаги первого советского толстого ежемесячника — «Красная новь», который возглавил А. К. Воронский, а Горький редактировал художественный

---

[26] «Год шестнадцатый», альм. 1, 2. М., 1933; «Год семнадцатый», альм. 3. М., 1933; альм. 4. М., 1934; «Год восемнадцатый», альм. 5. 6, 7, 8. М., 1935. «Год девятнадцатый», альм. 9. М., 1936.

отдел этого журнала. Как некогда в «Красной нови», в первой книге альманаха важное место занимала проза Всеволода Иванова (правда, это была вещь не равноценная «Партизанам» — повесть «Мельник»). Сильно, глубоко звучала трагедия измены народному делу и социального отщепенства в либретто «Дума про Опанаса» Эдуарда Багрицкого. Остро и резко ставился вопрос о формализме, о необходимости серьезного и глубокого искусства большой мысли (Д. Мирский. «О формализме», И. Виноградов. «Формализм и творчество», кн. 2-я). В большой статье первой книги о творчестве Я. Ильина в качестве одного из исходных пунктов рассуждений бралось известное высказывание Маркса о желательности рисовать людей, стоящих «во главе партии движения», суровыми рембрандтовскими красками, поскольку в «преображенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения» [27].

И эта мысль, и эта цитата так же были частью горьковской журналистики. Ибо не рафаэлевскими красками были написаны драмы Горького и именно исходя из принципа правдивости развернется в будущем спор между горьковскими «Нашими достижениями» и журналом «30 дней», спор, в котором горьковский журнал выступал против облегченности, сусальности, конфетности [28].

Диапазон горьковских изданий, их «спектр» был огромен. Начиная от корявых, с горными уральскими словечками, почти необработанных и ценных своей правдивостью рассказов горняков из «Былей горы Высокой» и кончая прозой Ромена Роллана. Издания Горького могли быть суровы и серьезны, но они не были лишены прекрасного дара юмора: в альманахе звучали веселые пародии Архангельского, бросались в глаза шаржи Кукрыниксов. И в то же время Горький привлекал на страницы своей периодики сатиру — сатиру глубокую, гневную, выжигающую бюрократизм. Именно такого рода памфлет Михаила Кольцова — «Иван Вадимович, человек на уровне» (кстати, лучшее его произведение) был опубликован в горьковском альманахе.

Но, может быть, наиболее характерной вещью для альманаха, для журналистики Горького в целом была «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко. Этот роман, помещенный в альманахе, был чужд прямолинейной облегченности. Он не замалчивал поражений. Педагогических «падений» в поэме немало, немало случаев, когда торжествуют страшные законы беспризорников. Но тем значительнее оказывается победа — победа воли и разума педагога, тем разительнее результат формирования нового человека, которого разными путями добивались и все издания Горького.

Журналы Горького действительно заражали читателя своей энергией, ясностью цели, правдивостью, устремленностью в будущее. Своей деятельностью они «реализовали» известную формулу Горького — показывать бытие как деяние, помогали не только объяснять, но и перестраивать мир, возбуждали у партийного и беспартийного труженика нашей страны революционное классовое самосознание углубляли в нем «государственное значение его государственного труда». В горьковских изданиях воплощались черты нового времени и человека — строителя, борца, гуманиста. Эти качества, эти тенденции, развертывавшиеся в журналах Горького, далеко выходили за рамки только журнальной деятельности: они помогали выработке высоких принципов литературы социалистического реализма.

---

[27] «Год шестнадцатый», альм. 1. М., 1933, стр. 376.

[28] В этом споре редакция «Наших достижений», к сожалению, недооценила возможности рассказа.

В условиях консолидации литературных сил особое значение приобретала «Литературная газета», возникшая в апреле 1929 г. как орган Федерации объединений советских писателей.

Газета «для всех» была новым делом в условиях борьбы литературных группировок. С самого начала обращала внимание широкая позиция газеты, которая намеревалась «бороться с групповыми методами критики», «проводить в области художественной литературы принцип свободного соревнования» и «бороться против всяких попыток установления единообразия (в литературе.— *А. Х.*) путем приказа и принуждения» [29]. Однако осуществить эти намерения, высказанные в передовой первого номера, было не так-то легко. Реальное соотношение сил оказывалось таково, что лишь после ликвидации РАПП «Литературная газета» получает возможность развернуть по-настоящему широкую деятельность объединения советских писателей.

Как и журналы, «Литературная газета» была тем изданием, где совершалось реальное движение литературы. И все-таки на нее возлагались особые — организаторские, наставнические функции, и, осуществляя их, она сыграла немаловажную роль в создании единой писательской организации, в подготовке многих литературных пленумов, совещаний и съездов и широкой пропаганде их решений.

Не являясь художественным изданием, «Литературная газета» тем не менее печатала на своих страницах рассказы и отрывки из крупных художественных вещей; не являясь специально органом критическим или теоретическим, газета литераторов открывала широкую возможность для критических выступлений и дискуссий как по вопросам текущей литературы, так и по теоретическим проблемам дальнего прицела. Впрочем, как раз в начале 30-х годов они сливались и теснейшим образом переплетались. Имеющие важное теоретическое значение размышления о новом художественном методе советской литературы выливались на страницах газеты то в форму статьи Н. К. Крупской о детской книге (23 ноября 1932 г.), то в передовую газеты — «О художественном образе человека, созданного пятилеткой» (9 января 1933 г.), то в выступление по поводу споров о романе Леонида Леонова «Скутаревский» (А. Селивановский, «Об одной дискуссии» — 5 февраля 1933 г.).

Газета не разрабатывала одну тему, один вопрос. Как и всякая газета, она дорожила новизной материала, подвижностью и быстротой литературной информации и характеризовалась, пожалуй, не столько углубленностью, сколько широтой, недоступной толстому журналу. В «Литературной газете» можно было узнать о текущих делах писателей, их творческих планах, получить необходимую информацию о работе и содержании литературных журналов (в обзорах Н. Оружейникова «На полях журналов), узнать, как обстоят литературные дела «далеко от Москвы», прочитать стенограммы выступлений на литературных собраниях.

Эти особенности «Литературной газеты» подчас возводили в недостатки, и в самом начале ее существования редакции пришлось отвечать на упреки в расплывчатости ее творческого лица. Но разнообразие являлось скорее сильной, чем слабой стороной газеты. «Литературная газета» могла отвести целый разворот юмористической беседе драматургов с сочнейшим шаржем Кукрыниксов на манер «Тайной вечери» (1933, № 16), предоставить слово писателю (под рубрикой «Писатель над рукописью»), библиотекарю, читателю, вновь возвратиться к серьезному обсуждению по актуальным вопросам метода и стиля.

---

[29] «Литературная газета», 22 апреля 1929 г.

«Литературная газета» стремилась осмыслить магистральные пути развития нашей литературы. И понятно, что чрезвычайно важный поворот, которым ознаменовалось начало 30-х годов — от групповщины к единой большой литературе — во многом определил логику развития газеты, ее поисков.

Назначенный в мае 1932 г. редактор газеты С. Динамов и многие ее участники, недавние известные деятели пролетарского литературного

движения, должны были многое переоценить и, рассматривая новые для всех вопросы социалистического реализма, соотнести их с предыдущим этапом, отбросить ненужное, мешающее развитию литературы, взять необходимое. Именно такому пересмотру старого багажа была посвящена одна из обширных статей А. Фадеева «Старое и новое» [30].

Фадеев старался быть самокритичен. Вместе с другими деятелями газеты он отвергал старое как кастовость и нетерпимость, как невнимание к живому развитию и как попытки руководить литературой без учета ее специфики. При этом автор не отказывался начисто от литературы пролетарской, не перечеркивал ее, но он стремился честно увидеть слабые места рапповского литературного движения и взглянуть на нашу литературу оправданнее, шире, объективнее. Это было новое, требовавшее защиты и утверждения.

«Старое» и «новое» присутствовали в самой «Литературной газете». Иногда они сливались, смешивались и, защищая новое, критик газеты мог проявлять все ту же старую нетерпимость, узость в оценках. Сохранялась инерция старых методов работы.

---

[30] «Литературная газета», 11, 17, 23, 29 октября и 11 ноября 1932 г. Статья имела различные подзаголовки.

От старого на первых порах пытались оттолкнуться словесно, в передовых; рассуждения о том, что беспредметная методологическая трескотня нам не нужна, что «писатель должен писать» [31], звучали как заклятие от рапповской схоластики, но еще не всегда находили подтверждение в газете. Однако сквозь рецидивы старого (кстати, далеко не последние) проступали новые пути решения проблем социалистического реализма, исходя из живой практики литературы, из новых попыток подойти к ней, увидеть ее более полно и широко.

«ОКТЯБРЬСКИЙ ПАРАД ПИСАТЕЛЕЙ».

(«Литературная газета», 11 ноября 1933 г.). Шарж Б. Пророкова. «Наш художник Борис Пророков изобразил группу писателей, которые дали в истекшем году новые произведения. Слева направо: 1) бодрым шагом идет Максим Горький, за ним 2) Шолохов в тени донского подсолнуха, 3) Панферов с праздничной колхозной гармошкой, 4) следующий — Федор Гладков с «Энергией» и 5) Валентин Катаев, торопящийся на гусеничном кране, 6) Леонов — не то с трубой, не то с ретортой, в которой дестиллируются профессор и комсомолка, 7 и 8) Е. Петров и Ильф ведут золотого теленка, хотя и 96 пробы, но больше похожего на болонку.

В предсъездовские годы, когда многое, созданное в предшествующий период, подверглось переоценке, важно было увидеть действительные ценности литературы, ее богатство и разнообразие. Таким «местом смотра» литературы и оказалась «Литературная газета». Как и ее ленинградский собрат — «Литературный Ленинград» (1933—1937), она заговорила о тех писателях и поэтах, которые были еще недавно неточно или предвзято оценены в рапповской критике или же просто оказались в тени, а между тем их творчество было сейчас оригинально и интересно. «Самое приятное в «Литературной газете»,— писал по этому поводу Лев Славин,— это то, что она занимается своим делом, т. е. литературой, а не заботами о том, чтобы кому-нибудь перешибить хребет» [32].

На страницах «Литературной газеты» печатались стихи Осипа Мандельштама и отрывки из «Пао-Пао» Ильи Сельвинского, статья Г. Мунблита «О новых рассказах И. Бабеля», статьи о стихах Эдуарда Багрицкого и поэзии Пастернака. В номере «Литературной газеты» от 11 апреля 1933 г. было опубликовано письмо М. Горького о Михаиле Пришвине, исполненное внимания и доброжелательства к этому писателю.

Следует сказать, что после того как в августе 1933 г. М. Горький сменил И. Гронского на посту председателя Всесоюзного оргкомитета (ранее Алексей Максимович был почетным председателем), влияние его на газету усилилось. Речь идет не только о статьях Горького, печатав-

---

[31] «Литературная газета», 29 мая 1932 г.
[32] «Литературная газета», 5 мая 1934 г.

щихся в газете[33]. Несомненно горьковским было и отношение газеты к молодым, тот «смотр молодых писателей», который был устроен «Литературной газетой» перед съездом. Газета поместила статьи о творчестве талантливых молодых литераторов — Аркадия Гайдара, Исидора Штока, С. Диковского, Л. Рахманова, А. Авдеенко, А. Бондина, С. Колдунова. Отвечало горьковским пожеланиям, интересам всей советской литературы внимание газеты к литературам большим и малым, создающимся не только на русском языке. «Литературная газета»

9) Вересаев, еле поспевающий за двумя сестрами-комсомолками, 10) Новиков-Прибой, бурно празднующий выход «Цусимы», 11) Алексей Толстой в петровской треуголке, путешествующий на танке,— он же «форд» — новейшей конструкции, 12) Мариэтта Шагинян, подавленная тяжестью своих дневников, 13) Безыменский, гордящийся «Правдой», 14) Борис Пильняк, который одинаково хорош и в русских лаптях и в американском автомобиле. Зарисовки нашего художника не могут претендовать на фотографическую документальность. Если в них есть некоторая доля злого преувеличения и порядочная доза дружеского шаржа, то это как раз то, что было задано».

публиковала статьи и материалы, посвященные белорусской, грузинской, армянской литературам, знакомила читателей с материалами III пленума Оргкомитета, на котором выступили ведущие писатели союзных республик[34].

Начало, положенное газетой, было в дальнейшем развернуто, подхвачено журналами. Переводы из белорусской поэзии появились затем в журнале «Октябрь» (1934, № 7), из грузинской — в «Красной нови» (1934, № 9) и т. д. Шире стал кругозор газеты, охват литературного материала: начиная со статей Ильи Эренбурга о французских писателях и кончая характеристикой областных, как их тогда называли, литератур.

При всем том газета не сокращала, а еще более развертывала литературные споры — о роли критики в новых условиях, о значении художественного очерка, о месте писателя в рабочем строю. Освобождение от догм рапповской критики не только обусловило внутриредакционные перемены[35], но и выдвигало перед всеми писателями, перед всеми

[33] Укажем хотя бы на статьи и выступления М. Горького, опубликованные «Литературной газетой»: «О необходимости создания научно-популярной литературы для массового читателя» (11 сентября 1933 г.); речь на расширенном заседании Оргкомитета 7 сентября 1933 г. (там же); «О темах» (17 октября 1933 г.); «По поводу одной дискуссии» (28 января 1934 г.); «Открытое письмо А. С. Серафимовичу» (14 февраля 1934 г.); «О бойкости» (28 февраля 1934 г.); «Беседа с молодыми» (28 февраля 1934 г.); «Беседа с молодыми» (22 апреля 1934 г.); «О литературных забавах» (14 июня 1934 г.); «Литературные забавы» (18 января 1935 г.) и др.

[34] «Литературная газета», 12 марта 1934 г.

[35] В октябре 1933 г. на место С. Динамова редактором «Литературной газеты» был назначен А. А. Болотников.

участниками «Литгазеты» новые проблемы. Старый вопрос: как писать? — прозвучал на страницах литературной печати с новой силой.

Круг ответов на него сильно расширился. Ряд писателей предлагал внимательнее отнестись к опыту западной литературы — классической и современной. Один из возможных путей наметил В. Шкловский в статье «Юго-Запад» («Литературная газета», 5 января 1933 г.). Он писал об Ю. Олеше, И. Сельвинском, В. Инбер, Л. Никулине, Э. Багрицком, А. Грине. Он говорил о писателях-одесситах, рассматривая их как мастеров сюжета (а «сюжету русские поэты,— замечал Шкловский,— учились на Западе»). Творчество «одесских левантинцев», которые являются «конечно, западниками», созданная ими «южнорусская школа,— считал критик,— будут иметь очень большое влияние на следующий сюжетный период русской литературы».

В ином аспекте развивал мысли о возможности использования западного опыта Всеволод Вишневский. «Писать,— утверждал он,— труднее и труднее. Происходит, несомненно, исторически закономерное вытеснение беллетристики. Инерция мысли, манеры, приемов, инерция всей прошлой органики сталкиваются часто катастрофически с явлениями, процессами нового мира». «Писатель, оперирующий по инерции старого искусства фантазией, воображением и тому подобное, терпит поражения»[36].

Итак, писатель-«органик», такой, скажем, как Лев Толстой, его психологическая углубленность, «постепенность» художественного исследования человека объявлялись устарелыми. Вишневскому казалось, что для выражения темпов социалистической стройки и борьбы потребны иные формы. В связи с этим он рекомендовал советским писателям учиться у Дос Пассоса, который свободно вводил в свои романы документы, куски из газет, репортаж и т. д.

«Литературная газета» не сразу определила свое отношение к «западникам» — поборникам сюжетно-динамичной прозы, которая, как они думали, успешнее может отразить нашу эпоху. Между тем концепции Шкловского и Вишневского вызвали решительное возражение. Завязалась дискуссия. В статье «О «западниках» и «почвенниках»[37] И. Макарьев резко осудил выступление Шкловского. «Мы утверждаем,— писал он,— что роман Шолохова гораздо ближе многих и многих подлинному социалистическому новаторству, элементами которого прежде всего являются ясность, простота, понятность миллионам, художественно правдивый показ действительности через образное вскрытие ведущих тенденций ее».

Как справедливо заметила Е. Усиевич[38], спор шел о творческом методе и его острие было направлено против некритического, подчас даже апологетического приподнимания модернистско-формалистического направления в искусстве.

Понятно поэтому, что в отвлеченном требовании сюжетности, в возвеличивании художественных заслуг М. Пруста, Д. Джойса, в шумихе, поднятой литературной печатью вокруг «революционного» творчества Дос Пассоса, критики «Литературной газеты» вслед за Макарьевым увидели симптомы наступления на реализм. Именно в таком плане была написана статья «Литературной газеты» «Талант и направление» Г. Корабельникова[39].

---

[36] Всеволод Вишневский. Надо не «писать», а вести, командовать, учить.— В кн.: «Писатели XVII партсъезду». Моск. т-во писателей, 1934, стр. 39.

[37] «Известия», 8 февраля 1933 г.

[38] «Литературная газета», 23 апреля 1933 г.

[39] Там же.

Попытки следовать клочковатой разорванной модернистской манере повествования (например, в повести «Три измерения Калерии Липской» Н. Огнева) вызвали также суровое осуждение М. Горького. В статье «О кочке и точке», он, не скрывая уничтожающей иронии, писал, что «некоторые искусники пытаются фабриковать рафинированную литературу, подражая, например, Дос Пассосу, неудачной карикатуре на Пильняка, который и сам достаточно карикатурен» [40].

По мере того как прояснялась точка зрения на «западничество», и сама дискуссия приобретала четкую направленность против модернизма и формализма. В этой борьбе «Литературная газета» сыграла немалую роль. В передовой «Усилить борьбу с формализмом» газета заявляла: «Формализм противостоит искусству социалистического реализма. Формализм, выступающий под маской «новаторов», отрывает искусство от действительности, он разрушает его, он отбрасывает искусство от масс». «Борьба с формализмом — это есть борьба за социалистический реализм» [41]. К вопросу о формализме газета возвращалась на редакционных совещаниях и беседах, например, на беседе с Московским товариществом писателей (23 июня 1933 г.), в статьях и выступлениях писателей. Н. Тихонов заявлял в «Литгазете»: «Я против формализма, трюкачества, при котором литература уже теряет основной смысл и свое назначение (скажем, «Маски» А. Белого)» [42].

Участники обсуждения осудили искусство, затемняющее смысл, искусство формализма. Однако почти все они почувствовали опасность нового схематизма в призыве к простоте, в попытке этим требованием простоты подменить многоразличные и многосложные задачи искусства. «Преследуя формалистические выверты,— замечал Е. Габрилович,— мы должны всеми силами прислушиваться к оригинальному писательскому голосу». Весьма характерно и название его выступления: «Долой обезличку!» Не менее показательно и то, что один из коренных авторов «Литгазеты» С. Динамов в статье «За ясность и простоту искусства» с большим сочувствием цитировал Илью Эренбурга, не без оснований заметившего, что в требовании простоты «велика опасность опрощения, нивелировки, замены всех инструментов одним барабаном, отрицания глубины и многообразия жизни» [43].

Отталкивание от формализма означало продолжение поисков более глубокого реалистического постижения жизни, совершенствования мастерства. В этом смысле для определения эстетических позиций «Литературной газеты» приобретали важное значение неоднократные выступления на ее страницах А. В. Луначарского.

В принципиальной статье «Мысли о мастере» (11 июня 1933 г.) Луначарский рассматривает предсъездовские споры. Он тоже говорит о том, что было бы неосмотрительно выдвигать абсолютным критерием искусства простоту («тогда оказалось бы, что добрая половина мастерских произведений будто бы слишком трудна»). Сила искусства, настоящих его мастеров не в простоте или сложности, а в живой потребности правды, в убежденности и естественности, с какой эту правду выражает мастер; когда этих качеств нет или они в недостатке, их пытаются заменить «ложной сложностью», намеренной затрудненностью языка и т. д. Именно такая подмена истинного искусства виделась Луначарскому в третьей части панферовских «Брусков». «Панферов старается сделать свое изложение более изысканным... Он как будто боится, что про его роман скажут: да, это едва прикры-

---

[40] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 27. М., 1959, стр. 47.
[41] «Литературная газета», 11 апреля 1933 г.
[42] «Литературная газета», 23 апреля 1933 г.
[43] «Литературная газета», 29 мая 1933 г.

тая публицистика или, в сущности говоря, просто большой очерк». В выборе примеров, в осуждении затемняющей смысл словесной «аранжировки» Луначарский как бы предвосхищал известные статьи Горького в «Литературной газете» — его выступления в дискуссии о языке. В «Литературную газету» Горький приходил в данном случае как крупнейший ее союзник в борьбе против натурализма, формализма и модернизма. И если в споре Горького с Панферовым, с Серафимовичем, требовавшими для выражения корявой «мужичьей силы» таких же корявых слов, осуждению подвергался языковый натурализм, то в другой статье — «О прозе», опубликованной «Литературной учебой», главной мишенью горьковской критики был мэтр модернизма Андрей Белый, который в те годы не был в литературе фигурой забытой и бездействующей [44].

«Я вовсе не намерен умалять заслуги Андрея Белого перед русской литературой в прошлом,—писал Горький.— Он из тех беспокойных деятелей словесного искусства, которые непрерывно ищут новых форм изображения мироощущений. Ищут, но редко находят их, ибо поиски новых форм — «муки слова — далеко не всегда вызываются требованиями мастерства...»

Стилю А. Белого Горький, а вместе с ним и «Литературная газета» (что явствует из всего хода дискуссии) противопоставили высокое уменье реалистического искусства, освобожденное от влияния ремизовских словечек, орнаментальности 20-х годов, от стремлений выдать языковую накипь, диалектный жаргон, за язык революции.

В предсъездовской дискуссии о социалистическом реализме «Литературная газета» показала неприемлемость чуждых реализму как некоторых наших школ и школок 20-х годов, так и западного модернизма, противопоставив им высокий реализм классиков, реализм творчества Горького. Тем самым газета расчищала почву для строительства новой социалистической единой литературы, для дальнейших поисков и решений литературной журналистики.

Деятельность «Литературной газеты» продолжалась и во второй половине десятилетия: она и тогда выполняла свои задачи широкого форума братских литератур. Правда, газета сделалась более скупой на шутку, исчезли фельетоны И. Ильфа и Е. Петрова, шаржи Кукрыниксов, в 1937 г. на ее страницах было помещено немало необоснованных материалов о положении в литературе. В то время как толстый журнал нередко являл черты литературной инертности, «Литгазета» продолжала дискуссии о политической поэзии, о книгах Лукача и журнале «Литературный критик», смысл и назначение которых заключались в уточнении идейных и художественных критериев нашего искусства [45].

«Литературная газета» немало места уделяла во второй половине 30-х годов материалам историко-литературным. Здесь много говорилось о творчестве Пушкина, Гоголя, Некрасова. Широко отмечались юбилейные даты Т. Шевченко, Руставели, М. Горького. Вместе с тем газета боролась с юбилейным пустословием, ей были чужды тенденции сосредоточиться только на прошлом. Пульс большой и сложной эпохи не исчезал с газетных страниц, здесь ясно понимали значение таких завоеваний нашей жизни, как дружба народов; много внимания уделялось живым фактам взаимосвязей и содружества наших национальных литератур, освещению украинской, узбекской, азербайджанской, бело-

---

[44] Он только что опубликовал последний большой роман своей трилогии «Маски», печатались и другие его сочинения.

[45] Более подробно о дискуссиях «Литературной газеты» во второй половине 30-х годов, о деятельности газеты в этот период см. в статье Л. К. Швецовой «Литературная газета», входящей в настоящее издание.

русской литературных декад, горьковскому начинанию — журналу «Дружба народов» и т. п. Понятна непримиримая и точная оценка в газете тех сил, которые продолжали угрожать социалистической стране — сил войны и фашизма, как и стремление газеты воспитывать в советском труженике готовность защищать Родину, не жалея и самой жизни [46].

Продолжала «Литературная газета» и большую, ответственную работу по руководству, осмыслению и оценке современной литературы и журналистики [47]. Здесь не было обойдено, пожалуй, ни одно из значительных художественных явлений, ни одно из серьезных литературно-общественных событий. Не все критические выступления были при этом одинаково успешны. Верным, однако, было основное направление, основное стремление «Литературной газеты»: направить развитие советской литературы по пути народности, партийности, органического и глубокого патриотизма.

5

Толстым журналам «не повезло» в критике 30-х годов. Современники рассматривали их в большинстве случаев негативно. Статьи о них, как правило, начинались с претензий, и они, эти претензии, были серьезны. Рецензируя, например, один из ведущих литературно-художественных журналов — «Новый мир» за 1934 г., критик И. Сац иронически замечал: «Наш обзор построен на разборе отдельных произведений не потому, что это позволяло дольше остановиться на каждом из них, а потому, что самый материал не давал возможности уловить кроме намерений отдельных авторов, еще и намерения редакции журнала» [48].

Надо сказать, что подобных замечаний было высказано в адрес толстых журналов много. Со всей резкостью ставил тот же вопрос в статье «Алфавит и коллектив» критик Ан. Тарасенков. «... Ни у «Нового мира», ни у «Красной нови», ни у «Литературного современника», ни у «Звезды» нет своего творческого направления, нет споров между журналами, нет сколько-либо четко определяющих творческих позиций» [49]. Не менее определенно высказался позднее на этот счет В. Бобрышев: «Но вот уже несколько лет не умолкают разговоры о «лице журналов», все мнения на этот счет как бы сходятся,— и все-таки что-то мешает журналам определиться, какая-то сила продолжает удерживать их в общей колее, и они движутся в ней, как обреченные, не в силах изменить странное положение, в котором очутились» [50].

Все эти замечания, пронизанные тревогой за состояние толстых журналов, имели под собой основания. С самого начала 30-х годов поиски своеобразия толстых журналов шли замедленно, не считая

---

[46] Укажем в этой связи на номер газеты от 1 августа 1936 г., открывающийся статьей «Литература и война», на передовую «Против фашизма и войны» (5 июля 1937 г.), на статью Вилли Бределя «Фашизм — это война» (30 июня 1937 г.).

[47] Вот некоторые из статей «Литературной газеты», посвященные журналам: Герман Хохлов. Заметки о детских журналах (25 июля, 9 и 29 августа 1935 г.); А. Старцев. «Интернациональная литература», в 1935 году (24 августа 1935 г.); П. Павленко. Наш лучший журнал (5 февраля 1936 г.; речь идет о журнале «Знамя»); Е. Кострова. «Колхозник» (27 августа 1936 г.); С. Григорьев. Четыре номера «Интернациональной литературы» (10 июля 1940 г.).

[48] «Литературный критик», 1934, № 10, стр. 205.

[49] «Литературная газета», 12 апреля 1934 г.

[50] «Литературное обозрение», 1939, № 19, стр. 56.

журналов определенного профиля и специфики, таких, как «Знамя». «Наши достижения». Но было бы неверным утверждать как это делали современники, что стремление иметь особое лицо вовсе отсутствовало, что между журналами не было полемики. Журналы как раз начинали новый этап после постановления ЦК от 23 апреля 1932 г. с поисков своего места в литературном движении эпохи, с попыток журнального самоопределения.

О том, какие трудности возникали перед журналами на этом пути, как складывался этот процесс, известное представление дают споры о литературных направлениях, возникшие вскоре после ликвидации РАПП.

Выступая на III пленуме Всесоюзного оргкомитета, Фадеев оспаривал наличие различных творческих течений в советской литературе. Он считал, «что основной чертой особого течения является особая (иная) социальная база». «Как же,— говорил Фадеев,— мы можем, например, с т. Панферовым представлять различные творческие течения, когда мы с ним оба коммунисты»[51]. Логика рассуждений оратора была такова, что вольно или невольно приводила к мысли о неизбежности известного однообразия литературы. Первой ошибочность такой логики почувствовала «Литературная газета», предложившая развернуть дискуссию в виде «откликов на безусловно неправильную мысль т. Фадеева об отсутствии и ненужности в советской литературе творческих течений»[52]. Тут же была напечатана карикатура Кукрыниксов с подписью «Всяк молодец на мой образец»; на ней были изображены А. Толстой, В. Вишневский, А. Серафимович, В. Киршон, Ф. Панферов — все на одно лицо — лицо Фадеева. «Фадеев,— писал в «Литературной газете» Ф. Левин,—упрощает сложность вопроса. Полагая, что «дует» на групповщину, он начинает «дуть» на творческие струи социалистического реализма»[53].

Остро протекала дискуссия и на страницах «Литературного критика». Здесь тоже далеко не все были согласны с мыслью Фадеева об опасности творческих направлений. Фадеева поддержал разве что И. Нусинов, который в большой статье «Социалистический реализм и проблема мировоззрения и метода» выступил против концепции стилевого многообразия, заявив, что «социалистический реализм — направление классово единое...», «поэтому-то и стиль социалистического реализма не может не быть единым»[54]. Но в первом же номере «Критика» во всеоружии критического таланта противоположную позицию со всей убежденностью отстаивал А. В. Луначарский. «...Социалистический реализм,— говорил он,— предполагает многообразие стилей. Многообразие стилей прямо-таки вытекает из него»[55].

Убедительно и развернуто вступил в спор с концепцией единообразия В. Киршон. В ней он справедливо видел пережитки рапповского мышления. «Различные творческие течения, различные творческие установки совершенно допустимы и приемлемы в пределах линии, которую проводит партия в вопросах литературы»,— говорил В. Киршон, указывая на ре-

---

[51] «Литературная газета», 10 марта 1934 г.

[52] «Литературная газета», 24 марта 1934 г.

[53] Ф. Левин. Больше одного не толпись!— «Литературная газета», 24 марта 1934 г. Отметим, что А. Фадеев не был последователен в отстаивании этой точки зрения. У него были высказывания и другого характера. Однако в 1939 г. он вновь и очень определенно утверждал: «Слово «направление» надо просто откинуть. Мы идем в одном направлении — в направлении к коммунизму» (А. Фадеев. «Литература и жизнь». М., «Советский писатель», 1939, стр. 103).

[54] «Литературный критик», 1934, № 2, стр. 141.

[55] «Литературный критик», 1933, № 1, стр. 53.

альные различия творческих установок Вс. Вишневского, Ф. Панферова и самого А. Фадеева. «Могут сказать,— продолжал В. Киршон,— что это особенности отдельных писателей; это верно, но дело-то в том, что в литературе творческие особенности отдельных более крупных писателей являются примером для целого ряда других писателей. Ежели я, к примеру, сочувствую в своей творческой работе Панферову, а он вместе со мной Кирпотину, а с ними Леонову, а с Леоновым Бусыгину, не означает ли это, что мы, разделяющие творческие установки и позиции Панферова (а они у него безусловно есть), представляем в литературе особое течение. Так же ясно,— продолжал Киршон,— как ряд других товарищей, разделяющих позиции, например, Фадеева, представляют другое творческое течение. Это не исключает того, что все мы вместе боремся за одну и ту же цель, соревнуемся друг с другом, пытаемся на основе наших позиций дать лучшие произведения»[56]. Заканчивая эту обширную цитату, заметим кстати, что выбор художественных соратников Панферова, сделанный Киршоном, весьма произволен. Но дело не в этом, а в том, что в основе своей мысль Киршона безусловно верна. И хотя, как пишет один из исследователей советского киноискусства вопреки очевидности, само существование «разных творческих течений отнюдь не является общепризнанным»[57], сейчас все большее количество специалистов пытаются рассматривать развитие нашего искусства в связи с развитием стилей[58], творческих течений. Проблема творческих направлений, точно и отчетливо поставленная Киршоном, имела прямое отношение и к литературным журналам.

Именно журналы были всегда теми центрами, где группировались люди определенных художественных пристрастий и склонностей, и в этом смысле выбор В. Киршоном в качестве примера писателей, создающих творческие течения, двух редакторов крупнейших толстых журналов — «Октябрь» и «Красная новь», был и точен и показателен. Конечно в условиях морально-политического единства советского общества самоопределение литературных журналов на базе различных идейных устремлений было невозможно, оно шло бы в разрез с процессом консолидации писательских сил, упрочения их идейного единства — той мощной силы, которую и поныне пытаются подорвать западные «специалисты» по советской литературе демагогическими замечаниями о якобы «тоталитаризме» советского общества и его искусства.

Однако консолидация не исключала возможности поисков тем или иным журналом своего художественного лица. При этом нет необходимости впадать в то упрощение, которое нередко допускали современники, связывая самостоятельное лицо иных журналов (таких, как «Знамя», «Наши достижения») лишь с их тематической и жанровой определенностью. Ведь и помимо «Знамени» были локафовские и военные литературные журналы — «Залп» (Л., 1931—1934), «Краснофлотец» (М., 1938—1948). Но они не заявили о себе, как об изданиях оригинальных, хотя держались строго военной темы. Ведь и помимо «Наших достижений» были журналы «малых жанров», тем не менее горьковские журналы резко отличались от них смелостью, новаторством, особой дружеской спаянностью всего авторского коллектива, увлеченного общей задачей: показать меняющееся лицо страны.

---

[56] «Литературная газета», 4 апреля 1934 г.

[57] А. В. Мачерет. Художественные течения в советском кино. М., «Искусство», 1963, стр. 6.

[58] Здесь следует указать прежде всего на талантливую книгу того же Мачерета. Вопросы единства и многообразия стиля социалистического реализма рассматриваются также в книге А. Кантора «О стилях» (М., «Советский художник», 1962).

Распад и разрушение прежней групповой ориентировки журналов создавали совершенно новую обстановку в области литературной журналистики. В этих условиях даже крупнейшие литературно-художественные журналы, возникшие еще в 20-е годы, вынуждены были — при всей своей пестроте, неизбежной для толстого ежемесячника с большим числом отделов,— искать новые возможности для определения и закрепления своего творческого лица.

6

Самоопределение и лицо — эти понятия становились проблемными для большинства толстых журналов 30-х годов. Их решение не сводилось к выработке тех или иных тематических направлений (хотя это, разумеется, тоже играло свою роль).

Вопрос не решался декларациями и заявлениями, которых стало невпример меньше в сравнении с рапповским периодом. Облик толстого журнала определялся и складывался из его общего отношения к литературным проблемам времени не только в критике, но и во всех без исключения отделах и прежде всего в отделе собственно беллетристическом; он, этот облик, возникал как совокупность общих устремлений нашей литературы и оригинальных поисков и решений самого журнала. Причем одно не противоречило другому: каждый из журналов, как бы соревнуясь друг с другом, искал, как ему представлялось, лучший путь реализации принципов социалистического реализма, наиболее соответствующий его практике, традициям и возможностям.

Каждый раз это было не просто.

Непросто потому, что журнал до известной степени шел по целине и даже самые позитивные решения не могли застраховать от ошибок: теория социалистического реализма еще не была обширно и всесторонне разработана, понимание реализма требовало углубления и развития. К тому же сама атмосфера весеннего половодья, дискуссий, атмосфера, когда рушились рапповские организационные и теоретические принципы — это, как говорила Анна Караваева, «хорошее, самокритическое время», расширившее «диапазон проблем» литературы [59], вызывала естественное желание говорить обо всем том новом, что открылось взору литератора. Это подсказанное самой логикой развития стремление сказать обо всем понемногу, обилие новых вопросов и материалов, которое не успевало во всей полноте осмысляться, несомненно не способствовало строгой собранности. Вот как, например, выглядел (в своей части) предсъездовский план критического отдела «Литературной газеты»: «Дать к съезду ряд статей о новых книгах большого художественного и общественного значения. Шолохов. «Поднятая целина»; Новиков-Прибой. «Цусима»; Яков Ильин. «Большой конвейер»; Соболев. «Капитальный ремонт»; Федин. «Похищение Европы»; Алексей Толстой. «Петр I»; Белый. «Мастерство Гоголя»; И. Эренбург. «День второй»; Вс. Иванов. «Похождение факира»; Лежнев. «Записки современника», статья о творчестве Пришвина...» [60].

Предлагаемый список включал вещи самые разнообразные. И естественно, что тенденции к такому «всеобщему обозрению», куда по одному и тому же принципу значительности и интересности включались явления эстетически и художественно весьма различные (скажем, Шолохов и Белый, Ильин и Эренбург, Лежнев и Пришвин), сказались

---

[59] Стенограмма совещания молодых писателей и поэтов, организованного ЦК ВЛКСМ 3 августа 1934 г. ЦГАЛИ, ф. 2116, оп. 2, ед. хр. Г, л. 8.

[60] «Литературная газета». Планы 1934 г. ЦГАЛИ, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 1272.

ГОСИЗДАТ Р.С.Ф.С.Р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ

1930

ЗВЕЗДА

КРАСНАЯ НОВЬ

ОКТЯБРЬ

ВЕСТНИК ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 1930

ЦЕНЫ:

ВЕСТНИК ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

и в толстых журналах — в той эстетической широте, которая вызывала критические замечания по поводу журнальной «всеядности». Но как бы ни сильны были вышеотмеченные тенденции, журналы и в этих условиях оставались журналами, т. е. изданиями, где, как говорил Белинский, выражается определенный характер, дух, стремление понять жизнь, осмыслить задачи литературы под углом зрения определенных эстетических проблем.

Среди всесоюзных литературных изданий начала 30-х годов эстетической определенностью выделялся журнал «Октябрь». Как и все толстые журналы в 30-е годы, он не мог, конечно, не измениться в том смысле, что и сюда пришли новые, прежде «не допускавшиеся» авторы (Сергеев-Ценский), и здесь прошлое подвергалось переоценке. В статье О. Войтинской «Новое и старое» (1933, кн. 6) выражалось несогласие с рапповским отождествлением литературы с другими видами идеологии, с узкой трактовкой наследства. Под воздействием новой литературной атмосферы и жизни журнал становился многообразнее. В 1934 г. редакцией было объявлено о том, что журнал расширяет отделы «Записки писателя» и литературно-критический, вводит новые отделы: «Литературное и культурное наследство», «Жизнь великих людей», «Современная литература Запада». Нужно ли говорить, что такие нововведения не прошли даром: в «Октябре» 30-х годов регулярно печатался Лион Фейхтвангер. Его роман «Семья Оппенгейм», раскрывавший изуверство нацизма, был явлением острым и значительным. Плодотворно было постоянное внимание журнала к крупнейшему художнику Ромену Роллану. Ряд статей о нем, переводы из его произведений могли бы послужить к украшению любого толстого журнала. Следует отметить, что печатая статьи об историческом романе, а затем и такие романы, как «Гулящие люди» А. Чапыгина, «Октябрь» перекликался с ленинградской «Звездой». Публикуя в начале 30-х годов (1929 и 1932) четвертую часть «Тихого Дона», «Октябрь» соревновался с «Новым миром», где появилось продолжение замечательной эпопеи.

Но при всем том, как уже говорилось, в «Октябре» сохранились весьма определенные позиции, весьма четкий стержень, существовали особенно остро и горячо разрабатывавшиеся в журнале проблемы. О них говорил в речи по случаю десятилетия «Октября» И. Нович. Характеризуя основные усилия редакции, линию журнала, докладчик утверждал: «Прежде всего мы ставили как основное условие во всей своей работе, как основной принцип безусловную связь с действительностью, которая на наших глазах творится, с той действительностью, свидетелями и участниками которой мы являемся. Это, товарищи, серьезная линия. Сейчас эта линия общепризнанна, а пришлось немало бороться за нее. Это линия отстаивания, отражения в художественной литературе процессов строительства социализма»[61].

Действительно, вопрос о связи с жизнью, тем более с жизнью новой, был одним из магистральных, волновавших нашу литературу в 20-е — 30-е годы. Причем для журнала он возник не отвлеченно; он вытекал из самого внутреннего развития того крыла нашей литературы, с которым связано рождение и развитие «Октября». Известно, что Ф. И. Панферов, редактировавший журнал в 30-е годы, а значит во многом определявший направление и характер этого ежемесячника, образовал внутри пролетарского литературного движения свою группу (группу Панферова). Последняя разделяла идейные установки пролетарской литературы и тем не менее деятельностью своей выражала несогласие с рапповской отвлеченностью, с книжностью и схематизмом рапповской теории, которые

[61] ЦГАЛИ, ф. 619, оп. 1, ед. хр. 3663, л. 18.

рождали искусственно усложненные, надуманные социально-психологические конструкции «живого человека».

Сила теоретической отвлеченности, наклонности к книжной теории была в начале 30-х годов исключительно велика. Она проникла в другие толстые журналы (например, в статьи критика «Нового мира» П. Рожкова, к которым мы еще вернемся), она сказывалась в ответственных выступлениях писателей, и не случайно Горький, прочитав доклады Второго пленума писателей, уже в середине 30-х годов заметил, что все вместе они обладают одним недостатком: «слишком они теоретичны, слишком много в них спекуляции словами, теоретизации»[62].

«Октябрь» начал «искать землю», ту реальность, на которой можно строить литературное здание. И это было в чем-то (хотя и весьма отдаленно) похоже на реакцию комсомольской поэзии на пролеткультовский космизм: писать не о планетах, перебрасываемых, как комья, а о шапке военных годин, выданной по ордеру ЦК. Эта реакция на отвлеченность была ярко выражена В. Ильенковым, постоянным участником «Октября», членом его редколлегии[63], заявившим в 1931 г.: «Когда посмотришь жизнь собственными глазами и прощупаешь ее, она становится удивительно красочной, богатой содержанием, насыщенной боевыми приемами нашей эпохи,— только такое непосредственное действенное соприкосновение с жизнью способствует творческому подъему»[64].

Мысль о конкретности правды вообще и художественной правды в частности несомненно вписывалась как одна из существенных в эстетический кодекс «Октября». Журнал рассматривал действительность «в упор», он подчеркивал стремление участвующих в нем писателей рассказывать о новой жизни с позиций «живого, активного участника боев за социализм»[65]. В этой связи в день десятилетия журнала в числе авторов «Октября» не без оснований были названы Дмитрий Фурманов, А. Серафимович, Д. Бедный, произведения которых составляли предмет гордости журнала, пример его четкой идейной направленности.

Настоятельное желание показать новую действительность как раз на рубеже 30-х годов побуждает «Октябрь» по-видимому первым из толстых журналов развернуть отдел очерка («Жизнь на ходу»). Причем сами принципы боевого очеркизма входят, что называется, в кровь и плоть журнала. Это сохранится довольно долго и будет отличать «Октябрь» от таких изданий, как, скажем, «Новый мир», и, напротив, сближать с толстыми журналами, ему эстетически родственными,— такими, как «Молодая гвардия», с целым рядом литературных журналов, действовавших за пределами городов столичных.

Очень остро поставленный в «Октябре» вопрос о писателе и новой действительности как о фундаменте новой литературы не мог не определить с той же четкостью и тематический диапазон журнала (стройка и освоение гигантов социалистической индустрии, социалистическое переустройство деревни — боевые темы художественных произведений «Октября»)[66]. Для «Октября» характерна была, например, проза В. Ильенкова, с развернутым индустриальным пейзажем (очерк «Директор идет по заводу»), как бы подчеркивающим величие новой социалистической индустрии. «Над заводом,— писал Ильенков,— вздымались рыжие башни домен, скелеты каркасов, извивались толстые вены водо-

---

[62] «Второй пленум Союза советских писателей СССР. Март, 1935». Стенографический отчет. М., «Художественная литература», 1935, стр. 3.

[63] В редколлегию журнала входили (1934 г.): А. Афиногенов, А. Безыменский, А. Жаров, В. Ильенков, Н. Огнев, Ф. Панферов, А. Сурков, М. Шолохов.

[64] «На литературном посту», 1931, № 23, стр. 21.

[65] «Октябрь», 1935, № 1, стр. 199.

[66] «Октябрь», 1934, № 2, стр. 2.

проводов; стрелы колонн, приарканенные к земле тросами, возносились, как корабельные мачты. ...Сорок тысяч людей приводили в движение тысячи станков, поднимали тысячи тонн металла, строили новые корпуса, монтировали котлы электростанции, копали землю, прокатывали блюмсы, обжигали кокс»[67].

Разумеется, эта общая, нарисованная Ильенковым картина была еще мало дифференцирована, она была скорей своеобразно выраженным девизом журнала. Но на таких же строительных лесах огромного предприятия работал в бригаде Борис Ручьев. И его стихи, отражающие героические годы строительства «Магнитки», стихи, где зримо выступал характер нового человека, также печатались в «Октябре».

Особенно широким потоком вливалась в «Октябрь» «деревенская» проза. Ведущее место здесь было отведено вещи несомненно принципиальной для журнала — роману Федора Панферова «Бруски» (третья книга «Твердой поступью» — 1933, № 1—4; четвертая книга — «Творчество» — 1937, № 2—3). В «Октябре» была также опубликована написанная по мотивам «Брусков» пьеса Ф. Панферова «30-й год» (1935, № 1), целый ряд его статей и выступлений.

Творчество Панферова, его публицистика, тесно связанная с «Октябрем», книги его литературных соратников подчеркивали ту же мысль о необходимости конкретного знания жизни. В них звучала гордость первооткрывателей, пионеров, пересекающих прерии новой жизни. Как пионеры, они не раздумывали над правилами литературного тона, тоном оказывалась грубоватость; доблестью представлялась сила — та «корявая мужицкая сила» — подчеркнутый натурализм языка, который так твердо отстаивали в «Октябре» Серафимович и Панферов. Быть может, не помышляя о последствиях такого курса, о том, какое понижение эстетических критериев он может означать, руководители «Октября» продолжали взятую линию.

О последствиях подумал Горький, он выступил с решительными возражениями в известной дискуссии о языке, его поддержали Алексей Толстой, Михаил Шолохов и целый ряд других видных писателей и органов печати. Речь шла, конечно, не только о технике литературного дела: вопрос касался самих принятых в журнале принципов художественного изображения жизни — их жизненности и силы, их уязвимости.

Многое в «Октябре» — его правильная идейная позиция: писательским словом помогать строительству социализма, его активность и решительность в поддержке молодых, программа привлечения к участию в журнале писателей разных мест Союза, регулярные обзоры на его страницах литературы Днепропетровщины и Сибири, статьи «По страницам краевых журналов» — не могло не импонировать Горькому. Он сам внимательно следил за всей всесоюзной литературой, не разделял ее на участки главные и второстепенные. Стремление предоставить слово на страницах литературного журнала (как это было в «Октябре») работникам-практикам, непосредственно литературой не занимающимся,— агроному, руководителю строительства, партийному работнику — тоже было близко Горькому. Но он, художник больших обобщений, выражая в данном случае интересы нашей литературы, не мог ограничиться тем поднятым на щит «Октябрем» требованием конкретности, из которого вытекали языковый натурализм, небрежность, приземленность.

Сам лозунг «прощупывания жизни», сыгравший положительную роль в борьбе с книжной теорией, в дальнейшем предопределил отставание журнала от художественных требований времени. Руководителю

---

[67] «Октябрь», 1934, № 1, стр. 39.

журнала казалось, что новая жизнь, ставшая темой писателя, уже обеспечивает успех его сочинению («Темы нашей действительности,— говорил Панферов,— это мировые темы»[68]). Почвенность, черноземность, направленные против отвлеченного теоретизирования, сами приобретали в журнале значение теории, которая, к сожалению, не отличалась углубленностью и широтой и мешала журналу решительно выйти к искусству большой философской мысли.

«Проблема» «Октября», таким образом, заключалась не в сути его программы, а в самом типе ее осуществления. Именно поэтому вопрос о характере связи писателя и жизни приобретал не только внутреннее (для «Октября») значение. В 30-е годы изменялся сам характер художественного мышления в направлении к более широкому охвату, реалистическому обобщению. И именно потому выдвинутый «Октябрем» принцип короткой «привязи» к реальности не мог сделаться и не сделался всеобщим, хотя он был очень широко распространен в журналистике конца 20-х самого начала 30-х годов.

В самом деле, одним из наиболее распространенных критических упреков по отношению как к отдельным писателям, так и к журналам было в то время суровое слово «отставание». Отставание от жизни, в смысле самом прямом, самом буквальном.

«Толстые и тонкие журналы,— говорилось в журнале «На литературном посту»,— работают по старинке». «В «Новом мире»,— читаем здесь,— все по-старому». «Красная новь», по мнению автора обзора, также «ничем не откликнулась» на призыв показать героев стройки; «несколько лучше в «Молодой гвардии». «Наиболее удовлетворительно обстоит дело в журналах «Октябрь» и «Огонек». Но еще лучше, как здесь считали, изображение героев строительных буден оказывалось в газетах — в «Рабочей Москве», «Рабочей газете», где «объединение рабочих очеркистов объявило себя мобилизованным»[69].

Подобное «соревнование с жизнью» невольно выдвигало в качестве идеала для любого, в том числе и «толстого», журнала газету с ее сиюминутностью, откликом на наиновейшую злобу дня. Однако большинство толстых журналов не пошло по этому пути, грозившему утерей особенностей действительно серьезного и обширного ежемесячника. Литературный ежемесячник в 30-е годы не стал дополнением к газете, напротив, толстый журнал, взятый в совокупности, отстаивал и развивал свои исконные и необходимые качества, свою специфику углубленного и самостоятельного познания жизни. Причем в этом случае и проблема связи журнала с жизнью рассматривалась более спокойно, более серьезно, уже не только в духе непосредственного мгновенного контакта, рождающего весьма точную, но все же не более как пятиминутную фотографию для документа. Принималось во внимание, что и естественно для литературного ежемесячника, многообразие возможных связей с жизнью, соответствующее многообразию творческих индивидуальностей, составлявших советскую литературу.

Такое изменение масштаба отношений журнала и действительности со всей очевидностью оказалось в толстом ежемесячнике «Красная новь». Его попытки (после 23 апреля 1932 г.) сформулировать свою художественную программу, тем самым найти свое лицо, были первоначально в чем-то похожи на поиски «Октября». На Всесоюзном совещании оргкомитетов редактор «Красной нови» А. Фадеев заметил, что «журнал «Красная новь» поставил своей целью... начать борьбу с литературщиной, с верчением в узком кругу литературы, в сфере узко литературных

---

[68] «Литературная газета», 24 мая 1933 г.
[69] «На литературном посту», 1931, № 22, стр. 31, 32.

вопросов»[70]. Действительно, это был тот же призыв выйти к жизни, направленный против схоластики и схематизма. Шаги, которые вскоре предпринял журнал для реализации этого призыва, носили скорее характер очередной кампании, не оставившей заметного следа в журнале: писатели приглашались на завод, там читались стихи, ударники рассказывали о своих производственных достижениях. Но интересна была та прямая цель, с которой писатели «Красной нови» приглашались на завод: журнал выдвигал перед ними проблему формирования новой советской интеллигенции, о чем говорил в своих выступлениях Фадеев[71], писалось в критических статьях. При всей близости подхода в этом выборе заключалось и очень существенное различие с «Октябрем»: не о черноземной мужичьей силе, во многом определявшей саму эстетику, язык произведений «Октября», а об интеллигенции, о людях, создающих не только материальные, но и духовные ценности, собирались здесь писать.

Трудно сказать, был ли такой выбор сознательным спором с «Октябрем». Но, конечно, он совершенно определенно подчеркивал характер «Красной нови» как литературного журнала, так сказать, более интеллектуального; журнала, где при всех весьма сложных обстоятельствах 30-х годов не могли удовлетвориться здоровым эмпиризмом, а развивали более или менее успешно программу реализма «не на подножном корму».

«Красная новь» в двадцатые годы печатала на своих страницах крупнейших писателей — М. Горького, А. Толстого, М. Пришвина, развивавших в новых условиях художественные традиции большого реализма классиков. После происшедших в 1927 г. изменений в редакции журнала, он в беллетристической части некоторое время продолжал следовать в старом русле, но был сильно изменен в так называемый литфронтовский период, отрицательно сказавшийся в практике журнала.

Предстояло провести немалую работу, чтобы делом укрепить высокий художественный авторитет «Красной нови». В этом смысле определяется главное в деятельности журнала. «Красная новь» не отказывалась от оперативного очерка: в отделе «От земли и городов» Амир Саргиджан рассказывал о солнечной Фергане, о жизни Узбекистана («Весна в Лакое» — 1932, № 5); Макс Зингер, этот неутомимый очеркист — исследователь полярных широт, писал о неожиданных в Заполярье овощах, о полной опасностей и сурового мужества жизни зверобоев-промысловиков («Советская Монголия» — 1932, № 5). Но журнал не возводил эти очерки на уровень своей художественной программы. Усилия были направлены на то, чтобы сплотить вокруг журнала более разнообразные и более значительные художественные силы.

В 1932—1933 гг. здесь публиковались поэма Эдуарда Багрицкого «Последняя ночь», роман В. Катаева «Время, вперед!», пьеса И. Сельвинского «Пао-пао», произведения Ильи Эренбурга, переводы из Р. Роллана. Часты на страницах «Красной нови» были мужественные стихи В. Луговского. Здесь выступали А. Сурков и Ольга Берггольц, А. Прокофьев и Н. Дементьев. В журнале публиковалась проза Вяч. Шишкова, Л. Никулина, А. Фадеева, И. Микитенко и других. Это обилие талант-

---

[70] ИМЛИ, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 65, л. 2.

[71] На это, в частности, А. Фадеев указывал в своей речи на Всесоюзном совещании оргкомитетов 15 июля 1933 г. Эта мысль не раз развивалась работниками редколлегии. Так, на обсуждении работы «Красной нови» 5 апреля 1935 г., как сообщалось «Литературной газетой» (5 апреля 1935 г.), «докладчик тов. Ермилов определил задачи «Красной нови» как журнала, занимающегося проблемой культуры и культурной революции, как журнала советской интеллигенции».

ливых писателей разных творческих манер, представленных на страницах «Красной нови», было следствием преодоления рапповской ограниченности.

В отделе критики журнала такое преодоление наталкивалось на известную инерцию: отголоски старых рапповских формул и оценок встречались, например, в интересной статье Д. Мазнина о Малышкине (1932, № 11). Подобные явления можно заметить и в статье В. Ермилова «За работу по-новому» (1932, № 5), где он призывает выступить против единого потока «воронщиков». Но главным в ней все-таки было другое, а именно — призыв «отбросить ярлыки» и лучше «подумать над вопросом о том, так ли уж велики преимущества Джека Алтаузена перед Ник. Тихоновым или Н. Брауном и почему, *в какой мере,* например, писатель Исбах является пролетарским писателем, а Малышкин и Слонимский — не пролетарскими?»[72].

В осуществлении перестройки журнала были свои трудности, в том числе и трудности расставания со старым. И все-таки они состояли не столько в том, что многие члены редакционной коллегии[73], среди них и сам Фадеев, были участниками и деятелями РАПП и что, следовательно, их выработанные на этой основе убеждения могли бы помешать работе журнала. Известно, что именно А. Фадеев со всей искренностью и, пожалуй, наибольшей глубиной подверг разбору и критике узость воззрений организации пролетарских писателей в статье «Старое и новое». Но новая система взглядов не могла выработаться сразу, в короткий срок.

Именно поэтому подчас создавалось такое впечатление, что «Красная новь» в ее критике, публицистике не столько выдвигает и разрабатывает выношенные внутри редакции эстетические проблемы, сколько откликается на вопросы и задачи, связанные с теми или иными «поворотами» литературной жизни. При этом амплитуда эстетических колебаний была достаточно велика. Если в начале 30-х годов здесь печатали Дос Пассоса, то во второй половине десятилетия говорили о народности, публиковали эпические поэмы древности (в журнале был полностью опубликован перевод поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели).

Следование каждому изгибу литературных берегов подчас мельчило критику журнала, придавало солидному изданию известную пестроту. Но из пестроты по-прежнему выступало главное: «Красная новь» оставалась журналом серьезной, большой литературы, где прокладывались пути правдивому органическому искусству высокого дыхания. С одной стороны, это была та борьба за глубину реализма, которая уходила своими корнями в предшествующие годы, когда Фадеев сурово осуждал точку зрения «литфронтовцев», «ратующих за схематизм»[74]. Групповая борьба теперь, в 30-е годы, оказывалась позади, но эстетические споры оставались. «Война» с надуманностью, механистичностью в подходе к искусству, с книжностью продолжалась по большому счету.

В острых спорах о «новаторстве», т. е. в спорах, где затрагивались сами принципы нашего искусства, намечался его дальнейший возможный путь, «Красная новь» заняла вполне определенные, так сказать, традиционные позиции. Дело заключалось не в консервативности журнала. В спорах вместе с истинным новаторством, как известно, вольно

---

[72] «Красная новь», 1932, № 5, стр. 170.

[73] В состав редколлегии журнала входили в 1932 г. (с № 9) Вл. Бахметьев, Ф. Березовский, В. Ермилов, Вс. Иванов, И. Луппол, Ф. Панферов, А. Фадеев, М. Шагинян.

[74] А. Фадеев. На литературные темы. М., Гослитиздат, 1932, стр. 24.

или невольно брались под защиту формалистический эксперимент, самодовлеющий формальный поиск, т. е. та же литературщина, с которой не соглашался журнал. Вот почему А. Фадеев, выступая на дискуссии о Дос Пассосе в «Знамени», не примкнул к адептам «динамической» прозы, где в органическую ткань повествования на равных правах входят газетные объявления, сырые факты и т. д., а оказался «традиционалистом», сторонником органического искусства. Вот почему в «Красной нови» была опубликована статья Д. Мазнина «Поднятая целина» и так называемое новаторство» (1933, № 5), где уже из самого названия ее было ясно, что художественной дорогой, по которой намеревался следовать и следовал журнал, было искусство, подобное искусству Михаила Шолохова.

Не раз в журнале публиковались отрывки из романа «Последний из удэге». И хотя, возможно, лучше было бы предложить читателю роман сразу и целиком, настойчивое возвращение к этой книге имело свое значение, ибо роман Фадеева, как, впрочем и все его творчество, внутренне связанное с классикой, с творческой манерой Л. Толстого, определенным образом «настраивало» журнал. Во всяком случае здесь не спешили с апломбом заявить, как это делал Ф. Панферов в «Октябре»: «То, что дали Золя, Бальзак, Толстой, Гоголь — все это предыстория, а история начинается у нас, в нашем Союзе» и для того, чтобы «писать о героизме миллионов, еще совсем мало знать Флобера, Золя, Бальзака, Толстого, Гоголя и т. д.»[75]. «Красная новь» проявляла большее внимание не к тем явлениям нашей литературы, которые могли бы отдалить журнал от великого русского реализма, а к тем, где этот реализм продолжался, развивался под решающим влиянием идей новой социалистической действительности.

В начале 30-х годов, как и в первое время своего существования, «Красная новь» проявляла большое внимание к творчеству Горького. Возможно чаще, чем другие журналы, «Красная новь» выступала со статьями о Горьком в тот период, когда особенно важно было таким путем определить свою эстетическую позицию. Часто в «Красной нови» выступал Иван Катаев. И пусть его очерки, повести и рассказы с количественной стороны занимали не так уж много места в журнале, они были важны, они были в основном его русле. И если говорить о выступлении Катаева о народности литературы («Искусство социалистического народа» — «Красная новь», 1936, № 5), то по свежести, силе, правдивости, глубокому пониманию истинной роли таких художников, как Шолохов, оно несомненно выделялось. Такого рода выступления, вещи очень высокого класса, например, «Корень жизни» Михаила Пришвина, опубликованный «Красной новью» в 1933 г., рассказы Ю. Яновского, повести К. Паустовского «Исаак Левитан» и «Орест Кипренский», также служили выражением художественной позиции «Красной нови»[76].

Характерно, что постоянно печатался в журнале тонкий лирик, романтик по складу — Михаил Светлов. Он писал о «юноше стального

---

[75] «Октябрь», 1933, кн. 10, стр. 198.

[76] Разумеется, и в этом большом журнале встречались вещи слабые, безвкусные, такие, как сумбурный роман К. Большакова «Маршал 105 дня», огромная, скучная книга Олбера Хоппера «Словолитня». Но важнее, весомее в определении лица журнала были вещи интересные, значительные: «Голубая книга» Михаила Зощенко, «Уральские тайные сказы и побывальщины» П. Бажова, повести В. Катаева «Белеет парус одинокий», «Я сын трудового народа», рассказы И. Бабеля («Поцелуй»), Э. Хемингуэя («Пятьдесят тысяч»). Внушителен был также поэтический отряд «Красной нови». Рядом с поэтами старшего поколения П. Антокольским, Ник. Ушаковым в журнале выступали А. Твардовский («Страна Муравия»), Борис Ручьев («Песня о страданиях подруги»), Павел Васильев, Вадим Стрельченко.

поколения», погибающем в боях гражданской войны. Он писал о человеческой красоте, о необходимости преодолеть одиночество и разобщенность («Глубокая провинция», 1936, № 2). И присутствие на страницах «Красной нови» пьес и стихов Светлова было естественным, ибо, несмотря на прошлое, несмотря на суровую статью «Долой Шиллера!», романтика воспринималась здесь закономерной частью искусства.

Романтика Светлова, его стихи и пьесы, являвшиеся одним из завоеваний журнала, рождались на почве органического постижения жизни без позы, предвзятости, надуманности.

Такие стихи, равно как и реалистическая проза, скажем «Книга для родителей» А. Макаренко (1937, № 7—10), характеризовали литературный уровень журнала и во второй половине десятилетия. Несмотря на трудности, «Красная новь» сплачивала вокруг себя талантливые патриотически настроенные молодые силы — писателей, стремившихся осмыслить облик нового социалистического мира. В журнале сотрудничали Аркадий Гайдар, Борис Левин, Борис Лапин, Захар Хацревин, Иван Меньшиков, сюда по зову сердца пришел Юрий Крымов со своей прекрасной повестью «Танкер Дербент». В «Красной нови», как и в других журналах, формировалось и мужало то поколение литераторов, которое не только внесло свой ощутимый вклад в дело развития советской литературы, но в суровую годину Отечественной войны мужественно встало на защиту Родины.

Значительное место среди толстых журналов занимал также «Новый мир». Просматривая номера этого журнала за 1932—1934 гг., пожалуй, труднее найти в его художественном отделе те вещи, которые оказались ныне забытыми, чем те, что так или иначе вошли в сознание читателя, в литературу. С первого номера 1932 г. в «Новом мире» печаталась «Поднятая целина» М. Шолохова, роман, который сыграл огромную роль в идейном и художественном развитии всей нашей литературы. Шолохов, как большой талант, вобрал в себя «малые реки» (а мало ли писали о коллективизирующейся деревне очерков и романов) и наиболее зримо и убедительно нарисовал переломные события в деревне, показал роль тех героев времени, которые вместе с питерским рабочим Семеном Давыдовым осуществляли ленинский план кооперирования деревни. В «Новом мире» почти одновременно (а в некоторых номерах одновременно) с «Поднятой целиной» печатался роман Леонида Леонова «Скутаревский», где действительность представала в другом разрезе: крупный ученый, интеллигент Скутаревский, увлеченный бурным ростом новой жизни, отдавал ей свои знания, свою страсть ученого и исследователя.

Кстати, уже эти два примера показывают, что, не делая специального ударения на том, что перед нами журнал о современности, «Новый мир» в этом смысле не отставал от «Октября», а в чем-то нередко и превосходил его — а именно в широте охвата, в разнообразии освещенных в журнале пластов жизни.

В журнале читатель знакомился с повестью П. Павленко «Баррикады», И. Эренбург выступал здесь с очерком о кризисе перепроизводства на Западе («Хлеб наш насущный»). С десятой книги 1932 г. начал печататься роман Бруно Ясенского «Человек меняет кожу».

В 1934 г. «Новый мир» опубликовал «Три повести» А. Воронского, роман Вс. Иванова «Похождение факира», пьесу В. Киршона «Чудесный сплав», главы из второй книги «Цусимы» А. С. Новикова-Прибоя, вторую книгу романа Алексея Толстого «Петр Первый», стихи Багрицкого, Асеева, П. Васильева, А. Прокофьева, Жарова, переводы из грузинских поэтов Б. Пастернака.

Предлагая читателю такой разнообразный художественный выбор и тем самым действуя заодно с «Красной новью», «Новый мир» в то же время не повторял ее концепции. В отделе «Литература и искусство» здесь ставились свои акценты, в реализме здесь подчеркивалась прежде всего его наступательность. И если в задачу журнала, в задачу развития социалистического реализма, как здесь понимали, входило развитие наиболее последовательных реалистических достижений прошлых эпох, то таким идеалом, который следовало бы развить, в «Новом мире» представлялось искусство гражданственное, искусство Некрасова, статьи Чернышевского, Белинского.

В связи с этим показательны попытки «Нового мира» возродить широкие и всеобъемлющие обозрения литературы, как это некогда делали в «Современнике». Так, в первой книге за 1933 г. с большим обзором выступал А. Селивановский. «В советских журналах, — писал критик, — за последние годы оборвалась традиция ежегодных обзоров литературы». И начиная статью с цитаты из обзора В. Г. Белинского «Русская литература в 1841 году», автор «Нового мира» подчеркивал тем самым, какие традиции журнал хотел подхватить и развить.

Не менее ясно наметился этот курс в статьях журнала о музыке и живописи, где видное место отводилось рассмотрению боевого демократического искусства русских передвижников, современному состоянию и проблемам реализма в живописи. Здесь были напечатаны статьи П. Сысоева «И. Е. Репин как представитель революционного народничества», А. Михайлова «А. М. Герасимов», Б. Капцова «История Первой конной в живописи», Э. Ацарина «Орест Кипренский»; Е. Меликадзе «Густав Курбэ», Е. В. Журавлевой «Выставка Б. Н. Яковлева» и целый ряд других.

Такое несколько неожиданное для толстого литературного журнала внимание к искусству живописцев объяснялось не только общим замыслом отдела «Литература и искусство», позволявшим свободно выходить за пределы литературы в области смежных искусств. Дело в том, что редактор журнала И. М. Гронский (он же редактор «Известий») был тесно связан с миром художественной интеллигенции, ему были близки проблемы и вопросы, волновавшие художников.

Художники собирались на квартире у редактора «Нового мира». Душой этого кружка были Герасимов и Кацман, самые рьяные спорщики и одновременно самые непримиримые антиформалисты[77].

---

[77] И. Гронский. Воспоминания воинствующего художника-реалиста.— В кн.: Александр Герасимов. Жизнь художника. М., изд. Акад. художеств СССР, 1963, стр. 22, 23.

Споры, развертывавшиеся в кружке, переходили на страницы журнала вместе с их резкой антиформалистской направленностью. Но развертывая споры об искусстве, ниспровергая формализм, «Новый мир» оказался недостаточно точен и доказателен, что сказалось, в частности, в статьях о журнале «Искусство». Просчет художественной критики «Нового мира» заключался в том, что ее идеал, выраженный в упрощенно интерпретированной живописи Рембрандта, Репина,— возводился в некоторый абсолют. Теоретическая программа воинствующего реализма, таким образом, серьезно сужалась, деформировалась, более того, она оборачивалась невниманием к разнообразию возможностей изобразительного искусства и искусства вообще.

«Новый мир» делал хорошее, нужное дело, утверждая искусство передвижников, ратуя за содержательность, боевую направленность искусства, выступая против формализма. Утверждение высокого классического реализма несомненно привлекало к журналу крупнейших художников слова. Но защита реализма, столь убедительная в художественном отделе, оказывалась в критике при всей ее очевидной принципиальной важности — слишком прямолинейной.

7

Широкий предсъездовский разговор о новом, более высоком качестве литературы социалистического реализма коснулся толстых журналов не только негативно, как это случилось, например, с «Октябрем». Главное состояло в поисках позитивных решений, которые складывались в полемике с недавними и все еще достаточно упорными взглядами на литературу вне ее специфики. Как писала в одной из своих статей «Литературная газета», достаточно еще было людей, которые путь продвижения вперед видели в «своеобразном литературном рекордсменстве, в погоне за количественными показателями в ущерб качественным, в подмене искусства больших художественных обобщений непродуманной и непрожеванной публицистикой» [78].

Вопрос, казалось бы, достаточно ясный оказывался не столь уж простым, если учесть, что он имел историю, что на протяжении 20-х годов многие крупные писатели-мастера квалифицировались как люди еще недостаточно политически зрелые и подготовленные к изображению новой жизни и революции. И если рапповское деление писателей на «чистых» и «нечистых» после Постановления от 23 апреля 1932 г. достаточно ясно обнаружило свою несостоятельность, то менее ясно было со старыми теоретическими построениями, перекочевавшими в 30-е годы, в частности, с теорией о новом типе пролетарского писателя, которая родилась в недрах РАПП и настойчиво пропагандировалась в начале 30-х годов.

В большой статье «Тип писателя или «мастерство» (1933) С. Динамов заявлял, что «не нужно противопоставлять тип писателя его мастерству». Однако само построение статьи говорило о другом. Гете, который «не в силах» был вырваться из филистерского болота, в сущности противопоставлялся Горькому с его «историческим новым мастерством» [79]. Противопоставление «олимпийца Гете» художнику-борцу Горькому расшифровывалось тем же Динамовым довольно ясно, когда он говорил, что у нас наблюдаются писатели, которые занимаются каби-

---

[78] «Борьба за качество».— «Литературная газета», 4 марта 1934 г.
[79] «Литературная газета», 11 июня 1933 г.

нетным творчеством и «пухнут» на своем таланте [80]. Среди этих писателей Динамов называл Л. Леонова, Олешу, Валентина Катаева.

Подобного рода мысли требовали суровой критики. Еще больше на них следовало ответить делом — работой толстых журналов. И если в недавние рапповские времена случалось, как заметил Л. Никулин, что репутации писателей делались часто организационными методами [81], то теперь следовало подтвердить писательский авторитет, тем самым и авторитет журнала, свежестью художнического взгляда, богатством языка, всем тем, что принято считать мастерством.

Мастерство становилось показателем журнального авторитета. О нем широко заговорили в толстом ежемесячнике. В «Красной нови» о нем писал В. Ермилов. Широко и остро ставился вопрос в «Знамени». «Работа по повышению качества,— говорили здесь,— должна стать повседневной обязанностью каждого литературно-художественного журнала — штаба борьбы за новые полноценные художественные силы, борьбы с браком, с халтурой, с некультурностью» [82]. Время, когда литератор как мастер мало интересовал журналы, оказывалось позади. Даже суровый «Октябрь» замечал в одной из своих деклараций о необходимости «непримиримо бороться за высокое художественное качество советской литературы» [83].

Однако, может быть, особенно близка была проблема мастерства литературным изданиям Ленинграда. В известных спорах о языке ленинградские писатели решительно поддержали Горького [84]. Выступления А. Толстого и Н. Тихонова в поддержку традиций высокого мастерства достаточно убедительно показывали, что для Толстого и Тихонова, как и для многих других писателей Ленинграда, качество, глубина и сила литературы — не только повседневная обязанность,— это то, без чего для них нет жизни в литературе, это их литературное естество, критерий оценки. «Литература не теплое одеяло,— прямо заявил Алексей Толстой,— а вещь суровая и ответственная. Тем более, что ответственность идет по линии качества» [85]. Ответственность по линии качества — именно это было альфой и омегой ленинградских журналов после Постановления.

Так, «Литературный Ленинград» (1933—1937), выбрав своим генеральным лозунгом ленинские слова о том, что литературное дело должно быть частью дела общепролетарского, в то же время четко заявлял: «Газета должна стать *лабораторией мастерства*» [86].

Уже с начала возникновения «Литературного Ленинграда» в его редколлегию вошли видные мастера литературы и искусства — А. Толстой, Д. Шостакович, Н. Тихонов, Е. Корчагина-Александровская, И. Манизер, Н. Никитин, М. Слонимский и другие. Правда, впоследствии круг лиц, редактировавший газету, сузился, представители изобразительного и театрального искусства не значились в редколлегии, но «Литературный Ленинград» охотно писал и о театральных постановках, откликался на различные вопросы культурной жизни, стремясь поддержать талантливое и идейно значительное.

Со статьей «Культура слова» выступил в «Литературном Ленингра-

---

[80] ИМЛИ, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 62, л. 57.
[81] ИМЛИ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 178, л. 93.
[82] «За качество! За мастерство!» — «Знамя», 1934, № 4, стр. 215—216.
[83] «Октябрь», 1932, № 5—6, стр. 220.
[84] С такого рода поддержкой только в одном номере «Литературной газеты» (2 апреля 1934 г.), выступили Н. Браун, Н. Тихонов, К. Федин, О. Форш, А. Прокофьев, М. Слонимский, Г. Белицкий, Г. Горбачев, З. Лозинский и др.
[85] «Литературная газета», 2 апреля 1934 г.
[86] «Литературный Ленинград», 3 июля 1933 г.

де» К. Федин, с критикой газетного языка — Ю. Тынянов; о необходимости суровой и высокой пушкинской требовательности к слову писателя говорил В. Каверин и другие.

Выступая за искусство больших обобщений, стоящее на фундаменте социалистического реализма, газета развертывала свои разделы — «Книги, гранки, журналы», где оперативно оценивалась текущая продукция издательств, отдел «Над чем работают писатели», очень характерный по общему устремлению для «Литературного Ленинграда» опять-таки в том смысле, что это была как бы одна из дверей в писательскую лабораторию, замыслы, намерения. В противоположность политике рапповских голых призывов и лозунгов в газете перед съездом возник отдел «Писатели голосуют книгами», своим заглавием уже показывавший позицию газеты: отвечать на требования жизни, на высокие требования социалистического читателя делом. И, надо сказать, что такой ответ звучал несомненно убедительно, когда под названным нами заголовком печатались, скажем, отрывки из романа Алексея Толстого «Петр Первый».

«Литературный Ленинград» был газетой не только серьезной, но и веселой; он говорил о творческих успехах и промахах писателей, нередко прибегая к остроумным карикатурам Радлова и других художников. Дружеские шаржи и остроты как бы подчеркивали товарищеский характер критики. Критик «Литературного Ленинграда» не взбирался на трибуну, чтобы возвещать оттуда непреложные истины или читать писателю лекции. Тон критических статей напоминал здесь не проповедь, а собеседование, не наставления придирчивого мэтра, а товарищеский совет, высказанный живо и остроумно. Эта непринужденность разговора поддерживалась редколлегией. «Литературный Ленинград» должен стать газетой-клубом, объединяющим вокруг себя широкую литературную общественность», — говорил член редколлегии газеты М. Чумандрин [87].

На этом пути газета давала много интересного, устраивала такие конкретные и развернутые обсуждения, как, например, обсуждение «Возвращенной молодости» Зощенко. Она держала читателя в курсе ленинградских литературных событий. Однако в такой программе по мере ее осуществления обнаруживалась и другая, не столь уж привлекательная, сторона. Дело в том, что начав со справедливого осуждения догматизма, как бы вставшего на пути писателя к жизни, «Литературный Ленинград» извлекал из этого практические выводы недостаточно энергично и точно. Ему подчас не хватало масштабности и связи с жизнью.

Было бы несправедливо сказать, что «Литературный Ленинград» не выходил за пределы литературы, рампы, киноэкрана. В нем звучал подчас голос публициста («Письма с Запада»), разоблачавший деятелей фашистской «культурполитики». Обращал внимание в газете раздел «Воспитание правдой», где шел разговор о Беломорстрое, о переплавке человека в условиях героического строительства. И все же такое «вторжение в жизнь» было не столь уж частым: грозные стрелы публицистики не всегда соотносились с «клубным» характером газеты; известная ограниченность издания была налицо. В связи с этим нельзя не вспомнить и серьезного критического замечания М. Горького в адрес газеты по поводу известного ее верхоглядства [88].

---

[87] «Литературный Ленинград», 17 сентября 1933 г.

[88] М. Горький. О литературных забавах.— «Литературный Ленинград», 14 июня 1934 г. Имеется в виду то место статьи Горького, где он выступает против захваливания газетой слабого романа Л. Молчанова «Крестьянин».

Слабости «Литературного Ленинграда», связанные с его тяготением к чисто литературному ряду, в какой-то мере имели отношения и к другому, почти одновременно с ним возникшему изданию, также включавшему в свое наименование прилагательное «литературный»: мы имеем в виду «Литературный современник», возникший в 1933 г. Это был толстый журнал, объемом в 10 печ. листов; в состав его редколлегии входили З. Б. Лозинский (отв. редактор), Н. Браун, Е. Добин, М. Козаков,

НА РАСШИРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ РЕДКОЛЛЕГИИ ГАЗЕТЫ «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД» (слева направо): С. МАРШАК, М. КОЗАКОВ, Л. РАДИЩЕВ, М. СЛОНИМСКИЙ, М. ЧУМАНДРИН, Р. БАУЗЕ, Н. СВИРИН, Л. СОБОЛЕВ, К. ФЕДИН, И. ГРУЗДЕВ И А. ШТЕЙН. ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ Б. АНТОНОВСКОГО («Литературный Ленинград». 17 сентября 1933 г.).

А. Прокофьев, Н. Свирин, Ю. Тынянов, Д. Тамарченко. Рассчитанный, как говорилось в редакционном обращении, «на широкий актив рабочих и колхозных читателей, на партийный и комсомольский актив и на самые широкие слои советской интеллигенции и учащихся вузов и втузов», «Литературный современник», как и газета ленинградских литераторов, курсивом выделял среди своих задач борьбу за мастерство. «Высокое качество литературного материала,— говорилось в журнале,— вот что стремится дать своим читателям журнал «Литературный современник» в осуществление исторического Постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций». «Литературный современник» был несомненно близок «Литературному Ленинграду» и в том случае, когда намечал наряду с обычными для толстого журнала отделами — прозой, стихами, мемуарами — дать «статьи по вопросам театра, живописи, музыки и кино», а также обширную хронику «искусства и литературы СССР и Запада» [89].

Но в то же время «Литературный современник» был самостоятельным изданием, имевшим свои специфические особенности, определившиеся с момента его возникновения. Тот же М. Чумандрин, выступая по вопросу о характере и специфике ленинградских журналов, сказал, что «Литературный современник» должен быть журналом поднимающегося молодняка, пришедшего в большую литературу» [90]. Это замечание во многом отвечало действительности. В «Литературном современнике» выступали в те годы многие молодые авторы. Здесь печатал свои стихи о Ладоге и России Александр Прокофьев, с большим романом «Наши знакомые» выступал Юрий Герман. Здесь печатались стихи

---

[89] «Литературный современник», 1933, № 1, стр. 176.

[90] «Превратить журналы в литературные клубы».— «Литературный Ленинград», 15 октября 1933 г.

Бориса Корнилова и Александра Гитовича, рассказы Геннадия Фиша и Геннадия Гора. «Литературный современник» так же радушно открывал двери писателям старшего поколения. Собственно, первый номер «Современника» начинался не декларацией редакции, а главой из романа «Петр Первый» А. Толстого («Утро боярина Буйносова»), а если уж говорить о выступлениях программного для журнала порядка, то к числу таких, на наш взгляд, можно отнести высказывание К. Федина в связи с годовщиной Постановления ЦК «О перестройке художественных организаций». В этом выступлении вновь подчеркивалось, что «художественный уровень произведения или качественная ценность созданного образа — вот настоящее мерило успехов писательского искусства»[91]. С этой точки зрения журнал приветствовал и приглашал для выступления на своих страницах А. Чапыгина, И. С. Соколова-Микитова, В. А. Десницкого и других писателей и литературоведов.

В «Литературном современнике» подчас печатались вещи, отнюдь не поддерживавшие высоту художественных требований журнала,— какой-нибудь фантастический трагифарс Леонида Грабаря «Большой поккер» или схематический роман Льва Нитобурга «Немецкая слобода». Но это не отменяет справедливых замечаний его редактора о росте журнала, о том, что «в писательской среде выкристаллизовалась группа мастеров, считающих журнал своим делом»[92], причем уже в 1934 г. назывались четыре «значительных романа», печатавшихся в журнале. Это уже упоминавшиеся «Наши знакомые» Ю. Германа, «Исполнение желаний» В. Каверина, «Девять точек» М. Казакова, «Гулящие люди» А. Чапыгина. Следует отметить также сотрудничество в «Литературном современнике» С. Я. Маршака. При его участии был организован специальный детский номер журнала (1933, № 12), получивший одобрение А. М. Горького. Общая оценка журнала, на наш взгляд, была дана достаточно верно в одной из первых рецензий на новое издание. «Литературный современник»,— писал рецензент,— молодой журнал, несомненное детище исторического Постановления ЦК от 23 апреля. Черты нашей новой литературной эпохи сказались на этом журнале. Это выражается и в подборе авторов, и в тематике помещенных здесь романов и новелл, в их несомненной, так сказать, литературной культуре. Нам кажется, что одна из главных работ журнала — преодоление натурализма, литературного полуфабриката, сырой растянутой повести, художественно неуклюжего очерка, словом, всего того, что так преобладающе выпирало в предшественнике «Современника» — в «Ленинграде»[93].

Мимоходом сделанное в рецензии замечание об определенном тематическом повороте ленинградских ежемесячников представляется нам заслуживающим внимания. Да, они отличались, даже тематически, от того же «Октября», где «ударными» были повести и романы о деревне. В «Современнике» же даже в таких второстепенных вещах, как упоминавшаяся «Немецкая слобода» Л. Нитобурга, исследовался путь молодого человека-музыканта к революции. В сущности делалась попытка осветить тот узел вопросов, которые затронул в свое время К. Федин в романе «Братья»: об искусстве и революции, об интеллигенции и революции. Внимание к этой проблеме было свойственно и другим ленинградским журналам, например, «Звезде».

В «Звезде» печатается в 30-е годы роман Бориса Лавренева «Синее и белое», где изображена судьба дореволюционного флотского офицер-

[91] «Литературный современник», 1933, № 4, стр. 11; «Литературный современник», 1934, № 1.

[92] Редакционная хроника (на обложке).

[93] С. Рахимов. «Литературный современник».— «Литературный Ленинград», 3 июля 1933 г.

ства, причем Лавренев показывал путь противников революции (жестокий служака, офицер Магнус дер Моон) и путь ее сторонников из офицерства (мичман Глеб Алябьев, чем-то напоминающий отдаленно младшего Ростова). В романе А. Лебеденко «Тяжелый дивизион», также печатавшемся в «Звезде», прослеживался путь молодого офицера Андрея Кострова, ставшего командиром Красной гвардии. В контексте этих и подобных им произведений, печатавшихся в «Звезде», да и в «Современнике», становится яснее и закономернее то же «Хождение по мукам» (во всяком случае его заключительная часть), точно так же как, скажем, «Поднятая целина» требует для своего рассмотрения контекста ряда произведений, печатавшихся в двадцатые и тридцатые годы в журнале «Октябрь».

Возможно как раз потому, что традиции давнего и недавнего прошлого были в Ленинграде очень сильны,— само осмысление современности нередко осуществлялось здесь с привлечением истории, через историю. Не случайно именно с Ленинградом прежде всего связано возникновение нашего исторического романа (О. Форш, А. Чапыгин, Ю. Тынянов). Романы, посвященные истории нашей страны и в то же время помогающие понять современность, печатались в «Звезде» и были важной приметой ее лица и в 30-е годы. Мы имеем в виду роман о Радищеве Ольги Форш («Якобинский заквас» и «Казанская помещица»), части большой эпопеи Вячеслава Шишкова «Емельян Пугачев», «Изумленный капитан» Леонтия Раковского и др. В большой статье Л. Цырлина «Советский исторический роман» расцвет исторического романа рассматривался как одно из проявлений «того историзма, который во всех жанрах свойствен социалистическому реализму». Этот путь к социалистическому реализму через историю, эта мысль статьи о том, что «социалистический реализм не только из настоящего объясняет прошлое, но из прошлого объясняет настоящее» [94], несомненно отвечали устремлениям журнала, его духу и характеру, и, в свою очередь, определяли до известной степени характер его отдельных произведений, статей, выступлений, дискуссий.

Не менее примечательна в этой связи и позиция «Звезды» в споре о характере нашей критики. В статье «О художественной критике» («Звезда», 1934, № 9) А. Амстердам не случайно высказывал серьезные возражения таким сторонникам критики как искусства, как А. Эфрос, Л. Гроссман и др., подчеркивая, что критика — не поле для самовыражения, хотя критик должен, несомненно, быть одарен, тонко разбираться в эстетических особенностях писателя, передавать его дух. «Ведущей стороной в критике,— говорилось в журнале, — может быть только ее объективно-познавательная, научная функция» [95]. В этой противопоставленности критическому импрессионизму научной объективности чувствовался тот же историзм, сказавшийся и в сугубом внимании «Звезды» к материалам по истории литературы.

Наряду с разделами «Иностранная литература», «Люди нашей страны», «История фабрик и заводов» в журнале был более или менее постоянный отдел «Литературный архив», представлявший собой как бы некоторый приспособленный для нужд журнала сокращенный вариант «Литературного наследства». Здесь печатались неопубликованные ранее вещи классиков. Характерным было и выступление на страницах «Звезды» целого коллектива авторов из «Библиотеки поэта» со статьями и публикациями, призванными пополнить наше представление о передовых писателях прошлого, дать поэтические произведения в точном,

---

[94] «Звезда», 1935, № 7, стр. 228.

[95] «Звезда», 1934, № 9, стр. 178.

1934

ЗВЕЗДА 1 1934

З В Е З Д А

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА
М. ГОРЬКОГО
1

ЗВЕЗДА

Подписная цена: на 1 год—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 р. Отдельный номер—2 р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА

Подписная цена: на год (10 №№)—8 рублей, на 6 месяцев—4 рубля. Отдельный номер—80 коп.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ ПРИНИМАЕТСЯ: ОТДЕЛЕНИЯМИ, МАГАЗИНАМИ, КИОСКАМИ И УПОЛНОМОЧЕННЫМИ КОГИЗа, А ТАКЖЕ ВО ВСЕХ ПОЧТОВЫХ ПУНКТАХ СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННИК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННИК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННИК

Подписная цена: на 1 год 21 р., на 6 мес. 10 р. 50 к., на 3 мес. 5 р. 25 к., отд. № 1 р. 75 к.

З А Л П

Условия подписки: на 1 год—12 руб., на 6 мес.—6 руб., на 3 мес.—3 руб. Отдельный номер—1 руб.

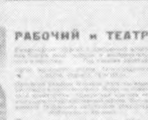
НАСТОЯЩИЕ ЖУРНАЛЫ В 1934 Г. РАССЫЛАЮТСЯ ПОДПИСЧИКАМ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ ПОДПИСНЫХ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ КОГИЗа

СО ВСЕМИ ЗАПРОСАМИ И ЖАЛОБАМИ ОБРАЩАТЬСЯ — ЛЕНИНГРАД, ПЕТР. СТОРОНА, ОРАНИЕНБАУМСКАЯ УЛ., 29 — ОТДЕЛ ПОДПИСНЫХ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ЛЕНКОНТОРЫ КОГИЗа

ЗАЛП

З А Л П

РАБОЧИЙ и ТЕАТР

Подписная цена: на год—14 р. 40 к., на полгода—7 р. 20 к., на 3 мес.—3 р. 60 к. Цена отдельного номера—40 коп.

ЗАБЛАГОВРЕМЕННАЯ И ДОЛГОСРОЧНАЯ ПОДПИСКА ГАРАНТИРУЕТ БЕСПЕРЕБОЙНОЕ ПОЛУЧЕНИЕ ЖУРНАЛОВ

РАБОЧИЙ и ТЕАТР

неискаженном виде. Так, Вл. Орлов публиковал в «Звезде» новые стихи Дениса Давыдова, Б. Томашевский рассказывал о новых материалах из комедии Дельвига, Н. Бельчиков сообщал о Полежаеве, И. Ямпольский — о сборнике «Поэты «Искры» и т. д.

На базе истории литературы журнал ленинградских писателей, как, впрочем, и другие литературные издания Ленинграда, возвращался к коренному для него вопросу о мастерстве, о том высоком качестве подлинно реалистического искусства, которое несомненно должен был наследовать и приумножать реализм социалистический.

8

Свое и весьма определенное место в журналистике 30-х годов занимал комсомольский ежемесячник — «Молодая гвардия».

В 30-е годы «Молодая гвардия» оставалась верной своей цели — быть журналом революционного воспитания молодежи. Журнал, с которым было связано развитие комсомольской поэзии, где получили путевку в большую литературу Михаил Светлов, Александр Жаров, Иосиф Уткин, где появились поэмы А. Безыменского — «Городок», «Комсомолия», «Феликс», его комедия «Выстрел» и сатирическая комедия Владимира Маяковского «Клоп»,— этот журнал по-прежнему продолжал работу с творческой талантливой молодежью.

При этом «Молодая гвардия» стремилась расширить сферу своего охвата, выйти за пределы «комсомольского рассказа» и повести, показать жизнь в различных сферах, обратиться к истории. Во всех этих случаях журнал отличался несомненной целенаправленностью. И когда, например, «Молодая гвардия» развертывала на своих страницах художественный цикл — историю молодого человека прошлого, то был здесь особый, присущий журналу акцент, история не просто молодого человека, а молодого революционера. «Молодая гвардия» обладала довольно определенным контингентом авторов. Среди них были и «молодогвардейцы» первого призыва и писатели из комсомольской молодежи, пришедшие в журнал позднее, такие, как Николай Богданов, автор «Первой девушки» и «Пленума друзей», как Платошкин, Г. Бутковский, чьи романы (например, «Девятьсот тридцатый») занимали в свое время красный угол журнала, и не случайно, потому что молодой писатель обращался в них к самым волнующим и жгучим вопросам жизни 30-х годов.

«Молодая гвардия» была похожа на журналы Горького, такие, как «Наши достижения», где рядом с Иваном Вольновым, М. Пришвиным тоже печатались писатели молодые, еще не столь широко известные в те годы. До известной степени «школой» молодых писателей в 30-е годы явилась и «Молодая гвардия». Это в той или иной форме не раз подчеркивала в своих выступлениях ответственный редактор журнала Анна Караваева. Вскоре после объединения литературно-художественных организаций в единый Союз писателей редакция «Молодой гвардии» специально заявила, что основные усилия ее направлены на работу с творческой молодежью, с начинающими писателями. Редакция не раз устраивала коллективные обсуждения и разборы произведений, укрепляла и расширяла свой творческий актив. Журнал, таким образом, получал новых интересных авторов — Бутковского, Юрия Германа и других.

В работе с молодежью были, конечно и издержки. В журнале, сделавшем свою основную ставку на литературную молодежь, было, к сожалению, немало скороспелого, поверхностного, таких романов и пове-

стей, которые своим исполнением не удовлетворяли даже нетребовательного читателя. Здесь сказывалась довольно сильная инерция недавнего рапповского подхода к молодежи, поддержка молодых во что бы то ни стало, шумное выдвижение ударников в литературу, подменявшее вдумчивый и тонкий индивидуальный подход и т. д. Волна такого рода вещей, как некогда печатавшиеся в журнале повести Шильдкрета, Зюйд-Веста (Бывалова) и т. д., еще продолжала воздействовать на журнал, сильно снижая его общий художественный уровень. Но в этой мастерской творческого возмужания, как можно было бы образно назвать «Молодую гвардию», были получены и значительные положительные результаты.

Настойчивая работа с молодыми, которую проводил журнал, его редактор Анна Караваева и ее заместитель Марк Колосов, в прошлом один из участников литературной группы «Молодая гвардия», не прошла даром: об этом свидетельствует появление на страницах «Молодой гвардии» произведений Николая Островского.

Приход Островского в журнал был закономерным следствием деятельности «Молодой гвардии». И может быть, если говорить о художественном лице журнала в 30-е годы, следует вспомнить прежде всего романы «Как закалялась сталь», «Рожденные бурей», многочисленные статьи писателя на страницах «Молодой гвардии», его страстные призывы к молодежи, его литературные выступления против приземленности и натурализма в языке и т. д. Когда-то на страницах «Молодой гвардии» была напечатана молодежная повесть с выразительным заглавием «Ненастоящие». Она была написана с лучшими намерениями, с мечтой о настоящем герое. Такой герой пришел в журнал не сразу. Его можно было встретить в рассказах Марка Колосова и стихах Михаила Светлова, в значительной для своего времени повести Николая Богданова «Первая девушка». Но гораздо решительнее и весомее такой герой явился в лице Павла Корчагина и Раймонда Раевского. Островский привел на страницы «Молодой гвардии» героя, который отличался не только высоким личным мужеством, настойчивостью и волей, способной, кажется, победить саму смерть и уж во всяком случае заставить отступить болезнь. Герой Островского во всех своих замечательных личных качествах был порожден революцией, вырос и окреп в борьбе за новую, народную, Советскую власть. Эти нравственные качества естественно связаны для Павла Корчагина и его автора с утверждением верности идеям партии.

И то, что на страницах молодежного журнала появилось произведение, где высокая нравственность была обусловлена коммунистической

идейностью, где эти две категории выступили в их убедительной неразрывности,— было серьезным успехом журнала, было лучшей «формулировкой» его общественного credo.

Книга Островского оказалась романом для всех. И эта возможность «говорить на равных» с другими толстыми изданиями выдвигала перед журналом общие для всех вопросы качества, которые трудно было решить в том случае, если строить журнал лишь в одном плане — в плане литературного цеха молодежи.

Развиваясь как журнал молодежный, «Молодая гвардия» и в дальнейшем не отказывалась от этого своего определенного лица. Но отвечая требованиям времени, она не оставалась на позициях некоей юношеской исключительности, юношеского «литературного сеттельмента». Рядом с «Молодой гвардией» существовала группа журналов, родственных ей по задачам, близких по кругу читателей. Это были детские журналы «Дружные ребята», «Еж», «Затейник», «Мурзилка», «Пионер», к которым прибавился в 1936 г. ленинградский «Костер». В них участвовали такие мастера литературы, как К. Чуковский, С. Маршак, Б. Житков. В свое время они неоправданно третировались[96], а теперь как бы вновь возвратились в литературу. Близкие «Молодой гвардии» вопросы поднимались в энергично растущем журнале «Детская и юношеская литература» (впоследствии «Детская литература», 1932—1941).

В этих условиях намерение расширить круг проблем, а главное, круг авторов, которые позволили бы сделать журнал полнокровнее, оказалось весьма позитивным.

«Молодая гвардия» не имела такого писателя для юношества, каким в «Детской литературе» был, например, С. Маршак. Поэтому она настойчиво привлекала теперь в журнал писателей большого художественного опыта. Наряду со стихами А. Жарова и М. Голодного в журнале стали появляться строки П. Антокольского, переводы Б. Пастернака. Вместе с «исконными» для журнала рассказами комсомольских писателей в «Молодой гвардии» появлялась проза Мариэтты Шагинян, Ильи Эренбурга; шире чем раньше были представлены литераторы братских республик — Аксель Бакунц, Дереник Демирчан, Михась Лыньков. В 1937 г. журнал обещал опубликовать произведения М. Шолохова, М. Зощенко, М. Слонимского, Ю. Тынянова.

В редакцию был приглашен Алексей Толстой, где он встретился с руководителем комсомола А. В. Косаревым, «Все, над чем я работаю и буду работать в дальнейшем,— заявил А. Толстой в ответном письме Косареву,— передаю в одно место — «Молодую гвардию»[97].

Талантливые вещи молодых, равно как и произведения Алексея Толстого, Михаила Пришвина, Константина Паустовского, помогали укреплять роль и значение литературно-художественного толстого журнала комсомола.

9

Говоря о толстых журналах, нельзя не учитывать всего широкого журнального потока страны, его развития, его динамики. Смена «старого» «новым» отразилась повсюду.

Ежемесячники пролетарских писателей, такие, как ростовский «На подъеме», рабочие журналы периферии несомненно переживали извест-

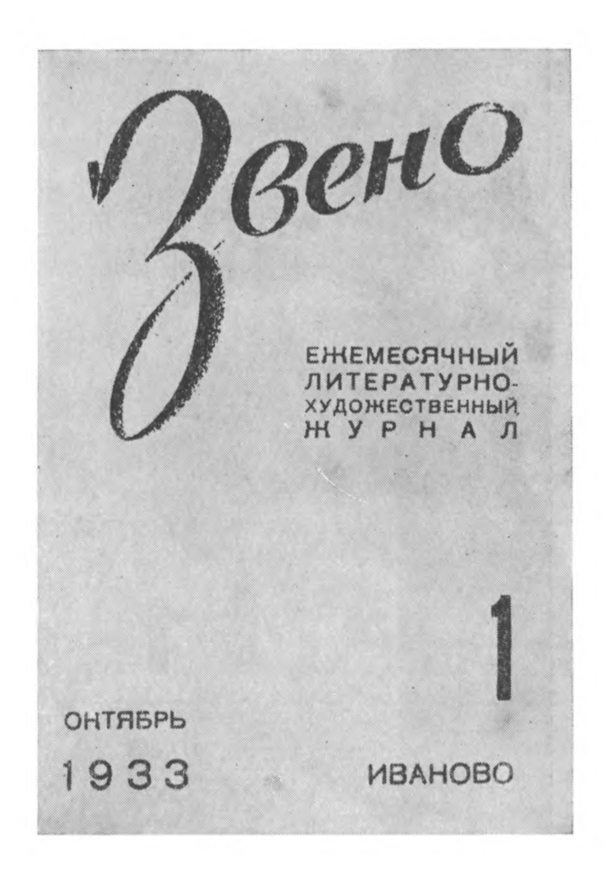
---

[96] О Чуковском, например, писали, что он проповедует «культ отмирающей семьи и мещанского детства» («Красная печать», 1928, № 10, стр. 94).

[97] «Молодая гвардия», 1935, № 12, стр. 188.

ный кризис [98]. Очевидной была инфляция произведений слабых, вещей, выходивших из-под пера ударников, призванных в литературу, серых производственных очерков, которыми в изобилии были насыщены эти журналы в пролетарский период их деятельности. Недавние рабкоры, начинающие и молодые писатели периферии должны были учиться, пройти серьезную школу литературной работы.

Это были уже не пролетарские студии первых лет революции, не полусамодеятельные кружки при пролетарских журналах. Это была серьезно поставленная горьковская школа «Литературной учебы» и близких ей по задачам, по характеру тонких журналов «Рост» (1930—1934) и «Резец» (1924—1939). Сам прошедший сложные университеты жизни, Горький всегда с большим вниманием относился к начинающим писателям с периферии (вспомним, какое сочувствие и помощь Горького встретил в голодном Петербурге приехавший туда впервые из Сибири Всеволод Иванов.

И в 30-е годы, встав во главе Союза советских писателей, Алексей Максимович сделал многое для успешного развития литературных журналов не только центра, но и периферии.

Разумеется, дело заключалось здесь не только и не столько в субъективных пристрастиях и симпатиях. Еще в 20-е годы А. В. Луначарский, говоря о Сибири, о культурном росте страны, противопоставлял старому «парижскому» характеру культуры (когда все культурные ценности сосредоточены в одном центре) новый тип развития, отличающийся широким распространением культуры, наличием не одного, а многих культурных центров.

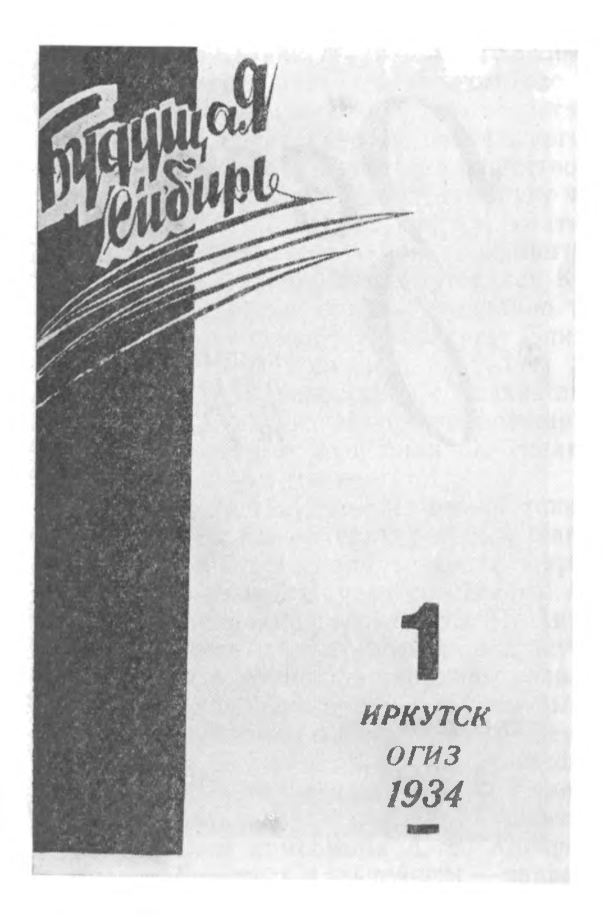
30-е годы — с величайшим индустриальным наступлением, с бурным ростом промышленности и городов и освоением новых районов — как раз создавали предпосылки для широкого развития печати и журналистики. Поэтому, выступая на заседании Оргкомитета впервые в качестве его председателя (15 августа 1933 г.), А. М. Горький не забыл

---

[98] На это указывает, например, выступление делегата гор. Иванова на Всесоюзном совещании председателей оргкомитетов (июнь, 1933). «В составе писателей, которые объединены сейчас горкомом писателей,— говорил он,— большинство — рабочие по социальному положению, и, конечно, нет ничего удивительного, что слабый культурный рост и недостаточно крепкое идейно-политическое сознание вот этой части рабочих... не давало возможности быстро включиться в большую работу над большими произведениями. Силенка была, но уверенности не было. После решения ЦК Ивановская группа писателей переживала некоторое чувство растерянности» (ЦГАЛИ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 2, л. 108).

сказать о литераторах не столичных, заметив, что «кроме того есть литература областная, которую мы тоже обижаем» [99].

А двумя годами позже в письме к Щербакову Горький прямо предложил усилить внимание к литературной периодике периферии. «Мне думается,— писал он,— что один из журналов или хотя бы «Литературная газета» должна дать возможно более полный обзор областных журналов, каковы, например, «Сибирские огни», воронежский «Подъем» и прочие. Сделать это давно пора» [100]. Эта горьковская линия в отношении к периферийным изданиям отчетливо обнаружилась в журналах, во всесоюзной газете литераторов. Под шапкой «Литература Советской Сибири» газета предлагала (в номере от 23 июня 1933 г.) обзор деятельности сибирских писателей.

Н. Ростовская в статье «Сибирская руда» рассматривала журнал «Сибирские огни». Буквально через один номер читатель знакомился с «Уральской страницей», а в ноябре 1933 г. газета печатала статью А. Селивановского «О столице» и «провинции», посвященную деятельности «Литературного Донбасса». Принципиальное значение имела написанная под влиянием Горького статья Вл. Никонова «235 незнакомцев». «В провинции,— отмечал Вл. Никонов,— обильно растут свои писатели. Среди них есть подлинные и своеобразные художники... Жаль, что у нас почти не заглядывают в краевые журналы — и писатель и литературовед и широкий читатель найдут в них много интересного и необходимого для себя» [101].

Следуя таким призывам, критика 30-х годов открывала читателю обширный пласт периферийных журналов, критикуя их требовательно и без скидки. Менялись и сами периферийные журналы. Отбросив ориентацию на журнал «На литературном посту», они, как и толстые журналы центра, пытались наметить и закрепить своеобразие своих поисков. Чаще всего это случалось не в области эстетической платформы (в этом отношении периодические издания периферии не были самостоятельны и оригинальны),— лицо журналов складывалось как отражение своеобразного лица края, где они выходили.

Эта потребность рождала новые журналы, в их числе одно из достаточно характерных изданий периферии 30-х годов — ежемесячник «Будущая Сибирь» (1931—1934). В отличие от «Сибирских огней», «Буду-

---

[99] «Литературная газета», 17 августа 1933 г.

[100] «Исторический архив», 1960. № 5, стр. 19.

[101] «Литературная газета», 4 октября 1934 г

щая Сибирь» аттестовалась в подзаголовке как «литературно-краеведческий журнал». «Это значит,— разъясняла редакция,— что он может воздействовать образом художественного слова, доступной статьей ученого, хроникой наших успехов, боевым очерком журналиста, простым рассказом рабочего-ударника, рисунком художника и документальностью фотоаппарата» [102]. По духу, по способу подачи материала журнал был близок «Нашим достижениям», недаром письмо Алексея Максимовича редактору «Будущей Сибири» М. Басову открывало журнал, а проза начиналась «Рассказами о героях».

В журнале участвовали талантливые писатели и поэты Ис. Гольдберг, Ив. Молчанов, П. Петров (они же члены редколлегии). Здесь можно было прочитать стихи Константина Седых, роман Ис. Гольдберга «День разгорается», посвященный революционной борьбе с самодержавием; на 1935 год журнал обещал обширные романы о гражданской войне в Сибири П. Петрова, М. Борисоглебского. Но, может быть, особенно интересны и характерны для журнала очерки и статьи о Сибири, заметки в отделе «Хроника края».

Об использовании сибирских углей рассказывал в журнале С. Третьяков («Богхед-клише»). Журнал обращался к истории края (М. Гудошников. «Классовая природа областничества», «А. П. Щапов»), бережно рассматривал каждый факт местной культурной жизни — будь это библиография Приенисейского края Косованова, первые выступления Иркутского радиоцентра или первые шаги художественной литературы Якутии. Довольно значительное место занимал в журнале очерк, повествующий о росте местной промышленности, о поездках и путешествиях (Юр. Мирецкий. «Рождение буксира», Н. Ажгибесов. «Три недели с бостонкой», А. Курилович. «Полярный рейс шхуны «Мейснер»), статьи ученых (В. Елистратов. «Богатства нашего края»).

Краевые журналы 30-х годов, к сожалению, не были лишены подчас весьма серьезных недостатков: они не отличались в ряде случаев достаточной гибкостью, перестройка их шла медленно; пристрастие к резолюциям и декларациям литературного характера иногда еще находило свои запоздалые отклики в этих изданиях. Их подстерегали также и другие опасные враги — вялость, отсутствие собранности и продуманности. Тем не менее они продолжали сохранять свое значение не только как органы культуры, но и как издания, несомненно помогавшие развитию литературных сил — в прозе, поэзии, в критике.

---

[102] «Будущая Сибирь», 1931, кн. 1, стр. 2.

Не изменяя своим особенностям и задачам по изучению края, краевые журналы находили повод и возможность для разговора о всесоюзной и классической литературе. Та же «Будущая Сибирь» вступала в предсъездовские споры о языке (П. Черных. «Литературный язык на распутьи»), в дискуссию о Дос Пассосе (М. Боброва. «Дос Пассос и капитализм»). В журнале сибиряков печаталось исследование Д. Н. Флерова «Чехов в Сибири», а ивановский «Рабочий край» публиковал большую статью А. Орлова «От Некрасова до наших дней» (1933, № 2). В ней давалась своеобразная «литературная география» края — сжатые и дельные сведения о писателях — выходцах из Ярославля (Н. А. Некрасов, А. Н. Плещеев, М. А. Кузьмин и Л. Н. Трефолев, автор «Дубинушки»), о земляках: владимирце Н. Н. Златовратском, шуянине К. Д. Бальмонте, костромичах П. Низовом и И. Касаткине, дулевце А. Перегудове и т. д.

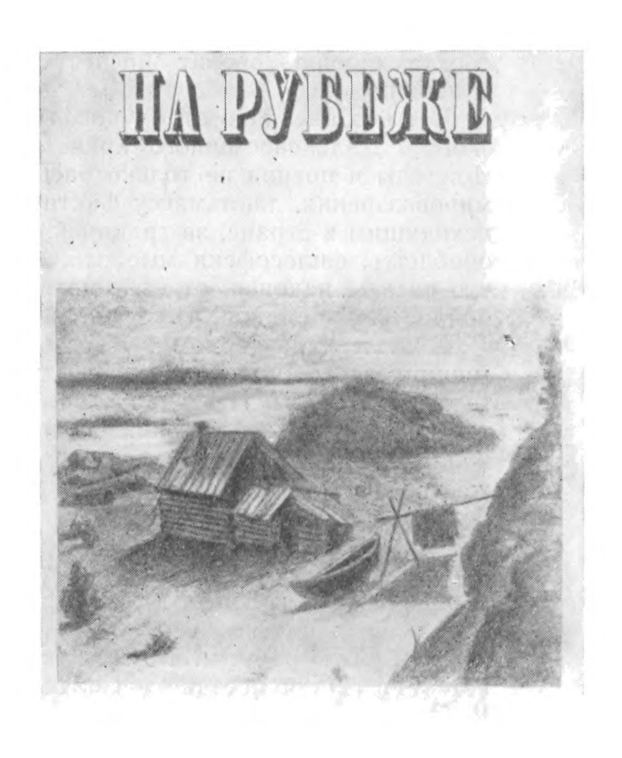

Разумеется, в таком обзоре была немалая доля местного патриотизма, стремления включить в число «своих» — писателей, связанных с краем не творчеством, а происхождением. Но и в этом случае он был важен именно потому, что неизмеримо расширял недавно еще узкий подход к литературе рабоче-пролетарского журнала, делая его требовательнее, интереснее: «Рабочий край» пригласил выступить на своих страницах талантливого очеркиста А. Зорича с главами из его книги о каучуке, посвященной ярославскому шинному заводу, печатал острые и веселые фельетоны Ильфа и Петрова («Для полноты счастья», «Счастливый отец»). В таком случае и местная проза, если она не хотела выглядеть бледно и серо, должна была подтягиваться и подтягивалась до всесоюзного уровня — в рассказах писателя Н. Колоколова, автора романа «Мед и кровь», в творчестве одаренного палешанина Ефима Вихрева. Его очерк «Горький и Палех», собственноручно просмотренный Алексеем Максимовичем, как с гордостью сообщал журнал (1933, № 3), был общеинтересен, так же как и очерк Д. Семеновского «Художницы иглы» (о строчной артели Холуя).

В новых условиях, после 1932 г., значительно изменился в лучшую сторону воронежский «Подъем». К 1935 г. это был серьезный ежемесячник со своими, уже зарекомендовавшими себя прозаиками — М. Подобедовым (редактор журнала), О. Кретовой, А. Шубиным, Б. Дальним. Помимо очерка и повести о современности, в журнале более или менее систематически уделялось внимание литературному прошлому, обнародовались литературные материалы Воронежского архива о Герцене и Шевченко, и это внимание было понятно для края, с которым так или

иначе связаны имена таких писателей, как И. А. Бунин, А. И. Эртель, Н. С. Лесков. В «Подъеме», оформленном писателем-художником В. Кораблиновым, был квалифицированный критический отдел, который возглавлял Л. Плоткин (статьи о Лермонтове, Маяковском).

В периферийных журналах росли свои критические силы, позднее заявившие себя на всесоюзной арене. В горьковском «Наступлении» печатали свои статьи Б. Рюриков и Е. Сурков. В карельском журнале «На рубеже» с очень своеобразными фольклорными работами выступал литературовед В. Г. Базанов.

Журналы открывали своих интересных авторов. «Звезда Севера» напечатала на своих страницах стихи Александра Яшина. Уральский «Штурм» ввел в литературу магнитогорского машиниста А. Авдеенко, автора известного в 30-е годы романа «Я люблю». В магнитогорском рабочем журнале «За Магнитострой литературы» (1931—1934) среди производственных очерков, «записок строителей» публиковались стихи Бориса Ручьева — полные любви к краю, где

горы железа и реки ветров
у гордых людей в поводу [103].

В смоленском литературном журнале «Наступление» печаталось большое прозаическое произведение белорусского классика Якуба Коласа «Трясина», а в отделе «По западной области» публиковались очерки Александра Твардовского, уже наверно вынашивавшего в те годы образы «Страны Муравии».

Таким образом, периферийные журналы небезуспешно искали свои пути. И, однако, в середине десятилетия прекратили свое существование «Звезда Севера» (Архангельск), «Будущая Сибирь» (Иркутск; в 1935 г. она выходила под названием «Новая Сибирь»), литературно-художественный журнал «Звено» (Иваново), «На подъеме» (Ростов), «Поволжье» (Сталинград), «Подъем» (Воронеж). Несомненно, причиной прекращения этих журналов было, как замечала критика, их все-таки слишком замедленное совершенствование, то, что на каждую литературную находку приходились «тысячи тонн словесной руды». Если можно так сказать, литературная рентабельность журналов была все еще невелика, как и их тираж, колебавшийся в пределах 850—1 200—5 000 экз. [104]

С 1936 г. вместо прекращенных краевых журналов стали выходить редкие книги альманахов, толстые и скучные.

---

[103] «За Магнитострой литературы», 1934, № 3-4, стр. 15.

[104] В. Никонов. По краевым журналам.— «Литературная учеба», 1936, № 7. Следует, однако, оговорить наше несогласие с утверждением автора о том, что пре-

17 августа 1934 г. открылся Первый съезд советских писателей. Он продолжался две недели. Взятый на нем тон свободного, представленного разнообразными мнениями разговора о литературе, о реализме, о писателе и характере его работы и т. д. имел большое значение. Съезд уточнил и закрепил позиции социалистического реализма. О значении съезда хорошо говорят послесъездовские размышления журнальной критики.

Вот что писал по этому поводу журнал далекого, но «очень нашенского» Дальневосточного края. «Съезд дал богатейший материал... Доклады и прения не только расширяют кругозор, служат углублению мировоззрения, дают массу фактического материала, знакомство с происходящим в стране, за границей, но и наталкивают на план, помогают обобщать, философски мыслить, осваивать эпоху, дают ключ к учебе, что читать, наконец, от всех материалов съезда веет такой творческой бодростью, зарядкой, что хочется работать, без устали трудиться» [105].

В этом характерном высказывании съезд рассматривался как помощник в сложном деле творчества, живых поисках художника и деятеля литературы. Имевший огромное, международное значение, форум писателей (а многие из них были редакторами, членами редакционных коллегий ведущих литературных журналов и газет) не был лишь торжественным собранием. Это был рабочий орган социалистических литераторов.

Именно поэтому выступления писателей на съезде, утверждавшие идейное единство нашей литературы, продемонстрировали разнообразие путей и средств достижения поставленных целей. На съезде, например, довольно ясно прозвучало мнение о необходимости усилить коллективную работу литераторов. Это имело свои основания: известно, как много дала поездка в Среднюю Азию Н. Тихонову, П. Павленко, В. Луговскому, Л. Леонову. Известно, что как раз так создавались оригинальнейшие книги вроде «Былей горы Высокой», или сборника о Беломорканале.

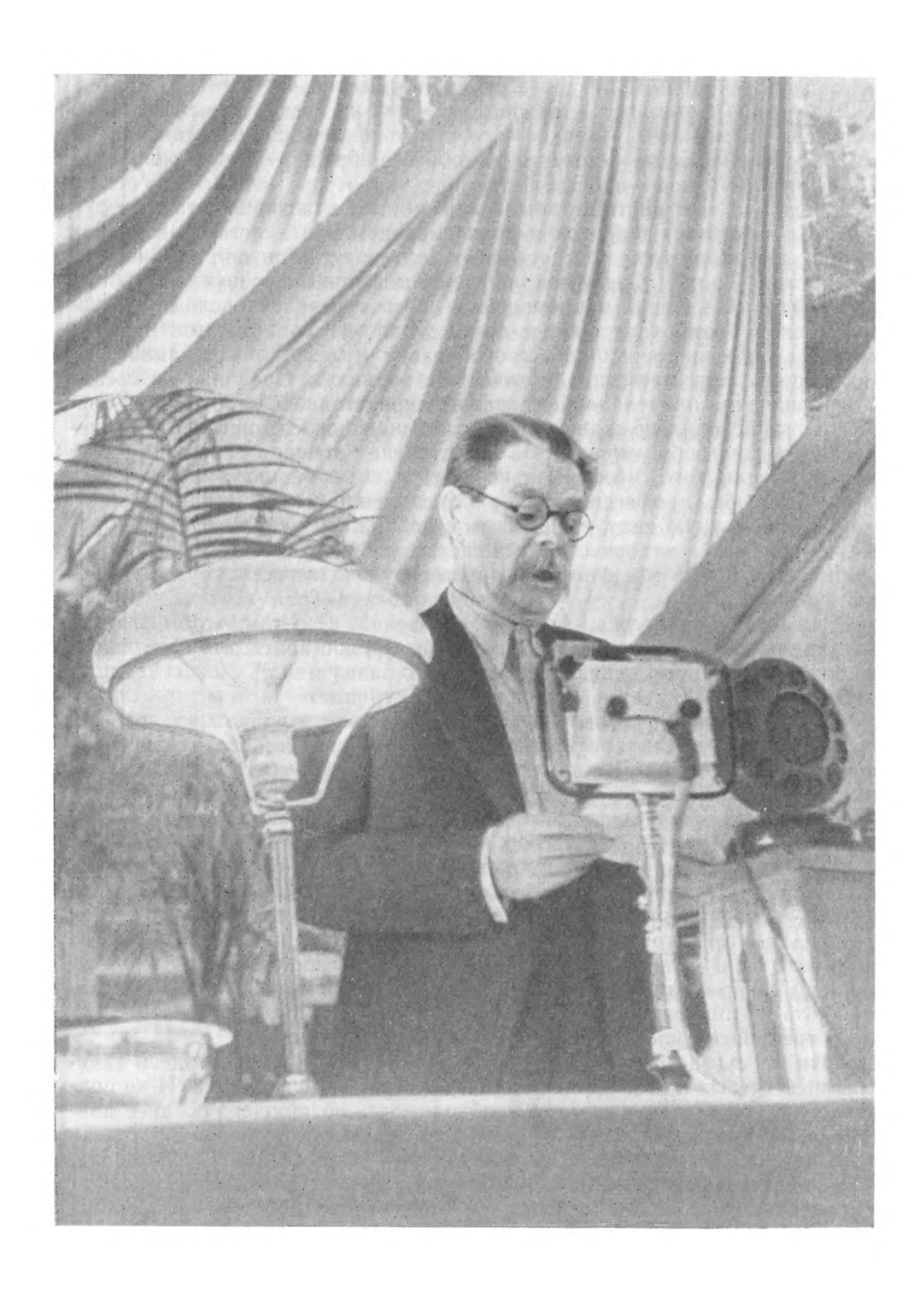
Коллективные поездки писателей не раз осуществлялись в практике журнала «Наши достижения».

Острые споры разгорелись вокруг доклада Бухарина о поэзии. Семен Кирсанов, Демьян Бедный, А. Сурков и другие резко возражали против попытки докладчика взять под сомнение линию боевой пролетарской поэзии, якобы отстающей от эстетических запросов читателя. А. Сурков особенно остро поставил вопрос о политической действенности стиха в нашей литературной печати. «Наша молодежь,— говорил он,— выходит на демонстрации с букетами цветов в руках. Но за плечом девушки в белом платье, идущей мимо Мавзолея, покоится винтовка. И строгая тень штыка падает через плечо на мостовую, указывая линию движения... Давайте не будем забывать, что не за горами то время, когда стихи со страниц толстых журналов должны будут переместиться на страницы фронтовых газет и дивизионных полевых многотиражек» [106].

кращение многих периферийных журналов было мерой чуть ли не плодотворной, ибо, дескать, выжили «самые жизнеспособные».

[105] И. Шабанов. Учиться, работать, дерзать.— «На рубеже», 1934, № 4-5, стр. 168.

[106] «Первый Всесоюзный съезд писателей». Стенографический отчет. М., Гослитиздат, 1934, стр. 515.

М. ГОРЬКИЙ ОТКРЫВАЕТ ПЕРВЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Полемика с Бухариным в то же время не означала, что выступавшие высказывались лишь за развитие публицистической, «трибунной» поэзии. В. Луговской, например, в своем выступлении на съезде не менее горячо отстаивал возможности лирики. «Все свои личные воспоминания, симпатии, опосредования, по-человечески любимые образы,— говорил он,— мы с большим смущением вносим в стихи.

А ведь это дает книге незабываемый аромат и жизненность» [107].

Съезд отличался широтой и разнообразием. На делегатских местах сидели представители прогрессивных литератур Англии, Франции и других стран Запада. Среди докладов съезда впервые прозвучали сообщения о состоянии наших национальных литератур — грузинской, украинской, белорусской, татарской и других: разговор о них имел принципиальное значение; речь шла о многообразии стилей, поисков национальных форм в искусстве социалистического реализма. Оценивая на съезде общее значение проделанной и, главное, предстоящей работы, М. Горький также исходил из живой диалектики идейного единства и художественного многообразия. «Союз писателей,— отмечал Горький,— создается не для того, чтобы только физически объединить художников слова, но чтобы профессиональное объединение позволило им понять свою коллективную силу, определить с возможной ясностью разнообразие направлений ее творчества, ее целевые установки и гармонически соединить все цели в том единстве, которое руководит всею трудотворческой энергией страны.

Речь идет,— продолжал Горький,— конечно, не о том, чтобы ограничить индивидуальное творчество, но чтобы предоставить для него широчайшие возможности дальнейшего мощного развития» [108].

Эти мысли, разумеется, относились и к журналам.

Требовательный разговор вызвали на съезде журналы, в которых практически осуществлялось воспитание и вызревание литературной молодежи, такие, как «Литературная учеба», «Рост». «Виданы ли где-нибудь в другой стране,— говорилось на съезде, специальные журналы, занимающиеся выращиванием новых литературных кадров? А у нас эти журналы есть, мы печатаем свои произведения в этих журналах...» [109]. Вместе с тем резко критиковался на съезде ненужный протекционизм в отношении к литературной молодежи, в том числе и в журналах. «Молодежи,— говорил украинский писатель Иван Ле,— очень легко дается право быть литератором: без борьбы, без активного преодоления своего бескультурья и овладения мастерством» [110]. В отношении таких журналов, как «Рост», отчасти «Октябрь» и «Молодая гвардия», это замечание было не лишено оснований. Во всяком случае оно призывало к высокой требовательности нашей литературной периодики.

Хотя на съезде о ряде журналов не говорилось, именно здесь завязывались «узлы» и намечались линии развития журналистики. И не подлежит сомнению, например, что необходимость возникшего позднее альманаха «Дружба народов» (о нем речь впереди) особенно отчетливо выявилась здесь, на съезде. Точно так же выступления С. Маршака, К. Чуковского были своеобразной программой действий для специальных журналов для детей — «Пионера», «Деревенских ребят», «Мурзилки» и т. д.

Съезд определил русло творческих поисков и отдельных журнальных «реконструкций». Так, в 1934 г. был реорганизован журнал М. Горького «Литературная учеба». «Журнал, создающийся в Москве, в результате

---

[107] «Первый Всесоюзный съезд советских писателей». Стенографический отчет, стр. 544.

[108] Там же, стр. 17.

[109] Там же, стр. 658.

[110] Там же, стр. 634.

слияния ленинградского журнала «Литературная учеба» с журналом «Рост», будет необычным явлением в журнальном мире. Это,— писала «Литературная газета»,— будет своеобразная энциклопедия литературного мастерства» [111].

После съезда редакторы большинства ведущих литературных журналов поделились на страницах печати своими планами, помогающими улучшить вверенные им издания.

«Новый мир» должен был «по замыслу редакции резко изменить свое лицо». Редакция предполагала, печатая 8—10 крупных вещей в год, в то же время особое внимание уделить новелле, небольшой повести. Значительно расширялся в этом журнале отдел критики [112]. «Октябрь», оставаясь в пределах выработанных им тематических устремлений (человек на производстве, в колхозной деревне), развертывал все более широкую работу с литературной молодежью. «Редакция,— сообщалось в «Литературной газете»,— выдвигает новые критические кадры» [113]. О стремлении поддерживать в журнале живую атмосферу «Дискуссионного творческого клуба» заявила редакция «Знамени». Принцип работы критического отдела этого журнала — «писать не о книгах, а о проблемах. Рецензии, как правило, исключены из числа признаваемых редакцией жанров» [114]. Активно выступать на арене литературных мнений намеревался «Литературный критик». Журнал обещал усилить осмысление эстетических проблем современной литературы, обратиться к «более углубленному изучению творчества советских народов» [115]. Выступая на II Пленуме ССП, С. Маршак делился своими планами коренной реорганизации «Детской литературы» и превращения ее в толстый энциклопедического типа журнал, создаваемый совместными усилиями писателей, критиков и ученых [116].

Потребность творческого осмысления и развития проблем социалистического реализма, намеченных и определенных съездом, вызывала к жизни не только видоизменения существующих, но и рождение новых журналов в области литературы и искусства: «Советский театр», массовый журнал критики и библиографии «Литературное обозрение», выходивший при «Литературном критике» под редакцией М. Розенталя. Исходя из того, что за годы Советской власти чрезвычайно возрос круг людей, читающих художественную книгу, журнал ставил своей задачей «связать широкие круги читателей с художественной литературой и давать при простоте и доступности изложения всестороннюю углубленную оценку выходящих книг» [117].

Движение журналистики, подсказанное жизнью, определенное съездом, продолжалось.

11

Съезд писателей обозначил основные линии живого творческого развития литературы и литературных журналов. В адрес литературы Советской страны на нем было высказано немало хороших, по справедливости гордых слов. Советские литература и журналистика не только по-

---

[111] «Новый журнал».— «Литературная газета», 10 октября 1934 г.
[112] «Литературная газета», 29 сентября 1935 г.
[113] «Литературная газета», 24 сентября 1935 г.
[114] Там же.
[115] «Литературная газета», 15 октября 1935 г.
[116] «Второй пленум Союза советских писателей СССР». Стенографический отчет, стр. 350.
[117] «Литературная газета», 24 декабря 1935 г.

явились на свет, они доказали свою жизненность и дееспособность, умение и желание помогать строительству нового общества. Но на съезде были замечены, может быть не так ясно и крупно, и другие явления литературной жизни, вызывавшие уже не гордость, а озабоченность.

Среди литераторов, деятелей печати, указывал, например, в своем выступлении Лев Кассиль, «есть работники, которых называют «тремолерами». Сегодня он раскатывается восторгом, самым восторженным тремоло, а через пять суток ему плевать на то, что он написал». Не менее значительные и справедливые претензии высказал Л. Кассиль и к литературной критике: «У нас до сих пор существует разобщенность между критикой печатной и критикой, так сказать, коридорной. Мы часто говорим про книгу, о которой пишутся восторженные отзывы, что книга эта, правда, идейно высока, но в литературном отношении дрянь страшная» [118].

Замечания такого рода — об ослаблении, а иногда и потере принципиальности, о двойственности, а значит и необъективности иных оценок — свидетельствовали о нездоровых явлениях в журнальной и литературной среде. Причем здесь едва ли можно было говорить лишь о случайности. Распространение получила неверная мысль о том, будто по мере победного шествия социализма сопротивление враждебных элементов будет всячески усиливаться и обостряться.

В литературных изданиях второй половины 30-х годов заговорили о новом гуманизме, чуждом ложной жалости. Мысль о беспощадном отношении к врагам революции сама по себе была верна. Но одностороннее подчеркивание именно этой стороны гуманизма заслоняло все другие его аспекты, делалось опасным.

Некоторые явления писательской журнальной жизни невольно заставляют вспомнить справедливо суровые суждения современников о нездоровых нравах в рапповской литературной печати. Так А. Фадеев приводил многочисленные примеры на этот счет. «У всех в памяти,— писал А. Фадеев в 1932 г.— многочисленные упражнения критика Залесского (в «На лит. посту», «Лит. газете», «Вечерней Москве»), бюрократически заносившего в разряд врагов рабочего класса почти всех, о ком бы он ни писал». «Известна статья в «Лит. газете», зачислявшая по ведомству классового врага поэта О. Колычева за то, что в его стихах есть «непреодоленный биологизм».

Такие сурово-самокритические признания, сделанные вскоре после ликвидации РАПП, должны были охладить любителей огульных обвинений и клеветы. Они помогали устранить нездоровое рапповское «разоблачительство» с пути развития литературы. И, конечно, нельзя во многом не согласиться с В. Вишневским, писавшим, что «В 1933, 1934 и отчасти 1935 г. советская литература меняла методы, темп и ритм работы. Самокритическая переоценка, глубокие раздумья, настойчивые искания,— вот что характеризует этот период» [119–125]. Вместе с тем ошибочные стороны рапповской критики, ее тон, ее методы борьбы с противниками, осужденные хотя бы в приведенном выступлении А. Фадеева, все же дали себя знать в связи с ростом отрицательных явлений, сопутствовавших нарушениям социалистической законности.

«Борьба с враждебными вылазками в поэтической практике должна быть усилена», «К ответу авербаховцев!», «Разоблачать воронщину!» Эти и подобные заголовки-требования «Литературной газеты» имели прямое отношение к литературным журналам.

---

[118] «Первый Всесоюзный съезд советских писателей». Стенографический отчет, стр. 172.

[119–125] «Знамя», 1935, № 11, стр. 202.

Неблагоприятная атмосфера складывалась в журналах, где в числе авторов оказывались писатели, незаконно репрессированные, несправедливо лишенные доверия, или допустившие в своих произведениях те или иные ошибки, погрешности, неудачи.

В «Новом мире» и «Интернациональной литературе», где усматривалось «прямое потворство классовому врагу», редакторы подвергаются необоснованным репрессиям. Тень политического недоверия легла и на многих журнальных деятелей.

Говоря о советской журналистике 30-х годов, нельзя не обратить особого внимания на то, что она и вся советская литература потеряли в эти годы А. В. Луначарского (26 декабря 1933 г.) и А. М. Горького (18 июня 1936 г.). Это были огромные невосполнимые утраты. Луначарский являлся крупнейшим и активнейшим деятелем советского литературного движения, выдающимся критиком и литературоведом, членом редколлегий многих советских журналов. О великой роли Горького в развитии советской литературы и журналистики и говорить нечего. Он был не только редактором нескольких журналов, но и руководителем и вдохновителем всей советской литературы. Смерть Луначарского и Горького не могла пройти бесследно для советской литературы, критики и журналистики.

Журналистика испытывает трудности. О журнальной критике в Постановлении ЦК ВКП(б) 1940 г. «О литературной критике и библиографии» говорилось, что она «находится в крайне запущенном состоянии». Но на протяжении всех 30-х годов советская журналистика продолжает развиваться и решать задачи, стоящие перед советским народом и его литературой.

Читая журналы второй половины 30-х годов с радостью видишь в них произведения отличные и глубокие, такие как «Тихий Дон» М. Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Последний из удэге» А. Фадеева, «Люди из захолустья» А. Малышкина, «Танкер Дербент» Ю. Крымова, «Испанский дневник» М. Кольцова, «Малахитовая шкатулка» П. Бажова, «Два капитана» В. Каверина, «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «Страна Муравия» А. Твардовского.

Журнальная критика этих лет ведет активную борьбу с вульгарным социологизмом. Это имеет большое значение. Начавшись с выступления «Правды» против вульгаризации в школьном преподавании, она была подхвачена советской журналистикой и критикой и выросла до всеобщего наступления на упрощенные социологические схемы, вульгарные «исследования», мешавшие как развитию литературы, так и ее изучению.

Принципиальный смысл имело появление в 1939 г. альманаха «Дружба народов». Освещение развития национальных литератур Советского Союза, решение проблем их единства, своеобразия и взаимодействия становится важнейшей задачей нашей журналистики и критики. Культурное и политическое значение этого обстоятельства невозможно переоценить.

Исключительно важную роль играла журналистика предвоенных лет в борьбе против фашизма и империалистической агрессии, в пропаганде идей советского патриотизма и интернационализма. Все журналы внесли свой вклад в решение этой общенародной задачи. Особо должны быть отмечены заслуги журналов «Знамя» и «Интернациональная литература».

Повторяем: журналистика продолжала успешно решать многие задачи, стоящие перед Советским государством, перед советской литературой.

12

Различные тенденции литературной и журнальной жизни обнаружились в событии, получившем название дискуссии о формализме. Дискуссия началась серией известных статей в «Правде»: «Сумбур вместо музыки», «Балетная фальшь», «Грубая схема вместо исторической правды», «Формалистические кривляния в живописи» и других. В них суровой критике подвергались непонятность и сложность, формалистические изыски, утверждались ясность и простота искусства. И это в чем-то напоминало споры о формализме и выводы из них, которые были сделаны в предсъездовской дискуссии.

Напоминало потому, что общим был противник — манерничание, самодовлеющий эксперимент, что общей была цель — утверждать путь к искусству больших мыслей и чувств, искусству, отвечающему на большие вопросы века. Сейчас очевидно, что словесное жонглирование, попытка таким образом «бить на оригинальность» сохранялась в каких-то переулках поэзии. Поскольку поэзия подобного типа проникала в журналы, важно было вступить с ней в спор, нейтрализовать ее действие, развеять иллюзии по поводу того, что возможен и плодотворен путь «блестящего», но в сущности поверхностного, безжизненного искусства. Именно в этой связи определялись значение, смысл и направленность выступлений о формализме(вернее против него). Именно в этом смысле, повторяем, дискуссия напоминала предсъездовский отпор формализму.

Однако были и различия.

Речь шла теперь о рецидивах формализма, который во второй половине 30-х годов уже не существовал в нашей литературе как нечто целое, как некоторое литературное течение с разработанной литературной программой, теоретической основой. Теперь кампания борьбы против формализма протекала в условиях иных: виднейшие представители формализма в литературе стали на позиции социалистического реализма, связи с формалистическими опытами 20-х годов, еще достаточно ощутимые в начале десятилетия, теперь нарушились, Андрей Белый был забыт. В этих условиях были особенно важны точность и избирательность, равно как и доброжелательность критики, чтобы устранить болезнь, не повредив здорового тела.

Однако как раз это непременное требование не соблюдалось. Критика формализма превратилась в «кампанию». Формализм был «обнаружен» в музыке, в живописи, в литературе, даже там и тогда, когда к этому не было оснований и поводов.

Именно поэтому дискуссия не носила характера литературного спора. Все, что не подходило под эталон простоты, осуждалось.

Такая «критика формализма» несомненно наносила искусству и журналистике урон. Но в разговор о формализме вступали все более широкие круги советских литераторов и в течении разговора наметился новый поворот. О формализме заговорили уже не только как о явлении литературного стиля в творчестве того или иного художника, но и как о факте более широкого значения: об опасности подчинения многообразия действительности упрощенным формулам.

В этой связи заслуживает внимания выступление в дискуссии Ивана Катаева, показавшего, как зачастую упрощались очень верные положения, например «изображение действительности в ее революционном развитии», искажался смысл нашего реализма.

«Как освещать сегодняшнюю действительность края,— говорили Катаеву писатели-горьковчане,— этот вопрос был для нас ясен. Вот, на-

пример, у нас в Горьком и в других городах мостовые очень плохи. Само собою разумеется, об этом мы не будем писать. Мы знаем, что к тому моменту, когда наша книга выйдет в свет или немного позже, мостовые у нас будут починены или даже заменены новыми. Так зачем же нам этого касаться?»[126]. Катаева глубоко волновала попытка обосновать искусство замалчивающее, парадное, лакировочное. И это была не только тревога за писателей горьковского края: дело обстояло гораздо шире, оно касалось не только писателей, но и журналов, стиля их работы, характера их деятельности, общественного лица.

Естественно, что облегчалась возможность появления на страницах даже наиболее требовательных толстых журналов произведений отписочных, поверхностных, легковесных. «Звезда», например, печатала в 1938 г. роман Глеба Алехина «Неуч», герой которого, стахановец, так проводит свой выходной день:

«8.30 — чай, 9 — чтение Ленина, 11 — прогулка, 12 — читка Шекспира, 13.30 — обед, 14 — концерт в коммуне, 15 — киносъемка, 17 — выступление по радио, 18 — чай и чтение газет, 20 — театр»[127]. В фокусе внимания автора в значительной степени находились сцены торжественных собраний. О явлениях такого рода уже не в прозе, а в стихах верно сказал в «Красной нови» Сергей Швецов:

В сюжетах заметна сноровка,
В эмоциях нет беспорядка,
И рифмы подогнаны ловко,
И мысли причесаны гладко[128].

И когда тот же И. Катаев горячо говорил о «народном демократическом искусстве» — именно демократическом «по духу, тону, идеалам, симпатиям, связям, в идее, в замысле, в синтаксисе, в лексике, в каждом движении мысли и чувства»[129], то это было продолжением истинного спора против застойности мысли, лакировки, отрыва от реальной жизни — болезней, поразивших как иных литераторов, так и литературные журналы.

«В литературе,— говорил Катаев,— они еще пока немногочисленны — люди душевной силы и мужественности, работники здорового, народного реалистического искусства, кровно связанные с интересами советской демократии, и молодые художники — сторонники этого направления. Голоса их, людей большей частью не слишком разговорчивых, зачастую тонут в шуме, вечно несущемся из лагеря служителей литературно-рыночной конъюнктуры и моды». Главным достижением нашей литературы Катаев справедливо считал книги Михаила Шолохова. «Дух его творчества глубоко демократичен». «Шолохов,— замечал Катаев,— единственный из нас, кто, по-моему, живет так, как нужно, и, иногда мне кажется, что он работает за всех нас»[130].

Это подчеркивание силы реализма, демократизма творчества Шолохова было знаменательно, ибо здесь утверждалось понимание социалистического реализма как искусства, утверждающего новую действительность, и в то же время искусства бескомпромиссной суровой правды в изображении народной жизни. Несомненно, что такие выступления

---

[126] «Красная новь», 1936, № 5, стр. 183.
[127] «Звезда», 1938, № 11, стр. 42.
[128] «Красная новь», 1938, № 3, стр. 255.
[129] «Наши достижения», 1936, № 5, стр 155
[130] Там же, стр. 156.

в дискуссии о формализме были направлены против развивавшейся в литературе и журналах помпезности и бесконфликтности, против тех писателей, которые «научились покрывать эстетским лаком не только букеты и дачные террасы, но и мельничный жернов, если угодно, и домны и соцсоревнование и все, что полагается» [131].

Выступление Катаева на дискуссии в Союзе писателей публиковалось в нескольких журналах, в том числе и в «Наших достижениях». Катаев с его самокритичностью, со стремлением «очиститься правдой» был не одинок. В «Наших достижениях» резко говорил о вялости, безынициативности журнальной критики Н. Зарудин. «Основная беда,— писал он,— в оторванности нас, литераторов, от живой жизни» [132]. После появления известной статьи М. Горького о формализме [133] в «Наших достижениях» развернулась критика толстых журналов. Интересно то обстоятельство, что статья М. Горького чрезвычайно мало говорит о формализме как явлении чисто литературном. Замечая, что «спор возник не внутри союза, а подсказан со стороны», М. Горький призвал продолжить его, но иначе — «включив в него тему о формах нашего поведения».

Под рубрикой «Журнал и творческая среда» в «Наших достижениях» прошел своеобразный «смотр» толстого журнала, начался серьезный и требовательный разговор о жизни, работе и поведении писателя. «Несколько грубых слов» (в действительности слов резких и справедливых) высказал по этому поводу К. Паустовский.

«Лицо литературной среды,— писал он,— особенно выпукло обнаружилось во время недавних споров о формализме и натурализме. Много ли было честных и мужественных слов? Очень мало. Гораздо больше было недостойных покаяний смехотворных отказов от самого себя, фальшивых актерских монологов и растерянности». Такого рода явления Паустовский, как и Зарудин и И. Катаев, связывал с тем, что писатели уходят от настоящей творческой среды — жизни «во всем многообразии ее явлений» [134].

Мишенью критики стала растущая пассивность писателей и журнальных редколлегий, утеря в журналах творческого отношения к делу, литературный бюрократизм. «Наши редакторы,— писал Л. Овалов,— относятся к своим обязанностям по-чиновничьи. Единственно, что заботит их при редактировании произведения, одно «как бы чего не вышло», как бы не заподозрили самого редактора в каком-нибудь пороке... Свой новый роман я печатаю в «Октябре». Но разве я чувствую какую-нибудь серьезную заинтересованность редакции в моей работе?» С. Гехт в статье «Наперсника мы ищем...» подчеркивал, что журнальная критика все реже выполняет роль друга и советчика писателя. Решительных сдвигов в работе наших журналов требовал П. Скосырев.

Обобщая эти и другие высказывания и пожелания, «Наши достижения» предлагали сплотить коллективы журналов чувством ответственности перед читателем, совместной деловой практической работой, помогающей сделать журнал средством творческого выражения участвующих в нем писателей. Они ратовали за более тесную связь журнала с народной жизнью, за борьбу с равнодушием, с редакторской некомпетентностью [135].

---

[131] ЦГАЛИ, ф. 634, оп. 1, ед. хр. 178, л. 28.
[132] «Наши достижения», 1936, № 5, стр. 135.
[133] «Правда», 9 апреля 1936 г.
[134] «Наши достижения», 1936, № 5, стр. 133, 134.
[135] Там же, 1936, № 5, стр. 124.

Дискуссия «Журнал и творческая среда» во многом предопределила тему статей о журналах в литературной печати второй половины 30-х годов.

В сущности в том же духе была написана статья А. Суркова «Пути перестройки» (1938), где писатель резко осуждал журнальную безликость и боязливых редакторов [136]. В остроумном фельетоне «Кипучая жизнь» И. Ильф и Е. Петров наносили сатирический удар по редакционной бездеятельности толстых журналов. С резкой критикой бюрократизации журнальной жизни выступил М. Зощенко. «Не становится ли,— спрашивал Зощенко,— подпись члена редколлегии пустой формальностью, а важная и ответственная работа редколлегий чуть ли не фиктивной?» [137]

Такая критика, к сожалению далеко не всегда исправлявшая недостатки, в то же время не проходила даром. Она являлась свидетельством того, что догматический схематизм и его «двойник» — редакционный бюрократизм — встречались с растущим сопротивлением. Большая часть литераторов восприняла догматизм и его следствия как величайшее бедствие.

Критика искусства, оторванного от масс, от интересов общественной борьбы, естественно предполагала некоторый положительный идеал. Таким идеалом, такой позитивной программой, одухотворявшей наступление на формализм и догматизм, явилось требование народности искусства.

Разговор о народности проходил на страницах литературной печати, пожалуй, с таким же размахом, как и осуждение формализма. Выступление «Правды», заявившей о необходимости «прививать школьникам любовь к классической литературе» [138], заметки Горького об учебнике литературы для средней школы вызвали новую широкую волну внимания к наследию Толстого и Некрасова, Герцена и Добролюбова, Чернышевского и Белинского.

То, что еще недавно было достоянием литературоведческих сборников, вызывало активный интерес в журналах; критики брались за литературоведческие темы, которые звучали свежо и актуально; так, актуально было рассмотрение высказываний и идей Белинского о народности, которую он считал альфой и омегой подлинной литературы. Столетие со дня рождения Белинского широко отмечалось «Литературным критиком» (1936, № 6). Исключительно велико было внимание в журналах к творчеству Пушкина; особенно развернуто отметили юбилейную дату «Звезда» (1937, № 1), «Литературный современник» (1937, № 1). В 1936 г. статьи о Пушкине печатались в «Октябре» (А. Лежнев. «Стиль пушкинской прозы»; В. Щербина. «Белинский и Пушкин»), «Новом мире» (Георгий Чулков. «Жизнь Пушкина») и ряде других журналов. Причем в них подчеркивались народные истоки и характер творчества великого поэта.

Новому интересу отвечали статьи с заголовками «Пушкин и фольклор», «Маяковский и фольклор». Н. Белкина выступала в «Октябре» со статьей «Ранний Горький и проблема народности» (1936, № 8), В. Ермилов печатал в «Красной нови» большую статью «За народность искусства» (1936, № 4).

В решении вопроса о народности, волновавшем все без исключения наши литературные издания и журналы, как и в вопросе о формализ-

---

[136] «Литературная газета», 5 февраля 1938 г.
[137] «Литературная газета», 10 августа 1939 г.
[138] «Правда», 8 августа 1936 г.

ме, сказались различные — сильные и слабые — стороны литературного движения второй половины 30-х годов. Важность широкой пропаганды народного искусства, которая, как мы видели, начиналась с размышлений о Пушкине и Белинском, состояла в более глубоком постижении искусства реализма.

Народность классики, народность применительно к авторам-современникам означала по сути открытие нового этапа, когда впервые так серьезно и решительно, с опорой на многовековой опыт литературы были развенчаны созревшие еще в недрах Пролеткульта старые иллюзии о том, что создать новое искусство, да и понять его способен один пролетариат.

Эта незамысловатая схема повторялась в разных модификациях и позднее; она отразилась в классовом высокомерии рапповцев, в третировании ими инакомыслящих, в лефовском нигилизме, в настороженности, с какой в то время приглядывались к таким художникам, как Алексей Толстой, Пришвин, Эренбург и др. Групповые антагонизмы были сняты Постановлением ЦК от 23 апреля 1932 г., но оно не решало всех теоретических, методологических проблем; кое-кого и в 30-е годы смущало дворянское происхождение Пушкина, вицегубернаторство Салтыкова-Щедрина.

Журнал «Детская литература» (1934, № 1) отрицательно высказывался о переводе рассказа Г. Сенкевича «Янко музыкант» на том основании, что, как казалось рецензенту, он по своему содержанию якобы более подходит не для советских детей, а для буржуазных дам-благотворительниц. И было бы еще полбеды, если бы высказывания такого рода не распространялись за пределы названного издания.

Но даже такой серьезный ежемесячный критико-библиографический журнал, как «Книга и пролетарская революция» (1932—1940), имея в виду произведения Марка Твена, требовал «решительной борьбы с проявлением гнилого либерализма в подходе к буржуазной детской литературе» [139].

Обращение к народности в плане, подсказанном журналам русской классической критикой, клало предел вульгаризации, которая проглядывала в приведенных выше суждениях. Народность означала несостоятельность того «художественного» мышления, которое опиралось на цитату, социологическую схему; она открывала новые широкие пути к национальному культурному наследию, к отечественным патриотическим традициям, способствовала воспитанию любви к родине, ее истории, к своему народу, что в предвоенных условиях являлось насущнейшей, важнейшей задачей. Недаром в этом утверждении национально-патриотических традиций активное участие принимало тогда такое созвездие талантов литературы и искусства, как А. Толстой, С. Прокофьев, С. Эйзенштейн.

Вместе с тем обращение к народности открывало новые возможности взаимообщения братских литератур. Как о народном поэте писал в «Октябре» (1936, № 11) Г. Красновский о белорусском писателе Якубе Коласе, в юбилейные пушкинские дни не забывали пророческие слова поэта «и назовет меня всяк сущий в ней язык», в «Звезде» Д. Выгодский писал «О переводах Пушкина на языки народов СССР», а поэт Вс. Рождественский выступал с сообщением «Пушкин в литературе Казахстана» (1937, № 1).

---

[139] Л. Г. С Томом Сойером не по пути.— «Книга и пролетарская революция», 1932, № 2-3, стр. 194.

С новой силой журналы заговорили о народном творчестве в смысле самом прямом — о фольклоре, о необходимости учиться народной речи. И в этом был тоже свой резон, достаточно ощутимый, когда мы вспоминаем, что внимание к фольклору сообщило многие прекрасные качества творчеству А. Твардовского и вызвало к жизни замечательные вещи П. Бажова.

Но в том-то и состоит сложность эстетического развития 30-х годов, что эти очень важные для литературы, для журналов качества — народность, фольклоризм — получали дополнительные оттенки, сужавшие эти широкие понятия. В принципе понятно и оправданно было появление на страницах толстых ежемесячников и «Литературной газеты» выступлений современных ашугов, акынов, сказителей, неоднократные публикации древних эпических сказаний. Неожиданная современность былины объяснялась уже не столько ее народностью, сколько соответствием определенного рода одическим потребностям. Поэтика древней героической былины использовалась как готовая «историей данная» форма для целей, по своей сущности не имеющих с народностью ничего общего.

Широта и простор, которые открывала народность в искусстве, подчас уступали место некоторому новому стандарту простоты, и многое, не отвечающее ему, более сложное — например, творчество Ильи Сельвинского — оказывалось «в тени». Народность, столь прогрессивная по основному своему содержанию, но истолкованная подчас узко и догматически, смыкалась с приукрашиванием. Все это затрудняло развитие литературы и журналистики. Но, может быть, не менее характерными были попытки критически разбираться в тех деформациях, тех искажениях, которые вольно или невольно сопутствовали борьбе журналов за народность. Мы не говорим об уже упоминавшейся статье И. Катаева, написанной в 1936 г.

Попытки за народное выдать приукрашенное, одическое искусство, искусство, имеющее односторонюю цель прославлять, вызывали возражения и позднее. И в этой связи нельзя не упомянуть дискуссионного выступления Н. Вирты в «Правде» «О смелости подлинной и мнимой» (1939), где резко осуждался схематизм, искажение правды, «замалчивание бывших или имеющихся трудностей и недостатков, всегда сопутствующих большим и смелым делам»[140–141]. Исходя из требований «суровой правды», писатель считал необходимым объявить произведениям, где народность служит оправданием упрощенности, лакировки, «беспощадную войну».

В предвоенные годы пожелания подобного рода были по ряду причин не легко осуществимы. Но произведениям украшательского толка не суждена была долгая жизнь, они пронеслись, «как пыльный вихрь», и забылись.

13

Упрощенный подход к понятию народности сообщал известные эстетические качества некоторым журналам, публиковавшимся в них произведениям. Возникавшая на рубеже 30-х годов реальная опасность очерковой поверхностности и фактографичности сменялась теперь угрозой эпического схематизма, фольклорной лубочности.

[140–141] «Правда», 6 апреля 1939 г.

Эти эстетические принципы проникали даже в журналы, весьма далекие по своим художественным убеждениям и пристрастиям от подобной поэтики, например, в «Знамя», в повести и романы очень нужного стране в преддверии 40-х годов оборонного характера, как «Первый удар» Шпанова, а в известной мере и «На Востоке» П. Павленко (при всем различии их художественного уровня).

Легкость разрешения огромных международных конфликтов, легкость и молниеносность военных побед, разумеется, лишь ослабляли эти произведения. Надо было пережить суровые события Великой Отечественной войны, чтобы в достаточной степени осознать это.

Было бы совершенно неверно, конечно, представлять дело так, что весь эпос, все толстые журналы оказались под влиянием тенденций поверхностного схематизма. Более того, именно в 30-е годы советский роман, публиковавшийся на страницах ведущих толстых журналов, дал блистательные образцы глубинного проникновения в действительность, в характер советского человека. Именно такой силой и бесстрашием реализма отличается роман М. Шолохова «Тихий Дон», последняя книга которого всколыхнула всю нашу литературу, вызвала обширную и горячую дискуссию[142]. Но точно так же неверно снимать и проблему «мультипликационного эпоса». Эта проблема существовала, и она была достаточно серьезна. И, может быть, как раз несогласие с эстетическими принципами лубочного схематизма вызвало известное эстетическое противодействие именно во второй половине — в конце 30-х годов.

По-видимому, не без принципиальных соображений Леонид Леонов называет свою комедию конца 30-х годов «Обыкновенный человек». Произведения панорамно-батального плана сменяются пьесами интерьерного характера, причем не менее, может быть, глубокими и значительными — такими, как «Машенька» А. Афиногенова, «Таня» А. Арбузова и т. д. В области прозы при всем огромном значении романа и даже романа-эпопеи нарастает движение в области малых жанров.

---

[142] Под рубрикой «Обсуждаем роман Михаила Шолохова «Тихий Дон» в «Литературной газете» (1940) со статьями выступили: М. Чарный («О конце Григория Мелехова и конце романа» — 26 июня; «Пульс есть!» — 6 октября), В. Ермилов («О «Тихом Доне и о трагедии» — 11 августа), А. Лейтес («Без «счастливой развязки» — 8 сентября). П. Громов («Григорий Мелехов и Михаил Кошевой» — 6 октября).

Довольно сильная струя рассказа, о котором заговорили в печати [143], струя малых жанров, по своей эстетической природе не отвечавших «мультипликационному эпосу», показывает существенность проблемы тонкого журнала, питавшегося главным образом рассказом и небольшим лирическим стихотворением, фельетоном, миниатюрой, зарисовкой.

Что и говорить, отряд тонких литературно-художественных изданий сильно поредел в 30-е годы. В силу разных причин — параллелизма, экономии средств, падения тиража и т. д.— не стало таких журналов, как «Прожектор (1923—1935), «Красная нива» (1923—1931), «Красная панорама» (1923—1930). Прекратился журнал «Борьба миров» (1930—1933), перестали выходить некоторые сатирические издания [144]. Но при всех сложностях и трудностях сохранился и продолжал действовать журнал «революционной романтики, приключений, путешествий и научных открытий» — «Вокруг света», который печатал фантастические вещи А. Беляева «Звезда КЭЦ», «Воздушный корабль», очерки К. Паустовского и Н. Тихонова, статьи К. Циолковского, переводы из прозы Я. Гашека, В. Бределя, Фридриха Вольфа.

На протяжении 30-х годов продолжал свою немаловажную сатирическую работу «Крокодил».

Стал обширнее «Огонек», который издавался тиражом 300 тысяч экземпляров — разумеется, недостижимым в те годы для журналов толстых. Быстрота появления, огромность читательской аудитории, отсутствие строгости и «чопорности», свободный переход от серьезной статьи и глубокого рассказа к материалам развлекательным, к кроссворду, фотовитрине, монтажу и т. д. — все это по-прежнему отличало тонкие журналы.

Недостатки толстых журналов в определенной степени относились и к тонким, рецензент писал о явлении невероятном: о скуке в комсомольском литературно-художественном журнале «Смена» [145], который как раз должен был бы быть (и был в начале 30-х годов) журналом веселым, активным, боевым — с комсомольской поэзией, очерком и рассказом.

Сухих и бесцветных материалов было много и в журнале «Работница». Известен спор «Наших достижений» с «полутонким» журналом «30 дней», в котором верно отмечалась слащавость, проникшая на страницы этого издания в середине 30-х годов [146].

И все-таки живые черты тонкого журнала, само его содержание, сам дух помещенных там лучших рассказов были достаточно значительны и интересны: в них чувствовалось внимание к человеку, к его обычным нуждам, делам, развлечениям, надеждам, быту и т. д. Поэтому при всей малочисленности тонких журналов 30-х годов, их нельзя обойти молчанием. Среди них выделялось такое издание, как ежемесячник «30 дней», журнал, который, по слову Луначарского, заинтересовывал «даже ма-

---

[143] Это внимание к рассказу было отмечено в критике журналов в «Литературной газете».

В передовой газете «Культура рассказа» (15 июля 1939 г.) указывалось, что «у нас появился сейчас целый ряд талантливых молодых писателей, культивирующих жанр короткого рассказа». «Вопрос о рассказе,— заключала газета,— должен стать в центре внимания советской критики...»

[144] Динамика сатирических журналов весьма тщательно и полно прослежена в книге С. Стыкалина и И. Кременской «Советская сатирическая печать. 1917—1963» (М., 1963).

[145] П. Иванов. Скука бродит по журналу.— «Большевистская печать», 1938, № 13, стр. 23.

[146] «Наши достижения», 1936, № 5, стр. 147.

локвалифицированного читателя» красочной подачей материала, популярностью изложения [147].

Это был действительно популярный, разнообразный журнал. Последние два качества определялись самим его содержанием. Журнал с «календарным» заглавием смело шел навстречу героическому времени. Здесь можно было прочесть художественный очерк Макса Зингера «Штурм севера», отражавший явления известной арктической эпопеи 30-х годов. О горской республике рассказывал Дзахо Гатуев («Письмо о кукурузе»), о новой промышленности писал Евгений Кригер. Но «30 дней» не ограничивался пределами очеркизма. Несмотря на лимитированный объем, именно этот журнал печатал сатирический роман «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова. Здесь увидела свет повесть Льва Кассиля «Вратарь республики», впоследствии экранизированная, где героем дня становился не спортивный кумир Антон Кандидов, а низкорослый смешной Карасик, страстно болеющий за свою команду. Здесь любили остроумие и сжатость, короткие рецензии, заметки. «Фирменный» отдел «30 дней» давал пеструю месячную хронику — краткие, но любопытные сведения о международной выставке художников, о строящемся советском метро («Шестьдесят тысяч пассажиров в час»), о новых способах консервации крови. Филателист мог познакомиться в журнале с историей в почтовых марках; шахматист — решить предложенную журналом новую шахматную задачу. «30 дней» не забывал, что у читателя, перевыполняющего нормы, есть свой досуг и отдых. И вот эти его качества, эта краткость, эти острые булавки ильфо-петровского юмора, блеск и законченность рассказа делали журнал живым, интересным.

При всем разнообразии и разнокалиберности материалов «30 дней» все более формировался как журнал прежде всего рассказа и был, может быть, даже более других последователен в отстаивании своего складывающегося жанрового лица. Как журналу малых жанров, причем не столь уж заслуженному и авторитетному, ему грозила опасность утерять свою самостоятельность: в первой половине десятилетия количество журналов сокращалось, многие из них сливались, как это случилось, например, с журналом «Рост», поглощенным более сильной и авторитетной «Литературной учебой». Но с «30 днями» этого не произошло; журнал не растворился в другом, более сильном издании, он не вы-

[147] «Пятилетие журнала «30 дней».— «30 дней», 1930, № 2, стр. 93.

строился в затылок «Нашим достижениям» только потому, что они возглавляли колонну. Своей художественной концепцией журнал «30 дней» был близок другому тонкому массовому изданию — журналу «Вокруг света», на страницах которого утверждалось: «Мы стараемся те или другие материалы подавать не в форме сухого очерка, а в сюжетной форме» [148].

Жанровой определенностью журнал убеждал читателя, доказывал свою художественную правомерность. Вот почему Горький, ревностный сторонник фактического очерка (в этом духе выдержаны его первые советы и пожелания «30 дням») [149], одним из первых понял своеобразную внутреннюю специализацию журнала как специализацию рассказа, и в соответствии с этим дал четкое определение жанровой специфики ежемесячника.

«Это очень хорошее намерение,— писал А. М. Горький редактору журнала П. А. Павленко в 1933 г.,— превратить журнал «30 дней» в журнал для ознакомления нашей литмолодежи с техникой маленького рассказа. Все великое или, скажем, крупное — создается из малого. А у нас повелось так, что молодой писатель стреляет в читателя сразу — романом» [150]. К этой горьковской мысли внимательно прислушались в редакции. Письмо здесь вспоминали и после смерти Горького в передовой программного характера — «Журнал новеллы» (1940), замечая, что журнал ставит своей задачей культивирование «советского рассказа высокого стиля» [151]. В самом процессе движения журнала горьковская мысль обогащалась, уточнялась, развивалась.

«30 дней» не ограничился высказанной в письме Горького программой литературной учебы: он становился органом новеллистов-«профессионалов», сюда приходили мастера, независимо от того, что они держали в руках,— кисть или перо. Живой и разнообразный рисунок, подчас очень зрелый и совершенный (будь то художественные миниатюры А. Каневского, талантливые иллюстрации А. Сойфертиса, В. Горяева, гравюры на дереве Г. Кравцова), в большей своей части удачно «аккомпанировал» рассказу, придавал журналу те свежесть и привлекательность, которых порой так недоставало толстому бескрасочному ежемесячнику.

Но дело было не только в такой внешней завлекательности. Журнал был интересен своими рассказами.

В разное время в «30 днях» были прописаны лучшие советские рассказчики. В журнале увидели свет многие рассказы Исаака Бабеля («Дорога», «Конец богадельни», «Иван да Марья» и другие). Глубиной и содержательностью его рассказов, умением увидеть во всей сложности жизнь и человека, попавшего в великий водоворот революции, многое определялось в журнале. Об индивидууме и обществе, о трудных драматических путях художника в современном искусстве писал Юрий Олеша в размышлениях о попутчике Занде; он же не раз выступал и с критическими статьями («Заметки о литературе» — 1937, № 3; «Об Ильфе» — 1937, № 9). В журнале печатались рассказы и очерки Николая Тихонова, Л. Сейфуллиной, Артема Веселого, Р. Фраермана, Всеволода Иванова. Здесь публиковались отличные переводы новелл Константина Гамсахурдия, Стефана Зоряна, Габита Мусрепова.

Живой, разносторонний журнал оказывался далеко не «легкомысленным», поскольку его лучшие рассказы, миниатюры, да и не только

---

148 «Вокруг света», 1935, № 6, стр. 32.

149 «30 дней», 1931, № 8, стр. 60.

150 М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т. 30. М., Гослитиздат, 1956, стр. 268.

151 «30 дней», 1940, № 5-6, стр. 4-5.

его, а и других тонких журналов, размышляли о человеке и нашей жизни естественно и не шаблонно.

Рассказ, отрывок, который, казалось, никак не может спорить с романом, который, как осколок большого зеркала, отражает только малую часть целого, звучал неожиданно и сильно в тех случаях, когда маленькое зеркальце выхватывало деталь, малозаметную на общей картине, портрет, который теряется в тысяче других портретов. Записи Ильфа в дневнике 1936 г., которые опубликовал «Огонек», схватывали жизнь остро и своеобразно. «За нарушение взымается штраф». Вот, собственно, все сигналы, которые имеются на наших автомобильных дорогах»[152]. За этим лапидарным «дорожным» стилем угадывались другие явления жизни, шутливая запись становилась глубоко содержательной.

«Мелочи жизни» — это было то, мимо чего слишком часто проходили. Тонкий журнал улавливал их; в зеркальце отражался портрет человека. Не только того, что вершил судьбы страны, но как раз обычного, каждодневного, будничного. Он возникал из классических вещей, печатавшихся тонким журналом (например, новеллы Шолом-Алейхема в «Огоньке»), из рассказов Зощенко, Василия Гроссмана, где герой измерялся наличием или отсутствием человечности.

Именно поэтому в «30 днях» были естественны глубокие по содержанию и художественному выполнению рассказы Андрея Платонова, в которых отражалась неистребимая нравственная потребность добра, сочувствия и помощи другим людям. И даже более слабые художественно рассказы «30 дней» были рассказами о человеческих чувствах, обыкновенных людях.

О том, что потребность в такого рода вещах была ощутимо велика, ясно говорит огромный успех фильмов Чарли Чаплина «Огни большого города» и «Новые времена», успех кинофильма «Маленькая мама», о котором А. Афиногенов писал: «Люди выходят из кино, как из церкви, сияющие, умиленные... В кино громадные очереди, а те, кто смеются, аплодируют, вытирают слезы умиления... А ведь фильм этот далеко не выдающийся, даже наоборот,— но так истосковались люди по простым людским отношениям, повседневным и хорошим, что и этому они рады безумно»[153].

Секрет фильма был близок секрету «30 дней».

---

[152] «Огонек», 1939, № 1, стр. 19.

[153] А. Афиногенов. Дневники и записные книжки. М., «Советский писатель», 1960, стр. 384, 385.

В «30 днях» не было постоянного отдела критики. Но в толстых и специально критических изданиях критика, хотя и не всегда удачно, делала свое дело. Она развивалась, то вырываясь вперед, то серьезно отставая.

Но прежде всего критика начинала — в связи с ликвидацией РАПП — с отталкивания от недавних, таких солидных внешне попыток бесплодного налитпостовского умствования.

Почвой этого «умствования» оказывались цитата, положение ответственного доклада, которое заменяло и изучение вопроса, и знание жизни, и, наконец, эстетическое чутье, умение понять и тонко интерпретировать художника. Может быть, поэтому прежде всего как раз сами художники высказали свое решительное несогласие с такой критикой. В журнале «Книга и пролетарская революция» (1933, № 8) в этой связи выступил Алексей Толстой. «Недочеты и ошибки нашей критики,— говорил Толстой,— таились в той основной вульгаризации, что будто бы критика — скальпель, правда классово направленный, но все же скальпель, разнимающий по частям тело искусства. Критик стремился стать своего рода Робеспьером в Конвенте искусства, неподкупным ни на какие штучки художественного обольщения». «Робеспьер,— продолжал Толстой,— сквозь строки, отстраняя их досадную пестроту, их ненаучную эмоциональность, следит проскрипционным взором в тайные извилины писательского мозга, ища в них признаки для классификации». Выход из этого положения представлялся А. Толстому в сближении ви́дения мира у критика и художника: «У критика,— замечал он,— прежде всего глаза художника (а не диоптрии классификатора), темперамент художника, дерущегося в пыли и в поту в общей свалке искусства» [154].

Одна из первых реакций критики на признание несостоятельными критических схем как раз и состояла в желании увидеть и понять писателя его средствами, войти, как говорил в свое время Гете, в его страну.

Именно поэтому критик уподоблялся режиссеру, который «берет рукопись и вскрывает её скрытую между строк энергию». Это говорил не только А. Толстой в приведенном выше выступлении [155]. И когда в газете литераторов указывалось еще совсем по-налитпостовски, что задача критики ограничивается сферой политики и идеологии, что в эту задачу входит указывать на «классово враждебные тенденции творчества того или иного писателя», бороться с «буржуазной опасностью в литературе» [156], было понятно появление полемической статьи К. Зелинского «Бекасинник или забота о критике как искусстве» [157]. Именно об искусстве критики, а не о хладнокровной работе критикой-скальпелем.

Прикоснуться к реальной данности искусства, проникнуть, не разрушив, в его ткань — эту потребность в неравной мере, но тем не менее довольно дружно ощутили разные литературные журналы. Она чувствовалась на протяжении едва ли не всего десятилетия. Не случайно в выступлении критика Як. Рыкачева «Культура критической статьи»

---

[154] Алексей Толстой. Критик должен быть другом искусства.— «Книга и пролетарская революция», 1933, № 8, стр. 45.

[155] Мысли, созвучные выступлению А. Толстого, не раз высказывались в ходе предсъездовской дискуссии.

[156] «Литературная газета», 23 октября 1932 г.

[157] «Литературная газета», 23 декабря 1932 г.

(1939) вновь возникал вопрос о художественности, индивидуальности, самобытности критики [158]. Такого рода критика, где постижению художественной системы писателя, его пути и облика, анализу образной ткани его произведений придавалось важное значение, получила наименование конкретной. Эта критика, словно заново открывала дверь в литературу, чтобы понять, каким разнообразием, каким богатством творческих индивидуальностей она обладает. Журналы как бы соперничали друг с другом в деле познания писателей: в «Литературном современнике», где, кстати, открылся специальный отдел литературного портрета, об А. Прокофьеве писал И. Гринберг («Александр Прокофьев» — 1933, № 10), в «Красной нови» — А. Селивановский («В обжитом доме» — 1935, № 7), в «Октябре» — С. Малахов («О творчестве А. Прокофьева» — 1934, № 12). О поэзии Багрицкого писал в «Литературной газете» Н. Оружейников («Начало будущего оперения» — 29 мая 1932 г.), в «Знамени» — А. Лейтес («Песня не согласна ждать» — 1934, № 4), в «Красной нови» — В. Дынник (1935, № 5). Каждая из статей была попыткой найти и показать читателю своеобразие писателя, сам анализ строился в свете этого своеобразия.

Конкретная критика занимала определенное место и в деятельности ведущего критического журнала 30-х годов — «Литературного критика», рождение которого было связано с Постановлением ЦК от 23 апреля 1932 г., с созданной им новой литературной атмосферой: во вступлении, написанном редакционной коллегией и открывавшем этот журнал, отмечалось, в частности, что «конкретная критика, анализ реальных художественных произведений и всей разносторонней литературной жизни не может... не стоять на первом плане» [159].

Одновременно здесь серьезно думали о теории, чтобы сделать ее более гибкой, более полно и научно охватывающей и объясняющей искусство. Отделом обобщающих статей, написанных в духе этих новых требований, открывался журнал. Кроме того, здесь широко были поставлены обзоры и библиография, главным образом литературоведческих работ. Постоянным и присущим именно этому журналу был отдел «критика критиков», выступавший с рядом обсуждений, задачей которых было найти и выработать стиль серьезной критики, или, как говорили в редакции, осуществить «повышение критической культуры».

«Литературный критик» (1933—1940) был призван очистить критику от ее пережиточных рапповских форм. Именно поэтому новому журналу придавалось немалое значение, его первые шаги вызвали одобрительные оценки [160]. Правда, в целом журнал слышал больше упреков, чем похвал. При этом в расчет не всегда принимался активный, деятельный характер работы журнала, который мыслил себя не поставщиком некоторых истин в последней инстанции, а, так сказать, «инженером» от теории, который сам эту эстетическую теорию ищет и продумывает, сам видоизменяет и добавляет новые необходимые детали. Именно как литературно-критический орган журнал удачно характеризовал уже известные нам слова про критика, «дерущегося в пыли и в поту в общей свалке искусства». В соответствии с самой

---

[158] Як. Рыкачев. Культура критической статьи.— «Литературная газета», 5 августа 1939 г.

[159] «Наши задачи».— «Литературный критик», 1933, № 1, стр. 6.

[160] В качестве примера укажем на статью Х. Кантора «О литературной критике» («Большевик», 1933, № 23), где он, отметив ряд статей «Литературного критика», посвященных социалистическому реализму, утверждал, что «высокий теоретический уровень этих статей не может идти ни в какое сравнение с критическими писаниями рапповского периода» (стр. 91).

сутью критики здесь жарко спорили, полемизировали, не соглашались. В полемическом взаимодействии, в связях с литературной и журнальной жизнью, не мешавшей «Литературному критику» заниматься теорией, раскрывались особенности журнала, как сильные, так и слабые его стороны.

К сожалению, теоретический поиск и самостоятельное развитие критической мысли были затруднены. Некоторые критики забывали об элементарной истине, гласящей, что критиковать — значит не соглашаться, значит высказывать свое мнение. Рядовой читатель, неискушенный в критических тонкостях, равно как и писатель-профессионал, ощущали это как некоторый едва ли не общий недостаток критики.

«Существенным недостатком современной критики,— замечал в беседе с журналистами токарь А. Ф. Теплов,— является ее вялость, беспафосность, я бы сказал: пишут критики как будто работают «на чужого дядю» [161]. Более точно говорил по этому поводу в одном из своих докладов Алексей Сурков: «Поражает бесстрастность «оглядливость» критики. За последнее время пишут статьи со «страховыми» абзацами. Если похвалят, то обязательно вставят абзац, в котором есть осуждение, чтобы в случае проработки сослаться на этот абзац» [162]. Критические выступления теряли ясность и определенность.

Критика, смысл которой состоит в самостоятельности суждений, невольно порой отдавалась течению событий и мнений; появлялись критики, которые не обладая собственным мнением, прислушивались к голосам отовсюду: «Недостаток нашей критики,— замечал Ю. Юзовский,— это ее «благополучность», мудрое сбалансирование «добра и «зла» [163].

Именно поэтому углубленная разработка теории реализма, эстетики социалистического искусства и литературы приобретала особое значение. Это была выработка серьезной позиции. Не случайно в одном из выступлений М. Розенталя перед редакцией «Литературного критика» о задачах журнала подчеркивалось, что «главной задачей критики стала разработка положительных вопросов литературы, больших вопросов литературы — вопросов создания марксистско-ленинской эстетики, создания социалистической литературной науки» [164].

В журнале «Литературный критик» понимали, что решить эту задачу или хотя бы приблизиться к ее решению можно лишь при условии широкого знакомства с литературной и эстетической мыслью разных времен и народов, в условиях свободного обсуждения проблем современной литературы.

Важнейшее значение здесь приобретали статьи-исследования и обзоры с широким охватом, статьи и материалы проблемного характера, главным образом посвященные вопросам реализма. В журнале печатались статьи М. Храпченко «Реализм Гоголя», Г. Перимовой «Флобер и буржуазный реализм», А. Еголина «Реализм Некрасова», Л. Жукова «Основатель народнического реализма», М. Эйшискиной «Буржуазный реализм на новом этапе», Г. Лукача «Реализм в современной немецкой литературе». В журнале печатался перевод эстетики Гегеля, талантливый В. Гриб выступал со статьями «Учение Винкельмана о красоте», «Учение Лессинга о реализме», М. Розенталь писал об эстетике Плеханова. Г. Фридлендер рассматривал

---

[161] «Литературная газета», 24 января 1935 г.

[162] «Литературная газета», 16 февраля 1936 г.

[163] «Литературная газета», 12 января 1934 г.

[164] Стенограмма собрания редакции журнала «Литературный критик», ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 18, ед. хр. 7, л. 5.

взгляды на искусство в трудах Фридриха Энгельса. Широкое обращение к творчеству крупнейших советских и западных писателей, к творчеству классиков и современников, наконец, к вершинам мировой эстетической и общественной мысли расширяло кругозор «Литературного критика», поднимало критерий его оценок, придавало силу в спорах.

«Литературный критик» не раз упрекали в том, что увлечение теоретическими и историческими вопросами мешает ему вести разговор о литературе современной [165]. Однако в журнале были опубликованы интересные статьи о романах Эренбурга, о рассказе (В. Гоффеншефер. «Судьба новеллы»), о прозе Ивана Катаева (Ф. Левин. «Иван Катаев»), об особенностях творческого развития М. Зощенко (А. Бескина. «Лицо и маска Михаила Зощенко»). Здесь печатались талантливые работы критика В. Александрова. И было бы неверно не видеть связи этих и других критических работ со статьями, на первый взгляд далекими, «отвлеченными», вроде исследования А. В. Луначарского «О смехе» (1935, № 4), статей об эстетике Канта, о философии эпической поэзии, о проблемах художественной формы, о теории романа.

«Общемировой» эстетический замах «Литературного критика» (статьи о Шекспире, Мопассане и эпохе Просвещения, о Гегеле и Джамбаттисто Вико) и был той особенностью, которой, может быть, недоставало толстому журналу. Толстый журнал, разумеется, делал свою необходимую работу, в нем действовали свои и интересные критические силы [166]. Но сведéние журнальной критики к монографиям и портретам оказывалось не только сильной, но и слабой стороной ряда толстых журналов. Проделанная «Литературным критиком» работа по борьбе против узости и схемы, его попытки глубже понять смысл реализма, соотношение между мировоззрением и методом и ряд других вопросов были не только внутренним делом журнала. Они были важны для всей нашей литературы.

Полемику с «Литературным критиком» нельзя было вести на низком уровне теоретической и эстетической подготовки (это заранее обрекало на неуспех), и поэтому спорящим приходилось подтянуться.

Говоря о ленинской теории культурной революции в передовой «Ленин и проблемы культурной революции» (1935, № 1), журнал подчеркивал глубокую и принципиальную трезвость ленинского взгляда на вещи, резкость его призывов бороться с бюрократизмом, «азиатчиной», взяточничеством, отсталостью. В той же передовой осуждалось возникшее в 30-е годы лакировочное понимание культуры и порицались теоретики, «в порыве умиления воспевающие пальмы и фикусы на заводе, внешность, блестящую поверхность и выдающие все это за социалистическую культуру» [167].

Являясь последовательным противником упрощений искусства, «Литературный критик» сыграл значительную роль в развернувшейся и принявшей, как отмечалось, фронтальный характер [168] борьбе против вульгарного социологизирования.

---

[165] «Догма и творчество».— «Литературная газета», 20 декабря 1937 г.

[166] Совершенно необходимо отметить плодотворную работу целого ряда критиков в толстых журналах. Они внесли свой положительный вклад. Б. Бурсов, Е. Добин, А. Дымшиц, Н. Коварский, Н. Свирин, И. Эвентов — главным образом своими работами в ленинградских журналах; И. Анисимов, И. Лежнев, А. Гурвич, В. Ермилов, А. Дерман, Б. Бялик, И. Альтман, Г. Бровман, А. Лейтес, А. Тарасенков, Т. Мотылева, Д. Мирский, С. Динамов, В. Кирпотин, М. Серебрянский, Е. Книпович, А. Селивановский, Е. Усиевич, Е. Трощенко и др.— статьями в ряде столичных толстых журналов.

[167] «Литературный критик», 1935, № 1, стр. 17.

[168] «Звезда», 1936, № 7, стр. 237.

Борьба с вульгарным социологизмом была начата А. М. Горьким и А. В. Луначарским. Огромное значение имела критика вульгарного социологизма в «Правде», которая в статье «Привить школьникам любовь к классической литературе» (1936) резко осудила практику вульгарных социологов в школьном преподавании. «Литературный критик» сделал эту борьбу частью своей теоретической программы [169].

Подчинение живого многообразия действительности формуле «жить стало веселее», согласно которой автор заставлял «60-летнюю старуху-крестьянку вступить в физкультурный кружок и проделывать зарядку» [170], равно как и социологическое расчленение живого тела русской классики были одинаково неприемлемы для «Литературного критика».

В большой статье «Социологисты» и проблемы русской литературы» (1935, № 10) И. Сергиевский подверг рассмотрению те учебники и пособия, которые формировали взгляды школьников и студентов, т. е. по существу тысяч и тысяч людей, на творчество Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Он показал, что за спорами этих учебников о том, является ли Пушкин «идеологом старой родовитой аристократии» или идеологом «среднепоместного дворянства» исчезал вопрос о том, «почему Пушкин нужен нам», исчезала сила его поэзии, подобная силе жизни.

В таком же духе прозвучали уже упоминавшиеся выступления против критики «Нового мира», статья Л. Денисовой «Энциклопедия вульгарной социологии» (1937, кн. 5), книга редактора «Литературного критика» М. Розенталя «Против вульгарной социологии в литературной теории» (1936).

Намерения «Литературного критика» ко многому обязывали: к широте и объективности мнений, высказанных так, чтобы строгость и подлинная принципиальность не исключали бы дружеского внимания и товарищеской доброжелательности (как это было в журналах М. Горького). К сожалению, в критических ошибках «Литературному критику» не хватало подчас достоинства и такта, необходимой самокритичности.

Справедливо ополчаясь против критической беззубости, «Литературный критик» невольно впадал в другую крайность; иные его статьи, особенно некоторые полемические, содержали, к сожалению, много ненужного издевательства, высокомерия, стремления уязвить. В статье, направленной против «Литературной газеты» [171], этот орган сравнивался с щедринским Флором Лаврентьевичем Ржанищевым, который никак не мог ответить на вопрос, какого он образа мыслей. Хлесткость предопределяла исход спора, где тяжелая артиллерия высказываний из Фихте и Шеллинга объединялась с argumentum ad hominum (если можно так сказать по отношению к печатному органу).

Критика такого рода напоминала в чем-то приговор, который всем своим ходом рассуждений призван был убедить читателя: обжалованию не подлежит.

Даже в большом обзоре журнала «Театр и драматургия» в «Литературном критике» (1934, № 1) останавливались более всего на его недостатках и просчетах, хотя это был журнал, заслуживавший не только негативного разговора. Некоторые страницы «Литературного критика» вы-

---

[169] «Без упорной, самой решительной борьбы с вульгарно-социологической методологией,— заявлял М. Розенталь,— нельзя сделать и шага вперед, нельзя строить теорию социалистического реализма» («Литературный критик», 1936, № 1, стр. 47).

[170] «Литературный критик», 1935, № 6, стр. 30.

[171] О последних откровениях «Литературной газеты».— «Литературный критик», 1935, № 2.

зывали в памяти уже известные нам слова А. Толстого о критике — Робеспьере.

«Литературный критик», как и другие журналы, не избежал тех «обличительных» тенденций, которые были связаны с причинами не только литературными, но и политическими. С небывалой суровостью здесь зачеркивали всю деятельность А. К. Воронского [172]. В журнале утверждалось, что литературные группы, существовавшие вплоть до начала 30-х годов, «исходили из враждебных партии и рабочему классу взглядов» [173].

Такие оценки распространялись и на современную журналистику. В журнале мог появиться такого рода проскрипционный пассаж: «Когда мы видим жалкую литературную практику и «теоретическое» хулиганство в журнале «Новый мир», когда мы видим бесконечное количество серьезных промахов в журналах «Красная новь», «Октябрь», «Наши достижения» и т. д..., когда в критическом отделе журнала «Знамя» свивают себе гнездо формалисты и пустомели — во всех таких случаях мы видим, что в видоизмененном и распыленном виде остатки прежних «групп» кое-где существуют и пытаются пустить корни на новой почве» [174].

Понятно, что такого рода огульные обвинения не могли не вызвать недовольства со стороны многих печатных органов. Утверждая критический приоритет, журнал «вытаптывал» вокруг себя не только сорняки, но и зеленое поле. Ситуация складывалась драматически: наряду с большим и важным делом, наряду с работой, помогавшей поднять теоретический уровень нашей критики, «Литературный критик» в то же время создавал вокруг себя некий вакуум, отпугивал своей резкостью, безапелляционностью своих приговоров, которые были не всегда одинаково справедливы.

Уязвимы были и теоретические позиции «Литературного критика». Во всем этом и заключалась одна из причин растущей настороженности к журналу, где стали реже выступать писатели, а круг критиков не расширялся [175].

Следует отметить, что во второй половине 30-х годов претерпела известные изменения и общая картина движения журнальной критики. Хотя толстые журналы продолжали публиковать интересные критические выступления [176], все-таки количество действительно проблемных статей на страницах литературных ежемесячников заметно уменьшилось. Они заменяются материалами историко-литературными; критические отделы журналов заполняются рецензиями, иногда чисто информационными. Наконец, сами эти отделы становятся недостаточно регулярными.

В специальной редакционной статье «О литературно-художественных журналах» «Литературная газета» писала: «Не лучше поставлены отделы критики «толстых» журналов... по этим отделам нельзя даже составить себе представления о том, какие книги вышли за истекший месяц, а тем более — какие новые явления наблюдались в смежных областях

---

[172] «Литературный критик», 1937, № 7, стр. 3.

[173] «Литературный критик», 1937, № 10-11, стр. 19.

[174] «Литературный критик», 1937, № 7, стр. 16.

[175] На последнее обстоятельство указывал, в частности, А. Фадеев, заметивший, что «круг людей, участвующих в журнале,— узок». А. Фадеев высказывал сомнение в необходимости специального критического журнала.

[176] «Новый мир» опубликовал в 1937 г. (№ 11) обширную статью «Двадцать лет советской литературы»; интересны для своего времени были статьи И. Гринберга «Уважение к герою» («Звезда», 1936, № 6 и 7), С. Динамова «Роман о кризисе буржуазного сознания» («Октябрь» 1936, № 3), В. Шкловского «О прошлом и настоящем» («Знамя», 1937, № 11) и др.

искусств — настолько эти отделы избегают писать о современном, настолько они беззубы и случайно подобраны»[177]. Именно на слабость критики обратил внимание рецензент «Правды», говоря о «Литературном современнике»: «Выбор рецензируемых книг,— писал он,— почти всегда случаен».

«Литературный современник» свел в основном свою критическую деятельность к освещению юбилеев, игнорируя те процессы, которые происходят в современной советской литературе»[178].

Примерно в этом же духе отзывался критик об «Октябре», где, по его мнению, «нет критического отдела в собственном смысле этого слова»[179].

Между деятельностью литературных ежемесячников, столь сильно обедневших по части критики и критиков, и «Литературным критиком», специально группировавшим вокруг себя критические силы, таким образом образовался разрыв, который становился в условиях 30-х годов неоправданным, нецелесообразным, ненужным.

Этот и другие вопросы, связанные с развитием критики, были рассмотрены в Постановлении ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии» (1940) в широком контексте развития литературно-художественных, ведомственных и научных изданий, а также массовых газет.

В Постановлении была высказана серьезная озабоченность слабостью, а то и отсутствием литературно-критических материалов в периодической печати, неудовлетворительной постановкой большой и необходимой «для повышения политического и культурно-технического уровня широких масс» библиографической работы. Отмечалась запущенность критики и библиографии художественной литературы.

Учитывая, что большинство критиков «не занимаются вопросами советской литературы и не влияют на ее формирование»[180], учитывая, что «вопреки традициям русской литературы критики не работают в литературно-художественных журналах», писатели же, в свою очередь, «не принимают участия в разборе и оценке литературных произведений и не выступают в печати с литературно-критическими статьями», ЦК ВКП(б) наметил ряд мер для коренного улучшения литературной критики и библиографии. Искусственно созданная при Союзе писателей секция критики была ликвидирована, а издание обособленного от писателей и литературы журнала «Литературный критик» было прекращено.

«Критики,— говорилось в Постановлении,— должны работать в соответствующих творческих секциях Союза писателей (прозы, поэзии и драматургии)»[181]. Вместе с этим Постановление предусматривало создание в журналах «Красная новь», «Октябрь», «Новый мир», «Знамя», «Звезда» и «Литературный современник» постоянных отделов критики и библиографии, а так же организацию критико-библиографических отделов в центральных, республиканских, краевых и областных газетах и других периодических изданиях.

---

[177] «Литературная газета», 30 августа 1939 г.

[178] Б. Рунин. Исходящий журнал.— «Правда», 20 августа 1939 г.

[179] «Литературная газета», 26 февраля 1939 г.

[180] Здесь и далее Постановление цитируется по книге «КПСС о культуре, просвещении и науке» (М., Госполитиздат, 1963, стр. 216—218).

[181] Следует также отметить изменения в работе журнала «Литературное обозрение». В Постановлении указывалось, что этот журнал передается Институту мировой литературы имени Горького «и реорганизуется в рекомендательный библиографический справочник художественной литературы».

Сложность, неравномерность развития критики была едва ли явлением локальным. Она была частью более широкой картины развития и движения журналов, их эстетических поисков. Несомненно, что большая работа по преодолению узких и вульгарно-социологических воззрений, столь усилившаяся как раз во второй половине десятилетия, вносила новые уточнения, углубляла реалистический метод советской литературы. Обозначившийся критерий: изображать жизнь советского общества в ее реалистической сложности, в переплетении ее тенденций — ощущался всеми журналами. Но не для всех он означал непременный подъем. В некоторых случаях, чтобы освободиться от упрощенности, надо было пройти через кризис возникшей в начале 30-х годов эстетики очерково-панорамного обозрения.

Оценивая в начале 40-х годов известный журнал «СССР на стройке», где возникла «монументальная фотография», получившая вслед за тем широкое развитие в фотоальбомах, газетах, не говоря уже о выставках, оценивая, следовательно, целое определенное эстетическое направление нашей журналистики, критик выражал свое недовольство его внутренней неподвижностью. «Журнал,— писал он,— начинает топтаться на месте в области тематики, повторяет нередко одни и те же темы. Чувство нового проявляется в нем слабо. Страна наша уже не та, какая была в годы первых двух пятилеток. Новые времена — новые песни!» «Уже по-новому надо подходить к окружающей нас действительности. Известный примитивизм в разрешении отдельных тем, простительный в первые годы индустриализации,— говорилось в рецензии,— теперь не может быть терпим, потому что люди наши сильно выросли за эти годы» [182].

Проблема кризиса журнала касалась, к сожалению, не только «СССР на стройке».

Сложно было с «Новым миром». Раздумья о роли искусства, предпринятые на материале передвижников и шире — на материале классической живописи, как-то недостаточно смыкались с современной литературой. С другой стороны, настойчивое стремление Гладкова дать в журнале индустриальную симфонию, его «Энергия» — не трогали, может быть, по той же причине, по какой «монументальная фотография» казалась современнику как бы слишком «лобовой». Во всяком случае, критик «Нового мира» А. Воложенин в статье «Два романа» (1939, № 12) возмущался по поводу того, что Ф. Гладков забыт профессиональной критикой, в то время как «жаркие бои» критики вызвали,— как он писал,— «юродивые откровения Платонова» [183].

Поучителен был дальнейший путь «Октября». Журнал, более всех, может быть, отличавшийся вниманием к индустриально-колхозной теме, к ломке старой и возникновению новой жизни в деревне, пытался и во второй половине десятилетия следовать в избранном русле. В декабрьской книге журнала за 1939 г. была опубликована пьеса Ф. Панферова с демонстративным заглавием «Жизнь», словно бы писатель хотел сказать: мало ли пишут о деревне, только как... а у меня — вот она — всамделишная, как есть жизнь. Но пьеса эта не шла дальше уже известного в творчестве писателя: все те же нутряные герои, все тот же разгул инстинктов («пей-гуляй, однова живем»), все

[182] П. Петров. «СССР на стройке».— «Большевистская печать», 1940, № 4, стр. 40—41.

[183] «Новый мир». 1939, № 12, стр. 223.

та же подчеркнутая физиологическая черноземная мощь. Но главное, пьеса не поднимала никаких новых вопросов.

«Прощупывание» жизни, выдвинутое поначалу как непреложная программа журнала, оборачивалось повторением пройденного.

С другой стороны «волна лирики» на вечные темы, буквально захлестнувшая страницы литературных журналов 1935—1936 годов [184], так же плохо поддавалась осмыслению с позиций очерка. «Октябрь» не мог сразу шагнуть из громыхающих цехов ильенковской прозы в новое эстетическое измерение (хотя, например, всеобщее внимание к мастерству сказалось и в нем: наряду со статьей В. Соболева «Индустрия социализма и ее художественное отражение» здесь печаталась в 12-й книге за 1939 г. статья П. Альтинской «Искусство новеллы»). С большим запозданием здесь в статье «О ближайших путях нашей литературы» заговорили о «новом подъеме литературы», связанном с борьбой «за художественные качества» произведений. Но и на этот раз журналу не повезло. Заявляя о том, что наивно говорить о «конце чеховской темы», что «хорошо можно говорить только о любимом» и это будет «глубже, нежели там, где художник только гонится за злободневной темой» [185], «Октябрь», этот еще недавно передовой в идейном отношении журнал, вызвал суровые обвинения в пошлости, мелкотемье, недостаточной целеустремленности [186].

Такого рода внутренние противоречия и скачки из одной крайности в другую вызывали смятенные отзывы критики о журналах, которые обвинялись в «косности, лености мысли» [187], в отрыве от жизни. Последнее обстоятельство было особенно существенно, хотя изменить его было подчас нелегко. Старые оперативно-очерковые методы связи с действительностью, принятые в начале 30-х годов, не удовлетворяли новым эстетическим требованиям. Серьезнейшие трудности возникали из-за того, что нередко наиболее актуальные проблемы внутренней жизни вовлекались в орбиту догматических идей. Они как бы стояли между писателем, между журналом и жизнью, предопределяя подход, изображение, трактовку. Именно поэтому рассказчикам из «30 дней», говорившим о жизни простого человека, открывалось гораздо большее поле для самостоятельных раздумий, чем писателю, решившему изобразить стахановское движение.

Когда критики напоминали журналам: под вашими обложками ничего не происходит, а в жизни — много важных событий, когда среди таких событий, которые следовало бы изобразить, упоминалась, например, сельскохозяйственная выставка,— казалось бы, все было верно. Как раз так можно было бы разбудить новый интерес к жизни села, найти новый поворот для разговора. В действительности все обстояло гораздо сложнее. Рекомендации такого рода нередко мало продвигали дело вперед не потому, что выставка не имела значения, а потому, что писателю, толстому журналу предлагали брать жизнь из вторых рук, жизнь, запечатленную на стендах и диаграммах.

Но как бы ни было сильно влияние догматических идей, жизнь оказывалась сильнее, богаче, драматичнее и тревожнее. В мерах, способствовавших подъему нашей страны, отражалась суровая необходимость. Вопросы на первый взгляд внутренние осмыслялись с позиций соот-

---

[184] См. В. В. Бузник. Лирика и время. М.— Л., «Наука», 1964, стр. 109.

[185] «Октябрь», 1939, кн. 5-6, стр. 4, 9.

[186] «О некоторых литературно-художественных журналах».— «Большевик», 1939, № 17; не менее резко писал о лирике «Октября» Б. Вакулин в статье «Канареечная поэзия»: «...недопустима бездумность некоторых воспитателей из журнала «Октябрь», толкающих молодежь на ложный путь безыдейности, созерцательности и будуарного творчества» («Комсомольская правда», 6 октября 1939 г.).

[187] «Литературная газета», 30 августа 1939 г.

ношения сил в мире, в свете зреющих конфликтов, опасности военных столкновений. Шолоховский Нагульнов изучал английский язык, Майдинников думал о западных рабочих, которые «припозднились» с революцией. Во Франции Ромен Роллан требовал дать решительный отпор силам милитаризма и захвата. «Перед духом,— писал он,— стоит сейчас высочайшая задача — стать великим солдатом действия, обновляющего мир».

Дух, который становится солдатом действия,— эта прекрасная задача, чуждая бессильным заповедям непротивления, была несомненно близка и понятна нашим писателям и журналам. Активное взаимодействие журнала и жизни, которое оборачивалось отнюдь не только удачами, получало новый смысл и значение; важно только было найти пути к большим, всеобщим проблемам и темам нашей и международной жизни, как это случилось в трех очень разных на первый взгляд, но в то же время проблемно связанных журналах — «Знамя», «Интернациональная литература», альманах «Дружба народов».

Выход в свет «Дружбы народов» (1939) был важным явлением литературно-общественной жизни. Этому событию, по сути, предшествовала довольно длительная подготовка, накопление литературного, журнального, критического опыта.

Уже в самом начале 30-х годов в журналистике наметились тенденции решения задачи: выходивший в 1931 г. журнал «Национальная книга» заявил, что он, в частности, «будет систематически освещать состояние литературно-художественного фронта всех советских национальностей, давать общие обзоры национальных литератур, пропагандировать лучшие произведения национального художественного творчества» [188]. Близкие задачи решал в известной мере и бюллетень «Национальная литература» (1931—1935) [189], где публиковались рецензии на книги писателей братских республик, их переводы. На достижения литераторов разных народов нашей страны обратили внимание «Литературная газета», «толстые» журналы. Они печатали не только отдельные произведения украинских, белорусских, азербайджанских авторов или соответствующие (чаще всего стихотворные) подборки. Здесь публиковались статьи «Литература братских республик Средней Азии» Е. Дунаевского («Красная новь», 1935, № 10), «Заметки о молдавской литературе» И. Бочачера («Октябрь», 1936, № 9), статьи Сабита Муканова о Сакене Сейфуллине («Новый мир», 1936, № 10), Б. Авербаха о Максиме Рыльском («Звезда», 1937, № 3) и т. д.

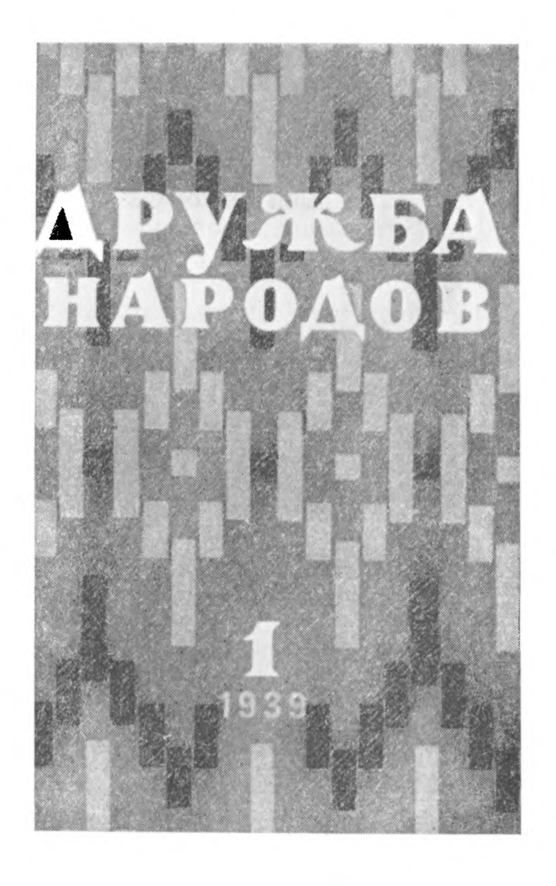
Развитие национальных литератур и их братских связей вызывает также появление литературных журналов в республиках: в Ташкенте выходят журналы «Советская литература Средней Азии» (1932—1934), «Литературный Узбекистан» (1935—1937), в Алма-Ате — «Литературный Казахстан» (1935—1939), на Кавказе и на Украине в 1933—1935 гг. читатель получает «Литературное Закавказье», «Литературный Донбасс». Появляются и другие подобные издания.

Вся эта большая работа, помогавшая изучению, развитию и сближению братских литератур, протекавшая на страницах весьма разных по характеру изданий, требовала объединения в специальном общесоюзном органе, задуманном еще при жизни А. М. Горького. Уже на I Всесоюзном съезде писателей Алексей Максимович призывал писателей «начать широкое ознакомление с культурами братских республик». Он предложил тогда же организовать Всесоюзный театр, который пока-

[188] «Национальная книга», 1931, № 1, стр. 6.

[189] В 1934—1935 гг. выходил под названием «Литература национальностей СССР».

зал бы «жизнь и быт национальных республик в их историческом прошлом и героическом настоящем»[190]. Горький выдвинул в качестве практического дела, расширявшего культурные связи республик, работу над книгой «Дела и люди двух пятилеток», связанной с будущим альманахом. О первых шагах «Дружбы народов» говорило объявление, опубликованное в марте 1936 г. «Литературной газетой»: «В 1936 г. начинает выходить альманах «Творчество народов СССР». Издаваемый под непосредственным руководством А. М. Горького (отв. ред.) альманах ставит своей целью установление систематического обмена культурным и литературным опытом между братскими республиками СССР, укрепление творческих связей писателей национальных республик и выдвижение наиболее талантливых советских писателей на всесоюзную литературную арену. Альманах,— говорилось далее,— будет выходить три раза в год. В настоящее время подготавливается к печати первый том альманаха»[191].

«Дружба народов» получила скромное наименование альманаха. И это справедливо в том смысле, что массовый литературный журнал, разумеется, не выходит три или даже два раза в год. Однако та «альманашность», которая, как мы помним, проникала в толстые журналы, не во всем может быть отнесена к новому альманаху. Само его заглавие, продуманное очень точно, свидетельствует не только о специфике, но и об определенном направлении. Альманах преследовал не только литературные, но и серьезные государственно-политические задачи, которые можно яснее понять, обратившись к журналу «Революция и национальности» (1932—1937). Последний не был изданием литературным, однако в нем были соответствующие разделы, освещавшие литературу и искусство братских республик. Журнал способствовал утверждению новых, дружественных отношений между народами нашей страны, которые не возникали сами собой, а формировались в борьбе Партии и Правительства с явлениями пережиточными, чуждыми советскому обществу, враждебными социалистическим отношениям, такими, например, как национализм.

В процессе создания морально-политического единства советского общества преодоление сепаратистско-националистических тенденций, о которых упоминалось, например, в речи П. П. Постышева[192],

---

[190] М. Горький. Собрание сочинений в 30-ти томах, т. 27. М., 1953, стр. 342.

[191] «Литературная газета», 10 марта 1936 г.

[192] П. П. Постышев. Итоги проверки партийных документов ВКП(б) и задачи партийной работы.— «Большевик», 1936, № 5.

было делом немалого политического значения. После прекращения журнала «Революция и национальности» «Дружба народов» как бы наследовала часть его задач: альманах развивал и укреплял созданные революцией новые отношения между народами и соответственно между братскими литературами.

Альманах уже в самих своих публикациях настоятельно подчеркивал равноправие народов и их литератур. Здесь печатался русский писатель Михаил Зощенко, предложивший альманаху небольшую повесть о Тарасе Шевченко, со стихами выступал грузинский поэт Ило Мосашвили. Читатель мог познакомиться с рассказом еврейского писателя Д. Бергельсона и повестью писателя Украины А. Десняка «Полк Тимофея Черняка», со стихами ныне известного украинского поэта Андрея Малышко. В первом же номере альманаха, где были опубликованы произведения названных писателей, выступали со своими вещами Перец Маркиш, Симон Чиковани, Кубанычек Маликов и другие писатели и поэты. Альманах содержал при этом три раздела: прозы и поэзии, фольклора, критики и публицистики.

Ясность целей не исключала того, что перед редактором альманаха П. Павленко возникали и определенные трудности. Ведь наряду с такими литературами, имевшими богатые письменные традиции, большую школу мастерства, как русская, украинская, белорусская, грузинская и другие, в «Дружбе народов» были представлены и литературы сравнительно молодые, становящиеся, неокрепшие. Исходя из этого приходилось допускать известную пестроту, и на страницах «Дружбы народов», в отличие, скажем, от «Нового мира», можно было встретить произведения в художественном отношении весьма и весьма неравноценные.

Сбрасывая со счета известное число посредственных, риторических произведений, публиковавшихся в альманахе, следует отметить, что «Дружба народов» предложила советскому читателю даже в короткий период своего довоенного существования ряд произведений и ныне интересных. Среди них можно назвать хотя бы роман «Гвади Бигва» Лео Киачели (№ 3), где убедительно изображалось, как приобщался к новой жизни, становился защитником новых социалистических общественных отношений человек, в прошлом привыкший считать себя «маленьким», второстепенным. Печатая роман, «Дружба народов» не только отражала процесс роста социальной активности. Альманах как бы приглашал включиться в этот процесс тех, кто еще остался от него в стороне.

Широко были представлены в альманахе романы и пьесы, рассказывавшие об историко-революционном прошлом народов (Семен Скляренко. «Николай Щорс» — № 2; Самуил Галкин. «Бар-Кохба» — № 5; Яков Качура. «Иван Богун» — № 6). В 1940 г. «Дружба народов» ввела новый раздел — «Классика», где публиковались переводы виднейших представителей национальных литератур прошлого.

Переводы классиков в «Дружбе народов» приобщали читателя к высоким ценностям национальных культур, расширяли представление о тех традициях, тех художественных особенностях и принципах, которые наследовала наша литература от прошлого. «Дружба народов» практически демонстрировала, как из ручейков и рек различных национальных литератур образовывалась литература современная, тем самым ставился вопрос о многообразии красок, оттенков и звучаний литературы социалистического реализма, которая наследовала демократический пафос прекрасных книг Ивана Франко («Борислав смеется» — № 4), тонкость лирики Бесики и Сабира (№ 5), величие поэм Низами и Навои (№ 6, 7), глубину стихов Важи Пшавелы (№ 6), Яна Райниса (№ 8).

Внимание к классике и фольклору было весьма велико и в отделе критики альманаха. Отдел критики первого же номера открывался статьей Н. Бельчикова «Т. Г. Шевченко и дружба народов». Подчеркивая отрицательное отношение великого кобзаря к проповеди национальной исключительности и нетерпимости, излагая его прогрессивные взгляды, автор заканчивал свою статью большой цитатой из передовой

В ДНИ ПЕРВОГО СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ. М. ГОРЬКИЙ СРЕДИ ПИСАТЕЛЕЙ НАРОДОВ СССР

«Правды». «В нашей стране,— говорилось там,— происходит замечательный процесс культурного сотрудничества народов. Один народ обогащает своей культурой другой. Пушкин пришел и к узбекам, и к таджикам, и к калмыкам — ко всем народностям, приобщенным революцией к культуре великого русского народа. В свою очередь русский народ много взял из духовной сокровищницы других народов. Только революция по-настоящему открыла Шевченко и Руставели, дала выход таким сверкающим талантам, как Джамбул и Стальский. Этот процесс взаимного духовного обогащения народов составляет нашу законную гордость» [193]. Именно поэтому актуально звучали в журнале «Дружба народов» такие, казалось бы, исторические публикации, как статья Ованеса Туманяна о Лермонтове («Великий приемный сын Кавказа»), интересные работы Гафура Гуляма («Узбекский народный эпос» — № 4), профессора Е. Бартельса («Низами и его творчество» — № 5) и другие.

«Дружба народов» выдвинула также чисто практические литературные проблемы, связанные с деятельностью альманаха и, в частности, проблему перевода с национальных языков на русский (Марк Тарловский. «Художественный перевод и его портфель» — № 4).

Альманаху, основанному при участии А. М. Горького, суждена была долгая жизнь. Идеи дружбы социалистических наций, в утверждении которых немало места принадлежит «Дружбе народов», действительно стали большой силой. Они сплотили наши народы на героический труд во имя социализма и коммунизма, они были боевым оружием в дни

---

[193] «Правда», 5 декабря 1938 г.

войны (журнал «Дружба народов» — одно из немногих изданий, выходивших в годы Великой Отечественной войны). Эти идеи перешагнули региональные границы и утверждают подсказанное самим ходом истории творческое содружество народов социалистических стран и их литератур.

16

Утверждая дружбу народов Советского Союза и братских стран, наша литературная журналистика менее всего могла быть национально ограниченной. Интернациональные связи прогрессивных писателей мира, которые развивались на протяжении 20-х годов в рамках МОРП (Международное объединение революционных писателей), она продолжала поддерживать и развивать, несмотря на ряд трудностей, и в 30-е годы.

В отдельные периоды внимание к литературам зарубежным было особенно велико. Во всяком случае, в начале 30-х годов о передовых писателях Запада в «Литературной газете» говорилось настолько часто, что это показалось даже известным недостатком Бруно Ясенскому. «Иногда могло показаться,— писал он,— что «Литгазета» не орган Оргкомитета, а орган МОРПа» [194].

Не менее активно в этот период печатают лучших передовых писателей Запада и некоторые толстые журналы. Так, «Знамя» печатает ряд произведений Э. Хемингуэя, «Звезда» публикует отрывки из романов Дос Пассоса («1919 г.»), Джемса Джойса. Здесь же печатаются «Очарованная душа» Ромена Роллана, произведения Т. Драйзера, отрывки из романа Лиона Фейхтвангера «Семья Оппенгейм». Рассказы Э. Колдуэлла и ряд других произведений западных писателей появляются в «Красной нови».

Этот поток переводов в толстых журналах уменьшается во второй половине десятилетия. Недаром в одном из читательских пожеланий журналу «Октябрь» в ноябре 1938 г. говорилось: «Необходимо ввести постоянный отдел «Новинки зарубежного творчества», помещая там переводы чешских, испанских, китайских, французских и т. д. произведений прозы, а также стихотворений антифашистских авторов» [195]. В этом случае тем более важной оказывалась роль специального журнала, посвященного литературам зарубежным и выходившего под названием «Интернациональная литература» (1931—1943).

«Интернациональная литература» была журналом несколько иным, чем ныне издаваемая «Иностранная литература», которая прежде всего «хочет помочь советским читателям лучше ознакомиться с передовой литературой других стран» [196]. «Интернациональная литература», реорганизованная в 1933 г. из журнала «Литература мировой революции» [197], издавалась не только на русском языке (издание на русском языке имело сравнительно небольшой тираж: 7500—8 тыс. экз.). Журнал, издаваемый МОРПом, выходил с 1933 г., как значилось в объявлении редакции, «четырьмя различными изданиями на русском, немецком, английском языках...» [198].

---

[194] «Советская литература на новом этапе». Стенограмма I Пленума ССП (29 октября — 3 ноября 1932 г.). М., «Советская литература», 1933, стр. 216.
[195] ЦГАЛИ, ф. 619, оп. 1, ед. хр. 3676, л. 150.
[196] От редакции.— «Иностранная литература», 1955, № 1, стр. 3.
[197] Более раннее название журнала — «Вестник иностранной литературы».
[198] «Интернациональная литература», 1933, № 1, первая стр. обл.

Это был не только орган информации, но и издание, направлявшее усилия прогрессивно настроенных и революционных писателей в борьбе против реакции и фашизма. Он опирался на деятельность международной организации революционных писателей, каждый член которой был «обязан активно содействовать революционному движению пролетариата в своей стране, бороться не только с фашизмом, но и социал-фашизмом, активно поддерживать борьбу угнетенных колониальных народов, всеми доступными ему средствами бороться активно за защиту СССР»[199].

В середине 30-х годов организация революционных писателей, как сообщает «Литературная энциклопедия», имела ряд секций в Германии, Венгрии, Польше, Чехословакии, Болгарии, Японии, Соединенных Штатах Америки, Испании; секции издавали свои журналы, например, «Linkskurve» в Германии, «Новые массы» в Америке. «Интернациональная литература» была для них до известной степени образцом и источником идей. Поэтому «Интернациональная литература» ставила одной из задач своих изданий для зарубежного читателя «ознакомление широких кругов западной интеллигенции с литературой, искусством и культурой СССР»[200].

«В русском номере,— сообщала редакция,— будут печататься наиболее характерные произведения иностранных революционных писателей, стоящих на платформе защиты Советского Союза, борющихся с подготовкой войн и интервенции. Будут также помещены произведения мировых писателей, не связанных с революционной литературой, если эти произведения имеют исключительное художественное значение. Журнал будет также знакомить читателей с литературной деятельностью врагов»[201].

На обложке журнала был опубликован обширный список постоянных сотрудников журналов, среди них: Майкл Голд, Дж. Дос Пассос, Дж. Фримен, И. Бехер, В. Бредель, Э. Вайнерт, А. Зегерс, Э. Э. Киш, Людвиг Ренн, А. Курелла, Луи Арагон, А. Гидаш, М. Залка, Б. Иллеш, Б. Ясенский, Джерманетто, Р. Х. Сендер, Э. Фитцджеральд, Т. Кабаяси, Дин Лин, Лу Синь, Мао Дунь, Лахути, Мартинос Вильена. Это были те литературные силы, которые помогали журналу крепить антифашистский фронт культуры, фронт защиты культурных завоеваний страны Советов. Общее руководство этим ответственным изданием осуществлял С. Динамов, в состав редакционной коллегии журнала входили также И. Анисимов, Б. Волин, Я. Висляк, А. Гидаш, Г. Гюнтер, П. Дитрих, Д. Джерманетто, Б. Иллеш, П. Вайян-Кутюрье, С. Людкевич, И. Микитенко, Н. Огнев, Э. Сяо, С. Третьяков, А. Фадеев. Русское издание редактировал С. Третьяков. Заметим, кстати, что литературные пристрастия Третьякова ясно сказались в журнале: в отделе «Полемика» статье Георга Лукача «Репортаж или образотворчество», считавшей репортаж суррогатом искусства, противопоставлялась статья Эрнста Оттвальта «Роман факта. Ответ Георгу Лукачу». В последней утверждалось, что читатель пролетарский, «очутившись перед альтернативой: факт или поэтический образ..., безусловно выскажется и, в силу практической необходимости, должен будет высказаться за факт»[202]. По-видимому, как раз Третьякову журнал обязан более или менее устойчивым отделом репортажа, где в очерковой форме освещалась жизнь и социальная борьба в странах Старого и Нового света.

---

[199] Литературная энциклопедия, т. 7. М., ОГИЗ, 1934, стр. 86.
[200] «Интернациональная литература», 1933, № 1, стр. 157.
[201] Там же.
[202] Там же, стр. 107.

Однако «Интернациональная литература», как и всякий серьезный литературно-художественный журнал, была интересна крупными явлениями прозы, и именно в художественном отделе, в том случае, когда он был организован продуманно и удачно, велась наиболее упорная борьба «на баррикадах сердец и душ». Сейчас, когда нас отделяет от живой практики журнала почти целое тридцатилетие, ясно видны некоторые просчеты, издержки, иногда попросту недостаточно рациональное

использование его площади. Так, едва ли нужно было из номера в номер на протяжении нескольких лет печатать маленькими отрывками роман Джемса Джойса «Улисс». Роман, который переводчик неудачно сопоставлял с античным эпосом, состоял из отдельных этюдов, сценок, характеристик, являя собой пеструю психологическую мозаику, в которой трудно было разобраться, трудно было понять не только эпоху, но и героев. В одной из своих статей, написанной почти одновременно с публикацией романа «Улисс» (он публиковался вплоть до 1936 г.), С. Динамов косвенно признал неудачу, охарактеризовав Джеймса Джойса как художника, «превратившего искусство в пустую и непонятную игру» [203].

Статья С. Динамова, где встречалась только что приведенная характеристика Джойса, была посвящена другому крупному художнику современности — Эрнесту Хемингуэю и, в частности, его роману «Прощай, оружие!», опубликованному, как и статья, в июльском номере «Интернациональной литературы» за 1936 г. С. Динамов упрекал роман за выбор героя; конечно же, американский лейтенант Фред Генри, оказавшийся в

[203] «Интернациональная литература», 1936, № 7, стр. 170.

империалистическую войну в рядах итальянской армии, не был одушевлен высокими идеями, по масштабу его трудно было поставить рядом с героями нашей литературы. Роман был силен другим: разоблачением бессмысленности империалистической бойни, и это в то время, когда фашистская Германия уже готовилась к войне и в ее официозной литературе махрово расцветал культ военщины и прусачества, когда на Западе внушалось, что к высшим человеческим доблестям относятся прежде всего доблести военные.

Роман «Прощай, оружие!» наносил сильный и решительный удар по милитаризму, и это было глубоко в духе усилий журнала, который ставил задачу решительной борьбы с враждебной идеологией.

Естественно поэтому, что наряду с пристальным и широким вниманием к признанным ценностям западной литературы (имеем в виду отдел «Из литературного прошлого», где, например, печатались главы из юмористической «Автобиографии» Марка Твена), «Интернациональная литература» чаще всего обращалась к острым вопросам века — войны и мира, демократии и тоталитаризма в фашистской Германии. В этом смысле для журнала не было тем нейтральных, выключенных из борьбы. В той же антивоенной антимилитаристской тональности звучал переведенный на страницах «Интернациональной литературы» отрывок из романа Э. М. Ремарка «Возвращение»: люди, возвратившиеся с войны, проливавшие кровь за здоровье сытых буржуа, не находят места в жизни, они никому не нужны. В условиях гонки вооружений, углубления противоречий в жизни рядового человека Запада возникали новые трудности. Голод и нищета настигают героев романа Ганса Фаллады «Что же дальше, малыш?» (Журнал внимательно следил за творческим путем этого писателя, не раз публикуя о нем статьи). Здесь же, рядом с романом Фаллады, «Иностранная литература» публиковала повесть-памфлет Эрнста Оттвальта «Ведают бо, что творят», где изображался бесчеловечный механизм гитлеровской судебной машины.

Острота постановки политических вопросов в «Иностранной литературе» в сущности восходила к тем непримиримости и принципиальности, которые звучали в статьях А. М. Горького о Западе, и, в частности, в его статье «С кем вы, «мастера культуры?» Именно благодаря такой четкой постановке вопроса журнал вскрыл и показал политическое лицо писателей, оказавшихся по ту сторону баррикад (Гамсун). В ожесточенной борьбе идеологий, предшествовавшей второй мировой войне, нельзя было оставаться нейтральным, и странным анахронизмом, например, звучал ответ на анкету крупнейшего художника Роже Мартена Дю Гара, приведенный в «Интернациональной литературе»: «Я вижу, что мир, чем дальше, тем все больше населяется сторонниками тех или иных партий. Тем хуже. Я хотел бы по-прежнему писать для тех, кто еще свободен от заразы фанатизма» [204]. И надо было воочию увидеть, что несет с собой фашизм, надо было пройти по всем кругам ада вместе с героем романа Лиона Фейхтвангера «Семья Оппенгейм», чтобы обрести силу ненависти и мужество писателя-борца. Именно такими писателями-борцами выступали на страницах «Интернациональной литературы» Иоганнес Бехер, Вилли Бредель, Анна Зегерс (ее роман «Путь через февраль», рассказывавший о революционной борьбе немецкого рабочего класса, публиковался в 7 и 8 номерах «Интернациональной литературы» за 1935 г.).

Не случайно, что «Интернациональная литература» широко освещала такие важные литературно-политические события прогрессивного значения, как Международный конгресс в защиту культуры (1935), на

---

[204] «Интернациональная литература», 1934, № 1, стр. 136.

котором подчеркивалась необходимость для писателей активнее утверждать передовые идеи века. Выступавшие на конгрессе показывали ложность западной цивилизации, утверждали, что советская литература идет по пути изображения нового человека, справедливых человеческих отношений. Лион Фейхтвангер, публиковавший в «Интернациональной литературе» часть «Иудейской войны» (1936, № 10—12), подчеркивал, что исторический роман в условиях предвоенных лет — это тоже оружие, направленное против стремления фашизма повернуть вспять колесо истории, «вернуть настоящее к прошлому». Андрэ Мальро говорил о творческом бесплодии, духовной ограниченности нацизма: «В природе фашизма национализм, у нас же — весь мир»[205]. Иллюзорность проповедуемого апологетами войны мнимого «равенства в смерти» разоблачала в своем выступлении на конгрессе Анна Зегерс.

Этот активный дух выступлений конгресса соответствовал многим критическим выступлениям журнала. Разумеется, здесь встречались и статьи подчас историко-литературные, такие как «Комедийный сюжет Шекспира» С. Кржижановского (1935, № 7). Но более показательна была статья Б. Рейха «Шекспир на фашистской сцене» (1936, № 7), где критик выступал против попыток истолковать трагедии Шекспира как слепое подчинение героев року и стремления поставить, таким образом, даже великие творения прошлого на службу милитаристскому беспрекословному повиновению. Следует отметить, что у журнала был серьезный актив критиков-зарубежников — И. Анисимов, Е. Гальперин, Е. Романова, Н. Вильмонт, Е. Книпович, Б. Песис, И. Звавич и другие. В журнале начали свой путь А. Елистратова, Б. Сучков, А. Аникст.

Не все в «Интернациональной литературе» было одинаково удачно. Но верен был главный «прицел» журнала, его принципы оценок и отбора публикуемых произведений. Поэтому столь глубоко оправданно и современно и сейчас звучат героические стихи казненного рабочего Джо Хилла, а также исполненные горькой и гневной иронии по адресу американской демократии негритянские песни, опубликованные в «Иностранной литературе» (1935, № 11):

Есть браслетки для ног,
Есть колечки для рук,—
Так ведь дома щеголять я не мог.
Не жалей, не жалей!
Здесь, в тюрьме, мне хорошо.
Так ведь дома не живал никогда.

И, конечно, это было заслугой журнала — его умение прислушиваться к политическим настроениям западной интеллигенции, увидеть и поддержать борьбу писателя с индивидуализмом (характерно в этой связи название статьи Я. Металлова о Лионе Фейхтвангере: «Трагическое одиночество и пути преодоления его»), указать выход к активному участию в общественной борьбе на стороне передовых прогрессивных сил.

«Интернациональная литература», которая не оставалась в стороне от мировых событий и во всей своей совокупности рисовала правдивую картину завязывавшейся в Европе войны, была действительно нужна как писателю, так и читателю. Читатель видел за страницами журнала грозное пламя мирового пожара, развязанного германским фашизмом, который к концу 30-х годов оккупировал Чехословакию, предательски захватил Польшу, готовился к вторжению во Францию.

---

[205] «Интернациональная литература», 1935, № 8, стр. 132.

Нельзя было забыть той большой и планомерной работы журнала по выяснению значения испанских событий, нельзя было не помнить гневной сокрушительной публицистики журнала, хотя бы острой, как клинок, статьи Томаса Манна «Фашизм — это война» (1938, № 12), вскрывавшей человеконенавистническую, агрессивную природу нацизма. В сознании читателя оставался выписанный с памфлетной остротой образ германского генерала Клауса, который «впившись глазами в карту, тяжело дыша», рассказывает собеседнику о предполагаемом завоевательном походе на Москву (Арнольд Цвейг. «Возведение на престол короля»).

Кстати сказать, анализируя на страницах журнала творчество А. Цвейга, Е. Книпович справедливо замечала, что «его эпопея направлена не только против *прошлого*» империалистической Германии. «Арнольд Цвейг,— писала она,— создал блестящее антифашистское произведение, разоблачающее сегодняшнюю политику военных агрессоров...» [206]. И то, что на страницах «Интернациональной литературы» публиковались такие вещи, как разоблачительная пьеса Бертольда Брехта «Чихи и Чухи» (1936, № 8), подвергавшая осмеянию расовую теорию гитлеризма, то, что здесь появились антифашистские вещи П. Вайяна Кутюрье, Р. Альберти, Ф. Гарсиа Лорки, П. Неруды, то, что в журнале выступали единым фронтом художники разных стран под девизом «Писатели мира против фашистской агрессии» (1938, № 10, 11, 12), — все это помогло журналу с начала Отечественной войны стать важным участком борьбы мировой литературы против фашистских агрессоров.

Деятельность «Интернациональной литературы» обозначила с достаточной ясностью всемирный фронт идейной борьбы против сил реакции и фашизма. Это сближало ее с другими нашими журналами и, в частности, с журналом «Знамя», сыгравшим видную роль в журналистике предвоенных лет.

17

Действительно, задачи «Знамени» в какой-то своей части были близки и пересекались с деятельностью «Интернациональной литературы». Знать Запад, знать, что он о нас думает, поддерживать и публиковать в переводе на русский язык книги антимилитаристского содержания, изучать пути эстетического воздействия передовых писателей Запада на читателя — эти и подобные идеи развивал Всеволод Вишневский, писатель, который принимал живейшее участие в редакционной работе «Знамени» и фактически имел едва ли не решающее влияние на формирование идейно-эстетического лица этого журнала. А в существовании такого лица не приходится сомневаться не только потому, что о «Знамени», наряду, скажем, с горьковскими «Нашими достижениями», не раз говорила критика как о журнале определенном, с ясно выраженными целями, не приобретающем, как многие толстые журналы, черты альманашности [207].

Старый спор об искусстве романтическом, искусстве политически-масштабном, начатый еще во времена, когда выдвигался лозунг «живого человека», оставался для некоторых работников «Знамени» не только

---

206 «Интернациональная литература», 1938, № 11, стр. 199.

207 Ан. Тарасенков. Алфавит и коллектив.— «Литературная газета», 12 апреля 1934 г.; П. Павленко. Наш лучший журнал.— «Литературная газета», 29 января 1936 г.; В. Гоффеншефер. Лицо журнала.— «Литературная газета», 1935, № 12.

историей, не только пройденным этапом. Если критик Рожков пытался предложить на эту тему теоретические рассуждения, то для ряда участников «Знамени», ранее входивших либо в «Литфронт» (В. Вишневский), либо связанных с группой Маяковского (В. Шкловский), вопросы эти были частью художественной практики, существенным элементом внутреннего развития писателей. Именно поэтому «Знамя» так решительно отличалось в смысле эстетическом от того же «Нового мира», где романтика была провозглашена декларативно, а путь реалистических поисков подсказывался в какой-то степени традициями передвижничества и таких представителей мирового искусства, как Рубенс и Рембрандт.

При общей идейной позиции — позиции единственной и единой для всех художников, для всех журналов социалистического реализма, в «Знамени» были свои эстетические пристрастия и, в частности, там не удовлетворялись ни эстетической позицией «Красной нови», с ее вниманием к реализму толстовского типа (Фадеев), ни позицией «Нового мира». Характерно, что еще в 1932 г., выступая на заседании правления и актива ВССП, Всеволод Вишневский так изложил полемически свое понимание волновавших его проблем литературы. «Сегодня,— сказал Вишневский,— я слушал речь Гронского. Он сказал о реализме, но все же рамки только одного реализма — тесны. Я прислушиваюсь и к Горькому, указывающему пути поисков стиля.

Надо поговорить и об искусстве Запада. Мы его не знаем или знаем слабо — в этом надо признаться»[208]. Поиски стиля, за которыми стояла мысль о том, что советское искусство — новаторское, оно не может довольствоваться только формами прошлых эпох, весьма характерны для «Знамени».

Конечно, «характерны» — это не значит еще абсолютно плодотворны, и даже более: увлечение Джойсом и Дос Пассосом[209] как некими новаторами прогрессивного искусства — явление, исторически не оправдавшееся. Но не одним этим отличалось «Знамя», и речь идет не об издержках, а о том подлинном новаторстве нашей литературы, которое сказалось, например, в творчестве того же В. Вишневского, С. Эйзенштейна (кстати сказать, очень активно поддержанного «Знаменем»[210]) и других художников, так или иначе связанных с журналом. Именно этим духом новаторства даже в сложнейших условиях 30-х годов отличался журнал. И если Вс. Вишневский говорил в 1933 г.: «Я не сомневаюсь в том, что все более и более расширяющаяся группа новаторов выйдет победителем в творческих состязаниях с группой, которую я назвал бы архаистской»[211], то в этом, пусть далеко не во всем точном прогнозе, были сформулированы принципы, относящиеся и к «Знамени».

В отличие от изданий эстетически аморфных, «Знамя» концентрировало свое внимание на явлениях более или менее определенных. И вполне понятна была публикация в «Знамени» не только поэмы-тонфильма Всеволода Вишневского «Мы из Кронштадта» (1933, № 12), широкого обсуждения сценария (в том же номере), статей о нем, но и социальной трагедии Фридриха Вольфа «Флоридсдорф» (1935, № 11), но и сценария А. Довженко «Аэроград» (1934, № 5). Приветствуя «Аэроград», критик «Знамени» А. Лейтес с удовлетворением отмечал, что Дов-

---

[208] ИМЛИ, Отдел рукописей, ф. 94, оп. 1, ед. хр. 4, № 2.

[209] В том же выступлении 1932 г. Вишневский говорил: «...нужно знать Джойса и Дос Пассоса. Меня интересует метод их творчества, их приемы».

[210] Укажем, например, статью Всеволода Вишневского «О фильме «Александр Невский» («Знамя», 1939, № 1).

[211] Всеволод Вишневский. Собр. соч. в пяти томах, т. 5. М., Гослитиздат, 1960, стр. 345.

ЗНАМЯ
(ЛОКАФ)

женко мастер, «давно уже работающий в плане монументально-романтических (или, если хотите, романтически-монументальных) фильмов». Опубликование в журнале его сценария рассматривалось как «большой вклад в дело борьбы за новые приемы и формы художественной литературы».

Более постоянным и более связанным с эстетическими принципами журнала был и его широкий творческий актив, в который, как

В. САЯНОВ, С. ВАШЕНЦЕВ, А. ТВАРДОВСКИЙ, Н. ТИХОНОВ НА ФРОНТЕ. 1940 г.

указывается в редакционной статье «Знамени», написанной в связи с дискуссией о языке, входили Н. Асеев, Л. Никулин, Н. Огнев, М. Слонимский, П. Павленко, Н. Тихонов, Б. Ромашов и другие писатели.

Стремление к масштабности искусства, к панорамности, само по себе вполне закономерное, истолковывалось не всегда точно и, случалось, приносило журналу и неудачи. Массовидность, отсутствие отдельных глубоко разработанных образов в этом случае воспринимались почти как нечто положительное. Так, «Первый удар» Н. Шпанова и другие подобные произведения, описывающие массовые операции и грядущие военные сражения и понятые в «Знамени» как достижения, оказались весьма поверхностными. Однако не следует забывать, что та же масштабность уже в чисто журнальном преломлении оборачивалась против ординарности, против тенденций к нивелированию, проникавших, к сожалению, в толстые журналы. Горячая заинтересованность журнала в делах советской литературы, решительность в отстаивании своих мнений («Знамя»,— говорил Н. Тихонов,— смелый журнал»[212]) выделяли его среди других ежемесячников.

К тому же при всей определенности эстетической программы в «Знамени» новаторство и масштабность в целом не понимали исключительно и узко, да и в состав редакционной коллегии журнала наряду со Всеволодом Вишневским входили такие писатели и общественные деятели,

[212] «Литературный Ленинград», 1 февраля 1936 г.

как А. Исбах, А. Косарев, В. Луговской, А. Новиков-Прибой, М. Субоцкий. Именно поэтому журнал «Знамя», охотно печатавший заявление И. Эренбурга: «Писать так, как Толстой, сейчас нельзя» [213], публиковал на своих страницах вещи, написанные по стилю в духе классической прозы. Причем отличная, взволнованно написанная повесть Юрия Яновского «Всадники» (1935, № 7), рассказывающая о романтических годах гражданской войны, своей напевной прозой, горячими обращениями к читателю напоминала гоголевского «Тараса Бульбу»; первая часть романа «Капитанский ремонт» Леонида Соболева, тогда еще молодого писателя, дебютировавшего в «Знамени», стояла, несомненно, ближе к толстовской прозе.

Расказывая о работе над «Капитальным ремонтом», сыгравшим, быть может, не менее важную роль в судьбе «Знамени», чем «Как закалялась сталь» Николая Островского в судьбе журнала «Молодая гвардия», Л. Соболев весьма точно охарактеризовал ту творческую среду, которая формировала многих писателей «Знамени», или «ЛОКАФ», как назывался журнал в первые годы. Литературное объединение Красной Армии и Флота, возникшее еще в рапповские времена, включило в себя писателей независимо от их групповых принадлежностей. Это была организация, где относились друг к другу дружески и принципиально. «Непрерывно и все время,— писал Л. Соболев,— я ощущал жесткое порой, но всегда чуткое и внимательное руководство, разумное и правильное влияние такой организации, какой был ЛОКАФ. Организацию эту следует рассматривать как партийную: руководители ЛОКАФ — это партийцы, посланные партией на военно-литературную работу. Только благодаря этой творческо-*политической* среде могла вырасти эта книга» [214].

Да именно: среда «ЛОКАФа» и «Знамени» была действительно «творческо-политической». Журнал, предназначенный художественным словом крепить оборонную мощь страны, не скатывался к литературной обывательщине, он оставался на переднем крае литературно-идеологической борьбы и первый шел в наступление, если это было необходимо.

Как уже отмечалось, в «Знамени» печатались произведения антивоенного характера Э. Хемингуэя, Хемфри Кобба, Ремарка. Но в этом же журнале резко критиковался ремаркизм как «особый вид пацифизма». Здесь решительно и резко уже в первой половине 30-х годов выступали против абстрактного гуманизма и маниловщины у писателей Запада, против отвлеченных, не учитывающих непреложную и жестокую логику классовой борьбы формул: «человек добр» (Леонгард Франк), «все мы — люди» (Пьер Жув), «не убийца, а убитый виноват» (Верфель).

Отдел «За рубежом» в «Знамени», включавший в себя статьи о мемуарах, об экономике, политике, военных приготовлениях Запада, был не просто уместен в журнале, он был совершенно необходим, и нередко не было грани между ним и отделом критики, между ним и основным разделом — литературно-художественным. В этом случае, например, если критик А. Лейтес публиковал на страницах «Знамени» в «Литературном дневнике» свою работу «Непродуманная сенсация» (1935, № 7), то это была не только статья литературоведа, рассматривающая те или иные особенности литературных произведений. В ней со знанием дела подвергался обоснованной критике буржуазный военный роман, положенная в его основу военно-политическая

---

[213] Илья Эренбург. Ответ читателям.— «Знамя», 1936, № 2, стр. 240.
[214] «Знамя», 1934, № 1, стр. 229.

доктрина. Нет, будущая война, утверждал критик, хотя она и будет вестись с помощью техники, никогда не будет войной роботов: вместе с ролью машин растет и роль человека, не учитывать этого — значит ослаблять свою обороноспособность.

И вполне понятно и характерно как раз для «Знамени», что в связи с образованием очагов войны на Западе и на Востоке, в связи с милитаризацией Японии журнал печатает роман Льва Рубинштейна «Тропа самураев» (1934, № 1), показывающий армию японских захватчиков, вторгшихся в Маньчжурию. И пусть этот роман не явился этапом в художественном развитии «Знамени», он был в те годы своевременен, и журнал имел право назвать статью об этом романе: «Прицел верен».

В «Знамени», оборонном журнале, печатались, разумеется, произведения, акцентирующие внимание на внутренних вопросах нашей армии, на проблемах военно-специальных — тактики, вождения войск и т. д. К числу таких произведений следует, по-видимому, отнести роман Вашенцева «Канны», пьесу Б. Ромашова «Бойцы» (1934, № 2), повесть Ксении Аракелян «Краснознаменцы» (1935, № 2). «Знамя» не обходило художественного освоения военной истории, истории революционной борьбы. Здесь печатались в 1932—1933 гг. роман Артема Веселого «Россия, кровью умытая», обширный роман Кирилла Левина «Русские солдаты»; в 1934—1935 гг. романы Адама Дмитриева «Адмирал Макаров», С. Абрамовича-Блэк «Невидимый адмирал», показывающий острые классовые столкновения времен антоновщины, роман Н. Вирты «Одиночество». Еще в локафовский период, когда оборонные задачи понимались сравнительно узко, журнал сумел эту узость преодолеть. Именно поэтому на страницах «Знамени» во второй половине 30-х годов находят место и талантливые «Северные рассказы» К. Паустовского, и фундаментальная статья В. Ф. Асмуса «Эстетика Пушкина», и ставшие ныне общепризнанными и общеизвестными путевые очерки Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Одноэтажная Америка» (1936, № 10), романы Ильи Эренбурга.

Такая широта, однако, не оборачивалась пестротой и эклектизмом. Публикуя историческую повесть Виктора Шкловского «Русские в начале XVII века» (1938, № 1), в редакции журнала хорошо понимали, что рассказ о патриотическом подвиге Минина и Пожарского, изгнании интервентов с русской земли — это рассказ не только о прошлом, как не только о прошлом был, скажем, кинофильм С. Эйзенштейна «Александр Невский» о разгроме немецких рыцарей на льду Чудского озера. Здесь хорошо знали, что в фашистской Германии «предохранитель спущен» (так выразительно была озаглавлена одна из статей журнала в № 3 за 1934 г.), что вся Германия охвачена военной пропагандой, что там каждому новобрачному вручали в качестве свадебного подарка книгу «Моя борьба», в которой Гитлер напыщенно заявлял: «Мы заканчиваем вечное движение германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на Востоке... И когда мы сегодня говорим о новой земле в Европе, то мы можем думать только о России и подвластных ей окраинах». Поэтому глубоко прав был критик «Знамени» Анатолий Тарасенков, когда он поддерживал на страницах журнала горячие, предостерегающие строки поэтессы Адалис (1935, № 1):

Товарищ!
Товарищ!
Товарищ!
На Западе хищник стоит.
Как в сказочке детской обманчив
Его человеческий вид.

Нет шерсти на нем, и, конечно,
Естественный есть разнобой
Меж тем существом и собакой...
Но пропасть — меж ним —
И тобой!

В известном смысле эти стихи можно было бы взять как эпиграф к «Знамени», эпиграф к нашей предвоенной литературе, которая, сражаясь, противопоставляла звериному оскалу фашизма волю к борьбе и защите социалистических завоеваний, нового общества, нового, гордого своей судьбой человека. «Разоблачать бешеную подготовку империалистов к войне и в первую очередь к интервенции в СССР»[215], бороться против идей, усыплявших бдительность народов,— эти задачи, сформулированные в первом номере «ЛОКАФа», сохранили свое значение и стали особенно актуальны в предвоенные годы для «Знамени».

Характерно, что выполняя эту свою задачу, журнал не замыкался в себе; напротив, он стремился придать ее осуществлению всесоюзный масштаб. Мало было напечатать в «Знамени» антифашистский роман Лиона Фейхтвангера «Изгнание» (1939) или поэму Константина Симонова «Суворов» (1939, № 5-6): для журнала постоянно было характерно внимание ко всему нашему литературно-журнальному фронту.

Еще в 1933 г. «Знамя» опубликовало большую статью Всеволода Вишневского «Вся ли литература готова к обороне?». «Неизбежность нападения на нас в перспективе ясна»,— писал в те годы Вишневский и, исходя из этого положения, утверждал в статье, что «опыт, дух, практика оборонной подготовки должны систематически пропитывать всю литературную организацию и литработу СССР»[216]. Редколлегии «Знамени» не было безразлично, как работают, учитывая надвигающиеся военные события, другие наши журналы. В статье «Вольные граждане» (1937, № 3) В. Вишневский, хотя и не без некоторых перегибов, критиковал за недостаточное внимание к событиям развертывавшейся второй мировой войны такие толстые журналы, как «Красная новь», «Новый мир», отчасти «Октябрь».

В 1938 г. «Знамя» опубликовало специальную редакционную статью, посвященную литературно-художественным журналам. Она называлась: «Держать в состоянии мобилизационной готовности». «Знамя» уже сигнализировало (1937, № 3),— говорилось там,— нашим литературно-политическим толстым журналам о том, что в них налицо тенденции к успокоенности, что они грешат забвением опасности капиталистического окружения, что они недостаточно активны в деле привлечения писателей к оборонной тематике, в деле морально-идеологической мобилизации советского читателя к приближающемуся последнему решительному бою»[217].

Мы не хотим сказать, что эти предостережения как-то сразу и решительно изменили положение в журналистике[218]. Но их смысл, их направленность, подчеркивавшая общую направленность «Знамени», оказывалась исторически оправданной и глубоко значительной.

---

[215] «Локаф», 1931, № 1, стр. 136.

[216] «Знамя», 1933, № 10, стр. 194.

[217] «Знамя», 1938, № 5, стр. 225.

[218] Хотя, в то же время, ощущение надвигающейся войны «передается» и другим литературным изданиям. Начиная с № 7 за 1938 г. «Новый мир» вводит специальный раздел «Если завтра война», статьи военных специалистов публиковались и в других толстых журналах.

Участники «ЛОКАФ» — «Знамени» — это, по известному уже нам замечанию Л. Соболева,— «партийцы, посланные партией на военно-литературную работу». Они сделали немало для идеологической мобилизации литературы в борьбе за боевой дух нашей журналистики. Такого рода партийная работа среди литераторов, литературной печати и толстых журналов еще более активно велась непосредственно в ведущих органах партии и, прежде всего, на страницах «Правды».

«Правда» находила возможность и место, чтобы обсудить насущные вопросы развития литературы. Причем для газеты не было «мелочей» в литературном деле, не было в газете и особых преимуществ маститым. И когда в «Правде» публиковалась рецензия на альманах «Литературный Донбасс» (2 августа 1932 г.), статья об уральском журнале «Штурм» и его авторах, молодых писателях, то это было вполне естественно.

«Правда» внимательно и требовательно следила за развитием литературы, за тем, как шли отдельные писатели к решению задач, выдвинутых новым временем. На страницах этой газеты (а также «Комсомольской правды») прозвучали решительные голоса против рапповского третирования «попутчиков», против нездоровой практики деления на «чистых» и «нечистых», которая приводила к изоляции от советской литературы группы крупных писателей. Лозунг «не попутчик, а союзник или враг»,— говорилось в одной из статей «Правды»,— «ни в малейшей степени не способствует перестройке попутничества и противоречит указаниям партии в этом вопросе»[219]. В «Правде» стремились бороться за писателя, радовались его успехам в освоении новой действительности. Здесь приветствовали, например, путь Л. Леонова к «Соти» и последующим вещам как путь верного осознания революционных преобразований (В. Кирпотин. «Творческий путь Леонова» — 8 июня 1932 г.).

В условиях, когда советская литература, литературные журналы постепенно изживали групповую раздробленность, когда активно формировались и вырабатывались принципы эстетики социалистического реализма, «Правда» широко разъясняла писательской общественности смысл Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. В редакционной статье «На уровень новых задач», перепечатанной почти всеми литературно-периодическими изданиями, подчеркивалось, что организация единого писательского Союза, осуществление глубокой идейной консолидации творческой интеллигенции по существу создают важные «условия для поднятия литературы на более высокую ступень». Газета призывала к свободному и широкому осмыслению творческих вопросов.

В противоположность «навязыванию мнения той или иной группировки всем писателям,— говорилось в «Правде»,— в Союзе писателей должно найти место соревнование творческих направлений и течений, действительно принципиальная критика враждебных пролетариату тенденций в художественной литературе»[220].

Всестороннее освещение нашла в «Правде» деятельность Первого Всесоюзного писательского съезда. В передовых статьях «Праздник советской культуры», «Великая многонациональная советская литература», «Лучшие писатели мира с пролетариатом» работа съезда рас-

---

[219] Тих. Ильин, И. Разин, Е. Ухалов, Витензон, А. Романов. За ленинскую литературную критику.— «Правда», 15 апреля 1932 г.

[220] «Правда», 9 мая 1932 г.

сматривалась в широком культурном контексте, в свете развития и укрепления единства передовых литературных сил мира. В газете публиковались выступления и доклады советских и зарубежных литераторов.

Подводя итоги писательского форума, «Правда» отмечала возросшее значение критерия художественности, критерия качества и мастерства, «ибо неизмеримо *вырос уровень требований писателя к самому себе,* требований, относящихся и к содержанию и к форме художественного произведения»[221].

В «Правде» 30-х годов публикуются основные выступления Горького, сыгравшие важную роль в развитии литературы и журналистики. В литературной публицистике, с которой Горький обращался к читателям и собратьям по перу со страниц «Правды», намечались пути активного воздействия литературы на человека, формирования в нем новых социалистических качеств. Важнейшая задача воспитания на положительных примерах, задача, которая с особой силой выдвигалась именно перед литературной журналистикой, была особенно ясно сформулирована в статье газеты, подводящей итоги первого пятилетия журнала «Наши достижения».

Один из ведущих по своему значению авторов-литераторов в «Правде», Горький, может быть, лучше других понимал всю сложность рождения нового, всю силу навыков и привычек поверженного буржуазного общества. И, конечно, в том, что наши журналы, как в 30-х годах, так и сейчас, резко выступают против индивидуализма, мещанства, против идеологической всеядности, против страшных бацилл стяжательства,— во всем этом немалая роль принадлежит целиком поддержанной «Правдой» публицистике Горького. «Основная тема всесоюзной литературы,— писал А. М. Горький в 1935 г. на страницах «Правды»,— показать, как отвращение к нищете превращается в отвращение к собственности. В этой теме скрыто бесконечное разнообразие всех иных тем подлинно революционной литературы, в ней заключен материал для создания «положительного» типа человека-героя...»[222].

Обращаясь непосредственно к проблемам журналистики, «Правда» не отрывала, а, напротив, тесно связывала их с развитием нашей литературы, нашего общества, строящего социализм, и именно с этой точки зрения подходила к оценке текущих явлений журнальной жизни. Так, в рецензии С. Розенталя на ленинградский толстый журнал «Звезда» (№ 1—7 за 1933 г.), помещенной в «Правде», полемически подчеркивалась идея художественного многообразия нашей журналистики. «Говорят,— отмечалось в рецензии,— что журналы у нас однообразны, похожи друг на друга, не имеют своего лица. Если судить по ленинградской «Звезде», этот тезис неверен. У журнала есть свое, несхожее с другими журналами, «выражение лица», писательский почерк...». Это лицо определилось составом авторов: «Федин, Лавренев, Слонимский, Тихонов, Чумандрин, Либединский — вот те писатели, которые определяют линию журнала». Сочувственно отмечалось в рецензии, что есть «в журнале целая плеяда талантливой молодежи: А. Решетов, Б. Корнилов, А. Гитович, Б. Соловьев»[223]. В то же время в рецензии сурово осуждались те тенденции журнала, которые могли увести его к литературе, далекой от злобы дня, от социалистической современности. В конкретных оценках отдельных авторов здесь сказывались наслоения, которые мы сейчас отметаем (например, печально известная оценка

---

[221] «Правда», 2 сентября 1934 г.
[222] «Правда», 18 января 1935 г.
[223] «Правда», 30 августа 1933 г.

поэзии Заболоцкого как юродствующей, кулацкой), но в целом мысль о том, что «журналу нужна крепкая рука, большевистский глаз»[224], была правильной.

Здесь, по сути, вновь проводилась идея о необходимости в условиях нашего общества партийного руководства литературой, о необходимости для журнала, как и для каждого писателя, подхода к жизни и к литературе с позиций коммунистической партийности. «Правда» немало внимания уделяла в связи с этим правильным взаимоотношениям между партийными и беспартийными писателями, помещала материалы, помогающие понять смысл и характер искусства социалистического реализма (А. Фадеев. «О недостатках работы литераторов-коммунистов с беспартийными» — 19 июля 1933 г.; П. Юдин, А. Фадеев. «Социалистический реализм — основной метод советской литературы» — 6 мая 1934 г.; П. Юдин. «О писателях-коммунистах» — 23 июля 1934 г.). Стремясь подчеркнуть преобладание созидательных начал над негативными, живую потребность искусства воспитывать советского человека на положительных примерах нашей жизни, «Правда» посвятила специальные статьи журналам Горького, как известно, показывавшим прежде всего наши успехи (Д. Заславский. «Достижения «Наших достижений» — 1 марта 1934 г.; Б. Резников. «Новый журнал для колхозной деревни» — 24 октября 1934 г.). Характерно, что «Правда» сама использовала тот «запев», который прозвучал в очерке и публицистике «Наших достижений». В передовой статье газеты, открывавшей первый январский номер за 1935 г., между прочим говорилось: «Яркими огнями горят наши достижения за 1934 год. Его справедливо называют у нас годом рекордов. Блистательная эпопея спасения челюскинцев и поход «Литке». Захватывающие, как сказка, подвиги Эпрона и мировые рекорды в авиации. Целая серия научных съездов и достижения наших спортсменов. Первый в мире съезд писателей и победы советского кино. Рекорд полетов в стратосферу находится в руках советских стратонавтов!»

На протяжении всех 30-х годов «Правда» широко выступала за дружбу народов, за народность и реализм нашего искусства и журналистики, за интернационализм литературных связей с передовыми писателями мира. Именно поэтому на ее страницах актуально прозвучала статья К. Чуковского «Искусство перевода». В 1935 г. «Правда» открыла специальный раздел «Литература народов СССР», где публиковались статьи и произведения писателей братских литератур. Активно функционировал в «Правде» отдел «Мировая литература», освещался ход международных конгрессов в защиту культуры. Отвечая на вопрос, каковы перспективы развития культуры на Западе в 1935 г., Бернард Шоу писал в «Правду»: «Культура здесь не имеет никакого будущего. Мы живем репутацией довоенного времени. Спасения цивилизации мы ждем от России»[225]. В сущности, это была очень точная оценка, правильная позиция, всецело подтвержденная событиями второй мировой войны.

Особое значение для советской литературы приобретали выступления «Правды» против вульгарного социологизма. Статья «Прививать школьникам любовь к классической литературе», резко осуждавшая упрощенный, школярский подход к искусству без учета именно его художественных качеств, имела, разумеется, более широкое значение. Она открывала новые возможности изучения искусства и литературы в их действительной сложности. «Правда» помогала решительно изживать еще сохранившиеся в литературоведении рапповско-пролеткультовские

---

[224] «Правда», 30 августа 1933 г.
[225] «Правда», 1 января 1935 г.

пережитки вульгарного отношения к величайшим художникам прошлого. «Великие художники прошлого,— писала «Правда»,— принадлежат трудовому народу, унаследовавшему все культурные ценности предыдущих классов, и не в наших интересах держать эти ценности под спудом, распылять их и превращать их в историческую ветошь, как пытаются это сделать вульгарные социологи. Великие художники живы для нас»[226].

История показала, что не все оценки в статьях газеты, направленных против формализма, сохранили свою силу. Однако существенны и принципиальны были те положения, которые отстаивала «Правда»: за искусство народное, за искусство боевое, которое, как песня, «нам строить и жить помогает». И не только нам, но помогает и помогало завоевывать новых читателей за рубежом, было тем вкладом, который укреплял советскую культуру на аванпосту международной борьбы против фашистского идеологического контрнаступления. «Правда» призывала писателей, участников журналов, литературных критиков принять самое активное участие в сражении «на баррикадах сердец и душ»; газета сама была в этом деле застрельщиком и правофланговым. Открывая 5 декабря 1935 г. «Литературную страницу», редакция «Правды» с особенной силой подчеркивала возросшую ответственность перед читателем литературы, литературной критики.

«Совершенно исключительное значение,— говорилось в «Правде»— в новых условиях приобретает литература. Это выдвигает литературную критику на первую линию культурного фронта и возлагает на критику трудную и ответственную задачу. Наши критики с новой своей ролью не освоились и выполняют свое дело все еще плохо». «Правда»,— говорилось в обращении редакции,— на своих страницах будет широко освещать вопросы художественной литературы. Помимо текущего материала (критические статьи, обзоры, рецензии) мы будем периодически давать «Литературные страницы». В этом же номере газеты была опубликована статья И. Лежнева «В чем нуждается писатель?», где литературно-художественные ежемесячники подвергались резкой критике за отсутствие элементарнейших предпосылок осмысленной редакционной работы». Толстый журнал, подчеркивалось в статье, этот важный «рычаг идейно-творческого, оперативно-производственного руководства литературой ... должен ... быть подлинной лабораторией и серьезнейшей школой для писателя...».

В предвоенные годы наряду с «Литературной страницей», где выступали не только профессионалы, но и публиковались массовые отзывы под рубрикой «Читатель о советской художественной книге» (18 мая 1936 г.), «Правда» в 1936 г. заводит отдел «Оборона Советского Союза». Здесь выступали с очерками и рассказами о Красной Армии, статьями по военным вопросам В. Киршон, Л. Никулин, А. Игнатьев и другие. Так «Правда» по сути поддерживала и направляла работу «Знамени». Газета в сложных условиях 30-х годов мобилизовала своего читателя вообще и читателя-литератора в частности. Она помогала толстым журналам занять более боевую, определенную, подсказанную событиями века позицию.

К большому историческому рубежу подходили все журналы. Не все были готовы к нему так, как «Знамя», как журнал дальневосточных писателей «На рубеже» (1933—1941), избравший тему военной тревоги главной своей темой, но и они вносили свой не менее необходимый вклад.

---

[226] «Правда», 8 августа 1936 г.

К дню 22 июня 1941 г. журналы приходили такими, какими застали их события, цельными в своей идейной устремленности, различными в своих поисках и решениях, в своей силе и слабости. «Знамя» и «Молодая гвардия» печатали стихи Симонова. В ритмах «Суворова», «Танка» угадывалась суровость грядущих событий. «Новый мир» (1941, № 5) публиковал «Фронтовые стихи» Недогонова; в стихотворных отделах журнала жила неисгребимая потребность лирики, которая отзовется в дни войны «Землянкой» Суркова, «Жди меня» Симонова. То личное, что еще недавно казалось мелким, окажется большим, способным выразить чувства, ставшие общенародными.

Перед бурей в журналах наступило некоторое затишье; подчас казалось даже, что «в Советском Союзе люди избавлены от испытаний большой войны» [227]. Но затишье было только кажущимся. Воздух эпохи был пропитан грозой. Статья «Нового мира», откуда взяты приведенные строки, называлась: «Европа под бомбами». С фотографии на читателя глядели лондонские кварталы, разрушенные фашистскими «асами смерти». И, может быть, слишком общо говорил публицист «Нового мира» о страшной угрозе возродившегося немецкого милитаризма, но было понятно, кого имеют в виду заключительные строки очерка «Наша винтовка»: «И до тех пор, пока этот мир существует, наши оружейники не смогут переменить свою специальность!» [228].

Заботы страны и мира не проходили мимо литературного журнала. В 30-е годы он мог углубляться в литературную теорию, он писал о великом трудовом наступлении социализма («Наши достижения») и о жизни простого человека («30 дней»). Его темы были разнообразны. Но это разнообразие не заслоняло внимания к острейшим вопросам современности, к классовым боям на Западе, к героической войне испанских республиканцев с фашизмом. Статьи и очерки виднейших писателей о сражениях в Испании, опубликованные в журналах,— статьи и очерки Алексея Толстого, Ильи Эренбурга — по сути подготавливали их острейшую публицистику военных лет.

Великая Отечественная война подводила черту, время подводило как бы некоторые итоги журналу 30-х годов — итоги перспективные, ибо в самые сложные времена журнал продолжал мыслить широко, разветвленно, масштабно. Журнал 30-х годов искал и находил новые более глубокие пути исследования жизни, не отказываясь при этом от той философии действия, которая столь ярко отразилась в горьковских изданиях.

Нужно ли говорить, что при всех издержках и в 30-е годы литературные журналы были как раз той областью интеллектуальной жизни, где отразился общественный и нравственный опыт народа. Причем журналы, в которых по сути практически сосредоточивались все явления литературной жизни, были, может быть, наиболее живой сферой общественного сознания. Трудно, да и не нужно устанавливать здесь прямые соотношения между литературой и читателем; но можно с несомненностью утверждать, что журналы углубляли жизнью сформированные положительные качества нашего человека, столь решительно проявившиеся в годы Великой Отечественной войны.

Журналы 30-х годов дали новые и несомненно более оправданные ответы (не только теоретические, но и практические) на вопрос о том, каково же наше искусство, какими путями оно будет развиваться. Ответы эти не были однозначны. Но они лежали в плоскости реализма: они отличались широтой подхода, отвечающей подлинным интересам соци-

---

[227] «Новый мир», 1941, № 4, стр. 191.
[228] «Новый мир», 1941, № 5, стр. 203.

алистического искусства. Именно поэтому наряду с «Хлебом» А. Толстого на страницах журналов печаталась его глубокая трилогия. В «Новом мире» перед войной печатались завершающие главы «Тихого Дона».

Эта широта реалистического художественного мышления явилась, по-видимому, одним из важнейших художественных завоеваний журналов, подошедших к историческому рубежу. Широта и вместе с тем передовая идейная направленность придавали журналам значительный и глубокий смысл. В то время как на кострах третьего рейха горели творения великих гуманистов, в то время как варвар в коричневой рубашке заявлял: «Когда я слышу слово «культура», я спускаю предохранитель моего браунинга», советские литературно-художественные журналы выступали носителями наиболее прогрессивной культуры человечества.

Так, журналы вступали в новый, немирный период развития нашей страны, в годы величайших сражений за жизнь против фашистского варварства.

Журналистика в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.)

«22 июня 1941 года . . . Оставляю свои тетрадки, наброски, намерения и планы мирных дней и в качестве спецкорреспондента, а еще точнее сказать — в качестве именно писателя (была такая штатная должность в системе военной печати), отправляюсь на Юго-Западный фронт в редакцию газеты „Красная Армия“...» [1-2] — вспоминал А. Твардовский.

Военная судьба Твардовского повторилась в судьбах сотен других писателей. Должность писателя на войне оказалась насущно необходимой.

Писатели нашли свое место и свое назначение в общенародной борьбе. «Война есть война,— писал А. Сурков.— Без жертв нет подвига. И литература не исключение из этого сурового закона. Чтобы получить право быть душеприказчиком солдатского сердца, писатель должен был стать солдатом и разделить со своим героем все превратности фронтового существования» [3].

Литературная журналистика военных лет — особая страница в истории советской журналистики. Особая, потому что изменились привычные связи писателя с журналом, потому что стало невозмож-

[1-2] «Своим оружием». М., 1961, стр. 20.
[3] «Своим оружием», стр. 18.

ным говорить о журналистике без учета массовой фронтовой печати, потому что, наконец, иным сделалось содержание и направление литературных журналов.

Достаточно вспомнить судьбы членов редколлегий толстых и тонких журналов, чтобы понять, как «обмелели» эти редколлегии сразу, в первый же день войны.

«Знамя» фактически лишилось Вс. Вишневского, который всю войну провел на Балтике корреспондентом центральных газет, а затем участвовал в штурме Берлина, другой член редколлегии «Знамени» А. Исбах работал в газете Северо-Западного фронта «За Родину», в той же газете оказался член редколлегии «Октября» С. Щипачев. П. Павленко («Октябрь») был корреспондентом центральных газет и находился на Южном фронте. Ушел на фронт И. Шамориков («Октябрь»). В. Ставский («Новый мир») — корреспондент «Правды», погиб в 1943 г. В. Щербина («Новый мир») находился на Балтике. Из «Красной нови» фактически выбыли А. Фадеев, А. Твардовский, М. Шагинян (она была в эвакуации на Урале). Главный редактор «Огонька» Е. Петров с первых дней войны стал корреспондентом «Правды», «Красной звезды», Радиокомитета. «Он носился из конца в конец по гигантскому фронту от Баренцева до Черного моря. Возвращаясь в Москву, едва окончив новые боевые корреспонденции и очерки, наскоро ознакомившись с положением дела в журнале, Петров тут же собирался в новую поездку...»[4],— вспоминал А. Эрлих. В 1942 г. Е. Петров погиб при авиационной катастрофе.

Основную работу в журналах выполняли в «Знамени» Е. Н. Михайлова, в «Октябре» — М. М. Юнович, в «Красной нови» — Е. И. Ковальчик.

Авторы журналов тоже оказались на фронтах Великой Отечественной войны, и свои первые военные стихи, очерки, статьи они приносили не в журнал, а в газету. Литература переместилась из толстого журнала, книги, сборника в газету. Война требовала немедленного отклика, «сиюминутного» вмешательства писателя в события, но ритм журнальной жизни не соответствовал напряженному ритму времени. Газеты выходили ежедневно, а первые военные номера толстых журналов появились спустя два, а то и три месяца после начала войны (первый военный номер «Знамени» был подписан к печати 16 сентября, «Нового мира» 12—29 августа, «Октября» — 27 августа, «Красной нови» — 28 августа). Нерегулярно выходили ежемесячные журналы и в дальнейшем. Некоторые из них на время прекратили свое существование: «Молодая Гвардия» (1941), «Сибирские огни» (1941), «На рубеже» (Петрозаводск, 1941). Закрылись «30 дней» (1941), «Красная новь» (1942) и «Интернациональная литература» (1943).

Причины закрытия журналов были разные, но решающее значение имела одна, главная причина: необходимость строгой экономии бумаги, электроэнергии, людских ресурсов.

Уменьшились тиражи изданий. Тираж «Нового мира», в предвоенные годы самый высокий среди других журналов — 80 тысяч экз.[5], постепенно сокращался и к 1943 г. не превышал 30 тысяч. Тираж «Знамени» с 40 тысяч снизился до 30 тысяч, «Красной нови» — с 45 до 40 тысяч, «Октября» — с 30 до 25 тысяч, «Звезды» — с 20 до 10 тысяч. Как правило, журналы стали иметь меньше листов, часто выходили сдвоенными номерами. Словом, журнальная периодика сократилась в своем объеме.

Но хотя газета и вышла на передний край журналистики, она не отменила толстый журнал, как малые, оперативные «газетные» жанры не могли отменить собою большие жанры — роман, драму, повесть.

---

[4] А. Эрлих. Нас учила жизнь. М., 1960, стр. 178.

[5] Тираж дается по № 12 за 1940 г.

Жизнь подтвердила правомерность существования толстого журнала. Практика работы толстого журнала, в свою очередь, повлияла на содержание литературных отделов, ставших постоянными на страницах центральных и фронтовых газет.

✪

«Правда», 22 июня 1941 г. Передовая «Народная забота о школе», сообщения о пленумах Московского областного и Ленинградского городского комитетов ВКП(б), об открытии нового стадиона в Киеве, о постройке первого в СССР циклотрона, о предполагаемом большом строительстве в пограничном г. Ломже, короткие сводки о действиях английской и германской авиации, о военных действиях в Африке. То же в «Известиях».

Номер «Литературной газеты» почти целиком посвящен Горькому, пятую годовщину со дня смерти которого страна отмечала 18 июня. И страницы военной газеты — «Красной звезды» — посвящены мирным досугам Армии: передовая призывала «Изо дня в день множить успехи боевой подготовки», сообщалось о защите диссертаций в Академии им. Ленина, о жизни военного лагеря в Средней Азии и даже об учебно-показательных парашютных прыжках 21 июня в Западном особом округе — там, где 22 июня уже шли кровопролитные бои с фашистами.

Печать первого дня войны еще жила мирными, «довоенными» делами. Но уже 23 июня в «Правде» вслед за Указами Верховного Совета о мобилизации военнообязанных и об объявлении военного положения в некоторых местностях Советского Союза печатались сообщения о митингах, прокатившихся по всей стране и рядом с этими сообщениями первые военные стихи А. Суркова «Присягаем победой», Н. Асеева «Война в наши двери стучится», статья Л. Соболева «Отстоять Родину!». В ближайшие дни в «Правде», «Известиях», «Красной звезде» печатаются стихи, очерки, публицистические статьи советских писателей. Это еще только первые отклики, но, продиктованные высоким чувством патриотизма, они остаются надолго в памяти народа — «Песня смелых» А. Суркова («Правда», 25 июня 1941 г.), «Священная война» В. Лебедева-Кумача («Известия» и «Красная звезда» 24 июня), «Что мы защищаем» А. Толстого («Правда», 27 июня), «Фашистское мракобесие» И. Эренбурга («Красная звезда», 29 июня).

Война в наши двери стучится,
Предательски ломит в окно.
Ну что же,— ведь это случиться
Когда-нибудь было должно.

Об этом и в песнях мы пели,
И думали столько годов,
За нами высокие цели,
Чтоб каждый был драться готов.

Так писал Н. Асеев 23 июня 1941 г., на второй день войны, в «Правде».

С первых дней войны определились те главные темы, которые пройдут через всю литературу военных лет и которые впервые зазвучали на страницах газет: Родина, ненависть, героизм.

Трудно переоценить значение статей А. Толстого. Обращенные к широкому читателю, они будили чувство патриотизма. Слово «Родина» раскрывалось Толстым в многообразном и конкретном своем значении: Родина — социалистическое отечество — «земля оттич и дедич». Толстой

рассказывал народу его историю. «На нас всей тяжестью легла ответственность перед историей нашей родины. Позади нас — великая русская культура, впереди — наши необъятные богатства и возможности, которыми хочет завладеть фашистская Германия. Но эти богатства и возможности, бескрайние земли и леса, неистощимые земные недра, широкие реки, моря и океаны, гигантские заводы и фабрики, те тучные нивы, которые заколосятся, те бесчисленные стада, которые лягут под красным солнцем на склонах гор, то изобилие жизни, которого мы добьемся, вся наша воля к счастью, которое будет,— все это — наследство нашего народа, сильного, свободолюбивого, правдолюбивого, умного и не обиженного талантом» [6].

Трудная осень 1941 г., отступление наших войск, враг рвется к Москве, и в это время Толстой пишет в «Правде»: «Москва — это больше, чем стратегическая точка, больше, чем столица государства. Москва — это идея, охватывающая всю нашу культуру во всем ее национальном движении. Через Москву — наш путь в будущее» [7]. Это умение раскрыть философский, политический, нравственный смысл событий, «заразить» читателя чувством исторического оптимизма придавало статьям Толстого огромную действенную силу. «Всколыхнули Вы все человеческое в моей душе своей статьей» [8],— писал Толстому старый ученый из Киргизии. «Мы вместе громим обнаглевших фашистов» [9],— заверяли писателя фронтовики.

А. СУРКОВ В РЕДАКЦИИ ФРОНТОВОЙ ГАЗЕТЫ (1941).

С первых дней войны газеты начали вести активную антифашистскую пропаганду. 26 июня 1941 г. появились первые публицистические статьи И. Эренбурга — в «Красной звезде» («Гитлеровская орда») и в «Известиях» («Париж под сапогом фашистов»). С этого времени начинается интенсивная, напряженнейшая деятельность Эренбурга, публициста-газетчика. В одной из критических статей военного времени говорилось: «В газете мы сперва читаем сводку, потом военные корреспонденции, очерк, потом — рассказ или повесть. Так вовлечены люди в реальность войны, так все мы этим живем, что трудно даже представить себе другую направленность, другую последовательность внимания» [10].

---

[6] «Правда», 7 ноября 1941 г.
[7] Там же.
[8] «Писатели в Отечественной войне». М., 1946, стр. 16.
[9] Там же, стр. 19.
[10] В. Александров. Уважение к действительности.— «Октябрь», 1942, № 10, стр. 112.

«Если в подразделении узнавали, что получена «Красная звезда», где помещена Ваша статья, то все бойцы, сержанты и офицеры не могут дождаться маленькой передышки от боя, чтобы прочесть или послушать простые, зажигающие слова. Если свободной минуты не бывает, то газета идет по рукам бойцов... Газеты с Вашими статьями и рассказами у нас подшиваются» [11],— это только один из откликов на статьи Эренбурга, а сколько их было за годы войны! Значение статей Эренбурга состояло прежде всего в том, что они раскрывали истинное лицо фашизма, злобного, жестокого и опасного врага. Это было особенно важно сделать в первые дни войны, потому что не сразу изживались настроения самоуспокоенности, благодушия, недооценки опасности, нависшей над страной.

В газетах среди гневных откликов на события встречались легковесные статьи и стихи, в которых война представала недолгим и победоносным походом по территории Германии, а враг — недалеким и совсем не опасным противником.

В своих статьях, напечатанных в «Правде» и «Красной звезде», Эренбург, понимая всю грозящую Родине опасность, писал о врагах — насильниках, грабителях, убийцах. «Фашизм несет смерть. Он не хочет взглянуть на самого себя. Германия боится зеркала: она завешивает его балаганным тряпьем. Она предпочитает портреты чужих предков. Но мы ее загоним к зеркалу. Мы заставим немецких фашистов взглянуть на самих себя» [12],— писал он в статье «Василиск».

Антифашистская тема в статьях Эренбурга была ведущей, но не единственной. Его перу принадлежали великолепные патриотические статьи «Выстоять», «Испытание», «Солнцеворот», «Мы выстоим» («Красная звезда», 12, 28 октября, 4 ноября, 23 декабря). Написанные в труднейший для Родины первый год войны, они поистине стали боевым оружием.

Работа писателя в газете приобретала важнейшее значение, крылатыми стали слова поэта «И песня и стих — это бомба и знамя». Любовь к Родине, ненависть к врагу — эти две темы явились главными для газетной публицистики и поэзии, они определяли глубину изображения народного героизма. Рассказы и очерки о героях войны составляли непременный, обязательный раздел центральных газет.

В Отечественной войне, говорил А. Толстой, решающим фактором победы становятся «нравственные категории», «нравственный дух народа». Поэтому исключительное значение приобретает литература: «Глагол идет в атаку миллионами штыков, глагол приобретает мощь артиллерийского залпа».

Так, 2 июля в «Известиях» появились статьи В. Гроссмана «Готовность к подвигу» и Ю. Яновского «За каждую пядь земли», 4 и 6 июля в «Правде» статьи М. Шолохова «На Дону» и «В станице Вешенской», 10 июля в «Правде» и «Красной звезде» очерк П. Крылова и П. Павленко «Капитан Гастелло», 20 июля «Красная звезда» опубликовала статью И. Эренбурга «Презрение к смерти», 29 августа — очерк М. Шолохова «На Смоленском направлении». В «Правде» 7 августа появился очерк Ю. Крымова «Как был разгромлен полк СС», в «Комсомольской правде» 20 августа — очерк А. Гайдара «Мост».

Анализируя литературу Великой Отечественной войны, А. Аникст писал: «Люди будущего будут с благоговением листать комплекты «Правды», «Красной звезды», больших и малых газет нашей страны, где в записях, сделанных непосредственно в ходе событий, запечатлен

---

[11] «Писатели в Отечественной войне». М., 1946, стр. 72.

[12] «Красная звезда», 19 сентября 1941 г.,

пафос великого воодушевления, двигавшего нашим народом в эти замечательные годы» [13].

Сила, действенность этого пафоса, присущего стихам, очеркам, рассказам, заключалась в их достоверности. Они были своего рода летописью героической жизни народа. Газеты первыми сообщали о подвигах 28 героев-панфиловцев (А. Кривицкий. «О 28 павших героях» — «Правда», 22 января 1942 г.), о Тане — Зое Космодемьянской (П. Лидов.

И. ЭРЕНБУРГ СРЕДИ РАБОТНИКОВ ФРОНТОВОЙ ГАЗЕТЫ

«Таня» и «Кто была Таня» — «Правда», 27 января и 18 февраля 1942 г.), о героях «Молодой гвардии» (А. Фадеев. «Бессмертие» — «Правда», 15 сентября 1943 г.). Они рассказывали о той суровой школе, которую проходили советские люди. В первую годовщину войны, 22 июня 1942 г., в «Правде» появилась «Наука ненависти» М. Шолохова, произведение, рожденное горьким и тяжелым опытом войны. В то же время напечатанные в «Правде» и «Красной звезде» очерки К. Симонова, В. Гроссмана, Б. Полевого, В. Вишневского, рассказы Н. Тихонова, стихи О. Берггольц доносили горячее дыхание Сталинградской битвы, вместе с ленинградцами заставляли переживать трагические дни блокады [14].

Так создавалась на страницах газет летопись военных событий. Горечь поражений и первые наши успехи, битвы за Москву, Одессу, Севастополь, Ленинград, Сталинград, победоносное продвижение наших войск на запад, штурм Берлина — все эти этапы войны нашли отражение не только в сводках боевых действий, но и в публицистике, поэзии, очер-

---

[13] «Знамя», 1945, № 4, стр. 122.

[14] В «Правде» печатались: Б. Полевой — «Небо Сталинграда», «Огонь с Волги», «Школа ненависти»; «Редут Таракуля» (8, 17, 22, 29 октября 1942 г.), В. Вишневский — «Белые ночи», «Ленинград в боях» (11 июня и 13 августа 1942 г.); Н. Тихонов — «Ленинградские рассказы» (6, 8, 12, 15, 20 марта, 27 июня, 14 сентября 1942 г.).

В «Красной звезде»: К. Симонов — «Дни и ночи» (24 сентября 1942 г.); В. Гроссман — «Сталинградская битва», «Направление главного удара» (27 октября и 25 ноября 1942 г.); Н. Тихонов — «Ленинград в январе» (31 января 1934 г.) и др.

ках. Как на карте, отражался в них путь нашей Армии, хотя заголовки статей говорили не только о «географии» боев, но больше о том внутреннем пафосе, которым они были порождены. «Присягаем победой», «Нас не одолеешь», «Выстоять», «Мы выстоим», «Я верю в свой народ», «Остановить» — это названия произведений, напечатанных в первые трудные годы войны. И как меняются они, эти газетные заголовки, когда Армия переходит в наступление: «Победа!», «Весна истории», «Весна победы», «Дорогами побед», «В Берлин!», «Великое наступление», «Аллея победы», «Да будет свет!» «Утро победы», «Весна народов», «Утро мира», «Имя радости», «Победа, какой не знала история».

Большие и малые газеты сохранили для потомков духовный облик советского человека. «Успех очерков о Тане в том, что они от начала до конца документальны, протокольны и в них нет ни вымысла, ни пустой и звонкой фразы, так часто спасающей очеркиста» [15],— записывал в своем дневнике П. Лидов. Писатели не забывали о том, что, даже находясь «в узкой щели окопа», человек оставался человеком в самом широком и прекрасном значении этого слова. Стихи о любви, о верности не казались лишними или ненужными на газетной полосе. Напротив, их вырезали, перечитывали, переписывали, бережно хранили.

Газета военных лет явилась превосходной школой для писателей. Такой интенсивной учебы им не приходилось иметь ранее, хотя, как известно, связь писателя с газетой всегда была достаточно тесной. Работа в газете безусловно повлияла и на литературу в целом. «Война учила и научила определенную группу людей от литературы, попавших в армейскую фронтовую печать, реалистическому отношению к событиям... Война научила нас говорить тогда прямо и жестко» [16–17],— говорил А. Сурков в 1943 г. и это перекликалось со словами Н. Тихонова, который в том же 1943 г. повторил известные слова Л. Толстого о правде — главном герое литературы военных лет.

Стремление передать правду о войне характерно для литературных материалов «Красной звезды». Д. И. Ортенберг, бывший в годы войны ответственным редактором газеты, вспоминает: «В редакции ревниво относились к тому, как ведет себя писатель, журналист на фронте. Нам не безразлично было, из каких материалов делается газета. Она должна была дышать боем. А чудес, как известно, не бывает. Материал из третьих рук — не материал. Нужно было отправиться на линию огня и писать то, что видишь своими глазами» [18].

Именно с передовой получала газета лучшие свои статьи и корреспонденции. Очерки Е. Петрова из осажденного Севастополя доносили до читателя дыхание боя. Петров не скрывал трудностей и тягот жизни осажденного города, более того, в одной из корреспонденций, которая по понятным причинам не сразу увидела свет, он писал о возможном его падении. Столь же правдивыми были сталинградские очерки В. Гроссмана и К. Симонова, потому что все, о чем они писали, было увидено на передовых «своими глазами». То же можно сказать и об очерках и корреспонденциях А. Довженко. Вдохновенный романтик, он обладал зорким зрением и видел жизнь в ее суровой и трудной правде. 1 августа 1942 г. в «Красной звезде» была напечатана его статья «Ночь перед боем», в которой были сказаны горькие и беспощадные слова о том, как провожало население отступавшие части Красной Армии.

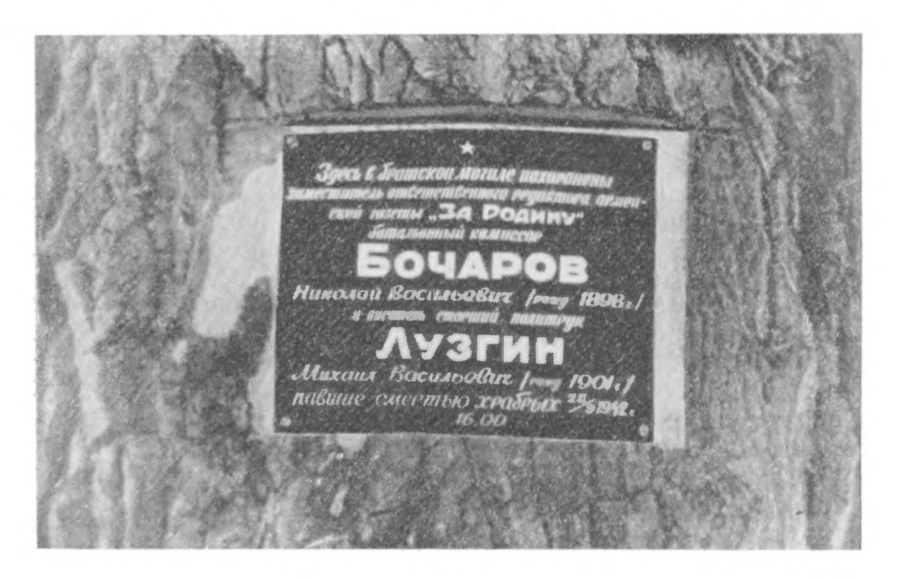
---

[15] Цит. по кн.: Семен Гершберг. Завтра газета выходит. М., «Сов. Россия», 1966, стр. 83.

[16–17] «Литературное наследство», т. 78. М., 1966, кн. 1, стр. 335.

[18] «Литературное наследство», т. 78, кн. 1, стр. 276. Там же, см. обзор Л. Р. Ланского «Писатели в «Красной звезде».

Глубокой правдивостью отмечены и очерки А. Полякова. С 27 июня по 22 июля 1941 г. он находился в окружении, а 3 августа в «Красной звезде» уже начал публиковаться цикл его очерков «В тылу врага». Очеркам Полякова, посвященным трагическим дням отступления, присущ тот глубокий оптимизм, который характерен для литературы военных лет. Этот оптимизм был далек от каких-либо настроений самоуспокоенности и благодушия. Он не противоречил духу «прямо в душу бьющей» правды. Здесь уместно будет вспомнить К. Симонова, который в

МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА НАД БРАТСКОЙ МОГИЛОЙ ПОГИБШИХ ПОД СТАЛИНГРАДОМ Н. В. БОЧАРОВА и М. В. ЛУЗГИНА, СОТРУДНИКОВ АРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «ЗА РОДИНУ»

1945 г. в предисловии к своим дневникам военных лет писал: «Если посмотреть газеты того периода и все, что написано с фронта военными корреспондентами и писателями,— будь то стихи, очерки или рассказы,— независимо от того, хорошо или плохо написано,— во всем этом всегда отражалась вера в победу и желание подкрепить эту веру всеми доступными фактами, которые находились в нашем распоряжении.

Найти эти факты, подтверждавшие нашу веру в победу, было не только нашим гражданским долгом, но и душевной потребностью» [19].

Однако иногда понимание оптимизма оказывалось примитивным и вульгарным. Тогда возникали опасения, что прямой и честный рассказ о трагических событиях может посеять панические настроения. Поэтому, например, как вспоминает Ортенберг, не сразу был напечатан очерк Е. Петрова о Севастополе, в котором он писал о возможной сдаче города, или статья А. Толстого «Кровь народа», где Толстой рассказал о том, как был взорван Днепрогэс [20].

---

[19] «Знамя», 1945, № 5-6, стр. 57.

[20] Находились люди, которые требовали изменить или выбросить строки в знаменитой «Землянке» А. Суркова: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага», как «упаднические, разоружающие». «О том, что с песней «мудрят» мне стало известно и из письма шести гвардейцев-танкистов. Сказав добрые слова по адресу песни и ее авторов, танкисты пишут, что слышали, будто кому-то не нравятся слова «до смерти — четыре шага». Гвардейцы высказали такое едкое пожелание: «Напишите вы для этих людей, что до смерти четыре тысячи английских миль, а нам оставьте так, как есть,— мы ведь знаем, сколько шагов до нее, до смерти» («Журналисты на войне», стр. 369).

В первый год войны определились основные черты журналистики, которые наиболее полно раскрылись в практике газет. Определились ведущие жанры — стихотворение, публицистическая статья, очерк, рассказ. Однако этим возможности газеты далеко не исчерпывались. 1 декабря 1941 г. «Правда» печатает поэму Н. Тихонова «Киров с нами», 7 декабря — «Красная звезда» поэму К. Симонова «Сын артиллериста». С этого времени началась публикация в газетах произведений больших жанров: поэмы, повести, драмы, комедии. Разумеется, крупные произведения не могли вытеснить малые формы. Обращение к произведениям, жанр которых, казалось бы, совсем не соответствовал газете, возрождало давнюю традицию большевистской печати. Когда-то Ленин горячо приветствовал публикацию на страницах дооктябрьской «Звезды» «Итальянских сказок» Горького, в «Правде» в первые годы революции печатались стихотворные повести Д. Бедного «Про землю, про волю, про рабочую долю», «Батраки». То, что в годы Великой Отечественной войны газеты рядом с сообщениями Информбюро, сводками с фронтов, материалами общественно-политического характера помещали повести, поэмы, драматические произведения, свидетельствовало о силе воздействия литературы на читателя.

Газета, отчасти взявшая на себя функции толстого журнала, имела огромный по сравнению с литературно-художественными ежемесячниками тираж. Благодаря этому с крупнейшими произведениями военных лет мог познакомиться самый широкий читатель. Кроме того, публикация в «Известиях», «Красной звезде» и, особенно, в «Правде» сразу привлекала внимание и вызывала интерес. Этот интерес всегда оказывался оправданным: газеты печатали лучшие произведения, лучшие потому, что в них наиболее полно раскрывались характерные черты литературы, потому что они остро и прямо ставили большие проблемы современности.

Лето 1942 г.— самый трудный период Великой Отечественной войны, когда фашистские армии, сосредоточив огромные силы, продвигались к Волге и Кавказу, и именно в это время (24—27 августа) в «Правде» печатается «Фронт» А. Корнейчука — пьеса, в которой подверглись строгой критике военачальники, пытавшиеся воевать по-старинке.

Другая характерная черта, также очень точно отраженная журналистикой и, в первую очередь, газетами — жанровое и стилевое богатство литературы, несмотря на ее тематическую одноплановость.

Стихи, корреспонденции, очерки, рассказы и поэмы, повести, романы, пьесы — такого жанрового многообразия не знала газетная периодика в мирные дни. В «Правде» публиковались почти одновременно главы из поэм В. Инбер «Пулковский меридиан» и А. Твардовского «Василий Теркин» (1942, 1943), комедия «Фронт» и суровая драма К. Симонова «Русские люди» (1942). Разными в стилистическом плане были «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, «Письма к товарищу» и «Алексей Куликов, боец...» Б. Горбатова (1942), главы из романа «Они сражались за Родину» М. Шолохова (1943), повесть Л. Леонова «Взятие Великошумска» (1944).

Газетный материал быстро стареет, но литература военных лет выдержала экзамен десятилетий: она углубляет наше понимание истории, и она не просто летопись, она живет, обладая подлинно эстетической ценностью.

Остались жить произведения, рожденные правдой своего времени, несущие пафос героической борьбы народа. Вспоминая о погибших на войне поэтах, принадлежавших к «поколению сорокового года», Д. Самойлов писал: «Они погибли слишком рано. Но не только эта трагическая судьба двадцатилетних поэтов волнует нас. Волнуют и их стихи, даже тогда, когда мы осознаем их несовершенство. Волнуют потому, что в них запечатлены характерные мысли и чувства целого поколения, запе-

чатлены цельно и неповторимо. А мысли эти и чувства необходимо входят в ряд мыслей и чувств русской поэзии, и, если бы они выпали, исчезло бы целое звено в ее закономерном развитии, распалась бы связь времени, исчез бы тот мостик, который соединяет довоенное поколение советской поэзии с послевоенным»[21]. В этом размышлении Самойлова найдены верные слова для характеристики не только поэтов, но шире — всей литературы военных лет.

2

«Не за горами то время, когда стихи со страниц толстого журнала должны будут переместиться на страницы фронтовых газет и дивизионных полевых многотиражек»[22],— говорил А. Сурков в своей речи на Первом съезде писателей. Напротив, в этих словах выражено реальное предчувствие большой войны, которая неотвратимо надвигалась на Советский Союз. Они раскрывали также те связи литературы, писателей и народа, которые установились в 30-е годы и без которых литература не смогла бы произвести мобилизацию сил в такой короткий срок, как это было сделано ею в первые же дни войны. Нельзя рассматривать литературу и журналистику военных лет вне ее связей с литературой и журналистикой предвоенного времени: не следует забывать, что героические их черты «прорастали» и вызревали в сложной атмосфере 30-х годов.

Небывалое в истории мировой прессы явление — советская фронтовая печать — могло возникнуть только потому, что были глубокие корни, которые тянулись к эпохе гражданской войны, когда укреплялись и формировались традиции большевистской печати, потому, что на протяжении более чем двух десятилетий строительства социалистического общества советская печать была активной его участницей.

Фронтовые, армейские, дивизионные газеты, многотиражки, издававшиеся различными воинскими соединениями, окопная печать, боевые листки — во всей этой многообразной и разноликой фронтовой печати принимали участие советские писатели[23].

В начале 1942 г. издавалось 19 фронтовых, 93 армейских и корпусных и несколько сот дивизионных газет, 70 газет морского флота. Их тираж составлял более 3 миллионов экземпляров. В 1944 г. в действующей армии издавалось 800 газет[24]. 270 партизанских газет выходило на территории, захваченной фашистами. В газете «Красная Армия» 5 мая 1943 г. была помещена небольшая заметка о партизанской печати на оккупированной Смоленщине. Там, сообщалось в газете, «ежедневно выходят в свет несколько партизанских листовок, прокламаций, стенных газет. Их характер, содержание и форма определяются обстановкой. Нередко они выпускаются на бересте и еловой коре».

О рукописных журналах Белоруссии с необычными адресами редакций «Белоруссия, лес» — говорилось в одной из статей газеты «Литера-

---

[21] Цит. по ст. А. Когана «Сквозь время...» — В кн. «Живая память поколений». М., 1965, стр. 251—252.

[22] «Первый Всесоюзный съезд советских писателей». Стенографический отчет. М., 1934, стр. 515.

[23] Настоящая главка не претендует на полный обзор фронтовой печати, так как в последние годы вышел ряд работ, посвященных этому вопросу. См.: А. Коган и М. Цейтлин. Писатели во фронтовой печати (1941—1945).— В кн.: «История русской советской литературы». М., Изд-во АН СССР, 1961; «В редакцию не вернулся...» М., Политиздат, 1964; «Журналисты на войне». М., Воениздат, 1966; Борис Бялик. Наедине с прошлым. М., «Сов. писатель», 1966; Семен Гершберг. Завтра газета выходит. Особенно ценные материалы содержит 78 том «Литературного наследства». М., изд-во «Наука», 1966, кн. 1 и 2.

[24] «Журналисты на войне», стр. 7.

тура и искусство»[25]. В 78 томе «Литературного наследства» (кн. 2) воспроизведена рукописная газета «Пленная правда», которая в июле 1942 г. была выпущена в Минском лагере военнопленных при участии Ст. Злобина. (Об этой газете рассказано и в книге А. И. Пахомова «Рисунки кровью». М., изд-во «Советская Россия», 1966).

Фронтовым газетам также пришлось перестраиваться в первые дни войны, потому что отголоски прежних представлений о легкой, победоносной войне встречались и на страницах военной печати. А. Сурков справедливо говорил о том, что при чтении некоторых газет, вышедших в дни отступления, трудно было представить себе, насколько серьезной и сложной была обстановка на фронтах[26].

О необходимости глубокой правды, прямоты разговора с читателем писал А. Тарасенкову Вс. Вишневский 24 сентября 1941 г.: «КБФ («КБФ» — газета «Красный Балтийский флот».— *Н. Д.*) делайте ближе к конкретной обстановке. Строже, прямее разговор... (см. в армейских газетах: осуждения неудач и свежая информация, анализ и пр.). А «КБФ» только на патетике «бейте, крушите.» и пр... Внимательнее вслушивайтесь в жизнь, в события. Война ведь изменила душу читателя, а «КБФ» *не* меняется... Глубже, умнее ведите разговор: о перспективах *трудной* большой, затяжной войны; о нервах бойцов; о ресурсах СССР, о приемах врага; о коалиции (СССР, Англия, США) и пр. Это должны быть пропагандистские статьи высокого уровня...

Т. т. писатели «КБФ» могут шагнуть от заметок и стихов — до *большой политики,* до разработки *философии* войны... Иначе в толчее оперативных «ура»-заметок вы многое упустите»[27].

Жизнь писателя в газете не была легкой. «Писатель на фронте делал все, за исключением своего писательского дела,— вспоминал В. Ряховский, работавший в годы войны в газете «Красный черноморец»,— составлял газету, правил материалы, ходил или ездил за информацией в три строки, дежурил ночи в типографии, до потемнения в глазах читая гранки и полосы, ходил на кораблях в походы, летал на боевых самолетах, сутками выдерживал огневые и воздушные налеты врага, притаясь вместе с бойцами в окопе или полуобсыпавшемся блиндаже. Свои газетные — надо подчеркнуть — газетные, то есть глубоко оперативные рассказы, очерки, стихи и заметки он писал на коленке, у капонира самолета под дождем и снегом, в укрытии возле башни корабельного орудия. Писал, твердо зная, что каждая его строка завтра будет читаться бойцами, будет заряжать волей к победе, будет звать их вперед»[28].

О том, как вели себя журналисты на войне, свидетельствуют многие документы. Вот выписка из наградного листа С. А. Борзенко, одного из первых советских журналистов, удостоенных звания Героя Советского Союза.

«Писатель армейской газеты «Знамя Родины» (18 армия) майор Борзенко С. А. высадился на берег Крыма в ночь на 1 ноября с первым десантным отрядом 318 Новороссийской стрелковой дивизии. Этот отряд состоял из полутора батальонов. Немногочисленный по своему составу, он с хода вступил в бой с сильно укрепившимся противником. В силу сложившейся обстановки и большой убыли офицерского состава, майору Борзенко... пришлось лично участвовать в руководстве боем десантного отряда. Когда немцы бросили в контратаку танки, прорвавшиеся на 100 метров к Командному пункту отряда, Борзенко вместе с офицерским

---

[25] См. «Литература и искусство», 20 ноября 1943 г.

[26] См. А. Сурков. Стихи в строю.— «Живая память поколений». М., 1965.

[27] Вс. Вишневский. Статьи. Дневники. Письма. М., 1961, стр. 596.

[28] ЦГАЛИ, ф. 422, оп. 2, ед. хр. 99, л. 8.

составом отбивал гранатами в передовой цепи подошедшие танки, лично показывая пример и руководя бойцами...»[28а].

В опаснейшем переходе военных кораблей Таллин — Кронштадт участвовали корреспонденты газеты «Красный Балтийский Флот» А. Тарасенков, Н. Михайловский, погибшие в этом переходе Ю. Инге, О. Цехновицер. С первым десантом высадился в Новороссийском порту сотрудник газеты «Красный черноморец» А. А. Луначарский, в тяжелых боях он был и бойцом, и писателем, и политработником (убит 12 сентября 1943 г.).

С. БОРЗЕНКО 1945.

«Одной из сильнейших сторон нашей военной журналистики была психологическая правда о человеке и сражении»[29],— отмечал Н. Грибачев. Никогда в литературе не было такой прямой, непосредственной связи между героем жизни и героем литературы, какая существовала в военной периодике.

Но что важно: фронтовая печать показывала не безымянных героев, не массовидный, безликий подвиг: в стихах, очерках, рассказах фигурировали не «множества», как это было в произведениях о гражданской войне. Фронтовая печать увековечила имена многих героев, в этом ее заслуга, с ее страниц рассказы о героях переходили на страницы центральной печати.

В центре внимания военных корреспондентов всегда находился советский человек. В газетах существовал специальный отдел «Герои Отечественной войны». Поэзия и проза газетной периодики была предельно документальной. Можно назвать сотни стихотворений и очерков, героями которых были подлинные герои войны. В газете «Красная Армия» печатались стихи А. Твардовского «Красноармеец Саид Ибрагимов», «Сержант Василий Мысенков», «Трое» — о Героях Советского Союза Здоровцеве, Жукове и Харитонове (1941), М. Бажана «Твой сын» (1942), Е. Долматовского «Баллада о Кагамлыке» (1944), в газете «За Родину» — «Красноармеец Ильмояров» М. Алигер и М. Матусовского (1943). В этом плане очень характерны своеобразные «предисловия» ко многим стихам.

Так, например, перед стихотворением Ю. Левитанского «Пулеметчик Николай Загреба» было помещено следующее сообщение: «Пулеметчик Николай Загреба в одном из последних боев уничтожил 20 гитлеровцев»[30].

Было бы неверно видеть в таких стихах своего рода стихотворные фотографии: «документальные данные» о людях приобретали широкий обобщающий смысл. Рассказывая о подвиге Василия Мысенкова, в срок

28а «Литературное наследство», т. 78, кн. 2, стр. 514.
29 «Журналисты на войне», стр. 27.
30 «За Родину», 20 марта 1943 г.

доставившего пакет, поэт размышляет о трудном ратном подвиге, о суровой действительности войны.

Да, все иначе на войне,
Чем думать мог любой,
И солью пота на спине
Проступит подвиг твой.

Щетиной жесткой бороды
Пробьется на щеке
И кровью ног босых следы
Отметит на песке... [31]

Гуманистическая направленность фронтовой литературы, ее обращенность к человеку была характерной чертой фронтовых газет. Готовясь к докладу о фронтовых газетах, Фадеев отметил рассказы В. Кожевникова в «Красноармейской правде». «...Очень человечный писатель. Правильно понимает главную гуманистическую тему нашей литературы в дни войны» [32].

В статье «Писатели во фронтовой печати (1941—1945)» А. Коган и М. Цейтлин справедливо отмечают, что уже с 1942 г. писатели стали выступать не только с литературными материалами, но со статьями «на военно-тактическую тему, содержавшими анализ прошедшей операции или пропагандирующими новые приемы ведения боя, опыт подразделения в обороне и наступлении, приемы разведки переднего края и т. п.» [33].

Но и в этих статьях писатели искали специфические литературные способы обработки материала. В этом смысле интересны «Рассказы о солдатской смекалке» Б. Бялика в газете «За Родину» или написанные в форме раешника «Солдатские беседы» неистощимого на выдумку Б. Палийчука в «Красной Армии» [34].

Несомненно, что наибольшую пользу писатель приносил в газете именно в «должности писателя». Значительное место занимали в газете очерки о событиях на данном участке фронта. Их содержание было самым разнообразным: боевая операция, жизнь партизанских отрядов, вести из оккупированных фашистами районов; для периода наступательных боев стали характерны подзаголовки «На освобожденной земле».

Военные корреспонденты зафиксировали многие подробности больших и малых сражений.

...Немецкие войска
Все яростнее рвутся в Таллин, к морю.
Рази их, сталь балтийского штыка,
И пусть не дрогнет под огнем рука —
Записывай, газетчик и историк [35].

Это «наставление» Ан. Тарасенкова подчеркивает еще одну особенность в работе писателя-газетчика, и несомненно, что историки, изучаю-

---

[31] «Красная Армия», 1 августа 1941 г.

[32] А. Фадеев. По страницам фронтовых и армейских газет. Рабочие записи к докладу.— «Литературное наследство», т. 78, кн. 1, стр. 310.

[33] «История русской советской литературы», т. 3, стр. 592.

[34] Например, «Беседа вторая»: «Разговор нешутейный о машине трофейной или о том речь, как трофеи беречь» — 26 января, и «Разговор откровенный о выправке военной» — 21 апреля 1943 г. и пр.

[35] Цит. по ст. Вс. Азарова «Письма с Балтики».— «Звезда», 1943, № 1, стр. 116.

щие период Великой Отечественной войны, не могут пройти мимо корреспонденций, печатавшихся во фронтовых газетах.

Фронтовая печать заслужила подлинное право называться народной не только потому, что она стояла так близко к читателю. Находясь у самых истоков народной жизни, фронтовые газеты передавали настроения, мысли, чувства советских людей. Во фронтовой печати впервые появились собирательные образы народных героев, нашедших свое классическое выражение в Василии Теркине, который, кстати, также родился на страницах фронтовых газет.

Можно сказать, что каждая или почти каждая газета имела своего героя, в чем-то родственного Теркину. В «Красной Армии» был донской казак Иван Гвоздев, в газете «За Родину» — Вася Точкин и «Братья-пулеметчики», в «Красноармейской правде» — Гриша Танкин, в «Краснофлотце« — комендор Максим Зениткин и Корней Эсминкин, в газете «Знамя советов» (11 армия) — Алексей Петров, в «Боевом призыве» (газета 61 Армии) — Андрей Снарядкин, в «Соколе Родины» — Вася Гашеткин.

Между всеми этими героями существовала явная связь, которую признавали сами авторы:

Танкин, Пулькин и Гранаткин,
Принимайте в свой отряд.
Я — боец Андрей Снарядкин,
Вам, ребята, друг и брат!..
Буду бить фашистов метко
И гранатой, и штыком,
И веселою заметкой,
И частушкой, и стихом... [36]

А. К. ТАРАСЕНКОВ. 1942 г.

Эти бесхитростные стихи героя газеты «Боевой призыв» раскрывали еще одну особенность фронтовой печати: излюбленный газетой герой был непременным героем постоянного и обязательного для всех фронтовых газет отдела юмора и сатиры.

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой [37].

Справедливость слов А. Твардовского подтверждалась богатым опытом фронтовой печати. Отделы сатиры и юмора были не только популярными, но и действенными, заголовки не без основания подчеркивали это

---

[36] Цит. по ст. П. Железнова «Горжусь, что в сорок первом был солдатом».— «Литературное наследство», т. 78, кн. 1, стр. 529.
[37] «Красноармейская правда», 4 сентября 1942 г.

их свойство: «Прямой наводкой» («Красная Армия»), «Короткой очередью» («Боевой призыв»), «Полундра» («Красный Балтийский флот»), «Таран» («Краснофлотец») и пр. Содержание отделов сатиры было самым разнообразным: здесь и похождения героев, храбрых, смекалистых, умевших обвести вокруг пальца незадачливых «фрицев», и сатирические комментарии к выступлениям Гитлера и его приспешников, и веселые частушки, и поучения нерасторопным бойцам. Тексты, авторами которых часто были писатели, в мирные дни весьма далекие от «веселого цеха»[38], сопровождались острыми и злыми карикатурами.

Думается наступательный пафос фронтовых сатириков очень правильно объяснен художником Б. Пророковым. «Уже в августе 1941 г. гарнизон Ханко оказался отрезанным в глубоком тылу противника.

С Большой земли ни газет, ни писем.

Мне было приказано обеспечить газету сатирой и юмором.

В те дни искусство оказалось сильнейшим орудием пропаганды.

В газете почти ежедневно печатался раздел «Гангут смеется».

Отдел пользовался большой любовью.

Матросам нравилось, что изъеденный снарядами, как оспой, Гангут смеется»[39].

Сатирические отделы фронтовых газет продолжали и развивали традиции, сложившиеся в советской печати в годы гражданской войны. Здесь следует иметь в виду не только газетные выступления, но и работу писателей и художников в «Окнах ТАСС», над плакатами, выпуски специальных юмористических журналов и пр.

«Связь времен» — передачу традиций журналистики первых лет революции можно видеть и в том внимании, которым пользовалось во фронтовых газетах творчество фронтовиков. Как когда-то в «Правду» или «Творчество», посылали в свои газеты стихи, очерки, рассказы солдаты и офицеры. «Редакционная почта приносила массу стихотворений — с кораблей, из «кубриков» переднего края, с дальних морских постов, отрезанных от нас грядами сопок и бурной океанской водой. Сотрудник «Отдела писем» аккуратно расправлял сложенные треугольники, покрытые тесными столбиками неразборчивых строк листки, сложив их стопкой, нес в редакторский кабинет,[40] — вспоминает сотрудник «Краснофлотца» Н. Панов. Все эти письма «брались на вооружение». Во многих газетах существовал отдел «Творчество фронтовиков».

Вс. Азаров не без основания писал в годы войны, что каждый участник фронтовой печати «будет ценить эти маленькие листки наравне с самыми удачными своими книгами»[41]. Поистине газетная деятельность была творчеством. «Я думаю о работе военного корреспондента как о лучшей поре моей жизни»[42],— говорил Б. Полевой.

В каких бы трудных условиях ни находились писатели, с какой бы оперативностью им ни приходилось работать, они стремились к высокому уровню подачи материала, преодолевая опасность ремесленничества

---

[38] В качестве писателей-сатириков выступали А. Твардовский, С. Голованивский, Б. Палийчук, художник Л. Каплан («Красная Армия»); М. Матусовский, А. Исбах, В. Соловьев («За Родину»); А. Сурков, М. Слободской, Ц. Солодарь, художник О. Верейский («Красноармейская правда»); А. Крон («Дозор»); А. А. Луначарский, Л. Лагин, П. Панченко, Я. Сашин, художник Ф. Решетников («Красный черноморец»); Б. Яглинг, А. Жаров («Краснофлотец»), А. Кулешов («Знамя Советов»); П. Железнов («Боевой призыв») и др.

[39] Цит. по ст. Вс. Азарова «Балтийская «Полундра».— «Литературное наследство», т. 78, кн. 1, стр. 463.

[40] Н. Панов. Мы сражались на борту «Краснофлотца».— «Литературное наследство», т. 78, кн. 1, стр. 514.

[41] «Звезда», 1943, № 1, стр. 117.

[42] «Журналисты на войне», стр. 14.

и штампа. Высокую требовательность предъявляли рядовым армии газетчиков их старшие собратья. «...Никакая работа в газете не может быть полноценной,— говорил на обсуждении фронтовых газет А. Фадеев,— если мы будем забывать о нашем великолепном русском языке. А неряшливости и канцеляризмы — это один из кардинальнейших грехов в языке нашей армейской, дивизионной и фронтовой печати» [43].

3

«Оборвалась полемика, закончились литературные споры, борьба литературных направлений. Сейчас у советской литературы есть только одно направление — на запад»,— писал И. Эренбург.

Действительно, многое из того, что волновало писателей, событиями войны было оттеснено, сразу показалось малозначительным. Привычное, устоявшееся за десятилетие содержание «Литературной газеты» с ее дискуссиями, обозрениями литературной жизни, рецензиями, публикацией новинок неминуемо должно было перемениться. Военная действительность властно вторглась на страницы литературных ежемесячников. Но, естественно, что перестройка и «Литературной газеты» и толстых журналов проходила гораздо менее оперативно, нежели перестройка центральных и фронтовых газет.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ. 1941 г.

Чем должна в условиях войны заниматься «Литературная газета»? Будет ли она повторять уже определившиеся типы газетных изданий военного времени или попытается найти свой, специфический профиль? Какими в условиях военного времени станут толстые журналы? И будет ли оправдано их существование?

«Литературная газета», как и раньше, продолжала выходить один раз в неделю, по воскресеньям. Естественно, что она не могла равняться с другими газетами в освещении событий войны, а между тем сводки Совинформбюро составляли один из постоянных ее разделов. Первые военные номера от 29 июня и 6 июля заполнены выступлениями писателей: Паустовского, Леонова, Маркиша, Антоновской, Бехера, Шагинян. В последующих номерах появляются стихи М. Светлова, Г. Леонидзе, Вс. Багрицкого, С. Чиковани, А. Кулешова. Одновременно «Литературная газета» печатала материалы, оставшиеся в редакторском портфеле от «мирного времени». Но отдаленные от этого времени всего двумя неделями военной жизни, они казались уже устаревшими. 20 июля выходит номер «Литературной газеты», почти целиком посвященный антифашистской теме. «Фашизм и интеллигенция» — так называлась передовая, и в

[43] «Литературное наследство», т. 78, кн. 1, стр. 318.

ней, как и в других статьях — «Коалиция свободы» Эренбурга, «Насилие над культурой» Ж.-Р. Блока, «Каннибалы» П. Маркиша, «Фашистские бандиты» Я. Коласа,— раскрывалась античеловеческая сущность фашизма, его враждебность человеческому разуму и культуре.

Газета пыталась найти какой-то свой, соответствующий профилю издания угол зрения на военный материал. Так, она систематически печатала сообщения о работе писателей во фронтовой печати [44]. Но этих материалов не хватало даже для еженедельных выпусков. Газета обратилась к очерку. В номере 13 июля печатались очерки П. Павленко «Боевой летный день» и «Клятва» А. Серафимовича, 24 сентября — очерки о Ленинграде «В эти дни» М. Зощенко и «Дети» Е. Шварца, статьи В. Финка, С. Гехта, Л. Борового о военной Одессе и т. п.

В середине октября издание «Литературной газеты» было временно прекращено, оно возобновилось в январе 1942 г., когда, объединенная с газетой «Советское искусство», стала выходить газета «Литература и искусство» [45].

1941 год для большинства журналов — это год «самоопределения» в новых условиях. Толстые журналы медленно перестраивались на военный лад, и это естественно, потому что в основной своей части они были подготовлены к печати еще до войны, и военная тема зазвучала лишь в стихах, очерках, публицистике. Но уже к концу первого военного года оказалось, что даже в такое суровое время литература может и должна развиваться, что необходимы не только малые жанры, но даже и повесть, и поэма, и роман. Об этом, в частности, писал Вс. Вишневский, анализируя работу ленинградских писателей, и М. Володин, который в рецензии на № 11-12 «Нового мира» за 1941 г. отметил нецелесообразную, вызванную инерцией первых дней войны, односторонность в работе журнала [46].

Раньше других нашел свое место, лицо и направление журнал «Знамя». Уже к 1942 г. он имел не только разнообразный и содержательный отдел поэзии и прозы, отдел критики и библиографии, но и постоянные отделы «С фронта», «На военные темы». Журнал сумел сохранить тот авторский коллектив, который сложился в 30-е годы. Работая корреспондентами центральных и фронтовых газет, писатели не забывали журнал, который многим из них дал «путевку в жизнь».

Преобладание поэзии в журналах постепенно начало «уравновешиваться» прозой, по преимуществу военной и военно-исторической. За эмоциональными «сиюминутными» откликами следовало глубокое осмысление, беглые, торопливые зарисовки, короткие информации сменялись широкими картинами народного подвига. Литература военных лет представала на страницах толстых журналов более разнообразной и богатой, нежели в газетах: в этом журналы все же сумели сохранить свое преимущество.

В «Знамени» в 1942 г. появились первые военные повести — «Народ бессмертен» В. Гроссмана и «Линия жизни» П. Нилина. Народность советской литературы, с такой силой проявившаяся в годы войны, не могла не отразиться на содержании толстых журналов. Героическое начало становится ведущим в их прозе и поэзии.

---

[44] «Писатели на фронте» — 24 сентября; И. Чекин. Писатели и журналисты на фронте — 1 октября.

[45] «Литература и искусство» (1 января 1942 г.— 1 ноября 1944 г.), орган Союза советских писателей, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР; отв. редактор А. Фадеев. С 7 ноября 1944 г. было возобновлено издание «Литературной газеты» (отв. редактор А. Сурков).

[46] Вс. Вишневский. На боевой вахте.— «Литература и искусство», 3 октября 1942 г.; М. Володин. По страницам журналов.— «Литература и искусство», 9 мая 1942 г.

«Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Русские люди», «Дни и ночи», «По дорогам войны» К. Симонова, главы из «Василия Теркина» А. Твардовского, «Зоя» М. Алигер, «Сын» П. Антокольского, «Хирург» Н. Емельяновой, рассказы А. Платонова, «Командир дивизии» Г. Березко, «Знамя бригады» А. Кулешова, «Молодая гвардия» А. Фадеева — в «Знамени»; «Март-апрель» В. Кожевникова, «Нашествие» и «Взятие Великошумска» Л. Леонова, «На юге» А. Калинина, «Рассказы Ивана Суда-

ВОЕННЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ (слева направо): И. БАУКОВ, А. ИСБАХ, М. МАТУСОВСКИЙ, В. ЗАМЯТИН, С. НАРОВЧАТОВ, М. ЛУКОНИН, 1944 г.

рева» А. Толстого — в «Новом мире»; «Радуга» В. Василевской, «Семья Тараса» Б. Горбатова, «Это было в Ленинграде» А. Чаковского, «Дорогами побед» Л. Соболева, «Сын полка» В. Катаева, «Два капитана» В. Каверина, «Огненная земля» А. Первенцева — в «Октябре» — вот далеко неполный перечень произведений, определивших общее направление толстых журналов. И несмотря на то, что многие из перечисленных произведений, прежде чем появиться в журналах, печатались в газетах, номера журналов с повестями Гроссмана или Симонова, пьесами Леонова, произведениями начинавших тогда Н. Емельяновой или Г. Березко находили своего читателя.

С журнальной прозой, всегда представлявшей едва ли не самую сильную сторону работы журналов, в годы войны успешно «соперничала» поэзия. И опять-таки в подборе поэтических произведений первое место принадлежит «Знамени».

Кроме поэм, о которых было сказано выше, здесь печаталось много стихотворений. Их авторами были поэты разных национальностей и разных поколений: С. Головановский, С. Нерис, А. Малышко, П. Маркиш, К. Кулиев, Л. Первомайский, А. Сурков, М. Алигер, К. Симонов, П. Антокольский, А. Твардовский, О. Берггольц, М. Исаковский, молодой поэт С. Гудзенко.

Поэтические отделы «Октября», «Нового мира», «Звезды» раскрывали богатство и содержательность поэзии военных лет. В «Новом мире» появился «Пулковский меридиан» В. Инбер, в «Октябре» — «Цимбалы» А. Кулешова. Список поэтов, печатавшихся в этих журналах, также был весьма обширным: И. Сельвинский, А. Исаакян, Н. Асеев, Н. Тихонов, М. Рыльский, В. Гусев, А. Яшин, С. Щипачев — в «Октябре»; П. Глебка, О. Лысогорский, Н. Рыленков, В. Лебедев-Кумач, С. Михалков, А. Твардовский, А. Сурков — в «Новом мире». Следует отметить, что немногие поэты были связаны с каким-то одним журналом. Большею частью они печатались и в «Октябре», и в «Знамени», и в «Новом мире», но почти каждый поэт имел свой любимый журнал.

«Наша задача: сохранить для истории наши наблюдения, нашу сегодняшнюю точку зрения — *участников,* — писал Вс. Вишневский. — Ведь через год, через десять лет — с дистанции времен все будет виднее. Возможно, будет иная точка зрения, оценка. Оставим же внукам и правнукам свой рассказ» [47]. Рассказ об увиденном и пережитом — рассказ участника — составляет главное содержание журналистики, независимо от жанра, в котором выступал писатель. В 1942 г. журнал «Знамя» печатал повесть «Линия жизни» П. Нилина. Заканчивая эту повесть, Нилин писал о том, что он хотел рассказать «о парнях, которых нельзя победить даже, когда они умирают...

Было это за Можайском, — добавлял Нилин, — по ту сторону Можайска, около одной из затерявшихся потом в снегах деревень. Было это в тысяча девятьсот сорок первом году, глубокой осенью на рассвете». Эта концовка обращает внимание на одну из характерных черт журнальных публикаций, сочетавших высокий пафос и строгую, почти документальную точность. К концу войны появляются произведения жанра, приобретшего особую популярность в военные и послевоенные годы и берущего начало в литературе конца 20-х — начала 30-х годов. Речь идет о записках «бывалых людей» — не литераторов и в большинстве своем так и не ставших литераторами — записках партизан, участников рейдов по тылам противника, участников ленинградской блокады. Это — «От Путивля до Карпат» С. Ковпака в «Октябре», записи о ленинградской зиме О. Матюшиной в «Звезде», «Записки партизана» П. Игнатова в «Новом мире». Тяготение к документальной точности, фактической «оснащенности» литературы совпадало с той общей тенденцией к углублению реализма, постижению суровой правды жизни, которая характерна для художественных отделов журналов.

Появление на страницах журналов «Василия Теркина», очерков В. Гроссмана, А. Довженко, Е. Петрова, К. Симонова, повести «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Семьи Тараса» Б. Горбатова, лирики Н. Тихонова, А. Суркова, рассказавших о самых тяжких днях войны, о днях отступления, свидетельствовало о решительном преодолении журналами наметившейся в предвоенные годы тенденции облегченного изображения жизни. Характерно, что критические отделы журналов резко и единодушно выступили против попыток некоторых писателей «приукрасить тяжелые будни войны, «романтизировать» действительность. «Октябрь» напечатал взволнованное выступление О. Берггольц, в котором писательница с горечью говорила о ложно романтическом пафосе некоторых рассказов Паустовского о Ленинграде (в частности «Ленинградской симфонии») [48]. «Красивая неправда о войне» [49] становилась объектом многих

---

[47] В. Вишневский. Статьи. Дневники. Письма. М., 1961, стр. 441.

[48] «Октябрь», 1944, № 1-2.

[49] Название статьи Е. Книпович, в которой она подвергла критике некоторые рассказы В. Каверина, Л. Кассиля, Б. Лавренева и К. Паустовского.

критических статей. Рецензируя книгу В. Беляева «Ленинградские ночи», А. Прокофьев справедливо критиковал ее за «халтуру, тем более недопустимую, что автор связал ее с темами нашего великого и прекрасного города»[50]. Б. Брайнина упрекала В. Катаева в идилличности изображения жизни[51]. А. Мацкин выступал «против литературного «кондитерства» во всех его видах, против любителей занимательного и «мастеров пустяка»[52]. Вместе с тем, единодушным было осуждение повести М. Зощенко «Перед восходом солнца» («Октябрь», 1943), содержание которой расходилось с общей героической направленностью литературы военных лет.

Среди многообразных тем, выдвинутых героической борьбой народа, особое место заняла «ленинградская тема».

«Ленинград сам поднимет руки,— объявил Гитлер 8 ноября 1941 г.— Он падет рано или поздно. Никто не освободит его, никто не сумеет прорваться через созданные линии. Ленинграду придется умереть голодной смертью».

Ленинград выстоял. Ленинград победил.

«Трудности беспримерны, и вы о них *не* знаете в полном объеме. Бывают моменты: чернила замерзают, в комнатах от минус 10 до минус 27 (щели, фанера), бывает — нет радио и газет (ощущение: на льдине), ну, обстрелы и т. п. это норма; бывает — нет воды и на 36° морозе очереди к прорубям... Бывает, сквозь метель, по застывшим улицам, некому стащить саночки с покойниками на кладбище... (и их складывают во дворе...) Бывает: пекарни без воды, света... И все же: великий город Ленина бьется, отбивает удары, наступает...»[53]. Это — из письма Вс. Вишневского В. Ставскому зимой 1942 г. В эту трудную зиму перестали выходить «Звезда» и «Ленинград», закрылись многие издательства, но писатели не прекращали работу: они выступали по радио, в воинских частях и — много писали. Тяжесть блокады усугублялась для ленинградских писателей тем, что порою, если не обрывалась, то становилась очень непрочной связь с литературой Большой Земли.

«Связь, связь — чувство локтя, коллектива,— вот что важно для нас,— писал Вишневский Ставскому 10 апреля 1942 г.

Лит. газет, журналов, товарищ. писем, *обстоятельных* о лит. жизни, задачах — мы не имеем из Москвы... Союз тут ленив, небрежен.

---

[50] «Звезда», 1944, № 4, стр. 119.

[51] Б. Брайнина. Хрустальная бухта.— «Знамя», 1944, № 4.

[52] А. Мацкин. Об украшательстве и украшателях.— «Знамя», 1943, № 11-12, стр. 287.

[53] ЦГАЛИ, ф. 1712, оп. 1, ед. хр. 280, л. 38—38/об.

М. б. товарищи встряхнутся?

Больше всего радовала связь с «Правдой» и надо, чтобы эта связь длилась»[54].

Летом 1942 г. было восстановлено издание «Звезды», несколько позже — «Ленинграда». К этому времени круг авторов «Звезды» был предельно сужен, в этом отношении журнал оказался обескровленным более, нежели московские издания. Но журнал выходил, хотя и с меньшей периодичностью — шесть раз в год. По поводу возобновления журнала «Ленинград» «Звезда» писала, что эта свидетельство «моральной стойкости защитников Ленинграда и их несокрушимой воли к победе»[55]. О такой же стойкости и воле говорило издание «Звезды».

«Задача журнала — в том, чтобы каждая его книжка являлась боевым залпом, разящим ненавистного врага и вдохновляющим на смертельную борьбу с ним защитников советской земли. В выполнении этой задачи редакция и видит свой патриотический долг»,— так заявлялось в редакционном обращении № 1-2 за 1942 г., и заявка журнала подкреплялась выпуском серьезных и интересных номеров. «Звезда» 1942 г. больше чем когда бы то ни было имеет право называться не только литературным, но и общественно-публицистическим журналом»[56],— отмечалось в одной из рецензий тех лет.

Добиваясь максимальной действенности материала, редколлегия внимательно продумывала тематику каждого номера. Поэтому, помимо постоянных отделов — «Люди города Ленина», «Слава русского оружия», «На поле битвы за родную землю», «Лицо врага», «Война и литература» и т. д.,— в журнале постоянно возникали новые, подсказанные событиями тематические рубрики: «На морских рубежах», «Южнее Ладожского озера», «Сталинград в огне», «С. М. Киров» и др.

«Военная «Звезда» в первом же номере резко сломала традиции. Самое расположение материала было новым и необычным»[57],— отмечала критика.

Публицистическая направленность журнала проявлялась и в поэзии «Звезды»,— поэты «Звезды» были участниками обороны Ленинграда и пережили все трудные дни блокады: О. Берггольц, В. Инбер, Н. Тихонов, А. Прокофьев, Вс. Рождественский, И. Авраменко, А. Решетов, Л. Хаустов, М. Дудин... В 1942 г. отдельные стихи, набранные крупным шрифтом, помещались на обложке журнала, это были стихотворения-призывы, стихотворения-наказы, обращенные к самому широкому читателю.

Естественно, что проза «Звезды» — это преимущественно рассказы и очерки (Н. Чуковского, В. Кетлинской, Вс. Азарова, С. Варшавского, Б. Реста, Гр. Мирошниченко). Но в 1944 г. в «Звезде» появился роман В. Саянова «Небо над Ленинградом» и главы из «Петра Первого» А. Толстого.

Содержание журнала за годы войны отразило героическую атмосферу, которой жил тогда город Ленина.

«Ленинградская тема» — самый этот термин возник на страницах печати в дни войны — не исчерпывалась деятельностью только ленинградских журналов. Произведения ленинградских писателей печатались в центральных газетах, в «Знамени», «Октябре», «Новом мире». «Ленинградская тема» в журналистике военных лет вобрала самые существенные, самые главные черты литературы этих лет.

---

[54] ЦГАЛИ, ф. 1712, оп. 4, ед. хр. 92, л. 2.

[55] О. Спектор. О журнале «Ленинград».— «Звезда», 1944, № 3, стр. 101.

[56] «Ленинград», 1942, № 1, стр. 24.

[57] Р. Мессер. Летопись Ленинграда.— «Литература и искусство», 8 мая 1943 г.

«...Вечно волнующие человечество вопросы подвига и героизма, смерти и жизни, добра и счастья, торжествующей и гибнущей любви были поставлены перед ленинградцами не отвлеченно, а буднично, просто, всегда практически... Новое *человеческое* решение «вечных» проблем жизни — вот, что составляет главное содержание литературы дней блокады и того, что мы называем ленинградской темой»,— писал Г. Макагоненко в «Знамени» [58].

СОТРУДНИКИ АРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «НА РАЗГРОМ ВРАГА»: М. СВЕТЛОВ (в центре) И Б. БЯЛИК (первый слева) НА КОРРЕСПОНДЕНТСКОМ ПУНКТЕ 44-ОЙ СТРЕЛКОВОЙ БРИГАДЫ. (1943 г.)

Гуманистическая направленность журналистики, обращение к главному герою времени — советскому человеку на войне — все это составляло наиболее сильную сторону в работе журналов. И все же не без оснований в те годы многие журналы подвергались критике. При обсуждении на правлении ССП журнала «Знамя» А. Фадеев справедливо заметил, что редакция сводит дело к отбору материала, но не развивает в художественном и критическом отделах журнала проблем, поставленных войной [59]. В самом деле, журналы не были достаточно активны в поисках новых тем. В марте 1942 г. Е. И. Ковальчик, бывшая тогда ответственным секретарем «Красной нови», писала на Урал Ф. Гладкову: «Сейчас очень важной стала тема *тыла* — эвакуированных заводов, реализации великих ресурсов страны. И тут голос писателей, живущих в тылу, очень и очень важен» [60]. Надо сказать, что эта тема так и не получила в журналах сколько-нибудь достойного художественного воплощения.

---

[58] «Знамя», 1945, № 1, стр. 211. О «ленинградской теме» в журналистике см. также в статье Н. Калитина «Удачи и ошибки».— «Литература и искусство», 8 мая 1943 г.

[59] См. «Литература и искусство», 14 августа 1943 г.

[60] ЦГАЛИ, ф. 1052, оп. 1, ед. хр. 199, л. 2.

Можно назвать «Испытание» А. Первенцева в «Новом мире» и «Клятву» Ф. Гладкова в «Октябре», но Н. Тихонов был прав, когда в конце 1943 г. констатировал: «Тылу явно не повезло»[61]. Не повезло не только даже в количественном, так сказать, отношении, но главное — в поэтическом решении темы. «Все это только «предлитература» о народе, кующем победу в тылу»,[62] —говорил А. Сурков на IX пленуме Правления Союза советских писателей.

Заметное место в годы войны в журналах заняла историческая тема. Публикация в годы войны третьей книги «Петра Первого» («Новый мир», «Звезда») и «Емельяна Пугачева» («Октябрь») свидетельствовала о дальнейшем развитии советского исторического романа. Закономерным было и то, что прошлое привлекало теперь писателей под особым — военным — углом зрения. «Батый» В. Яна, «Брусиловский прорыв» и «Пушки выдвигают» С. Сергеева-Ценского в «Новом мире», «Багратион» С. Голубова в «Октябре» освещали страницы борьбы русского народа. Критика военного времени часто повторяла слова Белинского: «...Никогда изучение русской истории не имело такого серьезного характера, какой приняло оно в последнее время. Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем».

Несколько слов надо сказать и о работе критических отделов толстых журналов. Те недостатки, которые в свое время констатировало Постановление ЦК ВКП(б) о литературной критике и библиографии (1940), не были, да и не могли быть до конца преодолены в годы войны. Причины отставания критики были различными. Не хватало кадров. Как и писатели, многие критики оказались в армии: М. Серебрянский, И. Анисимов, Г. Корабельников, И. Альтман, Б. Бялик, А. Дымшиц, В. Щербина, А. Мацкин, В. Гоффеншефер, О. Цехновицер. Другие критики в эвакуации не сразу смогли приступить к литературной работе.

24 апреля 1943 г. газета «Литература и искусство» выступила с передовой «О художественной критике». «Зрелище, которое представляет критика в наших журналах, не может радовать ни читателя, который ждет серьезного и вдумчивого разбора произведений, ни того, чье произведение служит объектом разбора»,— констатировала газета.

Газета предъявила много претензий редколлегиям журналов: критика помещается на «задворках», нет обдуманного подбора рецензируемых произведений, тематика критических статей случайная, в статьях преобладает «умилительный» тон и т. п.

Все эти претензии были справедливы, но несмотря на недостатки, присущие критике военных лет, многое в ней заслуживало серьезного внимания.

Характерно, что в годы войны в критическом жанре нередко выступали многие большие советские писатели: А. Толстой, И. Эренбург, Н. Тихонов, С. Маршак, А. Сурков, А. Фадеев, в статьях которых поднимались важнейшие проблемы развития литературы военных лет.

В них определились те главные идеи времени, которые питали литературу: патриотизм, народность, преданность партии, идеям коммунистического строительства, воспитание ненависти к фашистам, дружба народов многонационального Советского Союза. Эти статьи были подчинены одной главной теме: литература и война. Отсюда — высокий публицистический накал, органичность проникновения публицистики в жанр, казалось бы, от нее далекий.

---

[61] «Новый мир», 1944, № 1-2, стр. 187.
[62] «Литература и искусство», 12 февраля 1944 г.

Публицистика окрашивала серьезный и глубокий, хотя и спорный в отдельных своих выводах, доклад А. Толстого «Четверть века советской литературы»[63], многочисленные статьи о литературе Н. Тихонова, А. Суркова. Трудно решить, к какому жандру — критике или публицистике — можно отнести статьи И. Эренбурга, в которых он ставил вопрос о месте писателя на войне[64].

Много в эти годы было сделано М. Шагинян, активно работавшей на Урале и посвятившей ему не только интересные очерки, но и статьи о литературе Урала.

Характерной чертой времени был интерес к литературам народов СССР, и творческие отчеты о жизни писателей республик, написанные крупнейшими национальными литераторами, постоянно печатались в газете «Литература и искусство»[65].

Конечно, не следует представлять дело таким образом, что в годы войны прекратилась работа профессиональных критиков, что критические отделы журналов не дали ничего серьезного и интересного. В «Знамени» печаталась статья Л. И. Тимофеева «Советская литература и война» (1942, № 11) — одна из первых попыток подведения некоторых итогов литературного развития, его же — «Среди стихов» (1944, № 12), интересные и острые статьи Е. Книпович («Народ и история», 1943, № 7-8, «Красивая неправда о войне», 1944, № 9-10), Л. Поляк («О лирическом эпосе Великой Отечественной войны», 1943, № 9-10); А. Мацкина, А. Наркевича, Г. Макагоненко, А. Лейтеса, А. Аникста и др. В «Октябре» печатались статьи В. Александрова («Уважение к действительности», 1942, № 10); В. Перцова («Писатель и его герой в дни войны», 1943, № 6-7, 8-9; 1944, № 5-6). В «Новом мире» — статьи Н. Венгрова, А. Гурвича, Е. Трощенко, М. Добрынина, А. Дермана, В. Щербины. И все же критика в отдельных журналах не давала полной картины литературного развития военных лет.

В этом смысле более целеустремленной была работа газеты «Литература и искусство». Несмотря на то, что литературным материалам там приходилось тесниться, поскольку рядом располагались статьи о живописи, кино, театре, все же газета освещала важные проблемы литературы. Здесь, как уже говорилось, систематически печатались обзоры национальных литератур. Газета освещала работу толстых журналов, фронтовой печати. Проводились обсуждения крупнейших произведений («Фронт», «Русский лес», «Дни и ночи», «Нашествие», «Народ бессмертен», «Радуга», «Волоколамское шоссе»), проблем драматургии, поэзии, сатиры и т. п. На страницах газеты выступали писатели — А. Толстой, И. Эренбург, С. Маршак, К. Чуковский, М. Шагинян, Н. Тихонов, Вс. Азаров, Вс. Вишневский, К. Федин, К. Паустовский, Н. Асеев, И. Уткин, А. Фадеев, Б. Горбатов, В. Инбер, Ю. Либединский, В. Кетлинская, литературоведы и критики — А. Гурвич, Е. Златова, Е. Ковальчик, Н. Калитин, С. Дурылин, З. Кедрина, Т. Мотылева, В. Ермилов, Д. Заславский, В. Перцов, Л. Озеров, Н. Москвин, Д. Данин, В. Александров, Л. Тимофеев, А. Белецкий, А. Мацкин, Н. Четунова и др.

---

[63] «Новый мир», 1942, № 11-12; «Литература и искусство», 26 декабря 1942 г.

[64] «Слово — оружие».— «Новый мир», 1944, № 1; «Долг искусства».— «Литература и искусство», 3 июля 1943 г.; «Три года».— «Литература и искусство», 22 июня 1944 г. и др.

[65] Я. Ниедре. Латышские писатели в Отечественной войне (28 февраля 1942 г.); С. Вургун. Литература Азербайджана и Отечественная война (28 марта и 5 декабря 1942 г.); Б. Жгенти. Грузинская литература в Отечественной войне (25 июля 1942 г.); К. Корсакас. Литовские писатели в борьбе (1 августа 1942 г.); А. Токомбаев. Киргизская литература в дни войны (11 марта 1944 г.); Х. Алимджан. Литературная жизнь Узбекистана (1 августа 1942 г.); М. Рыльский. Вчера и сегодня (об украинской литературе) (7 октября 1944 г.) и др.

✪

Перелом в ходе Великой Отечественной войны, начало наступления наших войск на Запад — все это отразилось на работе литературных изданий. В поэзии и прозе усиливаются мотивы освобождения родной земли, предчувствия близкой победы. Если первые годы журналы жили только войной, то теперь постепенно расширяется круг их поисков, все больше появляется произведений о мире — пусть эти произведения повествуют о прошлом, но о мирном прошлом («Пушкин на Юге» И. Новикова в «Новом мире»). И о современности писатели заговорили, ощущая близость конца войны, размышляя о возвращении к труду, о возрождении разрушенных городов и сел, о будущей жизни страны.

В «Новом мире» появилась поэма Н. Рыленкова «Новая весна», в «Октябре» начала печататься повесть В. Овечкина «С фронтовым приветом», в «Литературной газете» — отрывки поэмы Твардовского «Дом у дороги».

«Страда солдата близится к концу. Начинается страда мыслителя, писателя, поэта» [66],— писал Илья Эренбург.

---

66 «Литературная газета», 7 ноября 1944 г.

«Наши достижения»

1

Деятельность Максима Горького нельзя, невозможно представить без активного участия в прессе, в журналистике. Дела издательские и журнальные являлись для Горького не какой-то дополнительной и вынужденной нагрузкой к писательству, они были для него естественной, насущной необходимостью, важнейшей частью его творческой работы. Влиять на жизнь через читателя, активно воспитывая его, осознавая через журнал новые и многочисленные явления действительности — эти принципы лежат в основе горьковской журналистики. Обширные идеи и начинания писателя в этой области, предпринятые им уже в первые годы после Октября[1], развертываются практически в конце 20-х — начале 30-х годов, когда Горький после длительного отсутствия возвращается в СССР.

Органическая для Горького мысль о созидательной, конструктивной роли человека в новом обществе воплощается в реальных фактах развертывающегося социалистического строительства. Поэтому с таким волнением и радостью писатель знакомится с положительными переменами в жизни страны, общается с самыми различными людьми, совершает длительную поездку по стране от солнечного Баку до Мурмана. Восхищенный трудовой энергией людей, вплотную при-

[1] Подробный анализ журнально-редакторской деятельности А. М. Горького в первые годы Советской власти осуществлен В. А. Максимовой в ее книге «Горький-редактор» (М., «Наука», 1965, стр. 12—56).

ступивших к строительству социализма, Горький в еще большей степени стремится принять самое активное личное участие в формировании нового общества.

Формы такого участия были для писателя многообразны: воздействие художественным словом, огромнейшая переписка с читателями, публичные выступления и ответы на вопросы. Среди всего этого важнейшее место занимала редакторская работа, создание и живое руководство рядом журналов («Наши достижения», «За рубежом», «Колхозник», «СССР на стройке»), альманахов («Год XVI» и последующие по годам, «Советская страна»), непериодических изданий («История фабрик и заводов», «История гражданской войны», «День мира» и др.). Появление в условиях 30-х годов этих «новых журналов, сильных своей близостью к действительности и целеустремленностью было,— по замечанию исследователя,— как нельзя более современным» [2].

Любимым детищем горьковской журналистики, которому писатель отдал много внимания и сил, явился журнал «Наши достижения».

Замысел журнала возник у Горького еще за границей. Он там жил одними интересами с нашей великой страной, по письмам, по книгам, по рассказам приезжающих представлял себе жизнь Советской России, состояние ее литературы и журналистики. В конце 1927 г. Алексей Максимович писал рабкору Сапелову: «Следует издавать популярный журнал, который периодически рассказывал бы о всем новом, что достигнуто наукой, техникой, промышленностью, о всей работе, творимой в стране» (24,300) [3].

В горьковских письмах, статьях, беседах все чаще и настойчивее повторяется мысль: необходимо издавать журнал, показывающий народу его успехи. Горький сообщает о своих намерениях организовать «Наши достижения» редактору «Рабочей газеты» К. Мальцеву [4], делится своими соображениями с А. Б. Халатовым, руководителем Госиздата, в недалеком будущем соредактором горьковского журнала. О «Наших достижениях» Алексей Максимович вспоминает даже в те волнующие минуты, когда поезд, доставивший писателя на родину, останавливается на первой советской станции.

Газетная хроника и литературная летопись зафиксировали целый ряд выступлений писателя перед трудящимися, рабкорами, молодежью, где он так или иначе касается идеи будущего издания. Горький как бы проверяет в таких встречах с возможными читателями необходимость и важность журнала, его жизненность и целесообразность.

5 июня 1928 г. в Госиздате состоялось первое организационное совещание, посвященное «Нашим достижениям». На него были приглашены работники разных отраслей науки, среди которых Горький рассчитывал встретить поддержку нового журнала. Это совещание при участии А. Б. Халатова, известных ученых-химиков Д. Н. Прянишникова и А. Е. Чичибабина, проф. Н. К. Кольцова и других одобрило идею издания. Журнал, который излагал бы достижения по всем отраслям науки, техники, искусства,— отметил Горький,— будет нужен и ценен для нашей молодежи [5].

На состоявшемся через три дня втором организационном совещании присутствовали писатели, представители прессы, известные обществен-

---

[2] А. Дементьев. Послесловие.— В кн.: «М. Горький и советская печать». М., «Наука», 1965, стр. 456.

[3] Все цитаты из произведений Горького даются по Собранию сочинений писателя в тридцати томах. В скобках указываются том и страница.

[4] «Летопись жизни и творчества А. М. Горького», вып. 3. М., изд-во АН СССР, 1959, стр. 573.

[5] «Наши достижения».— «Известия» 7 июня 1928 г.

ные деятели. Среди них А. В. Луначарский, Е. М. Ярославский, директор Института Маркса и Энгельса Д. Б. Рязанов, работник агитпропа ЦК ВКП(б) П. М. Керженцев, редактор «Известий» И. И. Скворцов-Степанов, А. А. Фадеев, Всеволод Иванов, Н. Огнев. Такой состав совещания свидетельствовал о том, что будущий журнал мыслился Горьким как дело крупное, государственно-авторитетное.

В своих выступлениях на втором и посвященном вопросам техники третьем расширенном совещании Горький отметил, что журнал преследует широкие воспитательные, а не только информационные цели. С присущей ему энергией он вновь аргументировал нужность и своевременность издания, рассказывающего о наших успехах, о росте социалистической культуры. Журнал не должен никого оставлять равнодушным, а напротив, как говорил Алексей Максимович, «давать психологические толчки к творчеству во всех отраслях работы»[6].

Весьма существенным в деле организации «Наших достижений» явилось заседание редколлегии при участии Горького в сентябре 1928 г. Именно здесь были освещены многие конкретные вопросы будущего издания. Главный редактор высказал свои соображения о форме статей, построенных на конкретных фактах и живо написанных, наметил ряд возможных тем для очерков. Было также решено, что журнал целесообразнее вначале сделать двухмесячным, размером от 12 до 15 листов, издавать его двадцатитысячным тиражом. Алексей Максимович брал на себя итоговое редакторское чтение и правку всех материалов журнала, чтобы придать ему необходимое единство[7].

В поездке по Союзу, на трибуне, в статьях, в беседах с корреспондентами, в перерывах между другими многочисленными делами Горький возвращался к журналу. Теперь он волновал его не только как далекая и еще во многом теоретическая возможность. Журнал надо было делать, находить материал, приглашать сотрудников.

Предполагалось использовать в качестве работников редакций таких достаточно известных в те годы литераторов, как И. Касаткин, И. Вольнов. Однако в силу различных причин редакционный коллектив сформировался в ином составе. Многие из видных деятелей, чьи имена украшали титульный лист журнала, участвовали в деятельности издания лишь номинально. Основными и реальными сотрудниками оказались работники редакции — В. М. Проскуряков, В. Т. Бобрышев, И. С. Шкапа, Д. Г. Либерзон и другие[8].

Работа по организации журнала, казалось, вступала в завершающую фазу. Последовавшее 11 октября совещание редакторов отделов вместе с главным редактором утвердило план первой книги журнала. Редакционным работникам были даны ясные указания по сбору и подготовке материалов. Но Горький не считал сделанного достаточным.

Чтобы придать новому изданию еще больший размах, осуществляется издание двадцатипятитысячным тиражом иллюстрированного проспекта «Наших достижений». Широко используется периодическая печать, публикуется обращение к рабкорам. Информационные объявления о журнале печатаются не только в «Правде», «Известиях», «Бедноте», но и в «Киевском пролетарии» (Киев), «Северной правде» (Кострома), «Рабочем пути» (Омск), «Пролетарском пути» (Ульяновск), «Автономной Якутии» (Якутск), «Ачинском крестьянине» (Ачинск) и десятках

---

[6] «Наши достижения».— «Известия», 16 июля 1928 г.

[7] Архив А. М. Горького.

[8] О работе редколлегии, об организации журнала И. Шкапа подробно рассказывал в книге воспоминаний «Семь лет с Горьким» (М., «Советский писатель», 1964). Интересные материалы и наблюдения на этот счет содержатся также в комментарии Ф. М. Иоффе к переписке М. Горького с работниками «Наших достижений» («М. Горький и советская печать», кн. 2. стр. 116—196).

других газет. По всем центральным учреждениям было разослано осведомительное письмо о журнале.

И после того как первые книги вышли в свет, после того как на появление журнала откликнулась пресса [9], энергичные действия по пропаганде журнала отнюдь не ослабели, а, может быть, даже усилились. Работники редакции отправились на заводы, в профорганизации, стремились организовать читателей, способствовавших распространению журнала. Продолжал действовать «План работы по пропаганде журнала «Наши достижения». Это была обширная и разнообразная программа (из 14 пунктов) распространения журнала среди членов профсоюзов, инженеров, агрономов, учителей, студентов вузов, в просветительной сети, на производстве. В ней предусматривалось пропагандировать «Наши достижения» через журналы «Коллективист», «Коммунистическое просвещение», непосредственно информировать парторганизации и завкомы и даже разослать печатный текст с информацией о журнале для стенных газет.

Работа по распространению журнала была поистине грандиозной. Такой размах, такую настойчивость утверждения «Наших достижений» нельзя, однако, объяснять одними личными качествами Горького-организатора, и в связи с этим важно проследить становление журнала как издания определенного направления.

2

Без прицела, без ясной направленности журнал, в истинном значении этого слова, невозможен. «Ведь журнал есть не одно то, что издается по подписке и выходит книжками в определенное время,— говорил еще В. Г. Белинский,— но и то, в чем, при этих условиях, есть жизнь, движение, новость, разнообразие, свежесть, известное направление, известный взгляд на вещи, словом — *характер и дух*» [10]. В чем же заключался «дух» горьковского журнала, как формулировался и в чем состоял его взгляд на вещи?

Направление, точка зрения журнала были ясно изложены редактором в статьях «О наших достижениях» (1928, июль), «О журнале «Наши достижения» (1928, сентябрь», «О «маленьких людях» и о великой их работе» (конец 1928, начало 1929 г.), «О том, как надобно писать для журнала «Наши достижения» (1929, август). Эти статьи, или — как назвал сам Горький одну из них — «воззвания», написаны страстно, в них чувствуется сила убежденности, глубокая уверенность в ценности предпринятого дела — создать журнал, рассказывающий о наших государственных успехах, о достижениях огромной страны, приступившей к строительству нового мира.

Людям труда, разъяснял Горький, от века внушали: вы — негодяи, вы — дрянь (25,11). Делалось это, чтобы простые люди видели себя

---

[9] В ряде ценных исследований (см., например, кандидатские диссертации — А. М. Шумского «Тема социалистического строительства в публицистике и очерках М. Горького». М., 1953; В. Д. Пельта «М. Горький — организатор и редактор журнала «Наши достижения» (1928—1936). М., 1954) вслед за Горьким утверждалось, что журнал не пользовался вниманием критики. Это в целом верное положение не совсем точно в отношении первых номеров «Наших достижений», на которые откликнулись газеты: «Комсомольская правда» (9 мая 1929 г.), «Гудок» (19 февраля 1929 г.), «Рабочая газета» (17 марта 1929 г.), «Учительская газета» (15 марта 1929 г.), «Красная газета» (16 февраля 1929 г.), «Орловская правда» (29 марта 1929 г.) и другие.

[10] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 4. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 440.

маленькими, униженными перед лицом полководцев, «героев» буржуазного мира и его правителей. Наша социалистическая эпоха сделала трудящихся хозяевами страны. Но сознание этой истины приходило не сразу. За старым, умирающим, плохим рядовой строитель подчас не видел хорошего; ему был «не всегда достаточно ясен общий план постройки, возводимой архитектором — классом и партией — мозгом класса» (24, 386). Вот почему, считал Алексей Максимович, и нужно сконцентрировать успехи, отделить хорошее от плохого, чтобы хорошее ярко показать в журнале. А это в свою очередь должно увеличить силы читателя, поднять трудовую энергию масс.

Горький называл такое стремление журнала «игрой на повышение»; в нем и заключался дух издания, самая суть его направления, в корне противоположная суждениям скептиков, маловеров, злобному шипению «механических граждан». Алексей Максимович считал совершенно необходимым воспитывать человека не страхом перед дурным, а верой в лучшие его возможности. В этом смысле «Наши достижения» перекликались со всем творчеством Горького, вбирали в себя гуманистическую мысль писателя, получившую свое выражение в художественной формуле: «Человек — это звучит гордо!»

Установка журнала — показать «положительные результаты нашего труда» (24, 465) представляется нам сейчас не вызывающей возражений. Однако в конце 20-х годов она не казалась столь очевидной и бесспорной. Еще в период организации издания участники совещаний выражали свои опасения подчеркнутым вниманием журнала к достижениям. Предлагалось даже изменить само заглавие «Наших достижений»[11]. Горький решительно возражал против таких попыток изменить направление журнала, отвечал на упреки в односторонности замысла будущего издания. Между тем дискуссия вышла за пределы редакционных совещаний, приняла более широкие масштабы. Горький получает ряд писем не только от сторонников, но и от противников журнала. Письма, суждения и отклики начинают публиковаться в газетах и в частности в «Рабочей газете» под дискуссионными заголовками: «Вокруг журнала «Наши достижения», «Обсуждаем журнал «Наши достижения».

Участник дискуссии Л. Апресянц сомневался в том, чтобы журнал «смог заинтересовать широкие массы», предлагал создать издание совсем иного типа: «Наши достижения и ошибки» (или недостатки, недочеты)»[12]. С резкими замечаниями по поводу организующегося журнала выступили и некоторые рабкоры. Один из них — О. Рябченко, критикуя направление «Наших достижений», замечал: «О хорошем, Максим, писать не надо, хорошее само за себя пишет»[13]. Характерно в этой связи и название рецензии из «Комсомольской правды» на первые книги журнала: «Не отгораживаться от самокритики»[14].

Столь очевидно выраженное критическое отношение к «Нашим достижениям» в момент возникновения журнала не являлось лишь следствием молодой запальчивости оппонентов Горького, не было явлением случайным.

В момент организации М. Горьким журнала «Наши достижения» было опубликовано обращение ЦК ВКП(б) «Ко всем членам партии, ко

---

[11] «Горький и «Наши достижения».— «Известия», 10 июня 1928 г.

[12] Л. Апресянц. Опыт слагается не только из достижений.— «Рабочая газета», 25 сентября 1928 г. Ответ М. Горького см. «Рабочая газета», 9 октября 1928 г.

[13] О. Рябченко. Разве можно молчать? — «Рабкор «Пролетария». Харьков, 1928, № 1, стр. 8. Ответ М. Горького на это и другие аналогичные выступления — «Еще рабселькорам» (24, 313—317).

[14] И. Б. Не отгораживаться от самокритики. О журнале «Наши достижения».— «Комсомольская правда», 9 мая 1929 г.

всем рабочим». «Партия,— говорилось в обращении,— призвала трудящихся к жестокой самокритике для того, чтобы эту самокритику сделать рычагом борьбы за действительное исправление всего аппарата, для действительной, — а не бумажной — борьбы с бюрократизмом, для массового похода против всех врагов, начиная от кулака и «вредителя» и кончая элементами разложения в наших собственных рядах.

Лозунг самокритики «невзирая на лица», критики сверху донизу и снизу доверху есть один из центральных лозунгов дня» [15].

На страницах журналов и особенно газет резко увеличивается количество критических материалов, подмечающих недостатки строительства. В «Правде» и других газетах регулярно отводятся страницы для «листка РКИ», где рассказывалось о «налетах» рабоче-крестьянской инспекции на учреждения, о снятии ряда административных работников за равнодушие, нечуткое, а порой и грубое отношение к рабочим.

В условиях столь широко и интенсивно развернувшейся самокритики оппоненты Горького восприняли самую программу горьковского журнала — показывать достижения — как отказ от критики снизу, как призыв к замалчиванию недостатков, к лакировке. Именно этим и объясняется, что не только рабочий Лазов советовал главному редактору «не успокаиваться одними достижениями» [16], но и П. М. Керженцев предлагал «к достижениям подходить критически». «Плохо будет, если мы будем говорить только о своих достижениях», — замечал также И. И. Скворцов-Степанов [17].

Но по верному замечанию современного исследователя [18], было бы в высшей степени ошибочным согласиться с мнением, будто Горький был принципиальным противником критики, призывал к отказу от нее. «Говоря о каком-то достижении,— заметил Горький на одном из заседаний,— мы неизбежно будем касаться и недостатков. Достижения наши ведь получаются на старой почве, засоренной старым сором и еще недостаточно очищенной. Разве тут можно обойтись без критики» [19]. Сама публицистика Горького советского периода, его статьи об «умниках», «старичках», «механических гражданах» показывают непримиримое отношение писателя к проявлениям старого, отживающего мира.

Среди выступлений Горького весной 1928 г., после его приезда в СССР, есть, правда, и такие, где чувствуется словно бы некоторая растерянность писателя, его недоумение по поводу остроты критики. «Почему же, товарищи,— говорил Горький на пленуме Моссовета,— вы в газетах и в отношении друг с другом слишком резки, слишком беспощадно царапаете друг друга? Товарищи, не надо этого делать. Надо быть как-то дружелюбнее, надо быть как-то мягче» [20].

Это обстоятельство и явилось одной из причин, побудивших М. Горького обратиться с письмом к И. В. Сталину.

Выражая опасения, что подчеркивание фактов отрицательного порядка дает материал врагу, Горький предлагал работу критики «уравновешивать фактами характера положительного» [21], делая это планомерно, систематично. Как известно, в своем ответе Сталин подтвердил

---

[15] «Известия», 3 июня 1928 г.

[16] «Рабочая газета», 13 октября 1928 г.

[17] «М. Горький и советская печать», кн. 2, стр. 188.

[18] А. И. Овчаренко. Советская действительность в публицистике Горького (1928—1936). Научные доклады высшей школы.— «Филологические науки», 1959, № 2, стр. 9.

[19] О предполагавшемся в журнале критическом начале см. также статью В. Д. Пельта «М. Горький — организатор журнала «Наши достижения» (В кн. «Из истории партийной и советской печати». МГУ, 1957, стр. 151).

[20] «Известия», 1 июня 1928 г.

[21] Цит. по упоминавшейся статье А. И. Овчаренко («Филологические науки», 1959, № 2, стр. 12).

необходимость самокритики («Мы не можем без самокритики, никак не можем, Алексей Максимович»). В то же время он признал верность основной мысли Горького.

«Возможно,— писал Сталин,— что наша печать слишком выпячивает наши недостатки, а иногда даже (невольно) афиширует их. Это возможно и даже вероятно. И это, конечно, плохо. Вы требуете, поэтому, уравновесить (я бы сказал — перекрыть) наши недостатки нашими достижениями. И в этом Вы, конечно, правы. Мы этот пробел заполним обязательно и безотлагательно. Можете в этом не сомневаться»[22].

Вопрос об известной критической односторонности нашей прессы волновал в те годы не только Горького. Против исключительного внимания к отрицательным сторонам нашей жизни высказывались Е. Ярославский, М. И. Калинин. В этом духе были и отдельные выступления в руководящих органах прессы. Так, например, в «Красной печати», органе отдела печати ЦК ВКП(б), говорилось: «Мы зорко подмечаем недостатки. Мы учимся — сравнительно недурно — проводить травлю плохого, негодного. Но мы крайне плохо используем примеры хорошего... А между тем, это — насущнейшая необходимость»[23].

Таким образом, идея «Наших достижений» уже как бы «носилась в воздухе», была подсказана Горькому жизнью, журналистским и редакторским опытом писателя. В своих выступлениях после возвращения в Советский Союз Горький не раз вспоминал, как в первые годы революции он не смог правильно понять новое, разглядеть его, как в этой связи ему помог В. И. Ленин.

В стране, которая еще только делала первые шаги по пути, указанному теоретиками марксизма, в 1918—1922 годы Ленин уже учил видеть ростки нового, коммунистического. «Побольше внимания к тому,— писал он,— как рабочая и крестьянская масса на *деле* строит нечто новое в своей будничной работе»[24]. «Образцовое производство, образцовые коммунистические субботники, образцовая заботливость и добросовестность при распределении каждого пуда хлеба, образцовые столовые, образцовая чистота такого-то рабочего дома, такого-то квартала,— подчеркивал Владимир Ильич,— все это должно составить вдесятеро больше, чем теперь, предмет внимания и заботы как нашей прессы, так и *каждой* рабочей и крестьянской организации»[25].

Эти ленинские мысли с несомненностью чувствуются как руководящее начало в живой практике «Наших достижений». Как раз поэтому уже первый номер журнала не только рассказывал о первых достижениях Советской власти, осуществленных при участии Владимира Ильича (С. Беляев «Ленинская Шатура»), но и открылся программной статьей А. Б. Халатова «Под знаменем Ленина».

Ленинский исторический подход ощущается и в обосновании Горьким самого направления журнала, самой его линии достижений и положительного опыта в условиях развернувшейся критики. В беседе с корреспондентом ивановского «Рабочего края» Горький, говоря о «Наших достижениях», отметил, что «видел в СССР не одни только достижения, но и определенные недостатки». Не раз и в других своих выступлениях и статьях писатель указывал, что у нас еще живуче несоциалистическое отношение к труду, бытовая косность, неуважение к женщине. Поэтому, заверял Горький, «говоря о каком-нибудь достижении, мы неизбежно будем касаться и недостатков. Достижения наши ведь получаются на почве старой, почве загрязненной, засоренной старым миром и еще недо-

---

[22] И. В. Сталин. Сочинения, т. 12, стр. 173—174.
[23] П. Рысаков. Показ лучшего.— «Красная печать», 1928, апрель, № 7, стр. 20
[24] В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 80.
[25] В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 397.

статочно очищенной. Разве можно обойтись без критики? Конечно нет». Но, заключал Горький, «в конце концов есть история, есть объективный ход вещей, а история работает за вас». «История — это такая сила, против которой не попрешь» (24, 398).

Именно учет «объективного хода вещей» в конечном счете и позволил Горькому с такой настойчивостью и принципиальностью отстаивать свою точку зрения на задачи и программу журнала. И в 30-е годы, характерные огромным подъемом трудовой энергии строителей социализма, журнал Горького нашел отклик и верное понимание среди читателей. Первый номер, изданный тиражом в 20 тысяч экземпляров, разошелся очень быстро. Для того чтобы удовлетворить читательский спрос, пришлось выпустить первую книгу вторым изданием. Тираж четвертой книги возрос вдвое, и редакционная коллегия, учитывая пожелания читателей, вела журнал к 100 000-му тиражу. Ответы читателей на анкеты журнала, письма в редакцию и лично к Горькому показывают, что издание многими простыми людьми страны было воспринято как дело необходимое, важное, ценное [26].

Хотя журнал был задуман Горьким для внутреннего потребления, он был замечен и не мог не обрадовать также и наших друзей за рубежом. Особенно характерно в этом отношении мнение болгарских журналистов из рабочей газеты «Поглед». В письме, подписанном от имени редакции Г. Славовым, говорилось: «Ведь вы освещаете достижения социалистического строительства в большом масштабе, с большим умением и большой возможностью. Нам у вас надо учиться, и мы с большой охотой примем ваши указания...» [27].

Между тем успехи социалистического строительства, рост социалистического сознания придавали задачам, выдвинутым «Нашими достижениями», все более общезначимый и актуальный характер. В газетах, в иллюстрированных журналах все чаще появляются корреспонденции о наших планах, об успехах в колхозах, на новостройках. В 1930 г. с развитием ударничества внимание общественности привлекают примеры ударной работы. О себе, о своих успехах рассказывают рабочие — энтузиасты и рационализаторы — в брошюрах, изданных ВЦСПС и положительно встреченных Горьким.

Даже заголовки на титульных листах книг, брошюр, альманахов 1930—1932 гг. говорят о росте внимания к новым и положительным явлениям жизни. «Дела и люди соревнования», «Время на повороте», «Бригада, отвоеванная у недостатков», «Завод-герой», «Люди побед», «Слово о лучших» — так называют писатели свои книги и сборники. Новый лозунг выдвигается перед прессой, перед писателями: «Страна должна знать своих героев» [28]. А это значит — знать о самом большом достижении эпохи — о новом советском человеке, успешно перестраивающем жизнь.

Таким образом, в движении самой действительности, в развитии общественной мысли и литературы окончательно разрешается дискуссия по поводу «Наших достижений».

---

[26] Читатели «Наших достижений» сообщали, что им нравится сам дух журнала, который служит противоядием злорадству мещан, «бывших», смакующих листки РКИ, просили сделать журнал еще более доступным — дешевым (ЦГАЛИ, ф. 617, оп. 1, ед. хр. 1, л. 17—18).

[27] ЦГАЛИ, ф. 617, оп. 1, ед. хр. 9, л. 4. В архиве сохранились и другие письма из-за рубежа. Как свидетельствовал в одном из своих выступлений главный редактор, «Наши достижения» взволновали, хотя по причинам иным, и враждебную нам прессу.

[28] Под таким заголовком был издан сборник Изогиза (М.— Л., 1931), включавший статью М. Горького «Ударники в литературе». Сборник получил высокую оценку в прессе.

3

Становление «Наших достижений» осуществлялось не без трудностей, не без большой затраты сил. Но не только агитация за журнал, не только многообразные усилия по его распространению способствовали успеху дела. Журнал сам стоял за себя помещенными в нем статьями, очерками, фотографиями, словом, убеждал читателя своим содержанием. И здесь из 95 книжек «Наших достижений» необходимо выделить очерки и публицистику самого М. Горького.

Горьковские «материалы» в журнале различны и неравноценны. Вот он в небольшой редакционной заметке, написанной по совершенно определенному поводу, гневно осуждает нарушения журналистской этики[29]. Вот Алексей Максимович размышляет в статьях о журнале и жизни, о перспективах работы (1929, № 1, 2 — «О «маленьких» людях и о великой их работе»; 1930, № 1 — «От редакции»; 1931, № 1 — «Наши задачи»; 1934, № 1 — «Пять лет»). Наряду с проблемными статьями («О литературе», «О детях») Горький публиковал в журнале памфлеты — «Об умниках», (1930, № 10-11), «О солитере» (1931, № 1—12), а также художественные зарисовки о зарубежной жизни — «День в центре культуры» 1930, № 4).[30].

Публицистические выступления писателя с постоянным обращением в них к проблемам социалистического и буржуазного общества, к вопросам современной культуры определяли лицо горьковского журнала. Возьмем, например, статью М. Горького «О женщине», открывающую третью книжку журнала за 1930 г. Это работа большого взлета мысли, с широкими выходами в историю, встесторонне аргументированная и тем убедительнее показывающая действительно великую роль женщины в человеческом обществе, в нашей стране. Она является как бы введением, помогающим глубже понять и продумать более конкретные материалы журнала — статью В. Веберга «Женщина — работница в советском строительстве», очерк А. Гудка-Еремеева «Ударницы соревнования», где с подъемом изображены «беззаветные героини будней», подчас опережающие в своих делах мужчин.

Характерный пример «кристаллизации» других материалов издания вокруг статей Горького дает также пятый номер журнала за 1931 г., посвященный ударникам, пришедшим в литературу, или 5-6 книга «Наших достижений» за 1935 г., содержащая статьи и очерки о народном искусстве. Статьи Горького «Ударники в литературу», «Об искусстве» на этот раз раскрывали перед читателем идею номеров, являлись отличным запевом в работе авторов и редакции.

В «Наших достижениях» Горький был «автором № 1». Как можно установить по переписке А. Б. Халатова и В. Г. Бобрышева с Горьким, последние не раз просили Алексея Максимовича прислать свои статьи и очерки для журнала. И несмотря на невероятное количество работы, Горький по большей части находил время, чтобы писать специально для «Наших достижений».

Значительную часть произведений Горького, опубликованных в журнале, составляют очерковые циклы о нашей стране и ее людях[31]. Еще

---

[29] Речь шла о недопустимости продавать рукописи «одновременно двум изданиям». «Наши достижения», 1929, № 2, стр. 154.

[30] О содержании и характере горьковской публицистики, в том числе и о публицистических вещах Горького в «Наших достижениях», см. в статье К. Д. Муратовой «Публицистика Горького (1927—1936)».— «Вопросы советской литературы», т. 1. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1953. Более подробно — в докторской диссертации А. И. Овчаренко «Публицистика М. Горького», т. 1—2. М., 1958.

[31] По характеру работы мы не можем остановиться на очерковых циклах Горького достаточно подробно. Литература по этому вопросу указана в книге К. Д. Мурато-

отправляясь в путешествие по Союзу, Алексей Максимович намеревался написать книгу об СССР, предвидел большие трудности в работе, на которую уйдет 2-3 года, 5 лет[32]. но возрастающие темпы жизни, острая необходимость материалов для журнала изменили эти сроки. Во всех шести книгах «Наших достижений» за 1929 г. были опубликованы основные очерки цикла «По Союзу Советов», а в 1930—1931 гг.— «Рассказы о героях».

«Героем наших дней,— писал Горький, является человек из «массы» (25, 28). Именно такого героя и его дела предлагал описывать Алексей Максимович в статьях и корреспонденциях для журнала.

Публиковавшиеся в «Наших достижениях» горьковские рассказы — автобиографии уже по характеру своему, по способу повествования — от лица героя — художественно раскрывали «возникновение новой личности, которая организуется в огне «концентрированной энергии» строителей нового мира (25, 283). В этом же плане можно рассматривать привлечение в журнал автобиографических рассказов строителей, рабочих, инженеров (1932, № 10), дневников («Однодневник Ксении Кузьминичны Орловой» — 1935, № 1), «Рассказов колхозников» (1935, № 7).

В очерках «Наших достижений», принадлежащих перу Горького, отчетливо заметна и другая тенденция: не углубляясь в исследование характера, идти вширь, охватывать возможно больший круг явлений. «Журналу,— писал Алексей Максимович,— необходимо... охватить опыт не только Москвы и подмосковных районов, но и всех хозяйственно значительных участков страны...» (26, 383). Эта задача широкого (не только географически) изображения была осуществлена в характерном для журнала цикле «По Союзу Советов».

«...Свои впечатления, то, что я видел, слышал, и то, что обо всем этом думаю»[33],— так определил Горький характер этого цикла. Писатель нарисовал в нем советское индустриальное Баку, столь не похожее на Баку дореволюционное[34], радостно отметил рост дружбы закавказских народов, рассказал о предприятии ранее невозможном — переселении миллионов мальков из Ладоги в горный Севан. Сам жанр путевых заметок позволял свободно переходить от описания танца сасунских армян к путешествию по Волге, от впечатлений, навеянных Днепрогэсом, к новым впечатлениям от строящегося Мурманска.

Такое путевое разнообразие «По Союзу Советов» не нарушало общей картины, оно было созвучно задаче «Наших достижений» — вооружить читателей журнала знанием того, сколько хорошего сделано ими на земле (17, 128).

Горький не скрывал, что мы хозяйствуем еще не экономно, что женщина на Кавказе еще не участвует, как должно, в работе общества. Но он подчеркивал главное: новое побеждает, становится нормой нашего времени. «Мы — сами хозяева, свое работаем» (17, 142), эти слова, сказанные простым грузчиком, звучат как лейтмотив очерков, как характеристика облика современности.

В 20-е годы еще находились литераторы, которые утверждали, что Горький — беллетрист, «обучающий жизни задним числом», что «Горький садится за стол только тогда, когда события уже маячат где-то в отдалении»[35]. Цикл «По Союзу Советов» является примером того, каким

вой «Горький в борьбе за развитие советской литературы». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 444.

[32] «Крестьянская газета», 12 июня 1928 г.

[33] А. М. Горький. «Рабочему краю».— «Рабочий край», 14 октября, 1928 г.

[34] Интересно, что описание нефтепромыслов было издано бакинцами отдельной книгой (М. Горький. По Союзу Советов. Баку, изд. «Азнефти», 1928).

[35] Н. Чужак. Опыт учебы на классике.— «Новый Леф», 1928, № 7, стр. 9, 10.

образом писателю нужно изучать, оформлять, изображать и тем самым утверждать новую действительность как истинную современность. Этой большой задачей во многом определялось содержание уже не только горьковского цикла, но и всего журнала «Наши достижения».

В марте 1928 г., размышляя о своих планах в связи с поездкой в СССР, Горький писал одному из своих корреспондентов: «Закончив третий том моего романа (речь шла о Климе Самгине».— *А. Х.*) я, наверное, займусь журналистикой, чтобы встать теснее к жизни» (30, 81). В сознании писателя эти два понятия «журналистика» и «жизнь» были словами-товарищами, словами-братьями. Еще глубже это единство обнаруживалось в самой практике горьковского журнала. Организуя новое периодическое издание, Алексей Максимович, естественно, использовал и свой журналистский опыт, в частности, опыт «Нашего журнала», разделы которого в какой-то степени предваряют структуру «Наших достижений». Однако если в обоих журналах были разделы научно-технического характера [36], это не было простым повторением в новых условиях старых начинаний.

«Наши достижения» были детищем и ровесником наших пятилеток, превративших страну из отсталой Руси в индустриальную, технически оснащенную державу. Овладение техникой становилось знамением времени. Вот почему важными разделами «Наших достижений», группировавшими едва ли не половину всего материала журнала, были разделы науки, техники и производства и раздел сельского хозяйства.

В годы «великого перелома» и последующего мощного строительства наука, а тем более техника не являлись чем-то ведомственным, корпоративным. Новые достижения в этой области были мощным рычагом быстрого роста всей страны. Понятно поэтому, что Горький придавал этим отделам в журнале принципиальное значение. Он приветствовал, когда к редактированию отдела науки, помимо проф. Н. К. Кольцова и академика А. Е. Ферсмана, был привлечен по решению редколлегии более энергичный О. Ю. Шмидт. Алексей Максимович одобрял активность редактора отдела техники и производства А. З. Гольцмана в организации материалов.

При деятельной поддержке и участии главного редактора журнал осуществил довольно широкую разработку тем научного творчества и открытий, дал ряд материалов по медицинским, природоведческим и краеведческим вопросам. Публикуя статьи А. Тулайкова «Институт по изучению засухи» (1930, №6), М. Иванова «Аскания-Нова» (1930, №8), А. Югова «Бой туберкулезу» и «Переливание крови» (1930, № 9 и 1931, № 12), М. Горький не предполагал дублировать научные издания. В своей речи на организационном совещании, посвященном отделам науки и техники, он говорил о «Наших достижениях»: «Такого рода журнал необходим еще потому, что он сблизил бы людей науки, сделал бы ее более понятной, доступной широким массам» [37].

К участию в «Наших достижениях» и «Научно-популярной библиотеке» (приложение к журналу за 1930 г.) были привлечены в качестве авторов виднейшие ученые-академики А. Е. Ферсман, С. Ф. Ольденбург, А. Ф. Иоффе, В. Н. Ипатьев, проф. Е. Н. Павловский.

Главный редактор приложил немало усилий, чтобы решить и поныне современный вопрос о популяризации научных знаний. Он указывал в

---

[36] «Наш журнал» имел, кроме того, следующие отделы: «Советская неделя», литературно-художественный, «Наше хозяйство», «Факты и цифры», «За советским рубежом», «Текущая жизнь», «Юмор и сатира» и «Голоса из провинции». В последнем публиковалась переписка Горького с читателями.

[37] «Наши достижения».— «Известия», 7 июня 1928 г.

этой связи на наиболее подходящих авторов отмечая в письмах такого мастера научно-популярной книги, как Перельман. Алексей Максимович не раз советовал, как нужно писать научно-технические статьи: «не обходя исследовательских задач науки, подчеркивать погуще практическое значение исследований и достижений, обязательно указывая и на сложность, на трудность их» (30, 128—129).

«Практическое значение» — этот критерий широко применим к материалам журнала по технике и строительству, ценным актуальностью, важным для понимания общественного хозяйства страны. Об этом свидетельствуют и конкретные темы, предложенные М. Горьким еще на совещании редколлегии «Наших достижений» 18 сентября 1928 г.

Алексей Максимович советовал написать о поездке в Туруханский край за графитом (см. очерк И. Шапиро «В Туруханский край за графитом» — 1929, № 3), о производстве советского фосфора в Растяпине, о постройке новых судов в Сормове, работе «Москвошвея». Горький отмечал необходимость таких тем, как организация нефтепромыслов в Баку (см. статью А. Серебровского «Советский нефтяной гигант» — 1929, № 1), строительство Балахнинского бумкомбината (см. очерк Н. Атарова «Большая Балахна» 1930, № 10-11), сплав леса, электрификация, а также история различных производств, фабрик и заводов [38].

Отдел техники и производства давал читателю представление об этапах экономического роста нашей страны, роста ее самостоятельности и могущества. В лучших случаях это была не только сухая констатация фактов. С гордостью за страну, за успехи советского человека уже в 1929 г. журналист А. Бедуин писал в своем очерке «Завод Электросталь»: «Сейчас и советский летчик, и советский моторист, садясь за руль, могут быть спокойны. Сердца их машин — стальные моторы — сделаны из нашей советской стали, они не подведут их в опасную минуту» [39].

Все больший и больший приток материалов о текущих стройках, часто не весьма высокого качества, вызывал у работников редакции опасение, что журнал может «превратиться в прейскурант строительств» [40]. В сравнении с литературно-художественными журналами, где не было такого отдела, где технические и строительные очерки были рассредоточены, перенасыщенность «Наших достижений» техническими материалами, однообразие и повторения [41] действительно давали себя знать. Именно в этом случае особенно важен был общий горьковский философский взгляд на строительство как на борьбу человека с природой, создание «второй природы», особенно успешное в условиях строящегося социализма.

В этом смысле для Горького и его журнала не было обособленной темы строительства. Она связывалась тысячами нитей с политикой партии, с успехами страны, с подъемом творческих сил, разбуженных революцией. Именно поэтому Алексей Максимович не раз обращал внимание сотрудников не только на объективные стороны небывалого экономического подъема, но и на факторы субъективные, на человека, творца, на рационализатора, изобретателя. Показательно в этом отношении обращение Горького к редакторам стенных газет с просьбой прислать в редакцию «Наших достижений» сводки из заметок о рабочем изобретательстве. На третьем организационном совещании по журналу, посвященном вопросу техники, Алексей Максимович особенно подчеркнул как дело необходимое «опубликование биографий творцов, описание их изобрете-

---

[38] Архив А. М. Горького.

[39] «Наши достижения», 1929, № 4, стр. 56.

[40] Архив А. М. Горького.

[41] Повторения были довольно часты в первые годы существования журнала. Примером могут служить три очерка, посвященных совхозу «Гигант» (1929, № 5; 1930, № 6, 7). Это — не считая заметок и фотографий.

ний»[42]. Решение этой задачи[43] еще более обобщало и расширяло тематический спектр журнала.

Сложнее обстояло дело с организацией и работой отдела сельского хозяйства.

Горький одним из первых приветствовал рождение новой колхозной деревни: «Человек XVII века, русский крестьянин,— говорил он,— соскочил со своего нищенского надела» (27, 416). Но долгие годы недооценки творческих сил деревни, как известно, представлявшейся писателю темной Окуровской силой, не могли пройти совершенно бесследно. Этим, видимо, можно объяснить, что вопросы организации сельскохозяйственного отдела не стали предметом развернутого обсуждения при организации журнала. Кроме того, редакторы отдела — Я. А. Яковлев и проф. В. Р. Вильямс по ряду причин не могли принять деятельного участия в работе журнала.

Алексей Максимович писал А. Б. Халатову в январе 1929 г. о том, что нужно найти нового редактора по сельскому хозяйству в провинции, среди преподавателей-опытников. Отдел, считал Горький, потребует много усилий, времени, внимания и будет очень богат материалом[44].

Ожидания главного редактора оправдались не во всем. Материалов по отделу сельского хозяйства было не столь мало, но они не всегда удовлетворяли необходимым требованиям. Дидактичны и сухи были статьи секретаря редакции и одновременно работника «Крестьянской газеты» С. Урицкого («Большевистский сев» — 1931, № 2, «Победа всемирно-исторического значения», 1931, № 7-8). В ряде номеров журнала публиковались однообразные и нечеткие по своим выводам очерки о сельскохозяйственных коммунах: Л. Карпов «Коммуна имени Ленина», Т. Владыкин «В шатровских коммунах», Г. Чесноков «Обуховская коммуна».

Иные деревенские зарисовки «Наших достижений» не вскрывали всего сложного переплетения классовой борьбы. Такого рода поверхностность очевидна в сопоставлении очерков И. Гриневского «Мастера земли» (1929, № 2), М. Лукьянова «Обновленная земля» (1929, № 5) с «Разбегом» В. Ставского, с книгами М. Шолохова, Ф. Панферова.

Журнал искал способы, чтобы в соответствии со своей программой раскрыть процессы, происходящие на селе. В этой связи Горький, по-видимому, намеревался влить в «Наши достижения» как параллельный по характеру журнал крестьянских писателей «Земля советская»[45]. Планируя журнал на 1930 г., Алексей Максимович просил заказать также и статьи: «Роль опытных сельскохозяйственных станций, значение их практической работы», «Колхозное движение в 1929 году». К сожалению, предложение Горького не было осуществлено. Начиная с 1931 г. материалы сельскохозяйственного отдела были значительно потеснены многочисленными очерками о строительстве индустриальных гигантов.

Вместе с тем важно заметить, что «Наши достижения», несмотря на трудности, дали ряд интересных и ценных очерков из жизни деревни. К их числу принадлежит «Деревня» ивановского писателя М. Шошина, рассказывающая об острой борьбе активистов против кулака Чалова.

---

[42] «Наши достижения».— «Известия», 16 июня 1928 г.

[43] В журнале публиковалось немало интересных очерков, посвященных изобретателям, рационализации. Среди них отметим «Архитектурную революцию» Ек. Загорянской (1931, № 4), «Камышитовый городок» С. Крушинского (1931, № 4), «Победит» С. Мнасова (1931, № 7—8), «Обточка на ходу» Дм. Сахарова, «Мастер Николаев» Ю. Полетика (1932, № 2). Позднее журнал освещал техническое новаторство ударников, рассказывал о новых методах труда Алексея Стаханова и его последователей (1936, № 12).

[44] «М. Горький и советская печать», кн. 1. М., «Наука», 1964, стр. 146.

[45] «М. Горький и советская печать», кн. 1, стр. 137. Это предложение М. Горького не было реализовано.

В очерке писателю удалось показать врага, действующего осмотрительно, исподволь, но тем более сильного и опасного. Показал Шошин и новую деревню, которую не удивишь привезенным из города радиоприемником, в которой есть свои энтузиасты.

В «Наших достижениях» (1932, № 8) была напечатана глава из книги В. Ставского «Зарницы», продолжавшей «Разбег», в первом номере за 1934 г.— очерк М. Горького «Об избытках и недостатках». Специальное и большое внимание деревне Алексей Максимович уделил и в связи с организацией в 1934 г. журнала «Колхозник».

Важное значение имели в «Наших достижениях» отдел культуры и быта, первоначально редактировавшийся С. И. Канатчиковым, П. М. Керженцевым, М. Е. Кольцовым, Г. И. Круминым, М. С. Эпштейном и А. А. Фадеевым, и отдел искусства, возглавляемый А. В. Луначарским [46].

В условиях продолжавшейся культурной революции, охватившей самые широкие слои населения, важно было поддержать подлинно новые массовые явления в этой области. Так, журнал Горького заново открыл для читателя народное искусство художников Палеха.

В годы великого строительства масса говорила языком стенной печати. И «Наши достижения» откликнулись на это своеобразное явление оперативным очерком С. Евгенова «Газета на стене» (1929, № 4). На смену чаду индивидуальных кухонь приходило централизованное обслуживание, и в журнале появилась статья Б. Виленкина и М. Маршака «Фабрика обедов» (1930, № 1). Удивительные контрасты эпохи, причудливое соседство старого и нового запечатлены в зарисовке А. Польского «Тайга и Лавра» (1930, № 7). В стенах Александро-Невской лавры очеркист увидел не воспитанников духовной семинарии, а студентов Института народов Севера: якут, монгол, бурят, гольдов, орочен, тибетцев.

В соответствии с главной задачей — показывать достижения — журнал подготовил и опубликовал материалы о новом советском студенчестве и школьниках (А. Вышинский. «Рабочие факультеты» — 1929, № 5, И. Соболев. «Вузовец»— 1932, № 12, А. Толстов. «В двадцать пятой школе» — 1935, № 7), об успехах радио, печати, о развитии искусства в нашей стране (Е. Волкова. «Московский театр для детей» — 1932, № 4; С. Урнис. «Кукрыниксы»— 1934, № 12).

Отдел культуры был в журнале едва ли не самым значительным. Он как бы внутренне объединял, придавал единый смысл всему изданию. «Культура — писал в проспекте «Наших достижений» М. Кольцов,— есть тема всего журнала» [47]. Это замечание позволяет понять не только объективное обоснование тем и рубрик журнала, но и их внутреннюю закономерность, их связь с комплексом горьковских представлений о культуре.

Еще в 20-е годы Алексей Максимович не раз подчеркивал, что народ наш должен приобщиться к действительным завоеваниям разума во всех областях жизни. Эта мысль получила теперь свое дальнейшее развитие. Культура, по Горькому,— это понятие огромное, широкое. Культура «есть наша, нашей волей, нашим разумом творимая «вторая природа» (24, 467), т. е. все то, что сделано и произведено человеком, начиная от огромного блюминга и кончая тончайшей художественной миниатюрой.

Именно поэтому создатель культуры — «маленький великий» человек массы, передовой рабочий, ударник полей, о котором писали «Наши достижения».

---

[46] С пятого номера А. В. Луначарский числится, согласно титульному листу, руководителем обоих вышеназванных отделов.

[47] М. Кольцов. Культура и быт.— В кн. «Наши достижения». Проспект. М., Госиздат, 1928, стр. 19.

«Главное содержание культуры, суть ее и смысл,— говорил Алексей Максимович,— наука, техника, искусство». И если вспомнить, что «Наши достижения» должны явиться, по мысли Горького, «историей текущей культуры» (24, 411), то становится понятным и теоретическое обоснование Горьким основных разделов «Наших достижений», журнала, выношенного и глубоко продуманного его основателем.

В соответствии с горьковской концепцией находился и последний — шестой по счету — отдел хроники, долгое время возглавлявшийся С. Урицким. Материал в этом отделе группировался по рубрикам, повторявшим основные разделы журнала. В нем публиковались письма и корреспонденции читателей (в том числе и заметки И. В. Мичурина «Работы по выведению новых сортов плодовых и ягодных растений»). Раздел также привлекал материал из газет[48]. Хроника являлась своеобразным разведчиком наших достижений, апробировавшим новые темы для всего журнала.

4

Определяя «Наши достижения» как издание, которое будет представлять текущую историю культурной революции[49], Горький, разумеется, хорошо понимал, что журнал сам не может не развиваться. «Журнал,— писал Алексей Максимович А. Б. Халатову,— должен непрерывно расти и претерпеть ряд существенных изменений»[50]. Оригинальному изданию Горького нужно было не только убедить читателя в верности направления, но и утвердиться в формах и характере своей работы.

В 1929, начале 1930 г. «Наши достижения» проходили в этом смысле «пусковой период», когда идеи и предварительные соображения редакции проверялись в живой практике. В этих условиях внимание Горького к журналу, к содержанию его работы было особенно важным. Соглашаясь с мнением редколлегии, высказанным А. В. Луначарским, Алексей Максимович сам прочитывал и редактировал первые номера журнала.

Изо дня в день — на заседаниях, при встречах и особенно в письмах главный редактор разъясняет работникам редакции их задачи, помогает советами, оценками, предложениями.

Особенно волновал Горького выход первого номера. Он отметил в нем удачную статью Сергея Мара (Памирца) «Обыкновенные племена»[51], рассказывающую о культурном возрождении ранее угнетенных народов. Нравились писателю и другие очерки, например очерк И. Вольнова «Мужицкая артель». Однако во многом, если не сказать в целом, первый номер журнала не удовлетворил Горького. В письме работникам редакции, написанном после просмотра материалов номера, Алексей Максимович отмечал слащавость, фальшивый восторг, казенность иных статей. «Самым слабым» считал отдел науки[52]. Даже статья «За стройкой» такого талантливого публициста, каким мы знаем А. В. Луначарского, была написана небрежно.

---

[48] М. Горький сам предлагал журналу материалы из периферийных газет... «Например,— говорил он,— в «Правде Востока» пишут такие вещи весьма интересные: «Триста красноармейцев принимают участие в посеве хлопка дехканами; это произвело хорошее впечатление». Такие заметки мы должны выстригать из этих газет, редакционно обрабатывать, дополняя ими нашу «Хронику» (ЦГАЛИ, ф. 617, оп. 1, ед. хр. 2, л. 3).

[49] «Горький в Казани».— «Красная Татария», 7 августа 1928 г.

[50] «М. Горький и советская печать», кн. 1, стр. 163.

[51] Архив А. М. Горького.

[52] «М. Горький и советская печать», кн. 2, стр. 118.

«Первый блин комом,— замечал Горький по поводу первой книги,— но надо сделать лучше второй»[53]. В плане улучшения работы журнала Алексей Максимович советовал своему заместителю А. Б. Халатову издать параллельно серию книг — очерки Сибири, Кавказа, Средней Азии, которые бы усиливали влияние журнала на читателя.

Со второго номера журнал ввел новый отдел библиографии, в котором предполагалось осуществить «рецензирование наиболее интересных новых книг, освещающих достижения Советской власти во всех областях хозяйственного и культурного строительства»[54]. Однако организация этого отдела оказалась непродуманной; библиография не была систематической и прервалась.

Слабость и недостаточную еще оперативность издания видели и сотрудники «Наших достижений», которые в самом начале работы предлагали главному редактору укрепить и реформировать журнал. Однако Горький считал вредной поспешность в таком важном деле. Он предлагал подождать суда общественного мнения и, учитывая критические замечания, улучшать журнал[55]. В этой связи определенную роль сыграли совещания с представителями комсомольской общественности в июне 1929 г.[56] и заседание редколлегии в июле 1929 г., посвященное обсуждению трех вышедших в свет книг журнала.

В своих выступлениях Горький замечал, что статьи для «Наших достижений» нередко пишутся тяжеловато, в журнале нет еще «опытного кадра сотрудников»[57]. Писатель подчеркивал необходимость отмечать в журнале не только энтузиазм массы, но и инициативу отдельных работников, показывать, как был достигнут тот или иной успех, организовать группу разъездных корреспондентов и, используя молодежь, подводить журнал как можно ближе к текущей действительности.

Эти и другие меры, однако, не были осуществлены сразу. Быстрой реорганизации журнала не произошло. «Наши достижения» росли и совершенствовались постепенно; наряду с успехами были ошибки. Живую струю вносили в журнал наиболее интересные очерки; мог гордиться журнал и некоторыми удачными тематическими разработками, какой, например, является цикл статей под общим заголовком «Завоевание Севера» (1930, № 4). Не случайно Алексей Максимович с особенным вниманием отнесся к этому циклу, предложил снабдить картой статью В. Лина «Гибель Арктики» и писал о ней: «Статья не плохая, не хуже статьи З(ингера) в «Красной нови»[58].

Подводя итоги первого года работы, редакция «Наших достижений» отмечала, «что ей похвастаться нечем»[59]. Такая, пожалуй чересчур суровая, самооценка, конечно, не была признанием несостоятельности издания. Она свидетельствовала скорее о силе, о настойчивом и оправдавшем себя стремлении видеть журнал лучше, богаче, интереснее. Именно в этом направлении прилагались усилия всех работников журнала и прежде всего главного редактора.

В 1930 г. «Наши достижения» значительно окрепли, часть материалов «отпочковалась» в самостоятельное издание иллюстрированного

---

[53] «М. Горький и советская печать», кн. 1, стр. 146.

[54] «Наши достижения», 1929, № 1, стр. 223.

[55] Архив А. М. Горького.

[56] На совещании было решено, что силами работников комсомольской печати будет подготовлен 6-й номер журнала (1929). Под руководством Ильина был составлен подробный план номера, послан М. Горькому. Однако в дальнейшем это интересное начинание не было осуществлено.

[57] «Реорганизация журнала «Наши достижения».— «Известия», 16 июня 1929 г.

[58] Архив А. М. Горького. Горький, очевидно, имеет в виду очерк Макса Зингера «Лед, разломанный людьми» («Красная новь», 1929, № 12).

[59] «От редакции».— «Наши достижения», 1930, № 1, стр. 3

журнала «СССР на стройке», рассчитанного на заграницу. Цель этого журнала была определена в информационном сообщении: «Журнал ставит своей задачей освещение достигнутых нами в хозяйственном и культурном строительстве успехов... То, о чем «Наши достижения» рассказывают своим читателям в живой, литературной форме,— «СССР на стройке» должен передать путем иллюстраций, фотоснимков, зарисовок художников, гравюр и пр.

«СССР на стройке» — журнал без слов, с небольшим текстом на четырех языках: русском, немецком, английском и французском» («Литературная газета», 7 октября 1929 г.).

В редактировании «СССР на стройке», помимо М. Горького, приняли участие А. Б. Халатов, Мих. Кольцов, С. Б. Урицкий и др. На второй год тираж журнала достиг 80—85 тысяч.

«СССР на стройке» является единственным периодическим изданием Горького, продолжающим свое существование и по настоящее время. Сейчас журнал под названием «Советский Союз» выходит на русском и пятнадцати иностранных языках.

Существенно изменился и сам журнал «Наши достижения».

«Вообще,— замечал Горький,— журнал становится понемножку все более интересным, как будто»[60]. Именно в это время в нем наиболее часто появляются статьи самого главного редактора, а в предпоследнем номере появляется письмо М. Горького — ответ на тут же приведенное письмо студента. Возникший таким образом отдел «Переписка с читателем» открывал возможность живого разговора о журнале, его задачах и направлении, о том, как наша действительность поднимает людей к жизни[61].

Еще более существенным оказался новый раздел журнала «Задачи будущего», введенный с первого номера в 1931 г. Обосновывая необходимость этого отдела, М. Горький писал в статье «Наши задачи», что в нем «будут предложены вниманию читателей различные проекты социалистических строек, которые еще не получили окончательного утверждения, но могут войти в план второй пятилетки» (25, 393).

Опубликованные в этом разделе очерки Б. Жеребцова «Рождение малого Ангарстроя» (1931, № 1), Г. Горного «Из Каспия в Ледовитый океан» (1931, № 2), И. Ландина «Самолет над Камчаткой» (1931, № 3), В. Воблого «Великий северный путь» (1931, № 6) развивали известную мысль Горького о «третьей действительности». Авторы очерков писали о будущем Камско-Печорском водном пути, о новой Волге, о наших возможностях в области строительства новых курортов.

Алексей Максимович особенно высоко оценил работу В. Воблого. Он приветствовал в ней веру в силу человека, а самого автора относил к числу тех «безумных мечтателей», из которых выходят Эдиссоны и Стефенсоны[62]. Пусть в этой характеристике Горький-энтузиаст во многом представлял желаемое как уже действительное. Но сама оценка показывает, какое значение придавал писатель отделу «Задачи будущего», который несомненно углублял перспективу журнала и тем самым приобретал принципиальный смысл.

Постепенное, но непрерывное расширение авторского актива[63] позволило редколлегии свободнее оперировать материалом и приступить с 1930 г. не только к организации новых тематических циклов (один из

---

[60] Архив А. М. Горького.
[61] «Наши достижения», 1939, № 10-11, стр. 97.
[62] Архив А. М. Горького.
[63] В 1930 г. в «Наших достижениях» приняли участие С. Маршак, В. Канторович, Н. Атаров, А. Югов, А. Коптелов, М. Шошин, М. Максимов, А. Аграновский, Гр. Адамов, Е. Вихрев и др.

наиболее удачных — «Наука в борьбе за урожай» — 1930, № 6), но и тематических номеров.

Первый такой номер — майский за 1930 г. — был посвящен советской печати и отличался почти исчерпывающим охватом вопроса. Наряду со статьей Б. Горелика о рабселькорах журнал рассказывал о выходившей тогда почти двухмиллионным тиражом «Крестьянской газете». В статье В. Проскурякова «Фабрика книги» речь шла о крупнейшем книгоиздательстве — Госиздате РСФСР. В номере были статьи об оформлении книги, о книге и Красной Армии, о Сибирской энциклопедии и Гознаке. Открывавшая книгу журнала редакционная статья подводила итоги наших действительно больших успехов в области печати.

Горький с удовлетворением отзывался об этом номере журнала и поддержал тематический принцип организации материала. Однако мнение главного редактора первоначально разделяли не все работники «Наших достижений». Заведующий редакцией И. Шкапа, например, советовал в письме к М. Горькому «избегать номеров-сплошняков: строительных, комсомольских, политических и т. д., боюсь,— продолжал И. Шкапа,— что это вносит скуку и ведомственность» [64].

Было ли обосновано такое опасение? Конечно, оно было уместно в том случае, если материалы журнала были недостаточно живы и содержательны. Но Горький исходил из лучшего. Слишком очевидны были также и преимущества тематических номеров, дававших углубленные и многогранные разработки ряда важнейших вопросов.

Как показала практика «Наших достижений», работа редакционного коллектива над отдельными темами объединила и самих участников журнала, упрочила связь журнала с жизнью. Это особенно очевидно на примере подготовки десятой книги журнала за 1932 г., рассказывающей о делах и людях Сталинградского тракторного завода. Поехав на завод, писательская бригада в составе Я. Ильина, Н. Виглянского и Бор. Яглинга помогла местной прессе. Как значительное событие, поднимающее трудовую активность, было воспринято тракторозаводчиками письмо Горького, посланное в связи с подготовкой номера. Оно вызвало отклик среди молодежи, в свою очередь обратившейся с письмом к главному редактору [65].

Принцип тематических номеров оправдал себя лучшими сторонами и утвердился как существенный и характерный для «Наших достижений». За годы своего существования журнал дал читателю номера, посвященные призыву ударников в литературу (1931, № 5), советским изобретателям (1932, № 2), новой Москве (1932, № 7), Уралмашзаводу (1933, № 10), здравоохранению (1933, № 11), очерковой литературе народов СССР (1934, № 5), дню нашей страны (1935, № 1) и другим темам.

В проекте журнала на 1933 г. были четко намечены основные линии его содержания. Помимо уже известных нам разделов, предполагалось вести «Летопись наших дней» — сжатую характеристику основных достижений за месяц, «В блокнот агитатора» — отдел, содержащий важнейший цифровой и справочный материал. Намечено было также расширение объема журнала до 10 печатных листов.

На пятом году издания обложка журнала снабжается рисунком карты Советского Союза, показанной в перспективе, как бы уходящей вдаль. Это было символично. Но был здесь и вполне конкретный смысл, связанный с опубликованием в «Наших достижениях» занимательных статей писателя-географа Н. Михайлова — «Города, которых не было

---

[64] Архив А. М. Горького.
[65] «Даешь трактор»— 26 августа и 25 сентября 1932 г.

на картах» (1933, № 7), «Новая география» (1933, № 10), «Исправление природы» (1934, № 2). «Уже не сила торговых рядов,— писал Михайлов,— не величие кремлей, не святость лавр собирают вокруг себя людей. Население размещает индустриализация страны» [66].

Насколько насущна и своевременна была эта поднятая и развернутая журналом тема, можно судить по тому, что в мае 1934 г. ЦК ВКП(б) вынес постановление о пропаганде географических знаний среди молодежи, о необходимости издать серию книг по занимательной географии [67]. Статьями Н. Михайлова, очерками Т. Семушкина, В. Канторовича о Дальнем Востоке в «Наших достижениях» утверждались те хорошие традиции, которые были отчасти подхвачены и продолжены журналом «Наша страна» (1937—1941).

В своих записках, обращенных к сотрудникам редакции, А. М. Горький не раз и высоко оценивал их работу. Действительно, редакцией было приложено немало усилий, чтобы не только успешно подготовить материал, но и интересно, «завлекательно» предложить его читателю. В статьях журнала за 1932—1933 гг. важные места выделяются графически броскими, большими шрифтами. Сравнительно-цифровые данные, кривые роста выносятся на поля. Используют «Наши достижения» и истинно журналистский жанр — беседы-интервью с видными учеными, работницами, селькорами под шапкой: «Самое яркое в моей жизни за 15 лет» (1932, № 12; 1934, № 3). В журнале появляются шапки: «Новые люди» (1932, № 12), «Правда о нашей действительности» (1933, № 1) и другие.

В первой книге «Наших достижений» за 1934 г. была напечатана статья А. М. Горького «Пять лет», в которой он подводил итоги работы за пятилетие, истекшее с момента выхода первой книги журнала. Алексей Максимович не скрывал успехов. «Читатель,— писал он,— отнесся к нему (журналу.— *А. Х.*) с явным интересом, об этом свидетельствовал тираж, который возвышался до 100 тысяч» (27, 143). В то же время в статье указывалось и на трудности издания — крайне недостаточный редакционный штат, невнимание известных писателей и критики. Главный редактор заверял читателей, что журнал изживет свои слабости, будет улучшен, «перестроен».

В 1935 г. редколлегия наметила ряд мер к совершенствованию «Наших достижений». Ответственный работник журнала В. Т. Бобрышев предлагал ввести художественно-публицистические помесячные обзоры жизни страны, организовать на страницах журнала переписку между читателями. Эти предложения были приняты Горьким. Он посоветовал назвать обзоры «Советский месяц», больше пользоваться материалом республик и областей, поменьше — материалом центральной прессы. Согласился писатель и с новым, более интересным вариантом хроники [68].

Широко задуман был большой постоянный отдел критики [69], к которому Горький отнесся настороженно, ибо видел в нем «опасность пре-

---

[66] «Наши достижения», 1933, № 7, стр. 4.

[67] «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР».— «Комсомольская правда», 16 мая 1934 г.

[68] Новый вариант под заголовком «День за днем» был охарактеризован как «обыкновенный репортаж фактов», отражающий пути культурной революции. Материал раздела во многом отвечал тем требованиям к информации, которые М. Горький сформулировал еще в 1933 г. в статье «Что должен знать наш массовый читатель» (27, 39).

[69] В письме к А. М. Горькому В. Г. Бобрышев так охарактеризовал содержание отдела критики: «1) Литературные портреты, 2) Лаборатория очерка — вопросы практики очерковой литературы, 3) Пародии и шаржи, 4) Литературный дневник — отдельные факты литературной жизни, имеющие принципиальное значение, 5) По страницам газет и журналов: краткая оценка отдельных очерков в центральной и периферийной периодике и 6) Письма из редакции — ответ авторам очерков, которые не приняты редакцией» (Архив А. М. Горького, КГ-изд. 23.1.15).

вращения журнала из информационного в критико-литературный». Тем не менее критический отдел был введен в журнал (№ 8, 1935). В нем ставились теоретические проблемы советского очерка, рассматривались вопросы журнала и творческой среды. С рецензиями, тематическими обзорами, литературными портретами и проблемными статьями в этом отделе выступили В. Бобрышев, М. Лузгин, Б. Бегак, А. Роскин и др.

Можно судить по ряду высказываний Горького, что в последние годы его жизни «Наши достижения» весьма радовали писателя. Алексей Максимович горячо поддержал план журнала на 1936 г., выразил свое удовлетворение тем, что «с каждой книжкой журнал становится все более интересным, приобретает своеобразие, находит весьма жизненные, актуальные темы»[70]. В 1935—1936 гг. на страницах «Наших достижений» успешно освещаются вопросы обороны страны, успехи советской науки, трудовые подвиги передовых строителей социализма.

Отступая от первоначально установившейся традиции — не печатать отрывков из больших по объему произведений, «Наши достижения» публикуют отрывки из книги о Советском Союзе Эдуарда Эррио, из книги В. Кутюрье «Несчастье быть молодым». Последний отрывок был помещен в специальном номере о сверстниках Октября, открывавшемся статьей В. Бобрышева «Счастье быть молодым» (1935, № 11). Журнал рассказывал о молодых специалистах (1935, № 10) и о том, как жизнь наша становится не только зажиточнее и обеспеченнее материально, но и богаче, полнее, прекраснее духовно.

Используя творческий опыт, накопленный редакцией, М. Горький намеревался применить в «Наших достижениях» «самое широкое разнообразие журнальных методов». В конце 1935 г. в статье «Наши достижения» на пороге второй пятилетки» Алексей Максимович выдвинул и подробно развил содержание ряда отделов и тем. Среди них Горький назвал: «Человек и техника» (что дает человеку техника при социализме), «Люди о себе» (рост личности, запросы советских людей и их удовлетворение), «По следам тока» (от электростанции — к каждому потребителю), «Новая география», «Глазами иностранцев», «Летопись наших дней» (краткие сведения об основных достижениях за истекший период) и «Что у нас будет» (26, 382).

Эта широкая программа оказалась последним развернутым планом содержания журнала, которым «Наши достижения» и руководствовались вплоть до конца своего существования (1937).

5

«Наши достижения» представлялись современникам явлением особенным, необычным. «Этот журнал не похож ни на один из существующих у нас литературных журналов»,— писал рецензент Г. Мунблит[71]. И с этим суждением нельзя не согласиться. А раз так, то естественно возникает вопрос о характере журнала, о некоторых его своеобразных чертах. Черты эти становятся очевидными, когда обращаешься к живому процессу журналистики, где происходит постоянное взаимодействие периодических изданий и читателя. Если до Октября популярные издания вроде «Нивы», не говоря уже о толстых журналах, находили себе спрос в основном со стороны служащих, чиновников, провинциальной

---

[70] Цит. по статье И. Шкапа «Горький и журнал «Наши достижения».— «Москва», 1957, № 12, стр. 187.

[71] Г. Мунблит. «Наши достижения». — «Известия», 3 марта 1934 г.

интеллигенции, то в послеоктябрьский период картина значительно изменилась. События войны и революция поднимают к активной политической жизни многомиллионные массы трудящихся, рождают нового, массового читателя. Его появление ясно и убедительно показал в свое время А. С. Неверов в рассказах «Бабья газета», «Марья-большевичка».

Развитие культурной революции, «ликбез» как широкое общественно-государственное мероприятие небывало расширяют круг потребителей литературы, повышают их запросы к книге. Даже в кустарной деревне появляется читатель нового склада, которому, как отметил М. М. Пришвин, особенно по душе горьковская жажда знаний, и потому в книге он «все ищет пользы»[72].

В 20-е, а во многом и в 30-е годы печать еще не могла в должной степени удовлетворить требования и запросы массового читателя. «Острая нужда в книгах» — так озаглавил одну из своих заметок литературный еженедельник «Читатель и писатель»[73]. «Те 10 000 000 неграмотных, которых мы ликвидировали,— писал «Журналист»,— научились грамоте, требуют массовую книгу»[74].

В этих необычных условиях от печати требовалось не только следование проверенным и ранее выработанным традициям. Требовалась и существенная перестройка, что журналы учитывали не всегда.

М. Горький, в свое время возглавлявший литературно-художественный отдел «Красной нови», хорошо видел достоинства толстых журналов и сам постоянно печатался в них. В то же время Алексей Максимович был недоволен малочисленностью их читательской аудитории. «У нас,— писал Горький в 1929 г.,— издается тысяча, а может быть поболее журналов, количество их все растет, между ними есть немало параллельных по материалу и задачам. В огромном большинстве эти журналы не доступны для массового читателя» (25, 28).

Массовости журналов Горький придавал исключительное значение. Полонскому он писал, что желал бы «Печати и революции» более широкого распространения, а в одном из писем Камегулову (2 февраля 1930 г.) замечал, что «всесоюзное значение журналов, которые выходят в 10 тысяч экземпляров — более чем сомнительно в стране, где книжки расходятся сотнями тысяч».

Предпринимая издание «Наших достижений», которые по объему своему также можно отнести к числу толстых журналов, Алексей Максимович заявлял, что будущее издание мыслит именно как массовое, общедоступное. «Журнал «Наши достижения»,— писал он,— должен быть журналом для массы, иначе он не нужен» (25, 60).

Современникам, привыкшим понимать под массовыми журналами «Огонек», «Прожектор», «Красную ниву», именно сочетание «толстый» и «массовый» представлялось необычной и, добавим, существенной особенностью журнала. Именно так, подчеркивая необычность журналистского замысла М. Горького, воспринял «Наши достижения» А. Г. Гольцман. «Журнал в 10 — 12 печатных листов и — массовый,— писал он,— это до сих пор небывалая штука»[75].

Массовость «Наших достижений» не исключала четкой ориентации на определенный контингент читателей.

«Не читатель для журнала, а журнал для читателя — вот, что у нас

---

[72] М. Пришвин. Башмаки. Исследование журналиста. М.— Л., Госиздат, 1925, стр. 33.

[73] «Читатель и писатель», 14 октября 1928 г.

[74] М. Гуревич. У нас голод на массовую книгу.— «Журналист», 1929, № 9, стр. 264.

[75] Архив А. М. Горького.

часто забывается»[76]. Главный редактор «Наших достижений» не забывал, для кого выходит его журнал. «Читателем нашего журнала,— говорил Горький на одном из первых совещаний,— должен быть рабочий, массовый работник, у которого имеется уже желание читать, знать»[77]. Это общее принципиальное высказывание главного редактора уточнялось, конкретизировалось в ходе работы.

В редакции были довольно хорошо налажены систематизация и анализ читательских писем. Кроме того, в 1931 и 1935 гг. журнал обратился к читателям с анкетами, где предлагалось оценить работу «Наших достижений» в целом, отметить лучшие произведения, высказать свои пожелания на будущее. Результат такого массового «плебисцита» по журналу не без пользы публиковался в виде итоговой статьи (С. Урнис. «Выявление читателя» — 1936, № 7).

Такой учет читательских мнений хорошо согласовался с мыслью Горького о том, что журнал должен быть не только массовым органом, но и органом самих масс. Эта идея, достаточно определенно сформулированная еще в «Нашем журнале», получает в «Наших достижениях» дальнейшую разработку, еще более выделяя их среди других журналов. «Я считаю,— писал М. Горький А. Б. Халатову,— что чем более мы привлечем к сотрудничеству людей непосредственного живого дела, тем скорее журнал проникнет в трудовую массу, а она, почувствовав в нем правильную оценку ее работы, скорей признает его своим органом»[78]. На страницах «Наших достижений» со статьями и заметками выступают не только журналисты, но и инженеры, научные работники, хозяйственники, рабочие. Достаточно известен факт привлечения к сотрудничеству в журнале шахтера Гудка-Еремеева. В шестой книге журнала за 1931 г. был опубликован очерк недавнего рабочего Н. Бегляева «Последняя декада пятилетки». Автор зарисовки «Вузовец» И. Соболев — рабочий, учащийся вуза, член редсовета «Наших достижений». Одна из книг журнала (№ 2, 1931) целиком написана рабочими, авторами брошюр, вышедших в издательстве ВЦСПС.

В литературу хлынула могучая волна пишущих книги людей — селькоров, рабкоров. Немало высоких оценок дал М. Горький рабкоровскому движению. Но это не значит, что писатель стоял на рапповской позиции «призыва ударников в литературу», признавал необходимым «орабочивание литературы».

Хотя у Алексея Максимовича есть в этот период суждения, завышенно оценивающие литературные достоинства рабкоров, в целом он считал их продукцию сырьем для настоящих полотен, рассматривал деятельность рабкоров и селькоров скорее как результат роста культуры в стране. Этого не поняли иные известные писатели и бойкотировали журнал. Зато авторский актив, воспитанный журналом, позволял оперативно и планомерно осуществлять цели издания.

Именно плановость, строгая авторская дисциплина были еще одной важной особенностью, отличавшей журнал М. Горького. Это хорошо видели сами авторы журнала. Тогда как толстые журналы питаются самотеком, говорил очеркист П. Скосырев, в «Наших достижениях» налицо «организованность номеров». «Для нашего журнала,— отмечал Н. С. Атаров,— организация материала — обязательная вещь. Наш журнал не может существовать, как «Новый мир»[79].

---

[76] «Литературная газета», 5 апреля 1935 г.

[77] «М. Горький и «Наши достижения».— «Известия», 10 июня 1928 г.

[78] «Летопись жизни и творчества А. М. Горького», вып. 3. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 719.

[79] ЦГАЛИ, ф. 617, оп. 2, ед. хр. 7, л. 7, 24.

6

А. М. Горький рассматривал «Наши достижения» как журнал, «связавший свое существование с судьбой очерка и немало сделавший для того, чтобы придать очерку качества «высокого искусства» (27, 38).

В отличие от других журналов, очерк был почти единственным жанром «Наших достижений»[80]. Такого рода жанровая избирательность опять-таки объяснялась задачей и содержанием журнала — не отставать от жизни, показать возможно оперативнее все достижения новой действительности. Уже в ходе подготовки первого номера «Наших достижений» М. Горький определяет как наиболее удачный для журнала очерк И. Вольнова «Мужицкая артель». Рассказывая, как организовалась артель, И. Вольнов не впадает в лирику, пишет спокойно, деловито, иногда даже суховато. Он описывает артель как действительный свидетель, на реальных примерах показывая ход дела. Именно эта точность, достоверность особенно привлекала М. Горького: «Факты, цифры, живые люди с именами, фамилиями,— писал он,— вот основа всех корреспонденций в «Наши достижения» (25, 59).

Уже в первые годы существования «Наших достижений» можно встретить в журнале отдельные очерки, написанные мастерской рукой взволнованного новой жизнью писателя. Таковы «Двое» И. Катаева. «Глиномаз» К. Горбунова. Последний особенно удачен. Герой его, скромный глиномаз, старик Мишин, исполнен энергии, бодрости, веры. Он захвачен делом своим — на месте деревянных домов, страдающих от пожаров, построить глинобитные, готов доказывать их пользу даже в стихах. В любви к труду, в душевной молодости героя прекрасно отразилась эпоха, энтузиазм строителей нашей страны.

Именно такого рода очерки и позволяли «Нашим достижениям» сказать свое слово в спорах по поводу путей развития очеркового жанра. Как известно, точку зрения, что фактический очерк есть единственно нужный и главный вид литературы,— отстаивали лефовцы.

Подчеркивание Горьким фактичности очерка было в данном случае лишь внешним совпадением, которое не должно заслонять от нас глубокую разницу позиций лефовцев и А. М. Горького. В отличие от лефовцев Алексей Максимович высоко оценивал очерки И. С. Тургенева, Ги де Мопассана, Г. Успенского. Он поддерживал И. Жигу, защищал и отстаивал очерк как произведение самостоятельного художественного звучания, выступал против пренебрежения к нему со стороны некоторых критиков и писателей[81].

Однако в журнальной практике такая защита удавалась не всегда. В 1929—1930 гг., да и в последующие годы основной массив «Наших достижений» составляли очерки, написанные отнюдь не на уровне «Глиномаза» К. Горбунова. Требование главного редактора строить очерк на фактах зачастую понималось поверхностно, в плане внешней фиксации отдельных достижений.

Так, без должной глубины написаны многие очерки первого, в сущности показательного номера. Вот очерк из второго номера И. Гриневского «Мастера земли» о крестьянине Уткине. Уже судя по названию,

---

[80] С этой жанровой точки зрения «Наши достижения» и другие журналы Горького рассмотрены в книге М. Шумского «Горький и советский очерк» (М., «Советский писатель», 1962).

[81] Подробнее см. ст. С. Касторского «Горьковские традиции в советском очерке».— В кн.: «Горький и вопросы советской литературы». Л., «Советский писатель», 1956, стр. 207—212.

здесь есть о чем поговорить вдумчивому очеркисту. Но вот как характеризуется герой: «Он — маленький, но упорный и потому (!?) удачливый борец за усвоение крестьянином простейших мероприятий, которые значительно повышают сельскохозяйственную продукцию»[82]. Такого рода малосодержательные определения, кружение в общих фразах очень сильно снижали действенную силу многих очерков «Наших достижений».

Н. Анов в очерке «Днепрострой» (1930, № 3) все свое умение тратил не на описание людей стройки, а на то, чтобы разъяснить читателю, как строятся деревянные конструкции — ряжи. Этот исключительный интерес к технике и отсутствие интереса к человеку-строителю было, к сожалению, характерно не только для очерка Н. Анова.

Указания М. Горького о внимании к личности нового человека учитывались очеркистами «Наших достижений» далеко не всегда. Чаще всего очеркист рисовал массу строителей, суммарно передавая, как голоса рабочих перекрикивают ветер:

«— Раз! Разик!

— В гору!

— Эй!»[83]

К сожалению, это далеко не единственный пример забвения качества очеркистами того времени. Сотрудники Госиздата не стеснялись заявлять в предисловии к книге очерков: «Автор этих очерков... не является профессиональным писателем. Поэтому такого рода упреки в отсутствии, например, в его очерках ярких образов, каких-либо свежих литературных приемов и т. п. били бы мимо цели»[84]. В таких условиях защита высокохудожественного очерка была делом крайне трудным, но еще более необходимым.

И все же очерк все отчетливее приобретал в журнале «человековедческий аспект. Не отказываясь от «индустриального» очерка, в «Наших достижениях» (за годы 1932—1935) чаще публикуют очерк-портрет, рассказывающий о стахановцах и изобретателях, о командирах производства (В. Юрезанский. «Директор»), об отважных полярниках и эпроновцах (П. Сажин и Садовский. «Фотий Крылов»).

Стремление совершенствовать и углублять очерк без скидки на жанр благотворно сказалось на привлечении к журналу новых сил очеркистов. Это были молодые писатели: Т. Семушкин, Н. Атаров, Е. Босняцкий, А. Югов, Г. Адамов. С «Мещерским краем», «Судьбой Шарля Лонсевиля» («Онежский завод»), путевыми очерками выступил в «Наших достижениях» К. Паустовский.

Положительное значение имели предпринятые «Нашими достижениями» конкурсы на лучший очерк[85], широкие обсуждения задач и особенностей очеркового жанра, в частности, организация всесоюзного совещания по очерку весной 1934 г. Ценность совещания состояла в том, что к очерку накануне Первого съезда писателей было привлечено широкое внимание. А в выступлениях очеркистов, публиковавшихся «Литературной газетой» и «Нашими достижениями», было выражено справедливое недовольство описательным очерком, требование глубокого анализа характеров. Именно в этом духе высказались М. Кольцов, Л. Никулин, М. Пришвин и другие.

Лучшие очерки, появившиеся в «Наших достижениях» в последние годы их существования, такие, как «Наш друг Оваким Петросян» Н. За-

---

[82] «Наши достижения», 1929, № 2, стр. 62.
[83] «Наши достижения», 1930, № 2, стр. 18.
[84] «От редакции».— В кн.: К. Бородин-Нечунев. Город черной крови. М.— Л., Госиздат, 1930, стр. 3.
[85] Журнал провел такой конкурс в 1932 г.

рудина (1934, № 9), «Портрет мастера» М. Лоскутова (1936, № 5),— это скорее новеллы, созданные на основе реальных фактов. Такая эволюция очерка в журнале была замечена М. Горьким. Он настаивает на публикации в журнале талантливого и содержательного рассказа Вит. Василевского «Трое с «Товарища» (1936, № 2), радуется, «что молодежь наша учится писать так экономно и грамотно»[86].

Показательно также письмо М. Горького С. Прокофьевой в правление «Жургаза» (издательство, в котором выходил журнал). В нем Горький выступал в защиту «нового типа очерка, который справедливо пропагандировался редакцией,— документальной новеллы на 5—7 страницах. В таком очерке главное — не объем, а качество...».

Журнал предлагал читателю целый ряд очерков «хороших и разных». Об удивительной судьбе француза-парфюмера рассказывала А. Сбитнева в очерке «Шарль Сиу и Григорий Капалин», с человеком дерзкой научной мысли — профессором Федосеевым знакомил П. Скосырев («Дождь» — 1935, № 7). Уже не «Трудности строительства», а «Трудности любви» называет свою новеллу Л. Овалов (1935, № 8). С выдумкой, поэзией, живой, а не равнодушною рукою были написаны «Лирические очерки» Н. Зарудина (1935, № 12), «Конец Самсона Балоева» Н. Атарова (1936, № 4), «Люди семидесятых годов» Э. Миндлина (1936, № 5).

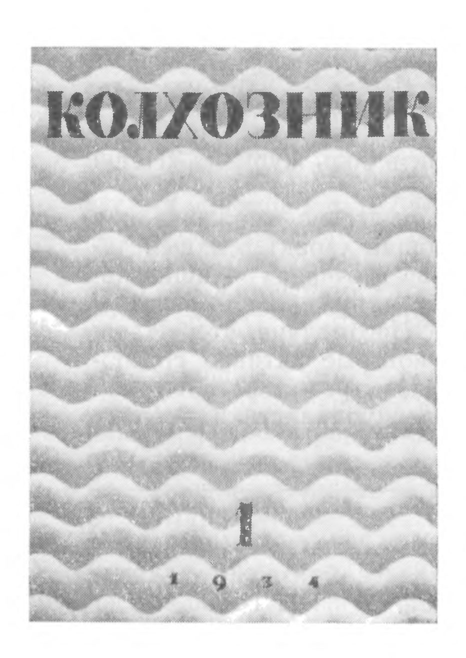
Появившийся с начала 1935 г. подзаголовок «Наших достижений» — «Ежемесячный иллюстрированный журнал художественного очерка» — действительно оправдал себя. Трудно переоценить роль журнала «Наши достижения» в развитии советского очерка.

Советская литература не прошла мимо и отчетливо выраженной в журнале борьбы А. М. Горького за утверждающий характер нашей литературы. Немалое значение имела и раскрытая в очерках «Наших достижений» мысль писателя о герое наших дней — труженике, о великом значении его труда, преобразующего природу. Несомненно, что «Наши достижения» были одним из тех журналов, которые активно способствовали утверждению метода социалистического реализма. Журнал был горьковским практическим университетом журналистики в эпоху первых пятилеток.

---

[86] «Наши достижения», 1936, № 7, стр. 5.

«Колхозник»

Среди журналов, задуманных М. Горьким и выходивших при его непосредственном участии, особая роль принадлежала литературно-политическому и научно-популярному ежемесячнику «Колхозник» (Москва, 1934—1939).

Собравшийся в январе 1933 г. в Москве Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) подвел итоги досрочного завершения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. В принятой резолюции пленум в частности отметил, что после разгрома кулачества были «подорваны корни капитализма в деревне, а колхозное хозяйство превратилось в прочную опору социалистического строительства» [1].

Поездки М. Горького по Стране Советов в 1928—1929 гг., его встречи и беседы с колхозниками, знакомство с письмами из деревни, поступавшими в редакцию «Колхозной газеты»,— все это было для великого писателя убедительным подтверждением огромных перемен в деревне за годы Советской власти, свидетельством глубоких сдвигов в самом сознании крестьянина, рождения новой сельской интеллигенции. Вывод этот был важен и для самого М. Горького, который в прошлом разделял ошибочные взгляды на русское крестьянство, склонен был преувеличивать его вековую отсталость, косность, слепую власть над ним частнособственнических инстинктов.

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7-е, ч. 2. Госполитиздат, 1953, стр. 721.

По признанию М. Горького, он, недооценивая роль «организованного в партию большевиков пролетариата» в отсталой аграрной стране, до покушения в 1918 г. эсеров на жизнь В. И. Ленина «не понял и не понимал» Великой Октябрьской социалистической революции»[2].

Вот почему М. Горький, находясь вдали от родины, в Италии, с таким жадным интересом и вниманием следил за политикой большевистской партии в деревне. В письме в редакцию «Крестьянской газеты» от 29 июня 1927 г. он писал: «Я думаю, что ни одно из «культурных» государств Европы не может похвастаться такой всесторонней и умной заботливостью о культурных нуждах крестьянства»[3]. Его волновали и радовали вести с родины об успехах культурной революции в деревне. В 1933 г., отвечая колхозникам артели «Мордовский труженик», М. Горький отметил: «Читая письма колхозников из разных областей огромной нашей страны о прекрасной правде новой жизни, создаваемой трудом батраков, бедняков, середняков, я иной раз чувствую себя так, точно в сказке живу»[4].

Весной 1934 г. у М. Горького родился замысел основать новый ежемесячный журнал для советской деревни. Еще в 1933 г., обращаясь к делегатам I Всесоюзного съезда колхозников-ударников, он говорил: «Вы успешно овладеваете наукой — могучим оружием, которое позволило капиталистам поработить весь мир трудового народа и которое ныне обращается против капиталистов, как вы знаете»[5]. Эта мысль была далее развита им на совещании редакторов политотдельских газет в редакции «Колхозной газеты» в августе 1933 г.: «По письмам колхозников мне кажется, что у них быстро растет большая жажда знаний и вообще требования на культуру, на ознакомление с культурой, с наукой»[6]. От внимания писателя не ускользнул и тот примечательный факт, что среди откликов на его статью «О языке», помещенную в «Правде» 18 марта 1934 г., было много писем и от колхозников. «Общий тон писем и круто деловая их начинка,— отметил М. Горький по этому поводу,— изобличает в авторах тугую настроенность к решению вопросов культуры, великую жажду культурной жизни»[7].

Каким же должен был стать задуманный М. Горьким журнал «Колхозник» и в чем он принципиально должен был отличаться от уже существовавших журналов для деревни? Конечно, и до начала выпуска «Колхозника» существовала разветвленная сеть периодических изданий — как центральных, так и периферийных,— обслуживающих культурные запросы сельского жителя. Так, наряду с партийными, политико-просветительными журналами вроде «Спутника коммуниста в деревне» (орган ЦК и МК ВКП(б)) или «Избы-читальни» (печатался в издательстве «Крестьянская газета») регулярно выходили тонкие общественно-политические иллюстрированные журналы типа «Крестьянки» (с 1922 г.), «Журнала крестьянской молодежи» (1925—1931, орган ЦК и МК ВЛКСМ) или ленинградской «Красной деревни». С мая 1934 г. «Колхозная газета» приступила к изданию журнала «Колхозный театр» (ему предшествовали «Деревенский театр», «Искусство массам» и «Самодеятельное искусство»). В том же издательстве в 1924—1933 гг. выходил в Москве пользовавшийся большой известностью веселый и ядовитый

---

[2] Письмо И. И. Скворцову-Степанову от 15 октября 1927 г.— «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы», изд. 2-е, дополн. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 282.

[3] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 30. М., Гослитиздат, стр. 27.

[4] М. Горький. Собр. соч., т. 27, стр. 87.

[5] Там же, стр. 15.

[6] Там же, стр. 69.

[7] Там же, стр. 87.

крестьянский журнал «Лапоть». Своеобразным откликом на него были родившиеся на периферии сатирические журналы для деревни: «Касимовский лапоть» (Касимов, 1924—1925), «Обуток» (Бийск, 1925—1926), и др. Из периодических изданий для деревни, популяризирующих в массах научные знания, М. Горький наиболее удачным считал журнал «Сам себе агроном»[8].

Значение этих и им подобных журналов трудно переоценить. Они хорошо знали своего читателя, учитывали его интересы и культурный уровень, умели говорить с ним простым, понятным языком. Их общей отличительной чертой была ориентация на газету. В них преобладали информационные материалы, репортажи с мест, короткие очерки о передовиках труда, помещались научные консультации по разным вопросам сельского хозяйства, письма читателей. Собственно литературно-художественный отдел занимал в этих журналах относительно мало места. В «Крестьянке», например, время от времени печатались стихотворения и небольшие рассказы. В «Красной деревне» только в 1934 г. редакция ввела стихотворный фельетон «Раешник бабки Татьяны», литературную страничку, учредила небольшой отдел литературных консультаций и стала публиковать аннотации на книги.

Несколько подробнее следует остановиться на журналах, призванных удовлетворить тягу деревни к художественной литературе. В декабре 1923 г. в виде бесплатного приложения к «Крестьянской газете» вышел первый номер красочного иллюстрированного «Крестьянского журнала», отпечатанный тиражом в 400 тысяч экземпляров. В 1923—1924 гг. в нем сотрудничали А. Неверов, С. Басов-Верхоянцев, Мих. Шошин, Вас. Лебедев-Кумач, П. Радимов, Петр Орешин и другие известные писатели. Кроме литературно-художественного, в «Крестьянском журнале», по примеру других изданий для деревни, были также традиционные отделы сельского хозяйства, науки и техники. В дальнейшем профиль «Крестьянского журнала» (с № 6 за 1930 г. он был переименован в «Колхозник») несколько изменился. Иными стали его формат и объем. Статьи на общественно-политические темы, очерки, информационный материал все более оттесняли на задний план литературно-художественный отдел. Тираж сократился до 31 тысячи экземпляров. Некоторое оживление принесло в журнал назначение с № 9-10 за 1931 г. его ответственным редактором поэта Михаила Исаковского. При нем, всемерно поддерживая и пропагандируя призыв — «ударники полей — в литературу», журнал начал широко предоставлять свои страницы для произведений начинающих колхозных авторов. Для них в каждом номере помещались литературные консультации, разборы достоинств и недостатков присланных в редакцию произведений. Писатели-профессионалы теперь были редкими гостями «Колхозника». «На первый взгляд,— вспоминает М. Исаковский,— может показаться, что такая установка правильна. В то время в деревне появилось множество людей, пробующих свои силы в литературе. Находить среди них талантливых, помогать им, воспитывать их — это было хорошее дело. Но в то же время строить журнал, пользуясь лишь творчеством начинающих писателей, было нелепо. В результате журнал получался слабым, неинтересным. Своих читателей он как бы ориентировал лишь на слабые произведения... Конечно, когда я редактировал «Колхозник», я не думал обо всем этом. Ошибочность позиции журнала «Колхозник» мне стала ясна несколько позже... Несмотря на все эти ошибки, я все же считаю, что какую-то пользу журнал «Колхозник» принес. Была польза и общекультурная, если можно так

---

[8] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 30, стр. 27 и 54.

сказать, и литературная»[9]. Специально вопросам литературной учебы начинающих крестьянских писателей был посвящен издававшийся ГИХЛом в 1930—1932 гг. журнал «Комбайн» — орган ЦК Союза сельскохозяйственных рабочих, Колхозцентра и Всероссийской организации пролетарско-колхозных писателей. Ответственный редактор — И. Батрак. Этот журнал поставил своей задачей «борьбу за культурную революцию в деревне, за новый быт и нового совхозно-колхозного писателя»[10]. «Комбайн», как оповещала редакция в объявлении о подписке на 1932 г., «в художественной форме, в рассказах, очерках, статьях и стихах знакомит с социалистическим строительством в городе и деревне», «помогает призывнику в литературу, начинающему писателю, селькору овладеть техникой писательского мастерства»[11]. Со своими произведениями в «Комбайне» выступили Джек Алтаузен, Перец Маркиш, П. Замойский и др. В 1931 г. в журнале были опубликованы интересные беседы о литературном мастерстве и о своем творчестве Демьяна Бедного (№ 6), П. Замойского (№ 7), А. Чапыгина (№ 9) и Михаила Исаковского (№ 11). Большое значение придавалось полиграфической культуре и художественному оформлению журнала. Печатался «Комбайн» тиражом в 50 тысяч экземпляров.

Чтобы закончить обзор периодических изданий для деревни, следует, пожалуй, упомянуть и о журналах, выпускавшихся на периферии. Это «Трактор» (1923) в Курске, «Колос» (1925—1926) в Свердловске, «Льняное поле» (1930—1931) в Пскове. Некоторые из них были литературно-художественными приложениями к местным газетам. Что же касается литературно-художественных журналов «Жернов» (1925—1928) в Москве и «Перелом» (1930—1932) в Ленинграде, принадлежавших Всероссийскому союзу крестьянских писателей, то отнести их к рассмотренному нами типу изданий вряд ли возможно. То же приходится сказать и о «Земле советской» (М.— Л., 1929—1932) — органе Российской организации пролетарско-крестьянских писателей.

Уже с самого начала М. Горькому было ясно, что «Колхозник» должен представлять собой совершенно новый тип издания, возможный лишь в результате победы коллективизации и успехов культурной революции в деревне. «Колхозник» должен быть первым толстым ежемесячным журналом для социалистической деревни, рассчитанным на *передового* читателя-колхозника и сельскую интеллигенцию. В этом и состоял первый отличительный признак «Колхозника» от других журналов, ориентировавшихся на всю массу колхозно-крестьянского читателя. В 1933 г. в статье «Что должен знать наш массовый читатель» М. Горький подчеркнул важность информации о выполнении плана социалистического строительства для политико-культурного воспитания трудящихся.

«Сейчас,— писал, он,— трудно говорить о том, в какие конкретные формы выльется такая информация: особый тип короткой яркой статьи, небольшой экономический очерк, литературный монтаж, историческая, литературная параллель, фактическая справка и т. п.— все это в окончательном виде может быть выработано только на практике»[12]. Информируя колхозного читателя о достижениях социалистического строительства, «Колхозник», по замыслу М. Горького, должен был играть роль своеобразной лаборатории, в которой отыскивались бы наиболее эффективные, доходчивые методы популяризации научных знаний для села, ибо успешное развитие социалистического сельского хозяйства невоз-

---

[9] Из письма автору статьи от 5 марта 1966 г.
[10] «Комбайн», 1930, № 1 (декабрь), стр. 3.
[11] «Комбайн», 1931, № 21 (ноябрь).
[12] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 27, стр. 39.

можно без знания и применения на практике всех новейших достижений научной и технической мысли. Таков был второй отличительный признак «Колхозника» как журнала.

Определяя цели нового журнала, М. Горький 22 июля 1934 г. поместил в «Правде» и «Известиях» специальную статью, перепечатанную 24 июля «Крестьянской газетой». По мысли М. Горького, в будущем «Колхознике» должны печататься рассказы о жизни крестьян и рабочих до Октября, очерки строительства социалистического государства. Первостепенное место отводилось науке. «Надо,— подчеркивал М. Горький,— чтоб колхозное крестьянство знало, что делает для него наука, которую в Союзе Советов двигает все большее количество детей трудового народа. Надо знать все, что можно знать, все, что способно вооружить наш разум для дальнейшего развития его силы, потому что только эта сила облегчает наш труд, только она с избытком дает трудящимся все, в чем они нуждаются, и сделает их довольными жизнью и не победимыми никакими врагами» [13]. Под заглавием «Письмо М. Горького» статья была размножена издательством «Крестьянская газета» тиражом в 300 тысяч экземпляров и разослана по всей стране. На оборотной стороне письма-листовки читателям предлагалось высказаться по существу предложений М. Горького и отослать ответ в адрес издательства.

Как и следовало ожидать, идея М. Горького об организации нового журнала для социалистической деревни нашла самый горячий отклик. Советы, пожелания и предложения будущих читателей очень помогли редакции в подготовке первых номеров «Колхозника». Подводя итоги предварительной работы редакции с читателями, С. Б. Урицкий (редактор журнала) 13 ноября 1934 г. вспоминал на обсуждении первого номера «Колхозника» работниками науки и литературы: «Алексей Максимович нас собирал, долго беседовал о типе журнала, настоятельно требовал, чтобы мы до выхода журнала собирали как можно больше откликов из деревни, чтобы деревня высказалась, какой ей нужен журнал... Теснейшая связь между газетой и массой — этот принцип был положен в основу журнала» [14].

Не удивительно, что будущие подписчики «Колхозника» представляли себе журнал по-разному, столь же неодинаковыми были и их интересы. Так, например, колхозники Березовского сельсовета Прохоровского района в коллективном письме просили «освещать на страницах журнала больше жизнь и быт женщины в старой царской деревне, жизнь колхозницы в настоящем... Периодически освещать вопросы международного порядка, задачи оборонной работы в деревне, колхозе» [15]. Молодого читателя из Горьковского края, напротив, больше интересовало, будет ли «Колхозник» печатать классиков и будет ли в нем «Окно сатиры». В. Бахбин из Курской области настоятельно советовал: «Особенно необходимо осветить в журнале больше жизнь и работу знатных людей страны... Хорошо бы если редакция «Колхозника» оказала бы большую помощь молодежи в писании отдельных рассказов о своей работе в колхозе» [16]. Колхозник-комсомолец В. Кувалдин из Челябинской области обращался к М. Горькому: «Прошу вас писать поинтересней да еще с применением юмора и сатиры... Напишите рассказ, как лучшие конюхи колхозов борются за сохранность лошадей. Как пионеры берегут жеребят» [17]. Ударники рыболовецкого колхоза с Украины очень хотели

---

[13] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 27, стр. 282.
[14] Цит. по стенограмме. ЦГАОР, ф. 631, оп. 1, ед. хр. 50, л. 4.
[15] Архив А. М. Горького, КГ-изд. 28-13-32.
[16] Там же, КГ-изд. 28-13-28.
[17] Там же, КГ-изд. 28-13-24.

бы прочитать в журнале статью М. Горького о задачах рыбного хозяйства [18]. «Наша глубокая просьба,— говорилось еще в одном письме,— печатать рассказы о жизни крестьян и рабочих в прошлом в разрезе отдельных национальных республик» [19]. В другом письме содержался совет редакции «собрать стариков-колхозников, помнящих крепостное право, и привезти в Москву для рассказа о прошлом» [20]. Колхозники-таджики просили М. Горького переводить журнал и на их родной язык. Коллективное письмо-просьбу подписали 166 колхозников и 19 кишлачных активистов [21]. А письма все шли и шли...

М. Горький позаботился о том, чтобы в состав редакции «Колхозника» вошли люди, обладающие большим опытом работы, организационным талантом, любящие свое дело. Главный редактор «Колхозника», журналист С. Б. Урицкий, старый член партии, с 1925 по 1938 г. был также бессменным главным редактором «Крестьянской газеты». Литературно-художественный отдел М. Горький как ответственный редактор поручил В. Я. Зазубрину — одному из основателей и руководителей (1926—1928) Союза сибирских писателей, до 1928 г. секретарю редакции журнала «Сибирские огни». Несколько позже в этот отдел пришли поэт В. Ф. Наседкин и литературный критик Н. И. Замошкин. Первый ведал в журнале поэзией, а второй занимался преимущественно литературным редактированием поступавших рукописей. По рекомендации В. Я. Зазубрина заведующим литературной консультацией «Колхозника» был приглашен писатель А. П. Шугаев. Впоследствии он заменил В. Я. Зазубрина на посту литературного редактора. Очень ответственный научно-популярный отдел взял на себя член президиума и вице-президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина профессор М. И. Бурский. Художественным редактором «Колхозника» был назначен И. Л. Лившиц. Секретарем редакции была Е. З. Крючкова. Писатель Виктор Важдаев рассказывает: «Атмосфера труда была в редакции. И не просто труда, а именно в самом хорошем смысле слова интеллигентского труда, умственного, со вкусом, с удовольствием» [22].

Первый номер «Колхозника» вышел в свет в издательстве «Крестьянская газета» с некоторым опозданием — не в сентябре, как вначале намечалось, а в октябре 1934 г., тиражом в 50 тысяч экземпляров [23]. Позже тираж его возрос и, по сведениям издательства, к январю 1935 г. общее число подписчиков составляло уже 80 322 человека. 7 ноября 1934 г. со статьей «Жить в колхозе культурно» в газете «Большевистский Дон» выступил М. А. Шолохов. Он выразил уверенность, что новый ежемесячный журнал «станет наиболее популярным среди колхозников» и предложил организовать на него массовую подписку [24].

В Архиве А. М. Горького сохранились материалы, показывающие, с какой тщательностью отбирал великий писатель рукописи для первого номера «Колхозника». «Я решительно против «снисходительных» оценок произведений граждан литераторов, не способных понять, что первый журнал для колхозников должен дать отличный и серьезный мате-

---

[18] Там же, КГ-изд. 28-13-33.
[19] Там же, КГ-изд. 28-13-30.
[20] Там же, КГ-изд. 28-13-22.
[21] Там же, КГ-изд. 28-13-27.
[22] Из письма автору статьи от 3 марта 1966 г.
[23] В связи с техническими затруднениями и нарушением редакционного графика сдачи готовых материалов в 1934 г. третий (декабрьский) номер «Колхозника» не выходил.
[24] Михаил Шолохов Собр. соч. в восьми томах, т. 8. М., Гослитиздат, 1960, стр. 116.

риал»,— писал он В. Я. Зазубрину[25]. Для первого номера им были забракованы рукописи рассказов Л. Сейфуллиной «Решение», Л. Саянского «Кубышка», О. Гюль «Путь Джафара», Глеба Алексеева «Старость». Часть их поступила из редакционного портфеля, прекратившегося в 1934 г. на первом номере журнала «Великий перелом» (ответственный редактор В. Ставский). Лидия Сейфуллина, признавшая справедливой критику ее рассказа М. Горьким, вспоминала, что была поражена «колоссальной работой» ответственного редактора журнала над ее рукописью[26].

Но особую заботу М. Горького вызывал научно-популярный отдел. После самого строгого отбора в первом номере были помещены очерк М. Ильина «Разговор о природе. Из книги «Перестройка природы», статья академика А. Иоффе «Новые пути в сельском хозяйстве» об использовании достижений науки для повышения урожайности, и опытника Трофима Мальцева «Цезиум 0111 в колхозе «Заветы Ильича» о новом сорте пшеницы.

Журнал в голубой обложке поступил в продажу. В небольшом помещении редакции «Колхозника», расположенном на первом этаже здания «Крестьянской газеты» на Воздвиженке (теперь Проспект Калинина), ожидали отзывов. Одними из первых откликнулись колхозники-опытники, собравшиеся из разных мест Союза на совещание в Москве. Они написали М. Горькому: «На нашем совещании мы обсудили и содержание журнала «Колхозник». Да не только содержание, но и рисунки, но и обложку, все, вплоть до того, как и чем сшиты листы книжек журнала. Журнал нам очень понравился... Спасибо наше «Крестьянской газете» за издание этого журнала и большое, большое спасибо тебе, Алексей Максимович, что и ты принял близкое и живое участие в нашем журнале, что и ты будишь в нас святую ненависть к темному прошлому и заставляешь еще больше любить и ценить наше светлое настоящее»[27].

Между тем сам М. Горький считал, что «Колхозник» еще не отвечает полностью своему назначению[28]. «Увлекаться хвалебными рецензиями на первую книжку — не следует,— предостерегал он В. Я. Зазубрина в письме от 20 ноября 1934 г.—...Возможно, что хвалебный тон рецензий объясняется еще и тем, что в журнале сотрудничает Горький, человек уже как бы не подлежащий критике, но вполне и давно достойный некролога. Это я — шучу»[29].

Обдумывая самый тип ежемесячника, в котором беллетристика находилась бы в органической связи с научно-популярными статьями, М. Горький, несомненно, вспоминал популярный в демократических кругах интеллигенции «Журнал для всех», который издавал в 1898—1906 гг. в Петербурге В. С. Миролюбов. Этот журнал, во-первых, ориентировался на первоклассный литературный материал, публиковал произведения наиболее известных тогда в России писателей и ученых-популяризаторов. Во-вторых, «Журнал для всех», популяризируя научные достижения, совершенно отказался от «особого» языка, на котором якобы только и можно говорить с массовым читателем,— языка копеечных общеобразовательных брошюр. И, наконец, в-третьих, «Журнал для всех» ставил перед собой задачу воспитывать художественный вкус массового демократического читателя, приобщать его к искусству. С этой целью в жур-

---

[25] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2. М., «Наука», 1965, стр. 402.
[26] «Литературная газета», 20 февраля 1935 г.
[27] Архив А. М. Горького, КГ-изд. 28-13-26.
[28] Письмо В. Я. Зазубрину до 21 октября 1934 г.— «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 391.
[29] Там же, стр. 402—403.

нале помещались репродукции с картин русских и зарубежных художников прошлого и настоящего, снабженные соответствующими пояснениями. Но, разумеется, говорить об использовании «Колхозником» опыта дореволюционного журнала можно было с большими оговорками. Нисколько не снижая высоких требований к литературно-художественному отделу, М. Горький, особенно на первых порах, отводил ведущую роль в «Колхознике» научно-популярному отделу, так как именно в нем с наибольшей полнотой раскрывался замысел всего издания. Именно этот отдел, прославлявший творческий, созидательный труд советского народа, высокую поэзию научных открытий, вносил в журнал характерную романтическую приподнятость и крупномасштабность. Перспективный план научно-популярного отдела журнала неоднократно служил предметом оживленного обмена мнениями Горького с учеными и членами редакции. Он был противником как поверхностной популяризации, так и уместных в специальных изданиях статей по отдельным вопросам технологии производства. Для «Колхозника» Горький подыскивал особый вид научно-популярных статей, в которых бы строгая научность, без какого-либо упрощенчества, сочеталась с живой беллетризированной формой изложения. Эти статьи должны были не только обогащать читателя новыми данными об успехах науки и техники, но прежде всего научить его думать, мечтать. В своей совокупности научно-популярные статьи на разные темы призваны были «дать картину работы человечества по созданию второй природы, организованной и организуемой его волей, его разумом»[30]. В этом отношении примечательна острая полемика М. Горького с редактором научного отдела М. И. Бурским. Предложенный им перспективный план отдела не удовлетворил его по той причине, что при обилии разных тем он не давал, по словам М. Горького, основного — «определения стремлений и целей каждой научной дисциплины», не показывал их взаимной связи[31]. Очень внимательно, с карандашом в руках М. Горький прочитал стенограмму выступлений крупных ученых Б. М. Завадовского, Б. И. Лаврентьева, А. С. Серебровского о методах популяризации научных знаний на обсуждении первого номера «Колхозника» и редакционного плана на 1935 год. В письме к А. С. Серебровскому он дал высокую оценку статье ученого «Беседы о науке»[32]: «Это как раз то, что — по моему мнению — нужно для «Колхозника». Возбуждение в среде людей физического труда внимания к высшим достижениям интеллектуальной энергии»[33]. Заметим попутно, что те же требования М. Горький предъявлял и к публиковавшимся в журнале художественным произведениям. «Мы должны,— обращался он к В. Я. Зазубрину,— показывать и подчеркивать героизм интеллектуальный, т. е.: факты высоких напряжений физической энергии людей, освещаемые сознанием социально-революционного смысла и значения этих фактов»[34].

Благодаря неустанным заботам М. Горького редакции удалось привлечь к участию в «Колхознике» выдающихся советских ученых, специалистов по разным областям знаний. Вот только некоторые из статей, помещенные в научно-популярном отделе в 1935—1936 гг.: К. Д. Баев. «Земля и ее место во Вселенной» (1935, № 5), М. Гольдин. «Борьба с вредителями сельского хозяйства» (1935, № 2), В. Дорфман. «Что такое биология» (1935, № 1), «Воздействие на развитие растений» (1935,

---

[30] Письмо П. П. Крючкову от ноября 1934 г.— «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 406.
[31] Письмо В. Я. Зазубрину от 20 ноября 1934 г.— Там же, стр. 403.
[32] Напечатана в «Колхознике», 1935, № 1.
[33] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 404.
[34] Там же, стр. 402.

№ 3), Б. Завадовский. «Живая природа в руках человека» (1935, № 2), П. Мантейфель. «О звероводстве» (1935, № 8), В. Никольский. «Происхождение и развитие брака и семьи» (1936, № 11).

Определяющим признаком этих статей была их энциклопедичность. Они вводили читателя в ту или иную область науки, давали обзор ее новейших достижений, не перегружая память излишним фактическим и цифровым материалом. Как можно заключить по редакторской правке М. Горького, сохранившейся на рукописях этих статей, и по его замечаниям, он считал важным всякий раз отмечать роль науки в общественной жизни. Так, например, статью Б. Завадовского «Живая природа в руках человека» М. Горький дополнил абзацем, в котором указал на принципиально различное отношение к науке в социалистическом и капиталистическом обществах. «Никогда еще, ни в одной стране власть не ставила целью своей ознакомить с достижениями науки всю массу трудового народа и открыть дорогу к науке для каждого рабочего и крестьянина, как это делается у нас»[35]. Внося стилистическую правку в статью К. Баева «Земля и ее место во Вселенной», М. Горький в примечании на полях к тому месту статьи, где автор рассказывал о яростной борьбе церковников за учение о неподвижности Земли и ее центральном положении во Вселенной, просил автора отметить «социальные мотивы церковной мысли»: иерархическую структуру организации церкви[36]. Статью он предложил закончить мыслью о том, «что право и возможность изучать строение мира, тайны жизни первый раз за всю историю человечества отвоеваны пролет[ариатом] С. С. С. Республик»[37]. Подобные концовки он считал необходимыми для каждой научной статьи в «Колхознике».

О том, что этот вид научно-популярных статей был определен правильно и что он достигал цели, свидетельствовали письма читателей. Счетовод колхоза «Высокий» Ленинградской области, бывший сельский учитель А. С. Тихонов в письме С. Б. Урицкому писал, что статья А. С. Серебровского «Беседы о науке» открыла глаза грамотным колхозникам. «В колхозе,— продолжал он,— ценным является человек, обладающий знаниями: знать и уметь — самое ценное и в человеческой жизни...». А. С. Тихонов просил ответственного редактора «разрешить проф. Серебровскому еще больше занимать места в журнале «Колхозник», а «уважаемых товарищей профессоров других специальностей помещать свои труды научные в журнале «Колхозник» и не стеснять их местом»[38].

Роль научно-популярных статей в журнале тем более возрастала, что содержащиеся в них сведения не только расширяли кругозор читателя-колхозника, но и подводили его самого к каким-то практическим выводам. Так, в 1935 г. редакция получила письмо инструктора АТЗ Западно-Сибирского края А. Л. Шаповалова. Статья В. Дорфмана «Что такое биология», излагающая историю происхождения жизни на Земле и затрагивающая проблему биологической наследственности, натолкнула корреспондента на ряд практических соображений об опытничестве в области животноводства, которыми он делился с редакцией журнала[39].

Но, пожалуй, еще более доходчивым был практиковавшийся с самого начала существования «Колхозника» жанр статей-очерков. Такой была биография И. В. Мичурина «Мастер земли» М. Никитина (1934, № 2). Статья-очерк, популярно излагавшая основы мичуринского учения, вос-

---

[35] «Колхозник», 1935, № 2, стр. 107.
[36] Архив А. М. Горького, Рав-пГ, 5-2-1.
[37] Там же.
[38] Архив А. М. Горького, КГ-изд. 28-13-41.
[39] Там же, КГ-изд 28-13-43.

создавала облик замечательного естествоиспытателя. «Эта статья,— сообщала редакции учительница из Красноярского края М. Гаврилова,— произвела на наших колхозников огромное впечатление, и мы, прочитав о трудах И. В. Мичурина, думаем попытаться насадить фруктовый сад и ягодник-малинник»[40]. Отлично знавший секреты писательского мастерства, Горький иногда подсказывал авторам «возможность особого приема, посредством коего наши герои, наши знатные люди могут быть изображены более ярко, с большим пафосом... Изображение нашего человека так, как он того заслуживает, должно быть повышено в тоне и красках»[41]. Процитированные строки взяты из предисловия Горького к очерку поэта Д. Семеновского «Страна плодородия» об ивановском садоводе Федоре Самцове.

В «Колхознике» можно выделить целую группу очерков, которые были связующим звеном между научно-популярным и беллетристическим отделами. Это очерки В. Важдаева «Белужий промысел» (1935, № 6), В. Дюбина «Кубанские плавни» (1935, № 1), Ф. Малова «Возрождение холмогорки» (1936, № 3), Петра Скосырева «Рассказ о связи» (1936, № 8—9) и другие.

Здесь следует отметить, что «Колхозник», «Наши достижения» и «За рубежом» были составными частями единого замысла М. Горького и дополняли друг друга. «Наши достижения» были летописью строительства социализма в Советском Союзе. Центральное место в этом горьковском журнале занимал насыщенный фактами очерк, хроникальный репортаж. «За рубежом» знакомил современного советского читателя с миром капитала, противопоставлял последний советской действительности. Отсюда, естественно, иная форма подачи материала: публицистическая статья-памфлет, злободневный фельетон на международную тему, монтажи цитат из буржуазной прессы. «Колхозник», оставаясь прежде всего популяризатором научных знаний, давал целостную картину жизни крестьянства как в Советском Союзе, так и за рубежом, события в политической жизни страны соотносил с обзором жизни трудящихся в капиталистических государствах. На практике это приводило к большей свободе в выборе формы подачи материала, к «смешению жанров». И, наконец, если первые два журнала по природе своей были публицистичны и потому обращены к газете, к сегодняшнему дню, то «Колхозник», как журнал ежемесячный, давал статьи на политические и международные темы более обобщенного характера.

С «Нашими достижениями» журнал для социалистической деревни сближали такие публиковавшиеся в нем очерки, как «Челябинский тракторный завод» и «Рождение бумаги» М. Борисоглебского (1935, № 5 и 11), «Шарикоподшипник» Виктора Важдаева (1935, № 12), «Знатные ткачи» С. Энгеля (1935, № 4) и цикл географически-экономических очерков о союзных республиках: о Киргизии — «Горячее озеро» С. Борисова (1936, № 8-9), «Страна казахов» Виктора Важдаева (1936, № 4), «Карелия» и «БССР» В. Колесникова (1936, № 11 и 1935, № 5), о Туркмении — «Страна песков» Петра Скосырева (1936, № 7), об Абхазии — «Страна Апасны» А. Симукова (1936, № 6). К этому перечню нужно добавить очерки И. Жиги «Донбасс» (1935, № 10), С. Свиридова «Беломорско-Балтийский канал» (1935, № 3).

С журналом «За рубежом» сближали «Колхозник» обзорные статьи о тяжелом положении крестьянства в капиталистических странах — Румынии и Бессарабии (1936, № 4), Германии (1936, № 6), Японии (1935, № 7) и другие. Журнал обличал колониальную политику импе-

---

[40] Там же, КГ-изд 28-13-31.
[41] «Колхозник», 1935, № 8, стр. 9.

риалистов, разоблачал их приготовления к новой мировой войне. Иллюстрациями к статьям на политические темы были дававшиеся в отрывках или полностью художественные произведения зарубежных авторов — Э. Колдуэлла, Л. Корриса, Ш. Стебера, Л. Фейхтвангера, П. Вайяна-Кутюрье и других. «Колхозник» регулярно знакомил читателей с передовиками труда, время от времени печатал сжатую информацию о новостях техники, изобретениях.

Менее других удовлетворял М. Горького литературно-художественный отдел. В письме к С. Б. Урицкому от 23 ноября 1934 г. он настаивал: «Нам следует крепко усвоить основной принцип журнала: он должен давать колхозам не крохи со стола богатого Лазаря, не интеллигентскую «милостыню внимания», а — по возможности — солидный литературный материал, который учил бы людей не только думать, но и правильно, точно излагать свои мысли, избегать болтовни»[42]. Чтобы поддержать журнал на то время, пока редакция будет занята делом объединения вокруг него писательского актива, М. Горький напечатал в «Колхознике» свои рассказы о старой и новой деревне: «Шорник и пожар» (1934, № 1), «Экзекуция» (1935, № 1), «Орел» (1935, № 2) и «Бык» (1935, № 3). Несколько позже был опубликован его пятый рассказ «Бабы» (1936, № 3). С предложением о сотрудничестве в «Колхознике» 20 июня 1934 г. М. Горький обратился к высокоценимому им М. М. Пришвину[43]. В письмах к писателям он не уставал повторять: «Читателям журнала «Колхозник» мы хотели бы давать вещи простые, ясные и — возбуждающие воображение» (А. П. Чапыгину от 10 октября 1934 г.)[44]. «Нам нужен материал фактов, фабул, коллизий — простой, ясный, житейский материал, который знакомил бы с прошлым, показывал настоящее» (С. Бондарину в конце 1935 г.)[45]. Исключительная требовательность М. Горького к литературно-художественному отделу объяснялась не только тем, что М. Горький как ответственный редактор хотел публиковать в журнале только «солидный литературный материал». Четко определив задачи журнала, М. Горький постоянно заботился о том, чтобы не нарушалось внутреннее соотношение между его отделами. Уникальность «Колхозника» как раз и заключалась в том, что печатание беллетристических произведений не делало его литературно-художественным журналом в прямом понимании слова, как не превращала его в научно-популярное периодическое издание публикация статей на научные темы или географическо-экономических очерков. И то, и другое мыслилось Горьким в неразрывном единстве. Потому не случайно в «Колхознике» при Горьком мы не найдем некоторых разделов, традиционных для любого литературно-художественного журнала. В нем не представлены литературная критика и библиография. В 1934 г., получив рецензию Д. И. Заславского на альбом карикатур художников «Крестьянской газеты», М. Горький написал в отзыве: «Вообще от рецензий на книги — воздерживаться, допуская лишь в случаях, *исключительно* важных для колхозов»[46]. Столь же не случайным было предпочтение, оказываемое им произведениям смешанного жанра (рассказ-очерк, очерк-статья). Вообще же литературно-художественный отдел «Колхозника» формировался уже в процессе выпуска журнала. Достаточно сказать, что в первых четырех запланированных номерах «Колхозника» не было ни одного стихотворения. Только после жалобы литературного редактора, что «деревня просит

---

[42] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 402.

[43] С. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 30, стр. 351.

[44] Там же, стр. 363.

[45] Цит. по кн.: А. Шумский. Горький и советский очерк. М., «Советский писатель», 1962, стр. 220.

[46] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 386.

песен и стихов»[17], М. Горький предложил В. Я. Зазубрину напечатать одно из стихотворений поэта А. Чуркина из присланных ему на просмотр А. П. Чапыгиным[48]. В «Колхознике», впрочем, это стихотворение так и не появилось. Это не означало, конечно, что М. Горький был против публикации в журнале поэтических произведений. «Кажется, самым первым стихотворением, которое я дал в «Колхозник»,— рассказывает Михаил Исаковский,— было стихотворение-песня «Любушка»[49]. Стихотворение было принято. Но, по-видимому, Алексей Максимович посоветовал (сама редакция этого никогда не делала), чтобы на текст «Любушки» была написана музыка, чтобы стихи были напечатаны вместе с нотами. Так это и было сделано. Стихи появились с нотами (музыка И. Шишова), хотя одну строфу пришлось выбросить, т. к. для пения она оказалась лишней... В «Колхознике» же было напечатано мое стихотворение о кулаке. У меня оно называлось «Ненависть». Алексею Максимовичу это название почему-то не понравилось. И по его указанию стихотворение в журнале было напечатано под названием «Кулаку». (Сейчас я печатаю это стихотворение под названием «Враг»)[50].

Вообще же нужно отметить, что М. Горькому не удалось объединить вокруг беллетристического отдела «Колхозника» широко известных советских писателей, давно писавших о деревне (Л. Сейфуллину, М. Пришвина и др.), поскольку они, по его мнению, все же не смогли в должной мере уяснить те новые задачи, которые ставил Горький перед «Колхозником». Отсюда понятно обращение Горького к молодым, начинающим писателям, творческая индивидуальность которых только еще определялась. В 1934—1936 гг. при жизни М. Горького в литературно-художественном отделе «Колхозника» печатались писатели: В. Арамилев, В. Важдаев, В. Гроссман, Матэ Залка, М. Кравков, С. Крушинский, М. Ошаров, Л. Соловьев, Н. Чертова, Б. Шергин, Г. Шторм, поэты: С. Васильев, М. Голодный, М. Исаковский, А. Коваленков, А. Прокофьев, А. Сурков, А. Чуркин и другие. При всем разнообразии художественных произведений о дореволюционной и советской деревне, опубликованных в «Колхознике», чаще всего они являются литературной обработкой фольклора, или очень близки к нему. Так же не случайно многие печатавшиеся в «Колхознике» стихотворения имели подзаголовок «песня». Беллетристика, таким образом, подводила читателя к творчеству самого народа. Так, например, в талантливом рассказе Н. Чертовой «Черный орел» (1934, № 1) центральное место отведено крестьянке-вопленнице Авдотье Нужде, выражавшей в своих причитаниях скорбь нищей и голодной дореволюционной деревни. По совету М. Горького писательница переработала свой рассказ в повесть «Разрыв-трава» (1939), в которой Авдотья Нужда поет «отходную» старому миру, сметенному Октябрьской революцией. В «Колхознике» большое значение придавалось популяризации фольклора и прикладного искусства народов Советского Союза. Из номера в номер публиковались сказки Абхазии (1936, № 6), Белоруссии (1936, № 5), Дагестана (1936, № 10), Карелии (1936, № 11), Туркмении (1936, № 7), помещались в переводах на русский язык отрывки из казахского эпоса «Ер-Саин» (1936, № 4), «Калевалы» (1936, № 11), марийские и ойротские народные песни (1935, № 8 и 1936, № 12). Печатались и научно-исследовательские статьи по вопросам фольклора[51].

---

[47] Там же, стр. 389.

[48] Там же, стр. 390.

[49] Первым стихотворением М. Исаковского в «Колхознике» было «Ты по стране идешь...» (1935, № 11). «Любушка» напечатана в № 5 за 1936 г.

[50] Из письма автору статьи от 5 марта 1966 г.

[51] Ю. Соколов. Песни и рассказы колхозной деревни («Колхозник», 1935, № 2). Николай Соболевский. Народное творчество («Колхозник», 1937, № 1) и др.

М. Горький настоятельно рекомендовал редакции «Колхозника» чаще знакомить читателей с литературой братских социалистических республик. И на страницах журнала появляются имена Янки Купалы, Якуба Коласа, Переца Маркиша, Ш. Сослани, Сулеймана Стальского, Алы Токомбаева, М. Батыра. Советская литература представала перед колхозным читателем во всем ее многонациональном богатстве и своеобразии.

Знакомил журнал и с лучшими образцами русской и зарубежной классики («Песня о рубашке» Томаса Гуда в переводе Эд. Багрицкого, отрывки из поэмы Д. Байрона «Дон Жуан», «Силезские ткачи» Генриха Гейне, рассказ Марка Твена «Как я редактировал сельскохозяйственную газету», «К людям Англии» П. Шелли). Русская классика была представлена М. Е. Салтыковым-Щедриным («Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» и др.), Н. А. Лесковым («Тупейный художник»), Н. А. Некрасовым (отрывки из стихотворений и поэмы «Кому на Руси жить хорошо»). Гл. Успенским («Неизлечимый»). Весь второй номер за 1937 г. был посвящен столетию со дня смерти А. С. Пушкина. Добрую половину его занимала перепечатка произведений великого поэта. Часто обращался журнал и к классике народов СССР (Тарас Шевченко, Коста Хетагуров, Шота Руставели).

Редакция постоянно заботилась о том, чтобы все материалы отдельного номера были по возможности подчинены какой-либо одной сквозной теме. По той же причине совершенно не допускалось печатание художественных произведений с продолжением в следующих номерах. Так, второй номер «Колхозника» за 1935 г. был задуман как «оборонный» и выпущен к годовщине Красной Армии. Часть тиража его была распространена по воинским частям для красноармейцев-колхозников. Собранный для номера материал по обыкновению прошел строгий и придирчивый отбор ответственного редактора. М. Горький возразил против повторного опубликования уже появлявшегося ранее в печати отрывка из повести А. Тарасова-Родионова «Гибель барона». Он отклонил очерк В. Дюбина «Враг у ворот» об обороне Екатеринодара: «Это плохо. Для газеты»[52]. Не принял рассказа П. Саломатина «В гостях» на современную тему: «Это — сладко. Особенно — в начале. Нужно показать старину больше. И — строгость дисциплины показать»[53]. По поводу некоторых материалов М. Горький предложил проконсультироваться с И. И. Минцем — тогда членом редколлегии «Истории гражданской войны». Связь с армией «Колхозник» поддерживал и в дальнейшем. В мае 1935 г. в редакции состоялась дружеская встреча писателей с группой красноармейцев-колхозников[54]. Не меньше труда и заботы было вложено в подготовку шестого номера «Колхозника» за 1935 г., посвященного национальному вопросу. Мартовский (третий) номер за 1936 г., составленный по плану Горького, был приурочен к Международному женскому дню[55]. Следующий (четвертый) номер был «казахским». В его составлении активное участие принимал В. Важдаев, специально ездивший по командировке Горького в Казахстан. Весной 1936 г. Горький предложил редакции подобрать материалы о «загубленных талантах» при царизме. Это пожелание редакция выполнила в первом номере «Колхозника» за 1937 г.

Первый номер журнала за 1939 г. был посвящен 15-летию со дня смерти основателя Советского государства В. И. Ленина. Традиция выпускать тематические номера удержалась и после смерти М. Горького.

---

[52] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 401.

[53] Там же.

[54] «Правда», 14 мая 1935 г.

[55] Письмо В. Я. Зазубрину от 1 января 1936 г.— «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 424—425.

Заслуживает внимания желание редакции «Колхозника» знакомить с основным содержанием журнала не только русского читателя. В 1936 г. в Чебоксарах был издан альманах, целиком составленный из переведенных на чувашский язык лучших рассказов и научно-популярных очерков, напечатанных журналом в 1935 г. В том же 1936 г. велась подготовка специального алтайского номера «Колхозника».

Заботы М. Горького распространялись не только на содержание, но и на внешнее оформление «Колхозника». Его серьезные нарекания часто вызывали иллюстрации к отдельным рассказам и статьям. «Категорически требую: иллюстрации в журнале должны быть строго просты и ясны, иначе — академичны»[56],— писал он в начале декабря 1934 г. В. Я. Зазубрину по поводу второго номера «Колхозника» за 1934 г. На одном из редакционных собраний он пояснил, что иллюстративный материал «доходит быстрее слова, оседает в памяти крепче»[57]. Потому Горький был нетерпим ко всяким отступлениям художников от жизненной правды. В одном из писем в редакцию он настаивал, чтобы красочные вкладки (в каждом номере их давалось две) — репродукции с картин известных художников — обязательно снабжались необходимыми пояснениями: «Отбор вкладок нужно делать более тщательно и не ограничиваясь только русской живописью»[58]. По его требованию тематика вкладок была значительно расширена. Кроме репродукций с картин отечественных художников (А. Корзухина, В. Серова, А. Васнецова, П. Соколова-Скаля, А. Герасимова и др.). журнал начал пропагандировать лучшие образцы западноевропейской живописи. В первом номере за 1936 г., например, воспроизведена картина неизвестного голландского мастера школы П. Брейгеля «Зима» с пояснительной заметкой искусствоведа В. Алпатова.

Об огромной неутомимой работе М. Горького как ответственного редактора «Колхозника» рассказывают хранящиеся в архиве великого писателя рукописи разных авторов, густо покрытые горьковскими пометками и снабженные его рецензиями. По подсчетам работника редакции Н. И. Замошкина, «за два года работы в «Колхознике» Горький одобрил и отредактировал 197 рукописей самого разнообразного содержания и за этот же срок отклонил 96 рукописей, предварительно разобрав их недостатки»[59]. Письма М. Горького в редакцию «Колхозника» и авторам — это великолепная школа литературного мастерства и требовательности[60].

В рецензиях на первый номер горьковского «Колхозника» отмечалось, что основание этого журнала открыло собою новую страницу в советской журналистике. «До недавнего времени,— заявляла газета «Социалистическое земледелие»,— многие литераторы и издатели с завидным упорством придерживались правила: для деревни нужно писать «особым языком», печатать для нее надо «попроще». Это порождало много халтуры»[61]. В развернутой рецензии в «Правде» выражалась надежда, что «Колхозник» «всем своим видом и содержанием окажет большое влияние на журналы и газеты, предназначенные для села, подтянет их, заставит подравняться по «Колхознику»... Такой журнал не мог бы даже и замышляться несколько лет тому назад без предварительных побед пятилетки, без побед коллективизации»[62].

---

[56] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 407.
[57] «Правда», 16 декабря 1936 г.
[58] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 337.
[59] «Колхозник», 1937, № 6, стр. 106.
[60] См. статьи: А. Шугаев. Горький — редактор «Колхозника».— «Литературная газета», 15 июня 1946 г. В. Дюбин. Горький — редактор.— «Днестр», 1960, № 12.
[61] «Социалистическое земледелие», 23 октября 1934 г.
[62] «Правда», 17 ноября 1934 г.

С «Колхозником» связано и другое, к сожалению, оставшееся неосуществленным, начинание М. Горького — «История деревни», которая должна была дополнить собою «Историю фабрик и заводов». Общий план издания был изложен М. Горьким в статье «История деревни», помещенной 21 февраля 1935 г. в «Литературной газете» и 25 февраля 1935 г. в «Правде». По этому плану предполагалось за несколько лет выпустить в свет большими тиражами свыше ста книг по четырем тематическим сериям — общеисторической, истории деревни отдельных районов и республик СССР, истории зарубежной деревни и — предназначенной для массового читателя — библиотеки избранных произведений художественной литературы о деревне. Первоначально эта библиотека мыслилась в виде литературного приложения к «Колхознику». В 1934 г. в заочной «Беседе» с колхозниками, приславшими письма в «Крестьянскую газету», М. Горький сообщил, «что редакция этого журнала предполагает издавать для колхозников небольшими книжками лучшие рассказы дореволюционных и наших советских литераторов. Первые покажут вам, как жила деревня в старину, а вторые — как живет она в наши великие дни»[63]. Несколько раз коренным образом пересматривавшийся и перерабатывавшийся по указаниям М. Горького план «Библиотеки «Колхозника» в своей окончательной редакции, принятой 16 января 1936 г., предусматривал выпуск тринадцати сборников беллетристических произведений о деревне общим объемом в 222 печатных листа. Один из сборников был целиком составлен из произведений М. Горького. Всему изданию должна была предшествовать вводная статья М. Горького, а каждый сборник открываться предисловием, помогающим колхозному читателю правильно ориентироваться во времени и материале. После многих споров и сомнений было решено включить в «Библиотеку «Колхозника» только русских писателей, от А. И. Герцена до И. А. Бунина. Отобранные авторы и произведения распределялись в сборниках по хронологическому принципу. В написанных в декабре 1935 — январе 1936 г. замечаниях по плану «Библиотеки «Колхозника» М. Горький подчеркивал, что она должна была дать читателю ответ на вопрос — «каким хотела видеть и видела мужика литература дворян, каким изображала его литература разночинцев в XIX столетии?»[64] Определяя задачи комментаторов библиотеки, М. Горький в письме В. Я. Зазубрину от 17 ноября 1935 г. из Тессели писал: «Нам нужны люди, которые, хорошо зная прошлое, могли бы толково объяснить современному читателю все то, что он не испытал и о чем говорит ему дореволюционная литература. Объяснять придется главным образом «быт», но так как бытом командует политика, а она — премьерша, гранддама всех драм жизни,— ясно, что без истории не обойдемся»[65]. В этой связи, кроме беллетристических сборников, в дополнение к ним в «Библиотеке «Колхозника» намечалось издать четыре книги на исторические темы — в том числе подготовленный В. Я. Зазубриным литературный монтаж по книге А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» и основанную на исторических документах работу Георгия Шторма «Цари, бояре, церковники и крестьянство», охватывающую период с XI по XIX в.

«Библиотеке «Колхозника», как и многим другим замыслам М. Горького, не суждено было реализоваться. Смерть великого писателя была огромной потерей для журнала. Его памяти посвящались отдельные номера «Колхозника» (№ 6 за 1937 г. и др.), перепечатывались его произведения, публиковались воспоминания об основателе журнала сотрудников редакции (С. Б. Урицкого, В. Я. Зазубрина и др.). И еще долго,

---

[63] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 27, стр. 371.
[64] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 431.
[65] Там же, стр. 424.

раскрывая свежий номер, читатель узнавал из подстрочных примечаний, что редакция, помещая тот или иной материал, осуществляет пожелание, высказывавшееся М. Горьким. Он как бы продолжал оставаться ответственным редактором «Колхозника». До конца 1936 г. в журнале в основном печатались художественные произведения и статьи, отредактированные и одобренные еще Горьким или заказанные по выработанным при нем редакционным планам. Оставались прежними и внешний вид журнала, и его художественное оформление.

По установившейся традиции в научно-популярном отделе «Колхозника» с читателями беседовали выдающиеся ученые (статьи академиков Б. А. Келлера «Социалистическая наука» — 1938, № 1; Б. Е. Веденеева «Энергетика социализма» и В. Р. Вильямса «Ленин о плодородии почвы» — 1939, № 1). Заметно расширился круг привлекаемых тем (В. К. Никольский. «Легенда о Христе» — 1938, № 3—4; Л. Тумерман. «Исаак Ньютон» — 1937, № 4). С 1937 г. «Колхозник» начинает публиковать статьи по истории русской литературы и литературы народов СССР (Н. К. Гудзий. «Слово о полку Игореве» — 1938, № 3—4; В. Кирпотин. «Некрасов» — к 60-летию со дня смерти поэта — 1938, № 1; Н. Бельчиков. «Загубленный талант» — о Т. Г. Шевченко — 1937, № 1, и др.). Помещаются статьи о знаменитых русских художниках (Н. Соболевский. «В. И. Суриков» — 1937, № 4). В том же 1937 г. вводится библиографический отдел «О книгах».

М. ИСАКОВСКИЙ

С беллетристическими произведениями, кроме уже хорошо известных и полюбившихся колхозному читателю авторов, выступили новые для «Колхозника» писатели — Дж. Алтаузен, Н. Грибачев, А. Жаров, В. Ильенков, М. Кольцов, С. Малашкин, А. Новиков-Прибой, Л. Ошанин, Ф. Панферов, Н. Рыленков, С. Сергеев-Ценский, И. Соколов-Микитов, Л. Черноморец, И. Эренбург, Петрусь Бровка, Самед Вургун и др. Интересно отметить, что стихотворение Вас. Лебедева-Кумача «Если завтра война...», вскоре ставшее популярной песней, впервые было опубликовано в «Колхознике» (1938, № 2). Как и в прошлые годы, журнал пропагандирует народное творчество советской эпохи. Печатаются сказы Марфы Крюковой и Ф. И. Беззубовой, песни о героях гражданской войны и Красной Армии, посмертные стихи о родине Сулеймана Стальского (1938, № 1). Во втором номере за 1938 г. опубликовано письмо в редакцию «Колхозника» народного казахского поэта Джамбула «Пусть цветет народное искусство», автобиография поэта, его «Поэма о братстве народов» и очерк о Джамбуле К. Алтайского. Красочные вкладки знакомят с замечательными работами народных умельцев по дереву, кости и металлу.

И все же возникает вопрос, насколько успешно справлялся «Колхозник» со своими задачами после смерти М. Горького? На первый взгляд может показаться, что, значительно увеличив круг своих сотрудников (преимущественно литературно-художественного отдела), журнал достиг своего расцвета. Однако если сопоставить двадцать шесть номеров «Колхозника», вышедших в 1934—1936 гг., с тридцатью номерами журнала, выпущенными после смерти великого писателя, в 1937—1939 гг., то приходится признать, что при всех своих положительных качествах «Колхозник» (и это нельзя не заметить) постепенно отходил от четко сформулированной М. Горьким программы, что неизбежно порождало тенденцию к превращению «Колхозника» в обычный массовый журнал с совмещенными литературно-художественным, общественно-политическим и научно-популярным отделами. «Колхозник» все более начинал занимать неопределенное, промежуточное положение между изданиями разного профиля, тяготея то к одним, то к другим. В 1937 г. «Колхозник» явно тяготеет к литературно-художественным журналам, широко отмечает литературные даты, юбилеи, а его научно-популярный отдел приобретает литературоведческий уклон. В этой связи уместно напомнить, что в перспективных планах «Колхозника», выработанных при М. Горьком, в научно-популярном отделе нет ни одной темы по истории художественной литературы. К 1939 г. ощутима перемена ориентации в сторону популярных научно-технических изданий. Некоторые из статей в научно-популярном отделе подчас носят узкоприкладной характер. В подкрепление к нему вводится раздел «Хроника науки и техники», материалы для которого заимствуются из советских и иностранных научно-технических журналов. Подобные колебания, перемены ориентации, разумеется, не шли на пользу «Колхознику», были показателем того, что в существующем виде он исчерпал свои возможности. Серьезные затруднения вызвали перемены в составе редакции. В 1937 г. прекращается работа в журнале В. Я. Зазубрина. С № 3-4 за 1938 г. подпись С. Урицкого как ответственного редактора «Колхозника» сменяет безликая подпись «редакционной коллегии». По поручению Президиума Союза писателей СССР обязанности ответственного редактора журнала в это время исполняет П. А. Павленко. Перегруженный другими делами и обязанностями, он редко появлялся в редакции, да и сам «Колхозник» не был его любимым детищем. Как правило, новые члены редакции были не писателями, а журналистами, газетчиками со своими методами работы над материалом, язык научно-популярных статей стал суше, они были перегружены цифровыми данными.

Издание «Колхозника» прекратилось на шестом (июньском) номере в 1939 г. в связи с общей организационной перестройкой журнально-издательского дела и ликвидацией издательства «Крестьянская газета». Своеобразным дополнением к «Колхознику» был выходивший в 1934—1937 гг. в «Издательстве изобразительных искусств» ежемесячный иллюстрированный журнал «На стройке МТС и совхозов», выделившийся в самостоятельное периодическое издание из журнала «СССР на стройке». Последний, отдавая преимущественное внимание индустриальной тематике, уже не мог с должной полнотой отображать на своих страницах успехи социалистического строительства в области сельского хозяйства. В состав редколлегии нового журнала вошли С. Б. Урицкий (ответственный редактор), А. П. Карпинский, Б. Ф. Малкин, Федор Панферов. В рекламном объявлении в числе ближайших сотрудников «На стройке МТС и совхозов» названы М. Горький, П. П. Крючков, А. Б. Халатов.

Средствами фотоочерка и динамичного фоторепортажа журнал пропагандировал «лучшие образцы честной работы в колхозе, лучшие образцы организаторской деятельности в МТС и совхозах, лучшие дости-

жения в области поднятия сельского хозяйства, культуры и быта колхозов и совхозов», давал «изображение грандиозной социалистической перестройки деревни и деревенского человека». Рассказывая о героях социалистического труда, колхозниках-опытниках, изобретателях, новой сельскохозяйственной технике, журнал «На стройке МТС и совхозов» отражал процесс постепенного уничтожения противоположности между городом и деревней. В отличие от «Колхозника» этот журнал был рассчитан одновременно и на городского и на сельского читателя. При этом «редакция поставила себе задачей создать журнал такого высокого художественного качества, какого заслуживает колхозный строй». «На стройке МТС и совхозов» печатался на высокосортной бумаге способом меццо-тинто и цветного офсета тиражом в 30 000 экземпляров.

Первый номер журнала вышел в июле 1934 г. Главная ценность помещенных в нем фотографий (отмеченных, кстати сказать, печатью высокого профессионального мастерства и культуры) заключалась прежде всего в их документальной достоверности, конкретности. Потому текстовой материал в журнале был сведен к минимуму — к нескольким пояснительным строкам под фотографией. Так, например, фотоочерк «На родине героя», посвященный Герою Советского Союза летчику В. С. Молокову, рассказывал о переменах в подмосковном селе Иринское, которое стало богатым колхозом, носящим имя М. Горького. Темой фотоочерка «Вечер в селе Медведки» было открытие в селе первого постоянного художественного театра. Большой фотомонтаж «Мужик и колхоз» построен на противопоставлении репродукций с картин Н. Орлова, С. Коровина, С. Иванова, Г. Мясоедова о нищей дореволюционной деревне панорамной фотографии современного колхозного села.

В последующих номерах «На стройке МТС и совхозов» редакция придерживалась первоначально найденной формы подачи материала (фотоочерки «Курорты для колхозников» — 1934, № 2, «Колхозная школа — 1934, № 6, «На родине гоголевских героев» — 1936, № 5). Журнал публиковал материалы, посвященные проблеме механизации сельского хозяйства, жизни братских социалистических республик, национальных меньшинств. Третий номер «На стройке МТС и совхозов» за 1934 г. был посвящен «Знатным женщинам нашей страны». В дальнейшем, как правило, редакция, отказавшись от многоплановости, каждый номер журнала строила на какой-либо одной теме: коневодство (1935, № 2), опытничество (1935, № 4), животноводство (1935, № 12), хлопководство (1936, № 2), пчеловодство (1936, № 3), открывшийся в Москве в феврале 1935 г. Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников (1935, № 5). Много внимания уделялось народному творчеству. Шестой номер «На стройке МТС и совхозов» за 1936 г. был посвящен украинскому народному творчеству, двенадцатый за тот же год рассказывал о мастерах-живописцах села Федоскино. В третьем номере журнала за 1935 г. даны репродукции с картин колхозных самодеятельных художников.

Издание журнала «На стройке МТС и совхозов» прекратилось на третьем (мартовском) номере за 1937 г.

«Литературная учеба»

Журнал «Литературная учеба» в истории советской журналистики занимает особое место — он сыграл исключительно большую роль в идейно-художественном воспитании молодых литераторов из широких масс трудового народа.

О создании журнала, подобного «Литературной учебе», Горький думал давно. Еще в предисловии к первому «Сборнику пролетарских писателей» он высказал мечту об организации такого периодического издания, которое бы помогало молодежи овладевать литературной техникой. К этому замыслу Горький вернулся в 1927 г. В письме к О. В. Анзимировой он писал: «Поставленный Вами мне вопрос о руководстве первыми шагами начинающих писателей давно уже осознан мною, как настоятельнейшая необходимость. Лет 15 тому назад я даже предлагал издавать «журнал для писателей-самоучек». Мне кажется, что теперь как раз время для такого издания. Суть его в краткой схеме такова: селькоры, рабкоры и вообще «начинающие» нуждаются в знании литературной грамоты, литературной «техники»,— это и надобно дать им» [1].

В конце 20-х и начале 30-х годов — в период бурного развития культурной революции, когда была поставлена и во многом уже решена задача проведения всеобщего обязательного начального обучения и ликвидации неграмотности, особенно усилился и поток «начинающих».

[1] «Жернов», 1927, № 4—5, стр. 18.

Именно в это время начал обретать конкретные очертания и давний замысел Горького об издании специального журнала для начинающих. И когда руководители Ленинградской ассоциации пролетарских писателей — Ю. Либединский, В. Саянов, М. Чумандрин поставили вопрос об издании журнала в помощь молодым писателям, Горький горячо и деятельно поддержал их. До приезда Горького из Сорренто (май 1929 г.), как вспоминал В. Саянов[2], эта идея не встречала поддержки. Но с приездом Горького положение резко изменилось. В июле Горький выступил в «Известиях» со статьей «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры», в которой писал, что ленинградские товарищи «хорошо догадались, что следует делать. Они, в лице тт. Камегулова, Либединского, Саянова, Чумандрина, пригласив в сотрудники меня и предлагая пригласить некоторых попутчиков, затевают журнал «Литературная учеба». Журнал этот должен исполнить роль «университета на дому»... Я считаю, что это будет серьезное дело.

Начать его давно пора»[3].

С лета 1929 г. Горький наряду с большой работой по журналу «Наши достижения» энергично занялся и организацией журнала «Литературная учеба». В ноябре 1929 г. Горький уже получил сообщение от А. Камегулова (который был тогда назначен заместителем редактора «Литературной учебы»), что состоялось заключение договора с Ленинградским отделением Государственного издательства о выпуске «Литературной учебы».

15 января 1930 г. в «Правде» появилось сообщение, что открыта подписка на новый журнал «Литературная учеба», выпускаемый «в помощь творческой работе начинающего рабочего и крестьянского писателя, рабкора, селькора, начинающего критика и рабочего-рецензента». Ответственный редактор — М. Горький, редколлегия: А. Камегулов, Ю. Либединский, Н. Тихонов, В. Саянов, М. Чумандрин.

В начале апреля 1930 г. из печати вышел первый номер «Литературной учебы». Так была осуществлена давняя мечта Горького — заботливого и внимательного друга литературной молодежи.

✪

Появление горьковской «Литературной учебы» в 1930 г. было особенно значительным, своевременным и актуальным, так как в то время дело воспитания литературной молодежи было одним из запущенных и неблагополучных участков. Существовавшие до «Литературной учебы» (а затем некоторое время и наряду с ней) разного рода пособия для начинающих и журналы со специальными отделами, ставящими своей задачей помогать творческому росту молодых писателей, в большей своей части из-за групповой борьбы и кружковщины затрудняли правильную организацию идейно-эстетического воспитания молодежи, уводили ее от прямого пути реалистического искусства.

Вредное влияние групповщины сказалось прежде всего в том, что многие журналы в пылу групповой борьбы и в спорах вообще не занимались вопросами воспитания литературной молодежи. Даже «Молодая гвардия» — журнал, адресованный молодежи, многое сделавший для объединения и выдвижения молодых талантливых писателей, не избежал групповых настроений, непосредственно и весьма отрицательно сказавшихся и в его работе по воспитанию литературной молодежи. Это

---

[2] Виссарион Саянов. Статьи и воспоминания. Л., «Советский писатель», 1948, стр. 157.

[3] «Известия», 25 июля 1929 г.

выразилось прежде всего в тенденции изолировать комсомольских писателей от общего литературного процесса, в стремлении создать из них особую литературную группу.

Журнал допускал явно заниженные требования к комсомольским писателям и противопоставлял начинающего комсомольского писателя-кружковца «старым писательским кадрам», у которых якобы молодежи нечему учиться [4].

«Резец» — рапповский журнал ленинградской группы начинающих писателей и поэтов, пропагандируя «диалектико-материалистический метод» как главную задачу [5], также не занимался по существу вопросами художественного мастерства.

В одной из своих статей Горький сочувственно привел следующие выразительные строчки из письма одного провинциального литературного кружка: «Одним из препятствий к нашей учебе является резкая борьба литературных групп и направлений. Очень трудно писать да еще учиться писать в непрерывных драках и подсиживаниях» (т. 24, стр. 364). В связи с этим письмом Горький писал в 1928 г. «Таких жалоб я знаю много, и все они определенно говорят, что благодаря тону спора смысл его молодежи не ясен, а вот взаимное «подсиживание» молодежь отлично чувствует» (т. 24, стр. 364).

Горького чрезвычайно тревожило такое положение. и он еще задолго до организации журнала начал активную борьбу за создание благоприятных условий для творческого роста литературной молодежи. С 1927 по 1930 г. он более 25 раз выступил в печати по вопросам, непосредственно касающимся задач идейно-художественного воспитания литературных кадров, с рецензиями на книги молодых, предисловиями к их произведениям, отзывами («Заметки читателя», «Рабкорам «Правды», «Рабселькорам», «Рецензия», «О пользе грамотности», «Еще о грамотности», «О пролетарском писателе», «О возвеличенных и «начинающих», «О начинающих писателях», «О том, как я учился писать», «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры» и др.).

В своих статьях он называет ряд журналов («Новый Леф», «На литературном посту», «Октябрь», «Молодая гвардия»), которые, нередко руководствуясь групповыми соображениями, прививают молодежи вредные нравы «рапповской дубинки», неуважения к культуре прошлого, поощряют безграмотность своей нетребовательностью, явной заниженностью идейно-художественных критериев. Имея в виду «теории» «Нового Лефа», низводящие художественную литературу до уровня фактографии, проповедующие нигилистическое отношение к классической литературе, Горький писал, что в этом журнале «несколько самохвалов пытаются смутить молодых литераторов проповедью ненужности художественной литературы... «Леф» убеждает молодежь не учиться у классиков, это — совершенно напрасно» (т. 24, стр. 323, 325).

Этот упрек «Новому Лефу» Горький высказал в статье «О пользе грамотности» («Читатель и писатель» 17 марта 1928 г., № 11). Однако «Новый Леф» продолжает воинственно защищать свои позиции. В четвертом номере «Нового Лефа» (1928) в разделе «Записная книжка» был помещен ответ Горькому, автор которого заявлял: «Мы действительно убеждаем молодежь не учиться у классиков. Вместо этого мы советуем молодежи изучать материал» [6]. А затем, в подтверждение своего тезиса о вреде учебы у классиков, автор ответа нападал на последние произведения Горького. «Вы,— обращался он к Горькому,— несмотря

---

[4] «Молодая гвардия», 1930, № 19, стр. 93.

[5] См., например, отделы «Напостовский дневник», «Изучаем опыт пролетарской литературы» и др.— «Резец», 1932, № 2.

[6] «Новый Леф», 1928, № 4, стр. 25.

на свою одаренность, сорвались на романе. Ведь и «Дело Артамоновых» и «Клим Самгин» — неудачи» [7].

Не менее воинственно отстаивала и «Молодая гвардия» позиции одного из своих авторов, который государственный пятилетний план издания классиков назвал планом «беспартийного культурничества» [8]. Имея в виду эту статью, а также лефовские выступления газеты «Советская Сибирь» (статьи Панкрушина и Гиндина), Горький писал в статье «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры»: «Обилие и неосновательность слишком субъективных оценок товарищей Ломовых, Панкрушиных, Гиндиных только усиливают словесный хаос, анархизируют движение по прямой и кратчайшей к определенной цели — к воспитанию из рабочей массы мастеров культуры» (т. 25, стр. 43).

Но «Молодая гвардия» вновь предоставила свои страницы И. Ломову, выступившему со статьей «Подождем голосовать» («Молодая гвардия», 1929, № 17), в которой он отрицал необходимость издания классиков.

Наряду с критикой ряда изданий, уводивших молодежь от «прямого пути», Горький в своих статьях (предшествующих появлению «Литературной учебы») выдвинул и большую позитивную программу в области воспитания литературной молодежи — внимательного, требовательного и заботливого отношения к ней. Он сформулировал задачи, стоящие в этой области перед редакторами как людьми, призванными в известной мере учить молодого писателя, воспитывать его (т. 24, стр. 326), направлять его творчество на решение больших проблем и тем современности, нужных народу и революции, оберегать от вредных теорий.

Почти во всех статьях Горький развивает мысль о том, что опытные мастера слова — писатели, критики, редакторы — призваны учить молодежь не только идеологически, но и «технически», что они должны обращать особое внимание на вопросы литературного мастерства. Сам Горький тогда же выступил с рядом статей, в которых показывал пример действенной творческой помощи молодежи. Он охотно и щедро делился с молодыми писателями своим собственным творческим опытом, писал отзывы и рецензии на их книги, в которых говорил не только о том, «что не так», но и «как надо». На многочисленных конкретных примерах Горький учил их «литературной технике». Разбирая произведения, Горький оберегал молодежь от безыдейности, мелкотемья, от «ядовитого хлама» «бытовизма» (т. 24, стр. 334), учил подходить к жизненным явлениям с партийных, революционных позиций.

Во всех статьях Горького конца 20-х годов (как, впрочем, и позднейшего периода) о «начинающих» звучит страстный призыв к писателям, критикам, редакторам, к широкой общественности — покончить с беззаботным и равнодушным отношением к делу идейно-художественного воспитания литературной молодежи, превратить его в один из важнейших участков идеологической работы.

«Литературная учеба» и явилась таким первым опытом массового идейно-эстетического воспитания молодых писателей. Программа журнала была так обширна, его цели и задачи были так многообразны, что выполнить их мог только большой и талантливый авторский коллектив.

В «Проспекте» журнала в качестве его основных отделов были названы: «Общественно-политический», «Литературная теория и практика», «Обзоры современной русской и иностранной литературы», «Консультационно-справочный отдел». В этих отделах предполагалось освещать вопросы теории художественного метода, практики начинающих писа-

---

[7] Там же.

[8] И. Ломов. Пятилетний план беспартийного культурничества.— «Молодая гвардия», 1929, № 13, стр. 64.

телей, систематически оказывать помощь литературным кружкам и др.[9]. Один из основополагающих принципов работы журнала должен был заключаться в его тесной связи с жизнью, в постоянном стремлении направлять внимание литературной молодежи на разрешение боевых, актуальных задач современности. В «Проспекте» специально оговаривалось положение о том, что литературная учеба начинающего писателя «не должна быть оторвана от вопросов экономического, политического и культурного строительства Советского Союза». Создавая «Литературную учебу»,— говорилось в редакционной статье шестого номера журнала за 1937 г.,— «Алексей Максимович настойчиво добивался того, чтобы журнал не был узколитературным, чтобы он возбуждал у молодежи тягу к познанию жизни, к активному участию в социалистическом строительстве, чтобы он воспитывал из молодых писателей борцов за социализм»[10].

Таким образом, Горький и редакция журнала ставили своей задачей учить молодежь понимать мастерство как большой и сложный круг вопросов: мировоззрение и идейность писателя, изучение жизни, принцип партийности, народности, взаимосвязь содержания и формы, специфика художественного образа, многообразие «техники» его создания и т. д. Задача «технической» учебы в горьковской постановке вопроса была тесно связана с задачами идеологического воспитания.

В одном из писем, определяя цели журнала, Горький прямо говорил об органической связи вопросов литературного и политического воспитания: «Мы хотим помочь молодым нашим писателям воспитываться социалистическими писателями, это значит, что «Литучеба» должна быть и политучебой»[11].

На «Литературную учебу» Горький возлагал большие надежды, он стремился посредством этого журнала помочь организовать «внегрупповую» учебу начинающих, объединить вокруг журнала авторов на основе единых целей и задач, стоящих перед всей советской литературой. Эта позиция отчетливо выразилась уже в том, что «Литературная учеба» (в отличие от большинства изданий начала 30-х годов, считавших себя органами того или иного кружка, объединения, группы, содружества) не объявила себя сторонницей какой-либо определенной литературной группировки. Уже в этом выразилась четкая позиция Горького по отношению к «групповщине». За осуществление «внегрупповой» линии Горький последовательно боролся во всех своих журналах, в том числе и в «Литературной учебе», хотя ее путь в этом отношении был не всегда прямым.

История «Литературной учебы» в своем развитии имела два периода: горьковский (1930—1936) и послегорьковский (1936—1941). Каждый из них, в свою очередь, отмечен особыми внутренними вехами, исторически обусловленными процессом развития советской литературы и журналистики.

✪

В течение первого года существования «Литературной учебы» (с апреля 1930 г. по май 1931 г.) вышло десять номеров журнала[12]. Этот год был связан с немалыми трудностями: еще только шел процесс накапли-

---

[9] «Проспект» журнала «Литературная учеба». Л., 1930.

[10] «Литературная учеба», 1937, № 6, стр. 6.

[11] Письмо Е. Добину 25 апреля 1933 г.— «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2. М., 1965, стр. 315.

[12] В 1930 г.— № 1—6, в 1931 г.— № 7—10. Тираж первых десяти номеров колебался от 10 тысяч до 5 тысяч экз. Периодичность журнала предусматривала выпуск десяти номеров в год. До 1933 г. журнал выходил крайне нерегулярно, с перерывами, порою доходившими до полугода.

вания рабочего опыта, поисков специфических форм и методов работы, в большой степени к тому же осложненных групповыми настроениями отдельных членов редколлегии первого состава[13]. Однако, несмотря на это, основное содержание уже первых десяти книг «Литературной учебы» во многом отвечало ее основной задаче — помогать литературной молодежи в овладении политической грамотой и техникой писательского мастерства. Для Горького, как говорилось уже выше, эти понятия были органически связаны, и он с самого начала организации журнала постоянно предостерегал сотрудников от опасности вульгарного социологизма и догматизма. «Литучеба»,— писал он,— дело не легкое, редколлегия не совсем ясно представляет себе метод работы, путает «Литучебу» с политучебой. Этим она может отпугнуть молодежь, которая взвоет: «Опять политика!» Дело надо ставить так: политучеба на живом, текущем материале литучебы, а не наоборот»[14]. В своих статьях, написанных для «Литературной учебы», Горький неизменно следовал этому принципу. С первого же номера «Литературной учебы», с первой же ее статьи, написанной Горьким в качестве передовой («Цели нашего журнала»), читатель получал четкое и ясное представление о великом революционном назначении советской литературы, о тех задачах, которые выдвигает жизнь перед молодыми ее силами. Здесь же Горький разоблачал всю несостоятельность утверждения буржуазных идеологов, будто искусство беспартийно, ни от кого и ни от чего независимо, от всего свободно. В «Литературной учебе» он особенно часто обращал на это внимание молодежи: на страницах журнала неоднократно повторяются положения о коммунистической партийности литературы, о зависимости писателя от своего народа, класса. «Литератор — глаза, уши и голос класса,— писал Горький.— Он может не сознавать этого, отрицать это, но он всегда и неизбежно орган класса, чувствилище его... Он никогда не был и не может быть «человеком внутренне свободным», «человеком вообще» (т. 25, стр. 103). Но чтобы правдиво изобразить жизнь «в формах достаточно простых, ярких и картинно убедительных», писатель должен настойчиво овладевать искусством профессионального мастерства. Помочь в этом молодым и была призвана «Литературная учеба». Идеи, высказанные Горьким в его первой статье для журнала, явились одновременно и основополагающей программой на много лет вперед.

Уже в первый год существования «Литературной учебы» редакцией было затрачено много усилий в поисках таких форм и методов работы, которые бы помогли лучше реализовать поставленные задачи и наиболее полно отвечали бы специфике журнала. Горький говорил, что сам титул «литучеба» обязывает редакцию решить вопрос: чем она занимается: «... литературно-технической педагогикой или же литературной критикой? Это,— подчеркивал Горьий,— не совсем одно и то же, но, при умении, при желании это можно гармонически объединить»[15]. Для осуществления такого рода объединения редакцией уже с первых номеров были предприняты конкретные меры.

Выполняя роль «литературно-технического педагога», «Литературная учеба» с самого начала широко знакомит своих читателей с русской и западноевропейской классикой. Только в первых десяти номерах этим

---

[13] Напомню, что в первый состав редколлегии «Литературной учебы» входили: Н. Тихонов (зав. отделом поэзии), представители группы «Литфронта» — В. Саянов и А. Камегулов (заместитель редактора) и рапповцы — Ю. Либединский и М. Чумандрин. Под руководством этого состава были выпущены первые 10 номеров журнала.

[14] Письмо Горького А. Б. Халатову 15 января 1930 г.— «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1. М., 1964, стр. 187—188.

[15] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 307.

вопросам были посвящены статьи Д. Благого «Творчество Пушкина» (1930, № 3, 4), В. Десницкого «Жизнь и творчество Гоголя» (1930, № 5; 1931, № 6) и «Трилогия Гончарова» (1931, № 8), Н. Степанова «Творчество Достоевского» (1931, № 10), А. Скафтымова «Творчество Стендаля» (1931, № 6), А. Смирнова «Французская литература» (1931, № 7, 8), И. Нусинова «Виктор Гюго» (1931, № 10). Наряду со статьями общеобразовательного характера, учитывая специфику журнала, редакция печатала и такие, которые вводили в творческую лабораторию великих мастеров художественного слова (Б. Томашевский. «Работа Пушкина над стихом» — 1930, № 4; Д. Якубович. «Пушкин в работе над прозой» — 1930, № 4; Б. Юров. «Как работал Гончаров» — 1931, № 9; Б. Реизов. «Методы творчества работы Стендаля» — 1931, № 6; Н. Рыбаков. «Как работал Гоголь» — 1931, № 7; М. Клеман. «Техника литературной работы Эмиля Золя» — 1931, № 8, и др.). Постоянный интерес к классике в «Литературной учебе» в те годы, когда еще живо было нигилистическое отношение к культурному наследству прошлого, был особенно существен. Журнал сыграл большую роль в защите и пропаганде литературного классического наследства. Тема освоения художественного наследства прошлого, являясь одной из главных в общей системе идейно-эстетического воспитания литературной молодежи, и в последующие годы будет занимать в журнале первостепенное место.

Большое место с первых же номеров занял в журнале цикл статей о языке и стиле (В. Волошинов. «Что такое язык» — 1930, № 2; «Конструкция языка» — 1930, № 3; А. Иванов. «О языковой ответственности писателя» — 1930, № 4, и др.) [16].

Широкое освещение в журнале проблем, связанных с классическим наследием, вопросами стиля, формы и жанров, отнюдь не означало «академизма», оторванности от современности, в чем упрекала журнал рапповская критика и даже некоторые его ближайшие сотрудники (А. Камегулов, М. Чумандрин).

Характерной чертой «Литературной учебы» уже в первый ее период является тесная связь с жизнью, с общим современным литературным процессом. На ее страницах широко освещаются вопросы истории и современного состояния советской литературы. В этом отношении, например, большой интерес представляют статьи, где советские писатели делились с «начинающими» своим творческим опытом. Под общим заглавием «Как я работаю» в первых номерах журнала (№ 1, 3, 4, 5) выступили Б. Лавренев, М. Зощенко, К. Федин, Н. Тихонов. Этой же теме посвящены и статьи Ю. Либединского «Как я работал над «Неделей» (1930, № 2) и «Как я работал над «Комиссарами» (1931, № 10), В. Вишневского «Как я писал «Первую Конную» (1931, № 8), Ф. Гладкова «Моя работа над «Цементом» (1931, № 9). В этих статьях большое внимание уделяется проблемам мастерства.

Начиная с первого номера, «Литературная учеба» постоянно пропагандировала поэзию В. Маяковского как одного из могучих поэтов современности. Маяковский «обогатил русскую поэзию, образность, словарь, рифму...»,— писал о поэте Н. Тихонов в первом номере журнала (1930, № 1, стр. 75). Во втором номере «Литературной учебы» начинающим поэтам рекомендуется статья В. Маяковского «Как делать стихи?» (1930, № 2, стр. 115). В этом же номере была помещена редакционная статья «Мы говорим о живых», посвященная памяти поэта.

---

[16] Этим вопросам редакция и в дальнейшем постоянно будет уделять большое внимание, печатая под специальной рубрикой «Язык и стиль» целые «курсы», посвященные проблеме стиля и языка (например: С. Бархударов и В. Гиерман. О литературном языке; С. Бархударов. Грамматические очерки и др.).

«В. Маяковский всю революцию сражался в наших рядах,— говорилось в статье.— На творчестве В. Маяковского будет учиться не одно поколение пролетарских писателей всех народов.

Давайте же говорить не о его смерти, а о его революционной творческой жизни, которая сделала его бессмертным, создав ему многотысячную и преданную аудиторию из трудящихся всего мира» (1930, № 2, стр. 4).

В примечании редакции к этой статье говорилось: «Известие о смерти В. Маяковского получено было после того как номер был сверстан. О творчестве В. Маяковского будет дана статья в ближайшем номере нашего журнала».

В следующем — третьем — номере была напечатана большая статья Н. Витина «О Маяковском». Но не только этой статьей редакция отдала дань памяти погибшего поэта. На страницах «Литературной учебы» (и горьковского и послегорьковского периодов) творчество В. Маяковского освещено богато и разнообразно [17].

Непосредственная близость «Литературной учебы» к живому литературному процессу выражалась и в разработке вопросов, связанных с идейно-художественным воспитанием литературной молодежи. Эти вопросы поднимаются прежде всего в статьях Горького, опубликованных уже в первый год существования журнала («Цели нашего журнала», «Письма начинающим литераторам», «Письма из редакции», «Беседы о ремесле»).

В то время, когда появилась «Литературная учеба», среди части литературной молодежи существовало довольно распространенное мнение о легкости литературного труда, неправильный взгляд на высокие задачи литературы. В своих статьях Горький неустанно боролся с такого рода представлениями, обличал тех, кто, не имея ни способностей, ни желания учиться, стремился к славе, страдая «болезненным зудом к малограмотному пустословию» (т. 25, стр. 101). В июле 1930 г. он, обращаясь к А. В. Луначарскому с просьбой принять участие в журнале, писал ему: «Тема — по Вашему выбору, лишь бы она касалась литературы или же легкомысленного отношения к литературе со стороны начинающих причащаться ею» [18]. Во многих статьях первых номеров также развивается эта тема. Так, Н. Тихонов в статье «На опасных путях», приведя множество примеров из произведений начинающих, демонстрировал, как их небрежное отношение к работе над словом приводит к тому, например, что у них «коммунисты говорят языком Демона», а большие и важные темы современности превращаются в анекдоты. Было бы очень полезно,— писал Н. Тихонов,— если бы объединения начинающих поэтов обратили внимание на всестороннее свое развитие. Ленин говорил в свое время: «Без дисциплины жить нельзя в современном обществе. Или надо преодолеть высшую технику, или быть раздавленным». Мы не хотим быть раздавленными. Вся страна героически вооружается знанием. То же придется сделать и молодым поэтам, ибо без знаний и работы с одним гордым именем самоучек далеко не уйдешь (1930, № 1, стр. 79).

---

[17] Вот, например, только некоторые из статей, посвященных творчеству поэта: Е. Мустангова. Как работал Маяковский (1934, № 5), Поэмы Маяковского (1935, № 10); Ал. Сурков. Владимир Маяковский; Н. Плиско. Пушкин и Маяковский (1937, № 4); Г. Агасов. Языковое новаторство Вл. Маяковского (1939, № 2); Ю. Севрук. Поэма Маяковского «Ленин»; Н. Степанов. Мастерство Маяковского (1940, 4-5) и др.

Журнал впервые опубликовал полный текст выступления В. Маяковского 25 марта 1930 г. в Доме комсомола Красной Пресни и «Предисловие» к гектографированному каталогу его выставки (1936, № 4, стр. 24—38). О поэте часто идет речь и в статьях, посвященных другим темам.

[18] «Вопросы литературы», 1959, № 3, стр. 26.

Редакция одновременно искала и наиболее эффективные формы практической помощи молодежи. Этой цели служил уже упоминавшийся цикл статей, в котором писатели делились с начинающими своим творческим опытом, и отделы «Беседы о мастерстве» и «Писем из редакции». Горький видел специфику «Литературной учебы» в предельной наглядности, фактичности ее материалов. В своих замечаниях на одном из планов «Литературной учебы» Горький писал по поводу раздела «Практическая работа читателей. Практикум по прозе, поэзии, критике. Письма из редакции. Как мы работаем»: «Это — наиболее ценный и трудный отдел, это — прямая цель журнала» [19]. Исходя из этого, Горький и как автор и как редактор особенно много уделял внимания именно этим «практическим» отделам, в них он видел новые и наиболее действенные воспитательные формы.

С первого номера «Литературной учебы» был организован отдел «Писем из редакции» — писем начинающим писателям, в котором разбирались их печатные и рукописные произведения. В первых трех номерах журнала за 1930 г. было напечатано 16 писем Горького к разным авторам.

Горький всегда считал первейшей обязанностью редакций литературных журналов организовывать на своих страницах конкретный разбор произведений молодых писателей. Еще в 1914 г. в предисловии к первому «Сборнику пролетарских писателей», высказывая мечту о периодическом издании, специально адресованном начинающим писателям из народа, Горький писал: «...Следовало бы давать образцовые и подробные критические разборы произведений писателей-самоучек — как со стороны технической, так и со стороны содержания. Это была бы школа, способная многому научить людей, часто очень талантливых, богатых опытом, наблюдательных, но совершенно бессильных сказать ясно и убедительно то, что их волнует и что нам необходимо знать» (т. 24, стр. 172).

«Литературная учеба» явилась первым журналом, в котором наиболее полно воплотился как общий замысел Горького о периодическом издании для писателей из народа, так, в частности, и его мысль о разборе в нем рукописей начинающих.

В объявлении о подписке на журнал «Литературная учеба» в «Правде» сообщалось: «Отделом «Письма из редакции начинающим писателям» руководит Горький» [20]. Вопросы, связанные с этим отделом, постоянно стояли в центре внимания работы редакции. В качестве его авторов на страницах журнала выступали известные писатели, драматурги, критики, литературоведы. Весь цикл статей этого отдела (как первого года, так и последующих) в журнале можно разбить на группы по жанрам. Письма о поэзии: В. Саянов. «Письма о стихах» (1938, № 6—7); Л. Тимофеев — о 64-х стихотворениях 32-х молодых поэтов (1930, № 6); В. Жирмунский. «Как не надо писать стихи» (1930, № 4); М. Исаковский — о стихах И. Слойнова (1935, № 7—8), о стихотворении «Гостеванье» (1936, № 3); А. Сурков. «Плоды небрежности и спешки» (1935, № 1), «Линия наименьшего сопротивления» (1936, № 6) и др.

О драматургическом жанре идет речь в письмах Н. Никитина «Необыкновенные страдания молодого драматурга» (1933, № 8), Г. Белецкого «О советской сюжетной пьесе» (1934, № 3) и др.

Прозе, главным образом рассказу и очерку в творчестве начинающих, кроме писем Горького, посвящены письма О. Форш — о рассказах Ф. Линуш и В. Черкасова (1931, № 8); М. Слонимского «Об одном стопроцентном рассказе» (1930, № 3); Б. Лавренева «О двух рассказах» (1933, № 2); И. Гринберга «О книге Пешехонова «Кочубей» (1934, № 2);

---

[19] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 333.
[20] «Правда», 15 января 1930 г.

Н. Лесючевского «Работа над рассказом»,— о книге Карелиной «Отбор» (1934, № 6); Н. Огнева о рассказе В. Кожевникова «Лунная ночь» (1935, № 6); «Письмо Стеше Ардеевой» (1935, № 9) и др.[21].

Огромное практическое значение в журнале имел и отдел «Беседы о мастерстве» (Горький. «Беседы о ремесле» и «Беседы с молодыми», Н. Тихонов. «Беседа с начинающими писателями», В. Саянов. «Беседа в литературной консультации», И. Виноградов. «Беседы о литературной форме» и др.). В отделах «Писем» и «Бесед» журнала наиболее ярко отразилось его литературно-педагогическое направление. В них, как мечтал Горький, пожалуй больше, чем в других материалах журнала, гармонически объединялись литературно-техническая педагогика и литературная критика.

Разбор произведений в этих отделах отнюдь не сводился к обычному рецензированию. Здесь, как правило, отзыв, оценка, критический анализ, сопровождались большим количеством наглядных примеров. Это были разнообразные живые уроки художественного мастерства. Большой фактический литературный материал, составляющий основу «Писем» и «Бесед», почти всегда сочетался с обобщающими выводами, затрагивающими широкий круг вопросов, связанных с закономерностями создания художественного образа, с выяснением специфических особенностей того или иного литературного жанра и др.

Большую практическую помощь начинающим оказывал журнал и своим отделом «Литературная консультация», в котором активно работали писатели, педагоги, критики, литературоведы (К. Чуковский, О. Форш, С. Касторский, М. Серебрянский и др.). Отдел был организатором частых творческих встреч и бесед молодых писателей со «старыми».

В начале 30-х годов эти формы только еще входили в жизнь. На их новаторский характер указывал Н. Тихонов. «...Самые формы работы писателя иногда могут оказаться,— писал он,— совершенно необыкновенными с точки зрения прошлого. Взять хотя бы вечера творческой беседы с начинающими писателями,— такой способ работы в таких широких размерах существует только в Советском Союзе. Нет другой страны, где бы молодые авторы могли работать, окруженные вниманием широкой общественности...» (№ 5, стр. 64).

В истории советской журналистики «Литературной учебе» принадлежит большая роль в развитии и упрочении массовых практических форм работы с начинающими. Стремление Горького наиболее тесно связать с жизнью свой журнал, помочь молодежи лучше разобраться в творческих спорах выразилось и в том, например, что он считал чрезвычайно важным при характеристике в журнале различных идеологически чуждых теорий оперировать не только чисто литературным, но и жизненным материалом. В этом отношении чрезвычайно интересны следующие его замечания на одном из первых планов журнала. В одном из отделов этого плана («Выработка мировоззрения в борьбе за творческий метод пролетарской литературы») по поводу пункта «Итоги творческих споров» Горький заметил: «Обязательно помнить о малой подготовленности читателя к усвоению философских тонкостей. Тема эта особенно требует иллюстрации фактами жизни и литературы, и обилием иллюстраций стесняться не надо»[22].

Живая связь «Литературной учебы» с текущим литературным процессом проявлялась и в том, что журнал большое внимание уделял осве-

---

[21] Следует иметь в виду, что часто «Письма» с разбором рукописных и печатных произведений начинающих помещались и вне специальной рубрики «Письма из редакции».

[22] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 333.

щению литературной борьбы 30-х годов, состоянию литературной критики. В то время шли жаркие споры о творческом методе пролетарской литературы, о формализме, дискуссии о «Перевале», о концепции В. Переверзева и др. Почти вся литературная периодика того времени была охвачена пафосом «выяснения отношений». «Литературная учеба», конечно, не осталась безучастна к этим спорам. Горький и его журнал всецело разделяли и поддерживали то ценное, что было у рапповцев: беспощадную борьбу с пережитками мещанской идеологии, со всякого рода чуждыми коммунистической идейности влияниями, классовую «зоркость и чуткость» (т. 27, стр. 249) лучших представителей РАПП — «подлинных партийцев». Но Горький многое и отвергал в действиях РАПП, ему были чужды ее сектантские тенденции, внутригрупповые «трения», «комчванство», упрощенный вульгаризаторский подход к художественным явлениям, высокомерное отношение к «попутчикам» и др. Эти ошибочные действия РАПП осуждались во всех журналах Горького, в том числе и в «Литературной учебе». Еще накануне роспуска РАПП он писал в одном из писем: «В моем представлении РАПП не является организацией, идеологически спаянной достаточно крепко,— в этом убеждают меня бесконечные групповые трения и споры внутри РАПП. Не забывая о том, что «истина рождается из противоречий», я все-таки полагаю, что возбудителем споров не всегда является, так сказать, «чистая диалектика» — мать истины... Мне кажется, что в РАПП большую роль играют мотивы самолюбия, честолюбия, личные симпатии и антипатии, а также ненужная грубость взаимоотношений»[23]. Поэтому-то Горький и не считал возможным признать за РАПП ведущую роль в литературных делах.

В «Литературной учебе», так же как и во многих других советских журналах, вскрывались идейные ошибки «перевальцев», представителей школы В. Переверзева, формалистов. Помимо статей Горького, в «Литературной учебе» первого ее года было немало и других материалов полемического характера[24]. Но особенность лучших из них (и отличие от большинства рапповских выступлений) состояла в том, что критика, как правило, велась в серьезном, спокойном тоне, без грубых выпадов и передержек и почти всегда ошибочным теориям противопоставлялась позитивная программа.

Горький стремился уберечь журнал от групповщины. Однако, несмотря на ряд мер, принятых им для того, чтобы она не проникла на страницы «Литературной учебы», это все-таки случилось.

В первый год своей редакторской деятельности в этом журнале Горькому приходилось постоянно отбивать атаки приверженцев групповщины на журнал не только со стороны[25], но вести борьбу с групповыми настроениями и внутри самой редколлегии «Литературной учебы», в которой возникли раздоры между литфронтовцами А. Камегуловым и В. Саяновым и рапповцами Ю. Либединским и М. Чумандриным. Так,

---

[23] Письмо Горького Н. Г. Шушканову от 12 марта 1932 г.— Сб. «А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов». М., 1959, стр. 49.

[24] «О литературоведческой концепции В. Ф. Переверзева» (1930, № 5), о «Перевале» (1930, № 3). Д. Тамарченко в статье «Основные вопросы марксистской критики» (напечатанной в трех номерах — 1931, № 7, 8, 9) подвергал разбору ошибочные теории «Перевала», В. Переверзева, формалистов и др. Борьба с антиреалистическими теориями в литературе велась в журнале постоянно, она не носила характера кампаний. По этим вопросам журнал часто выступал и в последующие годы.

[25] Так, например, «Резец» (орган ленинградского отделения РАПП) в рецензии на первые шесть номеров «Литературной учебы» обвинял ее в «академизме» на том основании, что журнал не разделял позиций РАПП. Еф. Шейдер — автор рецензии так и писал: «Литучеба» должна перестроиться. Она должна освободиться от того академизма, которым несомненно заражен журнал. Она должна теснейшим образом связаться с рапповским движением, стать одной из единиц в системе его учебной работы» («Резец», 1931, № 2, стр. 12).

сразу же после выхода первого номера А. Камегулов ставит вопрос о своем освобождении от должности заместителя редактора «Литературной учебы» из-за того, что он и В. Саянов — «решительные противники творческого метода», пропагандируемого Ю. Либединским и М. Чумандриным.

Письмо А. Камегулова очень взволновало Горького. «То, что Вы написали о «возможности конфликтов»,— отвечал он А. Камегулову,— разумеется, очень тревожит меня. Не хотелось бы, чтоб эти «конфликты» отразились на журнале, который — по моему мнению — должен и может сыграть весьма крупную культурно-воспитательную и революционную роль. Замена Вас другим лицом в самом начале дела — принесет делу серьезный вред[26].

Должен признаться, что я плохо понимаю «ваши разногласия». Их так много, они возникают каждую неделю, разбираться же в них — у меня совершенно нет времени. Да и охоты — нет, прямо скажу... Разногласия ваши — на мой взгляд — очень ничтожны и крайне вредны. Педагогически крайне вреден и тон, коим высказываются «разногласия». Возможно, что я ошибаюсь, но мне кажется: личные отношения между вами, партийцами, говорят о том, что вы плохо воспитаны политически. И если б здравствовал Владимир Ильич, он бы, поверьте, сократил эти бесконечные дискуссии процентов на 50. Минимум»[27]. Но в конце 1930 г. А. Камегулов вновь ставит вопрос перед Горьким о своем желании уйти из «Литературной учебы». Свою просьбу в числе других причин он обосновывал и групповой «дракой». «Литературная атмосфера,— писал он,— которая создалась в результате нашей драки (где Либединский с Чумандриным были на одной, а я на другой стороне творческих баррикад) мешает работе». В этом же письме А. Камегулов высказывал опасение, что если он уйдет, то Ю. Либединский и другие его единомышленники «измельчат журнал, вульгаризируют»[28].

Однако вульгаризация в определенной мере пришла в журнал и при А. Камегулове и даже при его непосредственном участии. Печатью социологического упрощенчества, характерного для рапповской платформы, были отмечены некоторые статьи первых номеров «Литературной учебы», опубликованные не только без санкции, но вопреки воле Горького. К ним относятся, например, материалы, опубликованные под рубрикой «Диалектический материализм» (Г. Тымянский. «Марксизм и философия», 1930, № 2; М. Ширвинд. «Идеализм и материализм», 1930, № 3, 4; В. Ульрих. «Краткий очерк материалистической диалектики», 1930, № 6 и др.), а также ряд статей по литературным вопросам (Е. Златова. «Завоевание метода», 1930, № 2; Ю. Либединский. «Вопросы тематики в пролетарской литературе»; А. Камегулов. «О завтрашнем дне», 1930, № 1, и некоторые другие).

Статьи, печатавшиеся в журнале под рапповским лозунгом «За диалектико-материалистический метод», в большинстве своем отличались низким научным уровнем, грешили догматизмом, были оторваны от литературы. К ним относилась и вышеназванная статья Г. Тымянского, о которой Горький дал резко отрицательный отзыв, назвав ее безграмотной и путаной. «Если б Вы,— писал он А. Камегулову (который поместил эту статью без санкции Горького),— прочитали статью Тымянского вни-

---

[26] Горький считал нецелесообразным принять «отставку» Камегулова не только потому, что это совпало с самым началом жизни журнала, а и потому, что высоко ценил труд своего молодого, талантливого заместителя, на плечи которого легла основная тяжесть организации «Литературной учебы». Об этом говорят многие письма Горького А. Камегулову (см. «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, раздел «Горький — А. Д. Камегулов»).

[27] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 287.

[28] Архив А. М. Горького.

мательно, Вы не решились бы напечатать ее. Вы должны признать, что такие статьи недопустимы в журнале, который ставит своей целью — учить молодежь литературному ремеслу... Я решительно настаиваю на том, чтоб статьи идеологического характера, т. е. статьи по вопросам марксизма-ленинизма, писались опытными теоретиками...»[29].

Не менее резкий отзыв Горького вызвала и статья Е. Златовой «Завоевание метода» (О диалектико-материалистическом методе)», которая, как писал Горький, «может склонить начинающих литераторов к натурализму»[30]. Особенно резкое возражение Горького вызвали те положения статьи Е. Златовой, в которых проявилось захваливание молодых писателей, заниженный подход к их произведениям. Так, например, Е. Златова, сравнивая повесть Л. Овалова «Болтовня» с «Кола Брюньоном» Ромена Роллана, писала: «...вглядываясь в сущность этих произведений, мы увидим, что Овалов не только подражает Ромену Роллану, но и противопоставляет себя ему» (1930, № 2, стр. 82). По этому поводу Горький в своем отзыве писал, что подобные сравнения могут крайне неблагоприятно отразиться на «честолюбивой молодежи». «...Честолюбие же ее еще опаснее набухнет,— писал Горький,— если мы станем человека, впервые написавшего повестушку среднего качества, сравнивать с Роменом Ролланом,— как это сделала т. Златова. Тут есть опасность, что молодой этот человек выйдет на Сенатскую площадь и закричит «Медному всаднику»: — Пошел прочь! Я — уже Ромен Роллан»[31].

В своем заключении о статье Е. Златовой (с которой Горький ознакомился в рукописи) Горький писал А. Камегулову: «Если автор статьи склонен посчитаться с заметками на рукописи — предложите переработать статью. А в этом виде печатать ее невозможно. Надо «почистить» язык статьи»[32]. Однако статья Златовой появилась в журнале без учета замечаний редактора. Это вызвало у Горького протест. «Статью Златовой я оценил отрицательно,— писал он А. Камегулову,— Вы ее напечатали. Статью Тымянского Вы мне не показали. Эти два факта говорят о том, что Вы расходитесь со мною в оценках материала, или о том, что Вы относитесь к делу небрежно, или что мы различно понимаем общие цели журнала. Нам необходимо объясниться»[33].

Стремление Горького посредством журнала технически вооружить «начинающего», на примерах из классической литературы показать высокие образцы художественного мастерства, расценивалось некоторыми членами редколлегии (в том числе и А. Камегуловым) как академизм. «...В письме В[ашем],— писал Горький А. Камегулову в сентябре 1930 г.,— ...есть много такого, с чем я не согласен. Вы — против «академизма». Академизм, по Вашему, заключается в том, что «Литучеба» занимается «только Пушкиным, Гоголем» и т. д. и что это похоже «на обучение стрельбе из пистолета эпохи Наполеона». Это остроумно, хотя... фактически — неверно, ибо «Литучеба» оперирует не только с материалами Пушкина... О том, что Вы против «учебы у классиков», Вам следовало заявить в Ленинграде, в комнате Европейской гостиницы[34], когда Вы, Либединский и Чумандрин беседовали о программе и приемах работы «Литучебы». Я — решительно за то, чтоб молодые литераторы учились простоте и ясности работы... у мастеров этого дела. Учиться надобно у мастеров»[35]. И тем не менее в некоторых материалах первых номеров журнала, вопре-

---

[29] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 299.
[30] Там же, стр. 295.
[31] Там же, стр. 296.
[32] Там же, стр. 294.
[33] Там же, стр. 299.
[34] Впервые программа «Литературной учебы» обсуждалась в 1929 г. в Ленинграде, в номере «Европейской гостиницы», где тогда останавливался Горький.
[35] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 305.

ки основным его установкам проявилось пренебрежительное отношение к вопросам мастерства, вульгаризаторский подход к классическому наследию. В статье А. Камегулова «О завтрашнем дне» (1930, № 1) защищался рапповский лозунг «догнать и перегнать классиков», откровенно звучали типичные нигилистические ноты. В статье Ю. Либединского «Вопросы тематики в пролетарской литературе» (1930, № 1) явно недооценивались вопросы художественного мастерства.

Различие творческих позиций среди членов редколлегии, конечно, не способствовало ее «срабатыванию». Кроме того, большинство работников журнала вообще не занималось делами журнала. А. Камегулов 20 ноября 1930 г. писал Горькому: «Либединский, Чумандрин, Саянов в журнале не работают» [36], а М. Чумандрин свою бездеятельность в редакции ставил в прямую связь с групповой борьбой. «Вы правы,— писал он Горькому еще 19 марта 1930 г.,— говоря, что я и Либединский ничего не делаем в журнале. Это верно», но этому, объяснял он, мешают различные «внутригрупповые дискуссии» [37].

В результате трудного положения, создавшегося в журнале в первые же месяцы его жизни, Горький с возмущением писал А. Б. Халатову 30 сентября 1930 г., что редколлегия «Литературной учебы» «игнорирует» бытие мое», и что он не обратил бы внимания на это, если бы «люди делали то, что надо, так, как надо». Однако,— писал он,— «делают они плохо... мне кажется, что «Литучебу» хотят сделать органом определенного литературного кружка. Вот это меня не устраивает. И если,— заявлял Горький,— «Литучебу» желают сделать кружковым журналом, я, разумеется, должен буду отказаться от... чина «ответственного редактора». Кружковщину, дробление на группы, взаимную грызню, колебания и шатания я считаю бедствием на фронте литературы» [38].

Чтобы ликвидировать это «бедствие», нависшее над журналом, Горький в конце концов принимает решительные организационные меры. Он прежде всего предлагает обновить и расширить редколлегию, и в этом его поддерживают руководящие работники Госиздата.

✪

К лету 1931 г., как сообщалось в прессе, была произведена перестройка «Литературной учебы» [39]. В новую редколлегию журнала под руководством Горького вошли: Л. Авербах, А. Бескина, И. Груздев, В. Десницкий, Е. Добин, А. Камегулов, В. Кирпотин (с № 4 выбыл из состава редколлегии), Б. Лавренев, Ю. Либединский, С. Малахов, М. Рафаил, В. Саянов (заместитель редактора), М. Чумандрин, Б. Фингерт (с № 4), Л. Якубинский [40]. С этого времени идет дальнейшее развитие и укрепление общеобразовательных отделов, значительно больше внимания уделяется советской литературе. Идет процесс и дальнейшего расширения «наглядно-практических» отделов, обусловленный насущными задачами, выдвигаемыми жизнью перед советской печатью. Так, введенный с самого начала курс «Литературная работа в газете» (теоретические и практические вопросы газетной работы) значительно расширяется со второго года существования журнала.

---

[36] «Архив А. М. Горького, т. X, кн. 2, стр. 310.

[37] Архив А. М. Горького.

[38] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1, стр. 216.

[39] «Литературная газета», 25 июня 1931 г.

[40] Под руководством нового (второго) состава редколлегии в 1931—1932 гг. вышли следующие десять номеров (в 1931—№ 1—3, в 1932 г.—№ 4—10). Тираж номеров журнала этих лет также не был постоянным, он колебался от 13 тысяч до 6 тысяч экземпляров. В этом составе редколлегия работала только до конца 1932 г., с первого номера 1933 г. ее состав был изменен вновь.

Тема труда газетчика, журналиста, редактора занимала большое место почти во всех горьковских журналах. Разработку этой темы Горький рассматривал как конкретную помощь работникам печати. В одном из писем к ответственному секретарю редакции журнала «Наши достижения» В. Г. Бобрышеву (23 мая 1935) г.) он писал: «Мне кажется, что одной из тем можно бы взять технику редакторской работы, т. е. рассказать, как делается журнал «Наши достижения». Дать снимки правленных редакцией рукописей, куски бесед редакции с авторами, рассказы авторов о том, что дает им работа в этом журнале, чего они хотели бы. Это — весьма почтенная работа, ибо редакционная техника у нас — очень слабо развита»[41].

Вопросам техники редакторской и журналистской работы посвящено немало материалов в «Наших достижениях», но еще более широко и постоянно разрабатывались эти вопросы в «Литературной учебе», особенно со второго года существования журнала. В то время значительно усилился приток новых сил (из рабочих, крестьян, партийных работников, хозяйственников и др.) в периодическую печать. Для большинства из них работа в прессе была совершенно новой областью. Все они нуждались в серьезной учебе, помощи и руководстве. Об этом говорилось в ряде постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам печати[42].

В «Литературной учебе» в 1931 г. систематически печатались материалы, посвященные теоретическим и практическим вопросам советской прессы. Помимо статей, характеризующих общие вопросы газетной работы, журнал помещал статьи о композиции, стиле, жанровых особенностях различных видов газетного материала (В. Борецкий. «О литстраницах заводских газет», П. Хавин. «За большевистский язык в районной газете», «Большевистская публицистика и литературный язык» и др). Эта тема и в дальнейшем будет занимать видное место.

В работе отделов «Литературной учебы», посвященных вопросам журналистского и редакторского мастерства, принимали участие известные советские писатели. В № 5 за 1932 г. была напечатана статья О. Форш «Заметки о языке стенгазет». Анализируя материал ленинградских заводских газет («Красная заря», «Балтиец», «Красный путиловец», «Голос работницы» и др.), большой художник слова О. Форш учила начинающих журналистов газетному мастерству.

И К. Федин в статье «Язык литературы» (1933, № 3—4) большое место уделил анализу языка газет. Он рассматривает в органической связи язык художественных произведений и публицистики. «Обособленность литературного издательства от газетной редакции создает мнимую разорванность двух видов работы над словом. А они связаны непосредственно... Не может быть двух культур слова: книжной и газетной»,— писал К. Федин.

Но помимо расширения и укрепления прежних отделов, введенных в журнал в первый год его жизни, в нем появилось и много нового.

С начала своего второго периода «Литературная учеба» включается на «обслуживание» так называемого призыва рабочих-ударников в литературу. Это была одна из серьезных причин перестройки журнала. Именно об этом говорил Горький в своей беседе с рабочими 12 июня 1931 г. «Журнал «Литературная учеба»,— говорил он,— сейчас реформировался, там новая редакция, новые задачи, и именно ударничеству посвящено будет довольно много статей, и вообще много места ему будет отведено» (т. 26, стр. 80). Так это и было. Материалы «Литературной учебы» второго года, как частично и 1933 г., в основном посвящены «при-

---

[41] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 178.

[42] См. «О партийной и советской печати». Сб. документов. М., 1954, стр. 401—403.

зыву» ударников в литературу. Выход первого номера реорганизованной «Литературной учебы» совпал как раз с тем временем, когда в стране широко отмечалась первая годовщина «призыва»[43]. Номер этот открывался беседой Горького с «писателями-ударниками по вопросам, предложенным рабочим редакционным советом ВЦСПС». В этом же номере начала печататься статья Н. Степанова «Показ героев большевистских темпов.— Как работать над биографией ударника» (ее продолжение было напечатано в следующих двух номерах журнала). В № 2 за 1931 г. редакция поместила статью Еф. Южного «Ударники литературы».

Журнал систематически помещал статьи о работе отдельных литературных групп, соответственно направляя их работу. Так, например, в статье А. Ларионова «Художественное слово на службу промфинплана» шел разговор о литгруппе «Красного путиловца», о том, как члены литгруппы помогали заводу ликвидировать прорыв своими заметками, очерками, эпиграммами, стихами, которые печатались в заводской газете.

«Литературная учеба» систематически помещала обзоры и рецензии на книги ударников (см., например, о книгах рассказов В. Сидоренко «Фронт», А. Ларионова и В. Мартынова «Балтийцы» и др.— 1932, № 4, 6 и др.).

В больших обзорных статьях, таких, например, как И. Груздева «Литература ударников» (1931, № 9) и А. Амстердама «Книги ударников» (1933, № 6-7), авторы на основе разбора брошюр, книг, журналов, сборников ставили ряд принципиальных вопросов, связанных с перспективами развития движения. А. Амстердам в рецензии на сборники рабочих Магнитогорска «Рождение чугуна» (Уралогиз, 1932), колхозников-ударников «Колхозные огни» (Уралогиз, 1932) и ударников Западной Сибири «На лесах» (Новосибирск, 1932) отмечал, что отличительное качество этих книг заключается в их познавательности и актуальности. Однако А. Амстердам, как и большинство других рецензентов «Литературной учебы», наряду с положительными, новыми чертами литературы ударников, указывал на ее беспомощность и предупреждал от вредного заблуждения тех, кто считал: «Раз ударник, значит писатель». Он по-горьковски предъявлял высокие требования не только к авторам-ударникам, но и к редакторам, которые должны более ответственно относиться к литературным опытам ударников.

Проблемам формы и мастерства в основном посвящена статья Ильи Груздева «Литература ударников». На анализе классического очерка (Глеба Успенского, Салтыкова-Щедрина, Слепцова и др.) эпохи 60—70-х годов XIX в. он разъяснял молодежи значение и особенности очеркового жанра.

Общий недостаток литературы ударников Горький видел в злоупотреблении авторами техническими терминами и неустанно требовал от авторов и редакторов тщательной работы над языком книг. И. Груздев в своей статье уделяет много внимания этим же горьковским мыслям, развивая их и богато иллюстрируя фактическим материалом.

Горькому понравилась статья И. Груздева. Он рекомендовал ее вниманию писателей-ударников «...Я нахожу ее ценной»,— говорил он во время беседы 12 июня 1931 г. (т. 26, стр. 80).

Большинство рецензий, обзоров, статей «Литературной учебы», посвященных литературе ударников, так же по-горьковски выделяли в качестве характерной и положительной ее черты тот бодрый, жизнеутверждающий тон, тот пафос созидания, тот «рабочий героизм, который из шахт и от станков идет в литературу» (т. 26, стр. 84). Отмечая эту черту,

---

[43] «Правда», 30 сентября 1931 г. Первый номер «Литературной учебы» за 1931 г. был подписан к печати в октябре, а вышел в ноябре 1931 г.

горьковская «Литературная учеба» ориентировала всех молодых писателей (в том числе и писателей из числа рабочих-ударников) на глубокую разработку темы социалистического созидания. В этом прежде всего выразилась тесная связь журнала с жизнью, оперативный отклик на требования времени.

Как известно, рапповские издания («На литературном посту», «Рост», «Резец» и др.) выдвинули лозунг «ударник — центральная фигура литературы» и захваливали безграмотных авторов.

Заслугой «Литературной учебы» (в отличие от рапповских изданий) является то, что в этом движении она, поддерживая лучшие его стороны, определяя конкретные пути его развития, постоянно боролась со всякого рода вульгаризаторами, искажающими основные цели и задачи «призыва». Большую роль здесь сыграл Горький, хотя и он порою переоценивал значение «призыва» для развития советской литературы.

Горький видел в этом движении источник рождения новых интересных тем и новых форм приближения литературы к жизни. Об этом он неоднократно говорил в своих статьях, выступлениях, беседах, письмах (см., например: «Ударники в литературе», «Беседа с молодыми ударниками, вошедшими в литературу», «Беседа с писателями-ударниками по вопросам, предложенным рабочим редакционным советом ВЦСПС» и др.).

В своих разговорах с ударниками в литературе и об ударниках Горький всегда прямо заявлял об опасности взгляда, расценивающего это движение, как основу новой литературы, о неправильном стремлении некоторых выделить ударников в особый отряд литературы [44]. Он прекрасно понимал, что из сотен «призванных» настоящими литераторами станут только те, кто одарен «страстью к литературе», кто обладает истинным писательским талантом. Эти горьковские взгляды на «призыв» определили основную программу работы «Литературной учебы» с рабочими-ударниками.

Журнал сумел направить движение «призывников» на выполнение решения ЦК партии от 10 октября 1931 г. «Об издании истории фабрик и заводов». Горький повел энергичную работу по мобилизации рабочих авторов на создание «энциклопедии» социалистического строительства» [45]. В авторах-рабочих старого и молодого поколения (при обязательном условии активной помощи им со стороны профессиональных писателей) [46] Горький видел необычайно мощный источник для создания подлинно героической летописи жизни и труда русского рабочего класса. Эту мысль он подчеркивал настойчиво и неоднократно в своих выступлениях о создании «Истории фабрик и заводов». Так, например, в письме к одному из сотрудников секретариата Главной редакции «Истории заводов», Н. Г. Шушканову, Горький писал 12 марта 1932 г.: «Мы члены редколлегии, литераторы, комакадемики и т. д., должны понять, что пролетариат сам хочет писать свою историю, хочет отчитаться перед собою в своей работе по строению своего хозяйства. Работа по «Истории заводов» должна быть прежде всего работой рабочих, и это особенно твердо надобно усвоить всем, кто привлечен к этой работе в качестве сотрудников» [47].

---

[44] Интересно в этой связи напомнить об отрицательном отношении Горького к предложению издавать особый журнал ударников (Протокол заседания редколлегии от 21 июня 1931 г. Архив А. М. Горького).

[45] «Известия», 4 сентября 1931 г.

[46] Благодаря призыву Горького, его горячей агитации в создании «Истории фабрик и заводов» приняли активное участие многие советские писатели, критики, журналисты: А. Толстой, Вс. Иванов, М. Пришвин, К. Паустовский, Б. Агапов, Б. Галин, В. Катаев, К. Горбунов, В. Шкловский, В. Перцов, Б. Ясенский, С. Диковский, М. Зощенко, Л. Славин и др.

[47] См. «А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов». М., 1959, стр. 47.

«Литературная учеба» оперативно включилась в работу по созданию «Истории фабрик и заводов». Уже в первом же номере, вышедшем после постановления Центрального Комитета от 10 октября (№ 3 за 1931 г., подписан к печати 13 ноября), появилось много материалов на эту тему (статьи Горького «История фабрик и заводов», «За работу», М. Рафаила «Создадим большевистскую историю заводов», Г. Мирошниченко «Организационные центры «Истории фабрик и заводов» и др.). С этого же номера журнал ввел специальный отдел «Опыт передовиков», в котором рабочие-писатели печатали материалы об опыте работы своих предприятий. Эти и другие материалы «Литературной учебы» оказали немалую действенную помощь рабочим-авторам [48].

Работа «Литературной учебы» второго года ее издания (когда Горькому уже удалось пресечь в журнале групповые тенденции) по привлечению в литературу рабочих-ударников, по созданию «Истории фабрик и заводов» сыграла большую положительную роль в консолидации творческих сил, в объединении писателей старшего и молодого поколений, «попутчиков», пролетарских писателей и других, независимо от того, к какой литературной группировке они принадлежали. В этом отношении «Литературная учеба» всей своей деятельностью резко противостояла выдвинутому тогда «налитпостовцами» лозунгу «союзник или враг». Поэтому, подводя итоги работы журнала второго периода, можно сказать, что его деятельность в определенной степени помогала подготовке Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций».

✪

В 1933 г. в журнале опять была произведена «перестройка» и вновь (уже в третий раз) изменен состав редколлегии: Е. Добин (заместитель редактора), И. Груздев, В. Десницкий, В. Кирпотин, А. Селивановский, Л. Турок [49].

В «Литературной газете» в сообщении под заглавием «Реорганизация «Литературной учебы» излагались мотивы, побудившие журнал перестроить свою работу. «За последнее время,— говорилось в сообщении,— журнал «Литературная учеба» выходил крайне нерегулярно и по характеру помещаемого в нем материала был рассчитан на самые разнообразные слои читателей... В настоящее время журнал реорганизован... [он] будет рассчитан на творческую верхушку начинающих писателей, систематически занимающихся творческой работой, обнаруживающих способности к ней и в известной мере эти способности уже выявивших» [50].

Такое направление позволило журналу помещать на своих страницах более сложный (чем в предыдущие годы) историко-литературный и теоретический материал. Об этом говорилось и в сообщении от редакции в первом номере за 1933 г. Реорганизованный журнал ставил своей задачей «дать начинающему писателю ряд популярных и в то же время стоящих на высоком теоретическом уровне статей, разрабатывающих с марксистско-ленинских позиций основные проблемы литературы и искусства, помочь ему критически освоить богатейшее классическое на-

---

[48] В издании серии «Истории фабрик и заводов», вышли такие ценные очерковые книги, как «Люди Сталинградского тракторного» (М., 1934), «Были горы Высокой» (М., 1935), «Быт рабочих Трехгорной Мануфактуры» (М., 1935) и др.

[49] В этом составе редколлегия проработала до конца 1934 г.— до следующей реорганизации журнала. В этот период тираж журнала составлял: в 1933 г.— 6 тысяч — 6900 экз; в 1934 — 10 тыс. экз.

[50] «Литературная газета», 29 апреля 1933 г.

следство, познакомить его с творчеством ведущих писателей нашей современности, как в СССР, так и Запада, оказать ему действенную практическую помощь в его творческой работе...» (1933, № 1).

Большое внимание в своей новой программе редакция обращала на изучение важнейших проблем марксистско-ленинской эстетики и, в качестве центральной, выделяла проблему нового творческого метода советской литературы — «проблему социалистического реализма и революционного романтизма» (1933, № 1). В реализации поставленных задач в этот период большую роль сыграл Горький не только как редактор, но прежде всего как автор. Только в течение 1933—1934 гг. в «Литературной учебе» было напечатано девять статей Горького, в том числе такие, как «О социалистическом реализме», «О прозе», «О пьесах», «О языке», «Ответ В. Золотухину (о том, как подняться с кочки на точку)».

Разработке истории марксистско-ленинской эстетики и теории социалистического реализма посвящены и многие другие статьи журнала этого периода (Е. Усиевич. «О социалистическом реализме», Д. Тамарченко. «Эстетические взгляды Карла Маркса», В. Десницкий. «В. И. Ленин и наука о литературе», И. Виноградов. «Проблема типа» и др.).

В соответствии с намеченной программой в 1933—1934 гг. несколько усложняется отдел «Учеба у классиков». В этот период в отделе классики даются уже главным образом статьи проблемного характера (а не только обзорно-общеобразовательного, как было ранее). Так, в 1933 г. в качестве одной из стержневых тем была «революционно-разночинная литература XIX века».

Кроме того, в 1934 г. журнал приступил к освещению вопросов, связанных с историей литературы XX в.

Проблемно-тематический характер приобретают статьи, посвященные и зарубежной, классической и современной литературе (Б. Реизов. «Оноре Бальзак», М. Клеман. «Утопические романы Золя», М. Елизарова. «Проблема комического в творчестве Диккенса», А. Смирнов. «Шекспир и его наследие», Р. Миллер-Будницкая. «Социалист чувства» — о творчестве Э. Синклера, О. Немировская. «Пролетарская литература современной Америки», Н. Рыкова. «Колониальная тематика в литературе Запада» и др.).

Значительно шире и разнообразнее в эти годы освещаются вопросы советской литературы — ее история и современное состояние. И здесь также преобладает проблемно-тематический принцип.

В канун съезда особую остроту приобретают вопросы воспитания молодежи, так как были выявлены серьезные недочеты в деле воспитания молодых писателей. По предложению Горького вопрос «О работе с молодыми» был вынесен для специального обсуждения Первым Всесоюзным съездом Союза советских писателей.

В это время журнал ввел ряд новых отделов, посвященных делу воспитания молодых, стал помещать значительно больше материалов, адресованных руководителям литературных объединений, кружков. С первого номера за 1933 г. вводится новый отдел — «Молодые кадры советской литературы». С этого же года в журнале появился и отдел «Письма с мест», в задачу которого входило освещать опыт работы с начинающими на периферии. Значительно расширяются в это же время связи журнала с литературной молодежью областей и национальных республик. Отзывы, рецензии, обзоры произведений молодых писателей, выходящих в разных городах и республиках Советского Союза, становятся обычным явлением в журнале.

С конца 1934 г. «Литературная учеба» печатает много обзоров, посвященных анализу литературных отделов в областных, районных и многотиражных газетах.

В 1934 г. с № 5 в журнале появился и отдел «Переписка с читателями». В целях более тщательного изучения запросов читателей редакция журнала организовывала выездные заседания редколлегии на заводах, фабриках, в клубах, дворцах культуры, где на широких собраниях обсуждались работа и планы «Литературной учебы».

В канун съезда «Литературная учеба» остро ставила и проблемы этического порядка, вопросы литературных нравов молодых писателей. По этим вопросам в журнале активно выступал Горький. В первом разделе «Литературных забав»[51] и «Письме Павлу Васильеву» (1934, № 6) Горький говорит о вреде захваливания молодежи, о принципиальном и товарищеском тоне критики, о творческих взаимоотношениях начинающих с «именитыми» писателями и редакторами, о моральном облике советского писателя. Разбирая роман А. Молчанова «Крестьянин», Горький показал несостоятельность завышенной оценки критиками и редакторами «даровитого», но «серьезно малограмотного» в ту пору писателя[52]. В связи с этим Горький отмечал, что некоторые «именитые» писатели в жажде славы и популярности портят молодежь похвалами и преждевременным признанием крупных дарований в людях, которые по малограмотности своей не в силах развить эти дарования. «И еще лучше было бы,— писал Горький,— если б они, стремясь создать группку поклонников, угодников и приспешников, не совали бы в Союз писателей людей бездарных» (т. 27, стр. 252).

Критиков, пишущих о произведениях молодых, Горький призывал быть принципиальными, строгими, взыскательными, но одновременно и по-товарищески чуткими. В этом отношении характерны и во многом поучительны статьи самого Горького, и в частности упоминаемое выше письмо П. Васильеву[53]. Сурово отнесся он к аморальным поступкам П. Васильева и ряда других поэтов, затронутых влиянием буржуазной богемы.

Но наряду с этим Горький оберегает критикуемых от травли, проводит четкую границу между доброжелательной критикой и беспринципными нападками на писателей. Объясняя, почему он считает «неприятной» свою критическую работу, Горький пишет: «Особенно неприятна она тем, что как только дружески скажешь о ком-либо неласковое или резкое слово,— то тотчас же на этого человека со всех сторон начинают орать люди, которые ничем не лучше, а часто — хуже. Так было в случае с Панферовым: немедленно после моего мнения о небрежности его работы на Панферова зарычали, залаяли даже те люди, которые еще накануне хвалили его. Этих двоедушных, беспринципных паразитов пролетариата нужно ненавидеть, обличать, обнажать их гнусненькое лицемерие, изгонять из литературы так же, как всякого, кто так или иначе компрометирует советскую литературу, внося в нее всякую дрянь и грязь» (1934, № 6, стр. 11).

На темы, затронутые в статьях Горького, выступали в журнале и многие другие авторы. Вскрывая болезненные явления в литературной жизни, они по-горьковски вели борьбу за воспитание высоких моральных и нравственных качеств в среде литературной молодежи и начинающих писателей.

---

[51] Этот раздел «Литературных забав» в виде самостоятельной статьи под названием «О литературных забавах» впервые был опубликован в ряде центральных газет 14 июня 1934 г.

[52] Кстати, следует отметить, что А. Молчанов после критики Горького значительно переработал первоначальный вариант своего романа.

[53] Это письмо Горького является ответом на письмо поэта, присланное в связи с тем, что Горький нелестно упомянул его имя в «Литературных забавах». Письмо П. Васильева Горькому было опубликовано в «Литературной газете» 12 июля 1934 г.

Таким образом, вся работа «Литературной учебы» предсъездовского периода проходила под знаком борьбы за реализацию решения Центрального Комитета ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», за консолидацию литературных сил и подготовки к съезду писателей.

✪

На Первом Всесоюзном съезде советских писателей в ряду важнейших проблем дальнейшего развития советской литературы был поставлен вопрос «О воспитании молодых писателей». На съезде было отмечено, что в этой области имеются большие недостатки: кустарщина, отсутствие общей программы, все еще недостаточная забота об идеологическом и профессионально-литературном вооружении молодежи, о повышении в ней чувства ответственности за свой труд.

Задачи, выдвинутые съездом по вопросам идейно-художественного воспитания литературной молодежи, определили дальнейшую эволюцию «Литературной учебы» (1935—1936 гг.).

В конце 1934 — начале 1935 г. произошло объединение журналов «Рост» и «Литературная учеба». Это было предпринято для максимальной концентрации сил, призванных работать с молодежью. Кроме того, такое объединение давало возможность значительно увеличить объем, тираж, периодичность журнала.

В июне 1935 г. в Москве вышел первый номер реорганизованной «Литературной учебы»[54]. В это время вновь изменяется и состав редколлегии: заместителем редактора журнала назначается А. Сурков, в редколлегию входят В. Ставский, Е. Добин, К. Горбунов (зав. редакцией), В. Киршон. В журнале появляется немало нового. Одним из таких новшеств является, например, организация отдела «Фольклор».

В ответ А. Суркову на его письмо, в котором он сообщал Горькому соображения редакции «о читателе, типе и содержании журнала «Литучеба»[55], Горький, размышляя о дальнейшем направлении журнала, говорил о большой роли и значении фольклора для творческого роста молодых писателей. Он предлагал этой теме посвятить специально несколько номеров журнала. Молодым авторам, говорил он, «была бы дана весьма вкусная духовная пища — нечто подобное «курсу лекций» по истории устной художественной литературы» (т. 27, стр. 499)[56]. Это положение Горького нашло свое практическое осуществление на страницах «Литературной учебы», посвятившей устному народному творчеству ряд серьезных статей.

К новому в журнале этого периода относится широкое освещение истории и современной практики литературного творчества народов СССР (А. Малинкин. «Коста Хетагуров», И. Недолин. «Даут Юлтай», С. Кирьянов. «Литература, рожденная революцией» (о башкирской литературе); В. Краснов. «Губей Давлетшин»; П. Вячеславов. «Сабит Муканов»; К. Алтайский. «Литература Казахстана», В. Гредель. «Афзал Тагиров» и др.)

В 1935—1936 гг. значительно шире и разностороннее стали освещаться вопросы советской литературы. Творчеству ряда писателей, развитию отдельных литературных жанров в советской литературе журнал посвящает «портреты», обзоры, разнообразные материалы в «Хронике»

---

[54] С 1935 г. значительно увеличивается тираж журнала: 18—22 тысячи экз., а с 1936 г. изменяется и его периодичность — он становится ежемесячным.

[55] Эти соображения А. Суркова были разработаны им совместно с заведующим редакцией журнала К. Горбуновым и посланы Горькому 30 декабря 1934 г.

[56] Это письмо Горького опубликовано в указанном томе под заглавием «О религиозно-мифологическом моменте в эпосе древних».

(А. Селивановский. «Есенин», М. Серебрянский, «Дмитрий Фурманов», Ал. Сурков. «Владимир Маяковский», М. Серебрянский. «Советский исторический роман», «О деревенских женщинах», А. Палей. «Научно-фантастическая литература» и др.),

В свете решения Первого съезда ССП развивается в этот период тема воспитания молодых. В редакционных статьях ставятся принципиальные вопросы организации и идейно-художественного воспитания литературной молодежи. Многие положения, выдвинутые в этих статьях, подкрепляются богатым фактическим материалом в отделах практического характера. Так, в новом отделе «По литкружкам», появившемся после съезда, обстоятельно анализируются удачи и недостатки в работе литературных кружков. Особенность этого отдела состоит в том, что он становится своеобразным центром обмена опытом не только центральных, но и периферийных кружков и литературных объединений (см., например: «Как работают и учатся начинающие красноармейские писатели», «Литкружки в Рыбинске», «О литорганизациях Калининской области»). Много отводится места в журнале также и анализу работы литературных консультаций при различных издательствах, газетах, журналах (С. Швецов, К. Алтайский. «О работе литконсультаций издательства «Советский писатель», А. Оборин, «В первую очередь растить человека» (о литконсультации Гослитиздата) — 1935, № 4; Мих Беккер, «О творчестве литактива «Огонька» и др.).

В журнале послесъездовского периода отделы «Молодая литература» и «Библиография» становятся подлинными центрами объединения молодых писателей, центрами пропаганды их произведений и практической школой литературного мастерства.

В этот период, наконец, наиболее полно в журнале реализуется пожелание Горького — оперативно откликаться на новые книги начинающих писателей. «Литературная учеба» одна из первых отметила произведения многих молодых писателей (в числе их: «Я люблю» А. Авдеенко, «Шестнадцатая весна», А. Первенцева). Как «безусловно талантливый и интересный поэт» охарактеризован в журнале А. Твардовский (1935, № 2—3, стр. 150) в связи с разбором его первых поэм «Вступление» и «Путь к социализму». На страницах журнала постоянно печатаются в этот период рецензии, отзывы на книги областных и национальных писателей (А. Сурков. «Песни Северу» — о первой книге поэта из Архангельска А. Яшина; М. Серебрянский. «девять книжек» о произведениях, изданных в Сталинграде и Иркутске). А. Сурков, подводя итоги работы журнала за 1935 г., писал Горькому: «Значительно сдвинулось дело с выполнением Вашего пожелания — систематически откликаться на новые книги молодых авторов» [57].

В. И. Ленин в одном из писем в «Правду» говорил: «Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать» [58]. Эти прекрасные слова с полным правом можно отнести к Горькому, характеризуя его работу с молодыми писателями. Он действительно умел ценить талант, быть очень деликатным, крайне осторожным, умел систематически поддерживать молодые дарования, помогать им развиваться, совершенствоваться. Эти горьковские черты были характерны для многих рецензий и статей «Литературной учебы». Они ярко проявлялись прежде всего в благожелательном, уважительном тоне разговора с «начинающими». Горький всегда обращал особое внимание на тон критических статей и рецензий. «Критика,— говорил он,— должна учить писать просто, ясно, убедительно. Если критикуемый писатель не изобличается как яв-

---

[57] Письмо А. Суркова от 25 ноября 1935 г. Архив А. М. Горького.
[58] «Коммунист», 1956, № 15, стр. 81.

ный или скрытный враг пролетариата, а пишет только плохо, неверно, искажая действительность, не умея отличить важное от неважного, следует спокойно и серьезно объяснить ему,— что — неверно, почему плохо, чем искажено. А орать на него, издеваться над ним — это значит пользоваться приемами преподавателей неоспоримых истин в старых царских школах...» (т. 27, стр. 265).

Характерно в этом отношении выступление «Литературной учебы», например, в защиту молодого А. Твардовского от некоего «полупоэта, полукритика» Горбатенкова, который «старательно «изничтожает» как классового врага... смоленского поэта Твардовского, не стесняясь в выборе средств» (редакционная статья «Воспитывать писателей — большевиков» — 1935, № 2—3, стр. 6).

Авторы «Литературной учебы» постоянно воспитывали у молодежи умение найти «свою точку видения мира», всячески оберегая их от голого подражательства и копирования. Эта тема составляет лейтмотив многих статей Н. Тихонова, К. Федина, М. Исаковского, О. Форш, А. Суркова и других. Тема «своей песни» развивается в большинстве статей журнала, где идет речь о книгах молодых писателей.

Подводя итоги первого — горьковского — периода работы «Литературной учебы», надо сказать, что она сыграла большую роль не только в организации и идейно-художественном воспитании молодого поколения писателей. Ее значение не ограничивается выполнением только своих прямых задач и целей.

В литературном процессе первой половины 30-х годов «Литературной учебе» принадлежит выдающаяся роль в разработке важнейших вопросов социалистической эстетики и теории социалистического реализма, в объединении талантливых критиков и литературоведов страны.

Поэтому «Литературная учеба» уже до появления «Литературного критика[59] (а затем и наряду с ним) заняла одно из центральных мест в развитии теоретической и критической мысли.

Достаточно напомнить, что одним из активных авторов «Литературной учебы» был Горький. С 1930 по 1936 г. в этом журнале было опубликовано около двадцати его статей. Большая теоретическая ценность статей Горького, их огромная роль в создании марксистско-ленинской науки о литературе, известны.

«Литературная учеба» внесла значительный вклад в теоретическую разработку проблем нового творческого метода и в дело борьбы с антиреалистическими течениями в литературе.

В «Проспекте» «Литературной учебы» на 1933 г. было объявлено, что в статьях, разрабатывающих важнейшие вопросы литературы и искусства, теории и практики советской литературы, проблема социалистического реализма будет центральной. В плане «Литературной учебы» на 1934 г. также говорилось, что в центре общеметодологического отдела будет стоять проблема социалистического реализма[60].

Выдвижение журналом проблемы нового метода в качестве главной соответствовало требованиям литературного развития тех лет. Насущная задача того времени состояла в обобщении, в теоретическом осмыслении и формировании особенностей нового художественного метода. Горький и «Литературная учеба» в этом отношении сыграли значительную роль. Исходя из практики советской литературы, Горький сформулировал ряд положений, касающихся основ метода реалистического искусства: о «социальном зрении» художника, о соотношении формы и содержания, о принципах типизации, о роли художественного вымысла и др. В 1933 г.

[59] К моменту выхода первого номера «Литературного критика» (июнь, 1933) «Литературной учебе» шел уже третий год.
[60] Архив А. М. Горького.

в первом номере «Литературной учебы» была напечатана знаменитая статья Горького «О социалистическом реализме», в которой писатель обобщил большой творческий опыт и теоретические споры о новом методе. Эта статья, как известно, сыграла значительную роль в развитии советской литературно-критической мысли. В данном же случае важно отметить, что эта статья была автором специально адресована начинающему, молодому писателю. В этой статье Горький дает развернутую характеристику главной задачи нового творческого метода, которая сводится «к возбуждению социалистического, революционного миропонимания» (т. 30, стр. 382). «Для того,— писал Горький,— чтобы ядовитая, каторжная мерзость прошлого была хорошо освещена и понята, необходимо развить в себе уменье смотреть на него с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего. Эта высокая точка зрения должна и будет возбуждать тот гордый, радостный пафос, который придаст нашей литературе новый тон, поможет ей создать новые формы, создаст необходимое нам новое направление — социалистический реализм, который — само собою разумеется — может быть создан только на фактах социалистического опыта» (т. 27, стр. 12—13). Предостерегая молодых писателей от одностороннего увлечения критикой прошлого, которое они знают поверхностно, «со слов», Горький призывал «изображать грандиозные явления и процессы настоящего» (т. 27, стр. 12). Но и здесь, как и в других своих статьях («О прозе», «О пьесах», «Беседа с молодыми» и др.), Горький, обращая особое внимание молодежи на положительные явления действительности, указывал на необходимость борьбы со всем отрицательным, со всеми «мерзостями» и «язвами», еще бытующими в советской действительности.

По-горьковски (а часто и при непосредственной помощи Горького) ставились вопросы о своеобразии и новаторском характере социалистического реализма в статьях других авторов «Литературной учебы». В этом плане значительный интерес представляет, например, творческая история статьи Е. Усиевич «О социалистическом реализме» (1933, № 2). Эта статья в первой редакции была отклонена Горьким из-за «противоречивости», «запутанности» и неясности в определении различий между «старым» реализмом и социалистическим. Вторая редакция статьи Е. Усиевич была в целом положительно оценена Горьким, но по поводу этой редакции им также были сделаны замечания, предлагающие резче оттенить главную задачу нового творческого метода. «Надо,— писал Горький в своем отзыве,— противопоставлять старый буржуазный реализм «самокритики»...— патетическому, пафосному, революционному реализму, необходимому для нас!» [61].

Разговор о социалистическом реализме, о его сущности и об его задачах часто ведется и в статьях, посвященных профессиональному мастерству писателя, а также и во многих других выступлениях журнала (В. Десницкий. «Ленин и наука о литературе»; Л. Тимофеев. «Заметки о работе писателя над образом»; И. Виноградов. «О сюжете», «Язык как средство художественного отображения», «Беседа о литературной форме», «Идейность и тема»; Н. Тихонов. «Трудный рост» и др.).

Материалы «Литературной учебы», посвященные вопросам социалистического реализма, значительны прежде всего позитивным характером исследований «рабочих истин» и коренных вопросов теории социалистической эстетики. Наряду с этим общеметодологические и теоретические «отделы» журнала, органически связанные с его «практическими» отделами, отличались и боевым, наступательным пафосом, были направлены на борьбу против вульгарного социологизма и формализма, против

---

[61] Архив А. М. Горького. Впервые опубл. в кн.: Б. Бялик. Эстетические взгляды Горького. Л., 1939, стр. 226.

всякого рода эстетских течений, отрицающих роль сознательности, идейности в творчестве и роль руководства творческим ростом молодежи[62].

В журнале постоянно велась борьба с упрощенным, догматическим пониманием проблем идейности и мастерства, мировоззрения и творчества и др. Отстаивая, защищая и развивая основы социалистического реализма, журнал при этом вел борьбу с формалистическими и натуралистическими теориями, раскрывая их антиреалистическую сущность и вредное влияние на часть литературной молодежи. Уже в первом номере «Литературной учебы» отмечались случаи опасного заражения талантливых начинающих писателей формализмом, в результате чего «ценные замыслы», «прекрасные общественные устремления» ряда молодых порою настолько заглушались «невероятным количеством формалистских изысков», что трудно было понять смысл их произведений (1930, №1, стр. 26—27).

В «Литературной учебе» борьба с формализмом не была только очередной кампанией или скоропроходящей атакой на того или иного представителя этого течения, а носила характер систематической, серьезной работы по очищению литературы от вредных формалистических влияний. В журнале борьба с формализмом означала борьбу за народное искусство социализма, за утверждение принципов социалистического реализма, за высокое мастерство советской литературы. В статьях Горького, К. Федина, Н. Тихонова, Л. Тимофеева, В. Десницкого, И. Виноградова и многих других разоблачалась антиреалистическая и антихудожественная сущность формализма, его глубокий вред для молодого поколения писателей.

К. Федин в статье «Язык литературы», рассматривая язык как одно из главных слагаемых формы, акцентирует внимание молодежи на органическом единстве формы и содержания. «Мне кажется,— пишет он, — нашей литературе свойственно понимание формы художественного произведения как метода разрешения идейной задачи» (1933, № 3-4, стр. 111). В связи с развитием этого тезиса, К. Федин, говоря о футуристах и сочинениях В. Хлебникова, пишет, что у них «игра со словом становится культом... фетишем, а вовсе не выразителем мысли или образа» (1933, № 3-4, стр. 112).

От всякого рода формалистских соблазнов предостерегал молодежь и Н. Тихонов в своей статье «Трудный рост». «Работая над стихами,— пишет Н. Тихонов,— молодой автор столкнется со многими сложными построениями строфы, строки, рифмы, образа. Тут он станет перед выбором материала. Формальные задания будут соблазнять его своей изощренностью, блеском и звонкостью. В чем соблазн и вред формализма?

Соблазн его — в легком разрешении вопроса: в переносе на крайне виртуозное «словотворчество» всего стиха» (1933, № 2, стр. 74).

В. Саянов в своем «Письме о стихах», говоря о необходимости поисков новых форм в поэзии, также предупреждает «начинающих» от опасности формалистических заблуждений и ложного новаторства (1933, № 6-7).

Из позднейших многочисленных выступлений журнала на эту тему следует прежде всего назвать статью Горького «О формализме». Она впервые была напечатана в «Правде» (9 апреля 1936 г.) и в апрельском

---

[62] Специально этому вопросу посвящена, например, статья Н. Рыковой «Как они пишут» (1932, № 7-8). В этой статье автор подвергает острой критике буржуазные реакционные теории, отрицающие роль сознательного начала в психологии творчества и внушающие молодежи представление о том, что писатель может не отвечать за свое творчество перед народом, перед читателем, так как процесс создания произведения якобы совершенно не зависит от воли автора.

номере «Литературной учебы» (№ 4). Подытоживая давний и богатый опыт марксистской критики, Горький говорил о непосредственной связи формализма с идеалистическим миропониманием.

Редакции «Литературная учеба» принадлежит большая заслуга в привлечении к журналу талантливых авторских сил. Горький — редактор требовал, чтобы авторы, не забывая о специфике журнала — о его молодом, еще только начинающем читателе, все же не снижали теоретического и научного уровня статей для журнала, не скатывались бы к упрощенчеству.

Горький всегда придавал огромное значение выступлениям писателей в качестве критиков. «Лучшим критиком художника может быть лишь художник»[63], «художник может научиться мастерству только у художника» (т. 24, стр. 264) — неоднократно говорил он. В «Литературной учебе» практически осуществились эти мысли Горького.

На страницах «Литературной учебы» систематически выступали многие советские писатели со статьями критического и теоретического характера, с рецензиями, разборами рукописных произведений молодых, с рассказами о своем творческом опыте и др. Так, только в 1930—1931 гг. в журнале печатались (помимо Горького) Вс. Вишневский, Ф. Гладков, М. Зощенко, Б. Лавренев, Ю. Либединский, В. Саянов, М. Слонимский, Н. Тихонов, К. Федин, О. Форш, К. Чуковский. В последующие годы наряду с Горьким активно продолжали участвовать в журнале Ю. Либединский, Н. Тихонов, В. Саянов, К. Федин и привлекались новые авторы: П. Павленко, Ал. Сурков, В. Ставский, Л. Соловьев, Мих. Голодный, В. Каверин, М. Исаковский, В. Гусев и другие. Вопрос о привлечении писателей был почти постоянной темой в письмах Горького к сотрудникам журнала и часто стоял в повестке заседаний его редколлегии и ряда других собраний, в той или иной степени связанных с деятельностью «Литературной учебы».

Характерна в этом же отношении и переписка Горького с А. Сурковым в то время, когда поэт стал заместителем редактора «Литературной учебы».

К работе в «Литературной учебе» были привлечены многие критики и ученые: Д. Благой, Н. Бродский, Д. Балухатый, И. Виноградов, И. Груздев, И. Гринберг, В. Десницкий, Л. Тимофеев, В. Жирмунский, В. Кирпотин, А. Лейтес, Л. Мышковская, Б. Реизов, М. Серебрянский, А. Смирнов, Н. Степанов, Б. Томашевский, М. Храпченко и др. На страницах «Литературной учебы» впервые зарождались многие талантливые критические, теоретические и историко-литературные исследования советских ученых.

Интенсивное исследование в журнале важнейших вопросов литературной науки оказало серьезную помощь гуманитарным вузам начала 30-х годов. В то время высшие учебные заведения переживали еще большие трудности с учебниками, и «Литературная учеба», как отмечалось на одной из конференций творческого актива журнала, «благодаря высококачественному материалу становится учебником вузов»[64].

Редакция получала множество писем от своих читателей со словами сердечной благодарности. Они писали о журнале, как о большом, чутком друге, называя его «родным», «помощником», «товарищем». Таким, уходя из жизни, оставил Горький свой любимый журнал. В вышедшем в июле 1936 г. седьмом номере «Литературной учебы» в статье, посвященной памяти Горького, редакция обещала «всю силу своих возможностей, весь жар сердца отдать прекрасному делу литературы побеждающего социализма» (1936, № 7, стр. 22).

---

[63] «Литературное наследство», т. 70, стр. 508.
[64] Протокол конференции. Архив А. М. Горького.

✪

После смерти Горького журнал выходил еще в течение пяти лет. Последний его сдвоенный номер 7-8 был подписан к печати уже в дни Великой Отечественной войны —30 июня 1941 г.

В это пятилетие журнал, конечно, во многом изменился. Перемены были разного характера.

Несмотря на то, что преемники Горького по «Литературной учебе» [65] бережно, с большой любовью относились к горьковским традициям и стремились в своей практической работе как можно лучше и полнее воплотить в жизнь замыслы основателя журнала, он все же в этот период утратил некоторые свои ценные качества. Это выразилось прежде всего в том, что не всегда отчетливо стало улавливаться индивидуальное лицо журнала, его педагогически-учебный «уклон» в горьковском понимании. В «Литературной учебе» все чаще стали печататься необязательные для журнала такого типа материалы (например, публикация архивных документов историко-литературного характера). Значительно реже стали появляться статьи по основным вопросам марксистско-ленинской эстетики. Их глубокую разработку при Горьком (и во многом самим Горьким), основанную на большом фактическом материале классической и советской литературы, заменяли статьи общего, обзорного характера. Нередки были случаи, когда литературный материал прошлого почти совсем вытеснял со страниц журнала современность.

В редакции наблюдалась явная растерянность. К тому же в это время редколлегия журнала подверглась резкой и во многом несправедливой критике. В июне 1937 г. в «Правде» появилась статья В. Владимирова [66] под названием «Дополнительные пожелания. (О журнале «Литературная учеба»)». Автор статьи, почти ничего не говоря о содержании журнала высказывает самые резкие суждения о работе редакции за последние год-полтора: «...каким ... издевательством,— пишет он,— над начинанием и памятью Горького является теперешний журнал...».

Голословность многих обвинений В. Владимирова в адрес редакции становится особенно очевидной при анализе журнала за указанный рецензентом период. Просматривая номера «Литературной учебы» за 1936 и 1937 гг., убеждаешься в том, что возглавляемая А. Сурковым редколлегия (до четвертого номера 1937 г. в ее состав входили К. Горбунов, В. Ставский, Е. Добин, В. Киршон) стремилась вести журнал по горьковскому пути, хотя ей это не всегда удавалось в полной мере.

«Литературная учеба» продолжала пропагандировать классическое наследие, помогая молодежи на лучших образцах мировой литературы постичь тайны художественного мастерства. За период, рассматриваемый рецензентом (1936—1937), в журнале было напечатано много ценных статей, посвященных классике (М. Храпченко. «Юмор и сатира в творчестве Гоголя»; В. Жирмунский. «Жизнь и творчество Гете»; В. Кирпотин. «Добролюбов — критик»; Я. Эльсберг. «Стиль Щедрина»; Л. Мышковская. «О поэтике Пушкина»; М. Эйхенгольц. «Флобер и французский реализм 50-х годов», Н. Славятинский. «Гете и Шиллер» и др.). Два первых номера журнала за 1937 г. были посвящены столетнему юбилею Пушкина (в числе авторов статей в этих номерах принимали

---

[65] А. А. Сурков редактировал журнал до 1940 г., последний год редактором был Ф. М. Головенченко. Активное участие в работе журнала послегорьковского периода в качестве члена редколлегии принимал Н. И. Замошкин и в качестве заведующей редакции — В. К. Белоконь. Тираж журнала в эти годы колебался от 20 тысяч до 15 тысяч экз.

[66] «Правда», 30 июня 1937 г.

участие Н. Бродский, А. Лаврецкий Ю. Соколов, Б. Томашевский, Д. Благой, А. Цейтлин и др.). И в дальнейшем, вплоть до самого закрытия, журнал последовательно знакомил своих читателей с классической литературой всех времен и народов.

Введенный с 1937 г. «Литературный календарь» систематически знакомил читателей с биографиями выдающихся писателей. Значительный вклад внес журнал в изучение литературного наследия Горького.

Большое место в журнале послегорьковского периода занимает фольклор [67]. Отдел был прямым ответом редколлегии на желание Горького — широко и постоянно знакомить литературную молодежь с устным народным творчеством. Многие статьи по этим вопросам были заказаны А. Сурковым еще при жизни и по совету Горького. Еще при Горьком по его прямым указаниям и заданиям (особенно после съезда писателей) в журнале было начато широкое освещение национальных литератур народов СССР. Преемники Горького также последовательно продолжали и дальше развивали в «Литературной учебе» эту тему [68].

К сожалению, вопросы советской литературы разрабатывались журналом крайне нерегулярно. Статьи по этим вопросам были в основном сосредоточены в юбилейном сдвоенном номере (1937, № 10—11), посвященном двадцатилетию Советского государства (Л. Мышковская. «Михаил Шолохов»; С. Нельс. «Творчество А. Фадеева», Б. Брайнина. «А. Н. Толстой», М. Серебрянский. «Николай Островский», Н. Степанов. «Советская поэзия за 20 лет» и др.). Беднее стали и специфические для профиля журнала отделы «практической помощи» молодым писателям, о которых всегда заботился Горький. Так, например, рубрика «Писатели о своей работе», богато представленная при Горьком многими именами известных мастеров художественного слова, в 1937 г. появилась только в одном третьем номере и содержала только одну статью Любови Копыловой «Тема и сюжет». Однако говорить о полном исчезновении «практического материала», как это делал В. Владимиров [69], ни в коем случае нельзя. И в эти годы, хотя и значительно меньшим кругом авторов и реже, но все же с обстоятельным «литературно-учебным» разбором произведений молодых выступали Л. Соловьев, А. Сурков, М. Исаковский, К. Горбунов. Не забыла новая редакция и настойчивых указаний Горького — постоянно давать рецензии в журнале на книги молодых. За эти годы в «Литучебе» было напечатано немало рецензий на книги молодых писателей, вышедших не только в центральных, но и областных издательствах (П. Панченко. «Отцовское солнце»; Г. Шолохов-Синявский «Суровая путина»; И. Попов. «Овеянные славой»; В. Кудимов. «Мартын-живописец»; М. Тевелев. «Счастье»; Вл. Курочкин. «Мои товарищи и др.).

Редакции «Литературной учебы» удалось в своих рецензиях сохранить горьковский тон критики деловой, взыскательной, но дружеской,

---

[67] В 1936—1937 гг. устному народному творчеству были посвящены следующие статьи: А. Лозанов. Ленин в устном творчестве народов СССР, Ал. Дымшиц. Дооктябрьский рабочий фольклор, Н. Андреев. Фольклор и литература, П. Максимов. Фольклор адыгейского народа, В. Чапленко. Фольклор в творчестве Гоголя. В последующие годы (1938—1941) также немало материалов было посвящено фольклору: И. Вострышев. Горький и фольклор, И. Розанов. Песенный фольклор в современной русской поэзии, А. Малинкин. Фольклор в поэзии Коста Хетагурова и др.

[68] Вот, например, только некоторые из материалов, касающихся этой темы, опубликованные в журнале в послегорьковский период: В. Кирпотин. Поэзия армянского народа, Р. Фатуев. Сулейман Стальский, М. Климкович. Литература Советской Белоруссии, К. Алтайский. Акыны Казахстана, П. Скосырев. Об изучении национальных литератур и др.

[69] «Последние номера «Литературной учебы»,— писал он,— ничем не напоминают ее первых номеров. Горьковские указания давно забыты» («Правда», 30 июня 1937 г.).

товарищеской. Так, в 1937 г. А. Тарасенков в статье «Страна Муравия» писал о поэме А. Твардовского, как о большой удаче поэта, как о значительном явлении в литературе о деревне (1937, № 4, стр. 137). В этом же году, с обстоятельным литературным разбором, в доброжелательном тоне журнал писал и о первых книгах Сергея Васильева и Сергея Острового (1937, № 5). В девятом номере за этот же год в журнале появилась рецензия В. Лободи на сборник «Молодая Москва»[70]. Лейтмотивом всей статьи является доброжелательный тон, радость за успехи молодой поэзии (особенно выделены в рецензии М. Алигер, С. Михалков, Е. Долматовский, Л. Ошанин, К. Симонов), искреннее желание помочь как можно скорее избавиться некоторым из поэтов от отдельных недостатков, несерьезности в подходе к той или иной теме и др.

Строгое, но заботливое и бережное отношение новой редакции к литературной молодежи было прямым продолжением и развитием одного из главных принципов Горького — редактора, воспитателя, наставника «начинающих».

С 1938 г. в журнале заметно улучшается постановка практической работы. Стремление преемников Горького следовать горьковским традициям — искать наиболее действенные формы помощи молодым в приобретении специальных литературных знаний,— выразилось, в частности, в новом отделе «Литературные декадники», введенном редакцией в 1938 г.[71]. Под этой рубрикой известные писатели делились с молодежью своим творческим опытом и обстоятельно разбирали их произведения. Н. Погодин, например, рассказывал о своей работе над пьесой «Человек с ружьем» (1938, № 1), Н. Асеев — о создании им поэмы «Маяковский начинается» (1938, № 4), С. Диковский говорил о своих творческих поисках в работе над повестью «Патриоты», А. Толстой рассказывал о своем писательском опыте (1939, № 2), Вл. Луговской разбирая поэму К. Симонова «Ледовое побоище», сказал об авторе ее как о «многообещающем поэте» (1938, № 3, стр. 100). П. Антокольский выступил со статьей «О поэзии» (1939, № 6—9).

Под этой же рубрикой печатался разбор творчества больших литературных объединений («Проза молодых московских писателей», о работе литературного кружка под руководством Н. Ляшко, М. Платошкин. «Литературный кружок завода «Динамо» им. С. М. Кирова» и др.).

Немало интересных материалов, непосредственно обращенных к творчеству молодых, помещалось на страницах «Литературной учебы» и в отделах «Переписка с читателями» и «Литературная консультация». В них принимали участие такие авторы, как К. Паустовский, К. Чуковский, Вл. Лидин, Л. Никулин, В. Казин, Л. Сейфуллина.

В 1938 г. регулярнее стали появляться и такие ценные и специфические для типа журнала материалы, как «Письма из редакции» и «Беседы с молодыми»[72]. В качестве авторов этих материалов выступали М. Исаковский, Н. Асеев, А. Макаренко, П. Слетов и др. В 1940 г. возобновился специальный отдел «Писатели о своей работе» (см. К. Федин. «Тетрадь писателя» — 1939, № 11; Вл. Лидин. «Из записной книжки» — 1941, № 2; Л. Соловьев. «О романе «Возмутитель спокойствия»— 1941, № 2) и др.

---

[70] «Молодая Москва». Сб. стихов под редакцией П. Антокольского и И. Уткина. М., Гослитиздат, 1937.

[71] Этот отдел состоял из перепечаток стенограмм выступлений писателей на «литературных декадниках», которые были организованы по инициативе «Литературной учебы» и ССП с целью усилить творческий контакт молодых писателей с опытными мастерами художественного слова.

[72] В эти годы такие материалы печатались без специально обозначенных рубрик.

Несколько больше внимания «Литературная учеба» стала уделять советской литературе. Систематически печатались рецензии на новые художественные произведения. Этот журнал один из первых писал о таких вещах, как «Танкер Дербент» Ю. Крымова (1938, № 10), «Хлеб» А. Толстого (1938, № 2), «Высокое давление» Л. Соловьева (1938, № 10), «Кочубей» А. Первенцева (1938, № 5), «Мужество» В. Кетлинской (1939, № 4), «Горячий цех» Б. Полевого (1940, № 12), «Грозное оружие» В. Кожевникова (1941, № 7—8) и др.

Таким образом, в «Литературной учебе» последнего периода, несмотря на немалые трудности, удалось все же сохранить основные — горьковские — принципы работы редакции с молодыми писателями.

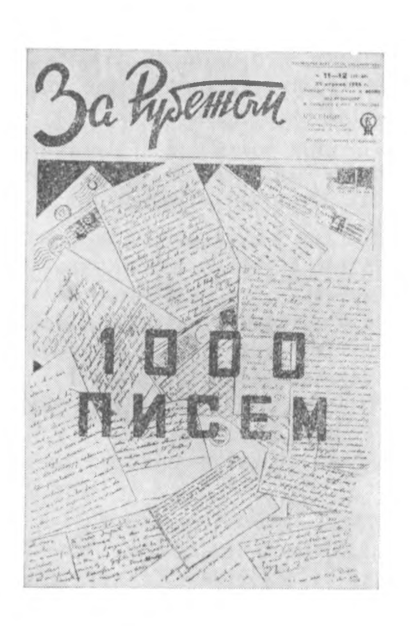
Прекращение издания «Литературной учебы» было вызвано войной. В обращении редакции к подписчикам в последнем номере журнала (№ 7—8, 1941) говорилось: «Выход дальнейших номеров журнала «Литературная учеба» временно прекращается. О возобновлении будет объявлено особо». Но такое объявление после войны так и не появилось. Однако традиции горьковской «Литературной учебы» продолжали и продолжают свою жизнь на страницах многих литературно-художественных журналов послевоенного времени и наших дней. Так, редакция журнала «Вопросы литературы», открывая в 1960 г. особый отдел «Литературная учеба», писала в статье «От редакции», что одна из главных задач этого отдела заключается в том, чтобы «говорить о поисках, открытиях и неудачах молодых литераторов, анализировать их художественные произведения» [73].

Продолжать и дальше развивать и обогащать традиции «Литературной учебы» Горького — одна из важнейших и благородных задач современной литературной журналистики.

---

[73] «Вопросы литературы», 1960, № 1, стр. 158.

«За рубежом»

Есть журналы, которым повезло с самого рождения: они удивительно быстро смогли найти свое лицо, сразу определили точный читательский адрес, и их дальнейшее развитие шло сравнительно ровно, без особых перемен. Другим журналам повезло меньше. При первом же их появлении становилось ясно, что замыслы их организаторов не удались, трудно было определить, на кого журнал рассчитан, что его ждет в дальнейшем. И только чрезвычайные меры могли спасти новорожденного от преждевременной гибели. К таким журналам, журналам с нелегкой судьбой, относится «За рубежом» — трудное детище горьковской идеи.

Журнал «За рубежом» появился в 1930 г., однако мысль о необходимости подобного издания зародилась у Горького значительно раньше. Горький был убежден, что советского читателя надо знакомить с духовной жизнью и повседневным бытом буржуазии, на примерах показывать классовую сущность буржуазной культуры.

Еще в 1927 г. в письме А. Б. Халатову, которое было написано по поводу пробного номера газеты «Читатель и писатель», Алексей Максимович предлагал поставить целью нового издания «всестороннее, объективное освещение двух процессов»: взрыв творческих сил в Советской России и духовное одичание Европы и Америки. «Полагаю,— говорилось в этом письме,— что русскому читателю было бы и забавно, и поучительно прочитать о профессоре *богословия*, который подал в Праге заявление о своей готов-

ности занять должность *палача*, о мэре г. Чикаго, который публично жег в костре книги знаменитых английских писателей, пожертвованные авторами Чикагской библиотеке, о том, что берлинские судебные учреждения загружены делами об истязании детей, о бандитизме в Америке и других бесчисленных и неоспоримых признаках разложения буржуазии во всем мире»[1].

Уже в этом предложении была заключена горьковская идея (впоследствии писатель неоднократно к ней возвращался): современнная капиталистическая действительность сама дает яркие факты, которые могут сослужить отличную службу для ее разоблачения. Но редакция «Читателя и писателя», решившая выпускать еженедельную литературную газету только в качестве «проводника Гизовской продукции», не прислушалась к этим пожеланиям Горького.

Год спустя Горький обращается с подобным советом к М. Е. Кольцову, редактору только что возникшего нового сатирического журнала «Чудак». «Не следует ли Вам ввести в «Чудаке» отдел «Культурная жизнь Европы» или что-нибудь в этом роде? — писал он.— В отделе этом Вы могли бы освещать юмористически бесчисленные скандалы и «сенсации» европейских столиц... Этого нигде у нас нет, а следовало бы начать такую игру»[2]. «Чудак» выполнил пожелание Горького, организовав на своих страницах новый и необычный отдел, целиком построенный на обыгрывании сообщений буржуазной прессы[3]. Но замыслы Горького были шире того, что мог дать сатирический журнал в небольшом отделе.

Горький мечтал об издании, которое систематически и всесторонне освещало бы зарубежный быт и культуру, при этом оно смогло бы «обнажать, обличать скрытую в материале этом политику»[4]. Подобная постановка издания позволила бы решить несколько важных задач. Во-первых, разоблачить замыслы империализма, готовящего новую войну, показать антинародность его идеологии, особенно в ее крайнем проявлении — фашизме.

Кроме этой основной задачи, Горький видел и некоторые задачи побочные. Издание, о котором он мечтал, способно было бы побороть «скептицизм невежества» людей, настроенных «критически» по отношению к советской действительности и видящих по неведению зарубежную жизнь только в розовом свете.

Если в своих первых замыслах о подобном издании Горький разрабатывал только негативную программу, то затем он посчитал ее недостаточной. Развивая свою идею, он полагал, что новое издание позволило бы советскому читателю глубже познакомиться с прогрессивной зарубежной культурой. Оно могло бы, в частности, привлечь внимание к тем книгам прогрессивных иностранных писателей, которые уже изданы в СССР, но прошли для читателя незамеченными. Знакомству с лучшими представителями зарубежной литературы, по мысли Алексея Максимовича, способствовала бы и публикация очерков о них.

Горький искал пути реализации своей идеи. Через месяц после его обращения в редакцию «Чудака» он приходит к выводу, что необходим специальный массовый журнал, который поначалу Горький предлагал выпускать для деревни[5]. Однако вскоре — в июле 1929 г.— Горький дает развернутое обоснование назревшей необходимости приступить к выпуску массового журнала для широких читательских кругов. В статье «Рабочий класс должен воспитывать своих мастеров культуры», опубли-

---

[1] «М. Горький и советская печать», кн. 1. М., «Наука», 1964, стр. 100.
[2] Там же, кн. 2, стр. 228.
[3] Об этом смотри подробнее в статье «Сатирическая журналистика».
[4] Горький — Кострову. В кн. «А. М. Горький и советская печать», кн. 2, стр. 204.
[5] См. статью «О мещанстве». М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 25.

кованной в «Известиях» (25 июля 1929 г.), он говорил о «бесспорно сильном воспитательном значении», которое мог бы иметь журнал, названный Горьким «Жизнь за рубежом».

Тогда же Горький обратился в ЦК партии с предложением об издании этого журнала. Сам Алексей Максимович, находившийся в это время в Москве, предпринял некоторые организационные шаги. Он «пригласил к себе, тогда на Машков переулок, товарищей...,— вспоминает М. Кольцов,— и рассказал, что давно носится с мыслью создать специальный журнал, который давал бы советскому читателю совершенно конкретное представление о повседневной жизни капиталистического мира...» [6].

К идее Горького о выпуске журнала, получившего название «За рубежом», в Центральном Комитете отнеслись положительно. Решение о необходимости издания «За рубежом» было принято 21 октября 1929 г. Остановка была за редколлегией, которая практически воплотила бы горьковскую идею. Остановка эта оказалась довольно длительной, и журнал, существование которого было решено, оставался без хозяина.

Только почти через полгода вопрос о редколлегии был решен. Она сформировалась следующим образом: ответственный редактор — А. М. Горький, заместитель — Т. Костров, бывший редактор «Комсомольской правды» и журнала «Молодая гвардия»; члены редколлегии: Г. Войтинский, историк и экономист; О. Дзенис, историк; М. Рубинштейн, публицист, заместитель директора института экономики Коммунистической академии. Издавать «За рубежом» было предложено Гизу.

Первый номер журнала после длительной подготовки появился в июле 1930 г. Материалы этого номера показали, что между замыслом Горького и тем, что выпустила из печати редакция,— «дистанция огромного размера». Редакция оставила без внимания многочисленные указания Горького, который в своих письмах скрупулезно разбирал, каким должен быть журнал, ставя на первый план вопросы практические: характер материала, его подбор и подача.

В первой книжке «новорожденного» (его объем поначалу — 5-6 печатных листов) было помещено около двух десятков статей. Их тематика была вполне актуальной. Журнал стремился дать читателю разнообразный материал, рисующий жизнь за рубежом во всех концах света. Кризис английской промышленности, положение итальянских рабочих, усиление реакции в Китае, революционный подъем в Индии, упадок индийской промышленности, социал-фашисты в Австрии, положение негров в Америке, религия на службе капитала — эти и другие темы легли в основу статей первого номера.

И, конечно, журнал, поднимающий такие злободневные вопросы, не мог не заинтересовать читателя. К тому же к участию в новом издании были привлечены и зарубежные авторы. Д. Джерманетто написал интересный очерк «Как живется итальянскому пролетариату при Пие XI, Викторе-Эммануиле III и Муссолини единственном», любопытное письмо из Вены прислала А. Смедли. И. Бехер ограничился на первый раз словами теплого приветствия.

Однако, если редакция позаботилась о разнообразии материала, то его «удобочитаемость» была оставлена без внимания. Большинство из опубликованного представляло собой пространные статьи, которые даже не приближались к горьковскому требованию давать материал в форме полубеллетристических очерков. Вместо этого сухое перечисление событий, колонки цифр, нанизанных одна к другой, как в традиционных отчетах: «В истекшем 1929 г. только одна угольная промышленность кое-как выбралась из тех затруднений, в которых она находилась после войны:

---

[6] М. Кольцов. М. Горький — редактор «За рубежом».— «За рубежом», 1936, № 18, стр. 222.

в этом году она получила $2^1/_2$ млн. фунт. прибыли, в то время как в 1928 г. она понесла свыше 10 000 000 ф. убытка. Тем не менее и угольная промышленность далека от довоенного уровня добычи: в то время, как в 1913 г. добыча составляла $287^1/_2$ млн. тонн, в 1929 г. она составляла только $256^1/_2$ млн. тонн. В металлопромышленности положение продолжает оставаться очень тяжелым. Это видно, например, по тому, что в 1913 г. производство чугуна...»[7] и так далее. К сожалению, в таком стиле было написано большинство материалов первого номера, что дало Горькому основание заметить, ознакомившись с ним: «Вся книжка слеплена из статеек обычного газетного типа, написанных поспешно и небрежно».

Однако неудача редколлегии состояла не только в том, что она не сумела найти форму подачи материала. Встав на путь умозрительного описания фактов, редакция оставила без внимания еще одно из главных требований Горького: «Для нас выгоднее, а для читателя убедительнее будет, если мы заставим самое буржуазную прессу говорить фактами о гнилостном распаде буржуазии, оставив за журналом роль нескромного комментатора бытовых фактов»...[8]

Свое обещание, данное в передовой, оперировать «не общими рассуждениями, а грудами фактического материала», редакция не выполнила. В первом номере фактам, взятым из буржуазной прессы, почти не нашлось места. Если они и попадались в отдельных статьях, то давались в окружении такого авторского многословия, что тонули в нем.

И уж совсем не было в журнале фактов, которые, как надеялся Горький, смогли бы удивить читателя «своей новизной и — нередко — своей чудовищной необычностью»[9].

В отделе «Лицо гибнущего мира» редакция приводила факты (в изложении своих сотрудников, а не зарубежной прессы), которые «поражали» скорее своей пресностью, мелкотой и академизмом. Редакция подробно рассказывала, например, о спорах берлинских профессоров, о том, с каким приветствием нужно обращаться к даме, давала примелькавшиеся факты американской статистики: сколько в Нью-Йорке заключается браков, рождается детей и т. д.

Но даже и эти факты можно было бы подать читателю в фельетонном освещении, найти, быть может, интересное сопоставление, использовать сатиру и юмор. К сожалению, в журнале не было ни короткого остроумного комментария, ни фельетона, ни, наконец, просто подборки курьезов зарубежной жизни — всего того, на чем настаивал Горький, советуя сделать журнал живым и веселым.

Плохо было и с оформлением. Журнал, с одной стороны, помещал явно примитивные рисунки, выполненные в небрежной манере, а с другой — давал усложненные фотомонтажи, в которых трудно было разобраться. Так на обложке был помещен невыразительный рисунок старика с впалой грудью и ревматическими ногами, с лохмотьями на бедрах. «Кривоногая, гнусного вида фигура без штанов,— писал Горький,— напечатана... как бы для того, чтоб читатель не заглядывал в книгу». По поводу другого, аналогичного по качеству рисунка, выполненного художником Хомиком, Горький отозвался так: «У нас на 62 стр. Хомик повесил деревянную куклу с одной ногою и задницей на месте живота. Всякий человек, даже незнакомый с анатомией, увидит, что так нельзя удавиться или удавить. С темой статьи «Город самоубийц» этот дурацкий рисунок никак не согласуется»[10].

---

[7] «За рубежом», 1930, № 1, стр. 4.
[8] «М. Горький и советская печать», кн. 2, стр. 205.
[9] Там же, стр. 204.
[10] Там же, стр. 214—215.

Не лучше обстояло дело и с фотомонтажом. На одном из них, изображающем, если верить подписи, «Завод им. Дзержинского, занесенный на красную доску, и запашку в колхозе», читатель видел скопище труб с надписью «Самокритика», фрагмент тракторного колеса и нагромождение маховиков и шестеренок различных форматов. Многие снимки мало о чем говорили читателю. Таковы «Мельница в провинции Хэнань», «Индусские рабочие на электрической штамповальной фабрике», «Старый негр-раб» и др.

Вместе с тем редакция решила взяться за темы, лежащие явно вне ее компетенции. Целый разворот номера был посвящен советской литературе, трактовка которой давалась в вульгаризаторском духе. В заметке «Лицом к современности», например, «Братья» К. Федина отнесены к псевдореволюционным произведениям, которые «едва ли могут служить хорошим оружием против клеветы на Советский Союз». Неправильно понимая современность литературы, журнал объявлял незлободневными «Железный поток» А. Серафимовича, «Барсуков» Л. Леонова, «Цемент» Ф. Гладкова и призывал писателей поскорее обратиться к темам сегодняшнего дня.

Тут же были помещены шаржи на героиню романа С. Семенова «Наталья Тарпова» и плоская эпиграмма А. Безыменского «Рождение героя на барже «углубленного психологизма».

«Литературная страница», как и многие другие материалы журнала, показала, что редакция не поняла задач, стоящих перед нею.

Не удивительно, что А. М. Горький, ознакомившись с журналом, написал заместителю редактора Т. Кострову, выпускавшему номер: «Первая книга «За рубежом» определенно и весьма досадно не удалась»[11]. По существу, редакция не выполнила ни одного требования Горького, которые он ставил перед новым изданием в своих письмах. И, может быть, о первом номере «За рубежом» не стоило бы так подробно писать, если бы историю его создания можно было объяснить пословицей «первый блин комом». Но на этот раз комом оказался и второй, и третий, и четвертый номера. Недостатки, свойственные первой книжке, передавались из номера в номер.

Было бы неправильно сказать, что журнал не стремился стать лучше, давать интересные материалы. Редакция привлекла к участию зарубежных писателей и публицистов, писавших специально для нее,— Альфреда Куреллу, Марио Романо, Ганса Пфейфера, Габриеля Пери, Фреду Этли, советских журналистов С. Ингулова, Л. Кассиля, Л. Никулина и других. Многие статьи, как, например, о германском и итальянском фашизме (№ 4, 1930), о подлинном лице социал-демократии (№ 2—3, 1931), не могли не привлечь внимания читателей.

В «За рубежом» с первых его шагов печатались карикатуры Д. Моора, А. Дейнеки, Г. Гросса, Ф. Мазерееля, У. Гроппера. Затем стали появляться и рисунки, взятые из иностранной печати. Но по-прежнему большинство материалов журнала носило характер хотя и обстоятельных, но обзорных статей, которые были растянуты и не содержали оперативных откликов на события. Не были оперативными и иллюстрации (карикатуры и фотографии). «За рубежом» давал явный крен в сторону общих вопросов международной жизни. Это заставило Горького задуматься над дальнейшей судьбой журнала.

К тому же ко всем бедам добавилось еще и систематическое опаздывание, с которым выходил «За рубежом». В 1930 г. вместо обещанных шести номеров вышло только пять, в 1931 — вместо двенадцати — восемь. Вот характерная деталь, рисующая темпы работы над журналом: № 7-8

[11] «М. Горький и советская печать», кн. 2, стр. 213.

(июль-август) был сдан в набор 4 ноября, а подписан к печати только три месяца спустя — в феврале следующего года. Все это вынудило редакцию обратиться к читателям в № 1-2 за 1932 г. (этот номер вышел в мае) со следующим обращением: «Рассылка журнала «За рубежом» за 1931 г. окончилась № 7-8. Дальнейшие номера с № 9 подписчики получат в 1932 г. соответственно сроку их подписки. Настоящий номер рассылается прошлогодним подписчикам взамен № 9-10». Но и это обещание оказалось невыполненным. Номер, в котором оно было помещено, подвел черту первому периоду существования журнала.

В июне 1932 г. Алексей Максимович обратился в ЦК ВКП(б): «Форма журнала, его периодичность, характер обработки материала и организационная структура редакции себя не оправдали. Я предлагаю:

1. «За рубежом» в его нынешнем виде закрыть и редколлегию считать распущенной.

2. Выпускать журнал в новом виде отныне два раза в месяц, по обновленной расширенной программе, возможно даже под новым названием, под редакцией моей и тов. Мих. Кольцова, согласие которого имеется» [12].

Новый, реорганизованный «За рубежом» вышел 30 ноября 1932 г. Уже внешне он был не похож на своего предшественника с его толстыми небольшого формата книжками в плотных переплетах и невыразительной версткой. Новый «За рубежом» напоминал тонкий иллюстрированный журнал форматом немногим больше «Огонька», а по манере подачи материала, обилию клише, заголовков и рубрик приближался скорее к газете. Но дело было не только во внешнем виде. В передовой статье журнал, который вышел под редакцией М. Горького и М. Кольцова, объявлял: «Начиная с этого номера, читатель, знакомый со старым «За рубежом», берет в руки новый, отличный от прежнего журнал, который по-новому *подбирает материал*, по-новому *оформляет его*, по-новому *строит свою технику*» [13].

Новый подбор материала и оформление его диктовались прежде всего теми принципами, которые положила редакция в основу своей работы. Эти принципы — массовость и оперативность.

Если прежний «За рубежом» ориентировался, как он сам заявлял, на «широкие кадры партийного и комсомольского актива, передовую часть беспартийных» [14], то новый журнал рассчитывал на самые широкие читательские круги. «Я не представлял «За рубежом»,— писал Горький,— журналом для авангарда революции, а — журналом для ее армии, массы, арьергарда».

Новый «За рубежом» (а с 1933 г. он стал ежедекадным) стремился быть доступным и понятным массовому читателю. Достигалось это не примитивностью изложения и не намеренной облегченностью материала.

Львиную долю места редакция отвела фактам, взятым из буржуазной прессы, перепечатке из иностранной периодики статей, репортажей и очерков. Успешно сосуществовали очерки, написанные специально для журнала и позаимствованные им. Трудно сказать, какие из них надо поставить в заслугу редакции: подбор «своих» очеркистов, как и отбор готовой продукции из огромной массы прессы, которой располагал журнал, представляется делом в равной степени сложным, если учесть, что на страницах «За рубежом» печатались (в большинстве) очерки высокого качества.

Среди очеркистов, писавших специально для журнала, были И. Эренбург, И. Ильф и Е. Петров, Э. Киш, Э. Триоле, Л. Муссинак, Б. Дэвис

---

[12] «Новый мир», 1956, № 6, стр. 166.
[13] «За рубежом», 1932, № 1 (ноябрь).— Курсив мой.— *Г. С.*
[14] «За рубежом», 1930, № 1.

и др. «За рубежом» напечатал многие очерки Э. Хемингуэя (главным образом во время его пребывания в Испании), Б. Брехта, Д. Пристли, Д. Дос Пассоса, Г. Поллита, В. Бределя.

Считая необходимым отразить быт зарубежных стран, редакция взяла курс на публикацию путевых очерков. Их в журнале было больше других. Глазами И. Ильфа и Е. Петрова читатели смогли взглянуть на Грецию («День в Афинах», 1935, № 14), вместе с Д. Пристли они познакомились с бытом крупнейших городов Англии («Путешествие по Англии», 1934, № 29—31), Б. Девис провела их по пути из Мельбурна в Москву («Из Мельбурна в Москву», 1933, № 16) и т. д. Стремясь сделать публикацию путевых очерков систематической, редакция организует в «За рубежом» постоянный отдел «Путешествия», материалы которого были обычно насыщены интереснейшими фактами и богато иллюстрированы.

Что несли эти очерки читателю? Конечно же не просто массу фактов. И далеко не всякий очерк, насыщенный любопытнейшими фактами, мог попасть из буржуазной прессы на страницы «За рубежом». В отборе очерков постоянно чувствовалась тенденция редакции. Ее интересовала, например, не экзотика далекого острова Мальты, а трудное положение на этом острове простого люда. Вместе с тем, журнал с неизменной симпатией рассказывал о добрых обычаях и традициях простого народа, который, несмотря на все жизненные невзгоды, сохранял свою самобытность и культуру.

Когда в 1934 г. М. Кольцов выступал на совещании очеркистов, он назвал свой цикл очерков «Девятнадцать городов» книгой «характеристик и ракурсов целых стран в рамках портретов их столиц и провинциальных центров» [15]. Кольцов считал, что очеркист должен изучить ряд явлений, но читателю рассказать только о наиболее типичном, т. е., по выражению Кольцова, «сосредоточить тему» так, чтобы дать читателю не случайные наблюдения, а на частных примерах показать общее, нарисовать в одном очерке портрет страны. Этот кольцовский принцип несомненно сказался при отборе очеркового материала для перепечатки в «За рубежом».

По этому же принципу отбирался материал и для другой очерковой серии — «Портреты современников». Серия эта (она была в журнале постоянной) строилась необычно. Во-первых, она давала портреты довольно видных представителей капиталистического мира: промышленников, банкиров, политических деятелей. И определение «довольно видных» здесь не случайно. Крупнейшие фигуры сюда попадали редко. Журнал рассказывал читателям о тех деятелях, которые не были широко известны, но являлись типичными «детьми века». Очерки эти, включавшие нередко сатирические, а то и памфлетные куски, несли всегда обильную информацию, позволявшую читателю через один «портрет современника» составить представление о вещах более общих: положении в политической партии, характере взаимоотношений среди промышленников и т. д. [16]

Во-вторых, под этой же рубрикой редакция давала портреты другого плана. Следуя горьковскому указанию «освещать мировое революционное движение на базе бытового материала», «За рубежом» публикует очерки о замечательных революционерах, прогрессивных деятелях, близких революционной борьбе рабочего класса. В очерках о прославленном генерале республиканской Испании Рохо (Ж. Сориа. «Генерал Висенте

---

[15] «Наши достижения», 1934, № 7-8, стр. 170.

[16] См., например, очерки А. Кестера — «Альфред Гугенберг» (1933, № 5), Ш. Стоуна — «Эдуард Бенеш» (1935, № 5), Дж. Голдхила — «Сэмюэл Хор» (1936, № 2), А. Хамадана — «Ван Цзин-вей» (1936, № 4) и др.

Роко», 1938, № 4) или об американском коммунисте Д. Форде (С. Гарлин. «Джэймс Форд», 1935, № 27), редакция давала портреты лучших современников, которыми гордилось прогрессивное человечество, и рубрика «Портреты современников» приобретала в этом случае совсем иной характер.

Материалы, опубликованные в форме «полубеллетристических очерков», были самыми доступными для читательского восприятия. Но помимо их, «За рубежом» печатал статьи, заметки, высказывания, отклики газет на какое-либо событие и т. д. И тут перед журналом вставала проблема, как помочь читателю разобраться в этом «непрерывном потоке живой, конкретной, свежей информации о жизни всего мира» (Кольцов). Причем для журнала в силу его специфики «помочь разобраться» значило привлечь новых читателей, сделать издание массовым. Для решения этой проблемы редакция избрала несколько различных путей.

Помимо ясно выраженного стремления добиться простоты и точности статей, редакция дала своему читателю обильный вспомогательный материал. Она вводила на страницы «За рубежом» разнообразные отделы и рубрики, материалы которых были призваны помочь читателю ориентироваться в международной жизни, расширить его кругозор.

В «Алфавите иностранной печати» редакция предоставила место для справок о зарубежной прессе, с которой читатель встречался в журнале. Справки эти были очень лаконичны. Например: «Ангрифф» («Нападение»), Берлин. Орган национал-социалистической (гитлеровской) партии. Ежедневная вечерняя газета. Редактор — Геббельс»[17]. Но эти краткие информации давали возможность не только получить сведения об отдельном издании, но и составить картину, рисующую, в чьих руках находятся крупнейшие издания в той или иной стране.

В помощь читателю был организован сразу завоевавший большую популярность «Словарь текущих событий». Впервые появившийся в шестом номере 1933 г., «Словарь» давал справочные сведения о фактах, деятелях, терминах и т. д., знакомство с которыми, по мнению редакции, было необходимо для «отчетливого понимания текущих событий зарубежной жизни». По предложению редакции читатели сами присылали в журнал вопросы, ответы на которые публиковались в «Словаре». Здесь можно было найти, например, не только биографию политического деятеля, но и его портрет. Карта, портрет, рисунок, фотография — все это использовалось в «Словаре».

Практика показала, что редакция в своем стремлении помочь массовому читателю разобраться в событиях пошла по правильному пути. Читательский успех «Словаря текущих событий» привел к тому, что небольшой вначале отдел впоследствии разросся в целую «Службу справок», занимавшую полосу журнала. «Служба справок», помимо уже знакомого «Словаря текущих событий», давала статьи из цикла «Наш атлас», в котором по просьбе читателей рассказывала о каких-либо событиях, сопровождая этот рассказ графическим изображением (например, картой «Антияпонское движение в Китае в 1931—35 гг.»)[18]. Тут же печатался отдел «За 10 дней», в котором календарно, в 3—5 строчках излагались наиболее важные события за минувшую декаду.

Причем журнал делался так, что читатель мог, ознакомившись с хроникой «За 10 дней», найти рядом, в том же номере комментарий, подборку высказываний, статью, очерк об этих событиях. И «Словарь текущих событий», и «За 10 дней», и другие вспомогательные отделы служили для читателя, пустившегося в плавание по страницам журнала

---

[17] «За рубежом», 1933, № 1.
[18] «За рубежом», 1936, № 1.

«За рубежом», надежными ориентирами, расставленными для него редакцией.

Новый редакционный коллектив стремился делать журнал так, чтобы заинтересовать читателя, заставить и купить и обязательно прочитать очередной номер. Наиболее удачные материалы анонсировались на первой же странице. Делалось это броско. «Лабиринт долгов», «Голодающая Америка», Б. Шоу. «Черная девушка ищет бога», «Монахи стреляют», Д. Кейнс. «Пятидесятая конференция», «Тайна Бориса Захарова», «Что делается в Китае», «Колония в центре Европы», Я. Перельман. «Ракета как двигатель и экипаж» — это анонсы одного номера 1933 г.

Читатель получил возможность сам непосредственно познакомиться с высказываниями зарубежной печати. Редакция же, когда это было необходимо, брала на себя роль «нескромного комментатора», которую на нее возложил Горький и с которой она успешно справлялась. Комментарии эти иной раз умещались в одну строчку, иногда занимали один-два небольших абзаца — вступление или послесловие к перепечатываемому материалу. Важность их (вне зависимости от количества строк) очевидна: «нескромными комментариями» редакция давала свою оценку событиям, помогала читателю распознать иногда весьма тонко завуалированный смысл того или иного сообщения.

Подобный комментарий позволил вынести на журнальные страницы яркие, необычные, но характерные для буржуазной действительности факты, мимо которых советская печать иногда проходила. Таким образом, даже обычные факты, мелькавшие на страницах наших газет, выглядели в «За рубежом» иначе. Неожиданным заголовком или «неоправданным» соседством редакция заставляла эти факты звучать по-новому.

«Месяц буржуазного прогресса» — так была названа одна из подборок, которой журнал открыл свой четвертый номер за 1933 г. Поводом для этого заголовка явилось заявление канадского профессора Мэя: «1933 год начался под знаком буржуазного прогресса». Слова профессора редакция вынесла в эпиграф, а дальше привела 8 сообщений буржуазной печати, которые были снабжены специальными заголовками. Эти маленькие заголовки как будто соответствовали общему названию подборки. «Защита слабых», «Обеспечение мира», «Добрые соседи», «Прочность власти», «Демократия и свобода» — все они словно подтверждали заявление профессора из Канады. Тем контрастнее выглядели факты, помещенные здесь же и рассказывающие о захватнических войнах, чехарде правительственных кабинетов, массовых выступлениях берлинских фашистов против германских коммунистов и т. д. Становилась ясной и сатирическая направленность заголовков, превратившихся в данном случае в микрокомментарии.

Такого рода подборки иногда занимали место передовой, иногда появлялись в качестве самостоятельного материала.

Оперативный характер издания требовал от редакции столь же оперативного разъяснения последних событий. Такие разъяснения давались обычно в передовых статьях «За рубежом», появлявшихся по мере необходимости.

Передовые журнала строились не как рассуждения на общие темы международного положения, а как комментарий к конкретному событию. Иногда это было подробное разъяснение, например, значения пактов, подписанных в лондонском полпредстве СССР («Стержень мира», 1933, № 16), фактов наступления буржуазии на рабочий класс («Фашизм и военная опасность», 1933, № 22).

Иногда под одним общим заголовком редакция объединяла несколько комментариев, как это было сделано в № 19 за 1933 г., где редакция разъясняла новые факты кризиса капиталистического хозяйства («Увяд-

шие мечты»), объясняла значение военных приготовлений Японии и Германии («Пушечная лихорадка»), комментировала факты активизации германских банкиров в Латвии и Эстонии («Фашизм в Прибалтике»). Все эти три заметки напечатаны под заголовком «Поход воинствующего капитала», устанавливающим их тематическую общность.

Но и эти своеобразные передовые статьи в «За рубежом» не были обязательными. Творческая смелость, гибкость, умение найти интересные формы отклика на последние события делали журнал постоянно новым, не давали ему возможности закостенеть, состариться.

В 1933 г. редакция выпускала номер, выходивший в третью декаду января, когда отмечался день памяти В. И. Ленина. Здесь она опубликовала на первой странице письмо Владимира Ильича в Государственное издательство. В этом письме от 8 августа 1920 г. Ленин писал: «Как в наших газетах, так и в иностранных (не только коммунистических, но и буржуазных газетах *разных* стран) скопляется *еженедельно* гигантский материал...

Материал этот... пропадает для международной коммунистической агитации, а он крайне ценен.

Предлагаю создать комиссию для сводки этого материала и издания *ежемесячно* маленьких брошюр...» [19]

Письмо В. И. Ленина выполнило роль замечательной передовой. Оно не только еще раз подтвердило необходимость выпуска издания типа журнала «За рубежом», но продемонстрировало ленинское стремление поставить факты буржуазной прессы на службу коммунистической агитации.

Можно привести еще немало примеров умения редакции изобретательно открыть номер. Причем эта изобретательность всегда была подчинена не оригинальности во что бы то ни стало, а задаче лучшего раскрытия содержания номера, оперативного отклика на события. О войне «сынков Муссолини» в Абиссинии рассказал Эрнест Хемингуэй, его очерк «Крылья над Африкой» опубликован на первой странице журнала (1936, № 8). В качестве иллюстрации взаимоотношений между Англией и Италией «За рубежом» публикует на месте передовой позаимствованный из «Манчестер гардиан» разговор англичанина с итальянцем, который в сатирическом ключе изображает вожделения их империалистических хозяев (1936, № 2).

В передовых статьях журнала выработался тот особый стиль комментариев, который стал для него типичен. Стиль этот характеризуется максимумом конкретности и оперативности. Вне зависимосит от того, шел ли автор от общего положения и доказывал его верность на частных примерах или на основе частных примеров он делал общие выводы, его комментарий был оперативен, предельно конкретен, насыщен интересными фактами, опубликованными в зарубежной прессе. У читателя ежедекадника складывалось определенное представление о комментаторах «За рубежом»: несмотря на разнообразие творческих почерков, они были людьми не болтливыми, деловыми, умеющими быстро откликаться на события и доказывать свою точку зрения при помощи убедительных доводов. Таких талантливых комментаторов-публицистов, которые писали свои комментарии (в широком смысле этого слова) в формах и статьи, и фельетона, у журнала было немало. Д. Заславский, М. Левидов, Б. Львов, М. Гершензон, Б. Михайлов, Л. Арагон, Ф. Геккерт были хорошо знакомы читателям.

Умение быть оперативным журнал доказал и иллюстративным материалом, и прежде всего сатирическими рисунками. Карикатура, кото-

[19] «За рубежом», 1933, № 3.

рую, как однажды верно заметили Кукрыниксы, «по степени эмоционального воздействия на читателя можно приравнять к фельетону»[20], была в журнале «За рубежом» всегда желанным гостем. Во-первых, она зачастую фигурировала на первой же странице. Сюда попадали наиболее злободневные рисунки, выполненные чаще всего советскими художниками: Д. Моором, Б. Ефимовым, Кукрыниксами, К. Ротовым, А. Баженовым, М. Храпковским, А. Радаковым и др. Во-вторых, немало карикатур печаталось и внутри каждого выпуска. Карикатура успешно сопровождала очерки, статьи, заметки, продолжая и развивая их темы своими сатирическими методами. Редакция в этом случае широко использовала зарубежную печать, помещая в каждом номере от 20 до 40 карикатур самых различных изданий.

Так, например, в № 24 (1933) напечатаны сатирические рисунки из английских «Ивнинг стандарт», «Панч» и «Нью лидер», американских «Дейли уоркер», «Нью-йоркер» и «Геральд», французских «Юманите», «Люльер», «Марианна», «Рампар» и «Монд», австрийской «Арбайтер цайтунг», польской «Мухи» и т. д.

Целиком на рисунках, взятых из иностранной печати, строился специальный отдел «Политика в карикатуре», обычно помещаемый на последней странице журнала. Введенный Кольцовым по совету Горького, предложившего организовать в «За рубежом» что-то наподобие добролюбовского «Свистка», этот отдел появлялся регулярно из номера в номер. «Редакция «За рубежом» дает все лучшее из того, что появляется на страницах зарубежной печати,— писал художник Ю. Ганф.— Перед читателями «За рубежом» прошла плеяда блестящих мастеров карикатуры: Лоу, Соглоу, Дерсо и Келен. Журнал знакомит с работами Бэрка, Рэгга, Сенепа, ввел Эффеля и Кюри»[21].

Без рисунка, диаграмм, чертежа и фотографий не обходилась ни одна страница журнала «За рубежом». Это дало основание одному из опытных деятелей тонких иллюстрированных изданий Е. Д. Зозуле назвать «За рубежом» — «новым типом иллюстрированного журнала, совмещающего серьезность материала с живостью оформления».

Новое содержание, которое нес журнал, вызвало к жизни новую форму. Короткие, по-газетному броские заметки сочетались здесь с журнальными статьями, обильно иллюстрированными, газетная подборка интересных фактов находилась рядом с серией карикатур, которые украсили бы любой сатирический журнал, краткий, по-газетному оперативный комментарий соседствовал с циклом очерков, печатавшихся как в толстых журналах, с продолжением.

Это был новый тип издания, которое трудно было уложить в известные до него мерки. Не случайно его редакторы после нескольких месяцев выпуска реконструированного журнала «За рубежом» дали ему подзаголовок, никогда прежде не появлявшийся в периодике,— «ежедекадный журнал-газета».

Читатели оценили высокие качества нового журнала. Когда в ноябре 1933 г. исполнилась первая годовщина деятельности ежедекадника, в журнал пришло множество поздравительных писем[22]. Некоторые из них были опубликованы. Свой маленький юбилей редакция использовала не для славословия, хотя в письмах были и приятные слова похвалы и благодарности, а для подтверждения правильности выбранного ею курса и определения новых задач.

---

[20] «Большевистская печать», 1938, № 11, стр. 17.

[21] «За рубежом», 1935, № 33.

[22] Свое летоисчисление редакция вела не с июля 1930 г.— времени выхода № 1 «За рубежом», а с ноября 1932 г., когда журнал вышел в реконструированном, а по существу в совершенно новом виде. Позже (с № 3 за 1937 г.) на первой странице «За рубежом» постоянно печаталось: «Журнал основан М. Горьким в 1932 году».

Журнал был нужен читателю. «Я всегда с большим интересом читаю «За рубежом»,— писал народный комиссар по иностранным делам М. М. Литвинов.— В живой, доступной и при этом деловой форме он дает картину международных отношений и классовой борьбы во всем мире». Однако этого редакции было уже мало. Она стремилась полнее удовлетворить требования своих читателей, расширить тематическую сферу издания. «Вместе с ростом культурного уровня масс Советского Союза,— отмечалось в редакционной статье «Год работы»,— наблюдается необычный подъем интереса к разнообразнейшим сторонам зарубежной жизни, и реконструированный журнал призван более полно и гибко обслужить эти вопросы» [23].

Об этих запросах писали и читатели, которые советовали освещать на страницах журнала «успехи науки, техники и искусства во всех его проявлениях» (из письма президента Академии наук СССР А. Карпинского). Согласившись с этими предложениями, редакция, «вступая во вторую годовщину», взяла на себя обязательство выполнить читательские наказы.

Журнал и раньше касался вопросов литературы и искусства. Но в 1932—1933 гг. статей на эти темы было мало, появлялись они крайне нерегулярно и содержали критический разбор или белоэмигрантской литературы («За струнной изгородью лиры» Л. Никулина — 1932, № 2; «Рубаки на сене» К. Зелинского, 1933, № 4), или нездоровых явлений буржуазного кино («Экран бледнеет» И. Ивенса — 1933, № 4), или исполнительской манеры зарубежных музыкантов («От Антона — к Артуру» М. Михайлова — об известном пианисте Артуре Рубинштейне, 1933, № 3). Призыву Александра Таирова, считавшего «необходимым для нас, советских художников, настоящее знакомство с жизнью искусства и, в частности, театра на Западе» [24], редакция поначалу внять не смогла.

В дальнейшем картина изменилась. Не отказываясь от критики того нездорового, потрафляющего низким вкусам, что было в буржуазном искусстве, критикуя деятелей культуры, оторванных от народа, отдавших свой талант воспеванию капиталистического образа жизни, журнал стал систематически рассказывать обо всем лучшем, передовом, прогрессивном в иностранной литературе и искусстве.

Уже в конце 1933 г. здесь появляется новый отдел «Мировой книжный рынок», в котором редакция решила «знакомить читателя с выходящими за рубежом беллетристическими и социально-экономическими произведениями — в виде обширных отрывков, отдельных рассказов, переводных и оригинальных рецензий и т. д.» [25]. На первый раз были опубликованы две рецензии на новые, только что изданные книги. Одна из них — Гарольда Дж. Ласни из «Манчестер гардиан» — анализировала книгу Г. Уэлса «Очертания грядущего», другая — Рене Греми из «Юманите» — была посвящена роману Синклера Льюиса «Анна Виккерс».

Не пытаясь конкурировать с толстыми журналами, «Интернациональной литературой» в частности, редакция повела новый отдел уже определившимися в «За рубежом» методами. Следуя принципу оперативности, она дает оценку только самым последним новинкам иностранной литературы. Причем охотно печатает рецензии и опубликованные в зарубежных газетах и написанные специально для «За рубежом».

Сумев привлечь к участию в журнале большой круг переводчиков высокой квалификации, редакция решила публиковать отрывки из романов, не ожидая полного их перевода. Это дало возможность читателю познакомиться (хотя бы в отрывках) с интересными произведениями.

---

[23] «За рубежом», 1933, № 31, стр. 1.
[24] «За рубежом», 1932, № 1, стр. 20.
[25] «За рубежом», 1933, № 23.

На страницах журнала «За рубежом» были опубликованы главы из романов А. Мальро «Завоеватели» (1933, № 25), Роя Сикса «Мы — голодные (1933, № 29), Л. Арагона «Базельские колокола» (1934, № 25), Р. Олдингтона «Дочь полковника» (1935, № 1), Л. Фейхтвангера «Семья Оппенгейм» (1935, № 6) и «Сыновья» (1935, № 33), Ж. Ромена «Опасность надвигается» (1935, № 36), Б. Брехта «Трехгрошовый роман» (1935, № 15), Л. Гийю «Черная кровь» (1936, № 4), С. Льюиса «Здесь этого не может случиться» (1936, № 8), А. Монтерлана «Холостяки» (1936, № 10), А. Цвейга «Воспитание под Верденом» (1936, № 12), А. Зегерс «Спасение» (1937, № 28), А. Мальро «Надежда» (1937, № 35) и многих других.

Насколько был велик интерес читателей к этим страницам «За рубежом», можно судить по тому, что уже вскоре после появления отдела «Мировой книжный рынок» он был значительно расширен. Помимо рецензий, которые, кстати, теперь стали печататься на второй полосе журнала, отдел пополнился хроникальной подборкой «Литературные новинки». Читатель мог, например, познакомившись с довольно обстоятельными рецензиями Л. Фейхтвангера на книгу Л. Маркузе «Игнатий Лойола» и А. Дейча на сборник статей Р. Роллана «Пятнадцать лет борьбы», получить в «Литературных новинках» десятистрочную информацию о выпущенном в Париже романе А. Моруа «Вольтер», новой книге Э. Хемингуэя «Зеленые холмы Африки», издании «Записных книжек» Марка Твена и т. д. («За рубежом», 1935, № 22) [26].

Не случайно В. Катаев, говоря о работе «За рубежом» и, в частности, его отдела «Мировой книжный рынок», поставил в заслугу журналу регулярное освещение зарубежной литературной жизни. «Достаточно назвать имена,— писал он,— с которыми «За рубежом» непрестанно знакомит советского читателя, а многих просто открывает ему, чтобы оценить его культурное значение» [27]

Журнал сумел выполнить пожелания читателей, высказанные при его первой годовщине. Огромное число материалов было опубликовано не только о литературе, театре, кино, но и о науке, технике, спорте. От рассказа о первом метрополитене в Лондоне до подробной информации (с чертежами) о прославившемся самолете «Небесная блоха» («Зарубежная «блоха»,— писали читатели,— заинтересовала не только отдельных летчиков-любителей, но и целые заводы, которые уже начинают постройку своих «блох» [28]). От иллюстрированной информации «Предметы комфорта», многие из которых могли быть «заимствованы предприятиями нашей легкой промышленности для широкого внедрения в быт» [29], до рассказа о плотине на реке Тенесси (1935, № 22). Новая военная техника, сверхскоростные поезда, обитатели морского дна, правила игры в регби, борьба на теннисных кортах, бейсбол — все эти материалы помогали читателю наглядно представить себе жизнь в капиталистическом мире во всех ее проявлениях.

Неудивительно, что тираж журнала быстро возрастал. Если в 1930 г. (при первом рождении) «За рубежом», как вспоминает Кольцов, «с трудом расходился в 8—10 тысячах экземпляров, что для издания подобного рода было, конечно, совершенно ничтожным тиражом» [30], то уже к концу 1933 г. (первой годовщине реорганизованного «За рубежом») тираж журнала достигает 50, затем 75, 100 и в 1935 г. 125 тысяч. Дальнейший

---

[26] С рецензиями на новые книги, помимо зарубежных авторов, здесь выступали М. Урнов, Л. Вессель, П. Балашов, Р. Ихок, И. Ипполит, А. Гран, Ф. Рубинер и др.
[27] «За рубежом», 1935, № 33, стр. 753.
[28] Там же, стр. 752.
[29] «За рубежом», 1936, № 4, стр. 84—85.
[30] «За рубежом», 1936, № 18, стр. 411.

рост тиража лимитировался бумажными фондами — подписка на журнал была ограниченной. Но и эти цифры убедительно говорят о том, что редакция успешно решила проблему превращения журнала «За рубежом» в массовое издание.

В одной из своих статей «Правда», говоря об успехе «За рубежом» у читателей, подчеркнула, что журнал делается *«тщательно, инициативно, чисто»* и что он дает «интереснейший материал для чтения» [31].

Литература и искусство, наука, техника, спорт были для журнала «За рубежом», как мы видели, новыми областями, освоенными им далеко не сразу. Материалы о противоречиях внутри империалистических стран и между ними, о распространении фашизма журнал давал с первых своих шагов. И здесь, очевидно, нужно вести речь не о содержании этих материалов, хотя они дают интересную и самую убедительную историю европейского фашизма 30-х годов, а о формах подачи этих материалов. Это поможет лучше представить методы работы «За рубежом».

Определение стиля работы редакции, данное «Правдой», здесь как нельзя более кстати. «Тщательно» — материал отбирался наиболее яркий и существенный, за незначительными мелочами редакция не гналась; «инициативно» — на страницы «За рубежом» попадали свежие факты в самом различном изложении — от признания дипломата до газетного объявления, изобретательность была неистощимой; «чисто» — редакция пользовалась только фактами, фактической достоверностью материалов объяснялась убедительность ее выступлений.

Вот несколько показательных примеров. Когда в августе 1935 г. в газетах появилась информация об очередном съезде гитлеровской национал-социалистической партии, журнал «За рубежом» не перепечатывал ее. В № 25 (от 5 сентября) он отводит две страницы специальной подборке «Германия накануне съезда фашистов». Здесь нет никаких комментариев. Перепечатаны статьи из парижских «Тан» и «Пари суар», лондонских «Ньюз хроникл», «Манчестер гардиан» и «Таймса», пражской «Нойес дойче блечтер». И каждая из них говорит о том, с чем приходит фашизм к своему съезду: в стране не хватает продуктов, растут цены, в качестве выхода из положения нацисты предполагают начать новое наступление на евреев, Германия покрыта сетью платных и добровольных осведомителей, из-за гонки вооружений стремительно ухудшается финансовое положение страны и т. д. Только факты, свидетельства очевидцев, статистические данные самой буржуазной печати, полученные в результате обработки иностранного «сырья» — нескольких сотен газет и журналов, выходящих в десятках стран.

Германская печать в эти дни трубила об успехах, которыми нацисты встречают свой съезд, и подводила победные итоги. «За рубежом» тоже рассказывал о подготовке к фашистскому съезду, но он подводил иные итоги. В следующем же номере редакция широко использовала вышедшую в Париже книгу «Коричневая паутина». Уже с обложки журнала на читателя смотрел коричневый паук со свастикой и лицом Гитлера. Паук раскачивался над Берлином, опутав своей паутиной почти всю Европу. Книга, материалы из которой печатались в журнале «За рубежом», разоблачала лживую пропаганду гитлеровской Германии, заявлявшей о своих «мирных устремлениях». Причем разоблачение это велось методами, близкими редакции журнала,— использование документов, исследований, официальной литературы гитлеровского режима и т. д.

Снабженные портретами национал-социалистических агентов за границей, картой, зафиксировавшей захватнические планы германского фашизма в Европе (кстати, по этой карте 1937 г. видно, что после захвата

---

[31] «Правда», 1 октября 1935 г.

Чехословакии и Польши гитлеровцы запланировали нападение на СССР и включение Украины в немецкое «большое хозяйственное целое»), эти документы вскрывали истинные намерения фашистской диктатуры, рисовали подлинную картину положения в Германии.

Разоблачение фашизма, борьба с ним — эта тема никогда не исчезала со страниц журнала. В начале 1938 г., когда Гитлер перешел к осуществлению своих агрессивных замыслов, она заняла главное место в «За рубежом». Подборка фактов, рисующих агрессивно-захватнический курс германского фашизма, комментарий о смене под нажимом Гитлера кабинета в Румынии, статистические данные о кризисном положении германского сельского хозяйства, очерк А. Т. Серственса «Штурмовик» зарисовка из зала суда в Гамбурге, где разбирались дела о «нарушениях чистоты арийской крови», статья о судьбах Центральной Европы связи с усилением германской агрессии, фотография концентрационного лагеря Дахау, подборка карикатур, в том числе и титульный рисунок Б. Ефимова «Столпы фашистского режима: террор, голод, нищета, мракобесие» — это материалы только одного, шестого, номера «За рубежом» 1938 г.

Когда в конце 1937 г. журнал вновь обратился к читателям с просьбой высказать свои мнения и пожелания о журнале «За рубежом», читатели подтвердили правильность избранного редакцией пути.

Новое обращение к читателям было не случайно. Читательские анкеты журнал рассылал и в 1933, и в 1935, и 1937 гг. Такая страсть к опросам объясняется тем, что по существу они были действенной формой связи с теми, для кого журнал предназначался. В силу специфики журнала «За рубежом» письма читателей (за исключением ответов на анкеты) на его страницах не появлялись. Анкеты дали журналу возможность лучше изучить свою читательскую аудиторию, помогали рождению отделов, рубрик и т. д. «Так, после анкеты, проведенной в 1935 г.,— признавалась редакция,— в журнале открылись по предложению читателей новые отделы: «По мировой прессе», «Путешествия», «За 10 дней», «Наш атлас» [32].

Несомненно под влиянием читателей происходят дальнейшие изменения в журнале. Сокращается число комментариев — к ним редакция прибегает в самых необходимых случаях. Исчезают передовые статьи. Теперь «За рубежом» открывается наиболее злободневным материалом, взятым из иностранной прессы,— очерком, репортажем, статьей, подборкой, карикатурой. Редакция как бы проявила больше доверия своему читателю, предоставила ему право вынести самостоятельную оценку.

Это не означает, что она вовсе отказалась от роли комментатора. Роль эта стала более сложной и исполнялась более тонко. В новом отделе «По мировой прессе», занимавшем несколько страниц журнала, выдержки из различных газет не имели специальных заголовков — «За рубежом» только воспроизводил «факсимиле» названий этих газет. Но сопоставление, которое мог сделать читатель, познакомившись с расположенными рядом сообщениями, сам отбор фактов рисовали поучительную картину.

Почти без комментариев давался и другой новый отдел «Мировая политика в документах». Здесь редакция часто только сообщала, по какому поводу публикуется отрывок из соглашения, договора, неизвестная ранее дипломатическая переписка, заявление об отставке и т. д. К примеру, раздел из Устава Лиги наций о запрещении агрессии был опубликован, когда Гитлер перешел от слов к делу, а Лига не сумела решительно осудить его.

---

[32] «За рубежом», 1937, № 36.

Вместе с тем на страницах «За рубежом» появились и «Международные обзоры». Их периодичность трудно установить — они печатались по мере необходимости. И обычно давали толкование ряду событий, отдаленных друг от друга во времени, или растолковывали факты, которые, будучи разрозненными, могли пройти незамеченными, т. е. делали ту работу, которая самому читателю была не под силу.

По-прежнему функционировали вспомогательные отделы. «Служба справок» с ее «Атласом» и «Словарем текущих событий» появлялась из номера в номер. В 1938 г. (опять же по желанию читателей) журнал организует «Фотостраницу», в которой стремится отразить в снимках события за декаду. Фактам зарубежного быта отводился новый отдел «Калейдоскоп», появилась постоянная рубрика «Заметки спортсмена». Журнал неустанно искал новое.

В эти годы от двух редакторов, стоявших у колыбели реорганизованного журнала «За рубежом», остался один — Михаил Кольцов. Алексей Максимович, много сделавший для организации журнала, опекавший его первые шаги, и в дальнейшем уделял «За рубежом» много внимания. В 1930 г. Горький, стремясь поддержать свое поначалу не очень-то удачное детище, напечатал в журнале три материала: передовую «Освещать быт, обнажать скрытую в нем политику», в основу которой легли его письма по поводу организации «За рубежом» (1930, № 1); статью «О предателях», включающую очерк о провокаторе Азефе, насыщенную фактами предательства «бывших революционеров», о делах которых сообщала иностранная печать (1930, № 2); очерк о землетрясении в Италии — «Терремото», написанный на основе свидетельств очевидцев, тех самых свидетельств, которых так не хватало «За рубежом» при его возникновении (1930, № 5). Статьи Горького появились и в двух номерах 1931 г.: «О старичках» — острый памфлет против воинствующих мещан, которые связаны между собой кровными узами — вне зависимости от того, в какой стране они проживают (1931, № 1), и «Два письма»: первое — товарищам В. Мюнценбергу и В. Шатопаднайа, предложившим Горькому сотрудничать в новом иностранном журнале «Лига против империализма», второе — редакции газеты «Канадский гудок», первой в Канаде рабочей газеты на русском языке (1931, № 4). В обоих этих письмах Горький затрагивал проблемы революционного движения за рубежом, на освещении которых он так настаивал.

Статья Горького «Каким должен быть журнал «За рубежом» появилась уже в новом, реорганизованном издании (1932, № 1). Горький дал высокую оценку первых номеров возрожденного журнала. В своих письмах Кольцову он подсказывал темы, советовал расширить некоторые отделы (в частности, справочный) и т. д. Однако, когда Кольцов обратился к нему с просьбой: «Хорошо, если Вы писали бы для «За рубежом» хотя бы даже короткие, но постоянные заметки о явлениях современной жизни, о вновь прочитанных Вами книгах, встреченных людях, поучительных фактах» [33], Горький ответил отказом. «На мое участие в журнале — не рассчитывайте, я — перегружен работой, а работоспособность падает»,— писал Горький» [34].

Но он нарушил свой отказ. В 1934 г. Горький опубликовал в журнале «За рубежом» две миниатюры, подобные тем, о которых его просил Кольцов,— «Туман» и «Пейзаж с фигурой» (1934, № 6). Затем вместе с Кольцовым он пишет статью «1000 писем» (1935, № 11-12). Но главное было не в этом.

«Редакция повседневно чувствовала на себе пристальный взгляд великого писателя и гуманиста, ощущала постоянно его направляющую

---

[33] «М. Горький и советская печать», кн. 2, стр. 236.
[34] Там же, стр. 239.

руку»,— писал М. Кольцов в статье «М. Горький — редактор «За рубежом»[35], опубликованной через несколько дней после смерти Горького. В этой статье Кольцов рассказывал, что Алексей Максимович держал связь с редакцией, регулярно посылал ей пачки им самим сделанных вырезок из зарубежной печати или просто номера газет, размеченные красным карандашом, давал оценки очередных номеров, намечал темы, рекомендовал авторов.

Кольцов чутко прислушивался к этим указаниям и работал в «За рубежом» с увлечением. Ему, опытному фельетонисту и очеркисту, отлично знавшему зарубежный материал, была близка и понятна эта работа. Редактирование «За рубежом» явилось для него продолжением его корреспондентской деятельности. Он стремился в журнале достичь того же, чего добивался в своих очерках и фельетонах: дать читателю яркие, типичные факты, раскрыть их суть, сопоставлением или противопоставлением заставить «заговорить» их. В «За рубежом» отразилось кольцовское неприятие «общих мест», его ставка на возросший культурный и политический уровень читателя. Не случайно, давая оценку первому номеру, Кольцов прежде всего отметил, как «За рубежом» принял читатель, а затем перечислил качества, обеспечившие журналу успех: «много есть чего читать, мало агитационной шелухи, все конкретно»[36].

Кольцов унаследовал лучшие черты Горького-редактора. Постоянно заботясь об улучшении «За рубежом», появлении новых рубрик, расширении его популярных отделов, он не оставлял без внимания и полиграфическую сторону издания. В этом Кольцов также был верен Горькому.

«Следуя Вашему примеру,— писал он Алексею Максимовичу,— охотно занимаюсь издательским делом как неразрывным продолжением дел литературных и полагаю такой метод правильным для литератора-большевика, думающего не только о рукописи, но и о том, как и в каком виде она дойдет до миллиона рабочих и крестьян»[37].

«За рубежом» с 1932 г. издавался Журнально-газетным объединением (или, как его сокращенно называли,— Жургазом). Это было крупнейшее в стране типизированное издательство массовой периодики и литературы. Помимо «Огонька» и его двух библиотек, Жургаз выпускал «Литературное наследство», «Литературную газету», «Советское искусство», «Архитектурную газету», журналы «За рубежом», «Изобретатель», «Советское фото», «Театр и драматургия», «Радиофронт», серии книг «Всемирной библиотеки», «Исторических романов» и «Жизни замечательных людей», различные издания на иностранных языках. Большинству из них Жургаз дал путевку в жизнь, отлично поставив выпуск этих книг и журналов.

К 1 апреля 1938 г., когда отмечалось 15-летие Журнально-газетного объединения, годовой тираж всех его изданий достиг 45 миллионов. Правление Жургаза (возглавлял его со дня основания М. Кольцов, директором издательства долгие годы была опытная коммунистка С. Е. Прокофьева) намечало планы расширения деятельности объединения.

Однако планы эти не осуществились. В дни подготовки к юбилею было принято решение о ликвидации «За рубежом». Номер за вторую декаду марта вышел с опозданием и оказался последним. В отделе «Хроника» журнал «Большевистская печать» сообщил: «Решением ЦК ВКП(б) прекращено издание журнала-газеты «За рубежом». Усиливается освещение зарубежной жизни (политика, экономика, быт

---

[35] «За рубежом», 1936, № 18, стр. 411.
[36] «М. Горький и советская печать», кн. 2, стр. 235.
[37] «Новый мир», 1956, № 6, стр. 155.

и т. д.) на страницах «Правды», «Известий», а также в журналах «Спутник агитатора», в бюллетенях «Пресс-бюро» и почтовых вестниках ТАСС»[38].

В это время по разным причинам были закрыты многие журналы: «Красная летопись», «Под знаменем Советов», «Рабочий депутат», «Революция и национальность», «Советское строительство», «Радиотехника» и др. Одновременно шел процесс закрепления издательств и изданий по ведомственному признаку: кооперативное издательство «Советский писатель» было реорганизовано и передано в ведение Союза писателей СССР, образовано издательство при Осовиахиме, куда были переданы военно-оборонные журналы, в том числе и «За рулем», выпускавшийся ранее Жургазом, журнал «Радиофронт» также был изъят из Жургаза и передан в Радиоиздат, издательства «Искусство», «Изогиз», и «Музгиз» объединены в одно с подчинением Комитету по делам искусств, «Учпедгиз» был передан Наркомпросу, издательство «Физкультура и спорт»— в ведение Комитета по делам физкультуры и спорта при Совнаркоме СССР. Появились новые ведомственные журналы «Тяжелая индустрия СССР», «Рабочий металлург», «Горное машиностроение», «Кокс и химия» и др.

М. Е. КОЛЬЦОВ.
Дружеский шарж Кукрыниксов.

В мае была решена и судьба «Жургаза». «Согласно решению директивных органов,— говорилось в одном из последних приказов по издательству,— Журнально-газетное объединение расформировывается»[39]. Часть выпускаемых Жургазом журналов и газет была закрыта, часть передана различным ведомственным издательствам.

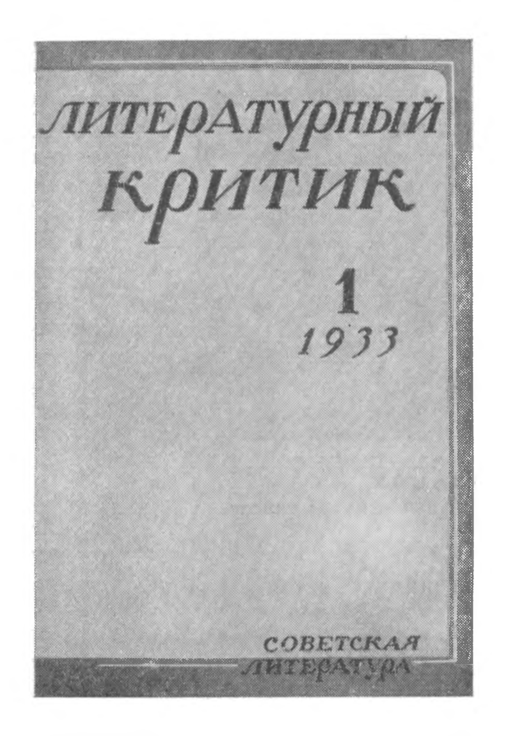
Основанный М. Горьким и редактируемый им совместно с М. Кольцовым первый журнал-газета, поставивший своей целью всестороннее освещение зарубежной жизни,— заметное явление в истории советской журналистики. Ежедекадник «За рубежом» явился образцом для появившегося в 50-х годах нового издания с тем же названием.

В 1935 г., оценивая деятельность журнала, «Правда» писала: «За рубежом» представляет собой выдающееся культурное достижение советской периодической печати»[40]. К этой оценке трудно что-либо добавить.

---

[38] «Большевистская печать», 1938, № 6, стр. 37.
[39] Центр. гос. архив РСФСР, ф. 299, оп. 1, ед. хр. 35.
[40] «Правда», 1 октября 1935 г.

«Литературный критик»

В 1932—1933 гг., после роспуска литературных группировок и РАПП, в литературной критике образовался своеобразный вакуум: несмотря на обилие толстых журналов, где публиковались критические статьи, в стране не было печатного органа, который являлся бы центром теоретической и критической мысли. Было отчетливо ясно, что необходим журнал, который сумел бы объединить вокруг себя талантливых критиков и литературоведов, что это новое издание не должно по своему типу дублировать ни «Печать и революцию», ни «Литературу и марксизм», ни рапповские журналы, В условиях начала 30-х годов была уже невозможна энциклопедически-универсальная направленность «Печати и революции» с ее явно выраженным желанием «объять необъятное». Практика журнала «Литература и марксизм», в котором отвлеченно-методологическая и узко профессиональная проблематика вытеснила анализ современной литературы, также свидетельствовала о том, что вряд ли целесообразно строить работу критики и теории литературы в такой, условно говоря, строго академической форме. Недостатки рапповской критики, особенно очевидные после Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., не оставляли сомнений в том, что поиски новых журнальных форм должны вестись в ином направлении.

Между тем, литературно-общественная жизнь страны после апрельского Постановления ЦК ВКП(б) активизировалась. Оргкомитет по подготовке к I съез-

ду писателей понимал, что в этих условиях более чем необходим специальный журнал, посвященный критике, теории и истории литературы [1]. Таким журналом стал «Литературный критик».

Издание журнала подготавливалось большим коллективом критиков, писателей, общественных деятелей, составивших впоследствии бóльшую часть редколлегии «Литературного критика»,— в неё вошли И. Гронский, С. Динамов, К. Зелинский, Б. Иллеш, В. Кирпотин, В. Киршон, Г. Лебедев, А. Серафимович, В. Сутырин, Е. Усиевич. Главным редактором журнала был назначен П. Юдин, философ по образованию, который привлек в журнал не только критиков, но и философов, эстетиков — М. Лифшица, Г. Лукача, М. Розенталя.

В широком составе редколлегия существовала только на первых порах. В течение многих лет ответственным редактором оставался П. Юдин, едва ли не самым активным работником был ответственный секретарь М. Розенталь (он же заведовал отделом истории и теории литературы), отдел критики вела Е. Усиевич, во главе отдела библиографии и отзывов стоял И. Сац.

Первый номер журнала, увидевший свет в июне 1933 г., сопровождался специальным обращением к местным Оргкомитетам:

«Дорогие товарищи!

Вышел первый номер журнала по вопросам литературной теории, критики и истории литературы «Литературный критик» (орган Оргкомитета ССП).

Для выполнения поставленных перед журналом ответственнейших задач ему должно быть обеспечено внимание всей нашей литературной общественности. Оргкомитеты должны всемерно содействовать его работе, что должно выразиться в присылке материалов (книг, журналов и т. д.), в организации сотрудничества в журнале лучших писателей и критиков, в распространении его среди членов местной писательской организации... Оргкомитет просит Вас связаться с редакцией журнала и сообщить ей, в чем может выразиться ваша помощь журналу» [2].

Параллельно подготовке к изданию «Литературного критика» решался вопрос, нужна ли отдельная, объединяющая творческих работников секция критики [3]. На первом организационном совещании критиков и литературоведов — членов и кандидатов ССП — в конце 1934 г. было принято постановление: «Считать необходимой организацию при ССП СССР секции литературоведов и критиков...» [4] В бюро секции вошли, в частности, и члены редколлегии (М. Розенталь), и активные сотрудники (Ю. Юзовский) журнала «Литературный критик».

Вспоминая несколько позднее (в 1934 г.) обстоятельства появления журнала и связывая их с общим состоянием советской критики начала 30-х годов, Д. Д. Благой писал: «Лит. критик» начал свою работу в исключительно трудных условиях. С одной стороны, нужно было отстоять как будто право на самый жанр периодического издания, ибо такого специального критического журнала в нашей истории литературной критики мы не имели. До того времени критика либо занимала почетное

---

[1] Руководство Оргкомитета неоднократно подчеркивало особую важность создания журнала. «Необходимо всемерно форсировать издание критического журнала,— говорил Л. Субоцкий в докладе на Расширенном пленуме Оргкомитета ССП в октябре 1932 г.,— мы с этим делом безобразно затянули и готовы всячески пострадать за эту грубейшую ошибку Оргкомитета, за то, что мы до сих пор не имели критического журнала Оргкомитета» (Архив ИМЛИ, ф. 41, оп. 1, № 16, стр. 59. Неправленная стенограмма).

[2] Архив ИМЛИ, ф. 41, оп. 1, ед. хр. 419.

[3] См., напр., материалы I совещания критиков, созванного Оргкомитетом в октябре 1932 г.— Архив ИМЛИ, ф. 41, оп. 1, № 12.

[4] ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 18, ед. хр. 6.

место в толстом журнале, либо в библиографическом бюллетене, или критическом обозрении, которое оказывалось весьма недолговечным («Печать и революция»). Не было у нас журнала критики и истории литературы, каким с первого титульного листа заявил о себе «Литературный критик»... «Литературный критик» — наш единственный критический журнал — является зеркалом нашей критики вообще»[5].

Неоднократное возвращение к состоянию советской критики, сомнения в том, целесообразно ли выделение в самостоятельную секцию критиков-литераторов, не лишены были основания. За всем этим стояло ощущение тревожного разрыва между писателем и критиком, следствие дискредитирующей критику линии поведения рапповских теоретиков и критиков. Скептическое отношение к критике и критикам стало общим местом литературных выступлений. Достаточно было просмотреть предсъездовские речи или ответы писателей на анкету о литературной критике, опубликованные в журнале «Книга и пролетарская революция»[6], чтобы убедиться в «крайней,— как писал журнал «Большевик»,— отчужденности между писателями и литературными критиками»[7]. Вот как, например, представлял себе писатель Лев Славин работу критика: «Я увидел, как он зажал небрежно под мышкой эту кучу мыслей и людей, изображенных мной и заключенных в дешевую картонную папку.

Он достиг в своей критике такой степени осторожности в выражениях, что никак не разберешь: хвалит он или ругает. У него могучий дар бесцветного красноречия.

«Новый этап». «Старый этап». Он критикует этапным порядком. Он мерит искусство на шаги. Шаг вперед. Два шага вперед. Шаг назад. Маленький шаг. Шаг средней величины. Шаг на месте. Шаг командора. Он работает астролябией. Он кропотливо занимается шагистикой — этот литературный землемер... Слепота рецензентов бывает временами так велика, что начинаешь сомневаться в силе языка, в его возможности передавать без двуречивости мысли. Начинаешь жалеть, что невозможно сопровождать роман жестами, интонациями.

Большинство писателей страдает от невозможности найти критика себе по плечу»[8].

От этой пессимистической зарисовки мало отличались высказывания самих критиков. «В чем недовольство критика?» — спрашивал К. Зелинский в статье «Интересы профессии». И отвечал: «Мы, критики, отстаем... от литературы. Мы не удовлетворяем писателя. Но мы и не имеем читателей. По крайней мере массовый читатель не знает наших произведений и не читает критических книг... Если читатель художественной литературы нас не читает, а писатель в критике не видит себе руководителя и помощника, то на кого же мы работаем?»[9]

Необходимо было отделить в этом общем хоре справедливые претензии от давней обиды на схематизм, пристрастность и категоричность рапповской критики. «Литературному критику» необходимо было приблизить критику к читателю, нормализовать отношения между критиком и художником, завоевать признание права критики на самостоятельность.

Не случайно поэтому именно докладом редакции журнала, прочитанным М. М. Розенталем, начала́ в ноябре 1934 г. свою работу секция критики и литературоведения. Открывая первое заседание, И. Беспалов говорил: «Мы хотели бы, чтобы на основании этого доклада были подняты вопросы нашей литературной деятельности, чтобы особенно были

---

[5] ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 18, ед. хр. 8.
[6] «Книга и пролетарская революция», 1933, № 8.
[7] «Большевик», 1933, № 23, стр. 37.
[8] «Литературный критик», 1933, № 2, стр. 156—157.
[9] «Литературный критик», 1933, № 4, стр. 99.

подняты вопросы о состоянии литературной критики. Ведь, в сущности, журнал «Литературный критик» — наш основной руководящий журнал, и он в той или иной степени очевидно отражает состояние нашей литературной критики» [10].

Как же включился журнал в решение новых задач, вставших перед критикой 30-х годов? Что, на взгляд редакции «Литературного критика», составляло своеобразие нового периода в развитии советской литературы и советской критики?

В статье «Наши задачи», опубликованной в первом же номере, было отчетливо сформулировано то, что работники журнала относили к «прошлому нашей критики» и чего им хотелось бы избежать: «во-первых, чрезвычайно низкий теоретический уровень, абстрактно схоластическое, школьническое жонглирование философскими формулами, совмещаемое с немарксистской, идеалистической трактовкой ряда основных для литературной теории вопросов (проблема культурной революции, проблема психологизма и «живого человека» и т. п.); во-вторых, предпочтение групповых интересов развития литературы интересам идейной борьбы за марксистско-ленинское мировоззрение; в-третьих, вульгаризация — пренебрежение к специфике художественного творчества, упрощенческое отождествление фактов и людей в действительной жизни с фактами и людьми, перенесенными в художественное произведение» [11].

Борьбу с антимарксистскими течениями в литературной теории и практике работники журнала по-прежнему считали главной своей задачей. Однако своеобразие нового периода в развитии советской критики состояло, на взгляд редакции журнала, в том, что возможно и необходимо было сделать следующий шаг — выдвинуть на первый план положительную разработку марксистско-ленинской теории искусства, создание социалистической эстетики; новизна и значение этой задачи неустанно подчеркивались редакцией журнала: главное состоит «не только в том, как это представляют себе некоторые критики, чтобы показать несостоятельность всяческих рапповских теорий (что сделать было не так трудно), а в том, чтобы, борясь с остатками антимарксистских теорий, на первый план выдвинуть положительные задачи разработки социалистической эстетики, конкретизирующейся в основном в проблеме социалистического реализма» [12].

Вторая задача, которую предстояло решить журналу, тоже была связана с новыми условиями общественного развития: после роспуска РАПП исчезло деление советской литературы на «свою» и «чужую»; все более самостоятельной становилась литература в национальных республиках; по всей стране росла сеть литературных объединений и кружков. Кроме того, необходимо было объединить распыленные силы критиков, организовать литературные кадры, пересмотреть методы критики с тем, чтобы она стала более гибкой и квалифицированной. «У нашей критики,— говорил в конце 1934 г. П. Юдин,— нет широкого исторического диапазона. Возьмите наши критические статьи: в подавляющем большинстве авторы ограничиваются сравнениями героев с героями этой же книги, в лучшем случае сравнениями героев с героями других аналогичных современных книг. Но богатых исторических экскурсов, сравнений литературных школ, направлений и т. д.— этого нет. В этом отношении наша критика стоит очень низко. Истории литературы наши критики не знают, нет марксистского образования, нет знания нашего эстетического учения, а тем более истории эстетического учения» [13]. Выдвигалась

[10] ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 18, ед. хр. 7.
[11] «Литературный критик», 1933, № 1, стр. 7.
[12] «Литературный критик», 1934, № 12, стр. 9—10.
[13] ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 18, ед. хр. 7, стр. 78.

проблема роста критики, ее эстетического и философского образования, ее приближения к традициям русской «реальной» критики.

Итак, разработка вопросов социалистической эстетики, рост критики и руководство всесоюзной литературой — так были осознаны задачи журнала его творческим активом.

Это направление нового издания было поддержано в печати: «Литературный критик»,— отмечал журнал «Большевик»,— ясно и четко формулирует состояние и задачи нашей критики. Этим он способствует творческому росту критики, ее перестройке в соответствии с огромными требованиями, предъявляемыми к пролетарской литературной критике» [14].

Уже с первых месяцев существования журнала редколлегия начала сбор критических сил. С этой целью работники «Литературного критика» выезжали в различные города Советского Союза, устраивали встречи с писателями и критиками, проводили декадники и совещания. Обсуждение планов редакции и уже опубликованных статей помогало закрепить распределение материала по разделам, привлечь новые имена.

Как рассказывал позднее главный редактор П. Юдин, в момент создания журнала «перед нами встал вопрос: собрать все ценное, что есть среди критиков, среди наших литературно-критических кадров, среди начинающих критиков, собрать критиков, сложившихся со времен советской литературы, и критиков рапповских и всех других; взять все положительное, что есть в старых кадрах дореволюционных критиков, культурных, знающих, грамотных людей. Это была немаловажная проблема: собрать основные силы критиков, и «Литературный критик» в этом отношении проделал немаловажную работу» [15].

Особенно активно велась организационная работа в период подготовки к I съезду писателей. Показательно собрание критиков, созванное в Москве Оргкомитетом и редколлегией журнала уже в месяц выхода первого номера «Литературного критика», 25 июня 1933 г. Это было, по замечанию А. Фадеева, первое многочисленное собрание со времени решения ЦК партии.

После докладов П. Юдина и М. Розенталя [16] выступившие в прениях В. Ермилов, А. Фадеев, И. Нусинов, О. Брик и др. поддержали и стремление журнала к разработке проблем социалистического реализма, и его практическую ориентацию на развертывание конкретной критики, на воспитание и объединение критиков.

Из обсуждения стало ясно, что можно закрепить введенные в первом номере отделы: теория и история литературы; критика; обзоры и библиография; критика критиков; сатира и юмор; хроника. В течение следующих лет эти отделы часто дополнялись, но в основе своей эта структура журнала сохранялась все годы.

Такое же совещание редколлегия журнала провела в Ленинграде 26 сентября 1933 г., и хотя его непосредственной целью было установление прочных связей журнала с ленинградской критикой, значение этой встречи оказалось неизмеримо серьезней: она превратилась в совещание о насущных и больных вопросах нашей критики вообще [17].

Встречи редколлегии «Литературного критика» с писателями, читателями и критиками нередко помогали найти новые формы в работе журнала. Так, во многих выступлениях на первом московском совещании в июне 1933 г. говорилось о том, что «Литературный критик» должен способствовать активизации литературных дискуссий. В следующем

---

[14] Х. Кантор. О литературной критике.— «Большевик», 1933, № 23, стр. 89.
[15] ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 18, ед. хр. 7, стр. 73.
[16] «Литературный критик», 1933, № 3, стр. 156.
[17] «Литературный критик», 1933, № 6, стр. 166.

же — втором — номере за 1933 г. был введен дискуссионный отдел «Трибуна». На ленинградском совещании было внесено предложение: помещать в каждом номере журнала несколько непосредственных и быстрых откликов на критический материал всех вновь выходящих журналов. И начиная с № 7 за 1933 г. в журнале появляется отдел «Дневник критика», с перерывами просуществовавший вплоть до последних месяцев издания журнала. В ответах на анкету читателя, проведенную редакцией журнала в 1935 г., было высказано пожелание расширить отдел теории и истории литературы — ввести материалы по истории античной, древнерусской, западноевропейской литературы. При составлении плана работы редакция учла эти предложения читателей и ввела (с № 9 за 1935 г.) отдел «Материалы по истории литературы».

Редколлегия «Литературного критика» прислушивалась к советам Горького. Под влиянием писателя, неоднократно призывавшего в те годы к внимательному изучению русского народного творчества, в журнале был открыт отдел «Фольклор». К участию в его работе были привлечены крупнейшие советские фольклористы, ученые, писатели. Большую теоретическую статью «Природа фольклора и проблемы фольклористики» опубликовал в журнале Ю. Соколов (1934, № 12); со статьей «Детский фольклор и детская литература» выступила М. Рыбникова (1935, № 1); о колхозной частушке писал А. Веселый (1935, № 1); статью «От книги — в фольклор» дал в журнал И. Розанов (1935, № 4) и т. п. Пожалуй, именно этот отдел раньше других начал освещение национальных литератур Советского Союза: уже в 1935 г. читатель мог узнать о советском фольклоре в Узбекистане (1935, № 2), о песнях советского Таджикистана (1935, № 5), об устной литературе Туркмении (1935, № 6), о песнях старой и новой Украины (1935, № 7), о фольклоре народности мари (1935, № 8) и др. В ноябре 1935 г. в журнале было созвано широкое совещание фольклористов, где были намечены важнейшие проблемы советской фольклористики[18]. Период особенно интенсивной работы по освещению устного народного творчества в «Литературной критике» приходится на 1935—1938 гг., когда не было почти ни одного номера, где бы не появлялись статьи о фольклоре. В 1939—1940 гг. эти материалы появляются реже, хотя по значительности и тенденциям к обобщению они не уступают статьям предыдущих лет (см., например, статью М. Ауэзова и Л. Соловьева «Эпос и фольклор казахского народа», 1939, № 11).

Столь же внимательно было отношение журнала к поднятому А. М. Горьким вопросу о языке литературных произведений. В фельетоне и обзорах «Дотошного читателя» (под этим псевдонимом писал критик К. Л. Зелинский), публикуемых в отделе «Сатира и юмор», звучала резкая критика несуразностей стиля в произведениях Б. Лавренева, Е. Зозули, Вл. Бахметьева, Вс. Вишневского. Однако статьи М. Горького и вспыхнувшая в связи с ними дискуссия о языке показали работникам журнала, как эпизодично и поверхностно было их обращение к вопросам языка и стиля литературы. В статье «Об ошибках критики и ее задачах» (1934, № 3) была вновь сформулирована необходимость серьезного внимания к форме, особенно к языку художественных произведений, теоретической разработки вопросов языка и, наконец, упорной литературной учебы у классиков. Журнал попытался направить критиков на исследование этих проблем: в следующем же — четвертом — номере журнала (1933) — появилось несколько дискуссионных теоретических статей — «Литературный образ и поэтический язык» Л. Тимофеева, «Реализм и натурализм в языке» А. Дермана, «За хорошее качество, за

[18] Стенограмма совещания была опубликована в № 12 за 1935 г.

мастерство» А. Фадеева. Статьи сопровождались обращением редакции к читателям журнала с предложением принять участие в дискуссии о языке.

Вероятно, в связи с подготовкой к съезду писателей широкая дискуссия о языке в журнале не состоялась: до конца 1934 г. появилась еще только одна крупная статья В. Ф. Переверзева «Народный язык у Гоголя» (№ 9). Но работники журнала чувствовали настоятельную необходимость вернуться к этому разговору. В статье «На пороге нового литературного года» (1934, № 12) редакция «Литературного критика» обещала создать специальный отдел, посвященный вопросам литературного языка. «Язык нашей прозы, поэзии, драмы, язык современной деревни, строительство национальных литературных языков, вопросы создания толкового словаря русского языка» [19] — такова должна была быть тематика будущего отдела. Действительно, в третьем номере за 1935 г. появилась новая рубрика — «Язык и литература».

В течение 1935—1936 гг. журнал напечатал несколько работ по важнейшим вопросам литературного языка — к ним относятся статьи Н. Каринского «Из наблюдений над языком современной деревни» (1935, № 5), Б. Ларина «Диалектизмы в языке советских писателей» (1935, № 11), Ф. Филина «О диалектологическом атласе русского языка» (1934, № 12) и «Новое в лексике колхозной деревни» (1936, № 3). Однако вскоре интерес к проблемам языка и литературы спал: отдел перестал существовать, так и не подняв читателя и критика на широкое обсуждение поставленных вопросов.

Совсем не привился в журнале отдел «Живопись, архитектура, музыка», мелькнувший в первом номере 1935 г.; то появлялся, то исчезал отдел «Трибуна»; нерегулярно велся интересно задуманный отдел «Критика критиков», появившийся в первом же номере журнала.

Многие отделы были и задуманы как нерегулярные, например «Дневник критика», который был необходим для открытых полемических выступлений журнала и вводился по мере надобности.

Эти, казалось бы, формальные моменты в работе «Литературного критика» были глубоко содержательны: до последних номеров, отражая целеустремленное внимание редакции к теоретическим проблемам и конкретной критике, стержнем журнала оставались отделы критики, теории и истории литературы.

Основное направление работы журнала было верно понято широким кругом читателей. Как показала анкета 1935 г., круг подписчиков журнала был разнообразен: в него входили газетные работники и экономисты, журналисты и токари, учителя и командиры РККА, курсанты авиашколы и преподаватели рабфаков, научные работники и инженеры, врачи и студенты, режиссеры и преподаватели вузов. На анкету откликнулись москвичи и ленинградцы, жители Днепропетровска и Новосибирска, Свердловска и Алма-Аты, деревни Березовка (БССР) и Нееви, Караганды и станции Шуметля, города Нерль Калмыцкой области и рудника им. Ленина (Криворожский район), г. Бзыр-Бао и Ташкента [20]. Это было тем более ценно, что, как верно отмечал П. Юдин, «Литературный критик» по своему характеру, по своему тиражу, по всему ориентируется на квалифицированного читателя и писателя и критика» [21]. Внимательное отношение к пишущим людям, к талантливой критической молодежи привлекло в журнал много работоспособных и серьезных критиков. Постоянными авторами «Литературного критика» стали Ю. Юзовский, К. Зелинский, Н. Четунова, А. Гурвич, Г. Лукач, В. Гоффеншефер,

---

[19] «Литературный критик», 1934, № 12, стр. 24.
[20] «Литературный критик», 1935, № 12, стр. 281.
[21] ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 18, ед. хр. 7, стр. 78.

А. Роскин, В. Гриб, А. Македонов, И. Кашкин, А. Ивич, И. Сац, А. Дерман, В. Жданов, Ф. Левин, М. Лифшиц, И. Сергиевский, Г. Фридлендер, часто печатались статьи членов редколлегии М. Розенталя, Е. Усиевич. В журнале находили себя как критики люди по образованию и судьбе, казалось бы, далекие от литературы: так, в частности, вошли в литературу экономист В. Александров, автор книги «Современные экономические теории США», физик и философ Б. Емельянов, ставший профессиональным театральным критиком, и другие.

Редколлегия журнала неоднократно устраивала встречи с писателями: на обсуждение романа «День второй» приезжал И. Эренбург, частым гостем в первые годы был А. Фадеев, крепкая дружба была у журнала с писателем Андреем Платоновым.

Так создавался коллектив журнала. Его работа была не свободна от ошибок, его спаянность подчас шла вразрез с необходимостью постоянного обновления и расширения состава авторов; однако, как верно отмечал впоследствии А. Фадеев, «при всех его ошибках», это был журнал «принципиальный» [22].

Редколлегия журнала, собирая вокруг себя квалифицированный состав авторов, пыталась решить и другую насущную задачу — приблизить критику к читателю.

Еще в 1934 г. на одном из обсуждений доклада редакции о работе журнала И. Альтман говорил: «Тут было обвинение, что журнал слишком неповоротлив. Мне кажется, что в РАППе была одна хорошая традиция, и мы должны ее наследовать.

[Раз] в две декады выходил журнал с большим количеством рецензий. Нам не выйти с одним журналом. Может быть, мы поставим вопрос о том, чтобы выпускать декадник» [23].

В 1936 г., когда тип журнала «Литературный критик» уже определился настолько, что можно было говорить о его устойчивой структуре, о его сильных и слабых сторонах,— стало ясно, что существует потребность в большей быстроте и решительности отклика, в большей приближенности литературной критики к широкому читателю. Редколлегия «Литературного критика» понимала, что журнал не справляется с критико-библиографическим освещением современной литературы.

Огромное количество читателей, не являющихся специалистами в области литературы, огромная сеть библиотек, не имеющая никакого квалифицированного ориентира, и, наконец, столь же необозримое количество непрестанно издаваемых книг — все это настоятельно требовало компетентного освещения. Так, спустя несколько лет — в 1936 г.— вновь возродилась мысль о литературном журнале-декаднике, так родилось при «Литературном критике» «дочернее предприятие» — журнал «Литературное обозрение» [24]. И объем его — четыре-пять печатных листов, и периодичность издания — журнал выходил раз в две недели,— все было подчинено осуществлению широких задач конкретной и повседневной литературной критики.

Первый номер «Литературного обозрения» открылся декларацией «Наши задачи». В ней говорилось: «В стране издаются сотни и тысячи произведений художественной литературы, массовым тиражом переиздаются классики, большое количество книг выпускают издательства национальных республик. Но из этого широкого потока книг только ничтож-

---

[22] «Литературная газета», 26 апреля 1939 г.

[23] ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 18, ед. хр. 7 (неправленная стенограмма).

[24] Как критико-библиографический двухнедельник при «Литературном критике» журнал «Литературное обозрение» существовал с 1936 по 1940 г., с № 23 за 1940 г. журнал стал органом Института мировой литературы им. Горького. В 1941 г.— во время войны — журнал был закрыт.

ная часть получает критические отзывы. Многомиллионные советские читатели лишены сколько-нибудь полной информации о выходящих книгах, об их значении, качестве и т. д.

Нечего и говорить, что такое положение совершенно недопустимо.

Дело критики и библиографии должно быть поставлено так, чтобы наши читатели основательно, систематически и своевременно информировались не только о вышедших уже книгах, но и о выходящих в ближайшее время.

Критика и библиография должны связать массового читателя с художественной литературой, помочь ему ориентироваться в литературе, в выборе хороших произведений»[25].

Журнал «Литературное обозрение» действительно много делал для популяризации литературы. Помимо обещанных в первых номерах отделов, с течением времени были введены такие рубрики, как, например, «Новости литературы и искусства», «Литературный календарь», «Устное народное творчество», «Письма читателей», «Коротко о книгах», «Литературный дневник», сатирический отдел «Преступление и наказание», отделы «По журналам», ««Заметки читателя» и т. п.

Публикуемые в разделе «Новости литературы и искусства» материалы знакомили читателя с событиями культурной жизни страны — литературными и художественными выставками, юбилеями, музейной работой, работой издательств, журнальными новостями, литературными полемиками, театральными фестивалями и т. д. В «Литературном календаре» печатались краткие очерки творчества писателей — Шекспира, Байрона, Шелли, Огарева, Потье, Мюссе, Гончарова и т. п. Содержание отдела «Коротко о книгах» составляли маленькие аннотации, сопровождавшие выход новых книг и позволявшие быстро ориентироваться читателям и работникам библиотек. «Литературный дневник» был плацдармом злободневных споров.

К этим оперативным журнальным жанрам примыкал регулярный отдел «Библиографический справочник». В нем читатель мог найти сведения о новых книгах советских и зарубежных писателей, о переизданиях классики, о новых критических и историко-литературных работах, а также специальные библиографии (например, критическая литература о Добролюбове — 1936, № 2; Маяковском — 1936, № 6, № 7; Белинском — в том числе и библиография «Ленин о Белинском» — 1936, № 11, 12) и т. п.

Журналу, созданному для массового читателя, важно было проверять себя читателем. Поэтому в «Литературном обозрении» время от времени появлялся отдел «Заметки читателя» (см. например, № 1, 2, 4, 13—14 за 1938 г., № 8, 9—10 за 1939 г., № 18 и 20 за 1940 г.), где публиковались высказывания об отдельных книгах, пожелания писателям.

Иногда выпускались номера, в основном построенные на одном тематическом материале. Хорошо была составлена подборка «Революционно-демократическая литература Запада» (1936, № 22), знакомившая читателя с творчеством Р. Роллана, Ж. Кассу, П. Низана и др.; интересна была книга, посвященная литературе о «погибшем поколении» (1936, № 20), где массового читателя знакомили с творчеством Э. Хемингуэя, Л. Селина, Р. Олдингтона, Г. Фаллады; № 19 за 1936 г. был посвящен молодой советской поэзии и состоял из встречных заметок критиков и читателей — о «Стране Муравии» А. Твардовского, о поэме Долматовского «Из дневника», о сборниках стихов П. Панченко и Б. Кежуна. Часть номеров 1938 г. была посвящена литературе революционной Испании; едва ли не впервые журнал обратился к работе периферийных

[25] «Литературное обозрение», 1936. № 1, стр. 4.

журналов, поместив в номерах 18 и 19 за 1939 г. обзоры областных альманахов.

Интересно были составлены не только эти «тематические», но и юбилейные номера, широко и доступно освещавшие творчество А. С. Пушкина (1937, № 1, 2), А. М. Горького (1936, № 13—14), В. В. Маяковского (1940, № 7).

Итак, в новом виде возрождался тип издания, найденный еще в первые революционные годы и частично воплощенный в журнале «Книга и революция» (1920—1923). Профиль его — как и журнала «Книга и революция» — в основном был информационно-просветительский. Однако в отличие от «Книги и революции» новый двухнедельник, возникший при «Литературном критике» и призванный восполнить пробелы в его работе, имел более определенную позицию, отчетливо проявлявшуюся в теоретической и конкретно-критической работе обоих журналов.

Задачи, которые взял на себя задававший тон работе обоих журналов «Литературный критик», требовали не только усилий в подборе творческого коллектива и организации критического материала. Необходимо было концентрировать внимание на острых и злободневных общественно-литературных проблемах. Мысль о творческой самостоятельности критики, которая «по-своему и своими средствами способствует движению искусства и литературы вперед» [26], лежала в основе практической деятельности работников журнала.

«Оперативность» журнала впервые была проверена в один из самых ответственных моментов становления советской литературы — во время подготовки к I съезду писателей. Именно в 1933—1934 гг. журнал особенно большое внимание уделял проблеме социалистического реализма, напечатав, в частности, статью А. В. Луначарского «Вместо заключительного слова» (на дискуссии Оргкомитета, посвященной проблемам драматургии), где едва ли не впервые прозвучала мысль о многообразии стилей в пределах социалистического реализма, о необходимости «предоставить в отношении стилистических исканий нашим драматургам (и писателям вообще) величайшую свободу, и из их исканий, их неудач выводить потом нормы основных стилей нашего художественного творчества» [27]. Активно включившись в поднятую Оргкомитетом предсъездовскую дискуссию о драматургии, журнал опубликовал выступления некоторых ее участников и ряд дополнительных статей о специфике драматургии, ее жанровых особенностях и проблематике [28]. Непосредственно в дни работы съезда в журнале были опубликованы материалы к докладу В. Кирпотина «Проблемы формы в советской драматургии» и статьи: Н. Погодина «О спокойствии и беспокойстве в искусстве», Б. Алперса «Беспокойная жизнь» (путь Билль-Белоцерковского) и С. Щупака «Заметки о творческих задачах драматургии» (1934, № 7—8). Однако не состоялся перед съездом на страницах журнала такой же обобщающий и суммирующий частные оценки разговор о прозе (была опубликована — и после съезда — только статья К. Федина «Художественная проза ленинградских писателей» — № 9 за 1934 г.).

Несмотря на эти «издержки», уже к I съезду писателей обнаружились в деятельности журнала черты, позволявшие говорить о некоторых особенностях критики послерапповского периода.

Одно из основных требований, предъявляемых редакцией журнала своим сотрудникам и критике вообще, звучало как призыв к конкретно-

---

[26] М. Серебрянский. Для кого мы пишем? — «Литературный критик», 1936, № 12, стр. 182.

[27] «Литературный критик», 1933, № 1, стр. 54.

[28] Б. Райх. О специфике драматургии; И. Альтман. Творчество Киршона; А. В. Луначарский. Каким судом судите, таким и судимы будете (1934, № 2).

сти критического анализа. Лозунг «конкретной критики», широко декларируемый в начале 30-х годов, отражал потребность в оценках, которые возникали бы не чисто умозрительным путем, не сопоставлением художественного произведения с некоей идеальной схемой, а вырастали бы из образной системы художественного произведения. В статье К. Зелинского и Г. Лебедева «Как понимать конкретное в критике», опубликованной в первом же номере журнала, была сделана попытка теоретически обосновать и раскрыть смысл понятия «конкретной» критики. «То, что обычно называют «спецификой искусства», т. е. художественный образ,— писали авторы,— является первой данностью, которая предстоит критику. Но есть еще «данность верховная», определяющая первую,— «сама историческая действительность». В конкретной литературной критике обе эти данности раскрываются как единство. Попытки рассматривать искусство только как «самодвижение образов» приводят к формализму. Попытки логической читки «содержания» и прямого отождествления его с содержанием исторической действительности — приводят к зачеркиванию качественного различия политики и искусства, а отсюда и вульгаризаторству, т. е. в конечном счете к механицизму лефовско-литфронтовского типа». Конкретная критика должна включать в себя живое ощущение искусства, «восприимчивость к его природе», художественное своеобразие произведения [29–31]. Тем самым вульгарному социологизму предшествующего периода «Литературный критик» пытался противопоставить иной тип анализа идейно-художественной системы писателя.

Это не могло не принести свои плоды. В первые же два года — 1933—1934 — в журнале было опубликовано около 60 крупных статей и примерно столько же рецензий, посвященных советской литературе. Уже сам круг имен писателей свидетельствовал о широте охвата литературного процесса — читатель получил интересные статьи о М. Шолохове, М. Шагинян, А. Белом, А. Веселом, В. Катаеве, И. Сельвинском, О. Мандельштаме, М. Горьком, Ф. Гладкове и других. Возросший уровень культуры критики (по сравнению с рапповскими журналами) сказался не только в расширении круга имен, но и в более тонком критическом анализе, в стремлении говорить о литературе языком самой литературы. Показательно изменение подхода к таким сложным художникам, как М. Шолохов.

Если в 1933 г. уже никто не осмеливался обвинять Шолохова в симпатии к контрреволюции, то еще живы были упреки писателю в «объективизме», в середняцкой сущности его мировоззрения, в затушевывании классовой борьбы (в «Тихом Доне»).

Знак равенства, который при этом ставился между Григорием Мелеховым и автором романа, казался многим критикам убедительным доводом для доказательства того, что объективизм Шолохова имеет свой классовый генезис в двойственной природе середняка.

Внимательно исследуя сложность развертывания картин классовой борьбы в романе, колебания Григория, движение этого характера, В. Гоффеншефер в статье о Шолохове доказывал методологическую несостоятельность анализа, основанного на отождествлении взглядов автора и героя. Исследуя структуру романа, критик приходил к обобщениям, идущим вразрез с вульгарной социологией, предполагавшей прямолинейную зависимость художественного творчества от мировоззрения.

Гоффеншефер исследовал сложное взаимодействие метода и мировоззрения писателя в «Тихом Доне», общее решение сюжета, «типизи-

---

[29–31] «Литературный критик», 1933, № 1, стр. 135, 137.

рующее, реализующее ведущую тенденцию объективной действительности»[32], эмоциональную окраску и насыщенность отдельных образов и эпизодов.

Статья Гоффеншефера явилась одним из первых выступлений журнала против вульгарной социологии, облеченных пока еще в форму конкретного критического анализа.

Сдвиги в конкретной критике, внимание к личности писателя — все это расширяло сферу исследования художественного творчества, усложняло представления о связях художника с действительностью. Однако в то же время в критике и литературоведении уже начало складываться ошибочное представление об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма.

Эта теория оказывала сильное влияние и на методологию, и на методику критического и историко-литературного анализа. Не избежали этого влияния и авторы «Литературного критика». В 1933 г. в одном из ленинградских журналов была опубликована поэма Н. Заболоцкого «Торжество земледелия». Ее поддержал в «Литературном современнике» Н. Тихонов (1933, № 5). Однако вскоре — в том же году — поэма была подвергнута резкой критике. Сначала в «Правде» (21 июля 1933 г.) появилась статья В. Ермилова «Юродствующая поэзия и поэзия миллионов», затем в сентябрьской книжке «Литературного критика» была опубликована статья Е. Усиевич «Под маской юродства», где поэма «Торжество земледелия» соотносилась с маскировкой классово-враждебных выступлений и квалифицировалась как «самый ординарный пасквиль на коллективизацию сельского хозяйства»[33]: «мнимая наивность» Заболоцкого трактовалась как «поэтическая пропаганда субъективного идеализма», выступающая в «классической для данного этапа классовой борьбы форме, т. е. в форме тщательнейшим образом замаскированной»[34].

Поэма Заболоцкого, по существу, оказалась непонятой критикой 30-х годов. Главное, что интересовало поэта,— было не изображение коллективизации, а «выяснение в самом широком плане взаимоотношений между человеком и природой»[35], поиски в сфере натурфилософской лирики.

✪

Как уже говорилось, своеобразие послерапповского периода в развитии критики редколлегия журнала видела в выдвижении самим ходом событий на первый план положительных задач литературной теории и критики, которые журнал понимал как разработку проблемы социалистического реализма.

В 1933—1934 гг. журнал напечатал около тридцати пяти статей, посвященных вопросам нового метода. «Впервые литераторы и теоретики,— читаем мы в передовой статье одного из номеров,— взялись за серьезное и кропотливое изучение литературных работ и высказываний классиков марксизма-ленинизма»[36].

Среди появившихся статей большое место занимало освещение взглядов Маркса, Энгельса, Ленина на художественное творчество, на задачи литературы и критики. Наряду со статьей П. Юдина «Ленин и

---

[32] «Литературный критик», 1933, № 4, стр. 73.
[33] «Правда», 21 июля 1933.
[34] «Литературный критик», 1933, № 4, стр. 78, 81, 89.
[35] А. Павловский. Из переписки Н. А. Заболоцкого с К. Э. Циолковским.— «Русская литература», 1964, № 3, стр. 219—220.
[36] «Литературный критик», 1933, № 7, стр. 6.

некоторые вопросы литературной критики» (1933, № 1) в те годы появились статьи Ф. Шиллера «Маркс и мировая литература» (1933, № 4) и «Поэтические опыты молодого Маркса» (1933, № 5), статьи И. Ипполита «Ленин о Тургеневе» (1933, № 6), И. Нусинова «Роза Люксембург о художественной литературе» (1933, № 5) и др.

Постепенно определились основные направления в разработке теории социалистического реализма. Необходимо было, изучив исторические пути развития литературы, установить связь социалистического реализма с многовековой культурой прошлого. Необходимо было, кроме того, показать формы существования социалистического реализма в советской литературе. И, наконец, на повестку дня встал вопрос о тщательной разработке отдельных «узлов» нового метода.

С этими задачами было связано появление статей, объединенных общим стремлением проанализировать соотношение диалектического материализма как всеобщей методологии с конкретными областями искусства, в частности, с художественной литературой [37]. Позиция журнала наиболее отчетливо была выражена в статье А. В. Луначарского, подводившей итоги дискуссии о социалистическом реализме, проведенной Оргкомитетом в 1933 г.

Утверждая, что метод диалектического материализма является базой всего марксистско-ленинского миросозерцания, что он должен лечь в основу всех отдельных отраслей культуры, А. В. Луначарский, тем не менее, возражал против прямолинейного, упрощенного, неорганичного перенесения положений диалектического материализма в специальные области человеческого знания.

«Для настоящего отрезка времени,— писал он,— диалектический материализм в литературе (и театре) есть наша цель, к которой мы идем, а не исходный пункт, из которого якобы мы должны исходить как из чего-то уже приобретенного. Допустим даже, что мы действительно хорошо усвоили себе основные принципы диалектического материализма, но во всяком случае, еще почти ничего не сделали, чтобы определить его специфическое применение в области искусства, в частности — художественной литературы» [38].

Такой постановкой вопроса редколлегия журнала вновь и вновь подчеркивала, что диалектический материализм как «всеобщая методология» не может быть применен в искусстве без учета специфического характера художественного творчества.

После опубликования статей П. Юдина и А. Луначарского, где было принципиально отвергнуто рапповское положение о тождестве мировоззрения и метода, редакция журнала попыталась сделать следующий шаг и опубликовала несколько дискуссионных статей, в которых рассматривалось сложное взаимодействие этих сторон художественного творчества.

Каково влияние мировоззрения на методы изображения действительности, тождественны ли мировоззрение и метод художника, можно ли утверждать абсолютную зависимость метода от мировоззрения, художественного образа от идей — вот круг вопросов, которые поднимала редакция журнала в 1933 г. [39]

Спорящие стороны были представлены, с одной стороны, статьями М. Розенталя «Мировоззрение и метод в художественном творчестве»

---

[37] П. Юдин. Ленин и некоторые вопросы литературной критики (1933, № 1); А. Луначарский. Вместо заключительного слова (1933, № 1); Г. Лебедев. Формализм и социалистический реализм (1933, № 2); «Марксизм-ленинизм и художественная литература» (передовая в № 3 за 1933 г.) и др.

[38] «Литературный критик», 1933, № 1, стр. 51.

[39] «Литературный критик», 1933, № 6, стр. 12.

(1933, № 6), «Еще раз о мировоззрении в художественном творчестве» (1934, № 5), с другой — статьей И. Нусинова «Социалистический реализм и проблема мировоззрения и метода» (1934, № 2).

М. Розенталь возражал против того упрощенного понимания, при котором «мировоззренческие убеждения художника механически, без всяких «пересадок», переселялись в художественные образы. Сама же объективная действительность, ее воздействие и влияние на творчество художника — все это исчезало и оттеснялось на задворки». Именно в непонимании того, что художественное творчество есть процесс взаимоотношения художника с действительностью, видел М. Розенталь корень ошибок рапповских теоретиков.

Возможность противоречий между мировоззрением писателя и его художественным методом автор статьи выводил из того, что мировоззрение художника, трактуемое им как «социальное сознание», может встречать сопротивление «в лице самой жизни, которая живыми фактами убеждает художника, что действительность, ее процессы, ее течения совершенно иные, чем ему кажется согласно своему мировоззрению» [40].

Несмотря на то, что в статье М. Розенталя было много спорного (так, нельзя согласиться с прямолинейным выведением особенностей художественной формы из мировоззрения), сама постановка вопроса о сложности взаимодействия метода и мировоззрения была чрезвычайно актуальна. Это стало особенно ясно в дальнейшем ходе дискуссии.

Статья И. Нусинова, появившаяся несколько месяцев спустя, тоже не отличалась бесспорностью теоретической мысли: она несла на себе отпечаток вульгарного социологизма (классический реализм, классицизм, романтизм объявлялись направлениями различных «весьма антагонистических классов») [41], очевидна и несостоятельность утверждения о едином классовом стиле социалистического общества. Упрекая Розенталя в том, что мировоззрение в его понимании существует как бы само по себе, что влияние мировоззрения противопоставлено влиянию самой действительности, И. Нусинов настаивал на ведущей роли мировоззрения, без которого «невозможна жизнь художественного произведения, невозможно его осуществление, ибо оно определяет выбор объектов действительности и их комбинирование».

В этот спор критиками было включено знаменитое высказывание Энгельса о Бальзаке. Впервые опубликованная на русском языке в 1932 г. [42], переписка Ф. Энгельса с Маргарет Гаркнесс играла роль своеобразного арбитра в спорах о методе и мировоззрении. Слова Энгельса о том, что реализм может «проявляться даже невзирая на взгляды автора» [43], сопровождаемые ссылкой на творчество Бальзака, стали предметом всестороннего исследования. М. Розенталь делал из этого положения вывод, что мировоззрение влияет на творчество, но в художественном творчестве может существовать противоречие между мировоззрением и реалистическим методом. И. Нусинов в самой мысли о возможности противоречия видел умаление роли мировоззрения: «Тут не противоречия между художественным методом и миросозерцанием,— писал он о Бальзаке,— а противоречия, характеризующие как метод, так и мировоззрение Бальзака... Все эти противоречия суть противоречия самой действительности Бальзака... Классовая противоречивость Бальзака вынуждала его идти против своих классовых симпатий и поли-

---

[40] Там же, стр. 17, 24.
[41] «Литературный критик», 1934, № 2, стр. 141.
[42] «Литературное наследство», т. 2. М., 1932.
[43] Там же, стр. 2.

тических предрассудков»[44]. Выяснение классового генезиса творчества писателя, считал Нусинов, является в то же время ключом к противоречиям и его мировоззрения, и его метода.

Именно это утверждение Нусинова заставило выступить Розенталя с дополнительными разъяснениями.

Общая черта, свойственная мировоззрению всех эксплуататорских классов, состоит, на его взгляд, в том, что между классовыми интересами писателей дореволюционного периода и закономерностями общественного развития существует непримиримое противоречие. Это антагонистическое противоречие является объективной основой для возможности разлада, несовпадения, противоречия между «мировоззрением, теоретическими и идейными убеждениями художника и результатами его творчества»[45], основанного на принципах реализма.

Точка зрения М. Розенталя была более гибкой, ибо в пределах классовой принадлежности писателя оставляла возможности выхода и преодоления классовой ограниченности (что соответствовало историческому процессу развития литературы). Однако в то же время обе стороны были еще далеки от истины прежде всего потому, что неправильно толковалась сама природа мировоззрения. И у Розенталя, и у Нусинова мировоззрение отождествлялось с «идеями»[46], «совокупностью взглядов художника на мир и, в первую очередь, его политических убеждений»[47], с его «высказываниями»[48], т. е. по существу речь шла о соотношении образного и логического начал в сознании писателя. К тому же несколько механистической оставалась еще сама методология, по теоретическим высказываниям писателя конструировавшая его мировоззрение и затем проецирующая это мировоззрение на художественное творчество. Такая методология исследования неизбежно «ведет к мысли о противоречии между мировоззрением и творчеством, ибо обнаруживается, что вся сумма логических взглядов писателя не может еще в полной мере объяснить содержание созданных им образов». «Качественное единство сознания в его образном и понятийном проявлении»[49], вытекающее прежде всего из содержания образов, при таком подходе выпадает из анализа.

Нельзя, тем не менее, отвлечься от того, что для начала 30-х годов плодотворна была даже такая постановка вопроса: она означала отказ от рапповского призыва к прямолинейному привнесению диалектического материализма в художественное творчество; основной смысл лозунга социалистического реализма трактовался как призыв к тщательному и добросовестному изучению действительности («каждый переделывает и может переделать свое социальное существо главным образом через посредство активной борьбы за социализм»)[50].

Эта дискуссия, поднявшая вопросы сложные и нуждавшиеся в разрешении, была вскоре свернута. Критика 30-х годов видела причину этого в отвлеченно-теоретическом характере статей. «В журнале «Литературный критик»,— говорил И. Беспалов в докладе на II пленуме ССП в 1935 г.,— был поставлен важный вопрос о взаимоотношении мировоззрения и творчества, он возбудил полемику. Высказалось несколько товарищей. Но так как само обсуждение вопроса происходило в пло-

---

[44] «Литературный критик», 1934, № 2, стр. 149—150.
[45] «Литературный критик», 1934, № 5, стр. 16.
[46] Там же, 1933, № 6, стр. 12.
[47] Там же, 1934, № 5, стр. 11.
[48] Там же, 1934, № 2, стр. 149.
[49] С. Бочаров. Статьи Ленина о Толстом и проблема художественного метода.— «Вопросы литературы», 1958, № 4, стр. 93—94.
[50] «Литературный критик», 1933, № 6, стр. 32.

скости слишком отвлеченной, почти совершенно не привлекались материалы, дискуссия прошла мимо литературы, не заинтересовала писателей»[51].

Однако свертывание дискуссии не означало ее окончания: между 1933—1934 и 1939—1940 гг., когда историки и критики литературы вновь вернулись к дискуссии о методе и мировоззрении, прошло несколько лет, которые были заполнены углубленным изучением исторического опыта литературы. Отвлеченность споров начала 30-х годов, топтание на месте в разработке проблемы социалистического реализма — все это подсказывало, что необходимо обратиться к истории литературы, к обобщению ее развития. Именно этим объясняется то, что изучение истории реализма, интенсивная теоретическая работа на историко-литературном материале составили центр тяжести работы журнала «Литературный критик» в 1935—1939 гг.

На первом же совещании критиков и литературоведов в октябре 1934 г., которое было посвящено созданию истории русской литературы XIX—XX вв., А. Селивановский говорил о трудностях работы над историей русской литературы, о неразработанности теоретических проблем, осложняющей работу[52]. На совещании было принято решение закончить работу над трехтомной историей русской литературы (третий том которой должен был быть посвящен советской литературе) к 1937 г.— двадцатилетию Советской власти.

Свою задачу работники «Литературного критика» видели в том, чтобы поставить и по возможности решить в журнале важнейшие проблемы литературоведения. В этот круг включалось исследование методологических принципов Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Плеханова; критический анализ историко-литературных принципов Сакулина, «формалистов» и т. п., изучение отдельных этапов истории русской литературы, переоценка ранее созданных и существующих учебников по литературе, характеристика творчества отдельных писателей.

Подготовка к созданию истории литературы напоминала в журнальных номерах середины 30-х годов развернутое наступление. Был учрежден даже особый отдел «Материалы по истории литературы».

Интересны были статьи, посвященные теории отдельных жанров,— дискуссия о теории романа (1935, № 2, 3), статьи: А. В. Луначарского «О смехе» (1935, № 4), В. Гоффеншефера «Судьбы новеллы» (1935, № 6, 11), Л. Фейхтвангера «О смысле и бессмыслице исторического романа» (1935, № 9), Г. Лукача «Рассказ или описание» (1936, № 8), «Исторический роман» (1937, № 7, 12; 1938, № 3, 7). Появились в журнале и статьи, где формулировались принципы, на которых должна была базироваться новая история литературы,— «Вопросы построения истории советской литературы» К. Зелинского (1935, № 12) и решающая ту же проблему на материале истории прошлого статья А. Лаврецкого «Историко-литературная концепция Белинского» (1935, № 7).

Примерно в это же время — в конце 1934 г.— редакция журнала опубликовала отрывки из нового перевода «Эстетики» Гегеля. Для русского читателя, имевшего к тому времени в руках только перевод В. Модестова, сделанный еще в XIX в. и по существу представлявший собою перевод не столько Гегеля, сколько популярного изложения эстетики Гегеля французским профессором Бенаром, отрывки из нового перевода, сделанного Б. Столпнером, были фактически первым дей-

---

[51] И. Беспалов. Состояние и задачи советской критики.— «Литературный критик», 1935, № 4, стр. 61—62.

[52] ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 18, ед. хр. 6.

ствительно научным переводом эстетической теории великого мыслителя.

К этим материалам примыкали статьи о крупнейших писателях-классиках и теоретиках искусства. В журнале были опубликованы работы В. Гриба «Мировоззрение Бальзака» (1934, № 10), «Учение Лессинга о реализме» (1935, № 9), Л. Спокойного «Эстетика Канта» (1935, № 3), И. Сергиевского «Эстетические взгляды Пушкина» (1935, № 4), отрывок из сочинений Д. Дидро «О драматической поэзии» (1935, № 5), статьи: А. В. Луначарского «Плеханов как искусствовед и литературный критик» (1935, № 7), Г. Лукача «Фридрих Энгельс как теоретик литературы и литературный критик (к 40-летию со дня смерти)» (1935, № 8), И. Альтмана «Драматургические принципы Аристотеля» (1935, № 10), отрывки из этюда Бальзака о Стендале (1936, № 1), материалы, посвященные столетию со дня рождения Добролюбова (1936, № 21), статьи И. Верцмана «Эстетические взгляды Гете» и «Размышления Гете о Шекспире» (1936, № 4) и др.

Эта обширная деятельность журнала при всей ее многоплановости имела, однако, общий стержень, придавший целостность и единство работе «Литературного критика»: главным противником, борьбе с которым были подчинены все материалы журнальных номеров, был унаследованный от литературоведения 20-х годов и не до конца изжитый даже к середине 30-х годов вульгарный социологизм. «Литературному критику» пришлось продолжить ту работу, которую в свое время начал журнал «Литература и марксизм».

Борьба с вульгарной социологией началась в первую очередь с пересмотра истории литературы. Это было естественно, потому что ни в какой другой области литературоведения упрощение литературного процесса и литературных оценок не проявилось с такой силой и не привело к таким искажениям. Более того: вульгарная социология как теория базировалась именно на материале классики. В применении к советской литературе вульгарная социология выступала в иных формах, но о внутреннем родстве этих вариантов свидетельствует общее исходное начало: вульгаризаторское понимание «классовости» художественного творчества.

В результате изучения классовой природы писателей появлялись утверждения, что Пушкин, например, являлся идеологом старой родовитой аристократии, принимающей в процессе общественного развития черты разночинской интеллигенции, особенности творчества Лермонтова объяснялись положением мелкопоместного дворянства и т. п.

Многие из этих формул, типичных для литературоведения предыдущего этапа, казались к середине 30-х годов почти пародийными: приведя, например, в статье 1935 г. цитату из работы 1928 г. о Лермонтове, критик И. Сергиевский особенно оговорил точность цитаты, дабы читатель не подумал, что фраза о связи творчества Лермонтова с поместной аристократией 30-х годов XIX в. вымышлена и пародийна [53].

Несмотря на то, что после пристального изучения работ В. И. Ленина о Толстом, после опубликования письма Энгельса к М. Гаркнесс с размышлениями о Бальзаке и обширных материалов по истории марксистской эстетики уязвимость вульгарно-социологических построений стала особенно очевидной, в печати и в середине 30-х годов продолжали появляться работы, основанные на прежних методологических

---

[53] И. Сергиевский. «Социологисты» и проблемы истории русской литературы.— «Литературный критик», № 9, стр. 36.

принципах. К ним относилась не только «Литературная энциклопедия» (к 1935 г. вышли — I—IX т.), но и школьные учебники, и отдельные работы о классиках русской литературы.

В конце 1935 г. в журнале была опубликована уже упомянутая статья И. Сергиевского «Социологисты» и проблемы истории русской литературы». Суть ошибок вульгарной социологии И. Сергиевский видел в том, что литературоведы останавливались на полпути — свои задачи они исчерпывали раскрытием социального генезиса того или иного литературного явления прошлого. Однако такой исторический анализ оставался неполным, так как не были при этом определены те причины, вследствие которых литературное произведение сохраняет непреходящую эстетическую ценность. Задача состояла в том, чтобы определить объективный смысл художественной практики писателей, обусловленной знанием жизни и реалистичностью ее изображения. Упрощенному решению вопроса о классовости литературы Сергиевский противопоставил иное понимание: художественная практика дворянского или буржуазного писателя «классова потому, что отмечен печатью классовой ограниченности показ действительности, вовсе не обязательно находящийся, однако, в прямой зависимости от взглядов и убеждений писателей, но наоборот, часто не совпадающий с этими взглядами и убеждениями и даже противоречащий им» [54]. Свою точку зрения автор статьи иллюстрировал анализом ленинских статей о творчестве Толстого, ссылками на творчество Пушкина и других писателей.

Пафос статьи И. Сергиевского был характерен для того направления, в котором шло на страницах журнала обсуждение историко-литературных проблем: свои социологические работы критиковал Д. Благой, призывавший перейти от выяснения «социального лица» Пушкина на более высокую ступень историко-литературных изучений, к «раскрытию всего богатства его творчества» [55]; с социологическими изысканиями Д. Тамарченко полемизировала статья Н. Семенова (1936, № 11) и т. п.

Редакция журнала остро чувствовала необходимость четко сформулировать свое понимание классовой борьбы и ее отражения в литературе. В статьях М. Розенталя «О марксиствующих критиках и социальном анализе» (1936, № 1, 9) и «Борьба Ленина против вульгаризации марксизма» (1937, № 8, 9) был проведен водораздел между марксистским пониманием классовой борьбы в художественном творчестве и «классовым анализом» вульгарных социологов. Ни Маркс, ни Ленин,— подчеркивал М. Розенталь,— не превращали теорию классовой борьбы «в некую систему, априорно творящую действительность». В исследованиях же вульгарных социологов социальный анализ является не процессом, в котором кристаллизуется классовая оценка писателя, а «метафизическим приспособлением действительности к априорному понятию класса или классовой группы» [56]. Анализируя методологию ленинских статей, записи Ленина в «Философских тетрадях», М. Розенталь настойчиво подчеркивал необходимость диалектического анализа, вскрывающего связь между социальной принадлежностью писателя и объективным смыслом его художественного творчества.

Позицию журнала в этот период уже нельзя было упрекнуть в излишней декларативности и отвлеченности. На первый план выдвинулись широкие философско-эстетические проблемы — вопрос об анта-

---

[54] «Литературный критик», 1935, № 10, стр. 41.
[55] «Литературный критик», 1936, № 2, стр. 159.
[56] «Литературный критик», 1936, № 1, стр. 39, 40.

гонистическом характере буржуазного прогресса и его противоречивом отражении в домарксистских идеологиях, вопрос о соотношении реакционных и прогрессивных элементов в мировоззрении, проблема народности и др. Объектом особенно пристального внимания стали писатели, творчество которых было отмечено печатью, казалось бы, неразрешимых противоречий — Бальзак, Толстой, Гете, и мыслители, которым задолго до марксизма и с иных — не марксистских — позиций удалось дать критику капитализма.

Об актуальности и верной направленности выступлений журнала против вульгарного социологизма свидетельствует не только та поддержка, которую получали статьи журнала в других изданиях[57], но и привлечение работников «Литературного критика» для участия в спорах о вульгарном социологизме на страницах других печатных органов: так, именно статьями М. Розенталя, частично опубликованными и в «Литературном критике», были подведены итоги дискуссии о сущности вульгарного социологизма в «Литературной газете»[58] и т. п.

Борьба с вульгарной социологией была перенесена из «высоких» критических сфер и в журнал, ориентирующийся на более широкого читателя,— в «Литературное обозрение». В первом же его номере (1936) была опубликована рецензия С. Васильева на книгу А. Волкова «Поэзия русского империализма», где подвергалась критике упрощенная связь между деградацией русской буржуазии и эволюцией русской поэзии, устанавливаемая исследователем. Популярно, но обстоятельно анализировались книги Д. Тамарченко «Литература и эстетика» (1936, № 8), Б. Мейлаха «Пушкин и русский романтизм» (1937, № 8) и др.

Борьба с вульгарной социологией проникла во все участки журнала — читатель встречал ее не только в специальных рецензиях отдела «Теория, история литературы», но и в «Литературном дневнике» (полемика с И. Нусиновым, 1936, № 10) и даже в сатирическом отделе «Преступление и наказание».

Серьезным помощником литературной критики оказалось в середине 30-х годов советское пушкиноведение. Переосмысление творчества поэта в связи с подготовкой к столетию со дня смерти способствовало борьбе с вульгарно-социологическим упрощением художественного творчества.

Освещение творчества Пушкина занимало огромное место в журнальных материалах 1936—1937 гг. Была проведена дискуссия о спорных моментах пушкиноведения[59], опубликован цикл статей В. Александрова, статьи И. Сергиевского, А. Македонова, В. Кирпотина, А. Лаврецкого, рецензии на различные издания и письма Пушкина; творчеству поэта был отведен почти полностью весь второй номер журнала за 1937 г. Значительное место занимало оно и в других книгах «Литературного критика» (1936, № 10; 1937, № 4).

Однако принципиально новое проявлялось, естественно, не столько в разнообразии напечатанных статей, сколько в новом подходе и новых проблемах, выдвинутых советскими исследователями-пушкинистами.

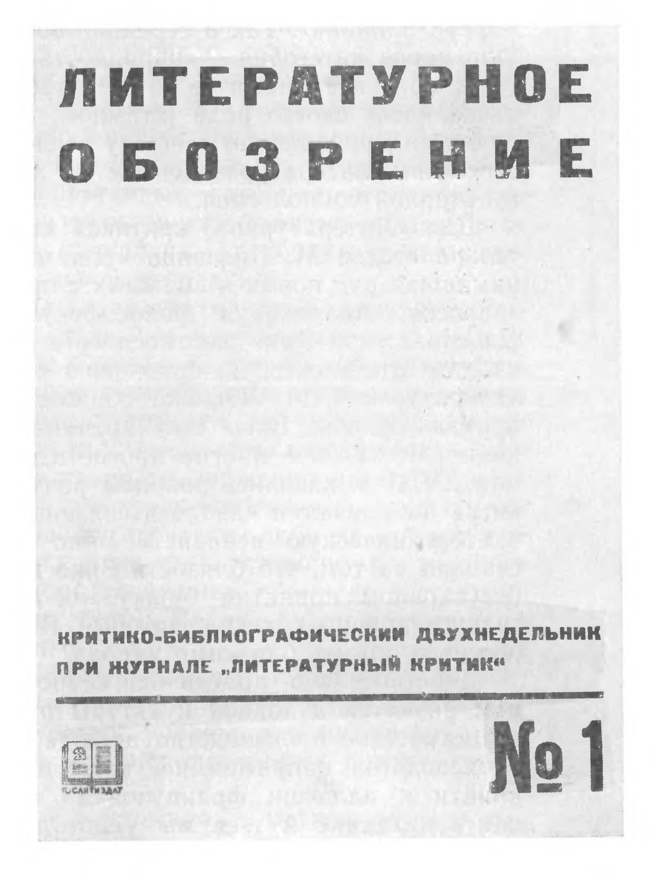
---

[57] В уже упоминавшейся статье И. Сергиевского говорилось о проникновении вульгарного социологизма в статьи «Литературной энциклопедии». В 1937 г. в «Правде» были вскрыты вульгарно-социологические ошибки этого издания. В пятом номере 1937 г. журнал вновь вернулся к критике методологических основ энциклопедии (Л. Денисова. Энциклопедия вульгарной социологии).

[58] «Литературная газета», 24 мая, 14 июля, 10 и 15 сентября 1936 г.

[59] А. Селивановский. Пушкинское наследство — 1935, № 12; Д. Благой. О Пушкине. (Ответ Селивановскому) — 1936, № 2; Г. Винокур. Об изучении Пушкина — 1936, № 3 и др.

Новизна ощущалась уже в круге идей и понятий, сменивших старую проблематику и терминологию: постепенно начал вытесняться упрощенный социологический генезис творчества Пушкина, прикреплявший его то к одному, то к другому классу и делавший поэта классовым апологетом феодализма, буржуазии и т. п.; место наивных вульгаризаторских схем заняли проблемы народности и современности поэзии; началась работа по созданию словаря языка Пушкина, была осознана необходимость переосмысления жизненного пути поэта и создания научной его биографии, активизирована исследовательская работа по освобождению текстов Пушкина от искажений. Критики и литературоведы выдвинули вопрос о гуманизме поэта, о его связи с народным творчеством, о реализме творчества Пушкина.

Борьбе с вульгарным социологизмом способствовала появившаяся в августе 1936 г. статья «Правды» — «Привить школьникам любовь к классической литературе». «Величайший из поэтов — Пушкин был сыном своего времени, но никто еще до него, как и после него, не отразил жизнь всей страны в таких художественных образах, в таких стихах,— отмечала редакционная статья «Правды» — ...Народ, его язык, его характер и эпос — вот та почва, в глубину которой уходят корни пушкинского гения» [60]. Опубликованные вскоре статьи В. Александрова «Пугачев (народность и реализм Пушкина)», А. Македонова «Гуманизм Пушкина», Ю. Соколова «Пушкин и народное творчество» и др. решали проблему народности на конкретном историко-литературном материале. Плодотворна была широта постановки проблемы. «Произведения большого общественного содержания вовсе не обязательно обличают эксплуататорский строй *прямо и непосредственно*»,— писал В. Александров,— необходимо установить, как художник видит народ. Анализируя «Капитанскую дочку», неоднократно служившую вульгарным социологам для упреков поэта в ненависти к простому народу, критик ставил народность пушкинского творчества в связь с объективностью его реализма: «Объективное отражение действительности необходимо предполагает объективное отражение народа с его чаяниями и стремлениями; так эти чаяния и стремления проникают в пушкинское искусство; оно реалистично, и поэтому народно. И, наоборот: оно народно и поэтому реалистично. Объективность не обозначает

---

[60] «Правда», 8 августа 1936 г.

какого-то равнодушия, бесстрастия; такое объективное отражение становится возможным лишь благодаря личной эмоциональной связи, лишь благодаря тому, что художник любит эти народные массы»[61].

В. Александров соотносил народность поэта с его классовостью. Напоминая о статье «Правды», критик устанавливал, в чем удалось Пушкину преодолеть свою классовую ограниченность и в чем он оставался на уровне социальных представлений своего времени. Тем самым понятие «классовости» не исчезало, но точно определялся его смысл и «сфера влияния». Так в середине 30-х годов в советскую эстетику пришла новая категория — «народность».

И хотя временами понятие народности непомерно расширялось и становилось своего рода штампом, в целом разработка проблемы народности принадлежит к числу заслуг «Литературного критика» перед советским литературоведением и является завоеванием в борьбе с вульгарной социологией.

Для «Литературного критика» второй половины 30-х годов показательна статья М. Лифшица «Джамбаттиста Вико» (1939, № 2), поднимавшая ряд новых и смежных с проблемой народности теоретических вопросов. Анализируя философскую позицию мыслителя XVIII в. Джамбаттиста Вико, соотнося ее с философией просветителей и отмечая ее отсталость по сравнению с «общим уровнем просветительной литературы»[62], М. Лифшиц обращал внимание читателя на странную иронию судьбы: Вико был проницательнее и острее в своей критике капитализма, чем многие просветители, которым буржуазные отношения XVIII в. казались законом разумной природы, а дальнейшее развитие цивилизации казалось связанным с расцветом буржуазии. Отмечая органическую ненависть Вико к Средневековью, М. Лифшиц настаивал на том, что близость Вико к народу делала его осторожным в безусловном принятии буржуазии и заставляла признать и принять заслуги прошлых веков, которые Вико считал «поэтически возвышенными» и потому близкими народу.

Действительно, против одностороннего представления о прогрессивном развитии духовной культуры предостерегал еще Маркс: «...Капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например, искусству и поэзии. Не учитывая этого, можно прийти к иллюзии французов 18 века, высмеянной Лессингом. Так как в механике и т. д. мы ушли дальше древних, то почему бы нам не создать и свой эпос? И вот взамен «Илиады» появляется «Генриада»[63].

Пристальное внимание к этой мысли Маркса (о неравномерности развития искусства и поэзии) было чрезвычайно своевременно во второй половине 30-х годов — акцентировалась мысль о непреходящем значении классической литературы, снималось приукрашивание и насильственное социологизирование писателей. Это внимание к противоречивому характеру передовых идей прошлого позволило избежать прямолинейности в оценке таких сложных писателей, как, например, Бальзак. В том факте, что интересы буржуазно-прогрессивной партии лишь отчасти и только на определенном этапе совпадали с интересами народа, и М. Лифшиц, и В. Гриб, и Г. Лукач видели возможность «для консервативной или даже реакционной критики прогресса, в которой содержалось много ценных и даже социалистических элементов»[64]. Это

---

[61] «Литературный критик», 1937, № 1, стр. 20.
[62] «Литературный критик», 1939, № 2, стр. 25.
[63] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. 1, стр. 280.
[64] «Литературная газета», 30 января 1940 г.

в свою очередь позволило снять отождествление взглядов писателя и объективного смысла художественного произведения.

В ответ на предложенную В. Кирпотиным схему — «Если художник, обладая реакционным мировоззрением, создавал великое произведение искусства, то он делал это не благодаря, а вопреки, несмотря на свое мировоззрение»[65], при которой сохранялся старый разрыв между мировоззрением и методом писателя,— В. Гриб от лица авторов «Литературного критика» отвечал: «Если Бальзак и Толстой создавали шедевры только вопреки своему мировоззрению, значит, их мировоззрение в создании этих шедевров не участвовало, значит, их убеждения тут были ни при чем и, значит, они творили «нутром» что ли? Анализируя творчество Бальзака, критик продолжал: «Мы видим, что Бальзак создавал свои шедевры не только вопреки, но и вопреки и благодаря своему мировоззрению: прогрессивные стороны его взглядов формировали его великий реализм, консервативные — теснили, ограничивали его»[66]. Непримиримая ненависть Бальзака к капитализму оказывалась прогрессивной, так как смыкалась, сливалась с глубоким разочарованием народа в результатах французской революции.

Этот сравнительно гибкий взгляд на диалектический характер мировоззрения и его связь с методом писателя был безусловным завоеванием советской эстетики конца 30-х годов. Однако он нес на себе печать неполноты и ограниченности. Произошла своеобразная аберрация зрения исследователей: внимание к сложным писателям, не укладывающимся в схему «хороший писатель имеет правильное мировоззрение», стремление вскрыть сложную динамику умственного движения дореволюционных эпох — все это привело к тому, что в сферу внимания авторов «Литературного критика» попали в основном писатели, либо не причастные к революционно-буржуазной демократии, либо стоящие на позиции критики буржуазии (Бальзак), либо пришедшие к выводу о «разумности» действительной жизни (Вико, Гете). На основании изучения их творчества и делался парадоксальный вывод о том, что «исторически ограниченная сторона имеет ближайшее отношение к заслугам писателя перед всемирной историей»[67], что подчас с отсталостью мыслителя или писателя по отношению к общему уровню его философии бывает связана его передовая роль в истории философии и литературы и т. п.

Повторенная много раз, эта мысль отрывалась от конкретного материала и могла быть воспринята как закон, что, конечно, не соответствовало действительности. Но наличие однотипных фактов оказало иное и неожиданное влияние на общую эстетическую концепцию исследователей классического реализма.

Напоминая об открытой Марксом неравномерности развития духовной культуры, правильно констатируя враждебность капиталистического производства духовному развитию человечества, Г. Лукач, М. Лифшиц и другие согласные с ними критики, оставались еще и сами отчасти в плену вульгарной социологии: судьбы культуры оказывались в их представлении прямолинейно зависимыми от судеб буржуазного общества; с перерождением буржуазии и ее разложением оказывалось фатально связанным перерождение искусства: общее развитие буржуазии, на взгляд Лукача, кладет конец «бескорыстному исследованию и непримиримому изучению» жизни, характерному для великих реали-

[65] Там же.

[66] Там же.

[67] М. Лифшиц. В чем сущность спора.— «Литературная газета», 15 февраля 1939 г.

стов прошлого. С падением буржуазии мельчает великий реализм. Золя и Гюго бесконечно уступают Бальзаку.

Такая эстетическая концепция противоречила реальному историческому движению литературы. Поэтому и в 1935 г., когда она впервые была выдвинута Лукачем применительно к теории романа[68], и в 1939 г., когда развернулась дискуссия по книге Лукача «К истории реализма», она была подвергнута критике.

✪

Полемизируя с вульгарно-социологической теорией литературы, пытаясь дать истинно марксистское толкование вопроса о закономерностях развития духовной культуры при капитализме, разрабатывая понятие народности, критики и литературоведы опирались на философские работы классиков марксизма-ленинизма, на статьи Ленина о Толстом, на эстетические суждения Маркса.

Поэтому была своя логика в том, что в эти же годы теоретики литературы, в частности, авторы «Литературного критика», обратились к разработке ленинской теории отражения, проецируя ее не только на историко-литературный материал, но и на современную им советскую литературу.

В конце 30-х годов ленинская теория отражения разрабатывалась журналом и теоретически (см., например, передовую статью в № 1 за 1939 г.) и практически — в форме борьбы с иллюстративностью литературы. Однако сама постановка этих проблем в «Литературном критике» была не случайна, потому что в течение многих предшествующих лет журнал занимал особую позицию в разработке проблем советской литературы.

«Рождение нового человека» — так формулировала критика 20—30-х годов сферу интересов и писателя, и критика.

«Борьба за тип героя» — так формулировали свою задачу работники журнала.

Это можно было уловить в статьях М. Розенталя «О времени и его героях» (1933, № 2), Ф. Левина «Об «Энергии» Гладкова (1933, № 6), В. Гоффеншефера «Соревнование с действительностью» (1934, № 10), Ю. Островского «Тема интеллигенции в творчестве Юрия Олеши» (1934, № 2), Ю. Юзовского «Освобожденный Прометей» (1934, № 10), А. Бескиной «Лицо и маска Михаила Зощенко (1935, № 1, 2), М. Серебрянского о «Большом конвейере» Я. Ильина и др.

То новое, что вносили работники журнала в понимание «типа героя», четко было сформулировано в статье «Освобожденный Прометей» Ю. Юзовского — критика, много сделавшего для развития эстетической программы журнала и его требований к советской литературе. Юзовский писал о том, что в центре драмы, как и всей советской литературы, должен стать герой мыслящий, полнокровный, которому была бы доступна вся сложная гамма человеческих чувств. Протест против схематичного резонерства, против «ханжеского взгляда, что преодоление смерти или несчастья близкого нам героя и воспитание мужества должно везде совершаться под влиянием «заклинания», воздействия голого тезиса «надо быть мужественным», «надо быть крепким», совмещался в статье Ю. Юзовского с ироническим отношением к пошлой сентиментальности, подменяющей чувство чувствительностью, мужественное страдание и суровое движение страстей тем, что «рвут страсть в клочья»[69].

---

[68] «Литературный критик», 1935, № 2, 3.
[69] «Литературный критик», 1934, № 10, стр. 128, 138.

Статьи Юзовского[70] знакомили читателя с тем нравственным критерием, с тем эстетическим идеалом, который выдвигал «Литературный критик». Требование интеллектуальности («рядовой рабочий и колхозник... у вас только борется, строит, только действует,— от мысли вы его освобождаете»,— обращался критик к драматургу) составляло в концепции журнала едва ли не основное звено.

В статье Е. Усиевич «Традиция писателя и литературный герой», появившейся некоторое время спустя, также слышался протест против того, что писатели не видят и не умеют изображать душевную и интеллектуальную высоту нового человека, а мир его чувств либо вовсе игнорируется, либо сводится к власти инстинктов (в качестве примера критик приводила творчество Б. Пильняка, изображение Увадьева в «Соти», Курилова в «Дороге на океан» Л. Леонова). Эта мысль была развита и в статье Г. Лукача «Интеллектуальный облик литературного героя» (1936, № 3).

Ссылаясь на шедевры мировой литературы, Г. Лукач ставил вопрос о том, что для воспроизведения характера современного человека необходима тщательная разработка интеллектуального облика действующих лиц. «Ни в один из периодов человеческой истории,— считал Лукач,— мировоззрение не играло такой большой роли, как в настоящее время». На взгляд критика, это предполагает прежде всего анализ мировоззрения героя, но анализ, представленный не в виде готовых формул и идеологических абстракций: отражая общие проблемы эпохи, мировоззрение является глубоко личным переживанием каждого отдельного человека, и как неповторимое индивидуальное переживание оно и должно быть раскрыто художником. Для этого Г. Лукач предлагал писателям проникать в самый процесс мышления героев, ибо только в этом случае видно, «с какой стороны человек подходит к проблеме, что он считает аксиомой, не нуждающейся в доказательствах, что́ и как он доказывает, до какой степени обобщения он способен подняться, какие он приводит примеры, чем он пренебрегает и что упускает из виду. Все это и выясняет сущность его характера»[71].

Редакции «Литературного критика» приходилось вести борьбу и с произведениями, упрощающими и украшающими действительность, и отстаивать писателей, творчество которых замалчивалось или не встречало поддержки в силу сложности воспроизведения жизни. В 1936 г., в частности, журнал «Литературный критик», вопреки своему критико-библиографическому профилю, опубликовал два рассказа А. Платонова (№ 8). В редакционной статье «О хороших рассказах и редакторской рутине» читателям объяснялось: «В редакторах слишком сильно опасение — «как бы чего не вышло». Если произведение не шаблонно, тотчас начинаются уговоры сгладить острые углы, затушевать противоречия, все закруглить, все успокоить. В результате произведение получает отпечаток того поверхностного, никого не убеждающего и не заражающего «оптимизма», которым окрашены многие из выходящих в последнее время рассказов, романов и стихов[72].

---

[70] В журнале были напечатаны следующие статьи Юзовского: «Театральные заметки» — 1933, № 1; «Мейерхольд-драматург» — 1933, № 3; «О даме с камелиями» и красоте жизни» — 1934, № 6; «Тридцать три обморока» — 1935, № 5; «Зрителя приглашают фантазировать» — 1935, № 6; «От Олеши до Финна» — 1935, № 6; «Ромео и Джульетта» — 1935, № 7; «Король Лир» — 1935, № 8; «На просмотре «Аэрограда» — 1936, № 2; «Человек ли Отелло?» — 1936, № 4; «Васса Железнова» — 1936, № 12 и 1937, № 3; «Обыкновенный» — 1938, № 2, «Мещане» — 1938, № 3; «Пьеса М. Горького «Враги» — 1938, № 12; «Смерть Пазухина» — 1939, № 5-6; «Дачники» М. Горького — 1940, № 1; «Последние» М. Горького — 1940, № 7-8; «Чудаки» М. Горького — 1940, № 9-10.

[71] «Литературный критик», 1936, № 3, стр. 13.

[72] «Литературный критик», 1936, № 8, стр. 172.

Предлагая читателю рассказы А. Платонова «Бессмертие» и «Фро», редакция журнала предваряла публикацию небольшой статьей о психологической сложности и глубине рассказов Платонова.

К тенденциям облегченного изображения человека редакция «Литературного критика» неоднократно возвращалась и в последующие годы.

В начале 1938 г. журнал выступил со статьей В. Гоффеншефера «О героизме и декламации» (№ 2), где возражал против самого типа «аполитичного и замкнутого в своем физкультурном мирке молодого человека, у которого мускулатура развита в ущерб интеллекту».

В статье развенчивалось бутафорское изображение героизма и ставился вопрос о том, что писатель должен дать читателю «возможность ощутить и понять героизм как человеческое качество или поступок, имеющие глубокий психологический и социальный смысл»[73].

К этой статье примыкала и напечатанная несколько позднее статья Б. Емельянова «Симфония будней» или какофония чувств» (1938, № 6), в которой, анализируя пьесы «Слава» В. Гусева, «Симфония будней» П. Осипова, «Под соснами» О. Юнеевой, «Сыновья» К. Финна и др., автор с недоумением отмечал, что основой драматургического конфликта стала дилемма «работа или любовь».

Журналу пришлось вновь и вновь напоминать о том, что новый человек имеет право не только на счастье, но и на печаль и на горе, и это не изолирует его от общества.

Борьба с псевдооптимизмом, неослабно звучавшая в различных журнальных материалах, особенно резко прозвучала в конце 1938 г. в статье Е. Усиевич «Разговор о герое» (1938, № 8—10).

Анализируя сборник А. Гурвича «В поисках героя» и высоко оценивая опубликованные в нем статьи, Е. Усиевич спорила с непоследовательностью борьбы А. Гурвича против «целеустремленного» оптимизма, который «слишком часто считается основным признаком социалистической ортодоксальности и требует, прежде всего, уверенности, что все и всегда обстоит благополучно, что все в Советской стране само собой приходит к хорошему концу, что всякий намек на трагизм есть признак «раздвоенности интеллигента»[74]. Е. Усиевич считала правильной критику таких «предрассудков» в «Далеком» А. Афиногенова, в «Славе» В. Гусева, в романе-фильме Вс. Вишневского «Мы, русский народ» и удивлялась тому, что сложный оптимизм рассказов А. Платонова оказался зачеркнутым в критическом анализе А. Гурвича.

Выражая позицию журнала, Е. Усиевич характеризовала облегченное изображение человека как одну из серьезных опасностей, стоящих перед советской литературой. В противовес идиллическим и потому лишенным «открытий» произведениям, Е. Усиевич выдвигала такие книги, как «Танкер Дербент» Ю. Крымова, в которой «вера в огромную ценность человека, в его способность на подвиги, вера в безграничные силы ума и воли человека» была лишена розового колорита. Став на точку зрения, что «социалистический человек никогда больше минуты не находится в нерешительности,— писала Е. Усиевич,— никогда не остается одиноким, никогда не перестает испытывать ощущение счастья, мы неизбежно сделаем мерилом коммунистической доброкачественности социалистического человека степень его спокойствия и душевного комфорта»[75].

Эта статья Е. Усиевич вызвала резкую отповедь со стороны «Литературной газеты». 15 декабря 1938 г. в ней была помещена статья

---

[73] «Литературный критик», 1938, № 2, стр. 178.
[74] «Литературный критик», 1938, № 9-10, стр. 162.
[75] Там же, стр. 187, 188.

В. Ермилова «Верно ли, что у нас «иллюстративная» литература?» (с подзаголовком «О взглядах «Литературного критика»).

В. Ермилов полемизировал с положением Усиевич: «Литературный критик» соглашается признать «серьезным», «мыслящим» только такое произведение, которое выдвигает идею, совершенно неизвестную до него» [76].

Оставив в стороне позитивную часть статьи, В. Ермилов всю полемику с псевдогероической, «облегченной» литературой квалифицировал как «пренебрежительное» отношение к советской литературе и огульное обвинение ее в иллюстративности. Уже в этой статье звучали угрожающие ноты по адресу журнала, хотя автор еще скромно оговаривал, что речь пока идет «именно о тенденции, а не о какой-либо целостной неверной концепции «Литературного критика» [77].

Между тем освещение советской литературы занимало в обоих журналах — и «Литературном критике» и «Литературном обозрении» — все большее место. Причем, если «Литературный критик» печатал «программные» статьи, то «Литературное обозрение» вело пристальное, повседневное наблюдение за ходом развития советской литературы.

Что же принималось авторами журнала? И что вызывало их возражение?

Стихи и поэмы, рассказы и повести, которые вызвали их одобрение, действительно составляли неоспоримую ценность советской литературы. Среди книг, рекомендованных читателю, были «Страна Муравия» А. Твардовского (1931, № 19), «Одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова (1937, № 8), повесть Диковского «Патриоты» (1938, № 1), стихи В. Стрельченко (1938, № 3) и рассказы Зощенко (1938, № 6), повести П. Нилина (1938, № 6) и «Испанский дневник» М. Кольцова (1938, № 10), «Степан Кольчугин» В. Гроссмана (1938, № 11) и «Танкер Дербент» Ю. Крымова (1938, № 13, 14), детские стихи С. Михалкова (1938, № 13, 14) и Л. Квитко (1938, № 20), сборник К. Симонова «Настоящие люди» (1938, № 22) и роман В. Кетлинской «Мужество» (1939, № 1), поэтические произведения Л. Мартынова (1940, № 3) и т. д.

Рецензии на эти книги свидетельствовали о большом интересе к советской литературе, о внимании к новым и молодым именам, о стремлении донести до широкого читателя ценные и значительные книги.

Для критического стиля «Литературного обозрения» (равно как и «Литературного критика») была показательна работа В. Александрова, С. Гехта, В. Гоффеншефера, Л. Борового, М. Левидова, Б. Рунина, Е. Усиевич, Ф. Левина и др.

В «Литературном обозрении», так же как и в «Литературном критике», часто печатал свои рецензии А. Платонов. Его интересы были широки и разнообразны: рассказы А. Грина (1938, № 4) и записки Г. Байдукова «Из дневника пилота» (1937, № 21), роман Панферова «Творчество» (1937, № 15) и Курский литературный альманах (1939, № 18), поэма «Пробуждение героя» Дж. Алтаузена (1940, № 22) и повесть В. Василевской «Земля в ярме» (1939, № 22).

Для лучших рецензий А. Платонова характерен был трезвый аналитический подход к явлениям литературы, стремление не только и не столько однолинейно рекламировать книгу или ее обругать, сколько вскрыть перспективные стороны авторского дарования, творческие возможности писателя.

---

[76] «Литературная газета», 15 декабря 1938 г.
[77] Там же.

Тревожно прозвучала в свое время рецензия Ф. Человекова (А. Платонова) на роман Льва Кассиля «Вратарь республики» (1939, № 6), и эта тревога была тем более удивительна, что критик и сам признавался, что прочел роман «сразу» и даже с некоторым интересом» и что писатель Л. Кассиль нашел свою тему — «мужество и счастье». Но благодушие и облегченность в изображении жизни коллектива Гидраэра, узкий жизненный опыт (и жизненный горизонт) героев романа, «очищенных» от многообразного сплава различных материалов, как бы сделанных из «одного чистого благородного, одноцветного материала» и оттого потерявших жизненную достоверность,— все это вызвало беспокойство писателя, предпочитавшего, по его словам, то, что несет в себе «следы борьбы и напряжения» «в нашем, современном мире, где еще не растут сплошь одуванчики»[78].

Напоминание об ответственности и серьезности работы литератора постоянно звучало в рецензиях журнала.

Вероятно, не только читателям «Литературного обозрения», но и самому писателю интересно было читать рецензию В. Александрова на поэму К. Симонова «Ледовое побоище» (1938, № 7). Лаконичная и деловая, она точно взвешивала удачи и просчеты автора, сетовала, порицала, фиксируя внимание на основном и самом важном для Симонова — на лирической атмосфере его произведений — и предостерегая против внешней стилизации, псевдонародности и нарочитого упрощения.

На страницах «Литературного обозрения» продолжалась и борьба «Литературного критика» за мыслящего героя. Убежденность в недопустимости поверхностного и легковесного изображения современности не только являлась лейтмотивом отдельных рецензий, но зачастую пронизывала литературные споры, в которые вступал журнал. Так, в 1936 г. журнал (№ 9) выступил против «Литературной газеты», благодушно прощающей маловыразительные произведения молодым писателям. В том же году в «Литературном обозрении» (1936, № 6) была помещена дискуссионная статья — ответ «Комсомольской правде», в которой журнал защищал свои идейно-художественные критерии (в связи с рецензией Е. Усиевич на IX и X тома Собрания сочинений Маяковского, опубликованной в № 1 «Литературного обозрения» за 1936 г.)

За один 1936 г. в «Литературном обозрении» появилось 119 рецензий на произведения советских писателей, в 1937 г.— 74, в 1938—110, в 1939 — 121, в 1940 — 151.

Необходимость острых выступлений обоих журналов подтверждалась самой жизнью. В конце 30-х годов начали появляться произведения, лишенные больших тем и крупных характеров, произведения, где личная жизнь героя была сведена к «интиму» и мелодраме, где мелкое и обыденное изображалось под видом обыкновенного,— «подмена литературы литературщиной, плен условности и традиционности», — писал критик Ф. Левин. Анализируя такие книги, как повесть А. Письменного «В маленьком городе», Ф. Левин подробно останавливался на «псевдобытовизме», обыденщине, мелкости тем и отсутствии характеров»[79] произведения, считая, что эти недостатки получили довольно широкое распространение в литературе конца 30-х годов.

Этим же пафосом была проникнута и вскоре опубликованная статья А. Рагозина «Личная жизнь». Останавливаясь на трех повестях — «Лапшин» Ю. Германа, «Зрелость» М. Юфит и «Сложная история» В. Курочкина, критик внимательно исследовал налет пошлого и мелкого изо-

---

[78] «Литературное обозрение», 1939, № 6, стр. 28.
[79] «Литературный критик», 1939, № 2, стр. 182, 146.

бражения личной жизни героев в этих произведениях. Их горести и беды выглядят измельченными и обедненными, положенные в основу произведений конфликты классической трагедии решаются, на взгляд автора статьи, «в плане классической мещанской драмы»[80].

С этими опасениями авторы «Литературного критика» выходили на страницы и других печатных органов. Так, в частности, в июле 1939 г. в «Правде» была напечатана статья того же А. Рагозина «Против фальши в литературе», где, анализируя «книги-суррогаты» (в основном те же, что были подвергнуты критике на страницах журнала,— повесть В. Курочкина «Сложная история», роман Глеба Алехина «Неуч» и др.), автор писал: «Берется большая и значительная тема, как героизм, самоотверженность, любовь, дружба и «раскрывается» на ничтожном по своему значению эпизоде. Упрощенное представление о жизни, о человеческих характерах, о мотивах отдельных поступков доводится здесь до логического абсурда. Ни масштабы событий, ни их общественное значение в расчет не принимаются»[81].

Основной пафос этих выступлений совпадал с позицией «Литературного критика»; казалось, он совпадал и с устремлениями читателей: «Я очень внимательно читаю «Литературный критик»,— говорил И. Альтман на обсуждении работы журнала в 1939 году,— и считаю правильной ту линию, которую этот журнал ведет, борясь за интеллектуального, думающего, борющегося героя нашей страны»[82].

В то же время была в деятельности «Литературного критика», в частности, в проблемных и историко-литературных статьях о советской литературе, своя уязвимость, своя слабая сторона.

«Большая заслуга нашей критики,— писал В. Гриб,— в том, что она научилась показывать не только идейные и художественные недостатки того или иного писателя, но и недостатки, отрицательные тенденции советского литературного развития... Но можно ли указать на статьи, в которых с равной обобщающей силой были бы освещены положительные тенденции нашей литературной жизни? Статьи, хвалящие то или иное произведение, бывают умны и внимательны, но похвалы эти всегда имеют частное значение. Ладно, такой-то писатель написал хороший роман, но каково общее значение этого романа для нашей литературы? Можно ли в нем увидеть какую-то важную для нее черту, двигает ли он ее вперед или это только частная удача? Как складывается художественный облик советской литературы? Какие творческие направления в ней существуют?

На эти вопросы интересных ответов мы не слышим»[83].

Размышления В. Гриба относились, конечно, к состоянию критики в целом, но для истории журнала они особенно интересны, потому что исходили от одного из постоянных авторов «Литературного критика».

Нельзя сказать, чтобы журнал ничего не пытался сделать для обобщения опыта советской литературы.

В июльском номере журнала за 1937 г. началась публикация материалов по истории советской литературы — «Хроника советской литературы за 20 лет». Во вступительной заметке редакция так определяла свои задачи:

1. Собрать основные документы и факты, характеризующие развитие советской литературы за 20 лет (преимущественно русской) в связи с основными, важнейшими политическими и общекультурными событиями.

2. Организовать и систематизировать эти документы и факты так,

---

[80] «Литературный критик», 1939, № 2, стр. 183.
[81] «Правда», 8 июля 1939 г.
[82] «Литературная газета», 26 апреля 1939 г.
[83] «Литературная газета», 20 апреля 1939 г.

чтобы читатель получил, так сказать, «внешнюю историю, историю советской литературы в ее фактах и документах»[84].

Хроника должна была делиться на четыре периода: 1917—1920 гг.; 1921—1927 гг.; 1928—1932 гг.; 1933—1937 гг.

Каждому периоду хроники, собиравшему основные и самые существенные факты из истории советской литературы, должны были быть предпосланы вступительные статьи, разъяснявшие сущность литературного движения каждого из периодов и связывавшие воедино разрозненные, казалось бы, документы и факты. Над сбором материала для хроники работал большой коллектив критиков — В. Гоффеншефер, В. Тренин, Н. Харджиев, К. Зелинский и др.

Особенно ценной оказалась хроника первого периода, наиболее последовательно осуществившая первоначальные намерения и замыслы редакции. Объективная и довольно полная, она не только знакомила читателя с историко-литературными фактами, но и давала выписки из статей и газет, резолюции литературных конференций и сводки выходивших в те годы книг. Вступительная статья, написанная критиком В. Гоффеншефером, оценивала литературный процесс первых лет революции широко и непредвзято. Смысл литературы периода гражданской войны составляло, по мысли автора, «самое широкое литературное движение, определение основных линий развития и становления новой культуры, руководство этим процессом»[85]. Однако с течением времени хроника начала менять свой характер: в статьях о литературных группировках 20-х годов усилились проработочные нотки, перемежающиеся политическими ярлыками и обвинениями. Так, например, в деятельности поэтов «Кузницы» усматривались элементы тред-юнионизма и вообще «меньшевистская точка зрения на рабочий класс и его культуру» и добавлялось, что «если пересмотреть теорию и творчество «Кузницы», вывод будет таков, что «Кузница» была меньшевиствующей литературной группой, чуждой пролетарской культуре, именем которой она действовала»[86], о писателях-перевальцах (Ив. Катаеве и др.) говорилось, что они создавали произведения, «полностью соответствовавшие их философии контрреволюционной реакции»[87], декларациям конструктивистов был приписан «контрреволюционный, буржуазно-реставраторский смысл...»[88]. Все литературные группы были расценены как контрреволюционные. Литературное движение 20-х годов предстало в искаженном и деформированном виде. Исчезали имена, история литературы обескровливалась; в № 1 за 1938 г. появился последний раздел — хроника советской литературы 1928—1932 гг. На этом инициатива журнала, имевшая большое значение для создания готовящейся «Истории советской литературы», была прервана.

В 1937 г., к XX-летию со дня Октябрьской революции, вышла юбилейная (№ 10-11) книга «Литературного критика». В ней — едва ли не впервые — было введено понятие «классики» по отношению к советской литературе, и опубликованы статьи о «лучших,— по мнению редакции,— книгах советской литературы».

В журнале были напечатаны действительно оригинальные, по-новому звучащие статьи А. Макаренко о «Чапаеве» Дм. Фурманова, А. Платонова о книге «Как закалялась сталь», В. Гоффеншефера о М. Шолохове, М. Серебрянского о «Разгроме» А. Фадеева.

Однако в номере не было статьи, которая обобщала бы процессы историко-литературного развития и намечала его тенденции. Две общие

---

[84] «Литературный критик», 1937, № 7, стр. 111.
[85] Там же.
[86] «Литературный критик», 1937, № 8, стр. 89, 93.
[87] «Литературный критик», 1937, № 9, стр. 58.
[88] «Литературный критик», 1937, № 10-11, стр. 320.

статьи — «Партия и литература» и «Борьба за реализм в советской литературе» представляли собой скорее негативный обзор — в число «ошибок» и отрицательных явлений литературной жизни были зачислены и все литературные группировки 20-х годов, и такие ученые, как В. М. Фриче и В. Ф. Переверзев, и широко известные, но уже подвергшиеся репрессиям писатели. Борьба за реализм предстала как непрерывный разгром, критика писателей — как борьба с замаскированным врагом.

Отсутствие обобщающих статей о советской литературе, годовых обзоров по жанрам, крупных сводных статей о творчестве отдельных писателей,— можно ли эти недостатки объяснять только субъективными намерениями редакции «Литературного критика»? Не сказалась ли в этом общая беда советской литературы конца 30-х годов? Читатель «перелистывает журналы,— с горечью писал в «Литературном обозрении» критик В. Бобрышев в 1939 г.,— Севастопольская оборона, Тарас Шевченко, 1905 год, империалистическая война, Джонатан Свифт, война гражданская, опять Шевченко, нравы американских боксеров, снова гражданская война, западноевропейские поэты, революционное подполье, статьи о Дидро, Тургеневе, Гончарове, Чехове, Шолом-Алейхеме...»

И далее: «...Повинны или не повинны в этом журналы — вопрос другой. Но вот уже несколько лет не умолкают разговоры о «лице журналов», все мнения на этот счет как будто бы сходятся, и все-таки что-то мешает журналам определиться, какая-то сила продолжает удерживать их в общей колее, и они движутся в ней, как обреченные, не в силах изменить странное положение, в котором очутились» [89].

Если в январе 1938 г. М. Серебрянский, пытаясь понять причины перевеса историко-литературных статей над статьями о советской литературе, робко говорил о том, что у критиков «боязнь писать о советской литературе» [90], то в конце 1940 г. эта боязнь стала явной и уже не вызывала сомнений В докладе на открытом партийном собрании, состоявшемся 31 января 1941 г., П. Павленко и Ф. Левин пытались решить вопрос, почему «большинство книг занято как бы окраинными темами...» «У нас стала формулироваться даже особая теория о бесконфликтности, о жизни, легкой, как дыхание, о пережиточности конфликта» [91],— говорили они.— Откуда все это? — Из боязни сделать что-нибудь отрицательное, вредное, преступное... в подпочве этой боязни лежит неуверенность в своей правоте... Автор охотно написал бы о любом конфликте, но он не отдает себе отчета, будет ли это на пользу стране и читателю или во вред, и в результате занимается смягчением конфликта и лакировкой действительности, полагая, что на этом пути ему будет гораздо легче» [92].

В таких условиях борьба журнала за объективную, глубокую литературу была чрезвычайно сложна. Более того, она была затруднена не только сложностью самой общественно-политической жизни конца 30-х годов, но и той атмосферой, которая сложилась в самой критике.

✪

Стремление стать во главе критики, характерное для журнала с самого момента его создания, предполагало борьбу журнала за признание права критики на самостоятельность и бескомпромиссность оценок, заботу о непрестанном совершенствовании критика, его культуры.

---

[89] В. Бобрышев. Время и место действия. (Вместо обзора).— «Литературное обозрение», 1939, № 19, стр. 52, 56.
[90] ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 18, ед. хр. 61.
[91] «Литературная учеба», 1941, № 4, 20, 22.
[92] Там же, стр. 24.

Еще в 1935 г. на II пленуме ССП, в центре работы которого стояли вопросы критики, И. Беспалов в докладе «Состояние и задачи советской критики» дал исторический обзор развития советской критики. И в докладе И. Беспалова, и в посвященной итогам II пленума статье А. Щербакова все отчетливее звучала мысль о том, что критика до тех пор не сломит неуважительного к себе отношения, пока не научится органично совмещать анализ с обобщением. «Крупнейшим недочетом современной критики,— писал А. Щербаков,— является то, что она работает от случая к случаю, от одного литературного явления к другому, не обобщает, не синтезирует, не показывает писателю и читателю итогов роста литературы. Критика до сего времени не приступила еще к выполнению задачи, которую А. М. Горький выдвинул еще несколько лет назад — давать синтетические обзоры художественной литературы за год, по темам, жанрам, литературным проблемам и т. д.» [93].

Однако для того чтобы делать выводы и обобщения, ставить перед литературой новые задачи, вести ее вперед, необходимо было бороться за уровень критики, за масштабность и диалектичность мышления критика, способного совмещать теоретические обобщения с точностью конкретного анализа.

Между тем работа «Литературного критика» по расширению эстетического диапазона писателя и критика далеко не всегда встречала поддержку. Наоборот, на страницах «Литературной газеты» время от времени появлялись открытые выпады против усиленного внимания журнала к теории литературы. В статье «Догма и творчество», опубликованной в декабре 1937 г. «Литературной газетой», изучение теории и методологии литературы объявлялось «безжизненным и безопасным занятием». «Но читателю и писателю,— говорилось в газете,— не легче от того, что один год эта литпифия занимается схоластическим разгромом своего теоретического противника из близлежащего журнала, второй год исследует эстетические взгляды деятелей прошлого, а на третий год придумывает себе какое-нибудь другое, такое же безжизненное и безопасное занятие. Есть у нас люди, которые превратили это в профессию»[94].

Такое неуважительное и «непрофессиональное» отношение к критике со стороны «Литературной газеты» не могло не вызвать ответных выступлений «Литературного критика».

В № 7 за 1939 г. была опубликована статья Г. Лукача «Художник и критик (о нормальных и ненормальных отношениях между ними)».

Подробно анализируя разрыв между писателем и критиком, Г. Лукач истоки его видел в капиталистическом общественном разделении труда, превратившем литераторов в узких профессионалов. Нормальные взаимоотношения между писателями и критиками установятся, по мнению Лукача, тогда, когда писатель приблизится к типу художника-критика, а критики преодолеют разрыв между философией, эстетикой, историей и критикой. Главное, чтобы «направление, в котором развиваются таланты и критики, не было ложным» [95]. Писатели должны «равняться» на таких художников, как Дидро и Бальзак, Лессинг и Толстой, Гете и Горький. Главное качество этих писателей — они объединяли в себе черты художника и критика, они были действительно способны дать широкое, многостороннее «отражение своей эпохи, потому что они самостоятельно и глубоко продумали основные культурные вопросы, выдвинутые их временем» [96]. Их оригинальное и глубокое суждение о проблемах

---

[93] «Литературный критик», 1935, № 2, стр. 7.

[94] «Литературная газета», 20 декабря 1937 г. См. также статьи в «Литературной газете» от 10 августа, 15, 20 сентября.

[95] «Литературный критик», 1939, № 7, стр. 31.

[96] Там же, стр. 13.

искусства явилось предпосылкой создания великих художественных образов.

Только один тип критика может соперничать с великим художником-критиком — критик-философ: он — «глубокий знаток общественных проблем: он — политик и публицист». Главная ценность Аристотеля, Гегеля, Белинского, Чернышевского, Добролюбова как теоретиков искусства тесно связана с их «универсализмом, с их способностью охватить совокупность общественных проблем, исходить из нее и возвращаться к ней мыслью, обогащенной результатами конкретного анализа»[97].

Из этой концепции Лукача были ясно уловимы те требования, которые предъявляла к типу критика редакция журнала: философское познание общих закономерностей действительности должно совмещаться у критика с высокой культурой и способностью проникать в глубь художественно-образной структуры произведения.

Однако интересная во многих своих положениях концепция Лукача повисла в воздухе, ибо не опиралась на изучение конкретного опыта критики 30-х годов и, главное, на анализ действительности конца 30-х годов.

Между тем обстановка в критике складывалась сложная. Наблюдались явные рецидивы грубых рапповских методов полемики и критики. Из убеждения в обострении классовой борьбы по мере развития социализма вырастала новая форма вульгарной социологии, сказывавшаяся и в работе авторов «Литературного критика». Борясь за объективную нелицеприятную критику, сотрудники журнала порой и сами впадали в грубый, дискредитирующий писателя тон разговора. Так, в майском номере «Литературного критика» за 1937 г. была опубликована статья Е. Усиевич «К спорам о политической поэзии», где автор выступила против деления поэзии на «собственно политическую» и «неполитическую», против сведе́ния гражданской поэзии к иллюстрациям уже готовых и понятых идей и положений, против скидок на злободневность. Ссыла́сь на творчество Пушкина, Некрасова, Д. Бедного, Маяковского, критик защищала мысль об органической и естественной гражданственности великих художников, творчество которых, какая бы тема, самая «частная» и «личная», ни была взята, пронизано социальной политической мыслью. Выдвигая в качестве образцов общественно активной поэзии творчество Д. Бедного, «Гренаду» М. Светлова, Е. Усиевич отмечала снижение критериев и обеднение поэзии у М. Голодного, Д. Алтаузена, А. Безыменского, резко протестовала против нетребовательного и снисходительного отношения к газетным стихам. Но, к сожалению, в этой полемике Усиевич говорила языком ярлыков и приговоров. Анализируя стихи М. Голодного — действительно слабые и невысокие по уровню, Е. Усиевич категорично квалифицировала их как стихи совершенно буржуазные и упадочные[98].

Резкость тона и хлесткость формулировок снижали справедливые суждения критика; непомерно были раздуты в статье и недостатки поэзии А. Жарова и А. Безыменского.

Естественно, что все это вызывало протест тех авторов, о которых шла речь в статье. В том же году на страницах «Литературной газеты» (№ 59) была опубликована статья заместителя редактора Н. Плиско «В защиту политической поэзии», где автор искаженно формулировал суть статьи Усиевич, сводя ее к тому, что критик якобы уводит поэзию от политических задач и «хоронит жанр газетной политической поэзии». А несколько позднее в бюро секции критики поступило заявление (А. Суркова, А. Жарова, М. Голодного), обвинявшее Е. Усиевич в том,

---

[97] «Литературный критик», 1939, № 7, стр. 19, 20.
[98] «Литературный критик», 1937, № 5, стр. 76, 79.

что ее статья продолжает линию Бухарина в области поэзии. Бюро секции критики констатировало, что это заявление «не соответствует действительности... Статья Усиевич, наоборот, исходит из утверждения политического характера поэзии, из недопустимости противопоставления советской поэзии и политики и на примере творчества Маяковского защищает принципы социалистического реализма»[99]. Е. Усиевич, в свою очередь, отказалась от утверждения, что в конце 30-х годов (по сравнению с 20-ми, в частности с творчеством Маяковского) гражданская тема в лирике слабеет.

Строгая тональность нелицеприятного разговора с писателем[100] не всегда выдерживалась и журналом «Литературное обозрение». Подчас авторам изменяло чувство меры, и тогда исчезало тактичное, бережное отношение к писателю, подменяясь хлесткостью и ненужной резкостью тона. Так произошло с оценкой стихов М. Алигер, молодой и талантливой поэтессы, только начинавшей в 30-е годы писать и печататься (1936, № 12); так произошло и с отзывом на стихи И. Уткина, которые журнал квалифицировал как «поэтические пустышки» (1936, № 9); с пьесой А. Арбузова «Таня» (1938, № 21), которую критик М. Левидов упрекал в излишней театральности, отказывая в «творческом воссоздании действительности», в «большой художественной правде»[101]; неоправданно резким было выступление журнала против повести «Флаги на башнях» А. Макаренко, вызвавшее активный протест литературной общественности[102]. Все это обостряло отношения «Литературного обозрения» (и «Литературного критика») с писателями.

Обстановка вокруг «Литературного критика» осложнялась.

В конце апреля 1939 г. (20, 21, 22 и 25 апреля) президиумом Союза писателей было проведено заседание с активом, посвященное работе журнала «Литературный критик» и заслушавшее доклад его ответственного редактора М. Розенталя. И в докладе, рассказавшем читателю о деятельности журнала, и в выступлениях членов редколлегии отстаивались позиции журнала: «И вот, говоря о необходимости для критика последовательных убеждений, я должна сказать,— говорила Е. Усиевич,— что журнал «Литературный критик» последовательно защищал свои убеждения, ведя борьбу за реализм, социалистический гуманизм, против лакировки, шапкозакидательства, сентиментализма, псевдооптимизма»[103].

Критикуя журнал за отдельные ошибки, например, за излишне резкий тон статьи Е. Усиевич о повести В. Г. Герасимовой «Хитрые глаза», за оценку повести Макаренко «Флаги на башнях», за ненужную хлесткость в разговоре о произведениях молодых писателей К. Клосс, В. Козина, упрекая журнал в одностороннем изучении истории реализма (в основном — Бальзак, Толстой), Фадеев, тем не менее, называл журнал «принципиальным» и защищал его от тех, кто упрекал «Литературный критик» в групповщине. «Я не считаю целесообразным это слово употреблять в отношении кадров «Литературного критика», как и в отношении кадров других журналов»,— говорил Фадеев[104]. В списке талантливых критиков, которыми может гордиться советская литература, упомянутых Фадеевым, значительную часть составляло авторское ядро

---

[99] ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 18, ед. хр. 49.

[100] См. например, рецензию В. Гриба на рассказы К. Федина (1936, № 10), рецензию Ф. Левина на пьесу Н. Погодина «Падь Серебряная» (1938, № 21) и др.

[101] «Литературное обозрение», 1938, № 31, стр. 29.

[102] А. Рагозин. Флаги на башнях.— «Литературное обозрение», 1939, № 1. Ф. Левин. Четвертая повесть Макаренко — «Литературный критик», 1938, № 12.

[103] «Литературная газета», 26 апреля 1939 г.

[104] Там же.

«Литературного критика» (В. Александров, Ю. Юзовский, А. Гурвич, Е. Усиевич, А. Роскин, Ф. Левин, М. Лифшиц, И. Альтман, Б. Гриб, В. Гоффеншефер и др.).

Тем неожиданнее для многих участников обсуждения прозвучало сомнение Фадеева в целесообразности существования специального литературно-критического журнала. Высказанная впервые как раздумье («А нужен ли вообще «Литературный критик»?), эта мысль встретила активное противодействие со стороны подавляющего большинства выступавших на совещании и не была поддержана даже теми критиками, которые активнее других выражали свое недовольство работой журнала (В. Ермилов). «Мне непонятна реплика тов. Фадеева,— говорил К. Малахов.— И эта реплика, и ряд других деталей создают такое впечатление: слушают доклад «Литературного критика» первый раз и уже сомневаются — а не закрыть ли. И тираж есть, и читатель есть, и интерес читателя есть» [105]. С возражениями против «реформы», в результате которой «Литературный критик» прекратил бы свое существование, а его коллектив рассеялся бы по разным журналам, выступили О. Войтинская, И. Сац, И. Альтман, В. Кирпотин и др.

Однако вскоре в «Литературной газете» (от 10 сентября 1939 г.), а затем в «Красной нови» (1940, № 4) появились статьи под одним и тем же заглавием «О вредных взглядах «Литературного критика» (в «Литературной газете» подписанная В. Ермиловым, в «Красной нови» — редакционная) [106]. Вернувшись к дискуссии по книге Лукача «К истории реализма», В. Ермилов и журнал «Красная новь» перевели эту дискуссию в иную плоскость.

«Лукач, Лифшиц и прочие» были объявлены «группой», а журнал — орудием этой группы, хотя всего несколько месяцев назад А. Фадеев с трибуны высокого критического совещания возражал против применения этого термина к советской литературе вообще и к «Литературному критику» в частности. Журнал обвиняли в том, что «под флагом борьбы с вульгарно-социологическим упрощенством группа «Литературного критика» протаскивает свою теорию, согласно которой история литературы, история искусства стоит вне борьбы классов», что «группка» «Литературного критика» «сбивает с толку читателей, изучающих историю и историю партии, подсовывая им немарксистские, неленинские взгляды на русский исторический процесс», что она возрождает «старую поповскую клевету на материалистов и просветителей» [107].

В обвинительном азарте отдельные спорные или ошибочные формулировки Лукача были распространены на все материалы и на концепции всех авторов, выступавших в журнале. В соответствующем тоне и духе была интерпретирована и позиция журнала по отношению к советской литературе: «Стоя на точке зрения общего упадка искусства,— писалось в журнале «Красная новь»,— группа Лифшица — Лукача и советское искусство рассматривает как одно из проявлений декаданса».

Журналу инкриминировалось «сплошное отрицание важнейших творческих установок социалистического искусства», объявлялось, что «ликвидация советского искусства» составляет смысл деятельности «Литературного критика» и «коренится во враждебных взглядах на действительность победившего социализма» [108].

«Литературный критик» в следующем же месяце (в № 5—6 за 1940 г.) квалифицировал эти обвинения как «инсинуации» по адресу журнала,

---

[105] «Литературная газета», 26 апреля 1939 г.

[106] См. также статью В. Ермилова «Литературные споры».— «Комсомольская правда», 12 февраля 1940 г.

[107] «Красная новь», 1940, № 4, стр. 159, 161.

[108] Там же, стр. 166, 169, 172.

как материал, построенный «на сознательном искажении» цитируемых статей из «Литературного критика». По мнению «Литературного критика», этой и другими подобными статьями журнал «Красная новь» возрождал рапповские методы полемики.

В конце 1940 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О литературной критике и библиографии». В нем было отмечено «крайне запущенное» состояние критики и библиографии, говорилось, что «в большинстве газет и журналов за последнее время почти исчезли литературно-критические материалы». ЦК ВКП(б) подчеркнул, что наиболее слабым звеном является критика художественной литературы: «Вопреки традициям русской литературы критики не работают в литературно-художественных журналах, объединяющих писателей, и замкнулись в обособленную секцию критиков при Союзе писателей. Писатели в свою очередь не принимают участия в разборе и оценке литературных произведений и не выступают в печати с литературно-критическими статьями» [109].

Для коренного улучшения литературной критики и библиографии ЦК ВКП(б) наметил ряд мер.

Секция критики была ликвидирована. Критики были рассредоточены в секциях прозы, поэзии и драматургии, чтобы работать там вместе с писателями. Издание «обособленного от писателей и литературы» [110] журнала «Литературный критик» было прекращено; журнал «Литературное обозрение» был передан Институту мировой литературы им. Горького и реорганизован в рекомендательный библиографический справочник художественной литературы. Редакциям литературно-художественных журналов «Красная новь», «Октябрь», «Новый мир», «Знамя», «Звезда» и «Литературный современник» было предложено создать «постоянные отделы критики и библиографии».

«Литературный критик» явился опытом создания специального журнала, посвященного теоретическим и практическим проблемам критики и литературоведения.

Возникнув после Постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», журнал «Литературный критик» отразил сложный и противоречивый процесс движения советской критики и эстетической мысли предвоенного десятилетия.

---

[109] «Большевик», 1940, № 23, стр. 37.
[110] Там же.

«Литературная газета»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 1. Понедельник, 22 апреля 1929 г.

Орган Федерации Объединений Советских Писателей.

ГАЗЕТА ПИСАТЕЛЕЙ

Двойственность германской политики

Торг продолжается

На фабрики, на заводы!

Нет необходимости доказывать, что газета (в том числе литературная) по сравнению с толстым журналом имеет свою специфику и свои задачи. Это — наиболее «сейсмографичный», мобильный орган, работающий на злобу дня. Здесь труднее проследить единую линию развития, нет подчас своего, ярко выраженного лица (как это характерно для журналов — например, «Нового мира» или «Октября», или «Знамени» в тот или иной период), но зато еще более непосредственно и наглядно выступает связь со временем, с общественной обстановкой. По материалам газеты легко прослеживаются и отграничиваются друг от друга различные исторические этапы в развитии литературы — период, связанный с деятельностью РАПП (1930—1932 гг.), затем период критики рапповщины, сплочения писательской общественности, борьбы с вульгарным социологизмом (в эти годы — 1932—1935 — особенно велика роль Горького); предвоенные годы и, наконец, Великая Отечественная война (в 1942—1943 гг. «Литературная газета» была временно слита с газетой «Советское искусство» — выходил объединенный орган — «Литература и искусство»).

Если толстые журналы опирались, в первую очередь, на близкий им круг авторов (писателей или критиков), то для «Литературной газеты» (после ликвидации РАПП) было характерно стремление к привлечению авторов разных направлений, организация дискуссий. Не всегда редколлегия «Литературной газеты» в состоянии была дать обобщение, заключе-

ние той или иной дискуссии, спора, которые (нередко стихийно) возникали на ее страницах. Но в наиболее ответственных дискуссиях (как, например, о литературном языке в 1934 г.) она занимала верные позиции, поддерживала линию Горького. Большое значение имели выступления на страницах «Литературной газеты» Горького, Луначарского, крупных советских и зарубежных писателей, а также борьба против войны и фашизма, которую газета вела на протяжении ряда лет.

Самое стремление откликаться на актуальные проблемы литературной жизни, на новинки литературы, предоставление трибуны писателям делало газету своеобразным «зеркалом» литературного процесса, его характерных черт и особенностей на том или ином историческом этапе.

Особенно положительную роль «Литературная газета» сыграла в период Первого Всесоюзного съезда писателей и во время Отечественной войны, сплачивая ряды многонациональной советской литературы.

1

Предшественником современной «Литературной газеты» был еженедельник литературы и искусства «Читатель и писатель», издававшийся Госиздатом с 1 декабря 1927 г. по конец 1928 г. (главный редактор — С. Васильченко).

«ЧиП», как его часто называли, состоял из восьми — десяти газетных страниц небольшого формата, он не был собственно писательским органом и ставил главным образом просветительные задачи. В нем печатались критические и историко-литературные материалы, а также художественные произведения — рассказы и стихи.

К выходу газеты отнеслись положительно М. Горький, А. Толстой (в № 2 опубликовано письмо А. Толстого к директору Госиздата А. Б. Халатову). Многие известные литераторы дали согласие сотрудничать в новом издании и сдержали обещание.

Все это говорило о том, что потребность в литературной газете, где могли бы высказываться представители разных литературных течений, писатели и публицисты, живо ощущалась.

Еженедельник периодически публиковал «Страницу писателя», где члены различных группировок излагали свои позиции, делились мнениями, откликались на текущие события литературной жизни.

А. М. Горький в напечатанной в журнале «Читатель и писатель» статье «О пользе грамотности» (1928, № 11) обращал внимание литераторов на преодоление групповщины. «От бесед с литераторами и чтения журналов,— писал Горький,— определенно веет затхлостью злейшей «кружковщины», вредной замкнутости в тесных квадратиках групповых интересов, стремлением во что бы то ни стало пробиться в «командующие высоты». Это особенно характерно в таком учреждении, как «Леф», где несколько самохвалов пытаются смутить молодых литераторов проповедью ненужности художественной литературы».

Важнейшей задачей редакций газет и журналов Горький считал помощь молодым и начинающим писателям. «Необходимо больше внимания к молодым литераторам, больше заботы о них!»,— говорил он, заканчивая свою статью.

«Читатель и писатель» широко пропагандировал творчество Горького (в связи с его 60-летием и приездом в СССР в 1928 г.), в то время как рапповский орган журнал «На литературном посту» продолжал дискутировать вопрос — пролетарский писатель Горький или нет.

Горьковские материалы, юбилейные историко-литературные статьи о русских и иностранных классиках, обзоры (хотя и краткие) новинок советской и зарубежной литературы, освещение событий литературной жизни (от «Вечера журналов» до съезда ВАПП), предоставление трибуны читателям — все это делало еженедельник полезным изданием. Качество его (по сравнению со слабыми первыми номерами) постепенно улучшалось. Однако «ЧиП» не удержался на нейтральной позиции и вскоре вмешался в групповую борьбу, от чего газету прозорливо предостерегал М. Кольцов. В статье «Третья сила» («ЧиП» № 3) М. Кольцов писал: «... Новая газета должна быть поставлена главным образом и преимущественно как орган советского читателя, отображающий и защищающий его интересы... Вопросы писательско-издательских отношений, споры и местничество литературных групп, их взаимные обиды — все это уже и так находит себе слишком много места на страницах уже существующих журналов».

«ЧиП» одним из первых открыл огонь по налитпостовской теории «живого человека», напечатав статью лефовца Н. Чужака «Гармоническая психопатия». Он предоставлял трибуну писателям и критикам рапповского «левого» меньшинства, постоянно нападавшим на налитпостовскую группу. В течение всего существования еженедельника между «ЧиП» и журналом «На литературном посту» шла борьба; рапповский орган резко критиковал «ЧиП», обвиняя его в эклектизме, беспринципности и проч.

Но не только эта, а и другие причины привели к закрытию газеты. Созданная в 1927 г. Федерация объединений советских писателей (ФОСП) в первое время слабо способствовала сплочению писательской общественности, занималась преимущественно материальными и хозяйственными делами. Необходимо было дать иное направление деятельности ФОСП, оживить ее и направить в нужное русло. Встал вопрос об организации клуба ФОСП и о передаче ФОСП издания литературной газеты, которая, в отличие от «ЧиП» (рассчитанного на широкие читательские круги), могла бы стать органом самих писателей, отражать их интересы и в то же время облегчила бы задачу перевода попутчиков «на рельсы коммунистической идеологии», поставленную резолюцией ЦК от 18. VI 1925 г. «О политике партии в художественной литературе».

Разрешение на издание газеты было получено уже в сентябре 1928 г.[1]

Исполбюро ФОСП решило организовать широкую редколлегию в составе 11 человек — по одному представителю от литературных групп входящих в ФОСП, и двух представителей от Ленинградского отдела ФОСП. Ответственным редактором был назначен С. Канатчиков.

После неоднократных замен первая редколлегия «Литературной газеты», органа Федерации объединений советских писателей, сформировалась в следующем составе: главный редактор С. И. Канатчиков, Б. Волин (РАПП), А. Лежнев — от «Круга», И. Катаев — от «Перевала», В. Вешнев — от «Кузницы», Ф. Трусов — от Всероссийского общества крестьянских писателей (ВОКП), Е. Зозуля — от Всероссийского союза писателей (ВСП), Б. Агапов — от Литературного центра конструктивистов (ЛЦК), И. Ломов (В. Катанян) — от Реф и три представителя от Ленинграда — М. Карпов, Ю. Либединский и Б. Эйхенбаум.

Первоначально «Литературная газета» выходила один раз в неделю, по понедельникам. Тираж ее был 45 000. Летом 1930 г. газета стала выходить раз в пять дней, тираж ее увеличился до 60 000.

---

[1] См. Отдел рукописей ИМЛИ, ф. 51, оп. 1, ед. хр. 12. (Протокол заседания Исполбюро ФОСП от 19 сентября 1928 г.)

Первый номер «Литературной газеты» вышел 22 апреля 1929 г. Программная передовая — «Газета писателей» — подчеркивала, что «Литературная газета» начинает выходить в эпоху напряженного социалистического строительства и обострения классовой борьбы, связанной с ликвидацией последних эксплуататорских классов. «Литературная газета», говорилось в передовой, ставит одной из основных задач помочь писателю «выработать свое мировоззрение... изучить окружающую действительность и определить его место, роль и значение в ней». Отмечалось также, что газета, являясь органом ФОСП, не должна замалчивать разногласия между различными литературными объединениями и группами, а «будет считать своей обязанностью настойчиво и терпеливо разъяснять и исправлять те или иные ошибки отдельных групп и лиц и вести решительную борьбу с упадничеством, разочарованием и равнодушием к вопросам нашей общественности», а также с групповыми методами критики, стремясь к выработке типа писателя-общественника и «стоя на почве резолюции ЦК 1925 г.»

В сложной литературной обстановке тех лет газета, естественно, не могла сразу найти свое лицо, выработать четкую линию. Известная пестрота материала была неизбежна, отражались на страницах газеты и издержки групповой борьбы.

Но в общем направление газеты в течение первой пятилетки определяли установка на сближение литературы с жизнью, стремление приобщить писателей к делу социалистического преобразования страны, поиски разных форм и путей участия писателей в социалистическом строительстве. Уже с первых номеров появляется шапка — «Писатели на фронте социалистического соревнования».

В специальном обращении редакции к писателям говорится: «Литературная газета» открывает на своих страницах постоянный отдел очерков, посвященный социалистическому соревнованию...» [2].

Первые очерки — Н. Огнева, В. Катаева, А. Караваевой не были удачны, вызвали критические замечания рабочих читателей. Под рубрикой — «Писатели на фабрики и заводы!» в газете сообщалось о формировании и деятельности на предприятиях писательских бригад (ФОСП комплектовала их из представителей разных литературных групп).

Сами писатели искали новых путей сближения с жизнью, активного участия в ней. Многие не ограничивались длительными поездками на стройки, в колхозы, а оседали (на год, на два) в местах новостроек. М. Шагинян в статье «О пятилетке и писательском соревновании», Ф. Гладков («Не реставрация, а реконструкция») на страницах «Литературной газеты» отстаивали именно такой метод работы, позволяющий вникнуть во все детали строительства, сблизиться с людьми, отрешиться от старых литературных традиций и методов и от штампованных «восторгов», «потуг на лирику», подменяющих глубокое знание материала. В статьях Ф. Гладкова и М. Шагинян не обошлось без «перехлестов», на что справедливо указывалось в откликах на них в газете. Так, например, Ф. Гладков чрезмерно подчеркивал свои достижения, несправедливо критиковал очерк Горького о Днепрострое; М. Шагинян необоснованно нападала на Ф. Панферова, усмотрев в «Брусках» неполноту изображения социальных отношений в деревне. Но выступления эти были симптоматичны, привлекли внимание.

События международной жизни, которым в 1929 г. отводилась почти целиком первая полоса (в дальнейшем «Литературная газета» отказалась от такого дублирования других органов), внутренние события и кампании, отчеты писательских бригад, производственные очерки, орга-

[2] «Литературная газета», 27 мая 1929 г.

низационная деятельность и декларации литературных групп, репортаж, связанный с призывом ударников, работой литкружков (заполнявший газету в 1930—1931 гг.) — все это уменьшало удельный вес литературной критики. Почти не было проблемных статей и обзоров, преобладали рецензии на отдельные произведения.

Самый уровень критики, отражавшей групповые пристрастия, был невысок, встречались вульгаризаторские и субъективистские суждения. Так, например, М. Беккер в статье «Интернациональные мотивы пролетарской поэзии» неправомерно зачеркивал зарубежные стихи Маяковского как якобы неудовлетворительные, «страдающие плакатным гиперболизмом». Маяковскому вначале противопоставлялось в газете творчество И. Сельвинского (ряд статей и рецензий, превозносивших пьесу и спектакль «Командарм-2»).

В 1929 г. «Литературная газета» организовала дискуссию о критике. Дискуссия открылась статьей Л. Гроссмана (№ 5, 20 мая) — «Куда идет критика?». В ней отстаивались права критики как искусства, говорилось о необходимости изучения «поэтики критики». К. Зелинский в обширной статье «О критическом положении критики» подчеркивал необходимость развития философской критики, повышения ее научного уровня. Осуждалось неправильное отношение писателей к критике. Под рубрикой «Дискуссия о критике» выступили В. Ермилов — «О приспособленчестве в марксистской критике», Г. Якубовский — «Три критика» (о книгах Д. Тальникова «Гул времени», А. Лежнева «Литературные будни», Д. Горбова «Поиски Галатеи»), М. Беккер «Проблема литературного портрета» и другие. Однако статьи, обобщающей результаты дискуссии, в газете не появилось.

Более широкий резонанс имела дискуссия о сатире. В первом номере газеты за 1929 г. была напечатана рецензия А. Лежнева «На пути к возрождению сатиры», положительно оценившая повесть Андрея Новикова «Туманности» («Новый мир», № 11, 1928 г.). В № 6 «Литературной газеты» выступил театральный критик В. Блюм со статьей «Возродится ли сатира?», в которой он доказывал, что сатира в советской стране не имеет перспектив, так как присущая сатире обобщающая сила якобы неизбежно ведет к «потрясению устоев» политического строя. В. Блюм утверждал, что критические обличения в наши дни не должны использовать «игровые» (т. е. художественные) формы, а ограничиваться газетной статьей, фельетоном и т. п. Продолжение же традиций дооктябрьской сатиры становится прямым ударом по государственности, по общественности, так как сатира всегда якобы наносила удар по чужому классу, а наше государство с 1917 г. перестало быть чужим.

В. Блюму возражали Г. Якубовский, М. Роги и др. Г. Якубовский писал: «Сатира наших дней имеет корни в большом общественном деле, а именно в самокритике... Разоблачая бюрократов, недомыслие обывателей, живучесть пошлости, узость мещанства, сатирик бьет не по советскому государству, а по наследию прошлого» [3]. В передовой «О путях советской сатиры» газета правильно писала, что сатира у нас имеет будущее — она призвана «расчищать сознание для беспримерной в мире перестройки... Она должна низвергнуть и добить предрассудки, религию, национализм... все виды лицемерия, ханжества, идейной блудливости, всевозможной гнили и мерзости» [4]. Передовая подчеркивала, что множество откликов на статью Блюма опровергало его положения. В газете получил освещение также диспут о сатире, на котором выступили Блюм и его оппоненты, в том числе Маяковский [5].

---

[3] «Литературная газета», 8 июля 1929 г.
[4] «Литературная газета», 15 июля 1929 г.
[5] «Литературная газета», 13 января 1930 г.

В течение первого периода существования «Литературной газеты» под рубрикой «Трибуна писателя» был напечатан ряд других дискуссионных выступлений. Некоторые из них позднее вызвали резкую критику в адрес газеты, хотя она стремилась реагировать на особо сомнительные высказывания немедленно. Так, в № 1 за 1929 г. были напечатаны статьи Б. Пильняка «Фельдшера и академики» и В. Сутырина «Об академике, который фельдшер». Б. Пильняк утверждал, что «писатели суть люди особливого биологического типа... Чем талантливее писатель, тем бездарней он политически». В. Сутырин критиковал ошибочные утверждения Пильняка.

Полемика состоялась также вокруг повести Вяч. Шишкова «Дикольче» опубликованной в «Звезде» (1929, № 1). Вяч. Шишков в статье «О труде и его паразитах» («Литературная газета», 13 мая) защищал повесть от резкой критики М. Гельфанда в «Комсомольской правде» (№ 70, 1929 г.). В. Сутырин в «Открытом письме Вяч. Шишкову» — «О субъективных намерениях и объективных результатах», осуждая резкий тон М. Гельфанда, стремился в более мягкой форме разъяснить писателю его заблуждения относительно социальной сущности его героя — Ногова, изображенного в повести. Резкой критике в газете подверглось выступление С. Клычкова, который писал о несправедливом отношении к его творчеству и о неверном его истолковании[6].

В течение 1929—1931 гг. «Литературная газета» неоднократно вступала в полемику с В. Полонским — редактором и ведущим критиком «Нового мира» (обвиняя его в правых тенденциях и эклектизме). Полемика возникла вначале по вопросу о том, кого считать крестьянским писателем[7], а затем по вопросу о «современном литературном развитии»[8]. В начале 1932 г. «Литературная газета» опубликовала статью В. Ермилова «Вопрос редакции «Новый мир», в которой отрицательно оценивалось содержание журнала (критические статьи и роман А. Толстого «Черное золото»).

Значительным событием литературной жизни явилась дискуссия о детской литературе в конце 1929 — начале 1930 г., в которой принял участие М. Горький. Интерес к детской книге повысился, так как готовился всесоюзный пионерский слет. Критики, писатели, журналисты заговорили об отставании детской литературы, о ее слабой связи с современностью, но здесь не обошлось без вульгаризации и упрощенчества. Дискуссия началась со статьи С. Болотина и В. Смирновой «Детская книга в реконструктивный период» (1929, № 35) и фельетона Д. Кальма «Против халтуры в детской литературе» (там же). Д. Кальм выдвинул необоснованные обвинения в адрес детского отдела ГИЗа, привлекшего к работе С. Маршака и других талантливых детских писателей, по мнению Д. Кальма, безыдейных, культивирующих «бессмыслицу». Д. Кальма активно поддержала Е. Флерина (председатель Комиссии по детской книге Наркомпроса) в статье «С ребенком надо говорить всерьез» (№ 37). Но в том же номере газеты были опубликованы многочисленные возмущенные отклики писателей на фельетон Д. Кальма.

---

[6] См. С. Клычков. О зайце, зажигающем спички.— «Литературная газета», 30 сентября 1929 г. Там же — ответ редакции «По поводу статьи С. Клычкова».

[7] См. Вяч. Полонский. Кого считать крестьянским писателем.— «Новый мир», 1929, № 10; Ив. Батрак. О психологии творчества.— «Литературная газета», 17 декабря 1929 г.; Осип Бескин. Кулацкий писатель и его правозаступник Полонский.— «Литературная газета», 6 января 1930 г. Вяч. Полонский. Товарищ Батрак и его учитель Бескин.— Там же; Ив. Батрак. В чем мы расходимся с Полонским.— «Литературная газета», 20 и 27 января 1930 г.; «О крестьянском писателе и крестьянской литературе» (передовая).— «Литературная газета», 7 апреля 1930 г.

[8] См. В. Полонский. Концы и начала.— «Новый мир», 1931, № 1; А. Селивановский. Старик обожал искусство.— «Литературная газета», 19 марта 1931 г.

19 января 1930 г. в «Правде» выступил М. Горький со статьей «Человек, уши которого заткнуты ватой. К дискуссии о детской книге», в которой он резко осудил Д. Кальма и Е. Флерину.

Однако дискуссия на этом не кончилась — «Литературная газета» поместила (1930 г., № 4) ответы Горькому Д. Кальма и некоторых педагогов и критиков, выступивших в защиту Е. Флериной. Газета не сумела обобщить дискуссию, не высказала своей точки зрения. Громоздкая редколлегия, состоявшая из представителей разных группировок, препятствовала выработке единого мнения.

В этот ранний период (1929—1930) газета печатала и художественные произведения — стихи часто посредственные, далекие от жизни, или же трескучие вирши на индустриальные темы. Публиковались прозаические отрывки (из романов Г. Никифорова, П. Замойского, С. Буданцева и др.). Когда «Литературная газета» стала фактическим органом РАПП (1930—1932), в ней изредка печатались сатирические стихи А. Архангельского, шаржи Кукрыниксов.

✪

Деятельность «Литературной газеты» в первые месяцы подверглась критике в печати (в «Комсомольской правде», в журналах «Молодая гвардия» и «На литературном посту»). Газета изображалась как рупор правых тенденций, оплот аполитизма, орган только Союза писателей (Всероссийский Союз писателей — ВСП), в то время как преобладающее влияние в ней «должно принадлежать революционному сектору советской литературы и в первую очередь ВАПП» [9].

Но вскоре произошли события, поднявшие интерес к газете. «Литературная газета» выступила застрельщицей в известном инциденте с Пильняком и Замятиным, допустившими опубликование за границей своих произведений («Красное дерево» и «Мы»), отвергнутых советской печатью. Дело это получило благодаря газете чрезвычайно широкий резонанс, приведший к резкой критике в адрес ВСП, смене его руководства, чистке состава. В газете были напечатаны статьи Б. Волина «Недопустимые явления»» (№ 19, 26 августа), передовая «Писатели и политика» (№ 20, 2 сентября).

Объяснения Б. Пильняка в «Письме в редакцию», напечатанном в том же номере (2 сентября), были признаны неудовлетворительными.

В № 20—21 газета опубликовала выступления литературных организаций и отдельных писателей, справедливо осудивших поступок Пильняка, в том числе обращение Секретариата РАПП «Ко всем членам Всероссийского союза писателей», утверждавшее, что «классовый враг создал для себя агентуру в рядах советской литературы, что некоторые попутчики восстановительного периода в реконструктивный период социалистического строительства... перестали или перестают быть друзьями, спутниками, попутчиками пролетариата, объективно смыкаясь с враждебными силами». Единичный эпизод с недопустимым поведением Пильняка не давал все же поводов для таких обобщений, породивших в конечном итоге сектантский рапповский лозунг «союзник или враг».

Газетные выступления, посвященные Пильняку и Замятину, содержавшие преувеличения и необоснованные нападки на Союз писателей в целом, вызвали отрицательный отклик Горького. В статье «О трате энергии» («Известия», 15 сентября 1929 г.) он, нисколько не оправдывая поступок Пильняка, все же писал: «За свой поступок Пильняк полу-

---

[9] См. И. Ломов. Классовый мир в литературной промышленности.— «Комсомольская правда», 21 июля 1929 г.

чил слишком суровое возмездие, которое как бы уничтожает все его заслуги в области советской литературы. Но речь идет не только о Пильняке. Я всю жизнь боролся за осторожное отношение к человеку и мне кажется, что борьба эта должна быть усилена в наше время и в нашей обстановке... Умеем ли мы воспитывать помощников, вести за собой попутчиков? Мне кажется, не умеем.

...Нужно помнить, что мы все еще не настолько богаты своими людьми, чтобы швырять ко всем чертям и отталкивать от себя людей, способных помочь нам в нашем трудном и великолепном деле».

18 сентября «Правда» опубликовала статью И. Беспалова «Литература и политика», в которой осуждался термин «пильняковщина» и говорилось, что двери советской литературы перед Пильняком не закрыты.

После выступлений «Правды» и Горького «Литературная газета» несколько изменила тон. В статье «Начало перелома» (16 сентября) она осудила резолюцию Сибирской АПП, требовавшей высылки из СССР Пильняка и Замятина. В связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 25 декабря 1929 г.— «О выступлениях части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького» — «Литературная газета» (30 декабря) опубликовала пространную статью «Настоящее» и Горький», где осуждалась позиция сибирского лефовского журнала «Настоящее» — ликвидаторство в области культуры, недопустимые выпады против Горького. В то же время статья Горького «О трате энергии» была названа в газете «христианской».

«Литературная газета» вслед за «Правдой» осудила термин «пильняковщина», поспешное наклеивание ярлыка «классового врага», призвала «бороться за каждую писательскую единицу» [10–11]. Но в общем в это время в газете укрепилась рапповская литературная линия. В передовой от 4 ноября говорилось о необходимости выработки нового партийного документа, о недостаточности резолюции ЦК (1925 г.) для реконструктивного периода, который характеризуется обострением классовой борьбы: «Ряд прослоек «попутничества» теперь уже не может быть причислен к «промежуточным». Теперь, в связи с новым этапом революции, они оказываются в стане врагов. Такова, например, судьба «попутчиков» «сменовеховского толка».

Подобные формулировки, естественно, отдаляли от газеты многих писателей, хотя она и пыталась вести воспитательную работу с попутчиками. Так, 23 декабря 1929 г. в «Литературной газете» была опубликована большая статья А. В. Луначарского «О судьбе, насилии и свободе». Говоря об исторической необходимости, связанной с условиями пролетарской диктатуры, с трудностями социалистического строительства, Луначарский предостерегал в то же время против упрощенной постановки вопроса — «с нами ты или против нас», подчеркивая, что решается гигантской важности исторический вопрос — «как завоевать нам различные прослойки мелкой буржуазии от огромного массива деревенского середняка до некоторых ценнейших интеллигентов...». С такой постановкой проблемы шел вразрез лозунг «союзник или враг», который хотя и был официально провозглашен рапповцами позднее (в 1931 г.), но, по существу, прокламировался уже с конца 1929 г. РАПП активно вела кампанию за ревизию резолюции ЦК от 18 июня 1925 г., за выработку нового партийного документа по вопросам литературной политики.

В связи с реконструктивным периодом и событиями во Всероссийском союзе писателей остро встали вопросы о перестройке работы литературных организаций и ФОСП в целом, о пересмотре, уточнении и выработке творческих платформ. В «Литературной газете» в 1929—

[10–11] «Уроки и задачи».— «Литературная газета», 14 октября 1929 г.

1930 гг. огромное место занимают программные выступления и декларации литературных групп.

Откликаясь на статью «Правды» «За консолидацию коммунистических сил пролетарской литературы» [12], «Литературная газета» писала о необходимости воспитывать попутчиков, вырабатывать единство коммунистической тактики. «А что у нас происходит на деле? Между коммунистами, работающими в различных литературных организациях, идет ожесточенная, непрекращающаяся своеобразная «гражданская война» 〈...〉, борьба литературных течений, всевозможные блоки происходят не на почве принципиальных вопросов.

Мы полагаем, что не всякий литературный спор есть зло и склока. Но 〈...〉 когда спорят между собой писательские группировки, они прежде всего должны помнить об интересах читателей и давать точную формулировку спорным вопросам...» Спор, подчеркивалось в статье, «должен вестись на принципиальной высоте» [13].

Однако именно к этому времени внутри РАПП назревал крупный спор, который вылился в схоластическую полемику и малопринципиальную групповую борьбу, в пылу которых «Литературная газета» порой забывала и об интересах читателей и об интересах писателей — не членов РАПП. В 1930 г. между «Литературной газетой», ставшей опорой группы «Литфронт», и журналом «На литературном посту», представлявшим руководство РАПП [14], развернулась широкая дискуссия о творческом методе пролетарской литературы.

С наиболее развернутым обоснованием позиции противников журнала «На литературном посту» по вопросу о творческих путях пролетарской литературы в газете выступил И. Беспалов — редактор журнала «Печать и революция». Его статья «В поисках стиля» (30 декабря 1929 г.) была опубликована под рубрикой «Материалы к новой резолюции ЦК».

С конца марта 1930 г., с уходом С. Канатчикова, ответственным редактором «Литературной газеты» стал критик Б. Ольховый, принадлежавший к активным противникам налитпостовства. Последние вскоре организовали блок внутри РАПП, объявив себя летом 1930 г. группой «Литфронт».

В передовых статьях газеты (май 1930 г.) резко критиковались установки руководства РАПП: защита «психологического реализма», теории «непосредственных впечатлений», «живого человека», выдвижение в качестве образца романа «Рождение героя» Ю. Либединского. До осени 1930 г. газета не уделяла внимания попутчикам (если не считать дискуссию о «Перевале», приведшую фактически к ликвидации этой группы), не публиковала серьезных критических статей. Полосы газеты заполнялись пространными документами вроде обращения секретариата РАПП «Ко всем членам РАПП», материалов, связанных с «Литфронтом», письма секретариата РАПП «О развертывании творческой дискуссии» и многочисленных откликов на эти документы местных и национальных ассоциаций пролетарских писателей, рабочих литкружков и т. д.

Руководители РАПП, хотя и добились роспуска «Литфронта», но все же должны были признать, что их сборники «Творческие пути пролетарской литературы» «нуждаются в серьезном критическом пересмотре» [15].

Наряду с дискуссией о творческом методе в «Литературной газете»

---

[12] «Правда», 4 декабря 1929 г.

[13] «За большевистскую самокритику» (передовая).— «Литературная газета», 9 декабря 1929 г.

[14] См. главу «На литературном посту» в «Очерках истории русской советской журналистики. 1917—1932». М., изд-во «Наука», 1966.

[15] Л. Авербах. Борьба за метод.— «Литературная газета», 14 декабря 1930 г.

в 1930 г. состоялась дискуссия о «Перевале». Толчком к дискуссии послужила резкая критика перевальских сборников «Ровесники» и «Перевальцы» в «Комсомольской правде» (№ 56) в статье Гребенникова. Члены Совета и актива «Перевала» ответили Гребенникову статьей «Против клеветы» («Литературная газета», 10 марта 1930 г.).

Выступление перевальцев в редакционной заметке (там же) было признано неудовлетворительным, аполитичным: «Мы считаем, что «Перевал», как составная часть ФОСП, должен заново пересмотреть свои позиции»,— писала газета. Однако такого пересмотра позиций со стороны перевальцев не последовало. В ответ на дальнейшие критические выступления «Литературной газеты»[16] перевальцы опубликовали пространную декларацию «Перевал» и искусство наших дней» («Литературная газета» № 15 и 16; 14 и 21 апреля 1930 г.). Декларация вскрыла не столько идейную порочность, сколько расплывчатость, неопределенность перевальской платформы. Новая перевальская декларация (как и первая — в 1927 г.) содержала выпады против рапповцев, нападала на современную литературу в целом и особенно на пролетарскую и «левую», обвиняя ее в мимикрии, «задних мыслях» и т. п. Эта часть декларации вызвала естественное раздражение и была оспорена в статье от редакции («Конец «Перевала») в том же номере «Литературной газеты».

После резкой критики группы на дискуссии в Коммунистической академии и на страницах печати начался ее распад, отдельные писатели в 1930—1931 гг. выступали с письмами в «Литературной газете» о выходе из «Перевала»[17]. Но не покидавший «Перевала» И. Катаев оставался членом редколлегии «Литературной газеты».

Газета принимала участие в дискуссии о «школе Переверзева», опубликовав статью Вл. Григоренко, П. Рожкова, И. Ситковского (И. Ипполита) «К итогам литературоведческой дискуссии» (24 февраля 1930 г.) и другие, а также резолюцию Президиума Комакадемии — «О литературоведческой концепции В. Ф. Переверзева» (7 апреля).

В связи с критикой формализма (в журнале «На литературном посту» и в других) и кризисом этого течения в газете выступил В. Шкловский. В статье «Памятник научной ошибке» (27 января 1930 г.) он признал несостоятельность основных посылок формального метода.

Большое место в «Литературной газете» в эти годы занимало освещение деятельности литературных организаций, близких к РАПП: ФОСП, которая в этот период копировала рапповские лозунги и характер работы вновь созданного Литературного объединения Красной Армии и Флота (ЛОКАФ); «Кузницы»; Всероссийского общества крестьянских писателей (ВОКП).

Газетные полосы заполнялись пространными «документами перестройки», которая требовалась с наступлением реконструктивного периода, отчетами о заседаниях, декларациями, возвещавшими «перелом» в работе; материалами о расколе внутри «Кузницы», бесконечной тяжбой «Кузницы» и РАПП в связи с призывом партии к консолидации пролетарской литературы.

Обострение классовой борьбы на Западе, рост военной угрозы активизировали деятельность Международного объединения революционных писателей (МОРП), штаб которого находился в Москве. Советские пи-

---

[16] И. Нович. Здесь отсиживаются от действительности. О «Перевале» и «перевальцах».— «Литературная газета», 24 марта 1930 г.; передовая от 31 марта — «Две опасности»; Д. Кальм. Куда переваливает «Перевал». (О дискуссии в Доме печати).— «Литературная газета», 7 апреля.

[17] См. статью М. Пришвина «Нижнее чутье» («Литературная газета», 9 января 1931 г.), заявления и письма в редакцию П. Слетова, Е. Вихрева и др. в № 35—37 за 1931 г.

сатели активно разоблачали враждебную агитацию против СССР, стремились воздействовать на прогрессивную интеллигенцию Запада.

Были опубликованы письма советских литераторов к выдающимся представителям мировой литературы. Ефим Зозуля писал в «Открытом письме» Кнуту Гамсуну, Герберту Уэллсу, Ромену Роллану: «Наступают решительные часы, месяцы, годы! — Близятся неслыханные бои! Поистине, нельзя молчать! Поистине: нельзя быть нейтральным, лояльным, «гуманным». Нельзя считать себя стоящим в стороне от мировой борьбы... считать себя выше ее...»[18]. Газета поместила также письма К. Федина Стефану Цвейгу, Л. Гроссмана Ж. Дюамелю, Л. Сейфуллиной Я. Вассерману, А. Демидова В. Маргериту, Ж. Тусселю и Л. Дюртену и др. Большую работу провела «Литературная газета» по подготовке расширенного пленума Международного Бюро революционной литературы, состоявшегося в Харькове в ноябре 1930 г.

Газета перепечатывала выступления крупных зарубежных писателей, статью Р. Роллана «Прощание с прошлым» (15 июля 1931 г.), в которой писатель пересмотрел свою прежнюю позицию — стоять «над схваткой» и заявил себя другом СССР; очерки Т. Драйзера; публиковались выступления И. Бехера, Э. Э. Киша, Р. Стандэ, Б. Ясенского и других деятелей МОРП. Были напечатаны статьи А. Луначарского «Корифеи интеллигенции» — по поводу ответных писем Р. Роллана и С. Цвейга советским писателям (14 февраля 1931 г.), С. Динамова «Бернард Шоу» — к приезду Б. Шоу в СССР, его же — «Травля Теодора Драйзера началась».

После роспуска группы «Литфронт» Б. Ольховый (в сентябре 1930 г.) был снят с поста редактора газеты, и ответственным редактором стал С. Динамов. С. Динамов учитывал недовольство писателей-попутчиков и стремился улучшить газету[19]. Появились статьи под лозунгом-шапкой «За активное участие попутничества в революционной практике рабочего класса», ответы попутчиков на анкету «Литературной газеты» — «Чего мы ждем от пролетарского литературного движения?» Была напечатана статья М. Козакова «Чертеж писательской психики изменился». Большой интерес вызвало выступление в «Литературной газете» А. Толстого. В статье «Задача: создание истории эпохи» писатель говорил о своем сложном пути к новому мироощущению и о главной задаче современного художника — воспроизвести «историю нашей жизни, озаренной строительством социализма» (№ 52).

В июне 1931 г. «Литературная газета» провела анкету «Почему отстает конкретная критика?» С ответами выступили А. В. Луначарский, критики РАПП, К. Зелинский, литкружковцы, писатели Б. Лавренев, И. Макаров, Н. Ляшко, Л. Сейфуллина, Е. Зозуля, П. Замойский и другие. Луначарский писал: «Ослабление конкретной критики объясняется чрезвычайной остротой положения на литературном фронте. Марксистско-ленинская теория, принципиальный фундамент конкретной критики, еще не закончен. Самая постройка его сопровождалась за короткий срок двумя серьезными уклонами: переверзевщина и «Литфронт». На предварительную теоретическую работу, сопровождающуюся горячими спорами, отходит главная часть нашего литературоведения, а стало быть, и литературной критики»[20]. Выступавшие отмечали слабость художественного

---

[18] «Литературная газета», 9 декабря 1930 г.— Газета публиковала также «Письма с Запада»: 29 февраля 1932 г. были опубликованы «Письмо из тюрьмы» Вилли Бределя, письмо Эриха Вайнерта «Хочу говорить», письма Вл. Броневского и Э. Глезера.

[19] С ноября 1931 г. в связи с переходом С. Динамова на работу в Коммунистическую академию редактором стал А. Селивановский. К тому времени газета окончательно превратилась в рапповский орган; всякое упоминание о Федерации объединений советских писателей (за исключением объявлений клуба ФОСП) исчезло с ее страниц.

[20] «Литературная газета», 25 июня 1931 г.

анализа в критике, непонимание специфики искусства, игнорирование индивидуальности автора, склонность к наклеиванию ярлыков.

Осенью 1931 г. вспыхнула дискуссия между «Литературной газетой» и «Комсомольской правдой». Последняя поместила 4 сентября 1931 г. статью «Старые и новые лозунги» за подписью С. М., в которой подвергались критике некоторые творческие установки РАПП (теория «живого человека», «срывание масок»). Автор статьи опирался на оценку этих лозунгов в выступлениях «Правды».

Наряду с призывами к действенности пролетарской литературы, С. М. высказывал и отдельные ошибочные положения. Выступление С. М. попытался развить и уточнить сотрудник «Комсомольской правды» С. Медведев в статье «Новое в творческой дискуссии (к итогам пленума РАПП)» [21]. Инициалы С. М. оказались тем самым расшифрованными. Это послужило поводом для выступления Л. Авербаха в «Литературной газете» с огромной статьей (на полторы полосы) «Из рапповского дневника» [22], в которой он подверг уничижительной критике С. М. и С. Медведева. Весь тон статьи Л. Авербаха отличался чрезвычайным высокомерием.

Ответом Л. Авербаху явилась речь А. Косарева на пленуме ЦК Комсомола Украины. А. Косарев остановился на роли художественной литературы в культурном воспитании трудящихся. Он говорил о недостатках пролетарской литературы (не справившейся с задачей создания «героя нашего времени» — образа нового человека) и об отсутствии самокритики, о зазнайстве и групповщине в РАПП. «Генеральной линии РАПП или комсомола быть не может. Есть одна генеральная линия партии,— утверждал А. Косарев.— Товарищи из РАПП не любят самокритики, у них в сильной степени развита «честь мундира», они готовы сокрушить тех, кто нелестно отзывается о них. В частности, ленинский комсомол особенно убедился в этом за последнее время своей работы» [23].

«Литературная газета» в передовой от 17 октября провозгласила лозунг «поворота лицом к комсомолу». Однако в следующих номерах в статьях «За ясность дискуссии» (редакционной) и «Уровень и качество отступления» (И. Нусинова) газета вновь доказывала неправоту «Комсомольской правды», а пересмотр некоторых прежних высказываний органа комсомола в статьях «За дружную совместную работу с РАПП» и «За деловое принципиальное обсуждение спорных вопросов» [24] третировала как «отступление с барабанным боем». На необоснованные политические обвинения «Комсомольская правда» ответила статьей «Еще одна попытка не допустить самокритику в РАПП» (24 октября 1931 г.).

В ноябре 1931 г. «Правда» напечатала ряд статей, указавших на ошибки РАПП — отсутствие самокритики, недопустимый тон полемики с «Комсомольской правдой», неверный термин «генеральная линия РАПП».

Наиболее развернутому анализу ошибки РАПП подверглись в статье Л. Мехлиса в «Правде» — «За перестройку работы РАПП». «Дискуссия между РАПП и комсомолом показала,— говорилось в статье,— что руководители РАПП не сумели перестроить методы работы» [25].

«Литературная газета» перепечатала статью Л. Мехлиса, правильно усмотрев в ней итоги полемики с «Комсомольской правдой» и пообещав сделать должные выводы (передовая «Социалистический счет должен быть оплачен» — 27 ноября). Газета развернула творческий смотр ком-

[21] «Комсомольская правда», 24 сентября 1931 г.
[22] «Литературная газета», 12 октября 1931 г.
[23] «Комсомольская правда», 16 октября 1931 г.
[24] «Комсомольская правда», 19 и 20 октября 1931 г.
[25] «Правда», 24 ноября 1931 г.

сомольской литературы (освещение вечеров смотра, рецензирование книг молодых авторов).

Но рапповская критика мало помогала развитию литературы, несмотря на громкие лозунги («За большое искусство большевизма», «За Магнитострой литературы» и т. п.). Круг критиков в газете был чрезвычайно узок. Подавляющее большинство литературоведческих кадров считалось «попутчиками» или носителями враждебных влияний и не могло активно работать. В статьях газеты, посвященных крупным явлениям, отражался рапповский догматизм (например, статья А. Селивановского «Чей Маяковский?» — 11 апреля 1932 г.).

Рапповская критика вызывала недовольство писателей, отставала от развития литературы, в которой наметился подъем, связанный с успехами социалистического строительства.

Решение ЦК «О перестройке литературно-художественных организаций», о ликвидации РАПП отвечало назревшей потребности. РАПП создавала искусственное средостение между писателями, игнорируя растущее единство творческой интеллигенции, культивировала методы администрирования, насаждала вульгарный социологизм.

Для руководства «Литературной газеты» (ответственным редактором был тогда А. Селивановский), как и для РАПП в целом, постановление ЦК явилось смертельным ударом. Газета с 23 апреля по 5 мая не выходила. 5 мая без комментариев было перепечатано постановление ЦК. Редакционная статья «Литературной газеты» «К решающим успехам» (12 мая) подверглась резкой критике в «Правде»[26], так как обошла вопрос о ликвидации РАПП и о ее ошибках, ограничившись обтекаемыми фразами об организационной перестройке.

Лишь 17 мая в передовой «Будем создавать большую литературу страны социализма» верно говорилось, что «решение ЦК является поворотным моментом в литературной политике партии», вызванным изменением всей обстановки в стране.

В информации «Первое заседание оргкомитета»[27] («Литературная газета», 23 мая) сообщалось об освобождении А. Селивановского от редактирования «Литературной газеты» в связи с тенденциями газеты «задержаться на старых позициях». 29 июня 1932 г. газета вновь вышла за подписью С. Динамова, а в конце 1933 г. Динамова сменил А. Болотников.

2

«Литературная газета» в период 1932—1935 гг. отразила большой творческий подъем, переживавшийся художественной интеллигенцией в связи с ликвидацией РАПП, отказом от догматических взглядов на искусство, перестройкой литературно-художественных журналов, работы издательств.

На страницах газеты в течение всего 1932 г. публиковались материалы, освещавшие проведение в жизнь постановления ЦК партии о перестройке литературно-художественных организаций, доклады и выступления на писательских собраниях, редакционные статьи, сообщения с периферии.

Резко критиковались рапповские журналы (особенно «Резец», «Рост») за вульгаризаторское отношение к попутчикам, «наездничество»

---

[26] См. «Правда», 14 мая 1932 г.

[27] Оргкомитет Союза советских писателей был создан литературными организациями РСФСР в мае 1932 г. для подготовки Всесоюзного съезда советских писателей, на котором оформился Союз советских писателей СССР

в критике. О недостаточной самокритичности бывших рапповских лидеров, о необходимости преодоления групповщины говорилось в статье «Установка», которую нужно отбросить» (23 июня 1932 г.), где оценивались последние вышедшие номера журнала «На литературном посту» (№ 13—14 1932 г.). В то же время выступления в разделе «Трибуна писателей» свидетельствовали о необходимости создания подлинно творческой обстановки, осуждали догматизм, сектантство, наклеивание политических ярлыков, практиковавшиеся в недавнем прошлом.

В этих условиях особенно большое значение имели выступления в «Литературной газете» А. Фадеева со статьями «Старое и новое», «Художественная литература и вопросы культурной революции», «Задачи марксистско-ленинской критики» («Литературная газета» от 11, 17, 23 и 29 октября 1932 г.). Фадеев, виднейший деятель РАПП, сумел по-новому взглянуть на предшествующий период развития литературы, дать объективную критику рапповских ошибок и тем самым серьезно включиться в борьбу за их полное преодоление. В первой статье Фадеев дал всесторонний анализ лозунга «союзник или враг», вскрыл его происхождение (лозунг этот явился результатом механического перенесения в область литературы установок партии в период наступления на кулачество в деревне). Левацкое вульгаризаторство, уклон «пролеткультизма» определяли, по словам Фадеева, деятельность РАПП в последние годы: «Просматривая рапповскую и внерапповскую повременную печать последнего времени, нередко натыкаешься на статьи и рецензии, в которых лучшие писатели, то Слонимский, то Вс. Иванов, то Зощенко, то Валентин Катаев, то Никулин, то Слетов объявляются мещанами, агентами классового врага и т. п.» [28].

Фадеев призывал покончить с левацкими искажениями линии партии, пережитками групповщины, упрощенным подходом к художественному творчеству, не ослабляя борьбы с действительными буржуазными влияниями в литературе. Он говорил о необходимости создавать атмосферу товарищеского сотрудничества всех «подлинно советских кадров литературы под идейным руководством ее пролетарского и коммунистического ядра..., воспитывать в советском писателе новое, социалистическое, отношение к миру» [29].

В своих статьях А. Фадеев («Литературная газета», 23 октября 1932 г.) доказывал оправданность и закономерность существования РАПП на определенном историческом этапе как пролетарского авангарда литературы, настаивал на признании прошлых заслуг РАПП, подчеркивая ее непригодность для нового этапа.

В статье «Задачи марксистской критики» Фадеев отмечал заслуги рапповской критики в борьбе с враждебными и ошибочными теориями (от контрреволюционного троцкизма до «Литфронта»), одновременно указывая на отставание критики и литературной теории от художественной практики, от запросов читателей. Критика, по его словам, не освободилась от «мертвящих пут групповщины», от абстрактного логизирования, плохо обслуживает массового читателя, который, наряду с отзывами о современной литературе, нуждается в популярных монографиях, посвященных русским и мировым классикам.

На страницах «Литературной газеты» широко печатались отрывки из различных прозаических произведений, стихи, а также фельетоны И. Ильфа и Е. Петрова. С весны 1932 г. сатирики регулярно выступали в газете в разделе «Уголок изящной словесности», подписывая свои фельетоны на литературные темы псевдонимом «Холодный философ». В этих фельетонах с замечательным остроумием и сарказмом подвер-

---

[28] «Литературная газета», 17 октября 1932 г.
[29] Там же.

гались осмеянию проявления рапповской «гегемонии» в литературе — с примитивной проповедью утилитаризма в искусстве (требованиями в кратчайшие сроки «показать героев пятилетки», «отобразить борьбу за промфинплан» и т. п.), с вульгаризаторской и проработочной критикой, с бесконечной заседательской суетней при объективном поощрении халтуры, приспособленчества и ханженства, расцветавшими благодаря тому, что борьба за «идеологическую стопроцентность» велась неумно, негодными средствами.

Яркий образ правоверного рапповского «младокритика» — проработчика, «зубрилы» и «первого ученика» представал в одном из лучших творений сатириков — в фельетоне «Отдайте ему курсив», где этот «первый ученик» декламировал свои критические вирши:

Бойтесь, дети, гуманизма,
Бойтесь ячества, друзья,
Формализма, схематизма
Опасайтесь, как огня

. . . .

Лефовщина, феодализм, механизм
Непреодоленный ремаркизм...[30]

Далее перечислялись все ходячие «ярлыки», которые чаще всего приклеивались к писателям.

Ханжество в искусстве было убийственно высмеяно в фельетоне «Саванарыло», заседательская суетня — в фельетоне «Канцелярский шлях».

В то же время сатирики были далеки от того, чтобы отрицать необходимость принципиальной литературной критики, идейной борьбы, чтобы устанавливать в литературной среде атмосферу «довольно-таки скучной любви»[31].

Сетуя на «засушливость критической мысли» в лето 1932 г., они называли многие выдающиеся произведения, требовавшие обстоятельного разбора, который запаздывал:

«Вам нравится «Время, вперед!» Катаева?
Вам нравится «Энергия» Гладкова?
Вам нра... «Москва слезам не верит» Эренбурга?
«Время, пространство, движение» Никулина?
«Поднятая целина» Шолохова?
«Сталинабадский архив» Лапина и Хацревина?
«Скутаревский» Леонова?
«Цусима» Новикова-Прибоя?
«Последний из удэге» Фадеева?
«Новые рассказы» Бабеля?»[32]

Критика в первое время после ликвидации РАПП действительно не поспевала за бурным развитием литературы. Теоретически газета ратовала за развитие критики, за повышение ее качества, расширение кругозора, за внимание к форме и мастерству (редакционная заметка «О критике» — 5 июня 1932 г.). Но практически перестройка в этой области шла очень медленно.

С критическими откликами в этот период часто выступали сами писатели.

1932 год был горьковским годом. Широко отмечался в мае приезд писателя в СССР. Большим событием в 1932 г. явилось опубликование пьесы Горького «Егор Булычов», поставленной на сцене театра им. Евг. Вахтангова. Ю. Юзовский, давая тонкий анализ пьесы в статье

---

[30] «Литературная газета», 29 мая 1932 г.
[31] Там же.
[32] Там же.

«Погибнет царство, где смрад», писал: «Это драматический памфлет против «жадности», против собственности, против «чужой улицы», против старого мира, уродующего человечество». Главная идея «Булычова» — «это мысль о том, что только при строе, где нет собственности, где нет «жадности» — при социалистическом строе может по-настоящему расцвести человеческая личность» [33]. Много внимания печать уделяла таким начинаниям Горького, как «История фабрик и заводов», «Библиотека поэта», «История молодого человека XIX столетия» и т. д. В газете печатались письма и выступления писателя.

В сентябре 1932 г. по всей стране праздновалось 40-летие литературной деятельности Горького. Газета информировала о ходе подготовки к юбилею, печатала материалы о Горьком. Горькому была посвящена полоса в номере от 17 сентября. 23 сентября вышел специальный горьковский номер «Литературной газеты» на шести полосах (вместо обычных четырех). В номере опубликованы приветствия Горькому от Оргкомитета Союза писателей СССР и других организаций, от зарубежных писателей — Анри Барбюса, Ромена Роллана, а также статьи: редакционная — «Сорок лет боевой творческой работы», Е. Усиевич «Две критики» (Высказывания о Горьком Ленина и Плеханова), В. Сидорина «Ранние рассказы», Д. Заславского «Окуров-сити штата Огайо», И. Нусинова «Дело Артамоновых», К. Зелинского «Прекрасная Франция», Эм. Бескина «Дети солнца», С. Динамова «В Америке», Вс. Вишневского «Горький и тема войны», А. Виноградова «История молодого человека». С теплыми письмами к юбиляру выступили советские писатели и деятели искусств.

Общему оживлению литературной жизни и положения в критике способствовал расширенный пленум Оргкомитета Союза писателей СССР, состоявшийся в ноябре 1932 г. На пленуме выступили писатели всех направлений и поколений. Открывая пленум, отмечая единство советских писателей в условиях поворота всей массы советской интеллигенции в сторону Советской власти, председатель Оргкомитета И. Гронский указывал на необходимость «терпеливо создавать новую большевистскую критику...» [34].

Некоторое оживление в критике наметилось лишь к концу 1932 г. В октябре — декабре в газете были опубликованы статьи: Г. Мунблита «О новых рассказах Бабеля», В. Гольцева «Баррикады» П. Павленко», Б. Брайниной «Время, вперед!», Е. Трощенко «Книга Багрицкого «Последняя ночь», С. Динамова «Правда о царизме и о войне» («Цусима» Новикова-Прибоя), Ю. Юзовского «Мой друг» (о пьесе Н. Погодина), А. Тарасенкова «Второе рождение Б. Пастернака», М. Серебрянского «Книга о социалистическом востоке» (о книге Б. Лапина и З. Хацревина «Сталинабадский архив»). Критик Н. Плиско в статье «Действительность в упор» («Тихий Дон» и «Поднятая целина» Шолохова) разбивал теорию «пафоса дистанции», опираясь на роман о коллективизации М. Шолохова. Оживленная дискуссия завязалась вокруг только что законченного печатанием романа Л. Леонова «Скутаревский» (статьи Ив. Анисимова «Новый роман Леонова», И. Нусинова «От Лихарева до Скутаревского»). Она продолжалась и в 1933 г.

Публиковалось много статей монографического характера, например: Л. Левин «Сквозь три десятилетия» — о творчестве М. Шагинян; его же «Тема одинокой судьбы» — о творчестве Ю. Олеши; О. Бескин «Товарищ Маяковский», А. Селивановский «Трубы красной конницы» — о Багрицком, редакционная статья «Творческий путь Вс. Иванова» и др. Критика теперь более объективно стремилась разбирать творчество многих «попутчиков».

---

[33] «Литературная газета» 29 октября 1932 г.

[34] «Литературная газета», 5 ноября 1932 г.

Газета отметила 25-летие литературной деятельности Алексея Толстого, которого в недавнем прошлом особенно третировали рапповцы. Была помещена редакционная заметка о юбиляре и статья А. Толстого «О себе» (11 января 1933 г.). А. Толстой сказал: «Если бы не было революции, в лучшем случае меня бы ожидала участь Потапенко: серая, бесцветная деятельность дореволюционного среднего писателя. Октябрьская революция как художнику дала мне ВСЕ»[35].

Критические «горизонты» газеты расширились, в поле зрения теперь попадали не только наиболее актуальные по теме произведения (такие, как «Поднятая целина», третья книга «Брусков» Панферова или «Ненависть» И. Шухова), но и книги, написанные в совершенно ином ключе: «Швамбрания» Л. Кассиля, «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова, «Юноша» Б. Левина, творчество В. Каменского, Павла Васильева, (Е. Усиевич. На переломе). В более благожелательном, чем при рапповцах, тоне писалось об И. Эренбурге (Н. Плиско. В поисках правды. О последних произведениях И. Эренбурга). К обсуждению спорных произведений привлекались читатели («Письмо Прокопова Илье Сельвинскому о его пьесе «Пао-Пао»).

В газете стал громче звучать голос самих писателей.

Знаменательны были выступления М. Пришвина со статьей «Мой очерк (биографический анализ)»; там же были опубликованы письмо Горького в «Литературную газету» — «О М. Пришвине», статья Вс. Иванова «Положительный характер», М. Козакова «Дело социализма — наше кровное дело» и др.

Большинство критиков и писателей отходило от групповых пристрастий. Характерно, что традиционная по фактуре стиха, написанная в некрасовском ключе поэма Н. Дементьева «Мать» получила первый положительный отзыв из уст бывшего правоверного лефовца О. Брика[36].

Общие проблемы критики продолжали обсуждаться в газете в течение всего периода подготовки к съезду писателей (1933—1934 гг.). Борясь с рапповским вульгаризаторством, «Литературная газета» выступала и против рецидивов формализма. Е. Усиевич резко критиковала статью В. Шкловского «Юго-Запад», теорию «западников» и «почвенников», осуждала формалистическое трюкачество[37]. Глубокий этюд — «Мысли о мастере» опубликовал в газете А. В. Луначарский (11 июня 1933 г.).

Следующий, 1934 г. — год непосредственной подготовки и проведения первого Всесоюзного съезда советских писателей — был в истории «Литературной газеты» особенным годом. С 16 января по декабрь 1934 г. газета выходила через день. На ее страницах выступали Горький, А. Толстой, К. Федин, Л. Леонов, М. Шагинян и другие писатели, принимавшие активное участие в предсъездовских дискуссиях. Газета внесла немалый вклад в обсуждение проблем, волновавших литературную общественность, публикуя дискуссионные материалы и обобщающие редакционные статьи.

Первый съезд писателей явился как бы смотром достижений советской литературы за семнадцать лет. Съезду предшествовали совещания по отдельным жанрам литературы: Всесоюзное поэтическое совещание, состоявшееся в Москве в мае 1934 г., аналогичные совещания драматургов, очеркистов, критиков. «Литературная газета» публиковала основные доклады и выступления, обобщающие статьи и подборки материалов.

Широкое освещение получили в газете съезды писателей Белоруссии, Украины и других союзных и автономных республик, съезд писателей

---

[35] «Литературная газета», 11 января 1933 г.

[36] О. Брик. Большая удача (О творчестве поэта Н. Дементьева). — «Литературная газета», 11 ноября 1933 г.; Николай Дементьев. Ответ критику. — «Литературная газета», 17 ноября 1933 г.

[37] «Литературная газета», 11 и 17 ноября 1933 г.

Западной Сибири, конференции писателей Дальнего Востока, Азово-Черноморья, Горьковского края, Ленинграда и др.

В связи с подготовкой к Всесоюзному съезду на местах выходили свои литературные газеты. В день печати 5 мая центральная «Литературная газета» писала: «В результате творческого подъема союзных, национальных и краевых литератур... потребовалось создание специальной литературной печати... Регулярно выходящие литературные газеты воспитывают критику, они двигают вперед литературную общественность, ставя все насущные вопросы литературной жизни, они связывают — и это основное — писателей с широким читательским активом».

Газета опубликовала ряд выступлений общественных деятелей, принимавших участие в некоторых предсъездовских мероприятиях: статьи Н. К. Крупской «Библиотечный фронт к писательскому съезду», «Первая районная читательская конференция в Москве» (24 мая и 12 июня), А. Косарева «О молодом писателе в советской литературе» (10 августа), Г. Димитрова «Героическая борьба ждет своих художников слова» (17 августа) и др.

В преддверии съезда «Литературная газета» принимала активное участие в развернувшихся дискуссиях, спорах. Одним из центральных в предсъездовских дискуссиях был вопрос о художественном методе советской литературы — социалистическом реализме.

С критикой рапповской теории художественного метода, ее догматизма одним из первых выступил А. Фадеев в уже упоминавшемся цикле статей «Старое и новое», опубликованных в «Литературной газете» осенью 1932 г. Фадеев, считая заслугой рапповцев самую постановку вопроса о методе, теперь пересматривает их высказывания и признает, в частности, значение романтизма Шиллера, которое он раньше отрицал. Он выступает против «механического прикладывания философских категорий к явлениям искусства», подчеркивает, что «социалистический реализм есть помимо всего прочего — богатство художественных индивидуальностей» [38].

На втором пленуме Оргкомитета ССП, посвященном вопросам драматургии (февраль 1933 г.), проблемы социалистического реализма осветил А. В. Луначарский в обширном докладе «Пути и задачи советской драматургии». «Социалистический реалист,— говорил он,— понимает действительность как развитие, как движение, идущее в непрерывной борьбе противоположностей...». «Он определяет себя как активную силу, которая стремится к тому, чтобы процесс шел так, а не иначе» [39].

Выступления критиков по вопросам социалистического реализма в основном (за редким исключением) развивали мысли, высказанные Горьким и Луначарским, привлекая конкретный материал советской литературы. 6 мая 1934 г. «Литературная газета» опубликовала «Устав Союза советских писателей». Передовая (П. Юдина) в номере «Литературной газеты» от 8 мая разъясняла и комментировала эти положения Устава ССП.

Обсуждение проблем социалистического реализма, как и в других органах печати (в журналах «Литературный критик», «Новый мир» и др.), велось в «Литературной газете» на протяжении всего 1934 г. Активно включилась газета и в споры о языке художественной литературы.

28 января 1934 г. Горький выступил в «Литературной газете» с резкой статьей «По поводу одной дискуссии» [40], в которой критиковал

---

[38] «Литературная газета», 29 октября 1932 г.

[39] «Литературная газета», 23 февраля 1933 г.

[40] Речь идет о обсуждении «Брусков» Ф. Панферова, состоявшемся в Государственном издательстве художественной литературы. На дискуссии выступил Ф. Панферов.

Ф. Панферова за неудачное словотворчество, неправильное употребление диалектных слов, за претенциозное утверждение, что он, Панферов, пишет «языком миллионов». «Задача серьезного литератора,— по словам Горького,— сводится к тому, чтобы отсеять, отобрать из этого хаоса наиболее точные, емкие, звучные слова, а не увлекаться хламом вроде таких бессмысленных словечек, как «подъялдыкивать», «базынить», «скукоживаться» и т. д.». Однако позиция Панферова нашла своих сторонников.

6 февраля «Литературная газета» опубликовала статью А. С. Серафимовича «О писателях «облизанных» и «необлизанных» (из выступления на дискуссии о «Брусках» Ф. Панферова в ГИХЛ). В ней говорилось о своеобразии творчества Панферова, которое заключается в стихийности, «мужицкой силе», «корявости». Серафимович утверждал, что именно эта мужицкая стихия и обеспечит произведениям Панферова долгую жизнь, в то время как «облизанные» писатели будут забыты.

12 февраля «Литературная газета» напечатала редакционную статью «О «корявой мужицкой силе», в которой выражала свое несогласие с Серафимовичем и поддерживала Горького. В следующем номере было напечатано «Открытое письмо А. С. Серафимовичу» М. Горького. В письме Горький резко осудил позицию Серафимовича и языковую неряшливость Панферова и других молодых писателей, приведя вопиющие примеры засорения языка художественной прозы тех лет, особенно произведений на крестьянские темы. Горький подчеркивал, что «здесь *идет речь не об одном Панферове, а о явном стремлении к снижению качества литературы,* ибо оправдание словесного штукарства есть оправдание брака». В опубликованной вскоре статье «О бойкости» Горький развивал мысли об ответственности писателей, о необходимости учебы у классиков, о нетерпимости к словесному хламу, риторике и т. д.

В дальнейшем (в марте — апреле 1934 г.) в дискуссии о языке литературы приняли участие и многие другие писатели. Решительно поддерживали Горького А. Толстой, М. Шолохов, Л. Леонов, К. Федин. Газета в этой дискуссии проявила себя хорошим организатором и заняла правильную позицию. Она напечатала несколько редакционных статей — «Еще раз о «мужичьей силе» (18 марта), «За культуру языка» (20 марта), «Наши задачи» (24 марта), «С некоторым опозданием» (26 марта), «Ответ оппонентам» (18 апреля), в которых критиковала Серафимовича и других оппонентов Горького, писала о необходимости объективной оценки творчества Панферова, подчеркивала, что «борьба за качество, на которую мобилизует советских писателей дискуссия, поднятая по инициативе Горького, должна получить свое дальнейшее развитие» [41].

Позднее Горький резко отозвался о статье Панферова «О мудрой простоте» («Октябрь», 1934, № 9), свидетельствовавшей, что «подлинное значение «дискуссии о языке» не понято им» [42]. Призывы Панферова прислушиваться к «словотворчеству» деревни и неудачные примеры этого «словотворчества», нападки его на «людей, рабски преданных классическому прошлому» [43], вызвали отрицательный отклик Горького и в статье «Литературные забавы» («Литературная газета», 24 января 1935 г.).

Высказывания Горького о языке художественной литературы сыграли большую роль, способствовали очищению языка от словесного хлама, заставили писателей и редакторов более взыскательно относиться к свое-

---

[41] «Литературная газета», 26 марта 1934 г.
[42] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 27, стр. 268.
[43] Там же, стр. 270.

му труду. Печатные отклики вызвала также статья Горького «О литературных забавах» [44], осудившая идейные шатания, групповщину и богемные нравы в среде поэтической молодежи.

С письмом Горькому в «Литературной газете» 12 июля 1934 г. выступил поэт Павел Васильев. Признав наличие идеологических срывов в своих произведениях, П. Васильев писал, что он никогда не был и не будет врагом Советской власти. В том же номере газеты опубликовано ответное письмо Горького П. Васильеву: «Я не стал бы отвечать Вам, Павел Васильев, если бы не думал, что Вы писали искренно и уверенно в силе Вашей воли. Если этой воли хватит Вам для того, чтоб Вы серьезно отнеслись к недюжинному дарованию Вашему... тогда Вы, наверное, войдете в советскую литературу как большой и своеобразный поэт».

В центре внимания «Литературной газеты» в период, предшествовавший съезду писателей, были, конечно, книги о современности. Теперь раздавались призывы уже не к созданию боевых репортажей и очерков, как это было в годы первой пятилетки, а к широкому охвату материала и к обобщениям. Литература и критика вступали в зрелый период. Бывший лефовец В. Перцов писал в статье «Новая история»: «Мы находимся в центре, в фокусе изменения мира, впервые в жизнь миллионов людей вошел социалистический план, предвидение, люди сознательно делают историю... Исторический роман из современной жизни ответит острой потребности обобщенно понять конкретные факты нашей действительности» [45]. Пример такого романа критик видел в очерковой книге о Беломорстрое, созданной большим коллективом авторов. В этом с ним нельзя было согласиться. Но понятие «исторический роман о современности» не случайно утвердилось надолго. Дыханием огромных сдвигов, исторических перемен, ощущением становления нового проникнуты лучшие книги тех лет, вызвавшие широкие отклики. Это были «Поднятая целина» М. Шолохова, «Похищение Европы» К. Федина, «Человек меняет кожу» Б. Ясенского, «День второй» И. Эренбурга, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, творчество А. Фадеева, А. Малышкина, Ю. Германа, А. Авдеенко, которым посвящались в «Литературной газете» монографические статьи.

О романах И. Эренбурга «День второй», Б. Ясенского «Человек меняет кожу», «Золотой теленок» Ильфа и Петрова «Литературная газета» организовала оживленный обмен мнениями.

Споры завязались и вокруг повести М. Зощенко «Возвращенная молодость». Статьей Г. Мунблита «Как важно быть серьезным» (20 февраля 1934 г.) редакция открыла обсуждение повести. В дискуссии (март — апрель) выступили Б. Бегак со статьей «Повесть и комментарии к ней», Б. Р. (Б. Рест) «Победа или поражение?» — ленинградские ученые о повести М. Зощенко «Возвращенная молодость», Н. Семашко «Можно ли возвратить молодость?».

Газета печатала и обширные обзоры прозы (например, К. Федина «Проза ленинградских писателей» — доклад на предсъездовской конференции в Ленинграде — 10 августа), и монографические статьи о творческом пути того или иного писателя или об отдельных произведениях. Здесь необходимо назвать талантливого критика Д. Мирского, опубликовавшего в «Литературной газете» (июнь — август) статьи: «Юрий Олеша», «Замысел и выполнение» (О творчестве Фадеева, о «Последнем из удэге» и «Разгроме»), «Михаил Шолохов», «Александр Малышкин» и др.

---

[44] Первая часть статьи «Литературные забавы», опубликованная в «Литературной газете» 14 июня 1934 г.

[45] «Литературная газета», 20 марта 1934 г.

Критика занималась также проблемами очерка. Большой накопленный материал в этой области требовал разбора и обобщения. Газета напечатала ряд выступлений В. Шкловского, Б. Кушнера, редактора «Наших достижений» В. Бобрышева и др.

Много внимания в предсъездовский период «Литературная газета» уделяла драматургии и театру.

Темпераментные, остро полемичные выступления Н. Погодина, Вс. Вишневского, Б. Ромашова и талантливых критиков оживляли газету. Рецензии на пьесы, спектакли, проблемные статьи писали Ю. Юзовский, Д. Мирский, И. Альтман, Н. Оружейников, А. Мацкин.

По сравнению с драматургией и театром меньше уделялось внимания вопросом поэзии.

В феврале 1934 г. поэзия понесла большую потерю — умер Э. Багрицкий. «Литературная газета» посвятила поэту почти целый номер. Наиболее значительной была статья Д. Мирского «Эдуард Багрицкий» (26 февраля).

Широко была представлена в «Литературной газете» критика детской литературы. Подъему последней способствовали в предсъездовский период известные выступления Горького в защиту специфики детской книги, против догматиков и схоластов. Газета отмечала все значительное в этой области, публикуя статьи о талантливых авторах и книгах [46].

В связи с подготовкой писательских съездов в республиках полосы и почти целые номера «Литературной газеты» посвящались национальным литературам.

17 августа 1934 г. открылся Первый всесоюзный съезд писателей. Его работа продолжалась две недели. «Литературная газета», естественно, полностью переключилась на освещение работы съезда. На ее страницах (начиная с 20 августа и кончая 8 сентября) публиковались доклады и выступления на съезде, давались подборки читательских писем, печатался «Устав Союза советских писателей СССР».

И в первые месяцы после съезда писателей «Литературная газета» освещала события, поднимала вопросы, связанные с писательским форумом.

Так, в связи с настойчивыми призывами Горького — учиться, овладевать историко-литературным наследством — в «Литературной газете» после съезда повысился интерес к классической литературе — русской и национальной.

Почти целые номера газеты посвящаются русской классической литературе и критике — Рылееву, Лермонтову, Кольцову, Чернышевскому, Добролюбову, Писареву и другим выдающимся писателям.

Горький в докладе на съезде резко отозвался о современной критике, в которой он видел непреодоленные рапповские пережитки. 11 октября 1934 г. «Литературная газета» напечатала статью В. Гольцева «Нам нужна дружба». В ней Гольцев писал о ненормальном положении, в котором очутилась критика, низведенная на роль «низшего» жанра. Он справедливо говорил, что «от каждодневного охаивания наша критика совсем не станет лучше. Напротив, это только приносит объективный вред советскому литературному делу. А для того, чтобы «горю помочь», надо

---

[46] В. Смирнова. Мой товарищ Гайдар.— «Литературная газета», 12 апреля 1934 г.; П. Незнамов. Портрет писателя (О Леониде Пантелееве).— 20 июня; Б. Бегак. Корней Чуковский.— 6 апреля; Т. Гриц. Борис Житков.— 28 февраля; А. Роскин. Книга двух открытий (о «Тринадцатом караване» М. Лоскутова).— 10 февраля; Б. Бегак. Маршак (обзор творчества).— 20 апреля; А. Абрамов. Фокусник Чудодеев (о детской технической книге, о творчестве М. Ильина).— 15 августа; Г. Хохлов. От четырнадцати и старше (о книге К. Паустовского «Озерный фронт»); Вс. Лебедев. Виталий Бианки.— 10 мая и др.

поставить со всей серьезностью вопрос о *поднятии авторитета критики* и о предоставлении критикам нормальных условий работы».

В конце октября 1934 г. появилось сообщение об организации секции критиков в Союзе советских писателей. В начале 1935 г. состоялся пленум правления Союза, посвященный вопросам критики.

После выступления Гольцева — в конце 1934 — начале 1935 г. в «Литературной газете» развернулась дискуссия о критике. Е. Усиевич в статье «Рококо» в критике» (8 декабря 1934 г.) выразила несогласие с некоторыми положениями статей В. Гольцева и Г. Мунблита «Мера и грация». Е. Усиевич горячо высказывалась против эстетства, «импрессионистических увлечений» в критике, за традиции Белинского.

Под рубрикой «Обсуждаем вопросы критики» появилась статья М. Серебрянского «Критика — читатель — писатель». Большой статьей «Политика и эстетика» включился в дискуссию Д. Мирский [47]. В дискуссии приняли участие В. Катаев («Нужны новые люди, нужна упорная работа»), Н. Огнев («За совместные творческие поиски»), А. Барто («Ждем первой настоящей статьи»), О. Колычев («Поэты и критики»), А. Афиногенов («Перед встречей») и др.

В статье «Литературные забавы» (ч. 3-я) Горький вновь резко отозвался о состоянии критики: «Статьи молодых критиков наших поражают бесплодностью, отвлеченностью, мертвенной сухостью их языка, номинализмом и многословием схоластов. В этих статьях почти не чувствуется живой плоти искусства, не слышно властного глагола истории, нет освещения фактов... Особенно следует бороться против безответственных и, в огромном большинстве, малограмотных рецензий» [48].

В обширной редакционной статье «Литературной газеты» «К итогам дискуссии о критике» приводятся эти слова Горького, но в то же время отмечается, что критика достигла известных успехов после решения ЦК о ликвидации РАПП — особенно в борьбе с групповщиной. «Интересы всей советской литературы как единого процесса нашей культурной революции стали сейчас во главу угла. И нельзя сказать, чтоб наша критика, взятая в целом, не дала в общем справедливой оценки каждому из значительных произведений советской литературы» [49].

Однако газета продолжала уделять преимущественное внимание классическому и советскому литературному наследству. Начиная с 1935 г. печаталось много юбилейных статей и материалов. 30 января вышел чеховский номер (в связи с 70-летием со дня рождения писателя). В февральском номере целый разворот был посвящен столетию «Калевалы», опубликованы новые записи рун, статьи. В ноябре 1935 г. вышел толстовский номер газеты. В годовщины со дня смерти В. Маяковского, Э. Багрицкого, поэтам посвящались целые полосы газеты. Статьей А. Селивановского «Через 10 лет» «Литературная газета» откликнулась на десятую годовщину со дня смерти Есенина.

Критика современной советской литературы в послесъездовский период оказалась потесненной другими материалами. Но почти все значительное все же попадало в поле ее зрения.

Появились развернутые отзывы на книгу Н. Островского «Как закалялась сталь»: А. Волкова «Социалистическая литература и ее характер» (15 ноября 1935 г.), М. Колосова «Николай Островский» (15 декабря) и других авторов. Была опубликована речь Н. Островского на краевой писательской конференции — «Молодой писатель» [50].

---

[47] «Литературная газета», 28 декабря 1934 г.

[48] «Литературная газета», 24 января 1935 г.

[49] «Литературная газета», 6 марта 1935 г.

[50] Впервые «Литературная газета» откликнулась на появление романа «Как закалялась сталь» рецензией Г. Ленобля 28 сентября 1934 г.

Со второй проблемной статьей «Исторический роман о современности» выступил В. Перцов, развивая ранее высказанные им мысли о современном романе, об очерке как материале для романиста, о «Поднятой целине» М. Шолохова как лучшем «историческом романе о современности» (5 апреля 1935 г.).

Положительные отклики вызвали романтическая книга Ю. Яновского «Всадники» (Н. Плиско. «Героическая поэма»; Б. Дайреджиев. «Орден железной розы») и повесть «Юноша» Б. Левина (А. Лежнев. «Художник и комментатор»). Споры завязались вокруг романа И. Эренбурга «Не переводя дыхания».

О романах Ю. Тынянова, автора нового произведения — «Пушкин», писали М. Левидов («Три начала»), Т. Гриц («Об историческом жанре»). Критика отметила «Голубую книгу» М. Зощенко, «Юность Маркса» Г. Серебряковой [51].

С анализом пьесы «Платон Кречет» А. Корнейчука, вызвавшей оживленные споры, выступил Ю. Юзовский («Спор о Платоне Кречете»). Содержательными были обзоры поэзии Д. Мирского — «Стихи 1934 года» и «Вопросы поэзии» (ч. I, II, III) [52]. Д. Мирский критиковал «поэзию без мысли», ратовал за «лирику больших обобщений», за традиции Маяковского, писал о своеобразии творчества ленинградских поэтов.

Большое внимание «Литературная газета» стала уделять критике журналов. Это отчасти было связано с поисками «лица» журнала — проблемой, которая возникла с особой силой в 30-е годы, когда журналы перестали быть изданиями литературных групп и одни и те же авторы печатались в разных органах. В конце 1935 г. периодические «смотры» журналов приобретают регулярный характер.

В целом в 1932—1935 гг. материалы «Литературной газеты» свидетельствуют о большом подъеме, переживавшемся литературой, запечатлевшей пафос социалистического созидания, о развитии в литературе горьковских традиций, о благотворной роли Горького — учителя и друга советских писателей.

В этот период активизации антифашистской борьбы на международной арене «Литературная газета» широко освещала и такие события, как Международный конгресс писателей в защиту культуры (Париж, июнь 1935 г.), на котором выступили многие писатели СССР [53].

3

Третий период деятельности «Литературной газеты» (1936—1941 гг.) определялся сложными условиями второй половины 30-х годов.

Социалистический строй получил отражение в новой демократической конституции. Наступлению фашизма на Западе, развязавшему кровавую интервенцию в Испании, противостояли советский гуманизм и интернационализм. На страницах «Литературной газеты» публиковались антифашистские выступления советских писателей и выдающихся прогрессивных художников Запада — Ромена Роллана, Э. Синклера, Тома-

---

[51] См. Евг. Журбина. Голубая книга.— «Литературная газета», 20 сентября 1935 г.; Е. Книпович. Роман о «неофициальной истории».— «Литературная газета», 20 августа.

[52] «Литературная газета», 15 апреля 1935 г.; 5 февраля, 24 марта и 24 мая 1935 г.

[53] См. «Литературная газета», июнь—июль 1935 г.

са и Генриха Маннов, Леона Фейхтвангера (посетившего в 1937 г. Советский Союз), Т. Драйзера, Э. Хемингуэя, Л. Хьюза, представителей демократической Испании (А. Мачадо, С. Фальконн, С. Арконады и др.).

Большое место заняли в газете материалы Конгресса Международной ассоциации писателей, состоявшегося летом 1937 г. в Валенсии — на переднем крае борьбы, в истекающей кровью Испанской республике. С яркими речами на конгрессе выступили М. Кольцов, А. Толстой, И. Эренбург, Вс. Вишневский и другие[54].

К положительным сторонам деятельности газеты в этот период относятся также борьба против вульгарного социологизма в литературоведении и в учебниках по литературе и широкая пропаганда классиков, русских и зарубежных, а также творчества Горького и Маяковского.

В то же время в деятельности «Литературной газеты» в эти годы (особенно в 1936—1937 гг.), в ее критических выступлениях были большие издержки, которые заставляли вспомнить худшие черты рапповщины.

«Проработочные» тенденции сказались на страницах газеты уже во время дискуссии о формализме (февраль — март 1936 г.). Формалистические влияния в литературе были к тому времени в основном преодолены. Прошедшая перед этим (в январе — феврале 1936 г.) дискуссия о поэзии ратовала за народность и простоту и вместе с тем за высокое мастерство, за традиции политической лирики Маяковского. «Литературная газета» в передовой «Маяковский» отстаивала эти традиции (11 января 1936 г.). Несколько позднее «Литературная газета» снова писала в обобщающей статье «За простоту и народность»: «Поэтическая дискуссия подходит к концу... Объективное ее значение в том, что она продемонстрировала огромные возможности советской поэзии народов нашей страны... Требование простоты и народности всем своим острием направлено против формализма и левацкого уродства в искусстве...»

В конце февраля 1936 г. «Литературная газета» включилась в дискуссию о формализме. В газете были опубликованы статьи о живописи, статьи К. Зелинского «К вопросу о формализме в поэзии», А. Селивановского «Дары буржуазной культуры». «Литературная газета» в передовой «Нужен ответ делом» (5 марта) говорила о перестройке всего фронта искусств под знаком новых качественных требований — «Читатель требует правдивого и народного искусства».

Однако в процессе дискуссии прозвучали резкие высказывания в адрес Б. Пастернака, И. Эренбурга, Ю. Олеши, Н. Заболоцкого, бывших литературоведов-формалистов (Б. Эйхенбаума, В. Жирмунского и др.).

Были внесены «поправки» в изучение Маяковского. Критики стремились «выпрямить» его путь, доказать, что его творчество выросло целиком на основе революционных традиций и народности, а футуризм — случайность в его поэтической биографии[55].

Однако все выступления такого рода не шли, конечно, ни в какое сравнение со статьями, появившимися в «Литературной газете» в первой половине 1937 г.

В это время в газете печатаются статьи на литературные темы с подзаголовками: «Выжечь до конца», «Политическая слепота», «Подрывная работа», «Уничтожить шуховщину» и т. д.

Во второй половие 1937 г. волна «разоблачений» в «Литературной газете» стала утихать.

Много внимания «Литературная газета» в этот период уделяла фоль-

---

[54] «Литературная газета», 5, 10, 15, 20 июля 1937 г.

[55] Е. Мустангова. Маяковский и футуризм.— «Литературная газета», 14 апреля 1936 г.; Е. Усиевич. Маяковский и «левое искусство».— Там же.

клору. Среди выступлений газеты, посвященных братским литературам, преобладали статьи не на современные темы, а о национальных классиках, о средневековых поэтах, народных эпосах и народном творчестве.

Тщательно отмечались все юбилеи выдающихся деятелей литературы прошлого, и очень мало публиковалось статей о современных писателях. Некоторое исключение составляла грузинская литература, особенно поэзия, которую активно переводили.

С середины 1936 г. по 1938 г. шесть полос «Литературной газеты» заполнялись, в основном, историко-литературными материалами, юбилейными статьями. Отмечались не только «круглые» даты — столетия, пятидесятилетия и двадцатипятилетия, но самые разнообразные (тридцати и ста тридцати, семидесяти и восьмидесятилетние) годовщины со дня смерти, рождения писателя. На последней полосе регулярно печатался «Литературный календарь» — юбилейные заметки о русских и зарубежных литераторах, часто малоизвестных или забытых (таких, как например, Гюисманс и др.).

Некоторые историко-литературные выступления газеты имели большое положительное значение. В течение длительного времени — с половины 1936 г. по 1937 г. «Литературная газета» публиковала материалы о Пушкине в связи с 100-летием со дня смерти поэта, которое широко отмечалось по всей стране. Печаталось множество статей, заметок, архивных материалов, отчетов о пушкинских конференциях. Пушкину посвящались целые полосы газеты. Несколько раньше (январь — февраль 1936 г.) отмечалось столетие со дня рождения Добролюбова. Дважды печатались юбилейные материалы о Шевченко. В первый раз (март 1936 г.) — в связи с семидесятипятилетием со дня смерти. Второй юбилей (125 лет со дня рождения поэта, в марте 1939 г.) имел всесоюзный размах — шевченковские торжества состоялись во многих национальных республиках. Интерес к Шевченко оживился вновь в связи с воссоединением Западной Украины осенью 1939 г. Публиковались лермонтовские материалы в 1939 г. (125 лет со дня рождения) и велась подготовка к новому юбилею в 1941 г., которая не приобрела должного размаха из-за начавшейся войны.

Во всесоюзном масштабе отмечались юбилеи таких произведений, как «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели (750-летие в 1938 г.), «Давид Сасунский» (1000-летие в 1939 г.). Печатались юбилейные монографические статьи о классиках национальных литератур (Важа Пшавела, Акакии Церетели, Илье Чавчавадзе, Ованесе Туманяне, Аветике Исаакяне, Михаиле Коцюбинском, Янке Купале, Якубе Коласе и др.).

В 1939—1940 гг. историко-литературные материалы уже не занимают главенствующего места в газете. Она уделяет больше внимания критике современных литератур, русской и национальных. Появляются рецензии на национальные журналы и сборники, отзывы о новых произведениях, монографические статьи о современных писателях. Немало пишется о литературе новых республик и областей — Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии.

В этот период в «Литературной газете» печатается много статей о русской советской литературе.

К концу 30-х годов русской советской литературой был пройден уже большой путь, и многие материалы газеты касались ее недавней истории. Публиковались статьи о творчестве безвременно ушедших писателей — Д. Фурманова, Э. Багрицкого, Н. Островского и др.

Горькому посвящалось много статей в год смерти (июнь 1936 г.) и в связи с каждой годовщиной. Здесь необходимо отметить работы С. Балухатого, Б. Бялика, В. Ермилова (цикл статей «Мечта Горького» в 1936 г.).

Регулярно публиковались материалы о Маяковском. К десятилетию со дня смерти, в 1940 г., вышел специальный номер «Литературной газеты», посвященный поэту. Тогда же была проведена дискуссия о книгах о Маяковском.

Относительно большим широте и терпимости, проявляемым в этот период, способствовала борьба против вульгарного социологизма, которую газета вела в 1936—1937 гг. (Эта борьба велась тогда же газетой «Советское искусство», журналами «Литературный критик» и «Литературное обозрение».)

Первым значительным выступлением на эту тему была статья М. Лифшица «Ленинизм и художественная критика», опубликованная «Литературной газетой» 21 января 1936 г. М. Лифшиц писал: «Смешение революционных и реакционных черт в сознании величайших представителей старой культуры есть определенный исторический факт. Революционные идеалы редко отражались в литературе прямо и непосредственно. Отрываясь от устоев старого общества, писатели и художники прошлого еще не могли найти в окружающем их внешнем мире решения сложнейших противоречий человеческой истории».

М. Лифшицу ответил И. Нусинов пространной статьей «Об объективной классовой путанице и претенциозном путанике» (10 июля 1936 г.), где обвинял Лифшица в антимарксизме, «неотэнизме» и «народническом субъективизме». Во второй статье «Критические заметки» М. Лифшиц отвечал на нападки И. Нусинова. Он писал, что вульгарные социологи «в течение многих лет игнорировали народную основу искусства и презрительно третировали Белинского за употребление таких ненаучных понятий, как «народность».

Ф. Левин в статье «Выправить ход дискуссии» (26 июля) высказывался против устранения понятия классовости под видом борьбы за народность. Но, отмечая полемические издержки в выступлении М. Лифшица, Ф. Левин подчеркивал, что «для нашего литературоведения самым главным, самым важным является сейчас до конца разоблачить и выкорчевать тот мертвящий схематизм, тот вульгарный социологизм, который столь распространен еще среди наших теоретических и преподавательских кадров... Без этого нельзя двигаться вперед» [56].

10 и 15 сентября 1936 г. «Литературная газета» опубликовала две статьи М. Розенталя «Против вульгарной социологии в литературной теории».

В дальнейшем выступления газеты против вульгарных социологов носят не теоретический, а более конкретный характер (критикуются статьи в «Литературной энциклопедии», обсуждаются вопросы преподавания литературы).

Со статьей «Об учебнике по литературе» в «Литературной газете» выступила Н. К. Крупская (5 июня 1938 г.). Она призывала освободиться от «литературоведческой мудреной терминологии», не стараться «объять необъятное», а научиться самостоятельно разбираться в литературном материале.

К середине 1938 г. ярко выявилось неблагополучие в области критики современной литературы.

«Литературная газета» выступила с редакционной статьей «О критике» (10 августа 1938 г.), где констатировала отставание последней. Отмечалось, что критические отделы журналов бледны и безлики. «Просмотрите их все, хотя бы первое полугодие 1938 г. За редчайшим исключением, вы не найдете здесь ни остро поставленных принципиальных вопросов, ни анализа явлений советской литературы, ни борьбы мнений и

---

[56] «Литературная газета». 26 июля 1936 г.

вкусов, ни смелого выдвижения новых имен, ни возражений против книг, незаслуженно прославленных»[57]. В статье говорилось также, что юбилейные материалы о Горьком во всех июньских номерах не говорят о продолжении журнальных горьковских традиций борьбы за советскую литературу, о том, что теряется подлинно горьковский дух, а сам Горький превращается в «музейную реликвию».

Очевидно, чтобы активизировать критику и поднять интерес к современной литературе, «Литературная газета» печатала обзоры содержания журналов — за один или за несколько месяцев. Позднее стали появляться полугодичные и годовые обзоры.

«Только художественное изображение социалистической действительности способно придать нашей литературе всемирно-историческое значение»,— говорилось в редакционной статье газеты «Внимание современной теме» (30 сентября 1939 г.). Но правдивому изображению современности мешал догматизм, давали себя знать и еще не вполне изжитые рапповские традиции. О живучести вульгарно-социологических рапповских схем свидетельствовала дискуссия о четвертой книге «Тихого Дона», развернувшаяся на страницах «Литературной газеты».

Газета открыла обсуждение четвертой книги «Тихого Дона» статьей Ю. Лукина «Большое явление в литературе». «Творчество Шолохова,— писал критик,— впитало в себя лучшие традиции классической и лучшие тенденции и достижения нашей, советской литературы... Опубликование восьмой части «Тихого Дона» убеждает в том, что мы стоим перед крупнейшим явлением в нашей литературе, наблюдаем рождение советской классики»[58]. Ю. Лукин признавал правомерность развязки романа, представляющего собой «народную трагедию»: «Трагедия Григория в том, что на последних этапах своего развития он оторвался от народа и погиб именно в результате этого, не осознав, в каком лагере ему надо бороться до конца...» Критик подчеркивал, что масса казачества пошла по иному пути.

Полным голосом о нетипичности героя Шолохова заявил М. Чарный в статье «О конце Григория Мелехова и о конце романа»: «Если судьба Григория Мелехова и типична для какого-то слоя людей, оказавшихся между двумя лагерями, то эта типичность опирается на сравнительно узкую общественную основу. Тем самым идейно-художественное значение образа снижается... Гуманизм приобрел в последней книге несколько абстрактный характер»[59].

М. Чарному справедливо возражал И. Гринберг («Арифметика и литература» — «Литературная газета», 28 июля 1940 г.). Он показал сложность пути Григория, закономерность его колебаний и схематизм, упрощенность подхода М. Чарного.

В. Ермилов в статье «О «Тихом Доне» и о «трагедии» (11 августа 1940 г.) писал: «Тихий Дон» является исключительно своеобразным произведением. Первая советская *трагедия* оказалась *эпопеей*». Но в развязке романа В. Ермилов, как и М. Чарный, по существу, не видел логики. Григорий здесь, по его словам, по сравнению с предшествующими частями книги, «другой, особый», совершающий «мелкие поступки» человек, который «уже не имеет права на трагедию».

А. Лейтес в статье «Без счастливой развязки» (8 сентября) осудил догматический подход к роману некоторых критиков, признавая в то же время, что они отразили внутренний протест многих читателей против трагического финала романа.

---

[57] «Литературная газета», 10 августа 1938 г.
[58] «Литературная газета», 26 мая 1940 г.
[59] «Литературная газета», 26 июня 1940 г.

Под рубрикой — «Обсуждаем роман Михаила Шолохова «Тихий Дон» «Литературная газета» опубликовала статьи М. Чарного «Пульс есть!» и П. Громова «Григорий Мелехов и Михаил Кошевой». Первый критик снова настаивал на том, что «типичность Григория Мелехова как выразителя огромной массы казачества в четвертой книге романа... нарушена». Он полемизировал с И. Гринбергом и со статьей В. Гоффеншефера («Литературный критик», 1940, № 2).

П. Громов писал, что художественная сила четвертой книги романа не позволяет говорить о нарушении логики в развитии центрального образа. «Читателя не удовлетворяет другое: не вполне закономерно соотношение образов во всем романе... Ошибки Мелехова объясняются двойственной природой крестьянина. Но ошибка автора в том, что «образ большевика он подменяет схематически мыслящим Кошевым... Художественно-неправильный, схематический образ Кошевого может создать впечатление, что судьба Григория — типическая судьба крестьянина» [60].

После выступления П. Громова «Литературная газета» неожиданно оборвала дискуссию, не закончив ее и не дав обобщающей, итоговой статьи о романе Шолохова.

Периодически «Литературная газета» во второй половине 30-х годов возобновляла обсуждение вопросов критики, которая продолжала оставаться «узким местом», несмотря на появление отдельных ярких, талантливых работ.

С циклом статей «Заметки о нашей критике» выступил в газете В. Ермилов (в сентябре — декабре 1938 г.). Он давал высокую оценку книге А. Гурвича «В поисках героя», работе В. Шкловского о Гоголе, статьям В. Александрова, выступлениям против вульгарных социологов в «Литературном критике». В то же время он полемизировал с этим журналом в статье «Верно ли, что у нас «иллюстративная литература?», отмечая спорные положения в передовой журнала в № 10 за 1938 г. (см. «Литературная газета», 15 декабря 1938 г.).

Вопросы о состоянии критики, о взаимоотношении критики и писателей, деятелей искусства вновь начали обсуждаться в 1939 г. в связи с тем, что в области искусства и литературы к этому времени выявились серьезные недостатки — снижение художественного уровня, нивелировка формы, в то время как критика зачастую давала скидки на актуальную тему или на имя известного автора.

Об этих явлениях резко и сильно говорил А. Фадеев в докладе об итогах XVIII съезда ВКП(б). На речь А. Фадеева откликнулись многие писатели и «Литературная газета». В передовой от 10 апреля 1939 г. («Писатель и критик») говорилось, что следует покончить с недооценкой роли и значения критики, отмечались заслуги сотрудников «Литературного критика» (М. Лифшица, В. Кеменова, В. Гриба) в борьбе против вульгарной социологии, указывалось, что при общей немногочисленности критических кадров часть работников перестала писать о современной литературе, занялась вопросами теории и истории, что в редколлегиях толстых журналов нет критиков и т. д. Все это было связано со своеобразными условиями тех лет.

Но подъема в критике так и не наступило. Осенью 1939 г. «Литературная газета» начала дискуссию о направлении журнала «Литературный критик». Предпосылкой этого явились выступления Г. Лукача, в частности его книга «К истории реализма».

Начало дискуссии положила статья В. Ермилова «О вредных взглядах «Литературного критика» (10 сентября 1939 г.), занявшая почти

[60] «Литературная газета», 6 октября 1940 г.

целую полосу газеты. В. Ермилов выступил против статьи Г. Лукача «Художник и критик» («Литературный критик», 1939 г., № 7).

Вслед за Ермиловым против «Литературного критика» и книги Лукача на страницах «Литературной газеты» выступили Е. Книпович, В. Кирпотин. Им отвечали М. Лифшиц, Г. Лукач, В. Гриб, Е. Усиевич. В дальнейшем дискуссия приобрела еще больший размах, вовлекла новых участников и закончилась только в марте 1940 г.

5 марта 1940 г. развернутые статьи опубликовали главные участники спора — Г. Лукач («Победа реализма» в освещении прогрессистов»), В. Ермилов («Г. Лукач и советская литература»), В. Кирпотин («История и современность»). На этом и прекратился, вернее, оборвался спор. Никакого редакционного заключения не последовало.

При всем том дискуссия поставила вопросы о сущности и истории реализма, о методе и мировоззрении, о преодолении вульгарного социологизма, о состоянии и задачах советской критики. Дискуссия показала, что и противники, и защитники «Литературного критика» не освободились еще от некоторых навыков вульгарного социологизма. И та, и другая стороны нередко допускали в споре «запрещенные приемы» и отдавали дань полемическим крайностям [61].

Незадолго до Отечественной войны — 4 февраля 1941 г. — в «Литературной газете» был опубликован доклад П. Павленко и Ф. Левина «Образ советского человека в современной прозе» на открытом партийном собрании Союза писателей. В докладе говорилось, что советская литература обогатилась за последнее время значительными произведениями, такими, как четвертая книга «Тихого Дона», «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского, «Степан Кольчугин» В. Гроссмана, «Пархоменко» Вс. Иванова, «Два капитана» В. Каверина, третья книга А. Фадеева «Последний из удэге», повесть В. Катаева «Шел солдат с фронта». Но книги эти в подавляющем большинстве посвящены прошлому и созданы авторами, вступившими в литературу в 20-е годы и даже раньше.

Современная тема в докладе П. Павленко и Ф. Левина оценивалась как «участок наиболее неблагополучный». Авторы доклада говорили об ослаблении реализма в литературе, о формировании особой «теории бесконфликтности»:

«Сложился взгляд, что конфликты присущи прошлым эпохам и прошлым периодам, что в бесклассовом обществе, которое мы создали, конфликты исчезают и заменяются случайными или временными недоразумениями, легко выясняемыми авторами без всякого труда для них и действующих лиц и, признаться, без всякого интереса для читателя». Доклад вызвал оживленные прения [62].

В этой дискуссии и в последующих обсуждениях творчества молодых авторов, состоявшихся в Союзе писателей, «Литературная газета» заняла пассивную позицию. Она широко публиковала материалы писательских собраний, но не выступала с какими-либо обобщающими статьями, предпочитая обтекаемые обзоры журналов.

О тревожном приближении военной грозы свидетельствовали передовая «Литературной газеты» — «Оборонная тема» (6 апреля 1941 г.), призывавшая «не лакировать действительность», а показать суровую правду войны, обсуждение пьесы К. Симонова «Парень из нашего города» (21 мая 1941 г.), статьи Веры Смирновой «Сценарий и фильм» — о «Тимуре и его команде» А. Гайдара и Б. Ивантера «Военное воспитание и детская литература».

---

[61] Об этой дискуссии см. также во «Введении» и главе «Литературный критик».
[62] «Литературная газета», 4 и 9 февраля 1941 г.

Ч

Разразившаяся 22 июня 1941 г. военная гроза дала новое направление развитию советской литературы и журналистики.

В течение 1941 г. «Литературная газета» выходила под прежним заглавием, за подписью довоенной редколлегии (ответственный редактор А. Фадеев).

В первые месяцы войны она печатала сводки и сообщения Совинформбюро, дублируя материалы «Правды». Публиковались отчеты о писательских митингах, собраниях антифашистских организаций, воззвания, обращения.

Передовые статьи газеты — «Все для победы!» (6 июля 1941 г.), «Народный героизм» (30 июля), «Единый демократический фронт» (6 августа) и др. призывали писателей и весь народ отдать все силы для победы, рассказывали о развертывании партизанского движения в тылу врага.

В передовой «Место литератора в Отечественной войне» газета сообщала: «Огромная масса писателей ответила делом на призыв родины. Многие из них уже в первые дни войны отправились на фронт. Одни — с оружием в руках защищая родину, другие — поставив на службу обороны перо художника. В центральных газетах — «Правде», «Известиях», «Красной звезде», «Комсомольской правде» каждый день можно встретить очерки, корреспонденции с фронта, стихи, написанные на привале, в перерыве между боями...» «Писатели в содружестве с художниками возродили прекрасную традицию, основанную еще Маяковским,— окна ТАСС. Радио широко используется для пропаганды... Перед микрофоном выступают лучшие писатели» [63].

Из этой информации видно, что собственно-писательский орган — «Литературная газета» не была основной трибуной для литераторов, которые выступали в центральной печати, по радио, обращаясь к многомиллионному читателю и слушателю, адресуясь, через газету «Красная звезда» и фронтовую печать, непосредственно к бойцам на фронте. Но и в «Литературной газете» резко увеличился удельный вес писательских выступлений, потеснив критику.

С 1942 г. «Литературная газета» была слита с «Советским искусством». Стала выходить газета «Литература и искусство» — орган Правления Союза писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР. Редколлегия нового органа включала представителей всех трех искусств. Ответственным редактором газеты оставался А. Фадеев.

Преобразованная газета направляет и организует теперь патриотическую деятельность писателей, художников, композиторов, кинематографистов. На ее страницах, наряду с крупными писателями и критиками, выступают композиторы — С. Прокофьев, Б. Асафьев; режиссеры — А. Попов, Н. Охлопков, С. Герасимов, М. Ромм, художники, актеры.

В передовых «Искусство — агитатор», «Тема искусства», «Литература о мужестве и стойкости» (26 июля, 8 и 15 августа 1942 г.) газета призывала деятелей искусств к самоотверженной работе для фронта, для победы. В статье «На линию огня» говорилось: «Война резко изменила привычные представления о творческом труде писателя, художника. Писатель часто пишет стихи или рассказы в блиндаже фронтовой газеты... Художник, покинув тихую студию, создает броские плакаты, которые

---

[63] «Литературная газета», 20 августа 1941 г.

должны появиться на стенах города... Кинооператоры... отправляются с красноармейцами в разведку. Старые споры о некоей роковой дистанции во времени, которая якобы отделяет художника от изображаемого...— эти споры мирного времени отошли в прошлое»[64]. Первые критические отклики на произведения, созданные на переднем крае борьбы, подтверждали правоту этих слов. Это — статьи Е. Ковальчик «Народ бессмертен» — о повести В. Гроссмана (печатавшейся в газете «Красная звезда»); Д. Данина «Образ русского воина» — о первых главах «Теркина» А. Твардовского; С. Трегуба «Лирический дневник К. Симонова», Л. Озерова о стихах И. Сельвинского. Живой отклик вызвали сталинградские очерки В. Гроссмана, очерки Б. Горбатова, публиковавшиеся в «Правде». Газета писала и об очерках, печатавшихся во фронтовой печати.

«Литература и искусство» посвятила несколько статей пьесе А. Корнейчука «Фронт». Много писалось также о пьесах Л. Леонова «Нашествие» и К. Симонова «Русские люди». Эти три произведения газета выделяла в передовых и редакционных статьях, посвященных драматургии и литературе военного времени.

С большим одобрением отзывалась газета и о пьесе «Иван Грозный» А. Толстого. Постановщик фильма на эту же тему С. Эйзенштейн высказывался на страницах газеты о герое картины: «Этот образ, пугающий и привлекательный, обаятельный и страшный, в полном смысле слова трагический по той внутренней борьбе с самим собой, которую Иван Грозный вел неразрывно с борьбой против врагов родины, станет понятным сегодняшнему человеку»[65].

Как уже говорилось, на страницах «Литературы и искусства» печаталось сравнительно мало художественных произведений. Стихов, например, появлялось больше в первые месяцы войны, в дальнейшем они печатаются реже; в 1943 г. были напечатаны отрывок из «Василия Теркина» А. Твардовского — «Женщина», стихи А. Суркова «Из дневника», К. Симонова «Слепец», М. Алигер «Россия», несколько произведений С. Михалкова, Н. Асеева, переводы из английской поэзии С. Маршака. Еще реже появлялись отрывки из пьес или художественной прозы.

Литературное творчество сделалось достоянием центральной и фронтовой печати. Критик А. Гурвич писал в статье «Ответственность художника»: «Можно было полагать, что когда начнется эта жестокая, всепоглощающая война, печать наша предложит писателям потесниться. Но жизнь продиктовала иное. Никогда знакомые имена художников слова не встречались в газетах так часто, как теперь. Никогда еще не было, чтобы общая печать публиковала такое количество очерков, рассказов, стихов. Печатаются целиком поэмы, пьесы, повести. Этого потребовала война. Воин призвал поэта к себе на помощь» («Литература и искусство», 10 апреля 1943 г.).

На страницах газеты писатели чаще выступали как публицисты, прославляя героизм Красной Армии.

Со второго года войны появилась потребность в смотре и обобщении сделанного в литературе. Союз писателей в апреле 1943 г. организовал «творческо-критическое совещание», посвященное литературе Отечественной войны. Газета «Литература и искусство» полностью опубликовала речи на совещании.

Наиболее значительные выступления в газете писателей и критиков (во второй и в третий годы войны) свидетельствуют о стремлении осмыс-

---

[64] «Литература и искусство», 22 августа 1942 г.
[65] «Литература и искусство», 4 июля 1942 г.

лить литературный процесс военных лет в историческом и общенациональном масштабе. Так, в первом номере газеты за 1943 г. была опубликована статья А. Толстого «Четверть века советской литературы» (доклад к 25-й годовщине Октября), где освещалась роль писателей в первой мировой, в гражданской и второй мировой войнах.

В передовой «О русской национальной гордости», в статьях В. Ермилова «О традициях национальной гордости в русской литературе» и «Образ Родины в творчестве советских поэтов» писалось о патриотических традициях в русской классической и советской литературе, о любви советских поэтов (С. Есенина, В. Маяковского, Э. Багрицкого, Н. Тихонова, А. Твардовского) к родной земле[66].

В дальнейшем передовые статьи газеты, как и многие писательские выступления, освещают сделанное в искусстве и литературе за годы войны («Искусство эпохи великих побед» — 12 августа 1944 г., «Советская драматургия» и др.). Передовая «Десятилетие съезда советских писателей» (19 августа 1944 г.) называет имена молодых писателей, возмужавших в годы войны: К. Симонова, Б. Горбатова, А. Твардовского, М. Алигер, Л. Первомайского и других.

Писатели, частично принимая на себя роль критиков, отмечают все самое значительное в литературе, выступают с обобщающими статьями, создают «литературные портреты» своих современников. В этом плане можно назвать статьи П. Павленко «Десять лет» — о развитии советской литературы после I съезда писателей, о роли в ней оборонной темы, Н. Тихонова «Литература и война», В. Кожевникова «Главная тема», М. Рыльского «Вчера и сегодня. Мысли об украинской литературе», В. Яна «Проблема исторического романа», А. Упита «Культура борющегося латышского народа», С. Маршака «О нашей сатире», С. Михалкова «Книга для детей. Обзор детской литературы на тему о войне», К. Симонова «Подумаем об отсутствующих» (о творчестве поэтов-фронтовиков М. Луконина, А. Недогонова, С. Наровчатова).

Темпераментно, ярко были написаны статьи-портреты: К. Симонова «Неистощимое сердце» — о публицистике И. Эренбурга, А. Крона «Облик писателя-бойца» (о Юрии Крымове — к трехлетию со дня смерти), К. Федина «Николай Тихонов», В. Шишкова «Мастер огненного слова» (к 60-летию А. Толстого), П. Антокольского «Микола Бажан» и др.

Немало писательских выступлений в газете посвящалось также непосредственно пережитому за годы войны, подвигам городов-героев, героизму людей фронта и тыла. Статьи И. Эренбурга «Три года» (22 июля 1944 г.) подводила итоги трехлетию небывалой битвы, говорила о могучем духе народов Советского Союза, о провале фашистских планов порабощения России.

О героизме блокированного Ленинграда рассказывали Н. Тихонов, В. Инбер, О. Берггольц. М. Рыльский писал о боях за шевченковские места на Украине, С. Сергеев-Ценский — о героической обороне Севастополя, П. Бажов — о горнозаводском Урале.

В 1944—1945 гг. в газете активизируется профессиональная критика, появляются проблемные статьи, завязываются дискуссии. Статьей Е. Кригера «При первом чтении» редакция открыла обсуждение повести К. Симонова «Дни и ночи».

В связи со статьей М. Шагинян «Тема военного быта» возникла дискуссия о книгах, посвященных жизни и труду советских людей в тылу[67].

---

[66] См. «Литература и искусство», 10 апреля, 7 августа и 20 ноября 1943 г.

[67] В. Перцов. О книге М. Шагинян «Урал в обороне»; Н. Четунова. Мечта и реальность.— «Литература и искусство», 9 сентября 1944 г.

Газета опубликовала материалы дискуссии «Образ советского офицера в художественной литературе 1944 года» (дискуссию организовала Военная комиссия Союза писателей).

В центре внимания выступавших были книги В. Гроссмана «Народ бессмертен», К. Симонова «Дни и ночи», Б. Горбатова «Непокоренные», А. Бека «Волоколамское шоссе». В дискуссии приняли участие писатели и критики Н. Тихонов, А. Игнатьев, А. Лейтес, Л. Субоцкий, В. Шкловский, В. Перцов и др. [68]

С 1944 г. газета стала публиковать больше стихов русских и национальных поэтов. Появились новые имена — С. Гудзенко, С. Наровчатов, А. Межиров, В. Тушнова и другие.

Большее внимание стало уделяться национальным и областным литературам. Появились монографические статьи о творчестве выдающихся современных грузинских, украинских, армянских и азербайджанских поэтов, рецензировались областные альманахи и сборники.

Однако при намечающемся подъеме в области критики появлялись иногда в газете и «проработочные» статьи. Так, резкому осуждению подверглась книга К. Федина «Горький среди нас», пьеса М. Шварца «Дракон» [69].

С 7 ноября 1944 г. вместо газеты «Литература и искусство» снова начали выходить «Литературная газета» и «Советское искусство». Состав редколлегии новой «Литературной газеты» (остававшийся без изменений до окончания войны и в течение всего 1945 г.) был следующий: В. Горбатов, Е. Ковальчик, В. Кожевников, С. Маршак, Д. Поликарпов, Л. Соболев, А. Сурков (ответственный редактор).

В 1945 г. «Литературная газета» публикует главы из третьей части романа А. Толстого «Петр I», В. Шишкова «Емельян Пугачев», А. Фадеева «Молодая гвардия», В. Гроссмана «За правое дело» [70]. К. Федин в статье «У порога» (1 января 1945 г.) писал о том, что великие события в стране, стоящей у порога победы, требуют большого высокого искусства, требуют умения изображать человека с богатым и глубоким духовным миром.

По-прежнему отмечаются литературные юбилеи (150-летие со дня рождения А. С. Грибоедова, которому был посвящен почти целый номер; 200-летие со дня рождения Д. И. Фонвизина; 125-летие со дня рождения А. Ф. Писемского, сто десять лет «Калевалы»; 50-летие со дня смерти Н. С. Лескова и т. д.).

Передовые «Литературной газеты» в этот период стремятся (не всегда удачно) классифицировать многообразное литературное творчество того времени по темам («Морская тема в литературе» — о творчестве А. Новикова-Прибоя, Л. Соболева, Вс. Вишневского, Б. Лавренева и др. — 10 февраля 1945 г.; «Героика труда» — произведения о героическом тыле, об очерках М. Шагинян, Б. Агапова, о повестях Ф. Гладкова, А. Караваевой, А. Первенцева — 6 января). Благодаря актуальности темы тыла нередко поднимались слабые произведения. Но все же профессиональная критика стремится выделить все подлинно значительное. Можно назвать статьи Е. Книпович «Поэмы Аркадия Кулешова», В. Ермилова «На этом письмо обрывается» (о книге «Повести» Юрия

---

[68] «Литературная газета», 16 и 24 декабря 1944 г.

[69] См. Л. Дмитриев. Вопреки истории.— «Литература и искусство», 5 августа 1944 г. «Еще о книге К. Федина»— 9 сентября 1944 г.— Материалы заседания президиума ССП, посвященного критике книги К. Федина «Горький среди нас».

С. Бородин. Вредная сказка (о сказке Е. Шварца «Дракон»).—«Литература и искусство», 25 марта 1944 г.

[70] См. «Литературная газета» от 15 января, 10 марта, 14 апреля и 17 февраля 1945 г.

Крымова и о его письмах с фронта), М. Юнович «Образ Ленина» (о поэме С. Щипачева «Домик в Шушенском»), Е. Златовой «Жажда победы» (о повести Г. Березко «Командир дивизии»), ее же статью «Потерянный и возвращенный рай» (о «Русском характере» А. Толстого, «В семье» К. Тренева, «Просто любовь» В. Василевской).

Правда, проблемных, обобщающих статей о литературе периода войны в это время появляется сравнительно мало [71],— теме войны предстоит долгая жизнь в будущем.

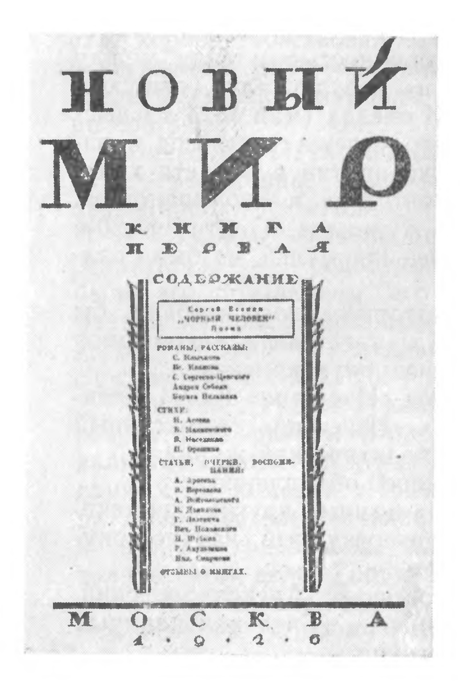
Но в целом в «Литературной газете» находили объективное отражение литературный процесс, общее направление развития литературы и критики со всеми противоречиями, которые были для этого развития характерны.

---

[71] См. Л. Субоцкий. Заметки о теме и герое (по произведениям В. Гроссмана, К. Симонова, В. Кожевникова, Л. Леонова и др.).— «Литературная газета», 22 апреля 1945 г.; Н. Рыбак. Украинская проза. Заметки писателя.— «Литературная газета», 7 февраля 1945 г.

«Новый мир»

В июне 1926 г. А. М. Горький писал В. П. Полонскому: «Вы совершенно правы: «хныканье и пессимизм надобно оставить». Удивляюсь г.г. критикам — о чем плачут? Плакать — не о чем. Такого подъема в литературе, какой ныне наблюдается,— никогда еще не было. Это — факт. Плохо пишут? Правильно, очень многие пишут плохо. Но, когда нам было по шести, восьми лет от роду, мы тоже плохо говорили. Потом — научились говорить лучше. Не правда ли?» [1]

Действительно, после окончания гражданской войны в советской литературе обозначился необычайный подъем. Отовсюду — с фронтов, из городов и деревень — в литературу широким потоком вливались новые силы. В ряды прозаиков вместе с Горьким, Серафимовичем, Вересаевым, Треневым, Пришвиным и другими «стариками» стали Вс. Иванов, Сейфуллина, Либединский, Фурманов, Бабель, Артем Веселый, Фадеев, Лавренев, Леонов, Федин и многие другие молодые писатели. К Бедному, Маяковскому, Есенину, Асееву и пролетарским поэтам первых лет революции присоединились Тихонов, Сельвинский, Багрицкий и целая плеяда «комсомольских» поэтов. Уже в 1923 г. в решениях XII съезда партии отмечалось, что «за последние два года художественная литература в Советской России выросла в крупную общественную силу, распространяющую свое влияние прежде всего на массы рабоче-крестьянской молодежи» [2].

[1] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2. М., 1965, стр. 95.
[2] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 736.

В скором времени серьезные успехи советской литературы стали еще более явственными. 1924 год был годом, когда появились воспоминания о Ленине и некоторые рассказы Горького, поэма «Владимир Ильич Ленин» и другие стихотворения Маяковского, «Железный поток» Серафимовича, новые стихотворения и поэма «Песнь о великом походе» Есенина, «В тупике» Вересаева, «Барсуки» Леонова, «Мятеж» Фурманова, «Конармия» Бабеля, «Гуси-Лебеди» Неверова, «Виринея» Сейфуллиной, поэма «Комсомолия» Безыменского, «Двадцать шесть» и другие стихотворения Асеева, несколько рассказов и очерков Пришвина, «Тринадцать трубок» Эренбурга, «Одеты камнем» Форш, сборники статей Луначарского и Воронского.

Чтобы объединить писателей, помочь дальнейшему росту литературы и удовлетворить запросы читателей, нужны были литературно-художественные журналы. И они, по словам Воронского (в одном из писем того времени к Горькому), «росли, как грибы после дождя». В 1924 г. к уже существующим журналам («Красная новь», «Печать и революция», «Сибирские огни», «Молодая гвардия», «Леф», «На посту» и др.) прибавились «Звезда», «Октябрь» и «Рабочий журнал». Но и этого было недостаточно. К тому же почти все издававшиеся журналы страдали большей или меньшей односторонностью и вели между собой ожесточенную полемику, затрачивая на нее, пожалуй, слишком много сил и энергии. Партия в решениях XIII съезда (май 1924 г.) выступила против «узкой кружковщины» в литературе, а через год в известной резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» осудила «капитулянтство» и «комчванство», сильно отражавшиеся на работе и облике журналов. Партия в 20-е годы поддерживала организацию пролетарских писателей, но была озабочена развитием всего фронта литературы.

Ощущалась потребность в журнале, который способствовал бы выдвижению и росту писателей из рабочих и крестьян и воспитанию «попутчиков», смог бы хорошо поставить литературную критику.

В связи с этим тогдашний редактор газеты «Известия» Ю. М Стеклов предложил создать на базе издательства «Известий» ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.

В конце 1924 г. в газете «Известия» появилось объявление:

«В 1925 г. с января месяца «Красная нива» помимо других приложений даст своим подписчикам ежемесячный литературный, научно-популярный и политический журнал «Новый мир»...»

В журнале принимают участие: А. Аросев, В. Александровский, М. Артамонов, К. Асеев, И. Бабель, И. Вольнов...» (Следовал длинный список писателей различных направлений и групп.)

«Новое издание,— сообщалось далее в объявлении,— преследует задачу дать ежемесячный журнал широким массам. При технических условиях «Известий» и «Красной нивы» представляется возможным довести подписную цену журнала до минимума» [3].

В январе 1925 г. первый номер нового журнала вышел в свет.

Его редакторами были Ю. М. Стеклов и А. В. Луначарский, а ответственным секретарем в 1925 г.— Ф. В. Гладков, который вел журнал практически. Но вскоре Стеклова и в «Известиях», и в «Новом мире» сменил И. И. Скворцов-Степанов. Он предложил ввести в редколлегию «Нового мира» В. П. Полонского, который с начала 1926 г. стал фактическим редактором журнала.

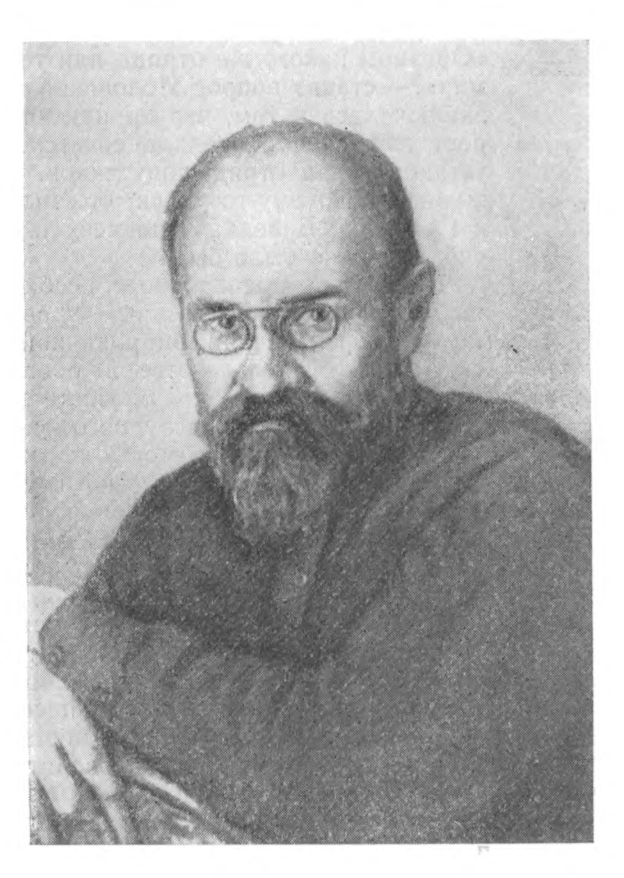
С деятельностью Полонского, Луначарского, Скворцова-Степанова связаны первые года существования «Нового мира». Их взгляды, пони-

---

[3] «Известия», 31 декабря 1924 г.

мание литературы, вкусы наложили сильнейший отпечаток на журнал и надолго определили его характер и облик.

В. П. Полонский был широко образованным партийным литератором и ученым. Его перу принадлежали серьезные научные работы о Бакунине, уникальный труд «Русский революционный плакат» и большое количество публицистических и литературно-критических выступлений. В «Новый мир» он пришел, имея за плечами большой опыт издательской и редакторской работы. Созданный и поставленный им критико-библиографический журнал «Печать и революция» был тому самым наглядным свидетельством.

И. И. СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ

Весьма значительны заслуги Полонского и как редактора «Нового мира». Он был энергичным собирателем литературных сил, хорошо чувствовал запросы читателей и знал «секрет», как сделать книжку журнала интересной.

«Вячеслав Павлович Полонский,— вспоминает один из его помощников по «Новому миру» Н. П. Смирнов,— как бы родился редактором — редактирование было его призванием, его неизменной любовью, его насущным делом, которому он отдавал все способности и силы» [4].

Конечно, лучшим показателем результатов работы Полонского является семьдесят отредактированных им номеров «Нового мира», но известное значение имеют и отзывы писателей, знающих толк в этом деле. Горький говорил, что питает определенную симпатию к «Новому миру» и лично к Полонскому — «организатору двух таких *превосходных* изданий, как «Печать и революция», «Новый мир» [5]; Пришвин писал Полонскому: «Вы помогли мне заняться делом, к которому я призван. Вы мне помогли больше всех, кого я встречал на своем литературном пути в последние десять лет» [6]; Малышкин телеграфировал редакции «Нового мира» в декабре 1934 г. в связи с десятилетием журнала: «В этот день со скорбью вспоминаю основоположника журнала — покойного Вячеслава Павловича Полонского, отдавшего «Новому миру» огромную любовь и весь блеск своего редакторского таланта» [7].

О том, как понимал Полонский цели и задачи «Нового мира», он писал и говорил неоднократно, но наиболее продуманно и полно — в «За-

---

[4] «Новый мир», 1964, № 7, стр. 186.
[5] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2. М., 1965, стр. 98.
[6] «Новый мир», 1964, № 10, стр. 200.
[7] «Новый мир», 1934, № 12.

метках журналиста», написанных в связи с пятилетием журнала и напечатанных в первом номере за 1930 год. Здесь он сделал попытку определить некоторые программные для «Нового мира» положения, дать необходимые разъяснения читателям, ответить на упреки критиков.

Прежде всего Полонский указывает, что перед «Новым миром» при его возникновении была поставлена задача стать органом, показывающим рост *всей* советской литературы, а не только пролетарской, изданием, способствующим сближению разных отрядов советских писателей. «Органом какого же отряда или течения, или группировки был «Новый мир»?— ставит вопрос Полонский и отвечает: — Трудность его позиции заключалась в том, что он призван был показать на своих страницах рост главнейших отрядов советской литературы, с преимущественной установкой на отряд попутчиков. Такова была задача, поставленная журналу. Потому-то упрек, что мы одновременно печатали А. Толстого и Гладкова, Бабеля, Караваеву и Маяковского — бьет мимо цели. Так оно и должно было быть».

Полонский подчеркивает необходимость бескомпромиссной борьбы за высокий художественный уровень советской литературы. «Новый мир» — журнал квалифицированной, высококачественной прозы»,— заявляет он и решительно отводит обвинения в «эстетизме», «барстве», «высокомерии» и т. п. Роль журнала заключается в том, чтобы «подымать качество нашего литературного искусства, поощрять талантливых и искусных, толкать к мастерству неумелых и неопытных, устанавливать высокий уровень литературы, по которому должна равняться молодежь, повышать этот уровень, чтобы рост литературы не остановился или, что еще хуже, не пошел вспять». Упреки в «барстве», в «эстетизме», пишет Полонский, рождаются «в среде озлобленных и отвергнутых. Их подхватывают демагоги и болтуны» [8].

Особо останавливается Полонский на отношении журнала к «молодым» и «начинающим». Как раз в то время, когда он писал свою статью, редакцией журнала было получено из Хабаровска от одного «начинающего» следующее характерное письмо: «Говорят, трудно, ох как трудно провинциальному литератору попасть в московские журналы, да еще в такой, как «Новый мир». Говорят, Москва гонится за именами, а не за материалом. «Дескать, известное дело, провинция! Куда, мол, ей до Москвы! Что вообще может дать провинция?» и т. д. и т. п. А это, между прочим, здорово обидно».

Процитировав письмо, Полонский ответил на него так: «Это еще, между прочим, здорово ошибочно, дорогой товарищ. Вы ошибаетесь вдвойне: во-первых, полагая, что все «имена» советской литературы столичного происхождения. И, во-вторых, что редакция равнодушна к «провинции», т. е., очевидно, к «молодым», «безвестным», «начинающим».

Напротив... Мы ждем этих молодых, мы «ищем» их в тех грудах иногда трудно разборчивых, написанных на обрывках и клочках бумаги, иногда каракулями, рукописях, которые исчисляются тысячами... Когда нам удается напечатать первое произведение начинающего автора,— говорю без преувеличения,— это радостный день для редакции... Новый писатель, выдвинутый в литературу,— да поймите же,— это гордость журнала, это лучшая журналу похвала,— а вы говорите: мы пренебрегаем молодежью!»

И дальше Полонский пояснял, что «молодые», «начинающие» писатели из «провинции» и т. д. (да и не только они) нередко получают отказ из редакции вовсе не потому, что их «затирают», а потому, что художе-

---

[8] «Новый мир», 1930, № 1, стр. 227—228, 232.

ственное творчество — дело трудное, требующее и таланта, и культуры, и обширных общих знаний. «Всякое специальное ремесло требует общих знаний и специальной выучки — это все превосходно понимают,— пишет в связи с этим Полонский.— И только касательно одной литературы, да еще критики продолжает существовать заблуждение, будто никаких знаний, никакой выучки, никакого большого длительного труда не нужно, чтобы стать писателем! Стоит лишь захотеть!

В. П. ПОЛОНСКИЙ (в центре), Ж. ДЮАМЕЛЬ И Л. ДЮРТЕН, 1927 г.

Но это — ошибка. Она губила, губит и будет губить тех молодых, которые не осознают огромных трудностей, предъявляемых литературой всякому желающему принимать участие в ее движении» [9].

Так разъяснял редактор «Нового мира» некоторые «установки» журнала.

2

Как уже говорилось, Полонский не был единовластным хозяином «Нового мира». В этом отношении его положение в журнале сильно отличалось от положения Воронского в «Красной нови». Большую роль в «Новом мире» играли Луначарский и Скворцов-Степанов.

Известны огромные заслуги Луначарского в развитии советской культуры, просвещения и литературы. Известна и его неимоверная перегруженность многообразными трудами и обязанностями. Но, несмотря на всю свою занятость, он вовсе не был «почетным членом» редколлегии «Нового мира», а принимал в жизни и работе журнала непосредствен-

[9] «Новый мир», 1930, № 1, стр. 233, 234.

ное деловое участие. Луначарский ценил и любил «Новый мир»[10] и был в курсе его забот, удач и огорчений. Он читал в рукописях многие материалы, которые шли в журнале, участвовал в их обсуждении, рекомендовал редакции обратить внимание на те или иные произведения, выступал на страницах «Нового мира» со статьями и рецензиями. Так, в 1926 г. в журнале были напечатаны его статьи о книге немецкого художника Георга Гросса «Искусство в опасности» (№ 3), о пьесе Ромена Роллана «Игра Любви и Смерти» (№ 5), предисловие к рассказу Ж. Жироду «Святая Эстелла» (№ 7), рецензия на книгу И. Маца «Искусство современной Европы» (№ 8—9). Деятельным сотрудником «Нового мира» Луначарский оставался и в последующие годы. В 1927 г. он поместил в журнале статью «Ревизор» Гоголя — Мейерхольда», в 1928 г.— «Тезисы о задачах марксистской критики», в 1929 г.— «О «многоголосности» Достоевского» (по поводу книги М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского»).

Как правило, выступления Луначарского имели принципиальное значение. Это, безусловно, относится, например, к «Тезисам о задачах марксистской критики».

«Марксистская критика отличается от всякой другой прежде всего тем, что она не может не иметь в первую голову социологического характера, и притом, само собою разумеется, в духе научной социологии Маркса и Ленина» — таково исходное положение тезисов Луначарского. Оно противостоит у него как идеализму и формализму, отрывающим литературу от социального бытия и классовых отношений, так и вульгарному социологизму, пытающемуся свести всю литературу, ее содержание и форму к выражению материальных, экономических интересов и поставить ее в прямую и непосредственную связь с формами производства.

Отсюда вытекает и решение Луначарским вопроса о критериях оценки литературных произведений. Прежде всего, по его мнению, «критик-марксист должен постараться найти основную социальную тенденцию данного произведения, то, куда она произвольно или непроизвольно метит или бьет».

Луначарский знал, что такое понимание задач критики вызывает в некоторых кругах протест: дело ли критика заниматься выяснением общественно-политической направленности художественных произведений? Он отвечал на это: «Вообще мы находимся в сфере идейной борьбы. Отказаться от характера именно *борьбы* в деле нынешней литературы и ее оценки ни один последовательный и честный коммунист не может».

Вместе с тем Луначарский более чем энергично предупреждал против злоупотреблений «социальным анализом». Анализ и оценку общественного содержания и направления того или иного произведения Луначарский считал делом необычайно сложным и трудным, требующим от критика осторожности, вдумчивости и большого чутья: слишком много различных сторон приходится принимать во внимание, если дело идет о подлинно художественном произведении. Так, например, по его мнению, критик-марксист не может считать существенными лишь те произведения, которые ставят острозлободневные проблемы. Большое значение могут иметь и произведения, решающие вопросы, которые на первый взгляд кажутся общими и отдаленными, а при внимательном рассмотрении оказываются важными и актуальными[11].

---

[10] «В общем и целом мне чрезвычайно нравится «Новый мир», какой он стал под Вашим руководством»,— писал Луначарский Полонскому 13 мая 1926 г. («Новый мир», 1964, № 5, стр. 208).

[11] «Новый мир», 1928, № 6, стр. 189, 191, 196.

Горячо выступил Луначарский за новизну, оригинальность произведений литературы, против трафаретных и шаблонных художественных решений («Художник должен выражать то, что до него не выражено»), но предостерегал от оригинальничанья: «В этих случаях за внешними выдумками и орнаментами стараются скрыть пустоту содержания».

С большой осторожностью, по словам Луначарского, надо относиться к критерию *общедоступности* произведения. Для него ясно, что «всякие

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР В «НОВОМ МИРЕ»

формы замкнутости, герметизма, всякие формы, рассчитанные на небольшие круги специфических эстетов, всякие художественные условности и рафинированность должны быть преследуемы марксистской критикой». Он воздает славу тому писателю, «который может сложное и ценное общественное содержание выразить с такой художественно мощной простотой, что оно волнует миллионы и десятки миллионов». И в то же время он отмечает, что «нельзя отрицать значения и таких произведений, которые не удалось сделать достаточно понятными для *каждого* грамотного, которые относятся к верхнему слою пролетариата, вполне сознательным партийцам, к читателю, уже обладающему изрядным культурным уровнем».

Луначарский придавал критике очень важное значение и утверждал, что революция предъявляет к ней исключительные требования. Критик-марксист способен многому научить и читателя, и писателя, но только в том случае, если сам будет упорно и твердо учиться и у писателей, и у читателей. Заканчивал же Луначарский свои тезисы следующими словами: «В общем и целом критик-марксист, отнюдь не впадая в добродушие и попустительство, что было бы величайшим грехом с его стороны, должен быть априори доброжелательным. Его великой радостью должно быть найти положительное и показать его читателю во всей ценности.

Другою для него целью должна быть его помощь, направить, предостеречь и только в редких случаях может явиться надобность постараться убить негодное разящей стрелой смеха или презрения или раздавливающей критикой, могущей действительно просто уничтожить какую-нибудь раздувшуюся мнимую величину» [12].

Таковы «тезисы» Луначарского — одно из наиболее серьезных и глубоких его выступлений, во многом не утратившее своего значения и по сей день.

Активнейшим деятелем «Нового мира» был И. И. Скворцов-Степанов. По статуту того времени на него возлагалась ответственность за выходившие в издательстве «Известий» журналы. Скворцов-Степанов возглавлял редакционную коллегию «Нового мира» и уделял ему очень много внимания. Его участие в работе журнала приоткрывает перед нами новую сторону деятельности этого выдающегося, высокообразованного и многосторонне одаренного деятеля партии. В ЦГАЛИ сохранились письма Скворцова-Степанова Полонскому — отзывы о различных произведениях, предполагавшихся к напечатанию в «Новом мире» [13]. Это, несомненно, далеко не все материалы, характеризующие деятельность Скворцова-Степанова в области советской литературы, но и они дают довольно яркое представление о нем как о литераторе и редакторе.

Все эти небольшие «внутренние рецензии» написаны ясно, энергично, убедительно. Приведем в качестве примера отзыв о романе некоей Наталии Шатхан «Чужеяда», отвергнутом по предложению Скворцова-Степанова редакцией журнала:

«По изобразительным приемам, по общей манере местами — типично «дамский» роман, который, в особенности в первых главах, положительно напрашивается на шарж. По содержанию нередко сбивается на адюльтерно-«аристократический» роман в советском гарнитуре...

По «великосветским», «аристократическим» претензиям и кривлянью автора роман живо напоминает мне беллетристику «Рус[ского] вестника» Каткова и даже романы *Мещерского* из «Гражданина». Какое высокомерие, какое презрение к «плебсу» с их ненастоящим валансьеном, плохим маникюром и т. д. В этом для нее — вся культура и культурность.

Я не отрицаю, что для первого произведения автор обнаруживает некоторую литературность. Но при всем том это такая «полковая дама» по своему умственному складу, что ее не пустили бы ни в «Русское богатство», ни в «Современный мир».

Потребовались бы очень небольшие переделки, потребовалось бы отсечь немногие механически приделанные мелочи, чтобы получить форменно белогвардейский роман. А наши литераторы могли бы написать ядовитейший — и совершенно заслуженный — шарж на этот роман.

Говоря коротко: препротивная штука!» [14]

Главное в подходе Скворцова-Степанова к литературе — партийность, оценка общественной направленности произведения. Это видно и в приведенной рецензии на «Чужеяду», и в других отзывах. Так, решительно отклонил Скворцов-Степанов известную повесть С. Малашкина «Луна с правой стороны», справедливо полагая, что, «при малой художественной ценности, приходится с особой строгостью учитывать политическую сторону... Независимо от намерений автора, получился пасквиль на комсомол» [15].

Характерна и оценка Скворцовым-Степановым деревенских очерков Родиона Акульшина «Солнце на завалинке». Скворцов-Степанов убеди-

---

[12] «Новый мир», 1928, № 6.
[13] Часть из них была опубликована в «Новом мире», 1964, № 5.
[14] ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 3, ед. хр. 199, л.
[15] «Новый мир», 1964, № 5, стр. 213.

тельно доказывал в письме к Полонскому, что Акульшин поддерживает и «оформляет» настроения тех отсталых слоев деревни, по представлениям которых город «паразитирует на деревне», а весь аппарат советского управления — «вредный нарост на деревне» и высасывает из нее соки. «Я полагаю,— заканчивал Скворцов-Степанов свое письмо Полонскому,— что у меня с Вами в этой области не будет разногласий: недаром Вы прислали мне Акульшина»[16]. Очерки «Солнце на завалинке» в «Новом мире» не появились.

Вместе с тем подход Скворцова-Степанова к произведениям литературы отличался глубоким пониманием особенностей литературного дела.

В истории «Нового мира» известен такой эпизод. В начале 1927 г. в редакцию журнала поступила рукопись большого романа А. Н. Толстого. Это была вторая часть трилогии «Хождение по мукам» — «Восемнадцатый год». Известно, что в те годы репутация А. Толстого (недавно вернувшегося из эмиграции) была еще неопределившейся. Рапповская критика обычно относила его даже не к правым попутчикам, а просто к буржуазным писателям. У Полонского роман Толстого вызвал сомнения, которые он и высказал автору. Он сомневался в правильности отбора событий и опасался, что в изображении неверно распределены свет и тени. Толстой ответил Полонскому пространным и весьма интересным письмом, в котором горячо и убедительно отстаивал художественную концепцию романа. Неизвестно, чем бы кончилась эта дискуссия, если бы не вмешательство Скворцова-Степанова. Ему роман Толстого решительно понравился. Он склонил на свою сторону Полонского («Это будет для «Нового мира» большим приобретением»)[17] и написал письмо Толстому. «Если и дальше Вы не спуститесь с достигнутого уровня, получится своего рода «гвоздь» художественной литературы за 1927 г.,— писал он.— И как кстати к десятилетию! Большой мастер виден в каждой строке и в каждом штрихе»[18]. Письмо это решило спор между Полонским и Толстым и произвело на писателя большое впечатление.

«Глубокоуважаемый и дорогой Иван Иванович,— писал он Скворцову-Степанову,— только что приехал с дачи и прочел Ваше письмо. Оно меня очень обрадовало и укрепило — стало быть, тот тон, который я с таким трудом искал, художественная концепция романа — производит нужное мне впечатление... Еще раз спасибо Вам за прекрасное письмо»[19].

Роман Толстого печатался в «Новом мире» с июля по декабрь 1927 г. и в номерах 1, 2, 5—7 за 1928 г. и явился, бесспорно, «большим приобретением» всей советской литературы.

У Скворцова-Степанова было постоянное желание поддержать все подлинно талантливое и правдивое. В своих отзывах он уделял художественному качеству произведения столь же большое внимание, как и его «политической стороне». По сути дела идейность, правдивость и художественность произведения были в его представлении неразрывны. «Я впервые знакомлюсь с ним,— писал Скворцов-Степанов по поводу той же повести С. Малашкина «Луна с правой стороны»,— как слаб он в *художественном* отношении! Какие детские описания наружности героев! И какие невыносимые длинноты! Рассказ все время ведется с «трагической нотой в голосе». Это в конце концов производит смешное впечатление, в особенности, когда оказывается, что Таня жива, обретает благополучие и т. д.»[20]

---

[16] ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 3, ед. хр. 199, л.
[17] «Новый мир», 1964, № 5, стр. 216.
[18] «Новый мир», 1964, № 10, стр. 203.
[19] Там же.
[20] «Новый мир», 1964, № 5, стр. 212—213.

И еще одну черту Скворцова-Степанова нельзя не отметить, когда знакомишься с ним как с одним из редакторов «Нового мира»,— его постоянную готовность взять на себя всю полноту ответственности за напечатание того или иного произведения: будь то «Восемнадцатый год» А. Толстого, «Чертухинский балакирь» С. Клычкова, «За живой и мертвой водой» А. Воронского или записки Софьи Федорченко «Народ на войне». По тем или иным причинам публикация каждого из этих произведений представляла известные трудности, и Скворцов-Степанов ни разу не только не уклонился от прямого и недвусмысленного решения вопроса, не проявил боязни и стремления «перестраховаться», но, напротив, во всех случаях готов был отвечать перед партией за принятое решение. «Я опять повторю Вам,— писал он Полонскому по поводу публикации «Чертухинского балакиря»,— охотно возьму на себя *полную ответственность* перед партией за такую «религиозную пропаганду», прямо заявлю всем и каждому, что я настаивал, что я давил на Вас в таком направлении». «За «размышления» литпостовцы опять будут всячески придираться к автору, но с этим не стоит считаться». *«Непременно надо пустить»*,[21]— писал он о воспоминаниях Воронского, которого критиковали тогда не только «литпостовцы».

Совершенно очевидно, что роль Скворцова-Степанова в становлении «Нового мира» была весьма важной и не может быть забыта.

3

Кто же из писателей печатался в «Новом мире» в 1925—1931 гг. и что было в нем тогда опубликовано?

Перечислим сотрудничавших в журнале прозаиков и поэтов:

Александровский, Алтаузен, Антокольский, Асеев, Бабель, Багрицкий, Бахметьев, Безыменский, Буданцев, Веселый, Воронин, Есенин, Жаров, Зарудин, Зингер, Зощенко, Иванов Вс., Инбер, Исаковский, Казин, Каменский В., Караваева, Катаев В., Кириллов, Кирсанов, Клычков, Лавренев, Леонов, Лидин, Луговской, Малышкин, Маяковский, Мстиславский, Низовой, Никандров, Никифоров, Никулин Л., Новиков-Прибой, Огнев, Орешин, Павленко, Пастернак, Петровский Д., Пильняк, Полетаев, Пришвин, Платонов А., Прокофьев, Радимов, Романов П., Садофьев, Саянов, Светлов, Сейфуллина, Сельвинский, Семеновский, Серафимович, Сергеев-Ценский, Слетов, Соболь А., Соколов-Микитов, Тихонов Н., Толстой А., Уткин, Ушаков Н., Федин, Фурманов, Шагинян, Шишков.

В «Новом мире» участвовали писатели и старые и молодые, и пролетарские и крестьянские, и попутчики, и рапповцы, и лефовцы, и перевальцы, и конструктивисты, и не состоящие ни в каких группах. Среди этих писателей иные печатались постоянно или часто, другие редко, некоторые стали сотрудниками журнала в конце своего творческого пути, многие здесь начинали, но так или иначе очевидно, что художественный отдел «Нового мира» показывал широкую картину роста советской литературы и таким образом выполнял поставленную перед ним задачу.

Полонский, говоря о том, что «Новый мир» печатал разных писателей, вынужден был как бы извиняться перед налитпостовцами — дескать, я понимаю, что это зло, беда, но все же это не «эклектизм», а «синкретизм», да и поделать я ничего не могу, таковы обстоятельства: лите-

---

[21] «Новый мир», 1964, № 5, стр. 212, 217.

ратура еще не достигла необходимой степени дифференциации и толстому журналу пока еще невозможно существовать, опираясь на какую-либо одну группу. Однако уже в те годы ощущалась необходимость ликвидации групповых границ в литературе и журналистике. Принятое в 20-е годы разделение писателей на «пролетарских», «крестьянских» и «попутчиков» явно теряло свой смысл. Различия между ними стирались, и сами эти понятия утратили свое содержание и устарели. «...Я считаю себя пролетарским поэтом, а пролетарских поэтов ВАПП — себе попутчиками» [22],— говорил не раз Маяковский.

Из произведений, напечатанных в «Новом мире» в первые шесть-семь лет его существования, назовем лишь малую часть: «Жизнь Клима Самгина» (вторая часть) Горького, «Восемнадцатый год» и «Петр I» (первая часть) А. Толстого, «Кащеева цепь», рассказы («Ленин на охоте», «Нерль» и другие) Пришвина, воспоминания Вересаева, «Унтиловск» и «Соть» Леонова, «Севастополь» Малышкина, «Россия, кровью умытая» Артема Веселого, «Ухабы» и начало «Цусимы» Новикова-Прибоя, «Дневник Кости Рябцева» Огнева, «Пьяное солнце», «Старая секретная» Гладкова, отрывок из романа «Борьба» Серафимовича, «Золотая цепь» А. Грина, пьеса «Закат» и рассказы Бабеля, отрывки из «Преображения» Сергеева-Ценского, «Место под солнцем» Инбер, «Каин-кабак» Сейфуллиной, повесть «Пастух» Федина, «Гидроцентраль» Шагинян, «Двор» Караваевой, «Отступник» Лидина, «Бурса» и «За живой и мертвой водой» Воронского, рассказы и очерки Соколова-Микитова, «Сергею Есенину», «Разговор с фининспектором о поэзии» Маяковского, «Черный человек» Есенина, главы из поэм «Девятьсот пятый год», «Лейтенант Шмидт», «Спекторский» Пастернака, главы из «Улялаевщины» и «Пушторга» Сельвинского.

Если к этим произведениям прибавить «Поднятую целину» Шолохова, которая хотя и была напечатана в журнале в 1932 г., но была обещана автором, по свидетельству Н. Смирнова, еще Полонскому, то станет очевидным, что в «Новом мире» при Скворцове-Степанове, Полонском и Луначарском было опубликовано довольно много из того лучшего, что было создано тогда советскими писателями.

При всей важности художественного отдела редакция «Нового мира» с самого начала его существования обращала очень большое внимание и на все другие разделы журнала. Уже в 1926—1927 гг. была найдена та структура журнала, которая сохранялась в нем долгие годы. За художественным разделом, как правило, следовали разделы «Люди и факты», где сосредоточивались статьи и очерки на внутренние темы, разделы «За рубежом», «Наука и жизнь», «Из прошлого», «Литература и искусство», «Книжное обозрение».

В первом номере журнала были помещены неопубликованные рукописи В. И. Ленина о диктатуре пролетариата. Часто печатались в «Новом мире» публицистические статьи М. И. Калинина. Первая из таких статей Калинина «Что делает советская власть для осуществления демократии» (1926, № 10) сопровождалась примечаниями редакции: «Предлагаемая статья написана тов. М. И. Калининым для иностранной печати. По просьбе редакции он предоставил ее «Новому миру».

С воспоминаниями на страницах «Нового мира» выступали Антонов-Овсеенко, В. Бонч-Бруевич, Ф. Кон, Майский и другие. Очерки для журнала писали Соколов-Микитов, Шишков, В. Каменский, Буданцев, Пильняк. В отделе «Наука и жизнь» регулярно публиковались статьи ученых по важнейшим современным проблемам физики, химии, биологии, медицины, общественных наук.

---

[22] Владимир Маяковский. Полн. собр. соч. в тринадцати томах, т. 12. М., стр. 368.

Интересным и квалифицированным был в журнале отдел литературной критики. Кроме Полонского и Луначарского, в нем печатались А. Лежнев, Г. Якубовский, В. Полянский, П. Коган, В. Фриче, А. Воронский, Л. Гроссман, К. Чуковский, Л. Войтоловский и другие критики и литературоведы старшего поколения.

Нередко выступали со статьями по вопросам литературы писатели: В. Вересаев («Заметки о Пушкине»), В. Маяковский («В мастерской стиха»), К. Федин («Об искусстве и критике»), Н. Асеев («Работа Маяковского»), Л. Леонов, П. Павленко, Л. Сейфуллина (речи на дискуссии во Всероссийском союзе советских писателей (ВССП) о положении в литературе) и другие. Большой заслугой «Нового мира» являлось привлечение к активному сотрудничеству в журнале молодых критиков: Н. Замошкина, Н. Смирнова, Д. Горбова, В. Гоффеншефера, В. Красильникова, Фрида, Арк. Глаголева, Пакентрейгера, И. Сергиевского, Н. Богословского, Л. Тимофеева.

Активность редактора журнала В. Полонского в качестве критика была поразительной. В течение шести лет на страницах журнала регулярно, через один-два номера, появлялись статьи Полонского на литературные темы: теоретические, полемические, обзорные, монографические, а также выступления на дискуссиях, «заметки журналиста», «листки из блокнота» и т. п.

Полонский-критик обладал той широтой взгляда, какой не доставало многим другим критикам 20-х годов. Одни из них связывали перспективы развития советской литературы исключительно с творчеством пролетарских писателей, другие — с творчеством «попутчиков», одни не верили в силы и возможности пролетарских писателей, другие враждебно относились к «попутчикам». Литературная позиция Полонского отличалась и от той и от другой точки зрения. Ему было чуждо и сектантское пренебрежение к творчеству «попутчиков» и скептическое отношение к пролетарской литературе. Именно поэтому он посвятил свои литературно-критические очерки столь различным писателям, как Фурманов и Бабель, Артем Веселый и Олеша, Фадеев и Пильняк и т. д. Это было применение к конкретным явлениям его общих литературно-критических принципов.

Большой интерес проявлял Полонский к вопросам творческого метода советской литературы. Он защищал реализм, но «реализм романтический». «Нам нужен полнокровный реализм, растущий на нашей земле, питающийся ее соками, но вместе с тем окрыленный тягой к далеким и большим целям. Пафос нашей современности в таком именно устремлении. Сама революция, низвергающая обыденность, романтична по природе. Где борьба — там и романтика»,— писал Полонский в статье о Бабеле. В качестве примера такого «окрыленного реализма» он приводил «Цемент» Ф. Гладкова. «Я не принадлежу к числу тех, кто не замечает некоторых композиционных и стилистических грехов этого большого произведения,— говорил он.— Но у «Цемента» есть великолепное достоинство, преодолевающее недостатки: романтика будничного строительства нашей эпохи».

Понятие «реализма романтического» (по существу своему близкое понятию реализма социалистического и эстетическим идеалам Горького и Луначарского) и лежит у Полонского в основе анализа конкретных литературных явлений. Именно исходя из этого понятия он характеризует и оценивает не только «Цемент», но и партизанские повести Вс. Иванова и «Конармию», и «Россию, кровью умытую», и другие произведения советской литературы своего времени. «Реализм романтический (определение дискуссионное) — динамичен,— писал Полонский в статье об Артеме Веселом.— Он рождается в борьбе, в отрицании, в протесте, и болото быта с вещами, вросшими в землю, ему ненавистно. В противо-

положность бытовому, натуралистическому реализму он ищет общих идей, которые бросали бы свет «завтра».

Многие статьи Полонского сохранили свое значение до наших дней. Анализ социально-философских тенденций творчества того или иного писателя органически сочетается в них с характеристикой его художественного своеобразия и мастерства. Полонский останавливается на вопросе о жанре «Чапаева» и «Мятежа», пишет о пристрастии Бабеля к контрастам и гиперболам, характеризует язык и композицию романов Артема Веселого, обращает внимание читателей на яркую образность Олеши, рассуждает по поводу психологизма — главной, по его мнению, особенности творчества Фадеева. Как правило, наблюдения и суждения Полонского интересны и убедительны.

А. Г. МАЛЫШКИН

Выступления Полонского против «Лефа» и критиков журнала «На литературном посту» были одобрены Горьким. «Разрешите сказать, что Ваша полемика с «Лефом» и «напостовцами» — большая Ваша заслуга»[23], — писал Горький Полонскому в 1928 г. Напечатанная в «Новом мире» (1927, № 9) статья Полонского «Художник и классы. (О теории «социального заказа»)» была высоко оценена Скворцовым-Степановым. «Горячо приветствую принципиальную постановку большого вопроса! — писал он в отзыве о статье. — «Социальный заказ»: творчество — нечто внешнее для художника, как производство болванок — для литейщика. Точка зрения автора: творчество *органически* должно быть слито с художником. В одном случае художнику приказывают *подделываться.* Во втором случае говорят: большим художником ты сделаешься, если будешь петь. как птица — *по внутренней* потребности.

Правильно! Жму вашу руку»[24].

Некоторое время Полонский во многом разделял литературные взгляды А. Воронского. Он высоко ценил Воронского как критика и редактора, называя его Иваном Калитой русской советской литературы, и поддерживал в борьбе с напостовцами. В то же время он не раз упрекал Воронского за некоторую отчужденность от растущей пролетарской литературы, за невнимание к пролетарскому писательскому молодняку. В своем понимании литературного движения первого пореволюционного десятилетия и вопросов советской литературы Полонский ближе всего был к А. В. Луначарскому, что отмечали уже некоторые современники. «С удовольствием прочел я и Ваши книги («Очерки литературного движения революционной эпохи» и «Очерки современной литературы».—

---

[23] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 102.
[24] «Новый мир», 1964, № 5, стр. 216.

Н. Д. и *А. Д.*)...— писал Полонскому сам Луначарский.— Рад констатировать во многом и многом большое совпадение взглядов».

О литературно-критических выступлениях Полонского хорошо отзывались многие писатели. «Не сочтите за лесть, я высоко ценю ваше литературное дарование и читаю ваши статьи с удовольствием»,— писал Полонскому К. Федин. («Творчество Константина Федина». М., «Наука», 1966, стр. 397). «Вы один из немногих истинных наших критиков»,— говорится в одном из писем И. Балеля Полонскому (И. Бабель. Избранное. М., изд-во «Художественная литература». 1966, стр. 486).

Современный читатель без труда увидит и недостатки и ошибки Полонского-критика, заметит его спорные и просто неверные суждения и оценки. Он объявил Клюева советским крестьянским поэтом и выступал с недопустимо грубыми нападками на Маяковского, одобрял «Луну с правой стороны» С. Малашкина и опасался романа А. Толстого «Восемнадцатый год».

Полемические выступления Полонского нередко были по своему содержанию слишком мелкими. Журнал должен и обязан вести полемику, не превращая ее в перебранку. Между тем именно такой характер имели многие «Листки из блокнота» Полонского.

В «Тезисах о задачах марксистской критики» Луначарский писал о такого рода полемических выступлениях, «когда аргументов не очень-то много, а разных язвительных стишков, сравнений, насмешливых восклицаний, лукавых вопросов видимо-невидимо, то впечатление получается, пожалуй, веселое, но и в высшей степени несерьезное» [25].

Однако не будем чрезмерно строги к критику, который внес немалый вклад в советскую литературу и журналистику и которому многим обязан «Новый мир». Тем более, что он и сам сознавал свои недостатки, как понимал и недочеты журнала в целом и такие его промахи, как публикация некоторых натуралистических повестей и рассказов Пильняка, Пант. Романова, Никандрова и других.

Можно было сделать больше и лучше, талантливей, последовательней, выдержанней...— писал Полонский в уже цитировавшихся «Заметках журналиста».— Но что же делать — мы работали в меру наших сил и в меру наших средств» [26].

Так или иначе, при всех своих недостатках «Новый мир» завоевал себе признание у советских читателей. В 1927 г. тираж журнала был самым большим по сравнению с другими толстыми журналами — двадцать восемь тысяч.

Разумеется, «Новый мир» не испытывал недостатка и в противниках. Были критики, которые не пропускали буквально ни одной книжки журнала, чтобы не отыскать в них что-либо зловредное и злокозненное. Но такое отношение к «Новому миру» было несправедливым и незаслуженным. Н. Оружейников, например, так писал по поводу заявления Полонского, что напечатанные в «Новом мире» произведения принадлежат к литературе, «содействующей социалистическому строительству»: «Позволительно задать ряд вопросов. В какой мере содействуют этому строительству бесконечные «Хождения по мукам» А. Толстого?...

Навряд ли этой же цели служат великолепно отточенные, но явно уводящие от широких общественных троп охотничьи вещи Пришвина. Может быть, в этом смысле действенна лирическая хроника В. Инбер, рисующая треволнения хрупкой интеллигентки, закружившейся в вихре грандиозных социальных событий?».

И даже о романах «Соть» Л. Леонова и «Гидроцентраль» М. Шагинян Н. Оружейников писал, что «ни в том, ни в другом романе мы не на-

---

[25] «Новый мир», 1928, № 6, стр. 196.
[26] «Новый мир», 1930, № 1, стр. 232.

ходим развернутого показа пролетарской среды», что и у Леонова, и у Шагинян ощущается «тяготение к превращению любовной интриги в центральную пружину сюжета» («Вечерняя Москва» 5 января 1929 г., 22 марта и 7 апреля 1930 г.).

К сожалению, не столь далеко от рецензии Н. Оружейникова ушли по уровню и тону и многие другие критические выступления тех лет по поводу «Нового мира». Иногда журналу приходилось отбивать нападения и иного рода.

Второго ноября 1927 г. редакторы «Красной нови» Вл. Васильевский, Ф. Раскольников, В. Фриче направили в Секретариат ЦК ВКП(б) письмо, в котором жаловались на конкуренцию со стороны «Нового мира», на то, что «Новый мир» существует за счет «Известий», что он переманивает, закабаляет писателей и т. п. Письмо предлагало ввести «типизацию» журналов и распределить писателей по журналам. В Архиве А. М. Горького сохранилось и это письмо, и направленный в Секретариат ЦК ВКП(б) ответ на него Скворцова-Степанова:

«Для меня совершенно непонятно, что они имеют в виду, когда говорят о «типизации» журналов. Непонятно также, почему они издают вопли отчаяния. Неужели они думают, что возможно было бы прикрепление определенных литераторов к одному журналу, других к другому и т. д.,— т. е. ввести своего рода крепостное право для литераторов...

Ввиду прибыльности «Нового мира» «Известия» здесь абсолютно ни при чем...

Совершенно нелепо, прямо по-идиотски звучит указание на то, будто бы в отдельных случаях редакция «Нового мира», пользуясь затрудненным материальным положением писателя, закабаляет его... Позорно писать такие вещи, которые изображают меня каким-то кулаком-издателем, наподобие, скажем, блаженной памяти Краевского...

Я могу назвать несколько случаев, когда повести и рассказы, отвергнутые «Новым миром» по идеологическим и художественным соображениям, печатались в «Молодой гвардии» и в «Красной нови». Так было с повестями и рассказами С. Малашкина («Луна с правой стороны»), Пантелеймона Романова («Право на жизнь»), Глеба Алексеева и Сергеева-Ценского. Вот действительно самая нездоровая конкуренция»[27].

4

В 1932 г. в истории «Нового мира» начинается новый период. Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г., ликвидировавшее ассоциацию пролетарских писателей и положившее начало Союзу советских писателей, покончило с групповой замкнутостью различных писательских организаций, с администрированием РАПП и критической «дубинкой» налитпостовцев.

Теперь Полонскому уже не пришлось бы из последних сил отбиваться от нападений рапповцев и виниться в том, что приходится печатать наряду с Гладковым Толстого и рядом с Караваевой Бабеля. К сожалению, Полонский за несколько месяцев до постановления ЦК «О перестройке литературно-художественных организаций был отстранен от работы в «Новом мире», а в феврале 1932 г. неожиданно умер, заразившись во время поездки на Магнитострой сыпным тифом. Перед этим — летом 1931 г.— ушел из «Нового мира» Луначарский, а еще раньше, в 1928 г., умер Скворцов-Степанов.

---

[27] Архив А. М. Горького.

В 1932 г. редактором «Нового мира» стал крупный партийный работник, редактор «Известий» И. М. Гронский. Была сформирована и новая редколлегия журнала, в которую вошли столь разные писатели, как Безыменский, Гладков, Леонов, Малышкин, Ставский и заведовавший тогда отделом литературы и искусства «Известий» В. Григоренко. Работать новому редактору и редколлегии пришлось в очень сложных условиях. Об этом свидетельствует первое же выступление Гронского на страницах «Нового мира» — речь и заключительное слово на Втором пленуме Оргкомитета. По характеру своему это выступление имело программный характер.

«Улюлюканьем и оглушением руководить писателем нельзя,— заявил Гронский, — художественная литература — дело исключительно тонкое и исключительно сложное, и тут требуются соответствующие методы руководства».

«Что мы требуем от писателя? — говорил Гронский далее.— Пиши правду о нашем развитии. Обычно спрашивают: какую правду? Самую обычную правду. Вот Шолохов, он правду написал. Так и вы пишите всю правду. Только это, и больше ничего другого от писателя мы не требуем... Если мы будем говорить неправду, кому мы будем говорить эту неправду? Самим себе. Ну, знаете, если мы сами будем себя обманывать, то это ни к чему хорошему не приведет... Мы сказали писателям: пишите правду. Это — перевод на простой язык лозунга — «социалистический реализм».

Заслуживает внимания и еще одно положение речи Гронского: «Мы будем судить о работе писателя только по его произведениям и не по чему-либо другому... Мы не требуем от вас, чтобы вы писали агитки, которые сегодня написаны, а завтра еще в процессе печатания теряют свое значение... Мы требуем от вас большого искусства».

Как видим, в выступлении нового ответственного редактора «Нового мира» зазвучали мотивы, которые усилились в критике и литературе в связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. Раньше они не были выражены в «Новом мире», с такой определенностью и резкостью, как не получили тогда должного развития и вопросы об объективном содержании произведений литературы, о ценности воплощенной в них правды жизни, о значении для нашей эстетики ленинской теории отражения.

Но, перечитывая речи Гронского, нельзя не обратить внимания и на прямо противоположные тенденции.

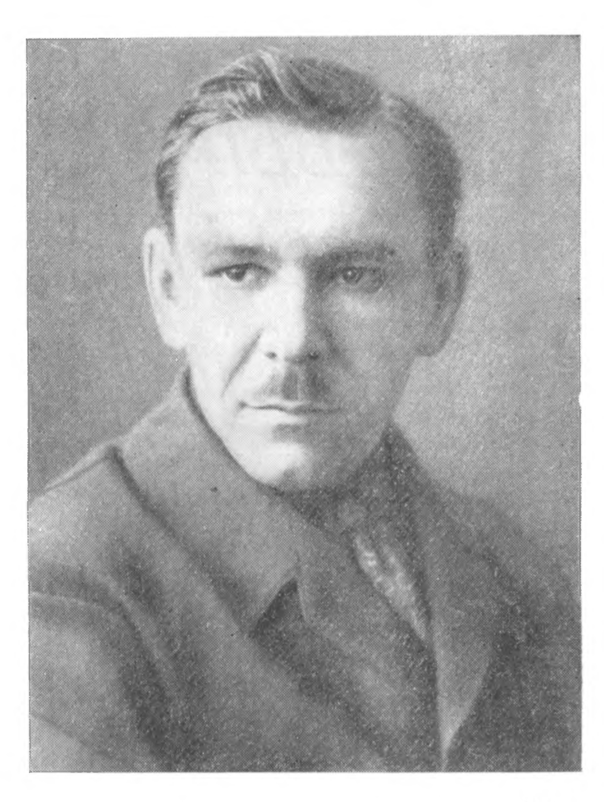
Так, напечатанная в «Литературной газете» статья Шкловского «Юго-Запад» квалифицирована Гронским как выступление «классового врага в литературе», а неодобрительные высказывания о «Скутаревском» Леонова истолкованы как попытка, прикрываясь «левыми» фразами, «перетянуть писателя в правый лагерь».

Гронский, несомненно, любил и ценил литературу и искусство и доброжелательно относился к советским писателям. Как председатель Оргкомитета Союза советских писателей и редактор «Нового мира» он немало сделал для того, чтобы провести в жизнь постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» и обеспечить нормальное развитие литературы. Но в его деятельности и выступлениях нашли отражение объективные противоречия времени.

Необходимо сказать о той помощи, которую в течение многих лет оказывал «Новому миру» М. И. Калинин, о его роли в развитии журнала.

«М. И. Калинин постоянно проявлял большой интерес и внимание к «Новому миру» и «Красной ниве» как к «своим» («известинским») изданиям, оказывая редакциям обоих журналов всяческую по-

мощь»[28-29],— вспоминает Н. Смирнов. Действительно, Калинин с сочувствием следил за «Новым миром», читал напечатанные в нем произведения, не раз встречался с его редколлегией, передавал для публикации в нем многие свои работы. Начиная с 1926 и по 1941 г. в «Новом мире» было напечатано более десяти статей Калинина и среди них такие известные, как «Десять лет СССР» (1927), «Об овладении марксизмом-ленинизмом работниками искусств» (1939), «О коммунистическом воспитании» (1940) и другие.

И. М. ГРОНСКИЙ 1931 г.

О внимании и поддержке, какую оказывал Калинин «Новому миру», вспоминают многие писатели. «Я помню,— писал Леонов,— как много помогал нам, писателям, редколлегии, Михаил Иванович, которого мы считали своим шефом. И когда мы четверо, вся редколлегия в полном составе — Ставский, Малышкин, Гладков и я — приходили к нему в Кремль, он живо интересовался журналом, внимательно расспрашивал о том новом, что скопилось в портфеле редакции. Он не только знал по имени писателей, но читал их произведения и давал им удивительно точные и меткие характеристики. Эти встречи по поводу журнала превращались обычно в живые дискуссии о литературе. В высказываниях Михаила Ивановича чувствовалась горячая любовь к русской литературе XIX века и живая заинтересованность в литературе современной...»[30].

Бывал Калинин и в «гостях» у «Нового мира». Известно, что в журнале время от времени проводились литературные вечера. Иногда на них присутствовал и Калинин.

Так, Н. Смирнов рассказывает о посещении Калининым одного из таких новомирских вечеров в 1931 г. Калинин принял тогда, по свидетельству Смирнова, участие в обсуждении стихов Багрицкого, Луговского, Павла Васильева (выступавших на вечере), подчеркнул в своем выступлении значение пушкинских традиций, помянул добрым словом Есенина, ответил на наивный вопрос, можно ли писать в годы индустриализации стихи о природе. Он оставил у присутствующих писателей «впечатление простоты и человечности»[31].

О присутствии и выступлении Калинина на юбилейном вечере «Нового мира» 26 декабря 1934 г. писалось в «Литературной газете» (28 декабря 1934 г.). К сожалению, стенограмма этого выступления не разыскана, так что мы можем судить о нем лишь по краткой газетной информации и по воспоминаниям Ф. Гладкова и Вл. Лидина («Литературная

[28-29] «Новый мир», 1964, № 7.
[30] «М. И. Калинин об искусстве и литературе». М., 1957, стр. 15—16.
[31] «Новый мир», 1964, № 7.

газета», 6 июня 1945 г.). «Сколько тонкого понимания, осторожности к писательской судьбе было в каждом, даже критическом слове Калинина...— писал Лидин.— Это был тот читатель, который на далекой заре, еще в 90-е годы, привык искать в литературе высокую художественную правду Льва Толстого и Чехова и который со всей страстью хотел, чтобы в годы нового устроения жизни народ имел бы достойную его дел литературу».

„НОВЫЙ МИР"

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

1924 ДЕКАБРЬ 1934

М. И. КАЛИНИН

Журналу «Новый мир»

Горячо приветствую в день десятилетия редакцию и весь его творческий коллектив.

Желаю дальнейших успехов в борьбе за социалистическую культуру.

МКалинин

ИЗ ЮБИЛЕЙНОГО НОМЕРА ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР».

Калинину нравились некоторые из произведений литературы, опубликованные в «Новом мире». В разных своих выступлениях он хорошо отзывался о романах Шолохова, «Энергии» Гладкова, «Людях из захолустья» Малышкина. О последнем романе он сказал: «Здесь удивительно конкретно, в соответствии с жизненной правдой, показан рост людей из маленьких городов захолустья на больших стройках. У нас этот рост идет повсюду и во всех сферах человеческой деятельности» [32].

Отзыв Калинина о «Людях из захолустья» занимает в истории «Нового мира» особое место. Дело не только в том, что этот роман был напечатан на его страницах, но и в том, что автор романа А. Г. Малышкин был в течение десяти лет — с середины 1929 г. до своей смерти в августе 1938 г.— весьма деятельным членом редколлегии журнала.

«А. Г. Малышкин с исключительной добросовестностью читал рукописи, с полнейшим беспристрастием оценивал их,— пишет Н. Смирнов.— Прочитав однажды рассказ одного из своих самых близких друзей, он решительно забраковал его: — Ничего нельзя поделать. Кроме дружбы, есть еще ответственность перед читателем, а сырую рукопись давать читателю нельзя, как нельзя продавать сырой хлеб» [33].

---

[32] «М. И. Калинин об искусстве и литературе», стр. 251.

[33] «Новый мир», 1964, № 7, стр. 197.

В архиве В. Полонского сохранился ряд «внутренних рецензий» Малышкина на произведения, предлагавшиеся «Новому миру». Они свидетельствуют о внимательном, требовательном и принципиальном подходе Малышкина к материалу, который должен был пойти в журнал. «...Герои повести,— пишет он об одной из повестей С. Спасского,— без внутреннего ядра, без твердой, жизненной, цельной установки.. По прочтении ее остается в памяти ряд запоминавшихся образов... отрывок пейзажа, а вот нет впечатления, что вышел из жилого дома, населенного живыми и теплыми людьми, с которыми даже успел породниться». О повести другого автора (фамилия в рецензии не указана) Малышкин писал: «Полезно, любопытно, культурно сделано, но все-таки остается какой-то поганый осадок... Абсолютно необходимо, печатая повесть, парализовать это ее свойство сопроводительной статьей» [33а].

Безвременная смерть Малышкина была для «Нового мира» большой, невосполнимой утратой. В некрологе, напечатанном в восьмом номере журнала за 1938 г., редакция говорила о Малышкине как о литераторе, в котором сочетались вдумчивый и требовательный к себе художник и человек большой душевной искренности, которого отличали «горячее ощущение товарищества, скромность, радость за любой успех настоящего писателя» [34].

5

В отделе прозы и поэзии «Нового мира» и в 30-е годы (1932—1940) печаталось многое из того лучшего, что было создано тогда советскими писателями: «Поднятая целина» и четвертая книга «Тихого Дона», вторая книга «Петра I» и «Хмурое утро», «Люди из захолустья» и «Цусима», «Скутаревский» и «Дорога на океан», «Похождение факира» и «Испанский дневник», «Оптимистическая трагедия», стихи Багрицкого, Луговского, Пастернака, Асеева, Сельвинского, Исаковского, Прокофьева и др.

К уже встречавшимся на страницах журнала именам русских советских писателей прибавились новые: Вишневский, Бруно Ясенский, М. Кольцов, Сурков, Щипачев, П. Васильев, Диковский, Симонов, Лапин, Алигер, С. Голубов, Долматовский, Недогонов и другие.

Редакция «Нового мира» проводила большую работу с авторами журнала. Так, часто печатали в «Новом мире» талантливого поэта П. Васильева, но и серьезно критиковали его. В 1933 г. в журнале был устроен вечер Васильева, и присутствовавшие на нем писатели и критики высказали немало горьких, но справедливых слов в его адрес. Так же требовательно относились в «Новом мире» к Пильняку — постоянному автору журнала.

В 30-е годы остро встала проблема, как тогда говорили, «качества литературной продукции». Разгорелась дискуссия о языке литературы. «Прошу понять.— подчеркивал Горький во время этой дискуссии,— что здесь *идет речь не об одном Панферове, а о явном стремлении к снижению качества литературы,* ибо оправдание словесного штукарства есть оправдание брака» [35]. Строгий и требовательный критик, Горький в своих статьях часто порицал авторов и редакторов за их безграмотность и небрежность. Так, в статье «Литературные забавы» Горький критиковал Пильняка за его попытки писать языком А. Белого, «уже вполне достаточно истерично искаженным», и приводил примеры «словесного хули-

---

[33а] ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 3, ед. хр. 283, лл. 6, 16.

[34] «Новый мир», 1938, № 8.

[35] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 27. М., 1953, стр. 150.

ганства» Пильняка, в частности, из напечатанного в «Новом мире» рассказа «Большой шлем».

Было бы, конечно, неправильно представить, что в художественном отделе журнала помещались только выдающиеся произведения. Печатались вещи и среднего уровня, и просто заурядные и слабые. Справедливой критике были подвергнуты напечатанные в «Новом мире» романы С. Беляева и Б. Пильняка «Мясо», «Жар-птица» И. Евдокимова, пьеса Г. Санникова «Правила равенства» и некоторые другие произведения. Но все же подобные произведения не нарушали «общего тона» издания и свойственной ему требовательности. М. Шагинян отмечала в те годы не видимую читателем «тыловую сторону» работы журнала: «редкостное внимание к автору и уменье пойти ему навстречу в самом важном для него вопросе: в его *борьбе за качество печатаемой вещи*» [36].

Требовательность редакции «Нового мира» шла от общей главной цели журнала: печатать произведения, воплощающие правду жизни, правду революции.

В прозе журнала развивается наметившееся еще в 20-е годы тяготение к созданию эпических полотен, воссоздающих жизнь в наибольшей полноте, драматизме, многообразии. Это относится прежде всего к произведениям о далеком или близком прошлом, как «Петр I», «Хождение по мукам» или «Тихий Дон». Но не только о прошлом.

Эпическое начало входило и в произведения о современности. Оно характерно и для многих романов, созданных, как «Поднятая целина» или «Люди из захолустья», «по горячим следам» событий. И если в 20-е годы современность отражалась в журнале чаще всего в бытовом аспекте, то в 30-е годы писатели раскрывали ее облик в широком социально-историческом плане. В «Новом мире» были напечатаны художественные произведения, которые знаменовали поворот советской литературы к проблемам и темам социалистического строительства, обращение писателей к образу нового героя — строителя социализма. Еще в 1930 г. были опубликованы в журнале «Соть» Леонова и «Гидроцентраль» Шагинян.

И в дальнейшем «материал текущей действительности» представал перед читателем «Нового мира» преимущественно в форме романа и повести. Именно тогда в журнале были напечатаны «Скутаревский», «Дорога на океан» Л. Леонова, «Энергия» Ф. Гладкова, «Человек меняет кожу» Бруно Ясенского.

Не повезло в журнале рассказу. Этот жанр явно не прижился в «Новом мире». Опубликованные же рассказы чаще всего были мало интересны. Критика по этому поводу отзывалась довольно сердито. Рецензируя «Новый мир» за 1934 г., И. Сац писал: «В журнале за полгода напечатано 12 рассказов, но если редакция хотела добиться процветания этого литературного жанра, она должна была искать настоящие рассказы и, во всяком случае, не отводить пять шестых этого раздела для чревовещания Б. Пильняка» [37].

Очевидно, редакция «Нового мира» в спорах, которые велись в критике 30-х годов по поводу рассказа и очерка, была в числе сторонников последнего. Еще в 20-х годах в журнале появилась рубрика «Люди и факты». Горький ценил политическое и культурное значение очерков о новой действительности, которые печатались в «Новом мире» и «Красной нови». «...Если их (очерки.— *Ред.*) собрать в сборник и издать— мы получим весьма ценную библиотеку по вопросу о «познании» С[оюза] Советов» [38],— писал он Крючкову в январе 1929 г. С 20-х годов с журналом был связан круг талантливых писателей, выступавших в нем

---

[36] «Новый мир», 1934, № 12.
[37] «Литературный критик», 1934, № 10, стр. 205.
[38] «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1, стр. 146.

с очерками и документально-очерковыми повестями. Журнал обращался и к ученым, участникам тех или иных экспедиций: В. Ю. Визе рассказывал о походе «Литке», С. В. Обручев — о полете на остров Врангеля, К. Бадигин — о походе «Седова»[39].

Были сделаны попытки собрать очерковый материал и о прошлом. Ряд очерков о гражданской войне напечатал в «Новом мире» Ф. Раскольников, Э. Рахья вспоминал о встречах с Лениным, И. Кутяков — о Василии Ивановиче Чапаеве. Со своеобразными мемуарами «Записки современника» выступил в журнале И. Лежнев.

Журнал служил «познанию новой действительности» (это была, по мысли Горького, одна из важнейших задач советской журналистики) и публикацией материалов о достижениях науки и техники. Систематические «научные обозрения», которые вел на протяжении всего десятилетия В. Е. Львов, дополнялись выступлениями крупнейших советских ученых. Читатель мог найти в журнале статьи Н. И. Вавилова, Н. К. Кольцова, П. М. Жуковского, А. А. Багдасарова, Ю. П. Фролова, Н. М. Федоровского и других[40].

До сих пор мы говорили о «Новом мире» как о журнале русской советской литературы, но в 30-е годы «Новый мир» стал довольно широко освещать развитие и литературы народов СССР. Правда, это не было особенностью только «Нового мира», а являлось характерной чертой всей журналистики 30-х годов.

В «Новом мире» печатались Купала, Муканов, Исаакян, Тычина, Бажан, Зарьян, Ерикеев, Джамбул, Леонидзе, Рыльский, Чиковани, Малышко, Танк и другие. В журнале появились: пьеса Корнейчука «Богдан Хмельницкий», рассказы В. Василевской, роман белорусского писателя Самуйленка «Будущность», «Витязь в тигровой шкуре».

Следует отметить, что в 30-е годы в «Новом мире» стали гораздо чаще печататься и произведения зарубежных писателей. Так, в журнале были опубликованы роман венгерского писателя Б. Иллеша «Тисса горит», пьесы Бернарда Шоу, Ирвина Шоу, статья Р. Роллана, стихи И. Бехера, Э. Вайнерта, Р. Альберти, Эми Сяо, Петефи.

6

Как уже говорилось, работа «Нового мира» в 30-е годы проходила в сложных условиях. Портреты и речи Сталина, «сказы» и «народные песни» о нем, приветствия ему — этим открывался почти каждый номер журнала. Тяжелое чувство оставляет напечатанный в сентябре 1936 г. в журнале отчет П. Саратовского о вечере в «Новом мире», на котором сотрудники редакции каялись в «политической слепоте» (речь шла о публикации в журнале произведений Г. Серебряковой, А. Селивановского, Б. Пильняка). А через некоторое время журнал лишился И. Гронского и ряда других сотрудников.

В 1932 г. при переходе журнала от Полонского к Гронскому со страниц «Нового мира» исчезла критика. Достаточно сказать, что за весь год в журнале было помещено всего шесть рецензий. Все они были на-

[39] См. также: М. Губельман. Апрельские дни 1920 г. на Дальнем Востоке (1936, № 4); В. Коккинаки. Курс на Восток (1939, № 2); В. Молоков. Через всю Арктику (1939, № 4); В. Визе. Последний путь Г. Я. Седова (1939, № 3).

[40] См. А. Багдасаров. Переливание крови (1935, № 2); Н. Федоровский. Наши минеральные богатства (1935, № 6); Ю. П. Фролов. Значение новых работ академика И. П. Павлова по сравнительной физиологии мозга (1935, № 1); Н. К. Кольцов. Произвольная регуляция пола у животных (1936, № 1); Е. Тарле. Жан Поль Марат — друг народа (1939, № 7) и др.

печатаны в первом номере, а затем в течение года журнал выходил совсем без книжного обозрения. Критических статей в «Новом мире» тоже не стало. Небольшие статейки о «Пустыне» Павленко и «Цусиме» Новикова-Прибоя, юбилейная (к тридцатилетию литературной деятельности) статья о Сергееве-Ценском, несколько статей в связи с сорокалетием литературной деятельности Горького — вот и все, что было напечатано тогда в отделе критики. Журнал не откликнулся даже на постановление ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Создается впечатление, что после ликвидации РАПП (до этого «разгромившей» всех своих противников) критика находилась некоторое время в состоянии растерянности. Для «Нового мира» не прошло даром, конечно, и отсутствие Луначарского и Полонского.

Отделом критики «Нового мира» руководил до 1937 г. П. Рожков, он же был и автором ряда критических статей преимущественно теоретического характера, печатавшихся в журнале. Несмотря на воинственный пыл П. Рожкова, стремившегося ниспровергнуть всех современных ему критиков и уличить их в «рапповщине», его собственные схоластические рассуждения были близки рапповским. «Социалистический реализм,— писал, например, П. Рожков в 1933 г.,— есть конкретное выражение диалектического материализма в искусстве, подобно тому, как исторический материализм есть конкретное выражение диалектического материализма в истории» [41]. А вот пример «конкретной критики» из статьи о «Цусиме». «Наиболее важный вывод из «Цусимы» для пролетариата СССР — это вывод о необходимости овладения техникой и наукой» [42].

Слабо была поставлена критика современной литературы в «Новом мире» и в дальнейшем. «В 1936 г. «Новый мир» не поместил ни одной статьи о современной литературе» [43],— констатировал А. Селивановский. «Критика в «Новом мире» перешла в отдел библиографии,— писала Г. Колесникова в 1939 г.— Там даются иногда не только рецензии, но и небольшие статьи. И все же в трех книгах этого сравнительно щедрого на критику журнала напечатано лишь пять рецензий о современной советской литературе» [44].

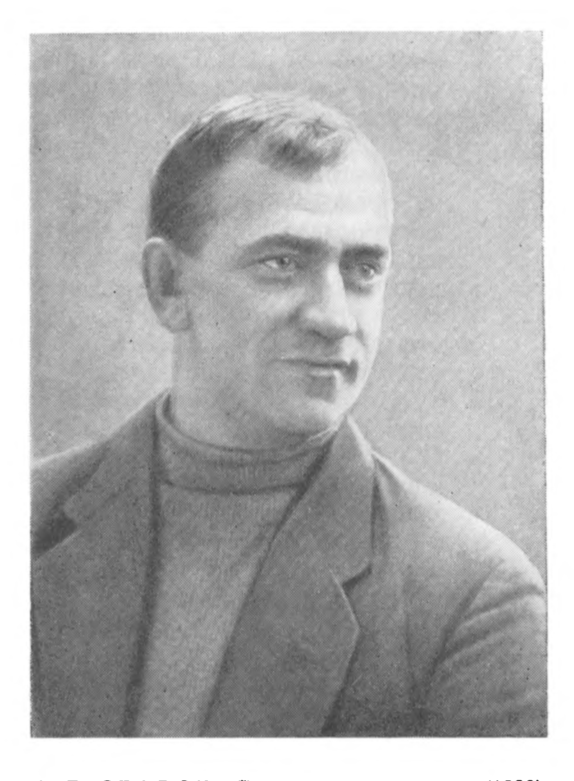
Правда, в журнале неоднократно выступали искусствоведы, в статьях которых проблемы, связанные с развитием искусства социалистического реализма, обсуждались на материале живописи. В 1935 г. в «Новом мире» появились статьи, критикующие платформу журнала «Искусство» [45]. В том же 1936 г., когда критика недоуменно отметила отсутствие в журнале статей о современной литературе, «Новый мир» поместил обширную статью А. Михайлова «О советской живописи», его же статьи о творчестве А. Герасимова, Е. Меликадзе и П. Сысоева о Репине, К. Ситника о Рембрандте. Одновременно журнал печатал и рецензии на спектакли (о «Далеком» Афиногенова в театре Вахтангова), и очерки о театрах, и статьи о кинематографии и т. п. Несомненно, такая широта освещения вопросов искусства могла быть только похвальной, если бы проблемы искусства не трактовались в этих статьях или эмпирически, или с эстетических позиций, страдающих изрядной примесью вульгарного социологизма.

«Новый мир» активно защищал реализм. Собственно все выступления журнала, особенно в 1936 г., когда в «Правде» появились статьи

---

[41] «Новый мир», 1933, № 9, стр. 215.
[42] «Новый мир», 1932, № 12, стр. 181.
[43] «Литературное обозрение», 1937, № 11, стр. 51.
[44] «Литературное обозрение», 1939, № 17, стр. 55.
[45] А. Лебедев, Е. Меликадзе, А. Михайлов. Журнал «Искусство» и задачи художественной критики (№ 3); они же. Еще раз о журнале «Искусство» (№ 7); они же. Гоголевская Хивря в роли теоретика «Искусства» (№ 11).

против формализма, прошли под знаком борьбы журнала за реализм. Отсюда — интерес к творчеству Рубенса, Рембрандта, Репина, передвижников. Противопоставление реализма и формализма было, можно сказать, главной темой большинства названных выше статей, но, к сожалению, в самой постановке проблем реализма авторы проводили весьма зыбкую грань между реализмом и натурализмом. Этим особенно грешила статья А. Михайлова «О советской живописи», в которой автор рассматривал натурализм как «форму перехода от антиреалистических методов творчества к правдивому показу жизни и быта нашей страны» [46]. Более того, А. Михайлов всячески защищал натурализм. «Натурализм в своих исходных позициях не противостоит реализму, а (в этих исходных моментах) сам является реализмом, но только наивным, неразвитым, упрощенным» [47],— писал он.

В. П. СТАВСКИЙ (1930)

С этой снисходительностью к натуралистическому фотографированию и снижением художественных критериев, вероятно, связана публикация в журнале ряда произведений, явно страдавших натуралистическими тенденциями. Во всяком случае, критика тех лет писала о натурализме романа С. Беляева и Б. Пильняка «Мясо», повести И. Евдокимова «Жар-птица», а «Литературный критик» в статье, многозначительно озаглавленной «Мозг и мясо «Нового мира»» [48], усматривал самую непосредственную связь между «теорией и практикой журнала».

Некоторое оживление критики в журнале было связано с повышением интереса читателей к литературам народов СССР, к истории русской и мировой литературы. В связи с этим в журнале начали появляться статьи о литературах и писателях братских народов СССР, более частыми стали выступления писателей: Гладкова («Из дневника писателя»), А. Толстого (об учебнике истории литературы СССР, о молодых писателях), Шагинян (об азербайджанской литературе, о Шевченко). Но преобладали в отделе критики статьи о классической литературе (русской и народов СССР), выступления, приуроченные к различным юбилеям и памятным датам, и т. п. В общем критика журнала не могла порадовать читателей.

В 1937 г. вместо И. Гронского ответственным редактором «Нового мира» был назначен В. П. Ставский. В редколлегии остались Ф. Гладков, Л. Леонов, А. Малышкин, несколько позже вошел в нее М. Шолохов.

В эти предвоенные годы в «Новом мире» были опубликованы и «Люди из захолустья», и четвертая часть «Тихого Дона». Советская

---

[46] «Новый мир», 1936, № 5, стр. 262.
[47] Там же, стр. 261.
[48] «Литературный критик», 1936, № 6.

литература в своем главном направлении и тогда сохраняла верность принципам реализма и народности. Кем бы и какие бы ни давались Шолохову советы относительно конца романа «Тихий Дон», он следовал только правде жизни и правде характеров. Правдивость и гуманизм романа Малышкина, трагизм эпопеи Шолохова противостояли влияниям догматизма. В противовес культу личности советская литература утверждала роль народа и партии в революции и строительстве социализма, несла в массы идеи социалистического гуманизма.

И еще об одной книге следует лишний раз напомнить в этой связи — об «Испанском дневнике» М. Кольцова, третья часть которого печаталась в 1938 г. в «Новом мире». «Сила этой книги — сила правды» [49],— писали об «Испанском дневнике» А. Толстой и А. Фадеев. Эта книга рассказывала о героической борьбе испанского народа, о первой схватке с фашизмом, угрожавшим человечеству.

«Фронт растянулся очень далеко. Он выходит из окопов Мадрида, он проходит через всю Европу, через весь мир. Он пересекает страны, деревни и города, он проходит через шумные митинговые залы, он тихо извивается по полкам книжных магазинов. Главная особенность этого невиданного боевого фронта в борьбе человечества за мир и культуру — в том, что нигде вы не найдете теперь зоны, в которой мог бы укрыться кто-нибудь жаждущий тишины, спокойствия и нейтральности» [50],— так говорил М. Кольцов на конгрессе писателей в Мадриде.

Появление «Испанского дневника» в «Новом мире» было не только еще одним подтверждением творческих сил советской литературы. С «Испанским дневником» в журнал вошла большая тема борьбы с фашизмом.

7

Отечественная война обозначила особую главу в истории «Нового мира». Она предъявила литературе новые и безусловные требования. Но сразу же выяснилось, что в военной обстановке, когда необходима была оперативная «сиюминутная» реакция на события, «толстые» журналы не могли, как прежде, остаться главным звеном, соединяющим литературу с читателем.

Литература переместилась из толстых журналов в газеты.

И. Эренбург писал тогда в одной из своих статей, опубликованной в «Новом мире»: «Редакции газет во время войны все чаще стали обращаться к писателю. Казалось бы, нет недостатка в газетном материале. Одними телеграммами можно заполнить не четыре полосы, а сорок. Но вот газеты отводят место не только статьям, памфлетам, призывам писателей, не только их очеркам, но даже стихам, рассказам, повестям, драмам. Это значит, что писатель может сказать то, чего не могут сказать другие. Это значит, что писатель умеет говорить так, как не умеют говорить другие» [51].

Война поставила толстые журналы лицом к лицу с многими трудностями — они уже не могли опираться на устоявшийся, сложившийся круг авторов: одни писатели ушли в армию, другие оказались в эвакуации. Были и материальные затруднения — не хватало бумаги, электроэнергии. Новой редколлегии «Нового мира», которая с 1941 г. изменилась (в нее входили М. Розенталь, А. Сурков, В. Ставский, А. Толстой,

---

[49] «Правда», 4 ноября 1938 г.
[50] «Новый мир», 1938, № 8, стр. 37.
[51] «Новый мир», 1943, № 9, стр. 112.

К. Федин, М. Шолохов и в качестве ответственного секретаря В. Щербина), пришлось перестраивать работу журнала на военный лад.

«Нужно сознаться,— писал в «Новом мире» Н. Тихонов,— что в первые дни этой великой войны писатели не знали, с чего начать» [52]. «С чего начать» — этого не знали и редакции журналов. Следовать ли газетам, или сохранить особенности журнальной подачи материала, в частности ставшие постоянными отделы? Первые военные номера «Нового мира» отразили эту растерянность.

1941 год — один из самых трудных в работе журнала. Сдвоенный № 7-8 был, в сущности, единственным, вышедшим с июля по декабрь 1941 г., № 9-10 был подписан к печати 11 января, № 11-12 — в марте 1942 г. Очерково-публицистический материал о событиях на фронте, конечно же, старел, но ничего иного, кроме того, о чем читатель намного раньше узнавал из газет, журнал еще предложить не мог. Правда, в № 9-10 «Нового мира» появились интересные и необычные для журнала материалы — фотоочерки М. Грачева, С. Гурарий, Р. Кармена, Т. Бунимовича «Москва, ноябрь — декабрь, 1941», но остальные материалы — стихи (хотя среди поэтов «Нового мира» в 1941 г. были Н. Тихонов, К. Симонов), рассказы (В. Каверина, Вс. Иванова, Л. Соболева и других), очерки, статьи — еще носили неопределившийся характер.

Однако сразу стало ясно, что с окончанием трилогии А. Толстого «Хождение по мукам» (последние главы ее печатались в № 7-8 журнала — первом военном номере) на какое-то время прекратилась публикация в журнале больших романов — жанра, столь характерного до сих пор для прозы «Нового мира». Жизнь выдвинула на первый план другие, более оперативные жанры: рассказ, очерк, публицистическую статью и, конечно, стихи.

Вместе с тем уже первый год войны показал неосновательность опасений тех, кто повторял известную сентенцию: «Когда грохочут пушки, музы молчат». «Мы присутствуем при удивительном явлении,— говорил А. Толстой в своем докладе «Четверть века советской литературы».— Казалось бы, грохот войны должен заглушить голос поэта, должен огрублять, упрощать литературу, укладывать ее в узкую щель окопа. Но воюющий народ, находя в себе все больше и больше нравственных сил в кровавой и беспощадной борьбе, где только победа или смерть,— все настоятельнее требует от своей литературы больших слов. И советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа» [53]. В 1942 г. «Новый мир» идет по пути развития лучших традиций, сложившихся за долгие годы работы. Здесь были опубликованы такие произведения, как «Нашествие» Леонова, «Рассказы Ивана Сударева» А. Толстого, «Морская душа» Соболева, «Март — апрель» В. Кожевникова, «Батый» Яна, стихотворения Симонова из цикла «С тобой и без тебя», главы из поэмы Инбер «Пулковский меридиан», статья Эренбурга «Зрелость».

Народ на войне — основная тема произведений, печатавшихся в «Новом мире» и в последующие годы. Писатели стремились осмыслить подвиг советского человека, раскрыть истоки его героизма.

В решении военной темы журнал не всегда «дотягивал» до необходимого уровня, и некоторые печатавшиеся в «Новом мире» произведения подвергались заслуженной критике. Присущий литературе военных лет стиль высокой и строгой простоты нарушался порою ложной патетикой, мужественная сдержанность в проявлении чувств подменялась сентиментальным многословием.

---

[52] «Новый мир», 1944, № 1-2, стр. 181.
[53] «Новый мир», 1942, № 11-12, стр. 214.

«Испытание» А. Первенцева, «Жена» В. Катаева, «Огни» А. Караваевой, «Рука отяжелела» Ф. Панферова, «Мать» Ф. Гладкова, уральские сказы П. Бажова, очерки М. Шагинян об Урале — этот круг произведений, напечатанных в «Новом мире», знакомил читателя с нелегкой жизнью и трудом людей тыла. Надо сказать, однако, что в журнале не появилось такого произведения о мужестве героев тыла, которое по силе своего воздействия было бы равным повести В. Гроссмана «Народ бессмертен», публицистическим статьям А. Толстого или очеркам Симонова. «Тылу явно не повезло. Многие писатели долгое время жили в далеком тылу. И все же они ничего или почти ничего не написали о людях тыла, о тех, кто день и ночь работает, не жалея сил, ничего не написали о героях социалистического труда»[54],— констатировал Н. Тихонов в статье, печатавшейся в «Новом мире» в 1944 г.

Война вызвала у читателей живой интерес к литературе на исторические темы. Прошлое, соотнесенное с настоящим, переосмысливалось заново. Писатели обращались к тем страницам истории, которые рассказывали о войнах, о подвигах и победах русского народа. Появление романов «Батый» Яна, «Брусиловский прорыв» и «Пушки выдвигают» Сергеева-Ценского, новых глав «Петра I» было явлением закономерным.

«Советский Союз — это огромный мир. Различны истоки национальных культур русских и грузин, украинцев и таджиков. Былина и газелла очень далеки друг от друга; обе формы обогатили нашу поэзию. Вспомним юмор Украины, строгость Севера, цветистость узбеков, жар Армении. Все это — наше»[55],— писал Эренбург в «Новом мире». И как бы подтверждая справедливость этих слов, журнал продолжал широко печатать поэтов и прозаиков из братских республик Советского Союза. Особенно часто печатались здесь те из них, чья родина оказалась временно захваченной фашистами: белорусы П. Бровка, П. Глебка, П. Панченко, А. Кулешов, украинцы М. Рыльский, А. Корнейчук, латыш А. Упит.

Постепенно все сильнее начинает звучать в журале тема победы. И хотя по-прежнему войной определялось содержание журнала, в нем появились новые тенденции, новые настроения. «Германия близка к разгрому»[56],— писал И. Эренбург в журнале в начале 1944 г. И в том же 1944 г. в журнале была напечатана маленькая поэма Н. Рыленкова «Новая весна», в которой зазвучали мотивы обновления, возрождения страны:

Чтоб трижды жизнь сладка была,
Захватывала дух,—
Руби топор, пили пила,
Врезайся в землю плуг![57]

Все чаще печатались в журнале произведения о мирном труде, о счастье мирной жизни. И уже не могла показаться необычной, «не ко времени» сказка Маршака «Двенадцать месяцев», или совсем «мирный» роман Ив. Новикова «Пушкин на юге», или роман К. Федина «Первые радости», начало которого появилось в журнале накануне победы.

Война затронула все области литературного творчества, коснулась она и критики. Критика не могла не испытать на себе воздействия литературы с ее стремлением к правде, простоте, гражданственности, она становится более энергичной, публицистической. Нельзя не отметить, что наиболее характерные черты критики военных лет запечатлелись в

---

[54] «Новый мир», 1944, № 1-2, стр. 187.
[55] «Новый мир», 1944, № 1-2, стр. 213.
[56] Там же, стр. 214.
[57] «Новый мир», 1944, № 10, стр. 4.

статьях А. Толстого, Н. Тихонова, И. Эренбурга, К. Симонова, посвященных литературе Отечественной войны. Сочетание высокого гражданского пафоса с интересным критическим анализом характерно для всех выступлений писателя в «Новом мире», будь то доклад А. Толстого «Четверть века советской литературы» (1942, № 11—12) или статьи И. Эренбурга «Долг писателя» (1944, № 9), Н. Тихонова «Отечественная война и советская литература» (1944, № 1—2), С. Маршака «О детской литературе наших дней» (1944, № 3).

Советские писатели с честью прошли через горнило войны. Но при этом они понесли и большие потери. В 1943 г. погиб на фронте один из редакторов «Нового мира» В. П. Ставский. 23 февраля 1945 г. умер А. Толстой — писатель, на протяжении почти всей своей творческой деятельности связанный с «Новым миром», «верный долголетний друг» журнала. В последние годы жизни А. Толстой, как уже говорилось, был членом редколлегии журнала. «Тяжело переживаем мы уход из жизни Толстого. Редакционный коллектив «Нового мира» часто опирался на него в своей работе, как на опытного, взыскательного и авторитетного деятеля советской литературы, всегда находя в нем поддержку и помощь»,— писала редакция «Нового мира».

В. Р. ЩЕРБИНА

Совсем немного не дожил А. Толстой до полного торжества того правого дела, которому он отдал так много сил,— до дня победы, до окончания Великой Отечественной войны.

После войны журнал «Новый мир» постепенно выходит на новую дорогу. В первом послевоенном 1946 г. ничего особо значительного на его страницах напечатано не было. Можно отметить лишь повесть Мединского «Марья», очерк Б. Галина «В Донбассе», рассказ А. Платонова «Семья Ивановых». Значительным событием была публикация перевода бессмертного «Репортажа с петлей на шее» Ю. Фучика.

Но уже в следующем году новый редактор (К. Симонов) и редколлегия «Нового мира» (Б. Агапов, А. Борщаговский, В. Катаев, А. Кривицкий, К. Федин, М. Шолохов) значительно подняли уровень журнала. В нем были напечатаны: «Необыкновенное лето» К. Федина, «Знаменосцы» О. Гончара, «Буря» И. Эренбурга, «Подпольный обком действует» А. Федорова, «Дым отечества» К. Симонова, «Флаг над сельсоветом», А. Недогонова, стихи Луговского, Заболоцкого, Суркова, Смелякова, Алигер. Журнал снова набирал силу.

«Октябрь»

1

7 декабря 1922 г. на собрании писателей, происходившем в редакции журнала «Молодая гвардия»[1], была образована литературная группа «Октябрь». В нее вошли А. Дорогойченко, С. Малашкин, С. Родов, вышедшие из «Кузницы»; члены группы «Молодая гвардия» — А. Безыменский, А. Жаров, Арт. Веселый, Н. Кузнецов, Г. Шубин; члены группы «Рабочая весна» — И. Доронин, А. Исбах, А. Соколов и находившиеся вне групп Ю. Либединский, А. Тарасов-Родионов, Г. Лелевич.

Группа «Октябрь» начинает быстро расти. Вокруг нее объединяется значительное число писателей. На вечере, посвященном второй годовщине группы «Октябрь», Д. Фурманов говорил: «Два года — небольшой срок, а сделано очень много.

Небольшая группа протестантов, которая твердо заявила о необходимости равнения литературы на рабочие массы, выросла в мощную организацию, объединяющую почти всех пролетарских писателей»[2].

Выявлению лица группы мешало отсутствие собственного литературно-художественного журнала. Произведения писателей и критиков группы разбрасывались по разным изданиям и нередко проходили незамеченными.

Наконец, в июне 1924 г. выходит новый литературно-художественный журнал «Октябрь», орган Московской ассо-

[1] ЦГАЛИ, ф. 1698, оп. 1, ед. хр. 1 1070, лл. 4—5

[2] «Октябрь», 1924, № 4, стр. 212—214.

циации пролетарских писателей. В состав редакции вошли Л. Авербах, А. Безыменский, Г. Лелевич, Ю. Либединский, С. Родов (отв. редактор), А. Соколов, А. Тарасов-Родионов. В редакционном заявлении указывалось, что журнал появляется в том момент, когда к вопросам литературы привлечено внимание коммунистического общественного мнения. «Главной задачей «Октября»,— заявляла редакция,— мы считаем собирание творческого материала пролетарской литературы. До сих пор мы обслуживали целый ряд журналов, но не имели своего, что невольно распыляло наш материал, преуменьшало на вид творческую работу пролетарских писателей и давало некоторым из противников пролетарской литературы видимость основания утверждать, будто производительность пролетарских писателей слишком мала. Утверждали, будто мы занимаемся больше критикой, чем «производством вещей».

Другая задача,— говорилось далее,— которую должен выполнить «Октябрь», это теоретическое обоснование и критическое усвоение пролетарской литературы».

Третьей основной задачей журнал считал «освещение на страницах «Октября» всех вопросов рабочего быта» [3].

Появление нового журнала сразу же было отмечено. В рецензии по поводу первого номера журнала «Правда» писала: «Формулированная редакцией «Октября» задача — «собирание творческого материала пролетарской литературы» — вполне своевременна. С этой точки зрения положительное значение первого номера не подлежит сомнению». Отметив художественную слабость некоторых произведений первого номера, рецензия «Правды» указывала: «Главная сила участников сборника в том, что им принадлежит будущее» [4].

Иначе встретили журнал противники пролетарской литературы. Е. Замятин писал: «Прямое отношение этот журнал имеет главным образом к одному искусству: военному; это — только новый вид оружия в дополнение к изобретенным уже всяким газам и минам» [5].

Стремление подчинить «Октябрь» задачам развития пролетарской литературы сказалось не только на идейном направлении, но и на самом характере издания журнала. При редакции, назначенной правлением МАПП, был создан редакционный совет из представителей литературных объединений крупнейших заводов Москвы, Ленинграда, Ростова, Харькова, Сибири, Донбасса. По замыслу редакционный совет должен был собираться два раза в год и давать общее направление журналу на основе существующей платформы ВАПП, чьим органом вскоре стал «Октябрь». Однако было созвано лишь несколько заседаний членов совета, находящихся в Москве.

Вначале журнал имел объем 14—15 печатных листов и выходил один раз в два месяца. С 1925 г. он издается ежемесячно, объем несколько сокращается (обычно 10 печатных листов). Тираж в первый год издания составлял 7 тысяч экземпляров, что по тем временам было цифрой довольно значительной.

На первых порах встретились серьезные затруднения, связанные с распространением журнала. После выхода в свет второго номера, как вспоминал позднее Бела Иллеш, даже встал вопрос о прекращении издания. Но в защиту «Октября» горячо выступил Д. Фурманов [6]. И «Октябрь» выдержал это испытание.

Основным отделом журнала в 1924—1926 гг. был литературно-художественный. В отличие от остальных толстых журналов этого периода

---

[3] «Октябрь», 1924, № 1, стр. 4—5.
[4] «Правда», 13 июня 1924 г.
[5] «Русский современник», 1924, 2, стр. 264.
[6] ЦГАЛИ, ф. 619, оп. 1, ед. хр. 3663, л. 32.

«Октябрь» совершенно не имел специального общественно-политического отдела.

Основными темами журнальной прозы «Октября» первых трех лет его издания были темы гражданской войны, революции и социалистического строительства, причем преобладала последняя тема, разрешаемая преимущественно в жанре повести. Стремясь к отражению наиболее злободневных, общественно значительных тем, журнал смело привлекал на свои страницы новые литературные силы.

Критик И. Беспалов на вечере, посвященном десятилетию журнала, говорил: «...«Октябрь» с первых дней своего существования избрал трудный, но славный путь в своей работе. Он не печатал только произведений писателей, уже, так сказать, готовых, оформившихся, но создавал новые кадры, новых писателей».

Характерно, что произведением, открывающим первую книжку «Октября», были так называемые «Картинки из быта заводов» рабочего А. Филиппова.

Значительно глубже тема рабочего класса и социалистического труда поставлена в рассказе «Стальное сердце» А. Свирского. Сюжет этого произведения перекликается с романом Ф. Гладкова «Цемент». (Свирский рассказывает о пуске завода после длительного бездействия.) П. Замойский в повести «Плотина» ставит ту же проблему только на ином материале — пореволюционная деревня, тяжело, но неодолимо пробуждающаяся к новой жизни.

Одной из первых прозаических вещей в журнале, уже своим заглавием ясно формулирующей идею произведения, была повесть начинающего писателя М. Платошкина «Новобытное», посвященная раскрепощению женщины, которая становится сознательным борцом за новое общество. В рецензии на «Новобытное», напечатанной в «Известиях ВЦИК», отмечалось: «В повести дан интересный и значительный материал, сделана интересная попытка зафиксировать первые ростки пролетарской общественности, новых бытовых форм, слагающихся в эпоху революции»[7]. Схематическое, упрощенное изображение роста самосознания и раскрепощения женщины снижало действенность произведения. И хотя о нем много говорилось в критике того времени, оно жило недолго.

Проблему нового быта как составную часть огромной темы революционного преобразования деревни, ее социалистического становления отражает на страницах журнала Я. Коробов в хронике «Катя Долга». Автор показывает путь женщины-крестьянки к сознательной жизни, превращение ее в активную строительницу новой деревни. Коробов дает не отвлеченную деревню, а деревню той поры, раздираемую классовыми противоречиями, тяжело и трудно идущую к новой жизни. Писатель далек от идеализации деревни, но и не сгущает намеренно отрицательных и уродливых явлений сельской жизни.

И все-таки «Катя Долга» — это не столько художественное произведение, сколько хроника общественно-политических событий в деревне, переданная нередко почти в тоне протокольной записи. Отсутствие глубины и яркости художественного проникновения не могло возместить и хорошее знание деревенской жизни и быта.

Наряду с темой современного социалистического строительства в городе и деревне значительное место в «Октябре» первых годов издания занимала тема революции и гражданской войны.

Наиболее яркое и глубокое художественное отражение гражданская война нашла на страницах «Октября» в главах из романа А. Фадеева «Разгром» (1925, № 7, 12).

---

[7] «Известия ВЦИК», 6 января 1925 г.

Если «Разгром» Фадеева показывает борьбу народа на Дальнем Востоке, то Ф. Березовский в романе «В степных просторах» повествует о становлении Советской власти в Киргизии. Однако с точки зрения художественного мастерства роман не представлял собой значительного произведения, как и роман Т. Дмитриева «Зеленая зыбь», описывающий противоречия среди крестьянства в первые годы революции, борьбу Советской власти с дезертирами, с «зелеными» бандами. Яркое отражение гражданская война находит в рассказах Д. Фурманова «Рабочий отряд», «Шестьдесят», «Летчик Жаров».

Значительное место в прозе журнала первых лет издания занимала тема дооктябрьского революционного рабочего движения, особенно первой русской революции, тема большевистского подполья (например, «Седые дни» Г. Никифорова, «Твоего отца убили на Пресне» С. Малашкина).

Главными поэтами журнала в 1924—1926 гг. были А. Безыменский, А. Жаров, И. Доронин, И. Уткин. Блестящую характеристику этим «пролетарским поэтам второго призыва» дал на страницах «Октября» А. В. Луначарский. «Это — дети революции...— писал он,— они насквозь пропитаны ее соками. И вот это — лучшее свидетельство, что она не надорвана, что она молода наша великая Революция! Ведь у этих молодых певцов ее нет никакого надрыва. Они увереннее своих старших братьев, они одновременно и спокойнее и энергичнее. Я бы сказал так: кипучее, в них бо́льшая игра. Они радуются жизни, они с необычайной непосредственностью любят солнце...

Это — веселые комсомольцы, компанейские люди. Молодые, богатые силой и радостью, они прекрасно знают и горечь жизни, но нисколько ее не боятся. Они сознают себя не только завоевателями, но и строителями новой земли. От этого у них такая бодрая и веселая музыка» [8].

С обращением к рабочим и крестьянским поэтам выступил в «Октябре» Д. Бедный:

> Рабочие, крестьянские поэты,
> Певцы заводов и полей!
> Пусть кисло морщатся буржуи... и эстеты:
> Для люда бедного вы всех певцов милей,
> И ваша красота и сила только в этом.
> Живите ленинским заветом! [9]

Наиболее значительными поэтическими произведениями, напечатанными в «Октябре», являются поэмы «Война этажей» А. Безыменского и «Тракторный пахарь» И. Доронина. Пафос этих произведений — утверждение нового в советской действительности. Поэты воспринимают будни строительства как острую, напряженную борьбу, полную героизма. «На каждом фронте — мы в окопах великой классовой войны»,— говорит А. Безыменский. Его поэма «Война этажей» была полностью перепечатана центральным органом партии газетой «Правда» (1924, 31 июля, 1, 2 августа).

В 20-е годы проблема политической, экономической и культурной смычки города с деревней была одной из наиболее сложных и трудных. Этой теме посвящена поэма И. Доронина «Тракторный пахарь». А. В. Луначарский писал в «Октябре» по поводу этой поэмы: «Казалось бы, лозунг смычки с деревней есть лозунг чисто политический. Тот или другой буржуазный критик... может хихикнуть по поводу того, что такой лозунг является в то же время как бы приказом поэтам. Ну-ка, совет-

---

[8] «Октябрь», 1924, № 3, стр. 176.
[9] «Октябрь», 1924, № 2, стр. 12.

ский поэт, «воспой смычку». Но такой хихикающий буржуазный критик сам смешон и жалок, и хихиканье его сейчас же потонет в первых же бодрых звуках свежей и мужественной мелодии Ивана Доронина» [10].

Поставив одной из своих задач отражение повседневной жизни пролетариата, изображение строителей нового общества, «Октябрь» с первого номера вводит отдел художественной публицистики под рубриками: «Новый быт», «Советские края» (или «По Советской земле»), «Рабочая жизнь». Основное содержание очерков, печатавшихся тогда в журнале,— утверждение нового быта, воспитание масс «на живых конкретных примерах и образцах из всех областей жизни»,— то, чего требовал В. И. Ленин от газет. Таковы очерки Ф. Березовского «Коммуна «Красный Октябрь», Д. Фурманова «Новый Афон» и другие.

И все-таки очерк, художественная публицистика в 1924—1926 гг. не получили на страницах «Октября» широкого развития, как, впрочем, вообще в литературе того времени.

Одной из важнейших задач, которые «Октябрь» поставил перед собою, было теоретическое обоснование исторической роли пролетарской литературы. Выполнению этой задачи журнал целиком подчинил отдел критики. С первых дней своего существования «Октябрь» повел борьбу за пролетарскую литературу, видя залог ее успеха в неуклонном росте тех социальных сил и общественных классов, эстетическим и идейным выражением которых она была.

Вместе с идейным разгромом капитулянтских теорий Троцкого, критикой журнала было дано решение важных вопросов — об отношении к культурному наследию прошлого и об отношении к писателям-«попутчикам». Для отношения журнала к наследию прошлого показательна рецензия А. Зонина на сборник «Литературная смена. Творчество рабочих от станка». В одной из статей этого сборника утверждалось: «Чем более рабочий знаком с литературой прошлого, тем менее он способен создать подлинные художественные произведения». Против такого нигилизма резко выступает А. Зонин, призывая рабочего-писателя заменить эти вредные рецепты критической, марксистской оценкой и усвоением наследства (1925, № 7).

Что касается «попутчиков», то наиболее полно и ярко выявилось отношение «Октября» к ним в конце 1924 г. в связи со статьей члена редколлегии А. Соколова — «Нужно ли в пролетарских журналах печатать попутчиков?». На поставленный вопрос автор отвечал решительным «нет!» и упрекал «Октябрь» за предоставление страниц журнала произведениям «попутчиков».

Вслед за этим выступлением шла редакционная статья «О левом уклоне тов. Соколова». Безоговорочно осуждая позицию Соколова, редакция писала: «Левые слова тов. Соколова означают в действительности требование правых дел» [11]. И далее: «Мы считаем не только необходимым, но и обязательным для пролетарской литературы создать для попутчиков ту коммунистическую среду, то сотрудничество с писателями-коммунистами, о котором говорит XIII съезд партии...» [12]. После этого выступления А. Соколов вынужден был уйти из редакции «Октября».

Обоснованию путей развития революционной литературы, сплочению и воспитанию писателей были подчинены в журнале анализ и пропаганда творчества А. Серафимовича, Д. Фурманова, Ф. Гладкова, А. Неверова, комсомольских поэтов. Так, в первом номере журнала Д. Фурманов писал по поводу только что опубликованного «Железного потока» А. Се-

---

[10] «Октябрь», 1924, № 3, стр. 178.
[11] «Октябрь», 1924, № 4, стр. 180.
[12] Там же, стр. 183.

рафимовича: «Это произведение следует отнести к тем, которыми будет гордиться пролетарская литература»[13].

Марксистскую оценку классическим произведениям социалистической литературы — «Чапаеву» и «Железному потоку» — дает в журнале А. В. Луначарский. Он писал, что «Чапаев» представляет собой один из самых ярких успехов в нашей пореволюционной литературе. Сопоставляя произведения Фурманова и Серафимовича, Луначарский указывал, что оба они продиктованы революцией. «В сущности говоря,— писал Луначарский,— я знаю в нашей богатой послереволюционной советской по своим настроениям литературе лишь два произведения, которые дают такие неизгладимые, яркие и, я бы сказал, воспитательные впечатления. Это — «Железный поток» Серафимовича и «Чапаев» Фурманова»[14].

На страницах «Октября» впервые в эти годы было отмечено дарование А. Фадеева еще до написания им «Разгрома». Ю. Либединский верно подметил основной пафос творчества Фадеева, назвав свою статью о нем «Художник-большевик» (1924, № 4). Высокую оценку в журнале получило и творчество Ф. Гладкова, особенно его роман «Цемент» — первое крупное произведение большого мастера о социалистическом строительстве. В. Красильников в своей статье, указывая, что критика не уделила серьезного внимания творчеству Гладкова, не показала его путь к «Цементу», писал: «Гладков — самобытная фигура, самородок; он пишет, когда его пригвоздит к столу какой-нибудь срочной проблемой жизни... Из окружающей обстановки он выхватывает наиболее значительные явления, выискивает наиболее типичных героев дня и заставляет их разрешать наиболее ответственные задачи момента»[15].

Доброжелательно встретил журнал рассказы М. Шолохова, хотя в рецензии на его первый сборник и указывалось на необходимость большей художественной отделки и глубины изображения. Высоко оценивает журнал творчество А. Неверова, Н. Ляшко, А. Новикова-Прибоя.

В начале 1924 г. в журнале «Красная новь» были напечатаны главы из «Конармии» И. Бабеля. Редакция «Октября» откликнулась на «Конармию» выступлением С. М. Буденного.

В статье «Бабизм Бабеля из «Красной нови» С. М. Буденный писал: «Несмотря на то, что автор находился в рядах славной Конной армии, хотя и в тылу, он не заметил, и это прошло мимо его ушей, глаз и понимания, ни ее героической борьбы, ни ее страшных, нечеловеческих страданий и лишений...

Громкое название автору, очевидно, понадобилось на то, чтобы ошеломить читателя, заставить его поверить в старые сказки, что наша революция делалась не классом, выросшим до понимания своих классовых интересов и непосредственной борьбы за власть, а кучкой бандитов, грабителей, разбойников и проституток, насильно и нахально захвативших эту власть»[16]. Это весьма резкое выступление Буденного в ряде моментов было спорным. Но в том, что Бабель не дал изображения героической борьбы Конармии, С. М. Буденный был прав.

В следующем номере «Октябрь» опубликовал «Письмо в редакцию» И. Бабеля — своеобразный ответ на выступление Буденного. В нем Бабель приносил извинения в том, что в спешке забыл заменить фамилии Тимошенко и других командиров на вымышленные.

На этом и кончился в журнале первый разговор о произведении Бабеля. Забегая вперед, скажем, что через четыре года он возник снова.

---

[13] «Октябрь», 1924, № 1, стр. 188.
[14] «Октябрь», 1925, № 1, стр. 152.
[15] «Октябрь», 1926, № 9, стр. 130.
[16] «Октябрь», 1924, № 3, стр. 196—197.

В феврале 1928 г. в «Октябре» был опубликован «Разговор с Дмитрием Фурмановым» С. Кирсанова. Обращаясь к Фурманову и сравнивая его с Бабелем, поэт писал:

Вы — защищали
жизнь мою,
Он — издали
следил,
И рану
павшего в бою
Строкою золотил,
Вы шли
в шинели
и звезде
Чапаевским ловцом,
а он —
у армии в хвосте
Припаивал словцо...[17]

Как известно, в том же 1928 году с возражениями Буденному выступил А. М. Горький. Он защищал «Конармию» Бабеля и протестовал против грубого тона критики. Можно сказать, что отношению «Октября» к Бабелю недоставало объективности. В данном случае редакция журнала могла бы взять пример с Фурманова, видевшего в «Конармии» не только недостатки, но и значительные достоинства.

Борьба за создание литературы нового типа означала одновременно критическое обобщение и осмысление опыта как революционной и демократической зарубежной литературы, так и опыта советских национальных литератур. В 1924—1926 гг. «Октябрь» был единственным толстым журналом, который систематически интересовался проблемами создания и развития литератур народов СССР, творчеством местных писателей.

Таким образом, в 1924—1926 гг. выявилась основная тенденция «Октября», характерная и для последующих лет издания,— отстаивание принципа партийности в литературе, постановка актуальных проблем в прозе и поэзии, изображение реальных участников социалистического строительства, широкое привлечение молодых пролетарских писателей, интерес к литературе народов СССР.

2

18 июня 1925 г. ЦК РКП(б) была принята резолюция «О политике партии в области художественной литературы». Она была обусловлена вступлением страны в «полосу культурной революции, которая составляет предпосылку дальнейшего движения к коммунистическому обществу»[18].

Предупреждая против всяких проявлений «комчванства», легкомысленного и пренебрежительного отношения к старому культурному наследству, партия требовала тактичного, бережного отношения к «попутчикам» и всемерной поддержки пролетарских писателей и «их организаций». «...Заслуживает осуждения позиция,— говорилось в резолю-

---

[17] «Октябрь», 1928, № 2, стр. 117.

[18] «О партийной и советской печати». Сб. документов. М., 1954, стр. 343.

ции,— недооценивающая самую важность борьбы за идейную гегемонию пролетарских писателей»[19].

«Октябрь» с большим удовлетворением встретил резолюцию ЦК РКП(б). В редакционной статье июльского номера говорилось: «...историк пролетарской культурной революции будет считать новый период развития пролетарской литературы от этого постановления»[20]. «Октябрь» воспринял резолюцию ЦК как основу для объединения всей революционной литературы страны. Передовая статья в августовской книжке, посвященная этому документу, так и была озаглавлена — «К единому революционному литературному фронту».

Однако «левая оппозиция» ВАПП (Вардин, Лелевич и другие), оказывавшая известное влияние на журнал «Октябрь», по-прежнему стояла за узкую, замкнутую организацию пролетарских писателей. Крикливые дилетанты, нередко обладавшие бойким пером, они приобрели известность в литературе шумными «политическими» выступлениями и претендовали на монополию в понимании марксизма и политики партии в литературе. Важнейшая проблема о бережном отношении к «попутчикам», четко решенная в резолюции ЦК, ревизуется Вардиным, Лелевичем и другими. Они подходят к «попутчикам» как к врагам.

Разгром сектантских «теорий» левого напостовства был осуществлен на чрезвычайной конференции ВАПП в марте 1926 г. Это привело и к изменениям в составе редакции «Октября». С апреля 1926 г. журнал издается под новой редакцией: Г. Айкуни, Б. Горбатова, Ю. Либединского, М. Лузгина, Н. Полосихина, Б. Рингова, Р. Романова, Г. Санникова (отв. редактор), А. Серафимовича. Изменяется несколько и соотношение отделов в сторону увеличения художественного и уменьшения литературно-критического. В конце 1926 г. редактором «Октября» становится А. С. Серафимович.

Анна Караваева рассказывает о работе Серафимовича-редактора (дело происходит в конце 1928 г.):

«Александр Серафимович, войдя, приветливо поздоровался со мной...

— А я, знаете, зачитался...— объяснил он, подсаживаясь к столу.— Михаилом Шолоховым зачитался!.. Как здорово это получилось, что мы его напечатали, открыли год его «Тихим Доном»!

...Когда началось заседание редколлегии, Александр Серафимович внимательно слушал всех, и сам вносил хорошие предложения. А в лице его и во взгляде, как мне казалось тогда, все еще потаенно искрилась охватившая его и сейчас широкая, светлая, несебялюбивая радость и гордость за талант молодого писателя, которого он сегодня назвал «восходящим светилом».

Не однажды случалось мне потом слышать на редколлегии высказывания нашего старшего товарища и руководителя журнала о разных произведениях прозы и поэзии. Их он тоже «привечал», неизменно поддерживая все, что было свежо, умно, самобытно. Он на добрые слова по адресу авторов не скупился, а о слабостях и недостатках художественного выражения, как всегда, говорил убедительно, просто, необидно, всегда с пользой»[21].

В начале 20-х годов борьба между литературно-художественными изданиями шла главным образом вокруг проблемы о возможности существования пролетарской культуры. После резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925 г.) центр литературных споров и дискуссий переместился; полемика

---

[19] «О партийной и советской печати». Сб. документов, стр. 345.

[20] «Октябрь», 1925, № 7, стр. 3.

[21] А. Караваева. Свет вчерашний. Воспоминания. М., «Советский писатель», 1964, стр. 110—111.

шла преимущественно по вопросу о творческом методе советской литературы.

«Октябрь» проблему художественного метода пытался решить на основе марксистско-ленинской философии. Но главная ошибка критиков «Октября» заключалась в том, что философскую основу творческого метода новой литературы — диалектический материализм — они приняли за самый метод искусства, не учитывая специфики этой формы общественного сознания.

«Октябрь» выступал за реализм. Причем реализм советской литературы представлялся чем-то новым по сравнению с реализмом дооктябрьской литературы. Это стремление определить новое качество советского искусства проявилось на страницах журнала весьма наглядно: «героический реализм», «пролетарский реализм», «романтический реализм», «диалектико-материалистический реализм» и т. д. — называли критики журнала метод советской литературы.

Если основным теоретическим вопросом, дискутировавшимся на страницах «Октября», был вопрос о творческих путях пролетарской литературы, то собственно критика журнала была направлена на утверждение и пропаганду новой литературы, на борьбу с проявлениями буржуазных влияний в ней.

Основное внимание критика журнала в конце 20-х — начале 30-х годов уделяет таким писателям, как М. Горький, В. Маяковский, А. Фадеев, Д. Фурманов, а также начинающим писателям, объединенным в РАПП. В противоположность легковесным наскокам «лефов» и некоторых рапповцев, не сумевших понять значение эпопеи М. Горького «Жизнь Клима Самгина», «Октябрь» выход первой книги романа встретил как выдающееся событие в литературе.

В статье, посвященной вопросу о творческих путях пролетарской литературы, А. Зонин писал о романе Горького: «Эта замечательная книга слабо и неверно оценена нашей критикой. Диву даешься, как в придирчивых поисках горьковского пессимизма некоторые критики упустили из виду созданный писателем гигантский монолитный портрет большой социальной группы за целую эпоху. Наш писатель должен поучиться изображению самого сложного материала — мыслей и психологических эмоций — у Горького» [22].

В 1928 г. на страницах «Октября» была проведена читательская дискуссия о Горьком. Ее итоги подводила статья Б. Волина «Ленин о Горьком», в которой были собраны и объяснены высказывания В. И. Ленина о Горьком как о крупнейшем представителе пролетарского искусства, чей громадный художественный талант принес много пользы всемирному пролетарскому движению.

В апрельско-майской книжке за 1931 г. «Октябрь» в связи с приездом Горького в СССР дает несколько статей о творчестве писателя. Но особенно важной в этом номере является серия читательских отзывов, озаглавленная «За что мы любим Горького». Авторами заметок являются преимущественно рабочие. Они указывают, что любят произведения Горького за правдивость, за глубину отображения жизни, за боевой, оптимистический дух, за то, что они учат борьбе, преодолению трудностей.

Значительно сложнее в период 1927—1930 гг. обстояло дело на страницах «Октября» с оценкой и пониманием роли Маяковского. С конца 1929 г. поэт начал активно сотрудничать в журнале, поместив ряд сатирических стихотворений и свои самые значительные произведения последнего периода творчества — пьесу «Баня» и первое вступление к поэме о пятилетке — «Во весь голос».

---

[22] «Октябрь», 1927, № 11, стр. 188.

Трагическая смерть Маяковского вызвала у критиков журнала желание разобраться в творческом наследии поэта, определить новаторское значение его поэзии для развития современной литературы. Во второй половине 1930 г. в «Октябре» были напечатаны три статьи, посвященные Маяковскому. Единодушно признавая в нем «великого революционного поэта», «трубача революции» и т. д., авторы статей все же не смогли правильно оценить ни мировоззрения поэта, ни роль его творчества.

В оценке текущих явлений критика журнала главное внимание обращала на произведения, посвященные современной действительности, становлению характера советского человека. Произведения А. Фадеева «Разгром» и первые части «Последнего из удэге» характеризуются в журнале как значительные явления литературы и образцы того творческого метода, за который выступал «Октябрь».

Выход в 1928—1930 гг. в свет двух книг «Брусков» Ф. Панферова вызвал множество откликов. Среди них было немало и отрицательных. Критики «Октября» выступили в защиту Панферова, видя в «Брусках» весьма актуальное, художественное произведение. Им импонировало то, что писатель верно показал тенденции развития советской деревни, ее трудный, но неодолимый и закономерный, естественный путь к социалистическим, коллективным формам хозяйства. Сразу же после выхода в свет второй книги романа Панферова в «Октябре» было проведено широкое обсуждение ее. Его участники единодушно признали актуальное значение романа.

Опубликовав два тома «Тихого Дона», журнал не смог по-настоящему оценить всю глубину и значение творчества М. Шолохова. Одно время даже стоял вопрос о целесообразности продолжения публикации романа. Вмешательство М. Горького, активно вступившегося за Шолохова, помогло третьей книге романа увидеть свет на страницах «Октября».

Наряду с обращением к творчеству крупных мастеров слова, критика «Октября» внимательно следила за развитием писателей, рожденных революцией, вышедших из среды рабочих и крестьян. Когда в 1927 г. появилось первое крупное произведение о советской деревне — «Большая Каменка» А. Дорогойченко,— рецензент «Комсомольской правды» обвинил автора в том, что его герои якобы не несут на себе отпечатка времени, среды и места действия. «Октябрь» в статье М. Беккера решительно встал на защиту романа. Не отрицая недостатков «Большой Каменки», Беккер указывал, что в ней есть главное: «деревня, вырывающаяся из когтей царизма, бросающаяся в пургу гражданской войны, чтобы выйти из нее обновленной на дорогу социалистического строительства» [23].

С большим вниманием относился «Октябрь» к творчеству молодых, только начинавших в те годы писателей — Б. Горбатова, В. Ильенкова, Я. Шведова и других. Популяризируя их творчество, стремясь донести их произведения до широких слоев читателей, журнал боролся за активное отношение художника к действительности, стремился нацелить писателей на изображение новых явлений жизни.

Иногда редакцией «Октября» допускались и существенные просчеты. Так было, например, с напечатанным в журнале романом Ю. Либединского «Рождение героя». Роман страдал серьезными недостатками, но критика «Октября» не смогла оценить его с должной объективностью.

Журнал рассматривал литературу как область острой идеологической борьбы и своей важнейшей задачей считал разоблачение разного рода чуждых тенденций в литературе. На одном из литературных вечеров А. Серафимович, отвечая на вопрос рабочего, за что «кроют» «Лу-

---

[23] «Октябрь», 1927, № 3, стр. 170.

ну с правой стороны» С. Малашкина, «Без черемухи» П. Романова, «Собачий переулок» Л. Гумилевского, говорил, что в своих произведениях эти писатели «не соблюдали перспективы: гнилой кусочек жизни показали, а всю здоровую громадину жизни спрятали куда-то, все полотно в их картине занимает гниль» [24].

Больше внимания в эти годы журнал стал уделять вопросам художественного мастерства. В 1929 г. по инициативе А. Серафимовича вводится специальный отдел «Записки писателя». Отдел стремился дать материал, освещающий процесс творчества, отношение художника к действительности и т. д. «Записки писателя», являясь серьезным средством воспитания молодых литераторов, были попыткой создать в журнале своеобразную лабораторию творчества. Выступая первым в новом отделе, А. Серафимович писал: «Редакция «Октября» предлагает писателям: давайте время от времени сходиться вместе в отделе «Записки писателя», сходиться так, как сходятся теперь красные директора, и делиться опытом, методами работы, производственными находками» [25].

Основными в «Записках писателя» были вопросы об отношении художника к действительности, о типе писателя, о путях повышения мастерства. Во втором номере 1929 г. были опубликованы записки Д. Фурманова о работе над повестью «Чапаев».

Главной темой беллетристики «Октября» в конце 20-х годов становится тема социалистического строительства в городе и деревне, в процессе которого происходит становление нового человека. Причем преобладали в журнале в это время произведения о людях деревни.

Одним из первых значительных произведений, правдиво отвечавших на вопрос, куда идет послереволюционная деревня, были «Бруски» Ф. Панферова. Появление в 1928—1930 гг. двух первых книг романа явилось началом своеобразного перелома в беллетристике о послереволюционной деревне. И по широте охвата действительности, и по глубине поставленных проблем, и по степени проникновения в сущность явлений роман Панферова резко отличался от многих произведений о крестьянстве той поры.

Наступление социализма на капиталистические элементы деревни вызвало обострение классовой борьбы. Оно отражалось и в литературе. Откровенно враждебную позицию к социалистической перестройке деревни заняли певцы старой, кондовой Руси — Н. Клюев, С. Клычков. Идеализация прошлого, призывы возвратиться к «избяной Руси», подчеркнутое непризнание современной действительности, ненависть к пролетарскому городу — вот мотивы их произведений. Не поняли исторического значения развертывающегося социалистического переворота в деревне и некоторые другие советские писатели. В повести В. Шишкова «Дикольче», в рассказах Вс. Иванова «Ночь», «Жизнь Смокотинина», «Плодородие» советская деревня предстала как нечто косное, дикое, темное, не способное к революционным изменениям.

Иначе рисует деревню Ф. Панферов, он показывает путь крестьянства к социализму как трудный и противоречивый процесс ломки мелкособственнической психологии трудящихся масс деревни, борьбы с их привычками, обычаями, традициями, унаследованными от старого строя, и одновременно как борьбу с кулаками и прочими врагами новой жизни. Значение первых двух книг романа Панферова усиливалось еще тем, что предметом своего художественного изображения писатель брал не совершившиеся события, а процессы, находящиеся в стадии своего зарождения и становления.

---

[24] «Октябрь», 1928, № 8, стр. 166.
[25] «Октябрь», 1929, № 2, стр. 216.

Социалистической перестройке жизни и быта деревни под влиянием индустриализации страны посвящен опубликованный в 1928 г. в «Октябре» роман А. Караваевой «Лесозавод» (1928, № 1—6). Как и «Бруски» Панферова, роман А. Караваевой был полемически заострен против писателей, которые ввиду якобы извечно существующей «власти земли» считали деревню не способной к революционному обновлению.

Источник и силу преобразования деревни большинство писателей «Октября» видело в коллективных формах труда, в социалистическом городе. Завод и его труженики часто выступают в произведениях пролетарских писателей носителями новых социальных отношений в экономике, нравственности, быту. Организующая роль рабочего класса показана в «Лесозаводе» А. Караваевой.

Реалистически изображен великий перелом в жизни послереволюционного крестьянства и в романе И. Шухова «Ненависть» (1931, № 7—9). Показывая единство классовых интересов людей разных национальностей (действие происходит в Казахстане, в смешанном русско-киргизском хуторе), Шухов подчеркивает естественную закономерность развития социалистических отношений — экономических, нравственных, бытовых — в современной деревне. Для него главное — изображение новых сил деревни, их победы в жестокой классовой борьбе. В этом — основной пафос романа.

Классовая борьба в деревне в период ее революционной ломки нашла свое отражение и в пьесе В. Киршона «Хлеб», в очерках В. Ставского «Станица» и «Разбег», в повести И. Микитенко «Братья» и других произведениях, печатавшихся на страницах «Октября».

Очерки Ставского общественность того времени восприняла как большое литературное явление.

Конец 20-х годов ознаменовался бурным развитием в нашей литературе одного из ведущих художественно-публицистических жанров — очерка. М. Горький в статье «О литературе» (1931) писал: «Широкий поток очерков — явление, какого еще не было в нашей литературе. Никогда и нигде важнейшее дело познания своей страны не развивалось так быстро и в такой удачной форме, как это совершается у нас... Очерк у нас — большое, важное дело» [26].

На страницах «Октября» очерк приобретает в это время серьезное значение. Критики журнала идейно-художественную родословную очерка, представленного в «Октябре», вели от Д. Фурманова. Очеркиста фурмановского толка, писал А. Селивановский, отличает то, что «он не знатный путешественник, не байроническая личность... не собиратель эстетических фактов. Он является одним из субъектов жизненного потока, одним из активных участников и борцов в нем,— он получает возможность описывать данный жизненный участок потому, что сам переделывал его» [27].

Правдиво показывая начало великой перестройки советской деревни, «Октябрь» большое внимание уделяет и теме рабочего класса, социалистического труда. Наиболее ярко она выражена в произведениях В. Ильенкова (роман «Ведущая ось», рассказ «Анюха», очерки), в романе Г. Медынского «Самстрой», в очерках И. Жиги, Б. Галина, Ф. Панферова и других. Порой художественно несовершенные, эти произведения подкупали своей содержательностью, остротой поставленных проблем.

Одним из первых жизнь рабочего класса в эти годы показал В. Ильенков в романе «Ведущая ось» (1931, № 9—12). Вокруг романа на стра-

---

[26] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 25, стр. 257.
[27] «Октябрь», 1929, № 11, стр. 185.

ницах «Октября» развернулась полемика. 21 февраля 1932 г. в «Правде» был опубликован отзыв Серафимовича под заглавием «Живой завод», в котором он давал высокую оценку роману Ильенкова. Достоинством романа Серафимович считал правдивое изображение рабочего коллектива и его партийной организации.

Резко выступили против «Ведущей оси» А. Селивановский и А. Митрофанов. В. Ставский и М. Платошкин в своих статьях в общей оценке романа соглашались с Серафимовичем, указывая одновременно на засоренность языка диалектизмами.

26 апреля 1932 г. в «Известиях» со статьей «По поводу одной полемики» выступил М. Горький. Говоря об Ильенкове как о талантливом реалисте, Горький справедливо упрекал его за недостаточно серьезную работу над языком, за упрощенность приемов в обрисовке героев.

Наряду с темой социалистического строительства в городе и деревне важное место в прозе «Октября» в период 1927—1932 гг. занимали произведения об Октябрьской революции и гражданской войне: «Тихий Дон» М. Шолохова (книги 1, 2 и 3), «Последний из удэге» А. Фадеева (часть 1 и 2), «Обыкновенная биография» («Школа») А. Гайдара, «Город ветров» В. Киршона, повести и рассказы В. Ставского, М. Залка, Вл. Бахметьева, С. Мстиславского и др.

В 1928 г. в «Октябре» (№ 1—10) печатаются две первые книги романа М. Шолохова «Тихий Дон», в трех первых номерах 1929 г. напечатано 12 глав третьей книги. Затем публикация романа в журнале была прервана и возобновилась в январе 1932 г.— остальные главы третьего тома были напечатаны в № 1—4, 7, 8, 10.

Первую восторженную оценку в печати роману «Тихий Дон» дал А. Серафимович («Правда», 19 апреля 1928 г.). В конце 1928 г. Ф. Панферов, указывая на рост популярности журнала «Октябрь», связывал это обстоятельство с романом Шолохова. «В издательстве «Московский рабочий»,— писал Панферов,— имеются десятки тысяч голосов, поданных за «Тихий Дон» Шолохова. А «Тихий Дон» является основной вещью «Октября»[28].

Другим большим художественным полотном был роман А. Фадеева «Последний из удэге».

По широте поставленных проблем, по глубине художественно-философского анализа революционной действительности роман Фадеева остается одним из лучших произведений, утверждающих социалистическую революцию как единственный путь к освобождению от гнета и эксплуатации.

Героическая борьба народа за Советскую власть запечатлена и в напечатанных в «Октябре» в 1927 г. посмертных рассказах Д. А. Фурманова — «По каменному грунту», «Маруся Рябинина», «Письмо смертника», «Андреев», и в повести А. Гайдара «Обыкновенная биография» (1929, № 4—7). Впоследствии Гайдар дает новое название повести — «Школа», подчеркивая этим ее главную идею.

Большим событием в жизни «Октября» был приход в журнал В. Маяковского. Его произведения ставят проблему острой критики отрицательных явлений действительности. Основной идеей пьесы «Баня», опубликованной в ноябрьском номере «Октября» за 1929 г., писал Маяковский, была «борьба с узостью, делячеством, с бюрократизмом, за героизм, за темпы, за социалистические перспективы»[29].

Как монументальное полотно о победном шествии социализма была задумана Маяковским поэма «Во весь голос». Первое вступление к этой

---

[28] «На литературном посту», 1928, № 24, стр. 59.

[29] В. В. Маяковский. Полн. собр. соч. в двенадцати томах, т. 11. М., 1947, стр. 434.

поэме о пятилетке было опубликовано в февральской книжке «Октября» за 1930 г.

Успехи социалистического строительства являются источником вдохновения поэтов, сотрудничавших в журнале: Н. Асеева, Э. Багрицкого, А. Безыменского, А. Жарова, М. Исаковского, В. Луговского, И. Садофьева, Г. Санникова, В. Саянова, М. Светлова, А. Суркова, С. Щипачева. Певцом новой деревни выступает М. Исаковский.

Стихи и поэмы Н. Асеева проникнуты глубокой верой в торжество дела революции. В стихах «Большевикам пустыни и весны» В. Луговской рассказывает о преобразованиях, происходящих в Туркмении, о новых людях прежде дикой окраины царской империи.

С конца 1931 г. в «Октябре» вводится специальный раздел «Публицистика», в котором печатаются статьи, посвященные разоблачению политики, философии, культуры капитализма (Д. Заславский, П. Юдин, И. Разин и другие). В течение первого полугодия 1932 г. в «Октябре» печатаются очерки Эгон-Эрвина Киша под заглавием «Германия сегодня», «Карьера Адольфа Гитлера». В этой хронике Э. Киш обстоятельно анализирует причины, вызвавшие фашизм к жизни, историю его борьбы за власть, разоблачает нацистские программы и декларации, показывает, что наиболее важные страницы истории фашизма «написаны многозначными цифрами в чековой книжке Гуго Стиннеса и Гугенберга» [30].

3

Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», открывшее новый этап в развитии советской литературы и журналистики, явилось поворотным моментом и в истории журнала «Октябрь». Оно внесло серьезные изменения в характер и направление журнала. Из органа Всероссийской и Московской ассоциаций пролетарских писателей он становится сначала изданием Оргкомитета РСФСР, а затем — журналом Союза советских писателей. Расширился круг писателей, сотрудничающих в журнале. Происходят изменения и в составе редколлегии. С мая 1932 г. и до начала Великой Отечественной войны в редколлегию входили: А. Афиногенов, А. Безыменский, А. Жаров, В. Ильенков, Н. Огнев, Ф. Панферов (ответственный редактор), А. Сурков, М. Шолохов. С 1933 г. в редколлегию входил И. Нович, 1938 г. в составе редколлегии не стало А. Афиногенова и А. Безыменского.

Тираж журнала в 30-е годы колебался между 30 и 35 тысячами экземпляров.

Почти три десятилетия главным редактором «Октября» был Ф. И. Панферов. «Вокруг него всегда кипели страсти, разгорались неистовые споры. Его или принимали целиком, любили в нем даже недостатки, либо не принимали вовсе. Но что бы ни происходило вокруг, он неизменно шел своим путем писателя-коммуниста, жадно вгрызаясь в толщу народной жизни, далеко видя вперед» [31].

Аркадий Первенцев, отмечая главную черту Панферова-редактора, вспоминает: «Молодой писатель, попадавший в журнал «Октябрь», мог рассчитывать на дальнейшее продвижение его книги, вплоть до «Роман-газеты». В разное время Ф. И. Панферов последовательно провел через журнал большую группу молодых литераторов...» [32].

Проблема формирования нового человека со всем богатством его ин-

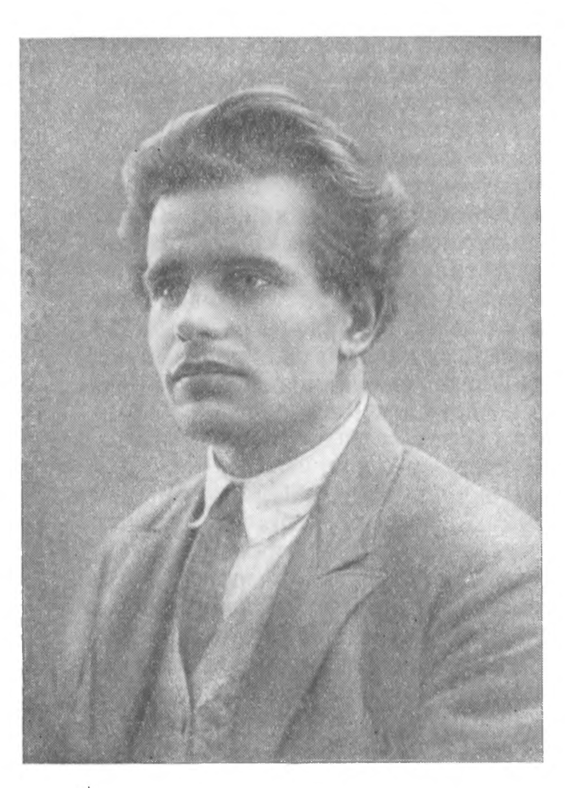
---

[30] «Октябрь», 1932, № 4, стр. 64.

[31] «Федор Панферов. Воспоминания друзей». М., «Советский писатель», 1964, стр. 2.

[32] Там же, стр. 349—350.

дивидуального характера в процессе социалистического строительства, развитие личности под влиянием коллектива проходит через произведения, появившиеся в журнале в тридцатые годы. Их главным героем становится, говоря словами М. Горького, «социалистический труд как организатор нового человека и новый человек как организатор социалистического труда».

Ф. И. ПАНФЕРОВ

Одним из крупных произведений, посвященных революционному перевороту в деревне, явилась третья часть романа Ф. Панферова «Бруски» — «Твердой поступью». Мучительный процесс освобождения от мелкособственнических инстинктов отражен в образе середняка Никиты Гурьянова, ищущего обетованную страну крестьянского счастья.

Если первые книги «Брусков» отмечены правдивым изображением преобразования жизни деревни на социалистических началах, то в последней части, романе «Творчество» («Октябрь», 1937), ясно проявились черты, связанные с усилением догматической тенденции. Панферов здесь сглаживает конфликты, упрощает процесс становления социализма в деревне. Все проблемы решаются весьма легко, а герои, добившись успеха, как бы застыли в скульптурно-монументальных позах.

К числу значительных произведений конца 30-х годов, в которых правдиво, без парадности и помпезности показано становление новой жизни в деревне, принадлежит роман В. Смирнова «Сыновья» («Октябрь», 1940). Это произведение о судьбе русской крестьянки, вдовы Анны Михайловны Стуковой. Оно показывает деревню в период, начиная с гражданской войны и кончая второй пятилеткой.

Среди произведений, печатавшихся в «Октябре», где показано уничтожение «идиотизма деревенской жизни», превращение темной массы в творческий коллектив сознательных строителей новой жизни, видное место занимает и повесть А. Черненко «Моряна» (1933—1934), рисующая жизнь рыбацкого поселка на Каспийском море и в конце 20-х годов.

Ожесточенную классовую борьбу в деревне эпохи коллективизации показывает и В. Ставский в повести «На гребне» (1933), написанной на материале жизни кубанских станиц. Отталкиваясь от конкретного материала, писатель дает обобщенную картину наступления социализма на капиталистические элементы.

Изображение ведущей исторической тенденции — победы людей, строящих новую жизнь в деревне,— присуще и роману И. Шухова «Поединок», опубликованному в «Октябре» в 1934 г. Если у Ф. Панферова в «Брусках» место действия — приволжское село, у А. Черненко в «Моряне» — рыбачий поселок на Каспии, у В. Ставского в «Разбеге» — кубан-

ская станица, то у И. Шухова — русский хутор в Казахстане периода коллективизации.

Как и другие писатели журнала, И. Шухов не скрывает трудностей пути крестьян к коллективному, социалистическому хозяйству. Заглавие романа подчеркивает основную идею произведения: в деревне идет гигантский поединок двух противоборствующих сил — социализма и капитализма. Исход его предрешен, победят силы нового, народ.

Произведениями Панферова, Черненко, Ставского, Шухова не исчерпывается колхозная тематика в «Октябре». Проблему перестройки экономики, сознания, морали, быта людей советской деревни поднимают в своих произведениях на страницах журнала этого периода Г. Шолохов-Синявский, Л. Соловьев, А. Караваева, Гл. Алексеев и другие.

Тема социалистического труда, преобразующего бывшие глухие окраины царской России, наиболее яркое отражение в 30-е годы нашла на страницах «Октября» в рассказах Б. Горбатова «Обыкновенная Арктика» (1937) и очерках Т. Семушкина «Чукотка» (1938, 1940).

Как отмечала критика тех лет, в «Обыкновенной Арктике» автор полемизировал с изображением Севера в книгах буржуазных писателей, которые главное внимание обращали на нравы авантюристов, погнавшихся на север за наживой. Горбатов показывает, что страшной, цинготной Арктики с ее волчьими законами, драмами на зимовках, глухими убийствами в ночи, с безумием одиночества и одинокой гибелью среди белого безмолвия, с мрачным произволом торговца и насилием над беззащитными туземцами — этой Арктики в Советском Союзе больше нет. И в этом — великое проявление гуманизма нашего строя.

Правдивостью и глубоким психологизмом отмечены и очерки Т. Семушкина о Чукотке. Тонко, умно, без громких слов писатель показывает поистине героическую работу советской интеллигенции, приобщающей к подлинной культуре народ, обреченный в прошлом на вымирание.

Большое место в беллетристике журнала 30-х годов занимают произведения об индустриализации страны. В буднях великой стройки социализма писатели видят романтику и героику эпохи и в меру своих сил и возможностей пытаются воплотить их в художественные образы. Многие романы, повести и рассказы на эту тему, публиковавшиеся в журнале, отмечены печатью общей и довольно прямолинейной схемы, порой воспринимаются как своеобразные прикладные иллюстрации к тем или иным лозунгам и положениям.

Одним из значительных произведений о новостройках первой пятилетки был роман Я. Ильина «Большой конвейер», напечатанный посмертно в «Октябре» в 1934 г. Роман остался незавершенным и имеет некоторые недостатки: неглубокое раскрытие ряда характеров, известная описательность. Но, несмотря на это, писатель сумел создать образ народа-строителя. Книга Я. Ильина основана на документальном материале борьбы за освоение техники на Сталинградском тракторном заводе.

Положительно отозвалась о романе Я. Ильина газета «Правда». Б. Галин писал в «Правде» о «Большом конвейере»: «Автор перебрасывает мост от железной ленты одного завода, выпускающего тракторы, к большому конвейеру нашей страны, в которой идет гигантская творческая переделка людей»[33].

Процесс идейного формирования человека в условиях индустриальной стройки показывает В. Ильенков в романе «Солнечный город» («Октябрь», 1935). Это произведение как бы продолжает биографии

[33] «Правда», 13 декабря 1937 г.

героев романа того же писателя «Ведущая ось». Тема ведущей роли социалистического города по отношению к деревне выступает здесь, как и в первом романе, весьма отчетливо.

В труженике социалистической индустриализации видят героя нашей эпохи А. Исбах, Н. Кочин, Гл. Алексеев, пытаясь дать его обобщенный образ. По замыслу их произведения ставили перед читателями актуальные темы современности, показывали людей, являющихся настоящими героями нашего времени. Но реализованы эти замыслы были слабо. Писатели оказались в плену у известной схемы, бытовавшей в начале 30-х годов. Суть ее: приходит на строительство темный человек, собственник, здесь прозревает, становится ударником, затем руководителем. Не помогала в этих случаях и капризная композиция, как в «Розе ветров» Гл. Алексеева (роман посвящен строительству Бобриковского химкомбината). Не получилось художественного полотна и из романа А. Исбаха «Радость». В романе слишком много шаблонных описаний собраний и заседаний, серых, невыразительных мест. Более удачен роман Н. Кочина «Парни».

Беллетристы «Октября» ищут своих героев на промышленных стройках, в колхозной деревне, пытаются показать «историю своего современника» во всех областях культурной и хозяйственной жизни страны. Одни писатели, как Н. Богданов в повести «Пленум друзей», во многом терпят неудачу, другим, как Б. Горбатову в романе «Мое поколение», это удается. Через историю своего поколения писатель и изображает историю страны. От романтики революции через «прозу» нэпа к героике социалистического строительства, мужая, проходит это поколение.

Есть тема в советской литературе, которая никогда не теряет своей актуальности. Эта тема Великой Октябрьской революции и ее вождя В. И. Ленина. Наиболее яркое воплощение на страницах «Октября» она нашла в драматургии — в пьесах «Человек с ружьем» Н. Погодина (1937) и «Правда» А. Корнейчука (1937). «У обоих авторов,— писала Н. К. Крупская о пьесах Погодина и Корнейчука,— лучше всего дана солдатская масса,— образы солдата Шадрина и Тараса исключительно хороши...» [34].

Историко-революционную тему разрабатывает на страницах «Октября» и С. Мстиславский в произведениях «Накануне» (1917) и «Бауман» (1936, 1937). В повести «Накануне» показано развитие событий в Петрограде от Февральской революции до приезда Ленина в столицу и его встречи на Финляндском вокзале. Роман «Бауман» («Грач — птица весенняя») переносит читателя в революцию 1905 г., воссоздает образ замечательного большевика, стойкого ленинца Н. Э. Баумана, погибшего от руки агента царской охранки.

В конце 30-х годов в «Октябре» выступает автор «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко. В повести «Честь», опубликованной в «Октябре» в 1937—1938 гг., писатель хотел показать переход лучших представителей интеллигенции на сторону народа, революции, их идейный и духовный рост. Однако это произведение не стало заметным явлением ни в литературе тех лет, ни в творчестве самого писателя.

Гражданская война нашла художественное отражение в напечатанном в «Октябре» в 1937 г. романе Арк. Первенцева «Кочубей». Писателю удалось создать яркий образ талантливого командира, вожака кубанской казачьей вольницы, выдвинутого из народных масс эпохой великой социальной ломки,— Ивана Кочубея.

Тема творческого, созидательного труда, формирующего советского человека, соседствует в журнале с произведениями, посвященными изо-

---

[34] «Правда», 13 декабря 1937 г.

бражению жизни народа до революции. Таких произведений немного. Это «Сладкая каторга» Н. Ляшко, фрагменты из «Истории моей жизни» А. Свирского, «Рассказы о познании» А. Караваевой и другие. Обращение писателей к прошлому в данном случае не означало ухода от современности, оно было органически связано с задачами социалистической перестройки сознания людей.

Как известно, широкое развитие в 30-е годы получает исторический роман. В это время «Октябрь» публикует «Гулящие люди» А. Чапыгина. Писатель воссоздает в романе картину крестьянского движения второй половины XVII в., показывает жизнь и борьбу «гулящих людей» — городских ремесленников, стрельцов, нищих, казацких ярыжек. Церковные реформы Московского патриарха Никона и старообрядческое движение, «медный бунт» 1662 г., разинское движение — таково содержание романа.

Как и другие исторические романы 30-х годов, чувством патриотизма, огромной веры в силы народа, страдающего под гнетом крепостного права, но беззаветно борющегося за свободу своей Родины, проникнута историческая эпопея С. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», печатавшаяся в «Октябре» в 1937—1939 гг. В этом романе талантливый художник всесторонне показывает героическую оборону Севастополя в Крымскую войну 1853—1856 гг., создает образы замечательных флотоводцев: П. С. Нахимова и В. А. Корнилова, великого русского хирурга Н. И. Пирогова.

На исторически-конкретном материале построен и исторический сказ С. Скитальца «Кандалы», публиковавшийся в «Октябре» почти на всем протяжении 1940 г. В основу романа положены реальные события из эпохи революции 1905 г. Крестьянские выступления в то время были стихийными и неорганизованными, они ставили обычоно своей целью захват помещичьих земель. Однако в ряде случаев крестьяне выдвигали политические требования и даже создавали местное самоуправление, так называемые республики. Одна из них, возникшая в Самарской губернии, и показана в романе.

Тематически особняком стоит в журнале роман Г. Серебряковой «Юность Маркса» (1934, № 7—12). Многое было несовершенно в романе, на что справедливо указывала критика тех лет. Но бесспорна была смелость и огромный труд, которые потребовались от автора, взявшегося за создание художественной биографии К. Маркса.

Как и для прозы, для поэзии «Октября» 30-х годов характерно пристальное внимание к мироощущению нового человека. Расширяется тематика поэтических выступлений, шире становится круг поэтов, сотрудничавших в журнале, появляются новые имена: К. Симонов, С. Михалков, Е. Долматовский, Н. Рыленков, М. Алигер, Д. Кедрин. Активно сотрудничают в журнале А. Сурков, Н. Асеев, А. Твардовский и другие.

Из произведений молодых поэтов, напечатанных в «Октябре» 30-х годов, следует назвать поэму К. Симонова «Победитель» («Октябрь», 1937), посвященную Николаю Островскому. Обращаясь к подвигу Островского, Симонов как бы предупреждает новое поколение, что и ему предстоят тяжелые испытания, из которых и оно должно выйти победителем:

Слышишь, как порохом пахнуть стали
Передовые статьи и стихи?
Перья штампуют из той же стали,
Которая завтра пойдет на штыки[35].

[35] «Октябрь», 1937, № 10, стр. 25.

В 30-х годах в прозе журнала возрастает количество произведений о рабочем и революционном движении на Западе. Почти все произведения на эту тему написаны зарубежными писателями. Обращение в годы нарастания фашистской опасности к творчеству передовых писателей Запада было несомненной заслугой «Октября» и составляло одно из важнейших достоинств журнала.

Борьбе горняков штата Кентукки против предпринимателей, обличению хваленой американской демократии посвящены отрывки из книги «Забастовка в Харлане», выпущенной Т. Драйзером совместно с другими писателями. Разоблачение лицемерной буржуазной политики, культуры и искусства является главным содержанием и глав из романа Р. Роллана «Смерть одного мира».

В нескольких номерах «Октября» 1935—1936 гг. печатались отрывки из «Дневников военных лет» Р. Роллана. Публикуя отрывки, редакция журнала указывала, что исключительное право на их печатание Роллан предоставил «Октябрю».

В 30-е годы на страницах «Октября» активно выступает Мартин-Андерсен Нексе. В журнале была опубликована его четырехтомная автобиографическая эпопея («Малыш», 1934; «Под открытым небом», 1936; «В чужих людях», 1938; «Конец пути», 1940).

В 1935 г. журнал публикует роман Лиона Фейхтвангера «Семья Оппенгейм», в котором писатель разоблачает фашизм в Германии, несущий гибель человечеству и его культуре.

В 1937 г. в журнале появляется роман-памфлет Л. Фейхтвангера «Лже-Нерон». Как известно, в сатирических героях романа легко узнаются «вожди» Третьей империи.

В 1938 г. в «Октябре» был опубликован роман «Освобождение» немецкой писательницы Анны Зегерс [36]. В этом произведении Зегерс ставит трудный вопрос: почему немецкий народ допустил фашизм к власти?

Определяя идейное содержание произведения, Зегерс в предисловии к советскому изданию романа писала: «В этой книге выведены главным образом люди несознательные, люди, которые нашим мировоззрением не прониклись или едва затронуты. Они изображены в совершенно определенный период истории Германии, в годы жестокого кризиса. Все лучшие силы народа заложены в них, но не пробуждены, не использованы. И герой книги, сильный, смелый и готовый на жертвы, только преодолев множество преград, оказывается в состоянии пробиться к нам» [37].

Стремление к широкому осмыслению истории немецкого империализма явно видно и в романе Генриха Манна «Голова» (написан в 1925 г., первый русский перевод — в журнале «Октябрь», 1936).

Выступления в «Октябре» крупнейших немецких писателей-антифашистов несомненно имели большое значение.

Как и в предыдущие годы, в журнале продолжают активно сотрудничать венгерские пролетарские писатели: А. Гидаш («драматическая поэма» «Земля движется» — 1933, роман «Господин Фицек» — 1936), Б. Иллеш, Эмиль Мадарас. Борьба масс за свою свободу, упорное сопротивление народа хортистскому режиму — главное содержание их произведений. Характеризуя позже роман «Господин Фицек», Гидаш писал: «Писатель, который связал свою судьбу с народом, обращаясь к прошлому, пишет об ушедшей жизни и ее событиях для того, чтобы настоящее стало лучшим, чтоб осветить путь к будущему... Автор старался показать своими скромными средствами, как повлияла на Венг-

---

[36] Название романа было переведено не точно. Сейчас это произведение называется «Спасение».

[37] Анна Зегерс. Освобождение. М., 1939, стр. 5.

рию русская революция 1905 года, причем не только на рабочий класс, но и на крестьянство и на интеллигенцию (крестьянские забастовки в Венгрии 1906—1907 г.)».

В центре внимания отдела критики журнала «Октябрь» 30-х годов — вопросы социалистического реализма.

Критики «Октября» в 1932—1934 гг. (еще до формулировки метода социалистического реализма в Уставе ССП) взяли верное направление — не абстрактное конструирование метода, а выведение его из художественной практики, из произведений крупнейших мастеров слова: М. Горького, А. Серафимовича, Д. Фурманова, А. Фадеева, М. Шолохова. «Уже сейчас — на примере «Поднятой целины» Шолохова мы видим, где лежит дорога социалистического реализма...» [38],— писал И. Разин в майской книжке журнала за 1933 год.

К теоретической разработке метода социалистического реализма «Октябрь» привлекает писателей и поэтов. Так, в июне 1933 г. со статьей «За социалистический реализм» выступает в журнале А. Сурков. Он делает попытку проследить становление этого метода в творчестве Н. Тихонова, В. Луговского, Э. Багрицкого. Одновременно А. Сурков критикует утверждение М. Шагинян о том, что реализм вступает в права лишь тогда, когда внутри данной общественно-экономической формации наступает равновесие между производительными силами и производственными отношениями, которое только якобы и может стимулировать развитие реалистического искусства.

Значительное место вопросы социалистического реализма занимают в статье Ф. Гладкова, посвященной рассказу о работе над романом «Энергия». «Создаваемый нами социалистический реализм,— писал он,— по существу своему определяет именно образное познание сущности диалектического развития нашей действительности, т. е. действительности в ее напряженной борьбе, в самодвижении, в созидании новых, социалистических ценностей» [39].

В мае 1934 г. редакция «Октября» организовала дискуссию о советском историческом романе, одной из задач которой было определить его место в процессе становления метода социалистического реализма. Материалы этой дискуссии под заголовком «Социалистический реализм и исторический роман» были опубликованы в июльской книжке журнала за 1934 г. Общее направление критики «Октября» — тесная связь литературы с современностью, правдивое отражение жизни, беззаветное служение народу. Ярко и образно о необходимости писателя быть в первых рядах строителей новой жизни говорил Ф. Панферов: «Тот, кто плетется в хвосте событий, всегда глотает пыль, поднятую ногами миллионов, шествующих в новый мир твердой поступью» [40].

Исключительно острым оказался для журнала вопрос о языке. Борьбу за чистоту и богатство общенародного русского языка последовательно вел М. Горький. Вопросы языка великий писатель рассматривал в тесной связи с проблемами социалистического реализма. Значения и смысла выступлений Горького по вопросам языка не понимали, к сожалению, некоторые писатели и критики «Октября» во главе с редактором журнала Ф. Панферовым.

Еще в апреле 1932 г. Горький в статье «По поводу одной полемики» выступил против «словотворчества» В. Ильенкова в романе «Ведущая ось». Горький писал: «Взбрыкнул, трушилась, встопорщил, грякнул, буруздил» и десятки таких плохо выдуманных словечек, все это — даже не мякина, не солома, а вредный сорняк, и есть опасность, что семена его

---

[38] «Октябрь», 1933, № 5, стр. 167.
[39] «Октябрь», 1934, № 5, стр. 167.
[40] «Октябрь», 1934, № 10, стр. 198.

дадут обильные всходы, засорят наш богатый, крепкий литературный язык»[41]. В 1933 г. М. Горький в статье «О прозе» выступает против засорения языка художественных произведений словесным хламом провинциализмов, местных речений в произведениях Ф. Панферова, Ф. Гладкова, Б. Пильняка и других.

В январе 1934 г. ГИХЛ организовал дискуссию о романе «Бруски» Ф. Панферова. На ней выступил и автор романа. Признавая, что молодые писатели могут нахватать ненужных слов и заполнить ими литературу, Панферов тем не менее заявил: «Но я все-таки за то, чтобы писатели тащили эти слова в литературу. Я ставлю вопрос так, что если из 100 слов останется 5 хороших, а 95 будут плохими, и то хорошо»[42]. Естественно, что такое заявление — да еще поддержанное на страницах «Литературной газеты» А. Серафимовичем — вызвало обострение дискуссии.

В статьях «О бойкости», «О языке» и других Горький продолжал борьбу за чистоту и богатство литературного языка. Его поддерживали А. Толстой, К. Федин, М. Шолохов, А. Сурков и другие[43]. Следует отметить, что двое последних были членами редколлегии «Октября» и, следовательно, выступления Панферова и его заблуждения в вопросах языка нельзя считать общей линией редколлегии журнала. Тем более что на страницах «Октября» были выступления, прямо противоположные позиции Панферова и Серафимовича (того же А. Суркова, Ф. Гладкова и др.).

Вместе с тем в результате дискуссии о языке в «Октябре» увеличивается число выступлений под рубрикой «Заметки писателя», посвященных вопросам художественного мастерства. На страницах журнала были опубликованы заметки А. Серафимовича, А. Безыменского, В. Ильенкова, А. Суркова, А. Жарова, Ф. Панферова, Л. Сейфуллиной, Ф. Гладкова и других.

По-новому, более обстоятельно и объективно дается в журнале тридцатых годов анализ творчества А. Малышкина, И. Бабеля, П. Павленко, И. Эренбурга и других писателей. Доброжелательно встречает журнал «Энергию» Ф. Гладкова, «Человек меняет кожу» Бруно Ясенского, «Похищение Европы» К. Федина, «Бойцов» Б. Ромашова и другие произведения.

Как и в предшествующий период, значительное место в критике занимает оценка произведений, помещенных в «Октябре». Журнал не только публикует то или иное произведение, но и пытается истолковать его. В 1933 г. критический разговор такого рода идет в журнале в основном вокруг двух имен — М. Шолохова и Ф. Панферова, при этом оценка произведений первого не лишена противоречий. Таковы статьи о его творчестве Г. Колесниковой (1933, № 2) и М. Чарного (1933, № 7), в которых звучит упрек писателю в объективизме. А через несколько месяцев журнал поместил заметки секретаря Горьковского крайкома партии Прамнэка, в которых автор приводил следующий любопытный факт: «Зуевский РК партии,— говорилось в заметках,— правильно поступил, когда он вынес решение освободить на два дня членов бюро райкома, снабдить их этой книгой и чтобы они прочли эту книгу,— и они прочли ее»[44].

---

[41] М. Горький. Собр. соч., т. 26, стр. 293.

[42] «Вечерняя Москва», 19 января 1934 г.

[43] Так, М. Шолохов в статье «За честную работу писателя и критика» («Литературная газета», 18 марта 1934 г.) отмечал: «Думаю, что не личные, а групповые симпатии заставили Александра Серафимовича оправдать и хвалить плохую работу Панферова. Покривил он на старости лет душой. А не надо бы».

[44] «Октябрь», 1934, № 1, стр. 196—197.

Оживленные споры вызвал выход в свет «Педагогической поэмы» А. Макаренко. В. Щербина писал о «Поэме» на страницах «Октября»: «Это — большое художественное повествование, написанное с большим литературным чутьем и серьезностью, а самое главное — с большой любовью к делу» [45].

Значительное произведение увидел журнал и в книге Н. Островского «Как закалялась сталь». О. Войтинская писала, что роман Островского представляет собой «качественно новое явление в нашей литературе, и образ героя книжки вырастает до типического обобщения большой идейной глубины» [46].

В Корчагине, Левинсоне, Чапаеве, Давыдове — известных и любимых образах советской литературы — видит критик К. Зелинский людей, духовно богатых, полных внутренней нравственной силы, чистых в помыслах, благородных и человечных, людей, рожденных революцией и воспитанных партией [47].

Положительно отзывается критика журнала о повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» (1941, № 2) и др. По-новому оценивает журнал творчество М. Пришвина. Его порой называли «бесчеловечным» писателем, якобы пишущим о природе без человека. В начале 1941 г. журнал поместил девять коротких рассказов под общим названием «Дедушкин валенок». В предисловии к этим рассказам Пришвин писал: «...я не могу назвать ни одного рассказа, написанного о природе без отношения к человеку, чтобы его можно было признать за художественное произведение... Я просто не могу понимать природу без человека и человека понимать без природы» [48].

Заметно изменилось в эти годы отношение «Октября» к литературе прошлого. Журнал активно выступает за изучение и разработку классического наследия.

Широко отмечает журнал юбилеи А. С. Пушкина, Т. Г. Шевченко, Л. Н. Толстого, Н. А. Добролюбова, Шота Руставели, Низами и других выдающихся поэтов и писателей. Много внимания критика «Октября» 30-х годов уделяла и другим деятелям литературы прошлого: Гоголю, Салтыкову-Щедрину, Чехову.

Однако нельзя не отметить, что к концу 30-х годов почти совсем исчезают в журнале критические статьи, в которых рассматривалась бы современная литература, процессы, происходящие в ней. Многие книги оставались вне поля зрения критики. Такое же положение было и в других журналах. «Со страниц наших толстых литературно-художественных журналов постепенно начала исчезать критика новых произведений современной советской художественной литературы», — констатировала в 1939 г. критик Г. Колесникова («Литературное обозрение», № 17).

В 1940 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «О литературной критике и библиографии», в котором отметил, что литературная критика и библиография находятся в крайне запущенном состоянии, и потребовал создать во всех толстых журналах постоянные отделы критики и библиографии [49].

В соответствии с постановлением Центрального Комитета критический отдел «Октября» был значительно увеличен, стал занимать около трети журнала. В четырех номерах, вышедших после постановления, было помещено около 40 статей и рецензий — почти столько же, сколько

---

[45] Там же, стр. 193.
[46] «Октябрь», 1935, № 6, стр. 206.
[47] «Октябрь», 1939, № 1 (статья «О литературном герое»).
[48] «Октябрь», 1941, № 2, стр. 64.
[49] «О партийной и советской печати». Сб. документов, стр. 488.

за весь предыдущий год. Изменилась и тематика выступлений. Если раньше преобладали историко-литературные статьи в связи с юбилейными датами, то теперь главное внимание критики было обращено на современную литературу. Наряду со статьями о советских писателях в критическом отделе журнала освещается современная зарубежная литература.

4

Великая Отечественная война резко изменила роль и характер литературно-художественных журналов. Литература из журналов в значительной мере уходит в газеты. Подобно другим журналам, «Октябрь» выходит нерегулярно, не успевает за временем, не имеет массового распространения (тираж «Октября» в годы войны был неизменным — 25 тыс. экземпляров). Так, второй «военный» номер журнала (№ 9-10, сдвоенный) был подписан к печати лишь 20 февраля 1942 г.

Однако постепенно «Октябрь» выправился и стал играть существенную роль в литературе периода войны. И делал это журнал не столько военными оперативными материалами (корреспонденции, очерки с фронта), сколько большими, подлинно художественными произведениями (романы, повести, рассказы, поэмы, стихи).

Ненависть непокоренных людей, находящихся под игом фашизма, их несломленная воля к борьбе, неистребимая вера в победу ярко показана в повести В. Василевской «Радуга» («Октябрь», 1942). «В ней,— писала газета «Правда»,— заключена большая художественная правда. Правда о простых советских людях, их благородной и большой душе. Правда о враге — злобном, кровожадном, лютом. Правда о грядущей нашей победе...» [50].

Несломленными, непобежденными показывает советских людей на временно оккупированной земле и Б. Горбатов в повести «Семья Тараса» («Непокоренные»). И в этой непокоренности, вере в будущее — пафос произведения, получившего широкую популярность у нас и за рубежом. Как и в «Радуге» В. Василевской, в «Непокоренных» Б. Горбатова война показана как великое испытание и проверка всех нравственных качеств и духовных сил советских людей.

Во весь рост встает советский человек в рассказе А. Толстого «Руский характер». О человеке — активном строителе новой жизни, защитнике свободы — рассказывает и В. Каверин в романе «Два капитана». К достижениям журнала следует отнести и повесть В. Катаева «Сын полка».

Тема народного патриотизма, великой нравственной силы советских людей, которую не могут сломить никакие испытания, никакие зверства фашистских захватчиков,— главная тема повестей В. Василевской «Просто любовь», А. Чаковского «Это было в Ленинграде», романа А. Первенцева «Огненная земля», очерков Л. Соболева «Дорогами побед» и «От Путивля до Карпат» С. Ковпака и мн. др.

Главной темой «Октября» 1941—1945 гг. был подвиг народа на фронтах войны. Подвиг советских людей в тылу не нашел должного отражения на страницах журнала. Ему за годы войны было по существу посвящено лишь одно большое произведение — повесть Ф. Гладкова «Клятва». Писатель был одушевлен идеей показать единство фронта и тыла — решающего условия победы. Однако характеры героев получились обедненными и схематичными.

---

[50] «Правда», 4 октября 1942 г.

Значительно ярче в годы войны (на ее последнем этапе) поставлена тема труда в повести В. Овечкина «С фронтовым приветом» («Октябрь», 1945). Предрешен исход войны, солдаты думают о том, как сделать жизнь людей лучше, чем она была до войны, устранить все, что мешает творчеству и созиданию.

Большое место в годы войны в журнале заняла историческая тема — тема борьбы русского народа за национальную независимость, за укрепление могущества своей Родины. Обращаясь к далекому прошлому, писатели подчеркивают непобедимость русской армии, свободолюбивый характер русского народа, его высокое национальное самосознание.

В драматической повести А. Толстого «Иван Грозный» («Октябрь», 1943) перед читателем предстает выдающийся государственный деятель, дальновидный человек, беспощадный в борьбе с врагами. В этой борьбе царь не останавливается перед варварскими средствами для достижения поставленных целей. Нарисовав яркий образ Грозного, Толстой, тем не менее, идеализирует своего героя, приписывая ему гуманизм, связь с народом.

Говоря об актуальности своей исторической драмы, А. Толстой писал: «Она была моим ответом на унижения, которым немцы подвергли мою родину. Я вызвал из небытия к жизни великую страстную русскую душу — Ивана Грозного, чтобы вооружить свою «рассвирепевшую совесть»[51].

Иван Грозный периода Ливонской войны изображен в романе В. Костылева «Иван Грозный». Однако внутренняя жизнь страны во всей ее сложности и противоречивости не нашла должного отражения в этом романе.

Освободительной борьбе русского народа против иноземных захватчиков в 1812 г. были посвящены пьеса К. Тренева «Полководец» и повесть С. Голубова «Багратион». Обращение писателей к истории национально-освободительной войны, к ее героям — Кутузову и Багратиону — было продиктовано стремлением показать силу и непобедимость русской армии, вдохновить сегодняшних воинов на ратные подвиги.

Великому народному движению, вождю крестьянской войны Емельяну Пугачеву посвящено историческое повествование В. Шишкова «Емельян Пугачев» (т. II — «Октябрь», 1943—1944). Эпоху великих социальных потрясений и кризисов писатель пытается осмыслить, по его выражению, «с вершин текущей современности», правдиво показать жизнь народа, его свободолюбивый характер. «В романе, или, как я называю, в моем историческом повествовании,— писал Шишков в статье «Емельян Пугачев», — все в нем построено на строго исторической канве, чрезвычайно своеобразной и настолько в общем интересной, что не было необходимости разукрашивать доподлинную историю выдумкой и домыслом»[52].

В прозе «Октября» военных лет диссонансом являлась повесть М. Зощенко «Перед восходом солнца». Сурово прозвучала в адрес повести критика советской общественности. Повесть была расценена как чуждая чувствам и мыслям нашего народа. «Как-то не верится,— писали ленинградские критики в «Большевике»,— что в дни Великой Отечественной войны автор, знавший о борьбе ленинградцев за свой город, о самоотверженном труде ленинградских женщин, знавший многое, о чем будут слагать песни в веках, нашел возможным писать только о невежестве и пошлости»[53].

---

[51] А. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 89—90.
[52] «Огонек», 1943, № 2, стр. 57.
[53] «Большевик», 1944, № 2, стр. 57.

Под влиянием критики журнал прекратил печатание повести Зощенко, и она осталась незаконченной.

Как и проза журнала, поэзия «Октября» в годы войны пронизана любовью к Родине, подчинена воспитанию в людях «науки ненависти» к врагу.

В поэме С. Щипачева «Домик в Шушенском» получил яркое воплощение образ Ленина. Поэт говорит о нерасторжимом единстве Ленина и народа:

Мы в бой идем за Лениным великим.
Он, как и мы, в походах закален,
На поле боя вдохновенным ликом
На нас глядит с прославленных знамен [54].

В войну происходит как бы второе рождение многих поэтов, их гражданское возмужание. Показательно в этом отношении творчество Ольги Берггольц, нередко выступавшей в «Октябре» со стихами, посвященными героическим защитникам Ленинграда. От имени ленинградцев строгим и беспощадным судьей выступает поэтесса в стихотворении «Ночью», говоря о неотвратимости справедливого возмездия палачам:

И я спрошу у немца: «Ты стрелял
По Ленинграду? На углу Садовой
Ты в первомайский праздник убивал
Детей и женщин из восьмидюймовой?»

Так — это ленинградскою весной —
Тоска возмездья говорит со мной [55].

О беззаветной любви к Родине советского солдата-освободителя пишет М. Исаковский в стихотворении «Под звездами Балканскими»:

Много верст с победой пройдено
По земле и по воде,
Но своей Советской Родины
Не забыли мы нигде [56].

Герой стихотворений А. Суркова — простой советский человек, прошедший невиданные испытания. Но они не сломили его, он сознает свою ответственность перед потомками и знает, что они не забудут имена его героев-современников:

Далеких внуков племена,
Свое земное счастье строя,
Не позабудут имена
Познавших бой и радость боя [57].

Критика «Октября» военных лет высоко оценила сборники статей А. Толстого «Родина» и И. Эренбурга «Война», повесть В. Гроссмана «Народ бессмертен», поэмы О. Берггольц, роман А. Первенцева «Испытание», повесть К. Симонова «Дни и ночи» и др.

Одновременно в журнале резкой критике подвергаются произведения, авторы которых подменяют суровую правду войны красивой ложью. За бутафорское изображение войны, за лакировку действительности кри-

---

[54] «Октябрь», 1944, № 7-8, стр. 3.
[55] «Октябрь», 1943, № 8-9, стр. 2
[56] «Октябрь», 1944, № 11-12, стр. 2.
[57] «Октябрь», 1944, № 3-4, стр. 3.

тикует журнал сборник рассказов Л. Кассиля «Есть такие люди». «...К литературной продукции,— писал В. Перцов,— посвященной родине, и к литературным произведениям, которым предстоит быть переданными на вооружение сражающимся, должны предъявляться такие же строгие и неурезанные требования, как и ко всякому другому оружию»[58]. И с точки зрения этих требований, В. Перцов критикует книгу А. Письменного «Край земли» и сборник ивановских писателей «За Родину».

Критика журнала не раз выступала против поверхностных произведений о войне, против примитивных агиток, против поспешной обработки благородных тем. Так, Н. Калитин строго критикует сборник стихов В. Азарова «Ленинград» за банальную риторику, надуманность образов и фальш сравнений, за бедность мысли и серость и однообразие изобразительных средств.

Резкий протест О. Берггольц вызвала попытка К. Паустовского эстетизировать войну в рассказе «Ленинградская симфония» (1944, № 1—2). И в этом выступлении поэтессы выразились возросшие за годы войны требования читателей к литературе, ясно осознанные многими писателями.

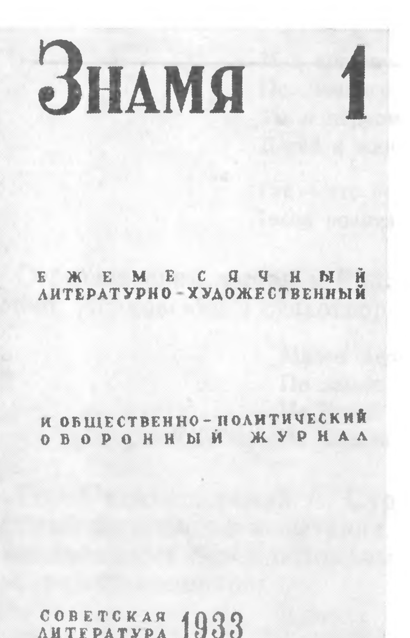
С окончанием Отечественной войны в истории журнала «Октябрь» наступает новый период.

---

[58] «Октябрь», 1943, № 6-7, стр. 207.

«Знамя»

1

В январе 1931 г. в почтовые отделения страны и газетные киоски поступил новый ежемесячный литературно-художественный журнал. Незамысловато оформленный, он, однако, сразу раскрывал свое лицо: на обложке защитного цвета выделялись яркая красноармейская звезда и малоизвестное слово ЛОКАФ.

Название журнала — сокращенное наименование издающей его организации — Литературного объединения Красной Армии и Флота, созданного летом 1930 г. в Москве по инициативе Д. Бедного, Вс. Вишневского, Я. Купалы, М. Залка, В. Ставского, А. Суркова и других.

В состав редколлегии журнала вошли: Л. Дегтярев (отв. редактор), М. Залка, А. Исбах, В. Луговской, С. Мстиславский, С. Рейзин, П. Слесаренко, А. Тарасов-Родионов, С. Щипачев (зам. отв. редактора).

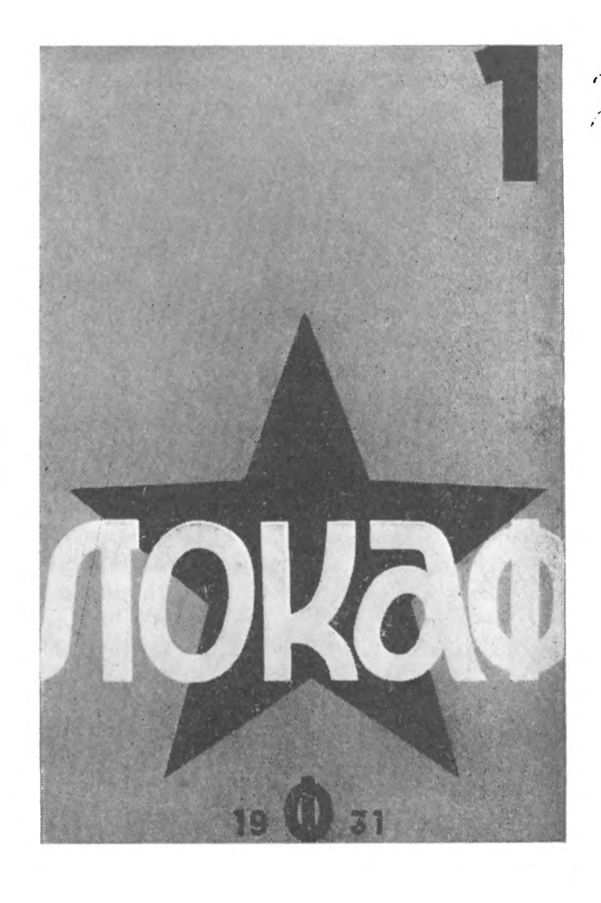
В первом номере журнала была опубликована редакционная статья «Новый батальон пролетарской литературы». В ней разъяснялись значение и задачи как литературного объединения ЛОКАФ, так и его литературно-художественного журнала.

«Литературное объединение Красной Армии и Флота,— говорилось в статье,— за короткий срок своего существования приобрело значимость большого общественно-литературного явления.

На призыв инициативной группы широко откликнулась масса советских писателей. В Красной Армии идея создания ЛОКАФ воспринята с большим энтузи-

азмом. Повсеместно создаются местные и национальные организации»[1], В редакционной статье и в проспекте, опубликованном на последней странице обложки, излагалось направление нового журнала, которое вытекало «из общих задач литературного объединения Красной Армии и Флота».

Журнал предполагал показывать укрепление обороны страны, разоблачать подготовку империалистов к войне, бороться с «ремаркизмом», который фаталистически примиряется с империалистической войной как неотвратимым явлением, в романах, рассказах, стихах, очерках и статьях широко освещать жизнь и быт Красной Армии и Флота, ее героическую историю.

Для решения этих задач «ЛОКАФ» собирался привлечь широкий круг писателей, а также воспитывать и готовить новые кадры писателей из воинов Красной Армии.

В большом перечне авторов журнала назывались имена таких известных советских прозаиков и поэтов, как М. Шолохов, А. Фадеев, Арт. Веселый, Вс. Вишневский, Вс. Иванов, Ю. Либединский, А. Новиков-Прибой, А. Серафимович, Д. Бедный, А. Безыменский, М. Светлов и многие другие.

Новый журнал был рассчитан на партийный, комсомольский, красноармейский, осоавиахимовский и рабочий актив. Тираж его на первых порах был 5000 экземпляров, а к концу 1932 г. дошел до 11 200 экземпляров.

Материалы первых номеров журнала раскрывали его оборонную направленность. Правда, многое из напечатанного было еще весьма посредственно, но критика тогда же отметила и удачи. К ним относились стихи А. Гидаша, В. Луговского, С. Щипачева, статья И. Бехера «Военная опасность и задачи революционных писателей», воспоминания о Дмитрии Фурманове.

Откликаясь на выход двух первых книжек «ЛОКАФ», рецензент журнала «Земля Советская» писал:

«Одно из сильнейших видов оружия — художественное слово — все больше мобилизуется в кулак для обороны первого в мире рабочего государства. Рождение журнала «ЛОКАФ» — яркая тому иллюстрация. Бесспорно, что всестороннюю важность и возможности этого журнала трудно переоценить»[2].

---

[1] «ЛОКАФ», 1931, № 1, стр. 135.
[2] «Земля Советская». 1931. № 6, стр. 133.

Отметив некоторые недочеты первых двух номеров, рецензент «Земли Советской» утверждал: «Не плохо начато — вот итоговый вывод в оценке «ЛОКАФа».

Позднее «ЛОКАФ» публикует «Черноморский октябрь» А. Малышкина (отрывок из повести «Севастополь»), «В тропиках» А. Новикова-Прибоя (глава из романа «Цусима»), ряд рассказов и очерков, отображающих боевую учебу и быт Красной Армии.

Редакция «ведет поиск» новых авторов, работающих над оборонными темами. Узнав, что военный моряк Л. Соболев задумал написать большой роман, «ЛОКАФ» устанавливает с ним связи. Об этом рассказывал сам писатель в марте 1931 г. в письме в редакцию «ЛОКАФ».

«На конференции Л. В. О. ЛОКАФа,— писал Л. Соболев,— тов. Дегтярев ознакомился подробно с планом «Капитального ремонта» и подтвердил мне, что книга принята в ваш журнал...

Разговор с тов. Дегтяревым вовремя предупредил меня от некоторых ошибок, за что я ему крайне признателен. В частности, результатом его явились мои поиски фигуры матроса-большевика, которые, кажется, пока удачны: я обратился к протоколам судебных дел о матросских восстаниях и попытаюсь извлечь такую фигуру из документов» [3].

В начале 1932 г. на страницах «ЛОКАФ» начал печататься «Капитальный ремонт», принесший славу и популярность молодому автору.

В то же время в журнале появляются фрагменты из романа Арт. Веселого «Россия, кровью умытая». На первом листе сохранившейся в архиве рукописи имеется заключение С. Рейзина, ставшего в конце 1931 г. заместителем ответственного редактора журнала.

«Я — за — несмотря на то, что Веселым элементы стихийности еще недостаточно преодолены» [4].

Осенью 1932 г. заведующий критическим отделом «ЛОКАФ» А. Тарасенков и секретарь редакции А. Карцев, знакомясь с выходящими вне Москвы журналами, обратили внимание на поэму «Вступление» малоизвестного в то время поэта А. Твардовского.

«Семен Борисович! — писал А. Карцев заместителю редактора.— Мы с Тарасенковым в восторге от этой поэмы, которая, правда, напечатана, но только в смоленском журнальчике, следовательно, почти рукопись.

Ведь такую вещь было бы блестяще дать в «ЛОКАФе».

Как Вы думаете?» [5]

Вскоре автор по просьбе редакции прислал рукопись поэмы и дал свое согласие на ее опубликование. Поэма была напечатана в № 10 за 1932 г. В том же году были опубликованы рассказ «Горькая застава» Н. Тихонова (№ 7) и пьеса «Иностранная коллегия» Л. Славина (№ 10) — более позднее название «Интервенция».

Редакция охотно привлекала авторов и из частей Красной Армии и Флота. На страницах журнала то и дело появлялись призывы и обращения к литературным кружкам — принять активное участие в «ЛОКАФ», чаще и больше писать о передовых воинах, на примере которых можно учиться. На страницах журнала был объявлен конкурс на лучшую повесть, рассказ, очерк, стихотворение о Красной Армии.

И люди откликались на эти призывы. В № 4 «ЛОКАФ» был опубли-

---

[3] ЦГАЛИ, ф. 618, оп. 1, ед. хр. 16.
[4] Там же, ед. хр. 17.
[5] Там же, ед. хр. 18.

кован рассказ командира эскадрильи В. Толстого «Человек, который летал», в следующем, № 5 — его очерки «Да — Джан». Тогда же на страницах журнала выступил сигнальщик канонерской лодки «Красное знамя» В. Смаглов и другие молодые авторы.

В первый год выхода «ЛОКАФ» редакция опубликовала главы из большой повести редактора журнала Л. Дегтярева «Шагают миллионы» [6] о борьбе партии против авантюризма бывшего главнокомандующего Северокавказской армией Сорокина.

С целью воспитания молодых в отделе «Трибуна ЛОКАФ» печатались статьи писателей о литературном труде. В этом отделе и в «Хронике ЛОКАФ» выступали и молодые авторы — красноармейцы и краснофлотцы, публиковались материалы об организации и работе отделений ЛОКАФ в разных городах страны, итоги творческих смотров и конкурсов, резолюции пленумов ЛОКАФ.

Л. С. ДЕГТЯРЕВ 1932 г.

Следуя своему кредо, редакция повела борьбу с ремаркизмом. Во втором номере журнала была напечатана третья часть романа Э. Ремарка «Обратный путь». Во вступительной статье от редакции говорилось, что новый роман Ремарка продолжает его известную книгу «На Западном фронте без перемен», но автор снова не дает ответа на вопрос, где же выход из тупика, в который загнал трудящихся империализм. «Книга,— говорится в редакционной статье,—полна пессимизма, безнадежности. Она учит воспринимать войну как нечто будничное, нечто неизбежное. Давая оголенный лик войны, книга завораживает сознание масс неотвратимостью новой войны. Она парализует волю к протесту» [7].

Журнал вместе с тем учитывал, что романы Ремарка представляли правдивое и острое свидетельство об ужасах империалистической войны, о разочарованиях молодежи, возвратившейся домой.

«ЛОКАФ» безусловно сыграл положительную роль в организации оборонной литературы, в привлечении внимания к ней советских писателей, в воспитании авторов из среды воинов Красной Армии. Но это были только начальные шаги. Журнал лишь накапливал необходимый

---

[6] Дегтярев Леонид Сергеевич, родился в 1894 г., член КПСС с 1918 г. Во время гражданской войны был начальником Политуправления войск Украины и Крыма. После гражданской войны работал в Политуправлении Красной Армии, руководил военным издательством. Активный участник литературного объединения Красной Армии и Флота, первый редактор журнала «ЛОКАФ», а затем «Знамени» (до 1933 г.) и одновременно зам. редактора газеты «Красная звезда». Выступал со статьями, воспоминаниями и рассказами из эпохи гражданской войны. В 1937 г. был незаконно репрессирован. Повесть «Шагают миллионы» переиздана Военным издательством в 1958 г.

[7] «ЛОКАФ», 1931, № 2, стр. 81.

опыт. Его номера этих лет имеют серьезные недочеты. Так, обращает на себя внимание недостаточно высокий уровень многих печатавшихся в нем художественных произведений и почти полное отсутствие серьезных и глубоких статей и рецензий в отделах критики и библиографии.

В первом номере напечатан отрывок из книги «Записки конармейца» помощника командира полка Первой конной армии Н. Ракитина. Очевидны недочеты вещи. Это, кстати, отмечал год спустя и сам журнал.

В рецензии И. Данилова на «Записки конармейца» говорится: «На протяжении всей книги автор скользит по поверхности явлений, ни разу не изменяя своему методу, не углубляясь в смысл происходящего... Наиболее часто встречающиеся характеристики, эпитеты совершенно внешни, художественно незначимы: «полк подскочил», «эскадрон отскочил», «штыки блеснули»,— они ничего не дают для понимания внутренней сути образа бойца, части или армии»[8].

В статье Н. Свирина[9] «Творческие пути ЛОКАФ» (1931, № 12) справедливо утверждалось, что авторы большинства очерков о маневрах и лагерной учебе, опубликованных в журнале, не умеют поднять наблюдаемые факты до большого обобщения. В подтверждение этих мыслей были названы очерки К. Левина «С кавбригадой на маневрах» (№ 2), И. Рахилло «Корабли» (№ 4).

Критика подвергла анализу и другие произведения, опубликованные в «ЛОКАФ». По поводу повести А. Тарасова-Родионова «Гибель барона» (о разгроме Врангеля) говорилось, что гражданская война дана как сумма стратегических приемов, военные действия отображены слишком внешне, классовая сущность войны не вскрыта, в художественном отношении книга весьма примитивна.

Как уже говорилось, бледно выглядела в журнале и критика. В разделе «На фронтах литературы» почти не было статей с разбором конкретных произведений. Здесь публиковались серьезные статьи, призывающие писателей усилить внимание к вопросам обороны страны (Н. Свирин. «Перед угрозой войны», № 3, 1931; П. Березов. «Ближе к оборонной тематике», № 2, 1932), но собственно критических выступлений было ничтожно мало.

«... О первом периоде работы нашего журнала мы вспоминаем с такой горькой усмешкой, потому что это было очень плохо,— сказал зам. редактора С. Рейзин на обсуждении журнала «Знамя» 28 февраля 1937 г.— Первые несколько лет мы работали на страшно низком уровне.

Это объяснялось, с одной стороны, нашей литературной неопытностью и объяснялось тем, что журнал еще не оброс мясом, у него не было достаточного актива, литературных работников. Работал он на основе самотека и печатал все, что попадало под руку...

Перелом в нашей работе начинается со времени знаменитого для литературы и всей страны постановления Центрального Комитета пар-

---

[8] «ЛОКАФ», 1932, № 1, стр. 145—146.

[9] Свирин Николай Григорьевич (1900—1938) — один из организаторов и руководителей ЛОКАФ и первых теоретиков и критиков военнооборонной литературы. Работал ответственным секретарем Ленинградско-Балтийского отделения ЛОКАФ, в 1931—1932 гг. редактировал журнал «Залп», который издавался в Ленинграде в 1931—1934 гг. Автор книг «Литература и война» (1932), «Мобилизация литературы» (1933), в которых собраны статьи, печатавшиеся в «Залпе», «ЛОКАФе», «Знамени» и посвященные как общим теоретическим вопросам оборонной литературы, так и критике конкретных произведений современной литературы на военные темы («Так держать» Б. Лавренева, «Война» Н. Тихонова и др.). Перу Свирина принадлежит и ряд работ по истории русской литературы, в том числе о творчестве Пушкина.

тии о ликвидации РАПП и об организации единого Союза советских писателей» [10].

Действительно, вскоре после постановления ЦК ВКП(б) в издательстве «Федерация» состоялось по инициативе ЛОКАФ совещание, обсудившее работу журнала. Оно приняло ряд конкретных мероприятий, направленных на улучшение «ЛОКАФ». Редколлегии предлагалось,

М. ЗАЛКА, С. ЩИПАЧЕВ, С. ВАШЕНЦЕВ В ЧАСТЯХ 51-Й ПЕРЕКОПСКОЙ ДИВИЗИИ, 1930 г.

в частности, коренным образом реорганизовать общественно-публицистический отдел, который до сих пор слабо освещал проблемы будущей войны и подготовку крупнейших империалистических государств к агрессии. Рекомендовалось усилить и отдел критики.

Редакция учла эти предложения. В номерах 7, 8-9 публикуется обстоятельная статья Дм. Бухарцева «Как будет выглядеть новая война». В № 8—9, 11, 12 печатается роман майора Гельдерса «Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа». В отделе «На фронтах литературы» помещаются статьи А. Лейтеса «Как они «обыгрывают» войну? О новых тенденциях в буржуазной военной беллетристике» (№ 5), К. Зелинского «Война возможна» (№ 7). С рядом статей в журнале выступил критик П. Березов: «Краснознаменец на литературном фронте» (№ 5) — о творчестве Матэ Залка, «Путь к овладению высотами искусства» (№ 6) — о А. Серафимовиче, «О творчестве А. Фадеева» (№ 11). Была напечатана статья С. Карамоленко о романе А. Новикова-Прибоя «Цусима» (№ 10).

В помощь творческой работе молодых локафовцев журнал опубликовал статью И. Макарьева «А. М. Горький о красноармейском творчестве. О пометках А. М. Горького на книжках начинающих красно-

[10] ЦГАЛИ, ф. 618, оп. 1, ед. хр. 38.

армейских писателей» (№ 8-9) и Ал. Карцева «За конкретную, творческую учебу! Открытое письмо начинающим писателям-пограничникам» (№ 6), в котором подвергались критическому разбору повести, рассказы и очерки красноармейских писателей.

2

После ликвидации РАПП и других литературных организаций в 1932 г. Литературное объединение Красной Армии и Флота влилось в единый Союз советских писателей. В связи с этим встал вопрос о переименовании журнала, носящего имя уже не существующего теперь литературного объединения. 10 декабря 1932 г. состоялось заседание редколлегии «ЛОКАФ», на котором было решено дать журналу новое название — «Знамя». Первый его номер вышел в январе 1933 г. На обложке объявлялось: «Знамя» — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический оборонный журнал. Словом «оборонный» подчеркивалось, что журнал по-прежнему будет изданием особого военного профиля.

В первом номере «Знамя» начинает публикацию большого романа К. Левина «Русские солдаты» — произведения, рисующего царскую армию между двумя революциями, и романа С. Левмана «Черная пена» — о приходе к власти фашизма в Германии. Оба произведения публикуются в течение всего года.

В № 2 журнала к 15-летию РККА дана яркая подборка очерков и воспоминаний советских писателей, участников гражданской войны. А. Серафимович («Кусочек воспоминаний») писал о боях с бандой Махно; Л. Никулин («Личное дело») делился воспоминаниями о подавлении Кронштадтского мятежа; Е. Зозуля («В ПУРе») рассказывал о своей работе в литературно-издательском отделе Политического управления Красной Армии в начале 20-х годов; А. Веселый («Далекое зарево») вспоминал о том, как молодым пареньком впервые попал на фронт. В подборке напечатан интересный отрывок из дневника бывшего военного коменданта Алушты Б. Лавренева («Пираты третьей республики»), очерк М. Залка («В партизанах») о боевых действиях в Сибири отряда военнопленных венгров, воспоминания В. Лидина, С. Щипачева, Н. Огнева, И. Сельвинского, А. Исбаха.

В 1933 г. журнал опубликовал пьесу А. Веселого «Гуляй Волга», воспоминания аварского писателя Шаабуддина Микаилова о партизанском движении в Дагестане — «Ночь в Анцугском ущелье», повесть В. Саянова «Олегов щит»; стихотворения И. Сельвинского «Марш океанского полка», «Сивашская битва», А. Суркова «Батарея меняет позицию», Н. Асеева «Песни гражданской войны».

На страницах журнала выдвинулись писатели Л. Соболев, С. Михайлов, С. Щипачев, В. Кнехт, критик Н. Свирин. Все они бывшие командиры и политработники флота и армии.

Готовясь к Первому съезду советских писателей, редакция в № 11 напечатала произведения писателей, уже известных читателям «Знамени», и молодых авторов: стихи В. Луговского «Плотина», С. Щипачева «Знамя», рассказы В. Кнехта «Девушка захотела летать», Ю. Яновского «Чубенко, командир полка», Н. Мамина «Торпеда», Г. Фиша «Поручик Лалука» и др.

В редакционной статье говорилось, что напечатанные в этом номере журнала произведения писательской молодежи являются рапортом оборонной литературы к шестнадцатой годовщине Октябрьской революции и к съезду писателей страны Советов.

В разделе «Смотр оборонной литературы» в статье «О поэзии Александра Прокофьева» А. Тарасенков писал: «Вряд ли в сегодняшней литературе мы найдем другого такого поэта, который подобно Александру Прокофьеву посвятил бы столько вдохновенных стихотворных строчек гражданской войне и обороне СССР» [11].

В десятом номере журнала за 1933 г. редакция «Знамени» опубликовала статью Вс. Вишневского «Вся ли литература готова к обороне?». Автор, со свойственным ему темпераментом, критикует спокойную, размеренную жизнь в оборонных секциях писательской организации и в литературных журналах. «Редакторы,— пишет он,— заполняют журналы нужной продукцией — трети две прозы, покрепше, мало-мало стишков и на подброску критички, дискуссийку какую-нибудь (Дос Пасссос или чего-нибудь такое). Так оно и проворачивается день за днем, месяц за месяцем. И особых происшествий не случается, нетчиков нет... Одним словом — мирное время» [12].

Следует сказать, что с середины 1933 г. в «Знамени» все чаще и чаще появляется имя Вс. Вишневского.

Он явился инициатором большого разговора о новаторстве советской литературы, возникшего в связи с дискуссией о творчестве американского писателя Дос Пассоса, произведения которого печатались тогда в наших журналах и пользовались большой популярностью.

Дискуссия о Дос Пассосе, организованная по инициативе Вс. Вишневского редакцией журнала «Знамя» и оборонной комиссией Оргкомитета ССП в марте 1933 г., привлекла широкое внимание литературной общественности. В ней приняли участие А. Лейтес, В. Кирпотин, А. Фадеев, И. Макарьев, И. Сельвинский, В. Стенич, В. Перцов и другие.

Печатая материалы дискуссии [13], редакция «Знамени» писала: «...мы не должны забывать о том, что на Западе есть ряд художников, близких нам, ориентирующихся в своем творчестве на СССР. Одним из таких художников является и Дос Пассос, чьи ошибки и промахи мы должны критиковать, но в то же время не забывая, что у Дос Пассоса есть много ценного, нужного нам» [14].

Дискуссия «Советская литература и Дос Пассос» была значительно шире своей темы и переросла в разговор о том, насколько специфичны особенности советской литературы, имеются ли у нее точки соприкосновения с литературой зарубежной, насколько органично ее новаторство и в какой мере оно опирается на традиции классиков.

Популярность книг Дос Пассоса заставила критиков задуматься над причинами успеха этого писателя и поставила их перед вопросом, является ли этот успех увлечением «модным» писателем (в таком случае влияние Дос Пассоса оказывалось односторонним и поверхностным), или можно говорить о каких-то глубоких объективных причинах, сделавших созвучными советскому писателю поиски Дос Пассоса.

И в дискуссии, проведенной Оргкомитетом, и в статье «Знать Запад», позднее опубликованной в журнале «Литературный критик» (1933, № 7), Вс. Вишневский настаивал на широком подходе к мировой культуре, на необходимости «знать Запад», изучать его литературу и брать на вооружение не только опыт русской классической, но и находки современной ему, человеку 30-х годов, зарубежной литературы. В пылу полемики увлекающийся Вишневский впадал в крайности.

---

[11] «Знамя», 1933, № 11, стр. 179.
[12] «Знамя» 1933, № 10, стр. 188.
[13] «Знамя», 1933, № 5, 6.
[14] «Знамя», 1933, № 5, стр. 147.

Он даже книги Л. Толстого называл «старыми, общеизвестными» и отрицал их «спокойную форму повествования» [15].

Вишневский призывал: «Джойс и Дос заставляют задумываться о том, каким образом передавать мир, адекватно передавать огромную мировую наполненность. Миновать этих писателей, которые дают замечательным рисунком огромное многообразие жизни, рисунком, доводящим вас до физического ощущения жизни, смерти, солнца, воздуха,— нельзя. Каким образом это сделать? Их приемы надо использовать. Пробы уже идут, и ничто их не остановит.

Подражательства надо отбросить. Важен свой самостоятельный путь — через все объекты Запада» [16].

Эта точка зрения Вишневского была подвергнута критике. В общем большинство участников спора присоединилось к Д. Мирскому, который утверждал, что «ни Джойс, ни Пруст не принадлежат к тому буржуазному наследию, которое социалистическая культура может, критически переработав, воспринять» [17].

В сущности и увлечение Вишневского творчеством таких писателей, как Марсель Пруст, Джемс Джойс и Дос Пассос, было чисто внешним. Об этом свидетельствуют записи в дневниках, сделанные им во время дискуссии и после нее.

«Вчера был жарчайший бой в Оргкомитете на тему «Дос Пассос» ...— записал он 18 марта 1933 г.— Я, конечно, во многом тороплив, жаден, поспешен, ошибаюсь... Я вынужден проверять ряд мыслей своих на отв⟨етных⟩ высказываниях других писателей» [18].

А вот запись, сделанная Вишневским в августе 1933 г.: «Прочел «1919» Дос Пассоса — *без увлечения прошлых лет.*

Прочел статью о Джойсе... Джойса надо было изучить и *преодолеть*. Его ограниченность в чудовищной «ego» — интерпретации, в пессимизме, во впечатлении стилевых приемов схоластики католицизма и т. д.» [19].

Но поиски новых форм и стиля были характерны и для Вишневского, и для «Знамени» в целом, что отличало его в те годы от многих толстых журналов.

В декабре 1933 г. редакция публикует сценарий фильма Вс. Вишневского «Мы из Кронштадта» и дает в том же номере подборку из выступлений драматургов и сценаристов «Какой кинофильм нам нужен?»

В статье «От редакции» говорится: «Дискуссия о «Мы из Кронштадта» подняла ряд интересных частных проблем стиля оборонной советской фильмы (споры о камерности и монументальности). В этом ее смысл и значение, далеко выходящее из рамок оценки талантливого, хотя и во многом спорного, произведения Вишневского» [20].

Большой интерес представляет выступление Н. Погодина. По его мнению, монументальность у Вишневского часто беспредельна, но там, где в сценарии начинается реализм, там, где звучит большая историческая жизнь, например в сцене потопления моряков, вся аудитория замирает.

Погодин отмечает бесспорные удачи Вс. Вишневского.

---

[15] «Знамя», 1933, № 5, стр. 167.

[16] Там же, стр. 169.

[17] См. его статью «Дос. Пассос, советская литература и Запад».— «Литературный критик», 1933, № 1, стр. 114.

[18] Вс. Вишневский. Статьи, дневники, письма. М., «Советский писатель», 1961, стр. 289.

[19] Там же, стр. 296.

[20] «Знамя», 1933, № 12, стр. 198.

«...В двух местах сценария,— говорит он,— так называемый «монументализм» становится обязательным, а следовательно, и художественным. Это, когда стреляет Балтийский флот. Здесь Вишневский нашел правду в образах».

Второй удачей Погодин считает сцену высадки десанта.

«... Эти две сцены,— говорит он,— являют «реалистический монументализм», и в них сказывается большой талант и крупное мастерство Вишневского. Если Вишневский и постановщики картины найдут средства такого вот слияния простого, жизненного, действенного — с большими и монументальными красками, то картина «Мы из Кронштадта» станет боевым и лучшим достижением кино из эпохи гражданской войны»[21].

3

В 1934 г. в «Знамени» происходят существенные перемены. Журнал выходит теперь под редакцией: Вс. Вишневского, А. Исбаха, А. Косарева, М. Ланда, В. Луговского, А. Новикова-Прибоя, С. Рейзина, М. Субоцкого. Ответственным редактором стал М. Ланда, ответственным секретарем С. Вашенцев, заместителем ответственного редактора по-прежнему был С. Рейзин. Кроме него, из «стариков» в новом составе редколлегии остались лишь А. Исбах и В. Луговской.

Журнал стал органом Оргкомитета Союза писателей СССР, и из прежнего обозначения «Знамя» — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический оборонный журнал исчезло слово «оборонный». Но было очевидно, что от этого «Знамя» не перестает быть оборонным журналом. Об этом говорило и содержание ближайших номеров и состав редколлегии. Редактор журнала М. М. Ланда был в то же время ответственным редактором газеты «Красная звезда», заместитель редактора С. Б. Рейзин — начальником культпросветотдела ПУРККА, М. Субоцкий работал в том же Политическом управлении Красной Армии. Известна была приверженность Вс. Вишневского и А. С. Новикова-Прибоя к военно-морской теме.

В четвертой книжке журнала, в новом разделе «Литературный дневник» была помещена редакционная статья «За качество!, За мастерство!», решительно поддержавшая выступления Горького по вопросам языка и художественного качества советской литературы. «Работа по повышению качества должна стать повседневной обязанностью каждого литературно-художественного журнала...» — говорилось в ней[22].

Редакция отметила промахи и недочеты в своей работе. Так, недостаточно тщательно были отредактированы романы К. Левина «Русские солдаты», С. Левмана «Черная пена» и напечатаны некоторые слабые поэтические произведения.

В той же статье редакция говорила и о другом серьезнейшем недостатке журнала — о крайней узости тематических рамок «Знамени». «Понятие так называемой оборонной литературы сложилось вначале как очень узкое. Оборонной литературой мы считали повести, рассказы, пьесы, стихи на тему о боевом прошлом Красной Армии, об империалистической войне, о мирной жизни и учебе современной казармы или лагеря»[23].

---

[21] «Знамя», 1933, № 12, стр. 202.
[22] «Знамя», 1934, № 4, стр. 215.
[23] Там же, стр. 216.

И в этой статье редакции, и в ряде выступлений писателей и критиков, напечатанных в журнале, утверждалось, что тема обороны все объемлюща: это и тема Родины, советского патриотизма, воспитания нового человека.

Впоследствии заместитель редактора С. Рейзин говорил: «Когда мы для себя решили эти теоретические вопросы и поставили их перед писателями, пошла консолидация сил, пошло сплочение крупных писательских сил вокруг нашего журнала»[24].

Действительно в 1934—1935 гг. в «Знамени» был напечатан ряд интересных, значительных произведений: «Не переводя дыхания» И. Эренбурга, «Повесть о Левинэ» М. Слонимского, «Всадники» Ю. Яновского, «Бойцы» Б. Ромашова, «Аэроград» А. Довженко, «Одиночество» Н. Вирты, поэма «Киров» А. Адалис, «Из походной тетради» Н. Тихонова, новые стихи В. Луговского, стихи молодых — Е. Долматовского и М. Алигер.

Большой интерес в критике вызвала повесть С. Вашенцева[25] «Канны» (1934, № 9), изображающая Красную Армию тех лет. По поводу этого произведения в марте 1935 г. в Ленинграде состоялась дискуссия.

«Повесть Вашенцева,— сказал в своем выступлении на дискуссии Н. Тихонов,— открывает путь к настоящему показу бойца и командира Красной Армии, без излишнего преувеличения, с настоящим пафосом и во всей сложности. Повесть «Канны», даже учитывая всю критику, есть нужная и своевременная повесть, умная повесть, которая заставит читателя рассуждать и задумываться»[26].

Важной теме была посвящена «Повесть о Левинэ» М. Слонимского (1935, № 1). Изображение кровавой расправы над вождем баварской революции 1919 г. Е. Левинэ служило разоблачению фашистской Германии.

«Повесть о Левинэ»,— писал Н. Жданов,— не только большая победа М. Слонимского, но и, в определенном смысле,— победа всей нашей литературы...

Эта повесть — прямой и верный удар в лицо немецкого и международного фашизма»[27].

Редакция журнала знакомила читателей и с лучшими образцами зарубежной художественной литературы. Здесь публиковались отдельные главы романа «Прощай, оружие!» Эрнеста Хемингуэя, «Пути славы» Хемфри Кобба, «Возвращение» Ремарка. Печатая произведения зарубежной литературы, журнал вместе с тем оговаривал свое несогласие с идейно-художественными концепциями некоторых из них. Помещая сцены из известного романа Л. Селина «Путешествие на край ночи», редакция писала, что они чрезвычайно интересны и важны для понимания облика Селина, который «видит выход из войны в индивидуальном дезертирстве, в симуляции безумия». «Пораженчество Селина,— говорилось далее,— смыкается с самым дряблым пацифизмом. Это пораженчество мелкого буржуа, который одинаково ненавидит и войну и борьбу с ней»[28].

В 1934 г. в № 9 были помещены отрывки из романа Лиона Фейхтвангера «Успех. Сцены из истории германского фашизма». «Кто не узнает в Руперте Куцнере,— писала редакция,— будущего «фюрера»,

---

[24] ЦГАЛИ, ф. 618, оп. 1, ед. хр. 38.

[25] В 1931—1941 гг. Вашенцев Сергей Иванович был активным работником «Знамени». Одно время он был ответственным секретарем журнала, а с 1939 г. заместителем главного редактора. В журнале был напечатан ряд его произведений.

[26] «Дискуссия о «Каннах».— «Знамя», 1935, № 6, стр. 223.

[27] «Знамя», 1935, № 5, стр. 223.

[28] «Знамя», 1934, № 2, стр. 81.

начавшего свою карьеру оратора в душных мюнхенских пивных, где собирались охранники, взбесившиеся мелкие буржуа и баварские юнкера, мечтающие о возобновлении своей военной карьеры»[29].

Почти полностью посвящая № 5 за 1935 г. антифашистской теме, редакция писала, что фашизм пытками и убийствами стремится принудить революционных художников к молчанию. Антифашистская литература, однако, продолжает развиваться, и ее лучшие образцы будут публиковаться в «Знамени». В том же номере начал печататься роман Вилли Бределя «Испытание» и были помещены стихи И. Бехера «Песня о рубке голов».

Усилия редакции по перестройке журнала были замечены критикой.

«Мы видим, что данное в прошлом году редакцией «Знамени» обещание бороться за качество материала, печатать наиболее интересные произведения, бороться за создание творческого «лица» журнала во многом выполнено,— писал критик В. Геффеншефер.— Что создает «лицо» этого журнала? В нем преобладает оборонная тематика или, вернее, оборонный материал. Но на этом материале журнал стремится разрешать темы широкого социального охвата и звучания. И чем глубже отходит журнал от узкой «оборонности», чем грубже раскрываются в нем темы, тем подлинно «обороннее» становится его функция, тем четче выделяется его творческое лицо»[30].

Несколько позднее на страницах «Знамени» были опубликованы «Книга для взрослых» И. Эренбурга, «Одноэтажная Америка» и «Тоня» И. Ильфа и Е. Петрова, «Северные рассказы» К. Паустовского, рассказы В. Гроссмана, роман «На востоке» П. Павленко, «Солдатская слава» С. Голубова, повесть Ф. Кнорре «Твоя большая судьба», поэмы К. Симонова «Ледовое побоище», «Суворов», записки А. А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю», стихи А. Твардовского, С. Щипачева, С. Кирсанова, М. Алигер, В. Луговского, Н. Грибачева и многие другие произведения.

Критика неоднократно говорила о «Знамени» как о журнале интересном, смелом, со своим творческим направлением. «Знамя» — бесспорно лучший наш художественный журнал,— писал П. Павленко,— с четким творческим лицом... «Знамя» — живой и смелый журнал. В нем хочется работать»[31].

Журнал действительно был подлинным творческим объединением писателей, которые ищут новых путей для литературы. Он горячо поддержал такого новатора кино, как А. Довженко. На страницах «Знамени» был опубликован его сценарий «Аэроград» (1934, № 5).

«Я приветствую моего друга, большого художника нашего искусства,— сказал Вишневский на дискуссии о фильме в ноябре 1935 г. в Московском Доме кино,— приветствую его мужество, его сердце, которое открыто людям, приветствую его искусство, которое будет вооружать народ и двигать его в бой, потому что бой может быть завтра!»[32].

В ноябрьском номере журнала за 1937 г. был опубликован кинороман «Мы, русский народ», написанный Вс. Вишневским. Произведение вызвало горячие споры, и хотя оно давало материал для критики, все же получило высокую оценку многих мастеров искусства и литературы у нас и за рубежом. Юлиус Фучик перевел это произведение на чешский язык.

---

[29] «Знамя», 1934, № 9, стр. 148.

[30] «Литературный критик», 1935, № 12, стр. 236.

[31] П. Павленко. Наш лучший журнал.— «Литературная газета», 5 февраля 1936 г.

[32] Вс. Вишневский. Статьи, дневники, письма, стр. 125.

«Мы, русский народ» — «...новый тон в современной советской литературе,— писал Р. Роллан,— тон радостного героизма, непобедимого оптимизма. Это искусство еще несколько молодое, еще немного незрелое, не без некоторой угловатости. Но ценность его в радостном порыве мужественной молодости» [33].

В 1936 г. Вишневский писал из Парижа редакции «Знамени»: «...советую крепко браться за авторов типа Эйзенштейна и др.» [34]. И редакция прислушалась к его советам: в № 12 за 1937 г. опубликован литературный сценарий «Русь», сделанный П. Павленко совместно с режиссером С. Эйзенштейном. Патриотический фильм «Александр Невский», созданный по этому сценарию, был высоко оценен в «Знамени» (1939, № 1) Вс. Вишневским. Он писал, что мастерство Эйзенштейна достигло здесь огромного совершенства, так как режиссер отказался от натуралистического воспроизведения событий. Следует отметить интерес «Знамени» к творчеству немецкого драматурга-коммуниста Фридриха Вольфа. Своеобразные в художественном отношении социальные трагедии Вольфа «Матросы из Каттаро» и «Флорисдорф» были переведены Вишневским на русский язык, напечатаны в «Знамени» и поставлены на сцене советского театра.

В связи с художественными исканиями журнала его редакция провела обсуждение вопроса о новелле. Начало такого разговора было положено на совещании работников редакции, писателей и критиков, которое состоялось в ноябре 1934 г.[35] В споре о новелле приняли участие С. Рейзин, Л. Никулин, А. Лейтес, Г. Мунблит, А. Исбах, А. Тарасенков, С. Мстиславский, Л. Рубинштейн и другие.

Позднее редакция поместила статью критика И. Эвентова «Нравоописательная новелла» (1935, № 7), где обстоятельно разбирались опубликованные в «Знамени» новеллы Б. Лапина и З. Хацревина «Дальневосточные рассказы», Н. Тихонова «Туркменские записи», Н. Костарева «Сахалинские сказки». В том же номере была напечатана статья Б. Бегак «Советская новелла».

«Знамя» регулярно, из номера в номер, публиковало две-три новеллы, охотно предоставляя свои страницы маститым и молодым новеллистам, знакомило читателей с зарубежными мастерами этого жанра. В журнале (1933, № 6) была опубликована новелла Ю. Яновского «Адаменко», затем — «Чубенко, командир полка» (№ 11). В 1935 г. в № 1 печатается «Двойное кольцо» и в № 7 пять новелл, завершивших цикл, образующий по замыслу Ю. Яновского роман «Всадники», в котором каждая глава является самостоятельной новеллой.

В том же году журнал опубликовал интересные новеллы В. Гроссмана «Цейлонский графит» и «Мечта», И. Сергеева «Комендант города», а в 1935 г. в № 2 была сделана подборка тематически объединенных новелл, повествующих о новобранцах капиталистических армий. В нее вошли рассказ польского писателя Збигнева Униловского «День новобранца», японского литератора Торао Хаяси «Новобранец Иошида» и французского писателя Жана-Ришара Блока «Как делается пехотный взвод».

«Знамя» усиленно культивировало и культивирует на своих страницах жанр новеллы...— писал В. Гоффеншефер,— отличие «Знамени» от других журналов заключается в том, что работа над жанром новеллы проводится систематически, с особым вниманием к этому делу. Журнал не только собирает вокруг себя новеллистов и печатает их, но и пыта-

---

[33] «Интернациональная литература», 1938, кн. 2-3, стр. 393.

[34] Вс. Вишневский. Статьи, дневники, письма, стр. 166.

[35] Стенограмма совещания напечатана в «Знамени», 1935, № 1.

ется *теоретически* осмыслить свою работу»[36]. Критик отметил далее как курьез тот факт, что дискуссия о новелле, о ее «кризисе» и путях «спасения» происходила в редакции журнала, на страницах которого обильно печатались новеллы и новеллы не плохие.

И в дальнейшем редколлегия «Знамени» не ослабляет свое внимание к этому жанру. На страницах журнала публиковались новелла английского летчика-испытателя Джимми Коллинза «Летчик-испытатель» (1936, № 11), роман в новеллах В. Курочкина «Мои товарищи» (1937, № 1), рассказ Л. Соболева «Вход в гавань» и «Маленькие новеллы» А. Исбаха (1938, № 2), рассказ Ф. Кнорре «Неизвестный товарищ» и С. Вашенцева «Рассказы о бойцах» (1938, № 5), «Доблестный зуб» Б. Лавренева (1939, № 2), «Сентиментальный рассказ» и «Розовые поля» Е. Габриловича (1939, № 5-6) и многие другие.

Среди опубликованных журналом новелл были, разумеется, и неудачные. В критике справедливо отмечались недостатки рассказов: «Учитель» Д. Соколова, «Ласковый старик» Н. Шпанова, «Привидения из Хуккаярви» Л. Рубинштейна и др.

4

В 1931 г., поработив Маньчжурию, Япония начала агрессию в Китае. На Дальнем Востоке возникла угроза нападения на Советский Союз. В журнале, естественно, стала занимать особое место «восточная тема». «Знамя» знакомит читателей с жизнью и литературой Японии и Китая. Журнал напечатал отрывок из романа прогрессивного писателя Японии Наоси Токунага «Улица без солнца» (1931, № 7), посвященный стачке в одной из крупнейших типографий Токио, активным участником которой был сам автор, наборщик этой типографии, рассказы Ал. Хамадана «Гнев» о захватнической войне японского империализма в Китае, рассказы и стихи китайского поэта Ями Сяо, статью японского критика Курода «Современная японская литература» (1934, № 6).

В 1934 г. редакция журнала выпустила специальный «японский» номер (№ 6). Поясняя смысл и цель номера, редакция писала, что японский империализм выступает застрельщиком войны против СССР и поэтому писатели «обязаны в художественной литературе рассказать трудящимся о подготовке войны против СССР, о готовности трудящихся СССР защищать свою родину»[37].

В этом же году журнал напечатал роман Л. Рубинштейна «Тропа самураев» о вторжении японских захватчиков в Маньчжурию. Произведение было актуальным и своевременным. Статья о нем в «Знамени» так и называлась «Прицел верен»[38].

Были опубликованы «Дальневосточные рассказы» Б. Лапина и З. Хацревина, статьи В. Шкловского «Что мы знаем об Японии?», Вс. Вишневского «Япония и японские типы в советской литературе».

Ряд интересных статей был напечатан о Китае: Г. Хохлов «Правда о Китае», Вл. Рудман «Антияпонская литература Китая», Б. Перлин «Китай и Япония». Борьбе китайского народа с интервентами были посвящены записки Р. Кармена «Год в Китае» (1940, № 8). «Мы очень мало знаем о внутренней жизни Китая,— пишет Як. Рыкачев,— и потому записи Кармена имеют для нас большую, а порой и незаменимую ценность: они принадлежат добросовестному и внимательному очевидцу»[39].

---

[36] «Литературный критик», 1935, № 12, стр. 226.
[37] «Знамя», 1934, № 6, стр. 175.
[38] А. Никонов. Прицел верен.— «Знамя», 1934, № 4.
[39] «Красная новь», 1941, № 2, стр. 199.

В 1936 г. в «Знамени» был напечатан известный роман П. Павленко «На Востоке». Он имел большой успех и был издан в Америке, Англии, Франции, Китае, Чехословакии и других странах. Его называли «пророческим романом». В одной из рецензий, напечатанной в 1938 г. в приложении к газете «Дейли Уоркер», говорилось: «Павленко дает читателю достаточно ясное представление о том, что происходит на Советском Дальнем Востоке, и о том, какой отпор получат войска микадо, если они попытаются напасть на советскую территорию» [40].

С интересом прочел «На Востоке» М. Горький. Он находил роман своевременным по теме и очень важным для развития оборонной литературы. Основной недостаток книги Горький видел в том, «что в ней совершенно отсутствует главный герой будущей войны, наш красноармейский, краснофлотский боец» [41]. На другой недостаток романа — недооценку писателем сил противника — указывали читатели.

В 1938 г. японские интервенты напали на пограничные войска в районе озера Хасан, а затем произошел вооруженный конфликт на границе Монгольской Народной Республики. Эти события не застали редакцию журнала врасплох. Появляется целый ряд очерков и статей. В очерке Н. Атарова и С. Урниса «Марш и выход к бою» (1938, № 12) речь идет об учебе артиллеристов в дни хасанских событий. О жестоких сражениях на Хасане, о мужестве и отваге советских воинов рассказывает Петр Чередниченко в очерке «Высота Заозерная» (1938, № 12). В статье В. Вишневского «Бои у озера Хасан» (1938, № 10) был дан обзор газеты «На защиту Родины», где публиковались отклики на эти события.

Во время войны с белофиннами и освободительного похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию многие постоянные сотрудники «Знамени» находились на фронте. С самого начала боевых действий во флоте были В. Вишневский и Л. Соболев. Во фронтовых газетах работали С. Вашенцев, А. Исбах, В. Луговской, Е. Долматовский, П. Павленко, Н. Тихонов, В. Шкловский, Б. Горбатов, С. Щипачев и другие.

Большая часть произведений и публицистических статей, составляющих основное содержание «Знамени» за 1940 г., посвящена была этим военным событиям. В журнале публиковались стихи К. Симонова «Письма домой», В. Луговского «Ночь под Молодечно» и «Белорусский фронт», М. Матусовского «Брестские стихи», А. Твардовского «Из фронтовых стихов», «Баллада о Красном знамени» и др., Е. Долматовского «Зима» из книги «Три времени года», Дж. Алтаузена «Пробуждение героя» и др.

Проза была представлена в журнале главным образом очерками. Половина из напечатанного в 1940 г. приходится на этот жанр. Наибольший интерес представляют очерки В. Шкловского «Рассказы о Западной Украине», Е. Петрова «Пять дней», В. Лидина «Дорога на Запад», Е. Габриловича «На Запад!».

Особое место в «Знамени» заняла тема героической борьбы испанского народа за свободу и независимость своей родины. Первыми откликами на испанские события были статьи Б. Миндлоса «Военно-фашистский мятеж в Испании» (1936, № 10) и стихотворение М. Исаковского «Мать» (1936, № 11), посвященное героическим женщинам Испанской республики.

С первого номера 1937 г. под рубрикой «Испания» в журнале систематически печатаются художественные произведения, литературно-критические и публицистические статьи, посвященные испанским событиям,

---

[40] ЦГАЛИ, ф. 2199, оп. 1, ед. хр. 215, л. 4.

[41] «М. Горький и советская печать». М., «Наука», 1964, кн. 1, стр. 379.

дневники и воспоминания участников этой героической борьбы. «Знамя» знакомит своих читателей с творчеством испанских писателей. Здесь были напечатаны «Испанские рассказы» Долорес Квецана (1937, № 10), дебютировавшей в 1935 г. романом «Стена плача» из жизни астурийских горняков. Стихотворение Эмилио Прадос «Товарищу Антонио Коллю» (1938, № 3) посвящено испанскому военному моряку, уничтожившему в бою шесть фашистских танков и погибшему под Мадридом зимой 1936 г. Анхель Санчес Рамирес в произведении «Узники Кольюра. История одного преступления» (1940, № 9) рассказывает о том, как правительство Даладье загнало в концентрационные лагери героических испанских бойцов, которые искали убежище на французской земле от кровавого режима Франко.

В журнале напечатаны главы из книги «Я свидетельствую...» Антонио Руис Вилаплана (1938, № 4). Автор не писатель, а чиновник испанского судебного ведомства. Неслыханные издевательства фашистов над населением заставили его покинуть родину. Здесь находим произведения писателей-антифашистов, вместе с испанским народом сражавшихся за свободу Испании. Это французский писатель Жан-Ришар Блок, автор книги «Испания! Испания!», с отрывками из которой редакция познакомила читателей (1937, № 1).

Испанской войне посвящен новый роман Эптона Синклера «Но пасаран!» (1937, № 6). С комментариями И. Эренбурга публиковались «Дневники итальянских чернорубашечников».

«Три дневника...— писал И. Эренбург.— Я читал их, не отрываясь: передо мной была душа врага. Война с ее героизмом и подлостью оголяет людей. Я знал, что фашисты жестоки и тупы, я знал, что это варвары и насильники. Я не знал, до чего они ничтожны» [42].

На испанские события откликнулись советские писатели и критики. В журнале были напечатаны: роман И. Эренбурга «Что человеку надо» (1937, № 11) и «Испанские стихи» (1939, № 7-8), рассказы К. Паустовского «Гончие псы» (1937, № 6) и В. Курочкина «Наездник из Кастилии» (1937, № 10), стихотворение К. Симонова «Генерал» (1937, № 8) и др. В. Шкловский рассказал в своей статье о неутомимой деятельности в Испании талантливого журналиста М. Кольцова [43]. Высокую оценку «Испанскому дневнику» дал В. Финк. «...Среди литературы об Испании,— писал он,— книга Михаила Кольцова занимает особое место. Эти записи... раскрывают с замечательной и захватывающей глубиной всю картину испанской борьбы. Зоркий глаз автора сумел все увидеть — и наивную беспомощность неопытных частей, и вредные его политические распри, и то, как всем этим пользуется хитрый, умный, хорошо сорганизовавшийся враг, и то, как враг этот действует не только на фронте и не только в тылу республиканской армии, но и в самых ее рядах, и то, как организуются силы народа на борьбу с фашизмом» [44].

Интересна статья А. Фоньо «Нельзя не победить!» (1938, № 2) о писателях-антифашистах, которые с первого дня фашистского мятежа поспешили на Пиренейский полуостров, чтобы бороться в рядах испанской республиканской армии. Среди них венгерский писатель Матэ Залка, немецкий писатель коммунист Густав Реглер, английский писатель Ральф Фокс, французский писатель Жан-Ришар Блок, советские корреспонденты И. Эренбург, М. Кольцов и многие другие [45].

---

[42] «Знамя», 1937, № 6, стр. 133.
[43] «Знамя», 1937, № 2.
[44] «Знамя», 1938, № 7, стр. 237.
[45] С содержательными статьями в журнале выступил Н. Габинский: «Литература народного фронта Испании» (1937, № 2); «Маркс и Энгельс об Испании» (1938, № 1); «Поэзия гражданской войны в Испании» (1938, № 2).

5

Работа «Знамени» отличалась широтой и независимостью от каких-либо групповых соображений и симпатий. Поэтому и коллектив авторов журнала был весьма широк. Сюда шли писатели старшего поколения, здесь охотно печатали и молодых. «Знамя» вырастило целую плеяду талантливых поэтов: К. Симонова, М. Алигер, Е. Долматовского, М. Матусовского. В журнале были опубликованы первые произведения молодых прозаиков: романы Н. Вирты «Одиночество» (1935, № 10) и В. Курочкина «Мои товарищи» (1937, № 1), повести В. Авдеева «У нас во дворе» (1940, № 1) и П. Нилина «Возвращение» (1937, № 10).

Редакция проводила энергичную работу с авторами, организовывала обсуждения вышедших книг. По ее советам перерабатывал рукопись «Одиночества» Н. Вирта. В августе 1936 г. на обсуждении романа в Доме писателей все выступающие отмечали, что «Одиночество» — книга нужная и интересная.

А. Исбах вспоминает [46], как он с Вишневским долгими вечерами работали над рукописью А. Игнатьева «50 лет в строю» [47]. Мемуары Игнатьева имели огромный успех у читателей. В них привлекало то, писал В. Финк, «что книга, в которой рассказывается о русском императорском дворе, о французском президенте, о Мукдене и Копенгагене, о Париже и Шантильи, о генералах, министрах и дельцах,— книга эта в конечном счете является книгой о патриотизме русского человека, о национальной чести, о верности как о смысле и содержании целой жизни» [48].

С таким же энтузиазмом, по словам А. Исбаха, они работали над рукописью известного летчика И. Спирина [49], над «Записками штурмана» М. Расковой [50], в редактировании которых им помогал Борис Горбатов. Помимо этих записок, в «Знамени» был опубликован еще ряд книг героев Советского Союза. Это «Рассказы пилота» Г. Байдукова (1938, № 9), «Четыре товарища» Э. Кренкеля (1939, № 10-11), «Трагедия в проливе Лонга» М. Слепнева (1940, № 9), «Записки полярного летчика» М. Бабушкина (1941, № 6) и другие. В этих, очень интересных книгах авторы делились своим богатым жизненным опытом, просто и доходчиво рассказывали о трудностях и испытаниях, которые выпали им на долю.

«Для «Знамени» уже стало правилом регулярно печатать записки и воспоминания бывалых людей,— писал А. Кукаркин.— И в этом — одна из крупнейших заслуг редакции журнала» [51].

Вишневский как редактор всегда поддерживал новое, талантливое и никогда не исходил из конъюнктурных соображений, был внимателен и к маститым, и к молодым. Он был чрезвычайно рад, когда в редакцию поступила рукопись рядового участника войны с белофиннами сержанта Н. Митрофанова «В снегах Финляндии». «Молодой автор оказался ершистым,— пишет А. Исбах.— Он боролся за каждое слово. А редактировать рукопись приходилось основательно. Мы старались сохранить весь аромат рукописи, не навязывать автору своего стиля» [52].

---

[46] А. Исбах. Лицом к огню.— В кн. «Писатель-боец». М., «Советская Россия», 1963, стр. 113.
[47] «Знамя», 1939, № 9; 1940, № 10.
[48] В. Финк. Литературные воспоминания. М., «Советский писатель», 1960, стр. 278—279.
[49] И. Спирин. Записки военного летчика.— «Знамя», 1939, № 5-6.
[50] «Знамя», 1939, № 2.
[51] «Новый мир», 1941, № 1, стр. 230.
[52] «Писатель-боец», стр. 114.

Вспоминая об обстановке в редколлегии тех лет, М. Алигер писала: «...ощущением взаимного доверия и уважения людей, делающих одно общее и очень важное для них дело, была пропитана атмосфера тогдашней редакции журнала, этим был сцементирован его превосходный редакционный коллектив. В эту атмосферу окунулись и мы, тогда еще совсем молодые, можно сказать, начинающие авторы, которым в то время, в середине 30-х годов, широко открыл свои двери журнал «Знамя». Нас охотно и с интересом печатали, и в отношении к нам не было ни надменности, ни снисходительности...

Многие, если не большинство нынешних серьезных писателей, думаю я, поминают добром редакцию, возглавлявшуюся Всеволодом Вишневским» [53].

И не случайно журнал «Знамя» часто ставился в пример другим редакциям, которые недостаточно работали с начинающими и не всегда охотно печатали их произведения. «Мне хочется обратить внимание наших редакций на журнал «Знамя»,— писал Ю. Герман.— Этот журнал печатает молодых литераторов, поддерживает и защищает их. Вспомните Вирту, Курочкина и других. Он не перестраховывается, а занимается воспитанием молодых серьезно» [54].

Критика была представлена в журнале двумя отделами: «Литературный дневник», где давались оперативные отклики на текущую литературную продукцию, печатались статьи по проблемам оборонной художественной литературы, дискуссионные статьи, и «Литература и искусство», в котором публиковались историко-литературные статьи, порой монографические. Оба эти отдела в 1938 г. слились в один —«Литературная критика».

В общем критика «Знамени» помогала журналу осуществлять исключительно важную для 30-х годов роль — роль организатора оборонной литературы, тесно связанной с жизнью страны, с задачами социалистического строительства и обороной Родины.

Отделом критики «Знамени» руководил до 1941 г. А. Тарасенков, он же был автором многих интересных статей, печатавшихся в журнале. Заслуживают внимания его статьи, посвященные поэзии А. Блока и В. Маяковского, произведениям Вс. Вишневского, Н. Тихонова, И. Эренбурга, стихам Т. Табидзе и переводам с грузинского Б. Пастернака. Кроме А. Тарасенкова, в журнале печатались М. Серебрянский, В. Шкловский, В. Перцов, А. Селивановский, А. Лейтес, Б. Бегак, К. Зелинский, Н. Жданов, П. Березов, М. Бочачер, И. Эвентов, Ю. Островский, Д. Мирский, Л. Левин, Ю. Севрук, Е. Крекшин, Н. Замошкин и другие. Проблемы зарубежной литературы освещали Р. Миллер-Будницкая, В. Гурвич, О. Немеровская, М. Аплетин, А. Фоньо. Со статьями по вопросам литературы выступали нередко писатели: Вс. Вишневский (напечатал более 10 статей), Б. Ромашов («Как ставились «Бойцы», № 6, 1934), Б. Лавренев («Нужно работать», № 9, 1934), П. Антокольский («Стихи о Пушкине», № 1, 1937), И. Эренбург («Ответ читателям», № 2, 1936), А. Исбах («Как боролся на литературном фронте Дмитрий Фурманов», № 7, 1937), П. Павленко («Писатель должен быть бойцом», № 4, 1937), К. Чуковский («Некрасов как художник», № 5, 1938), В. Финк («Об «Испанском дневнике» Михаила Кольцова», № 7, 1938).

В журнале печатались обзоры советской литературы: Г. Белицкого «Социалистический реализм и оборонная драматургия», М. Серебрянского «Тема гражданской войны в советской литературе», Д. Мирского «Заметки о стихах», В. Перцова «Новая дисциплина» (3 статьи), А. Фоньо

---

[53] «Писатель-боец», стр. 177—178.

[54] Ю. Герман. Разговор о редакторе.— «Литературный современник», 1939, № 4,

«Драматургия юбилейного года» и других. Был напечатан ряд статей о литературах и писателях братских народов СССР: А. Лейтеса «На новом этапе украинской литературы»; Д. Мирского «Симон Чиковани»; Ю. Севрука «Джамбул»; К. Зелинского «Заметки о поэзии М. Бажана»; Д. Данина «Об «Антологии азербайджанской поэзии»; Е. Сикара «Эпос калмыцкого народа»; А. Талвира «Основоположник чувашской литературы»; О. Резника «Заметки о творчестве Ванды Василевской».

Публиковались статьи о творчестве советских писателей: М. Бочачера «Артем Веселый»; И. Оксенова «Лариса Рейснер — военный писатель»; А. Лейтеса «Песня не согласна ждать» (о Багрицком); В. Кирпотина «Олеша-драматург»; А. Амстердама «Мобилизованность» (о Луговском); Б. Гроссмана «Заметки о творчестве Ильфа и Петрова»; В. Асмуса «Александр Твардовский».

«Знамя» поддерживало на своих страницах подлинно значительные явления литературы.

Одним из лучших поэтических произведений о гражданской войне назвал Ю. Севрук поэму Б. Корнилова «Триполье». «Его поэзия,— пишет критик,— убеждает читателя в том, что историческая правда на стороне погибших комсомольцев. Он видит нити, связывающие их поколение с лучшими людьми современности. И в этой ясности зрения — поэтическое будущее Корнилова» [55].

В статье И. Эвентова «Войны Петровской эпохи» (1935, № 1) речь идет о двух книгах романа А. Толстого «Петр Первый» как о выдающемся историческом произведении. Л. Левин («Риск наверняка», 1936, № 10) и Н. Замошкин («Повесть о бомбардире-наводчике», 1938, № 5) посвящают свои статьи книгам В. Катаева «Белеет парус одинокий» и «Я, сын трудового народа». О поэме А. Твардовского «Страна Муравия» как об одном из лучших произведений советской поэзии пишет М. Серебрянский (1936, № 11).

Журнал дал статьи о таких значительных произведениях, как «Люди из захолустья» А. Малышкина (статья О. Мошенского, 1938, № 9), историческая эпопея «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского (статья А. Кукаркина, 1940, № 11-12), роман М. Шолохова «Тихий Дон» (Л. Левин. «Шолохов и Мелехов», 1941, № 4).

Заслуживают внимания некоторые статьи журнала, направленные против проработочного тона и вульгарного подхода, которые допускались отдельными критиками в оценке творчества ряда советских писателей.

«Знамя» встало на защиту произведений К. Федина, подвергнутых резкой и несправедливой критике в «Литературном обозрении» в статье В. Гриба [56], который утверждал, что будто бы даже лучшие романы Федина очень быстро стареют и перечитывать их не доставляет непосредственного художественного наслаждения. Не соглашаясь с В. Грибом, Л. Левин писал:

«Мы недавно перечитывали роман «Города и годы» и не можем согласиться с В. Грибом. Взяв на себя задачу критического пересмотра истории советской литературы, мы отнюдь не брали обязательства одним взмахом пера зачеркивать значительные документы этой истории. Роман «Города и годы», несомненно, принадлежит к числу этих документов» [57].

---

[55] Ю. Севрук. Становление поэта.— «Знамя», 1934, № 6, стр. 241.

[56] В. Гриб. «Повести и рассказы» К. Федина.— «Литературное обозрение», 1936, № 10.

[57] Л. Левин. Это произведение является шагом вперед.— «Знамя», 1936, № 8, стр. 210.

В «Знамени» был взят под защиту роман И. Эренбурга «День второй» как первое крупное произведение автора о социалистическом строительстве, о людях первой пятилетки. Полемизируя с «Литературной газетой», открывшей дискуссию о романе статьей А. Гарри[58], который обвинял Эренбурга в клевете на советскую действительность, автор статьи в «Знамени»[59] писал, что суровость и требовательность у Гарри подменены заушательством и окриком. В № 9 за 1935 г. были напечатаны две статьи о романе И. Эренбурга «Не переводя дыхания», опубликованном в «Знамени» (1935, № 3).

Отношение журнала к этому произведению нашло выражение в статье А. Селивановского «День третий?». А. Селивановский полемизировал с В. Ермиловым[60], который усматривал главный недостаток романа в примитивизме героев, и с Е. Трощенко[61], по мнению которой роман Ильи Эренбурга «Не переводя дыхания» представляет собою «пастораль с сентенцией».

«Когда Е. Трощенко утверждает,— писал А. Селивановский,— что Эренбург — не художник, а публицист-монтажист, она обнаруживает только свое непонимание Эренбурга... Да, Эренбург — публицист, и каждый читатель «Известий», где он публикует свои статьи, знает, какой это хороший публицист. Эренбург — хороший публицист, и, следовательно, он умеет быстро схватывать существенные черты любой среды и любой обстановки»[62].

С «Ответом читателям» выступил в «Знамени» и сам Илья Эренбург.

Журнал установил прочные связи с И. Эренбургом. В майском номере «Знамени» за 1936 г. была напечатана его «Книга для взрослых». «Ночью прочел Эренбурга *«Книгу для взрослых»,*— писал Вс. Вишневский 5 июня 1936 г. из Парижа в редакцию,— это человеческий документ...

Я рад появлению этой вещи: она вся из нервов, правды, опыта... Я рад ее охвату: здесь дыхание нашей эпохи...»[63].

И в последующие годы, когда в журнале с особенной силой зазвучала тема героической борьбы испанского народа с фашизмом, тема будущей мировой войны, все наиболее значительные произведения Эренбурга, связанные с этими темами, появились на страницах «Знамени». Здесь были напечатаны его романы «Что человеку надо» (1937) и «Падение Парижа» (1941—1942), «Испанские стихи», стихи «Война в Европе», «Верность» и другие.

Критический отдел в целом в эти годы был содержательным и интересным, однако в журнале встречались статьи, которые вызывали справедливые упреки. За недооценку классического наследия критиковались статьи В. Шкловского, Е. Мустанговой и А. Лейтеса, напечатанные в «Знамени» в 1936 г.[64]

Уровень и количество критических статей, посвященных современной литературе, снизились в предвоенные годы. Почти исчезли обзоры ли-

---

[58] А. Гарри. Жертвы хаоса.— «Литературная газета», 18 мая 1934 г.

[59] Р. С. О романе «День второй» И. Эренбурга и о позиции «Лит. газеты».— «Знамя», 1934, № 7.

[60] В. Ермилов. Родина и люди.— «Правда», 16 июня 1935 г.

[61] Е. Трощенко. «Не переводя дыхания».— «Литературная газета», 30 июня 1935 г.

[62] «Знамя», 1935, № 9, стр. 231.

[63] Вс. Вишневский. Статьи, дневники, письма, стр. 168—169.

[64] И. Сац. Литературная критика в журнале «Знамя» (№ 1—9 за 1936 год).— «Литературный критик», 1936, № 12.

тературы и нередко за критические статьи выдавались беглые рецензии.

Рассматривая новую книгу, авторы часто даже не делали попытки поставить ее в какую-либо связь с творчеством других писателей, со всей советской литературой. Об этом справедливо писала Г. Колесникова, анализируя первые три книги «Знамени» за 1939 г. Она ссылалась на статьи Е. Крекшина о «Мужестве» В. Кетлинской и А. Волкова о «Клятве» Г. Фиша, которые действительно представляли собой рядовые рецензии.

Читатель мог по названию принять за обзор статью «Орденоносная советская литература», напечатанную в № 3 журнала. «Однако,— писал критик,— с первых же строк этой статьи, где не говорится ни о конкретных произведениях, ни о конкретных писателях, виден ее общий декларативный характер» [65].

6

Во второй половине 30-х годов в «Знамени» появился ряд статей о творчестве несправедливо осужденных писателей: Б. Ясенского, П. Васильева и Б. Корнилова.

В 1937 г. из большой редколлегии журнала «Знамя» остаются: Вишневский, Новиков-Прибой, Луговской и Исбах.

В 1939 г. Вишневский назначается и. о. ответственного редактора, его заместителем — С. Вашенцев. В таком составе редколлегия остается до 1941 г.

В те предвоенные годы в некоторых художественных произведениях, напечатанных в журнале, будущая война изображалась облегченно, недооценивалась военная мощь противника.

На это правильно обратили внимание слушатели Военно-инженерной академии им. Куйбышева. Отмечая достоинства вызвавшей большой интерес книги П. Павленко «На Востоке», они вместе с тем справедливо писали: «...в этой книге нам кажутся лишними тот фальшивый ура-патриотизм и ура-настроения, которые получились у автора при изображении чувств советского народа в наступившей войне. Не это надо показывать нашему народу. Не усыплять, а держать народ все время в боевой готовности — вот, что нам нужно!» [66]

Эти «ура-настроения» еще более сильно проявились в повести Н. Шпанова «Первый удар», напечатанной в январской книжке «Знамени» за 1939 г.

Вот как здесь изображается начало войны:

«В 16 час. 57 мин. 18 августа пограничные посты ВНОС обнаружили приближение противника.

В 17 час. первые германские самолеты перелетели границу СССР.

В 17 час. 01 мин. начался воздушный бой.

В 17 час. 30 мин. последний неприятельский самолет первой волны покинул пределы Союза» [67].

Далее события развиваются еще более молниеносно. В 9 час. вечера того же дня советские самолеты уже шли на Запад. К 4 часам 19 августа, за 11 часов войны, судьба пограничного боя была решена, немцы отходили, а скоро это отступление превратилось в бегство.

---

[65] Г. Колесникова. Критика современной литературы в московских журналах.— «Литературное обозрение», 1939, № 17, стр. 55.

[66] «Литературная газета», 10 апреля 1938 г.

[67] «Знамя», 1939, № 1, стр. 42.

Важное место занимал в журнале в 30-е годы отдел «Публицистика». Материалы его, печатавшиеся вначале под рубрикой «За рубежом», часто без рубрики, а с № 3 1936 г. постоянно под заголовком «Публицистика», освещали три темы: военную, историческую и международную.

Отдел направлял основное усилие на разоблачение фашизма, раскрытие планов подготовки немецких фашистов к войне против советского народа.

В этом плане первым, наиболее примечательным выступлением журнала была, пожалуй, статья Н. Степанова «Навстречу новой войне» (1935, № 6).

«Главным источником беспокойства в Европе является фашистская Германия и ее подготовка к войне за новый передел Европы!» [68],— писал автор. Он цитировал книгу Гитлера «Моя борьба», приводил высказывания, в которых открыто выражались стремления фашистов к завоеванию новых земель за счет России, убедительно показывал интенсивную подготовку германских фашистов к войне против Советского Союза.

В № 12 «Знамени» за 1936 г. и в № 2 за 1937 г. были напечатаны главы из книги Эрнста Генри «Гитлер над СССР?», вышедшей за несколько месяцев до этого в Англии.

В них интересно, с большой убедительностью раскрывается гнусная история прихода фашизма к власти, бандитский террор, интенсивная подготовка гитлеровцев к войне. Книга эта, действительно, как говорилось «От редакции», представляла собой чрезвычайно острый документ, разоблачающий подготовку Третьей империей войны против Советского Союза.

В главе «Фантастические планы» — о возможном нападении гитлеровской Германии и ее потенциальных сателлитов на СССР — автор убедительно рассказывает о невиданных масштабах роста армии Гитлера.

Но при чтении этих материалов испытываешь двоякое ощущение: с одной стороны, они настораживают — враг чудовищно вооружается и уже разработал планы вторжения; а с другой стороны — разгром гитлеровцев представляется делом несложным.

«Воздушная контратака красного воздухофлота,— пишет автор,— будет, вероятно, разрушительной для фашистской Германии, для ее военной индустрии, для технического аппарата войны, для фашистской мобилизации и, прежде всего, для социальной и политической системы воинствующего фашизма» [69].

Отдел «Публицистики» по охвату злободневных тем был, пожалуй, в те годы лучшим, чем те же отделы в других толстых журналах. Кроме названных выше выступлений, в нем были опубликованы содержательные статьи В. Асмуса «Философская культура под сапогом фашизма» (1936, № 3), Фридриха Вольфа «Драматургия фашизма» (пер. с немецкого М. Левиной) (1936, № 8), майора Ф. Кузнецова «Германские фашисты готовятся к войне» (1938, № 4) и «Новое в военной технике» (1938, № 9), Д. Харитонова «Вооружения фашистской Германии» (1938, № 6), острые памфлеты Н. Корнева «Константин Хирль» (о яром фашисте полковнике, инициаторе организации гитлеровских трудовых лагерей) (1935, № 4) и «Юлиус Штрейхер» (о национал-социалисте, возглавившем еврейские погромы в Германии) (1935, № 5), памфлет О. Савича «Господин Даладье» (1940, № 4-5). Интересны очерки И. Звавича «Уинстон Черчилль» (1940, № 4-5), М. Мендельсона «Семья Рузвельтов» (1940, № 10).

---

[68] «Знамя», 1935, № 6, стр. 181.
[69] «Знамя», 1937, № 2, стр. 199.

Но порой даже в статьях военных специалистов отражались настроения самоуспокоенности и бахвальства. Примером может быть статья комбрига Ф. Чернышева «Блеф гитлеровского военного могущества» (1939, № 1). В ней автор пытается доказать, что в будущей войне немецкое командование возлагает надежды на воздушные и танковые армии, но что моральный дух немецкой армии крайне низок и разгромить ее — дело не столь трудное.

Благодушие проникало и в публицистические статьи, посвященные внутренним проблемам Красной Армии. Так, в статье В. Кнехта «Большой флот» — об укреплении обороноспособности наших морских рубежей, статье, в общем интересной и содержательной, утверждается, что наш флот будет вести войну на территории противника и обязан «поразить врага до того, как он приблизится к советским территориальным водам... вдали от наших берегов, в открытом море и в его собственных базах»[70].

В публицистических материалах «Знамени» бросается в глаза то, что перед самой войной в журнале меньше стало статей, разоблачающих фашизм, угрозу войны.

На место этих статей все больше появлялось статей на исторические темы: В. Финка «Двадцать пять лет тому назад» — о выстреле в Сараеве в августе 1914 г. и начале империалистической войны (1939, № 9); А. Кауфмана «Индия» — о ее истории и колониальном закрепощении (1940, № 1), Б. Перлина «Бесхозяйная Индонезия» (1940, № 6-7); И. Звавича «Томми Аткинс» — из истории английской армии (1941, № 2) и др.

Наиболее близка к злободневным европейским событиям была серия статей М. Галактионова «Заметки об англо-германской морской войне» (1940, № 3), «Линия Мажино — линия Зигфрида» (1940, № 4-5), «Некоторые выводы из операций мая-июня 1940 года в Западной Европе» (1940, № 9), «По страницам военных изданий» — обзор с точки зрения тактики и стратегии войны (1941, № 5).

Эти статьи безусловно представляли интерес для командного состава нашей армии.

Очень существенной была статья генерал-майора С. Красильникова «Перестройка боевой подготовки Красной Армии» (1941, № 6). Основываясь на приказе Наркома обороны и указаниях Генерального штаба Красной Армии о необходимости крутого изменения методов подготовки войск к сражениям с врагом, автор говорил о том, что войска надо учить в обстановке, максимально приближенной к боевой, что нельзя армию ориентировать на легкую победу, нужно готовить ее к войне в самых суровых условиях.

В статье много было нужного и дельного. Но вышла она в июне 1941 г., когда развязанная гитлеровцами мировая война уже стучалась в наши двери.

7

16 мая 1941 г. редколлегия «Знамени» подписала к печати очередной, шестой номер журнала. В отделе прозы и поэзии продолжалась публикация романа И. Эренбурга «Падение Парижа», печатались «Записки полярного летчика» Героя Советского Союза М. С. Бабушкина о подвигах советских летчиков, очерк Л. Шапиро «В разведке» о боевой учебе воинов, оборонные стихи М. Матусовского. Под рубрикой «Наша три-

[70] «Знамя», 1938, № 4, стр. 168.

буна» были даны статьи Героев Советского Союза М. Громова «Что же такое храбрость?», Д. Левченко «Храбрость», В. Кашуба «Самоотверженность». В разделе «Публицистика» была помещена упомянутая выше статья генерал-майора С. Красильникова «Перестройка боевой подготовки Красной Армии», статьи К. Поля «Положение французских рабочих после перемирия» и главнокомандующего английскими войсками в Африке генерала Уэйвелла «Полководец».

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ, С. ВАШЕНЦЕВ, А. ТВАРДОВСКИЙ, М. РОЗЕНФЕЛЬД СРЕДИ РАБОТНИКОВ ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ АРМИЯ», Киев, 1941 г.

Таково содержание июньского, последнего предвоенного номера «Знамени».

Следующий, сдвоенный, № 7-8 за июль — август был подписан к печати лишь 16 сентября и явился последним в этом году.

В 1942 г. сдвоенный 1-2 номер журнала был подписан к печати только 19 июня.

Редколлегия, состоявшая в 1941 г. из семи человек, по существу распалась. Вс. Вишневский (отв. редактор), А. Исбах, М. Соколовский (отв. секретарь редакции), А. Тарасенков (заведовавший на протяжении долгих лет отделом критики) ушли на фронт. В. Луговской уехал из Москвы, а А. Новиков-Прибой и В. Лебедев-Кумач в журнале почти не работали. В редакции остался Л. Тимофеев, вошедший в феврале 1941 г. в состав редколлегии и возглавивший отдел критики, Г. Владыкин — литературный секретарь редакции и Е. Михайлова, которая в начале 1942 г. по существу возглавила руководство журналом.

Постепенно положение журнала становилось все более устойчивым, а выход его книжек — более своевременным и регулярным. В значительной степени этому способствовали прежние связи «Знамени» с многочисленными авторами. Как журнал военной темы он естественно имел те-

перь более широкий авторский актив, чем другие толстые журналы, и потому оказался вполне боеспособным.

В первом же номере «Знамени» (1941, № 7-8), вышедшем в период войны, редакция ввела рубрику «С фронта», опубликовав «Фронтовые дневники» А. Исбаха. В небольших зарисовках он рассказывал о контратаках частей Красной Армии, о бесстрашии и самоотверженности советских воинов, авангардной роли в бою коммунистов, бдительности колхозников прифронтовой полосы. В следующем номере (1942, № 1-2) оперативные литературные записи, зарисовки и очерки из действующей армии заняли в журнале более значительное место, были интереснее и содержательней. Здесь появилось несколько рассказов В. Кожевникова, очерк Ю. Жукова «Бои бригады Катукова» и «Ростовские записи» А. Мацкина и А. Шарова.

В дальнейшем отдел «С фронта» приобрел еще большее значение. С разных участков фронта — из Ленинграда, Севастополя, Сталинграда, Белоруссии, с Кубани, из многих других городов и республик шли в редакцию очерки, корреспонденции о ходе сражений и мужестве советских людей. В разделе «С фронта» выступали: Б. Галин, подполковник Н. Денисов, Б. Ямпольский, С. Гудзенко, К. Симонов, В. Гроссман, М. Матусовский, Б. Агапов, Евг. Кригер, генерал-лейтенант Е. Шиловский, И. Эренбург, С. Борзенко, старший лейтенант В. Мурашов и многие другие. Преобладающее число авторов были непосредственными участниками войны, свидетелями и очевидцами главных ее событий.

Большой интерес представляют опубликованные в этом разделе очерки Лейланда Стоу «С Красной Армией на Ржевском фронте», написанные автором в октябре 1942 г. для американского читателя и взятые редакцией из газеты «Чикаго дэйли ньюс». В очерке выражено удивление и восхищение мужеством советских людей.

По горячим следам войны шли и проза и поэзия журнала. Уже в первых номерах 1942 г. в журнале были помещены повести Ю. Либединского «Гвардейцы», П. Нилина «Линия жизни», П. Павленко «Русская повесть».

В том же году печатаются и такие значительные произведения советской литературы, как пьеса К. Симонова «Русские люди», повесть В. Гроссмана «Народ бессмертен».

В январе 1942 г. в газетах появилось сообщение о героической смерти в тылу врага партизанки-комсомолки, москвички Зои Космодемьянской, а в конце года журнал публикует поэму Маргариты Алигер «Зоя». Ко 2 февраля 1943 г. была завершена операция по разгрому немецко-фашистских войск под Сталинградом, и уже в № 9 журнала за тот же год начинает печататься роман К. Симонова «Дни и ночи». В феврале 1943 г. части Красной Армии выбивают гитлеровцев из шахтерского городка Краснодона в Донбассе, а в № 2 «Знамени» 1945 г. публикуются первые главы романа А. Фадеева «Молодая гвардия».

Большую поддержку журналу в годы войны оказывал его довоенный актив. К. Симонов, принесший в 1936 г. в «Знамя» свои первые стихи «Песня о трех братьях», теперь отдал журналу пьесу «Русские люди», роман «Дни и ночи», записи «По дорогам войны», «Из военных дневников» и много стихотворений.

«Молодость, заряженная огромной энергией, не боится расточительства своих сил,— писал о Симонове в те годы Н. Тихонов.— Поэтому мы встречаем Симонова во всех жанрах. Он выступает как прозаик, очеркист, поэт, драматург, сценарист — все сразу...

Он первый поднимает в театре тему «Русские люди». Он не делает открытия: эти люди вокруг, ими полна армия. Но он их запечатлел первый. В этом его заслуга.

Есть у Симонова стихи, которые солдаты и офицеры носят у себя на груди,— это факт, а не преувеличение, носят,— потому, что строки эти отвечают тому, что у них на сердце» [71].

Долголетняя дружба связывала со «Знаменем» Василия Гроссмана. В 1934 г. он опубликовал в журнале рассказы «Женщина» и «Жизнь Ильи Степановича», в 1935 г.— новеллы «Цейлонский графит» и «Мечта», в 1937 г.— «Повесть о любви», в 1940 г.— «Солдаты революции».

В. ВИШНЕВСКИЙ, В. КЕТЛИНСКАЯ, В. ИНБЕР, Л. УСПЕНСКИЙ, Е. ДОБИН И ДРУГИЕ НА СОВЕЩАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ БАЛТФЛОТА. Ленинград, февраль 1942 г.

Во время войны вслед за повестью «Народ бессмертен» в журнале были напечатаны его очерки «Сталинград» (1943, № 2-3), рассказ «Старый учитель» (1943, № 7-8).

В № 5 1934 г. в журнале была опубликована повесть Александра Бека «Курако» — о знаменитом металлурге-доменщике. Это было первое крупное произведение автора.

Встретив горячую поддержку в «Знамени» в довоенные годы, А. Бек, естественно, пришел сюда и в годы войны, когда начал писать повесть о героях-панфиловцах. В № 5-6 1943 г. в журнале появилась ее первая часть «Панфиловцы на первом рубеже (повесть о страхе и бесстрашии)».

В том же году 8 декабря редакция совместно с Военной комиссией Союза советских писателей провела широкое обсуждение повести, а затем помогала автору завершить ее. Вторая часть повести была опубликована в № 5-6 1944 г. под названием «Волоколамское шоссе».

В 1942 г. в «Знамени» были напечатаны рассказы «Черная туча» и «Воспитание чувств» Леонида Соболева, который десять лет назад опубликовал здесь первую книгу своего романа «Капитальный ремонт».

---

[71] Н. Тихонов. Отечественная война и советская литература.— «Большевик», 1944, № 3-4, стр. 27.

В том же 1942 г. с рассказами о войне выступил в журнале Вадим Кожевников, впервые напечатавший в «Знамени» в конце 1939 г. повесть «Степной поход». В № 12 1942 г. была напечатана повесть «Контрудар» Геннадия Фиша — также довоенного автора «Знамени», выступившего на его страницах еще в 1934 г. с романом «Третий поезд».

С интересом читатели встретили повесть Н. Емельяновой «Хирург» (1943, № 7-8). Об этом говорят многочисленные письма фронтовиков в редакцию. Понравились читателям «Знамени» и такие новеллы советских писателей, как «Встреча в темноте» Ф. Кнорре (1942, № 8), «Старуха» Б. Лавренева (1943, № 1), «Самое необходимое» В. Каверина (1943, № 2-3). Как и «Русские люди» К. Симонова, широкую известность получили опубликованные в «Знамени» пьесы «Офицер флота» А. Крона (1944, № 4) и «У стен Ленинграда» Вс. Вишневского (1944, № 9-10).

В годы войны особенно возрос интерес советских людей к прошлому своей родины. Во многих журналах историческая тема занимает значительное место. Законна эта тема и в «Знамени», хотя в отличие от «Нового мира» и «Октября» она представлена здесь не так широко. Журнал напечатал трагедию И. Сельвинского «Ливонская война» (1944, № 12), с некоторым сокращением роман А. Новикова-Прибоя «Капитан I-го ранга» (1942, № 10), третью и четвертую части записок А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю» (1943, № 7-12), очерки Ю. Тынянова «Генерал Дорохов» (1943, № 4), Н. Топоркова «Генерал Н. Н. Раевский (1771—1829)» (1944, № 3), М. Брагина «Фельдмаршал Кутузов» (1945, № 11). Был опубликован ряд статей и рецензий о произведениях, посвященных героическому прошлому нашего народа. Журнал поместил положительный отзыв академика Е. Тарле на книгу К. Пигарева о Суворове «Солдат-полководец» (1943, № 11-12), М. Чарный и Е. Усиевич посвятили свои статьи роману о первой империалистической войне «Брусиловский прорыв» С. Сергеева-Ценского. «Вряд ли кто-нибудь посоветует изучать по роману Сергеева-Ценского оперативное искусство Брусилова,— пишет М. Чарный,— но понять характер эпохи, почувствовать атмосферу последних лет царской империи и ее армии, познакомиться с некоторыми типичными фигурами этой армии — этому «Брусиловский прорыв» содействует в большой степени»[72].

В обстоятельной статье В. Григорьева было подчеркнуто патриотическое значение романа А. Степанова «Порт-Артур» — книги, которая отвечала «на многие вопросы, мысли, чувства советских людей — участников и свидетелей Отечественной войны Советского Союза и борьбы демократий всего мира с фашистскими захватчиками»[73].

С точки зрения постановки вопроса о советском историческом романе интересна статья Е. Книпович о Ю. Тынянове. Автор справедливо замечает, что Отечественная война 1812 г. как исторический фактор в судьбах русского народа, не учтенный художником в его первых романах, «занял подобающее ему место в романе «Пушкин». И это дало историзму последнего неоконченного романа Ю. Тынянова ту полновесность, ту широту масштаба, которой не хватало его прежним произведениям, даже и «Кюхле»[74].

Как и в 30-е годы, журнал печатал произведения антифашистского характера. Этой теме посвящен роман В. Финка «Бедная Франция» (1943, № 4—6), романы «Луна зашла» Д. Стейнбека (1943, № 5-6),

---

[72] «Знамя», 1944, № 5-6, стр. 219.
[73] «Знамя», 1945, № 5-6, стр. 172.
[74] «Знамя», 1944, № 7-8, стр. 171.

«Заложники» С. Гейма (1943, № 9—12), «Отряд выходит» Р. Гринвуда (1944, № 7-8), повесть Эльзы Триоле «Авиньонские любовники» (1945, № 11). Журнал впервые познакомил советского читателя с молодым английским писателем Дж. Олдриджем, напечатав его роман «Морской орел» (1944, № 11-12).

Интересным и содержательным был в годы войны поэтический отдел «Знамени». Стихотворения по оперативности стояли, пожалуй, в одном ряду с очерком. Поэты быстро откликались на каждое значительное событие.

Уже в первом номере, вышедшем в период войны, редакция поместила «Три стихотворения» А. Твардовского, кстати сказать, тоже своего старого автора.

В 1942 г. Твардовский публикует в «Знамени» стихотворения «Командир» и «Балладу об отречении», а в № 9 того же года появляется начало его поэмы «Василий Теркин», которая печаталась затем отдельными главами до конца войны и снискала всеобщее признание. Редакция «Знамени» получила более ста писем фронтовиков еще до того, как были опубликованы заключительные главы поэмы.

До глубины души взволновала читателей «Знамени» опубликованная в № 7-8 1943 г. известная поэма Павла Антокольского «Сын», посвященная памяти младшего лейтенанта Владимира Павловича Антокольского, погибшего смертью храбрых 6 июля 1942 г.

«Чувствуется, что автор ее писал не чернилами, а слезами и кровью. Пусть Антокольскому будет хоть небольшим утешением то, что мы, группа офицеров, читали его поэму и разделяем с ним его горе»[75],— писал в редакцию «Знамени» лейтенант Д. Володарский.

Как уже отмечалось, в «Знамени» в первые же годы войны была опубликована поэма М. Алигер «Зоя». Затем в журнале появились ее стихотворения «Победители» (1943, № 4) и «Прощание (Лирический дневник)» (1943, № 5-6).

На первом же этапе войны выступила со своими стихами в «Знамени» и другая талантливая поэтесса Ольга Берггольц. Здесь она опубликовала «Стихи о женщинах Ленинграда» (1942, № 8), «Памяти защитников» (1944, № 7-8).

Постоянно печатались в годы войны в «Знамени» К. Симонов («Пехота», 1942, № 1-2, «Наступление», 1943, № 7-8, «Одиннадцать стихотворений», 1945, № 9); А. Сурков («Друзьям», 1942, № 1-2, «Маленькие стихи», 1942, № 11, «Ночной собеседник», 1943, № 5-6); Н. Тихонов («Ленинградские стихи», 1942, № 5-6) и многие другие поэты.

С началом войны большие трудности у редакции возникли с организацией критического отдела. На фронт ушли: А. Тарасенков, на протяжении многих лет возглавлявший этот отдел, М. Серебрянский, Ю. Севрук, Л. Левин и многие другие критики, активно сотрудничавшие в «Знамени» в 30-е годы. В связи с этим в журнале некоторое время отсутствовал отдел критики, печатались лишь небольшие рецензии, качество которых не всегда было достаточно высоким, да и книги часто выбирались случайные. Только с № 5-6 1942 г. появился отдел, объединивший критику и библиографию. В дальнейшем редакции удалось привлечь к сотрудничеству в отделе Р. Миллер-Будницкую, Е. Книпович, В. Шкловского и других критиков и литературоведов из своего старого актива, а также В. Александрова, Л. Поляк, З. Кедрину, В. Смирнову, Б. Соловьева — авторов, ранее не печатавшихся в журнале.

---

[75] ЦГАЛИ, ф. 618, оп. 9, ед. хр. 13, л. 1.

На страницах «Знамени» появилось несколько статей, в которых сделана попытка обобщить опыт советской литературы периода войны. Таковы статьи С. Маршака «Фронтовая сатира и плакат» (1942, № 7), Л. Тимофеева «Советская литература и война» (1942, № 11), А. Фадеева «О советском патриотизме» (1943, № 9-10), Л. Поляк «О «лирическом эпосе» Великой Отечественной войны» (там же).

Наряду с обобщающими статьями в журнале печатались рецензии и статьи о творчестве отдельных писателей, о произведениях, связанных с войной. Интересными были статьи Б. Песиса о романе И. Эренбурга «Падение Парижа», С. Борщевского о книге рассказов молодого автора А. Шарова.

В небольших рецензиях и статьях, помещенных в журнале, находили положительную оценку наиболее значительные произведения военных лет: книга рассказов Н. Тихонова «Черты советского человека», рисующая картину осажденного Ленинграда[76], повести В. Гроссмана «Народ бессмертен»[77] и Б. Горбатова «Непокоренные»[78] и т. д.

Среди критических статей о поэзии интересны статьи З. Кедриной «Счастье» — о творчестве М. Алигер (1943, № 2-3), В. Александрова о лирическом цикле стихов К. Симонова «С тобой и без тебя»[79].

8

4 августа 1943 г. состоялось заседание Президиума Союза советских писателей СССР, на котором был заслушан доклад Е. Михайловой о работе редакции в первые годы войны. Мнение участников совещания о журнале наиболее точно выразил, пожалуй, критик А. Эфрос: «Если вы спросите читателя (а я, прежде всего, читатель и отражаю то, что мне пришлось слышать), какой журнал был наиболее интересным за весь период войны и накануне войны из всех наших существующих журналов, вам скажут — «Знамя». Это было обусловлено тем, что «Знамя» умело счастливо выбирать наиболее весомые и острые одновременно вещи и умело концентрировать свой материал, умело найти какой-то гвоздь,— вот основная вещь — вот ее обступающие,— и журнал становился питающим, он волновал, он интересовал, его хранили, и это было достаточно долго»[80]. Теперь, однако, по мнению А. Эфроса, «Знамя» несколько «растерялось» и переживает переломный момент.

В решении Президиума ССП отмечалось как достижение появление в дни войны на страницах «Знамени» таких произведений советской литературы, как «Падение Парижа» И. Эренбурга, «Русские люди» К. Симонова, «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Зоя» М. Алигер, поэмы З. Шишовой «Блокада», А. Кулешова «Знамя бригады» (пер. М. Исаковского), стихи Л. Первомайского, поэма А. Твардовского «Василий Теркин», привлечение к участию в журнале ряда молодых авторов (Г. Березко, С. Гудзенко, В. Коновалова и других).

Вместе с тем участники заседания отметили, что на страницы журнала проникали произведения вялые и поверхностные. В пример приводились плохо отредактированные повесть П. Лукницкого «Сила победы» (1943, № 1), роман В. Финка «Бедная Франция» (1943, № 4),

---

[76] Р. Миллер-Будницкая. Утверждение жизни.— «Знамя», 1942, № 9.
[77] Е. Книпович. Народ и история.— «Знамя», 1943, № 7-8.
[78] Н. Четунова. «Непокоренные» Б. Горбатова.— «Знамя», 1944, № 3.
[79] В. Александров. Письма в Москву.— «Знамя», 1943, № 1.
[80] ЦГАЛИ, ф. 618, оп. 9, ед. хр. 11, л. 28.

повесть Юрия Лаптева «Сибирские стрелки» (1942, № 7). Говорилось, что в произведении Ю. Германа «Би-хеппи» (1942, № 7), при всей его занимательности, есть элементы сентиментализма и благодушия.

Редакции журнала предлагалось повысить качество публикуемых материалов, печатать произведения братских литератур, расширить и усилить отделы литературной критики и библиографии.

В апреле 1944 г. вопрос о работе «Знамени» вновь был поставлен на заседании Президиума Союза советских писателей СССР. За восемь минувших месяцев журналу не удалось, однако, добиться сколько-нибудь заметных сдвигов. Е. Михайлова вынуждена была признать в отчетном докладе, что «...журнал за последнее время начал терять черты журнальности и начал приобретать лицо скорее альманаха. Это было связано и с тем, что в журнале был ликвидирован публицистический отдел и в связи с этим он обратился в сборник, состоящий из художественных произведений и плюс критический отдел, причем до сих пор не являющийся удовлетворительным» [81].

В выступлении Н. Тихонова было отмечено, что основные недочеты в работе редакции журнала объясняются тем, что его редколлегия работает в крайне небольшом составе.

Назревал вопрос о переменах в журнале.

18 августа 1944 г. вопрос о работе «Знамени» за годы Великой Отечественной войны был обсужден на совещании в ЦК ВКП(б) [82]. Отметив ряд существенных недочетов в работе журнала, совещание уделило особое внимание перспективам его развития. Вс. Вишневский говорил о том, что война дает огромный поток новых идей, впечатлений, переоценок, отражение и суммирование всего этого — дело литературы. Сейчас особо необходимы активные, смелые, принципиальные выступления, критические разборы, анализ, общественные споры. Журналу необходимо смелее выискивать и привлекать новых авторов, упорнее с ними работать: проводить беседы, совещания, вести переписку, обратиться к офицерам, солдатам и матросам, чтобы они активнее выступали на страницах журнала, собирать мемуары маршалов, членов военных советов, генералов, офицеров, рядовых — шире развивать тему военно-морского флота.

Вскоре после этого совещания было принято решение о новом составе редколлегии «Знамени». В нее вошли: Вс. Вишневский, назначенный ответственным редактором, К. Симонов, Ан. Тарасенков, Л. Тимофеев, Н. Тихонов, М. Толченов.

Вернувшись в журнал, Вс. Вишневский, с присущим ему темпераментом, взялся за дело. «...Думаю о «Знамени»: подготовил № 7...» [83], — записал он в дневнике.

«Практически занят журналом. Рукописей поток. Встречи. Письма, отзывы авторам. Пишу прямо, остро. Будоражу. Начинаю, в сущности, новые литературные битвы.— *Все яснее определяю свою функцию: звать, будить, напоминать...* Я ведь не узкий литератор-профессионал»,— писал Вишневский в первых числах декабря 1944 г. О. К. Матюшиной [84].

Новая редколлегия учла многие замечания и пожелания, высказанные на обсуждениях вопроса о работе журнала и в Союзе писателей и в ЦК ВКП(б). С № 7-8 1944 г. был снова введен отдел «Публицистики». Появились новые, интересно задуманные отделы «Люди и факты»,

---

[81] ЦГАЛИ, ф. 618, оп. 10, ед. хр. 10, л. 1.
[82] Вс. Вишневский. Статьи, дневники, письма, стр. 474—475.
[83] Там же, стр. 477.
[84] «Писатель-боец», стр. 272.

«Трибуна писателя», «По страницам зарубежной печати». Журнал стал выходить более регулярно и значительно реже сдвоенными номерами.

Улучшилась постановка критического отдела. Теперь этим отделом занимались А. Тарасенков, возвратившийся с фронта, и Л. Тимофеев, которому раньше приходилось готовить материалы для разных отделов.

Журнал выступил против неверных тенденций, сказавшихся в литературе тех лет. Была опубликована статья Е. Книпович «Красивая неправда о войне», в которой резко критиковались рассказы К. Паустовского, В. Каверина, Л. Кассиля, Б. Лавренева за надуманность, красивость и несоответствие жизненной правде. В книге рассказов К. Паустовского «Ленинградская ночь», писала автор статьи, нет того подлинного накала испытаний, через которые прошли осажденные Ленинград и Одесса, где люди «умирали не в шутку, и человеческие судьбы складывались не по законам водевиля»[85]. Еще более раскрашенной действительность предстает, по мнению критика, в книге Л. Кассиля «Есть такие люди». Здесь можно найти все: и мощную «морскую волчицу» тетю Феню, и исполненную высоких чувств актрису, и, наконец, «целый паноптикум загримированных под советских людей восковых кукол...»[86]. То же пристрастие к украшательству Е. Книпович находит в рассказах В. Каверина «Мы стали другими» и Б. Лавренева «Люди простого сердца».

Кроме этой статьи, следует назвать также статью Б. Соловьева «В мире приключений»[87], в которой критиковались повести Л. Никулина «Золотая звезда», Ю. Либединского «Пушка Югова» и роман Н. Шпанова «Тайна профессора Бураго» за надуманность, неправдоподобные сюжетные трюки, чуждые духу и традициям советской литературы.

Была помещена острая критическая статья А. Лейтеса о повести Л. Леонова «Взятие Великошумска»[88]. По мнению автора, стилевые приемы Леонова в этой повести вступили в противоречие с характерами изображаемых им людей. Ввиду резкого расхождения мнений на редколлегии по поводу повести Леонова, статья была напечатана в порядке обсуждения. Вишневский возражал против перехлестов в статье и требовал от автора найти более деловую, спокойную форму изложения.

Журнал принял участие в двух дискуссиях, состоявшихся в Союзе советских писателей, и опубликовал отчеты о них (1945, № 1, 3). Основой первой дискуссии «Образ советского офицера», проходившей в декабре 1944 г. под председательством Н. Тихонова, послужили напечатанные в «Знамени» книги — «Дни и ночи» К. Симонова, «Панфиловцы на первом рубеже» и «Волоколамское шоссе» А. Бека.

В феврале 1945 г. состоялась другая дискуссия на тему «Художественная литература в Отечественной войне», посвященная книгам писателей-моряков: «Морская душа» Л. Соболева, пьесы «У стен Ленинграда» Вс. Вишневского и «Офицер флота» А. Крона, повесть «Иван Никулин, русский матрос» Л. Соловьева.

В критическом отделе стало уделяться больше внимания братским советским литературам. В № 11 за 1944 г. напечатана статья И. Гринберга «Хранители знамени» о талантливом белорусском поэте Аркадии

---

[85] «Знамя», 1944, № 9-10, стр. 208.
[86] Там же, стр. 209.
[87] «Знамя», 1945, № 5-6.
[88] «Знамя», 1945, № 2.

Кулешове. Украинскому поэту Леониду Первомайскому прошедшему суровые испытания войны, посвящена статья Н. Степанова «Солдатское сердце» (1945, № 5-6). Интересные подробности о жизненном и творческом пути дагестанского поэта Эффенди Капиеве сообщает А. Колосков («Талантливая жизнь», 1945, № 10), с обзором молодой советской литературы Азербайджана выступает Сулейман Рагимов (1945, № 7).

ГРУППА АВТОРОВ «ЗНАМЕНИ» (справа налево): А. ТАРАСЕНКОВ, В. ЛУГОВСКОЙ, П. АНТОКОЛЬСКИЙ, В. КАЗИН, С. ВАСИЛЬЕВ, А. ЯШИН, С. МИХАЛКОВ, А. СЕРАФИМОВИЧ, Е. ДОЛМАТОВСКИЙ, Л. СУБОЦКИЙ, А. ФАДЕЕВ, С. ЧИКОВАНИ, 1946 г.

Следует отметить как ценное начинание редакции помещение в журнале статьи видного американского критика Стэнли Эдгара Хаймэна «Новая «Война и мир» (1945, № 9). Размышления Хаймэна о возможности появления новой «Войны и мира» особенно интересны тем, что в них говорится о той определяющей роли, которую играет в мировом литературном движении советская литература.

Здесь уместно обратить внимание на опубликованные в «Знамени» письма с фронта Юрия Крымова, героически погибшего в бою с фашистами. Эти короткие письма, обращенные к близким — жене и родителям, являются не только ярким человеческим документом, рисующим прекрасный облик писателя, но и документом эпохи, объясняющим моральную силу и стойкость советского народа, выдержавшего невиданные испытания.

«Когда я шел на войну,— пишет Ю. Крымов,— я думал, что это будет что-то вроде войны, изображаемой Ремарком, Барбюсом и другими писателями, которые изображали войну 14-го года. Ничего похожего! Самое близкое в литературе к тому, что я вижу, это «Война и мир»[89]. И писатель верил, что наступит время, когда будут созданы

---

[89] «Знамя», 1944, № 3, стр. 130.

произведения о войне широкого обобщающего плана. «Вот она — Великая Отечественная война! Я думаю, о ней будут написаны целые библиотеки. Это — грандиозная эпопея, и в ней есть все для создания такой книги, как «Война и мир» [90].

Новая редколлегия значительно подняла уровень журнала, но впереди еще предстояла большая работа. Прежде всего нужно было собирать вокруг редакции актив писателей и старые кадры «Знамени» [91].

В середине декабря 1944 г. в редакцию принесла свой ленинградский дневник «Почти три года» В. Инбер. Публикация дневника вызвала споры и возражения, но Вс. Вишневский взял его под решительную защиту. «Продолжаю драться за дневник В. Инбер...— записал он 9 февраля 1945 г.— Чего бояться в дневнике? Жанра, *разговора о себе*?» [92].

Вишневского поддержали А. Тарасенков и К. Симонов. «Я за то, чтобы печатать дневники Веры Инбер...— писал в редакцию К. Симонов.— Камерность его законна, и законна прежде всего потому, что наблюдения эти безусловно найдут отклик в сердцах. Кроме того, следует учесть, что нельзя все требования наваливать на одну книгу. Я не сомневаюсь в том, что будут и другие на ту же тему. В частности, дневники» [93].

С такой же принципиальностью и последовательностью журнал отстаивал произведение В. Инбер и после его опубликования [94]. С критикой ленинградского дневника выступил в «Литературной газете» А. Волков [95]. Полемизируя с критиком и защищая автора дневника, Е. Усиевич [96] писала, что главное достоинство книги в умении автора отразить героизм ленинградцев, а это и делает книгу Веры Инбер такой волнующей для людей, которые не жили в Ленинграде во время блокады, и для тех, кто эту блокаду пережил.

Такую же настойчивость и принципиальность проявила редколлегия журнала, защищая от несправедливых нападок повесть молодого автора В. Пановой «Спутники». Эта повесть поступила в редакцию летом 1945 г. Публикация ее, как пишет в своих воспоминаниях работник редакции Ц. Дмитриева, вызвала резкие возражения в руководстве ССП СССР [97]. Утверждалось, что в книге изображены мелкие, несчастные люди, убогие в духовном отношении. Журнал и его редактор придерживались иной точки зрения. Ознакомившись с частью повести, А. Тарасенков писал Тихонову в июне 1945 г.: «Земля наша обильна талантами,— вот приехала в Москву из города Молотова еще одна женщина — Вера Федоровна Панова и привезла первую часть своей рукописи «Санитарный поезд». Я прочел ее. По-моему, вещь очень свежая, интересная, самобытная» [98].

---

[90] «Знамя», 1944, № 3, стр. 129.

[91] Многие не вернулись с фронта. В первый же год войны погиб ответственный секретарь редакции М. Р. Соколовский, пропал без вести Евгений Крекшин, при освобождении Эстонии пал смертью храбрых старейший сотрудник журнала Юрий Севрук, погибли прозаики Б. Лапин и З. Хацревин, критик М. Серебрянский, тесно связанные с журналом в 30-е годы.

[92] Вс. Вишневский. Статьи, дневники, письма, стр. 484.

[93] Личный архив Ц. Е. Дмитриевой, которая с 1937 г. работала в «Знамени» литературным сотрудником.

[94] В. Инбер. Почти три года.— «Знамя», 1945, № 1.

[95] А. Волков. Пути и перепутья.— «Литературная газета», 21 июля 1945 г.

[96] Е. Усиевич. О некоторых чертах творчества Веры Инбер.— «Знамя», 1945, № 12.

[97] «Писатель-боец», стр. 124.

[98] ЦГАЛИ, ф. 618, оп. 13, ед. хр. 4, л. 73.

Восторженно принял произведение Вс. Вишневский. «Нашего полку прибыло...— писал он в редакцию.— Свежий чистый прозаик появился среди нас. Повесть читается с большим интересом. Характеры обрисованы мастерски...»[99].

В связи с разногласиями, возникшими по поводу повести, было созвано специальное заседание редколлегии, на котором Вишневский сумел отстоять книгу, и «Спутники» были напечатаны в «Знамени» (1946, № 1, 2, 3).

Восторженно отозвался Вишневский о поэме М. Алигер «Твоя победа» (1945, № 9). «Это для Вас,— писал он,— да и для молодой или средневозрастной поэзии нашей — некий выход, прорыв в новое, форсирование некоей широкой и трудной реки... Это поверх барьеров: неопытности, стеснительности, неумения, агитпривычек, подозрительности, критики и пр. и пр. Это разговор с самим собой и всем миром, это отчаяние, бесстрашие, признание неразрешимости ряда вопросов, это борения, сомнения и утверждения... Это приближения к верному ощущению жизни»[100].

В 1945 г., в № 5-6 журнала была напечатана поэма «Твой путь» О. Берггольц. Вс. Вишневский, прочитав ее еще в рукописи, писал автору: «Сейчас прочел твою поэму... Это чистейшая, исповедная вещь,— смелая, плоть от плоти Ленинграда, нашего... Вещь высокая, безупречная в каком-то внутреннем смысле. Я пережил в сотый раз — то, вероятно, *высшее*,— что дала нам судьба в дни осады Ленинграда... Соответствие правде 1941—1942 гг. у тебя поразительное; определения места своего прямые, смелые,— так и должно говорить поэту»[101].

Так же как и в предвоенные годы редакция радушно открывала двери журнала молодым писателям. Здесь проявляли горячий интерес к каждому новому автору, помогали дружеским советом и охотно печатали их произведения. И в годы войны «Знамя» помогло многим новым одаренным писателям войти в литературу.

Выступив в 1943 г. с небольшим рассказом «Красная ракета», молодой автор Георгий Березко через год опубликовал повесть «Командир дивизии», которая получила положительную оценку в критике. В связи с выходом повести Вс. Вишневский и А. Тарасенков писали Березко: «Дорогой Георгий Сергеевич!.. Поздравляем Вас с выходом этой удачной работы, которая, несомненно, привлечет внимание литературной общественности.

Будем считать Вас в активе нашего журнала, будем ждать новых Ваших литературных работ»[102].

Горячее участие принял весь коллектив журнала в судьбе никому не известного тогда автора, военного врача Галины Николаевой, приславшей в редакцию тетрадь своих фронтовых стихов. Лирические стихи, прочитанные Н. Тихоновым на заседании редколлегии, обрадовали всех. «Это *явление* в поэзии — вольно, чисто, умно, независимо, есть места классической силы и ясности»[103],— восторженно отозвался Вс. Вишневский о первых опытах молодой поэтессы. Член редколлегии Н. Тихонов направил в далекую Кабарду начинающему автору доброжелательное письмо.

Девятнадцать военных стихотворений Г. Николаевой были напечатаны в февральской книжке «Знамени» за 1945 г.

С помощью «Знамени» в годы войны стал известен как поэт Семен

---

99 «Писатель-боец», стр. 124.
100 Там же, стр. 181—182.
101 ЦГАЛИ, ф. 618, оп. 11, ед. хр. 9, л. 136.
102 ЦГАЛИ, ф. 618, оп. 11, ед. хр. 8, л. 111.
103 Вс. Вишневский. Статьи, дневники, письма, стр. 482.

Гудзенко. В его первых стихах «Однополчане» (1943, № 2-3) прозвучала суровая правда войны, активным участником которой был молодой автор. За правдивость и отсутствие красивости похвалил стихи И. Эренбург, отметивший в то же время и некоторые неудачи поэта. «Дело, однако, не в некоторых неизбежных ошибках молодости,— заключал писатель.— Дело в рождении нового поэта. Приняла его война. И стихи эти о войне, о горе и о мужестве, о боевой дружбе» [104].

Судьбы начинающих писателей волновали Вс. Вишневского. Он как редактор всегда был готов помочь литературным новичкам, предлагал смелее печатать их произведения. В июне 1945 г. он писал А. Тарасенкову: «Надо сделать отдел *«Стихи молодых»*. Урин, Максимов, Гудзенко, Друнина, Шергова... В целом — у молодежи очень *свое*, обещающее... Надо всемерно поощрять и заботиться о молодых... А у нас иные, к сожалению, свысока и «цензурно» подходят... Неверный это подход! Смелее и заботливее надо быть» [105].

Журнал охотно печатал молодых поэтов, а с № 8 специально ввел рубрику «Стихи молодых». Читатель впервые познакомился с Юлией Друниной, Александром Межировым, Галиной Шерговой, Музой Павловой, Виктором Гончаровым, Михаилом Львовым и другими поэтами, стихи которых были своеобразными поэтическими дневниками войны.

Так постепенно год за годом расширялся круг авторов журнала. Многие из писателей, выступивших впервые в «Знамени» до войны и во время войны, продолжали и в последующие годы оставаться активными аторами журнала. Здесь напечатали свои лучшие произведения П. Павленко, Г. Николаева, Г. Березко. Не теряли связи с журналом А. Твардовский, опубликовавший сразу же после войны поэму «Дом у дороги», К. Симонов, выступивший с пьесой «Под каштанами Праги», П. Вершигора, опубликовавший здесь книги «Люди с чистой совестью». Продолжали печататься в журнале И. Сельвинский, С. Гудзенко, П. Антокольский, А. Сурков, Е. Долматовский и многие другие. К именам этих писателей после войны прибавились новые авторы.

Напряженно обдумывал будущие пути и планы «Знамени» Вс. Вишневский.

«Сейчас у нас только привычный, узкий круг авторов,— писал он в июне 1945 г. А. Тарасенкову.— Мы заснули, Толя. *Это ни к черту не годится.*— Не в нашей традиции. Где *новые* материалы о США, Англии, Китае, Германии, Франции и пр.?

А там динамические процессы. Мы *обязаны* их освещать, *быстро*...

Нам надо далее найти форму *занимательного,* интересного очерка о новостях науки и техники.— Пригласить новых авторов, привлечь некот⟨орых⟩ популяризаторов (Ильин, Агапов, etc, etc).

Что нового в авиации, в химии, в ракетном строительстве, в кораблестроении, в медицине etc, etc.— А мы, Толя, спим... Надо почитать, кстати, америк⟨анские⟩ научно-техн⟨ические⟩ журналы.

Вот некоторые из требований, которые я адресую активу *аппарата.* Происходят сдвиги, перестройка психики, быта, экономики...

Жить нам только «литературой» *нельзя*...

Надо немедленно активизироваться, давать авторам задания, искать авторов, тормошить...» [106].

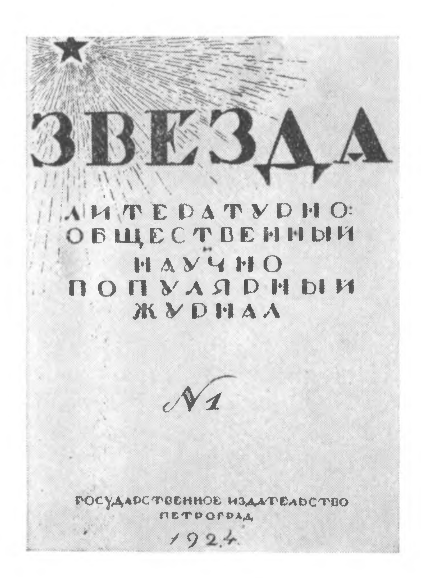
Письмо Вс. Вишневского было своеобразным планом дальнейшей работы журнала.

---

[104] «Знамя», 1944, № 5-6, стр. 221.
[105] ЦГАЛИ, ф. 618, оп. 13, ед. хр. 4, л. 98.
[106] Там же, лл. 98—99.

«Звезда»

1

«Звезда» — один из наших первых толстых журналов. Он появляется в 1924 г., вслед за «Красной новью», «Печатью и революцией», «Сибирскими огнями», «Молодой гвардией» как первый толстый журнал послереволюционного Петрограда. В начале 20-х годов большинство литературных изданий Петрограда, возникших в первые годы революции, прекращает свое существование[1]. Это создает в петроградской литературной периодике своего рода вакуум, поскольку новых изданий почти не появилось — сказывалось перемещение литературной столицы в Москву. Так, в 1923 г. в Москве выходят «Красная новь», «Молодая гвардия», «Печать и революция», «На посту», «Леф», периодические альманахи «Круг», «Наши дни», «Недра». В Петрограде в это же время — ни одного литературно-художественного ежемесячника, ни одного литературно-критического журнала. Единственными изданиями литературного профиля были: «Литературная неделя» (приложение к «Петроградской правде») и «Литературный еженедельник» (первоначально «Зори», издание «Красной газеты»).

Журнал «Звезда» был создан по специальному решению ЦК партии. Об этом пишет в своих воспоминаниях первый редактор «Звезды» И. Майский, направленный весной 1923 г. в Петроград для орга-

[1] Наиболее крупные из них — «Грядущее», орган Петроградского пролеткульта (1918—1921), «Пламя» (1918—1920), «Книга и революция» (1920—1923), «Вестник литературы» (1919—1922),

низации издания литературно-художественного журнала. «Когда вопрос о журнале впервые обсуждался в Петроградском губкоме, долго спорили о том, какое название ему дать,— вспоминает И. Майский.— В конце концов по моему предложению было выбрано имя «Звезда» в честь большевистской газеты, издававшейся в Петербурге перед революцией. Было решено также, что журнал станет выходить раз в два месяца книжками около 20 печатных листов...»[2].

Первый номер «Звезды», датированный январем 1924 г.[3], открывался обращением редакции журнала к читателям: «Возобновляя вековую традицию толстых журналов в Петрограде после пятилетнего перерыва, вызванного эпохой революции и гражданской войны, «Звезда» ставит своей основной задачей воспитание новой, выдвинутой революцией рабоче-крестьянской интеллигенции. Редакция прекрасно осознает всю трудность осуществления этой задачи в сложной обстановке наших дней, тем не менее она уверенно рассчитывает, что в тесном контакте со своим читателем ей удастся найти правильный путь к ее разрешению».

Издание «Звезды» начиналось в период, когда в литературе и журналистике шли ожесточенные споры о путях развития советской литературы, о роли и значении пролетарских писателей и «попутчиков». Перед новым журналом в этих условиях очень остро встал вопрос о художественной ориентации. Следует заметить, что в Петрограде кадры пролетарских писателей были сравнительно немногочисленны (их составляли в основном поэты-пролеткультовцы). В массе своей литературный Петроград был «попутническим». Существовали и «попутнические» группировки — «Серапионовы братья» и менее известное «Содружество»[4]. Но они не проявляли большой активности в качестве литературных объединений, не имели своих печатных органов. Многие петроградские писатели — А. Толстой, О. Форш, В. Шишков, М. Шагинян и другие — не состояли ни в каких группировках и объединениях.

Первый номер «Звезды» открывался рассказом А. Толстого «Парижские олеографии». Вслед за ним шли повесть Н. Никитина «Полет», рассказы В. Муйжеля, С. Семенова. Во втором выпуске — пьеса А. Толстого «Бунт машин» (по мотивам К. Чапека), повесть С. Семенова «Копейка», продолжение «Полета». В отделе поэзии первых номеров «Звезды» встречаем имена И. Садофьева, В. Ходасевича, О. Мандельштама, Ф. Сологуба, Н. Тихонова, Н. Брауна, С. Есенина («Песнь о великом походе»), М. Герасимова, В. Кириллова, А. Безыменского.

«Звезда», таким образом, открыла свои страницы представителям различных школ, направлений и поколений писателей. Вспомним, что в том же 1924 г. возникают журналы, печатающие исключительно участников одного объединения — «Октябрь», орган МАПП, и «Рабочий журнал», орган «Кузницы». К ним в значительной степени приближались «Молодая гвардия», «Леф». В этом смысле «Звезда», несомненно, заявила о себе как издание внегрупповое.

Выход первых номеров журнала имел довольно громкий резонанс, для редакции его во многом совершенно неожиданный. В ту насыщенную

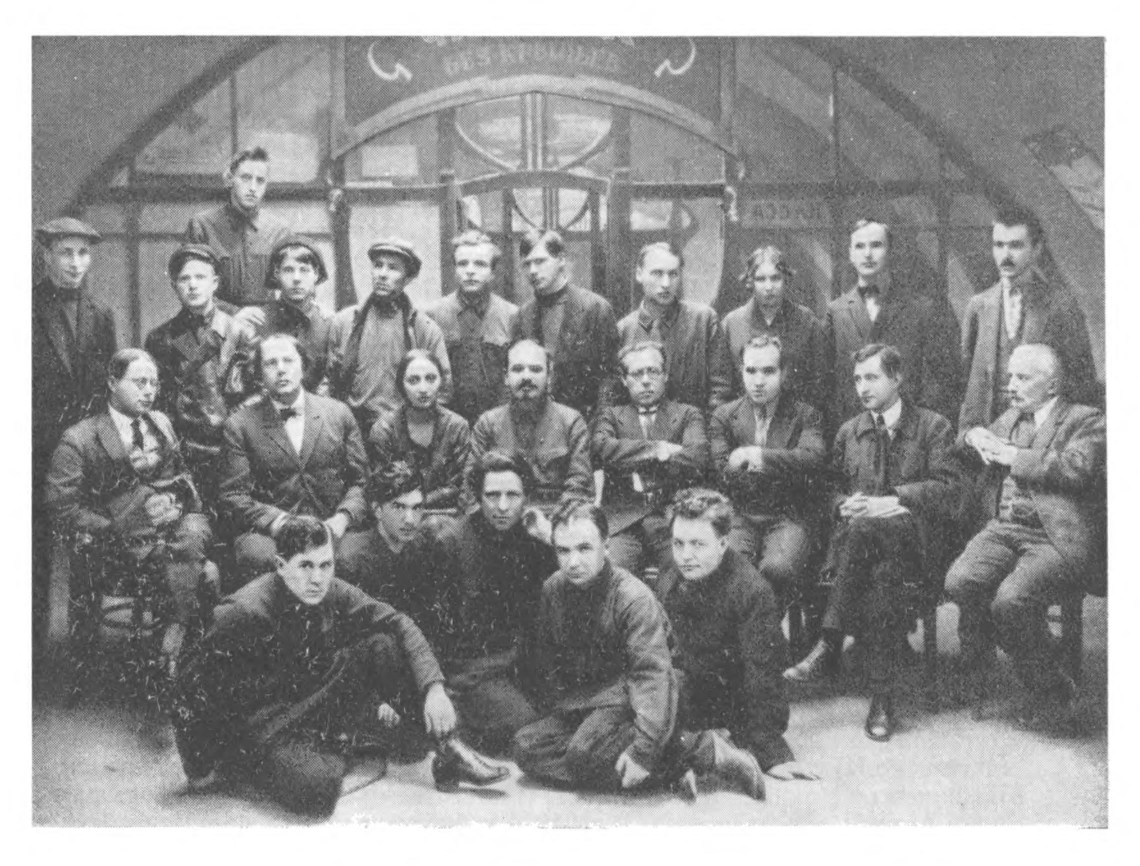
---

[2] И. Майский. Семь номеров.— «Знамя», 1965, № 7, стр. 193.— По свидетельству Майского, первоначально предполагался следующий состав редколлегии: И. Майский, И. Ионов, Г. Цыперович. Однако в таком составе редколлегия существовала только в период подготовки издания; после выхода первого номера Майский был утвержден в качестве единоличного редактора «Звезды». Под его редакцией вышло семь книг журнала (весной 1925 г. Майский был отозван на дипломатическую работу). Секретарем редакции в этот период был К. Федин.

[3] Фактически первый номер «Звезды» был выпущен раньше — к декабрю 1923 г.

[4] В него входили: М. Козаков, Б. Лавренев, А. Чапыгин, Д. Четвериков, Н. Баршев, Н. Катков, Н. Браун, М. Комиссарова, Вс. Рождественский, М. Фроман, критики — П. Медведев, И. Оксенов (см. П. Медведев. О «Содружестве» (к четырехлетию группы).— В кн.: «Содружество», Литературный альманах. Л., «Прибой», 1927).

полемическим порохом эпоху каждый жест выглядел достаточно многозначительным, порой независимо от вкладываемого в него смысла. Так попало под полемический обстрел заявление редакции, опубликованное в № 1 «Звезды» о возобновлении «вековой традиции толстого журнала». Заявление это было встречено в штыки журналом «Леф», для которого оказалось неприемлемым само сопряжение таких понятий, как «возобновление вековой традиции» и «марксистское воспитание новой выдвинутой революцией рабоче-крестьянской интеллигенции».

ГРУППА СОТРУДНИКОВ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА», 1925 г. Среди них слева направо, 1-й ряд снизу: **А. ТВЕРЯК, Б. СОЛОВЬЕВ, М. КАРПОВ, Г. ГОРБАЧЕВ, И. ВАСИЛЬЕВ**; 2-й ряд: **Н. НИКИТИН, А. ТОЛСТОЙ, З. НИКИТИНА, И. МАЙСКИЙ, Н. ДЕРЖАВИН, И. САДОФЬЕВ, П. ШМИДТ**; 3-й ряд: **Е. ПАНФИЛОВ, В. САЯНОВ, Я. БЕРДНИКОВ, И. КОЛОГРИЕВСКИЙ, А. КРАЙСКИЙ, М. ШКАПСКАЯ, Д. ЧЕТВЕРИКОВ**; 4-й ряд: **Г. ФИШ**

Нужно учесть также, что непосредственно вслед за редакционным заявлением в «Звезде» были напечатаны «Парижские олеографии» А. Толстого (рассказ об одном из эпизодов жизни парижского «дна»), что придавало этой публикации характер почти программный. Это было подчеркнуто в комментарии к заявлению редакции «Звезды», опубликованном в «Лефе» за подписью Н. Асеева: «...скромная краткость этого предисловия не дала, очевидно, редакции возможность точнее определить, о какой именно традиции идет речь, о традиции ли «толщины» вообще или о традиции «толщину» эту приобретать только вне эпохи гражданской войны и революции... — писал автор заметки, озаглавленной «Даешь Марию-Антуанетту!» — «Олеограф». А. Н. Толстой, поддерживая традицию толстых журналов, такое намалевал, что читателю из «но-

вой выдвинутой» действительно лет семь не снилось... И ходит «учитель изящной словесности» А. Толстой по классам рабоче-крестьянской интеллигенции и рассказывает ей истории, благоухающие розами любовных приключений графов д'Артуа и задает ей задачи с тремя неизвестными: традицией, эстетикой и идеологией»[5].

Среди откликов на выход «Звезды» преобладали отрицательные, во многом за счет центрального произведения первых двух номеров — повести Н. Никитина «Полет». Установка на подчеркнутую натуралистичность и фрагментарность изображения привела писателя к бесспорной художественной неудаче, что и было отмечено критикой[6].

На протяжении первого года издания «Звезда» явно еще только нащупывает свои пути, устанавливает литературные связи. Многие из них окажутся в дальнейшем достаточно прочными. К достижениям «Звезды» этого начального периода мы отнесем открытие Б. Лавренева — в будущем одного из постоянных ее авторов. В 1924 г. он выступил на ее страницах со своими первыми рассказами «Звездный цвет» и «Сорок первый» и затем с сатирической утопией «Крушение республики Итль» (1925). В первый год издания на страницах «Звезды» появляются имена К. Федина («1914», глава из романа «Города и годы»), М. Слонимского («Штабс-капитан Ротченко»). Вскоре М. Сломинский выступил в журнале со своим первым романом «Лавровы» (1926). Тогда же «Звезда» опубликовала «Горячий цех» и главы из романа «Современники» О. Форш, первые повести М. Козакова. Так постепенно определялся круг будущих постоянных авторов «Звезды».

Литературно-художественный отдел первоначально занимает в журнале довольно скромное место, фактически — около одной трети общего объема. Примерно столько же, а иногда и несколько больше занимали материалы общественно-публицистического отдела. Может быть, именно с него и стоило бы начать характеристику журнала. Когда читаешь первые выпуски «Звезды», создается впечатление, что именно здесь, а не в литературно-художественном отделе «душа» журнала, здесь в наибольшей степени чувствуются поиск, выдумка, напряжение редакционных сил, организационных и творческих. В этом, несомненно, сказались личные вкусы и пристрастия первого редактора «Звезды» И. Майского.

Общественно-публицистический отдел был поставлен при И. Майском образцово. В этом отношении «Звезда» могла спокойно выдержать соперничество с любым из журналов. В качестве примера приведем только один выпуск «Звезды» — № 4 за 1924 г.,— который был целиком посвящен десятилетию со дня начала первой мировой войны. Здесь была опубликована целая серия статей: «Война и политика (1914—1924)» И. Майского, «Влияние войны на народное хозяйство» Спектатора, «Война и мировые финансы» Ф. Капелюша, «Мировая война (напряжение и потери)» В. Кайсарова, «Ураганное десятилетие» С. Минина, «Химическая промышленность во время войны» акад. В. Ипатьева. Интересны были материалы мемуарного характера — подборка документов и воспоминаний «Как началась война», включающая выдержки из мемуаров австрийского фельдмаршала фон Гетцендорфа, воспоминания Дж. Серрати «Предательство Бенито Муссолини (из воспоминаний 1914 г.)», отрывки из дневника А. Коллонтай 1914 г.— о первых днях войны, проведенных ею в Германии.

Среди публикаций отдела — неизвестная до того времени статья В. И. Ленина «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», неопубликованные работы Г. В. Плеханова «Толстой и

---

[5] «Леф», 1924, № 1, стр. 149—150.

[6] См. «Красная новь», 1923, № 7, стр. 295; «Печать и революция», 1924, № 6, стр. 131; «Октябрь», 1924, № 2, стр. 212; «Октябрь мысли», 1924, № 1, стр. 194.

природа», Н. Г. Чернышевского «Критический взгляд на современные эстетические понятия».

«Звезда» регулярно публикует статьи по вопросам международной политики. Был создан специальный раздел «За рубежом», где печатались материалы иностранной хроники, международные обозрения (они принадлежали обычно перу самого И. Майского).

Замыслы Майского относительно общественно-публицистического отдела были очень широки. Об этом свидетельствует, в частности, сохранившаяся в архиве «Звезды» переписка Майского, включающая и его заграничную корреспонденцию. Майский настойчиво ищет для «Звезды» корреспондентов за границей. Ему удается опубликовать представлявшие несомненный интерес письма из Италии Дж. Серрати, статью Синклера Льюиса «Кто и почему выбирал Кулиджа», Т. Мэна «Дела английские», Ж. Дюре «Борьба политических сил во Франции». В активе журнала блестящие очерки Ларисы Рейснер об Афганистане.

Из переписки Майского можно видеть, какое значение придавал редактор «Звезды» и разделам «По федерации», «Быт». Сохранилась копия письма Майского В. Итину, которому он предлагал стать сибирским корреспондентом «Звезды»: «Я не возражал бы,— пишет Майский,— если бы Ваши письма иногда носили характер картинок провинциальной жизни» [7]. Кое-что из материалов этого рода было опубликовано в «Звезде»: «В захолустье (письмо из Сибири)» В. Итина, серия «Провинциальных картинок» С. Усас-Водкина, «Путешествие в Миргород» Э. Миндлина, «Кусочки жизни» О. Давыдова.

Большое место в первых номерах «Звезды» занимал научно-популярный отдел, предлагавший читателю материалы самой разнообразной тематики: статью Я. Перельмана «Междупланетное сообщение», П. Шмидта «Психическая жизнь человекообразных обезьян», проф. Тана «Цветные и белые», С. Чемоданова «Марксизм и музыка», В. Волошинова «По ту сторону социального (о фрейдизме)».

Отдел критики и библиографии в первых номерах «Звезды» оказался оттесненным на самое последнее место. Он был заполнен статьями типа «Что читать по физике и естествознанию», «Что читать по диалектическому материализму», библиографией по экономике, истории рабочего движения и т. п. Первоначально «Звезда» явно стоит вне полемики и литературной борьбы (об этом свидетельствовала, в частности, опубликованная в № 1 серия журнальных обзоров — «Красная новь», «Печать и революция», «Молодая гвардия» в 1923 г.)

Положение изменилось с открытием в № 3 «Звезды» (май — июнь 1924 г.) литературной дискуссии, явившейся одним из основных эпизодов общей литературной дискуссии середины 20-х годов [8]. «Звезда» вступает в нее, когда уже были определены позиции спорящих сторон. Позади был целый год острой журнальной полемики — вышел уже пятый номер журнала «На посту», были напечатаны основные полемические статьи А. Воронского. Итоги этого первого этапа дискуссии были подведены 9 мая 1924 г. на специальном совещании, созванном Отделом печати при ЦК РКП(б). Дискуссия, развернувшаяся на страницах «Звезды», имеет очень четкие хронологические рамки: она начинается после майского совещания в Отделе печати ЦК РКП(б) и заканчивается незадолго до опубликования резолюции ЦК «О политике партии в области художественной литературы».

«Возможна ли пролетарская культура?» — этим вопросом открывал дискуссию редактор журнала Майский. В его обширной статье «О куль-

---

[7] Архив ИРЛИ, ф. 109, ед. хр. 452.

[8] Основные материалы дискуссии в «Звезде» составили содержание сборника «Пролетариат и литература» (М., ГИЗ, 1925).

туре, литературе и коммунистической партии» давалась развернутая аргументация возможности и необходимости существования в переходный период пролетарской культуры. Данная Майским оценка перспектив литературного развития в общем совпадала с напостовской позицией. Считая, что настоящая «большая» литература придет непременно и исключительно из кругов пролетарских писателей, ибо «попутчики» — это «певцы обывателя в революции», отразившие революцию «в кривом зеркале», Майский рекомендовал усиленно поливать «грядку пролетарской литературы», невзирая на то, что пока она дает небогатый урожай.

Все это, однако, приходило в странное несоответствие с практикой «Звезды». Это отмечал на страницах «Красной нови» Воронский: «В третьем номере «Звезды» Майский подал руку Лелевичу, выступив по существу с напостовской статьей. Сделал он это с оговорочками, вежливенько, в отличие от дебоширства заправских напостовцев... В статье Майского много нелестных экивоков в сторону «попутчиков»: и обыватели-то они, и революцию-то исказили... Все это, однако, напечатано в «Звезде», в коей печатались А. Толстой, Никитин, Тан и даже Андрей Белый [9]. Печатались они не где-нибудь на задворках, а на самых видных местах. Называется это плюнуть в колодец, из которого пил и продолжает пить...» [10].

Одновременно поступили отклики и из напостовского лагеря. «Вторая и третья книжки «Звезды» резко отличаются друг от друга,— писал Г. Лелевич.— Обстоятельная статья редактора «Звезды» И. Майского в защиту пролетарской литературы убедительно показывает, что этот перелом в журнале не случаен. «Звезда», по-видимому, твердо обосновывается по эту, революционную сторону литературной баррикады» [11]. «Статья очень хорошая и вполне наша»,— заявляет С. Родов [12].

Совершенно очевидно, что симпатии редакции «Звезды» были на стороне напостовцев. В ходе дискуссии она неоднократно предоставляет им возможность выступить на страницах журнала (статьи Г. Лелевича «Наши литературные разногласия», его же «О принципах марксистской критики», С. Родова «О кружковщине, платформах и отрыве от масс»), «Звезда» широко публикует материалы Всесоюзной конференции пролетарских писателей, происходившей в январе 1925 г.

Напечатанное вслед за статьей Майского выступление Г. Лелевича («Наши литературные разногласия») ставило на повестку дискуссии обсуждение одного из основных теоретических разногласий с Воронским — вопроса о природе искусства. Лелевич отвергает данное Воронским определение «искусство есть объективное познание жизни», считая главной функцией искусства «заражение» классовыми эмоциями. На страницах «Звезды» Лелевичу возражал Г. Якубовский («Искусство и объективная действительность», 1924, № 4). «Классовая природа не определяет всецело психику художника,— писал Якубовский,— ...необходимо еще принять во внимание воздействие соседних надстроек, а также идеологий других классов и природу самого художественного творческого аппарата» [13]. Якубовский осуждал также декларированный Лелевичем прямолинейный политический утилитаризм по отношению к искусству, предостерегая против появления «красных кукольников».

Однако большинство участников дискуссии решительно поддержало точку зрения Лелевича (П. Коган. «Со стороны», 1924, № 6; Г. Горбачев.

---

[9] В «Звезде» был опубликован очерк Андрея Белого «Россия и Европа» (1924, № 3).

[10] А. Воронский. Полемические заметки.— «Красная новь», 1924, № 5, стр. 316.

[11] «Молодая гвардия», 1924, № 7-8, стр. 269.

[12] «Звезда», 1924, № 4, стр. 310.

[13] Там же, стр. 303.

«Открытое письмо редактору «Звезды», 1925, № 1; И. Майский. «Еще раз о культуре, литературе и коммунистической партии», 1925, № 1). Подводя итоги дискуссии, Майский с удовлетворением отмечал, что никто из ее участников не возражал против той постановки вопроса о пролетарской культуре, которая была дана в его статье.

С дискуссией связаны и две статьи, опубликованные в журнале несколько позже. Б. Арватов («Литература и быт», 1925, № 6) давал свое определение путей пролетарской литературы в духе лефовской теории «производственного искусства» («рабочий класс нуждается в литературе чисто утилитарной, невыдуманной...», «...вместо так называемой художественной прозы — журналистика, газетные корреспонденции, дневники, мемуары, письма, заметки, обзоры, хроника, протоколы и т. п.»). В том же номере была напечатана статья Е. Мустанговой «О левой фразе т. Арватова и путях пролетарской литературы», отмечающая, что представления Арватова о развитии современной литературы исходят из «квазимарксистской теории, примыкающей к схеме Богданова». Последняя статья, как указывалось в примечании, выражала точку зрения редакции журнала.

С включением «Звезды» в литературную дискуссию общий ее облик заметно меняется. Это сказалось прежде всего на отделе критики и библиографии, занимающем теперь в журнале значительно большее место. Характерно повышенное внимание к литературной журналистике — библиография заполнена рецензиями на новые журналы. От былой нейтральности «Звезды» не осталось и следа. Симпатии и антипатии редакции проявляются теперь с такой определенностью, что не оставляют сомнений в ее пристрастиях [14].

Эти новые тенденции окончательно утверждаются в «Звезде» уже при новом, втором составе редколлегии: Г. Горбачев — заведующий редакцией, И. Ионов, И. Наумов [15].

С уходом Майского центральной фигурой в журнале становится Георгий Горбачев. Он не только главный редактор, но и ведущий критик «Звезды», вдохновитель напостовского курса журнала. До начала работы в «Звезде» Горбачев преподает в Ленинградском университете, выпускает книгу «Очерков современной русской литературы» (1924). Уже в этой книге Горбачев заявил о себе как о критике напостовского толка. На страницах «Звезды» Горбачев выступает с большими критическими статьями «О творчестве Бабеля и по поводу него» (1925, № 4), «Б. Лавренев» (1925, № 5), с целым рядом рецензий и библиографических заметок.

Для Горбачева-критика показательна его статья о Бабеле. С одной стороны, Горбачев чрезвычайно высоко оценивает Бабеля — восхищается его мастерством, считает, что отдельные новеллы «Конармии», «несомненно, войдут в хрестоматию как образцовые художественно-исторические документы эпохи гражданской войны». Больше того, он реши-

---

[14] См. статью Г. Горбачева «Единый фронт буржуазной реакции» (1924, № 6), рецензию И. Майского на сборник статей Г. Лелевича «На литературном посту», рецензию В. Друзина на журналы «Красная новь» и «На посту» (1925, № 2, 4), рецензии на альманах ленинградских пролетарских писателей «Стройка» (1925, № 1, 4, 1926, № 3) и др.

[15] Редколлегия нового состава подписывает выпуски «Звезды» начиная с № 2 за 1925 г. В архиве «Звезды» сохранилась докладная записка в Отдел печати ЦК «О составе работников редакции «Звезды» (1925 г.). В ней дается следующая характеристика сотрудников журнала. «Редакционная коллегия: Горбачев Георгий Ефимович — приват-доцент Ленинградского университета; Ионов Илья Ионович — с 1918 г. заведующий Ленгизом; Наумов Иван Куприянович — зав. Агитотделом Ленинградского Губкома РКП. Секретариат: Лавренев Борис Андреевич — работал в издательствах с 1912 г. (Архив ИРЛИ, ф. 109, ед. хр. 452).

тельно защищает Бабеля в споре с Буденным[16]. И в то же время Бабель для Горбачева — это только «спец» формы, которого пролетарская литература может использовать «в качестве одного из исходных пунктов формального развития».

Наиболее догматическими у Горбачева оказываются так называемые программные статьи, отягощенные установками групповой борьбы. Одна из таких статей появилась на страницах «Звезды» — «На переломе» (1926, № 1). Замысел ее был достаточно грандиозен — дать общую классификацию, некую диспозицию всей послереволюционной литературы, где каждому писателю было бы найдено определенное место. По словам самого автора, задача статьи — «не характеристика отдельных писателей, а установление классовых группировок в литературе и тенденций их борьбы».

Классификация эта не представляла собой ничего нового — она просто приводила в некую систему, вернее соединяла в общую схему отдельные положения и конкретные оценки напостовской критики. Статья очень категорична и непримирима в своих выводах. Горбачев решительно зачеркивает бо̀льшую часть «попутнической» литературы, объявив: «Эренбурги же, Серапионы, Пильняки и т. д.— это враги, хотя бы и легальные», он выступает против союза «до Эренбурга» на основе признания единой «революционной» или «советской» литературы».

Заявления подобного рода уже прозвучали в свое время со страниц журнала «На посту». Отметим, однако, следующее обстоятельство. Статья Горбачева «На переломе» появляется в январе — феврале 1926 г.— в период, когда в самом напостовском движении происходят существенные сдвиги: прекращается издание журнала «На посту», начинается борьба с «левыми» внутри напостовского движения, появляется журнал «На литературном посту». Статья Горбачева, напечатанная в самый разгар борьбы с «левыми», была не чем иным как воинственным выступлением в защиту «левого» напостовства. «Напостовцы были не только теоретически и организационно правы... но и самые резкие приемы напостовского «битья стекол» исторически уже оправданы»,— заявляет Горбачев.

Все это оказывается весьма существенным для истории журнала. Пришедшая на смену Майскому редакция прилагает все усилия к тому, чтобы ликвидировать отмеченное в свое время Воронским противоречие между декларированной позицией журнала и направлением его литературно-художественного отдела. «Звезда» теперь стремится подтвердить свою декларацию практически, показать на своих страницах рост чисто «пролетарской» литературы. Задачу эту редакция журнала пытается решить довольно простым путем — предоставив свои страницы почти исключительно членам Ленинградской ассоциации пролетарских писателей. В отношении же «попутчиков» в журнале устанавливается жесткая «процентная норма». С начала 1925 г. на страницах «Звезды» начинают мелькать новые, мало кому известные имена — М. Карпов, А. Тверяк, Ив. Никитин, Л. Грабарь, Ив. Васильев.

Ассоциация пролетарских писателей в Ленинграде была немногочисленной и творчески весьма слабой, включая в себя в основном начинающих авторов. Довольно точную характеристику этой группы писателей мы найдем в книге А. Лежнева «Русская литература революционного

---

[16] «Тов. Буденный напрасно обиделся на Бабеля,— пишет Горбачев.— ...Бабель не мог и не хотел изобразить конармию в целом под коммунистическим руководством: из такой попытки у него ничего бы и не вышло. Бабель изобразил конармию сзади и сбоку, но и это полезно знать; изобразил сквозь свои «очки» и все же сделал понятной частицу сути конармии. Но, конечно, из «Конармии» мы больше всего узнаем о писателе Бабеле...» («Звезда», 1925, № 4, стр. 282).

десятилетия». Отмечая основное противоречие творчества, характерное «для огромного слоя пролетарских писателей (преимущественно из молодых) — противоречие между грандиозностью темы и малым стилем оформления», Лежнев пишет далее: «Это относится прежде всего к ленинградской группе пролетарских писателей (А. Тверяк, М. Чумандрин, Мих. Карпов, Л. Грабарь) ...широта замысла и заостренность темы скрадываются мелкотравчатостью стиля, «передвижничеством» зарисовок, сделанных в русско-богатском духе, бытовистической плоскостностью» [17]. Эта характеристика может быть целиком отнесена ко многому из того, что было опубликовано «Звездой» в 1925—1926 гг., и прежде всего к центральному произведению этих лет — роману А. Тверяка «Трактор», с чрезвычайной прямолинейностью и схематизмом рисующему деревню послереволюционных лет.

В литературной критике того времени «Звезда» проходит почти совершенно незамеченной, если не считать двух-трех случаев, когда в журнальных обзорах отмечалась крайняя слабость литературно-художественного отдела «Звезды», публикующей нередко произведения, «только по несчастной случайности попавшие на страницы серьезного журнала» [18].

В самом деле, облик журнала от номера к номеру становится все более серым, круг авторов все более сужается. Вот один из типичных выпусков «Звезды» 1926 г. (№ 1). Содержание отдела прозы: А. Аросев «От желтой реки», Я. Коробов «Земляная порода», М. Черноков «Починка». К середине 20-х годов за «Звездой» прочно утверждается репутация третьестепенного журнала, занимающего место где-то на литературной периферии.

Не случайно, что именно в это время в Ленинграде возникают издания, пытающиеся в какой-то мере компенсировать односторонность «Звезды». Здесь в первую очередь следует назвать «Ковш». Это почти забытое сегодня издание было, несомненно, интересным и имело в свое время большой литературный резонанс [19].

Приведем один из откликов на выход «Ковша», опубликованный в журнале «Жизнь искусства» под названием «О «Ковше» и «ковшевниках» «Собственно это почти вся современная русская литература... В двух «Ковшах» уместились А. Толстой, Л. Леонов, М. Зощенко, В. Каверин, М. Слонимский, К. Федин, Н. Никитин, не говоря уже о более молодых — С. Семенове, Б. Лавреневе и др., которых литературный Парнас тоже принял в свою среду, хотя и немного потеснившись... «Ковш» — событие и гвоздь сезона. «Ковш» — не только книга, одна из многих, но — литературный вернисаж не меньшего масштаба, чем московские «Недра» и «Круг». Это лицо сегодняшнего литературного Ленинграда. И это не совсем московское лицо...» [20].

Несомненно, что успехи и достижения «Ковша» мы можем сегодня рассматривать в значительной мере как «упрек» «Звезде» 1925—1926 гг., как реализацию именно ее неосуществленных возможностей.

Впрочем, «Звезде» первых лет издания можно предъявить достаточно серьезный счет и независимо от «Ковша». В самом деле, случилось так, что мимо единственного толстого журнала Ленинграда прошло многое, притом наиболее значительное из того, что было создано ленинградскими писателями. Назовем хотя бы «Города и годы» Федина (издано Ленин-

---

[17] А. Лежнев. Русская литература революционного десятилетия. М., 1927, стр. 95.
[18] «Красная новь», 1926, № 10, стр. 236.
[19] Литературно-художественный альманах «Ковш» издавался Госиздатом в 1925—1926 гг. В редколлегию его входили И. Груздев, М. Слонимский, С. Семенов (отв. редактор), К. Федин, И. Садофьев и другие.
[20] «Жизнь искусства», 1925, № 3, стр. 8.

градским отделением Госиздата в 1924 г.)[21], «Одеты камнем» Форш (опубликовано в журнале «Россия» в 1924 г.), «Кюхля» Тынянова (издано Ленинградским отделением Госиздата в 1925 г.), «Разин Степан» Чапыгина («Красная новь», 1926). Список этот можно было бы продолжить.

✪

Общее направление «Звезды», попытка ее редакции законсервировать журнал на позициях «левого» напостовства приходят в явное несоответствие с той новой литературной атмосферой, которая устанавливается в середине 20-х годов. Резолюция ЦК РКП(б) 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы», подчеркнув важность борьбы за идейную гегемонию пролетарских писателей, в то же время осудила комчванство и указала на необходимость терпимого и тактичного отношения ко всем литературным прослойкам.

Не случайно в это время происходит обновление состава редколлегий ряда журналов, прежде всего напостовской ориентации. Характерно, например, что весной 1926 г. с последней страницы журналов «Октябрь» и «Молодая гвардия» исчезают имена «левых» напостовцев — И. Вардина, С. Родова, Г. Лелевича, А. Безыменского. Вслед за этим происходят изменения и в общем направлении журналов. Так, в «Молодой гвардии» резко расширяется круг авторов — на страницах журнала публикуются произведения Вс. Иванова, Н. Тихонова, В. Каверина, Б. Пастернака, С. Клычкова и других.

В этом же ряду следует рассматривать и события, происходящие в конце 1926 г. в «Звезде»— утверждение нового состава редколлегии журнала[22] и последовавшее за этим изменение его литературной позиции. В следующем, 1927 г. подписчики «Звезды» получили по существу новый журнал. Изменился не только круг сотрудников, но и внешний облик журнала, периодичность его издания — «Звезда» стала ежемесячником. Во всем было ощутимо отталкивание от тех методов ведения журнала, которые сложились в предшествующие годы. Новая редакция «Звезды» прилагает немало усилий, для того чтобы расширить связи «Звезды» с современной литературой. Вот одно из характерных свидетельств современника: «Возрождается журнал «Звезда»,— отмечает И. Груздев в одном из писем А. М. Горькому в конце 1926 г.,— который прозябал самым ничтожным образом — помещалась какая-то выхолощенная литература»[23].

Возрождение журнала произошло необычайно быстро. Стоило только снять всякого рода искусственные заслоны, отделявшие «Звезду» от реального литературного процесса, как на страницы журнала хлынул живой поток современной литературы. С начала 1927 г. «Звезда» публикует два романа, принесших ей большой успех,— «Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Тынянова и «Братья» К. Федина. Вслед за тем появляются «Средний проспект» М. Слонимского, «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» В. Каверина (1928), «Гравюра на дереве» Б. Лавренева (1928). Одновременно публикуются рассказы и повести О. Форш, А. Толстого, Н. Тихонова, Л. Леонова, Б. Пильняка, М. Козакова. Добавьте к этому

---

[21] В «Звезде» была опубликована только одна глава из романа (1924, № 4). В июле 1924 г. Федин пишет Горькому о романе: «Кое-какие главы будут напечатаны в журналах, но целиком провести роман в журнале не удается» («Литературное наследство», т. 70, стр. 474).

[22] В новую редакцию «Звезды» вошли: П. Петровский (отв. редактор), Л. Горохов, А. Зонин, Р. Ковнатор, Р. Ржанов, А. Стецкий. В аппарате «Звезды» с 1926 года работают Н. Тихонов (заведующий отделом поэзии), Н. Браун (секретарь редакции).

[23] «Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым». М., «Наука», 1966, стр. 87.

самый широкий диапазон имен в поэтическом отделе, стремление представить на страницах журнала различные поэтические школы. В одном только 1927 г. «Звезда» познакомила своих читателей с творчеством Н. Брауна, К. Вагинова, Н. Заболоцкого, Н. Клюева, М. Комиссаровой, Б. Корнилова, О. Мандельштама, Л. Мартынова, Е. Панфилова, Б. Пастернака, Е. Полонской, А. Прокофьева, Вс. Рождественского, И. Садофьева, В. Саянова, М. Светлова, Н. Тихонова, М. Фромана, В. Хлебникова.

ГРУППА СОТРУДНИКОВ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА», 1927 г. Слева направо, 1-й ряд снизу: В. КАВЕРИН, Л. РАКОВСКИЙ; 2-й ряд: Н. ТИХОНОВ, М. КОЗАКОВ, Р. КОВНАТОР, К. ФЕДИН, О. ФОРШ; 3-й ряд: Н. БРАУН, А. СТЕЦКИЙ, С. СЕМЕНОВ; 4-й ряд: М. ФРОМАН, Н. БАРШЕВ, Н. КАТКОВ, Б. СОЛОВЬЕВ, М. СЛОНИМСКИЙ, Ю. ТЫНЯНОВ, А. КАМЕГУЛОВ, И. САДОФЬЕВ, А. ЛЕБЕДЕНКО

За короткий срок «Звезда» приобретает большую популярность и становится одним из главных литературно-художественных центров Ленинграда. Вокруг «Звезды» быстро оформляется круг постоянных авторов, сохраняющих в дальнейшем прочную связь с журналом. Творческий путь В. Каверина, Ю. Тынянова, О. Форш, М. Слонимского, Б. Лавренева, М. Козакова неотделим от «Звезды»: во второй половине 20-х — начале 30-х годов почти каждое их произведение появляется на ее страницах.

Своеобразие художественного облика журнала тех лет определила его проза, сразу выделившая «Звезду» на общем журнальном фоне. Перед нами редкий случай: проза журнала лишена обычной пестроты — между отдельными произведениями, опубликованными в «Звезде», обнаруживается внутренняя связь, позволяющая рассматривать их в целом как единое художественное явление. Именно так воспринимается цикл произведений об интеллигенции и революции, опубликованный на страницах журнала во второй половине 20-х — самом начале 30-х годов. Он

был начат в «Звезде» историческим романом Ю. Тынянова («Смерть Вазир-Мухтара») и продолжен на материале современности К. Фединым («Братья»), В. Кавериным («Скандалист» и «Художник неизвестен»), Б. Лавреневым («Гравюра на дереве»), О. Форш («Сумасшедший корабль»), К. Вагиновым («Козлиная песня»). Назовем также и такие произведения, как романы «Лавровы» и «Фома Клешнев» М. Слонимского, «Девять точек» М. Козакова, «Седьмой спутник» Б. Лавренева.

Во второй половине 20-х годов тема «интеллигенция в революции» становится одной из центральных и в то же время одной из наиболее драматичных тем русской послереволюционной прозы. Некоторые из опубликованных «Звездой» произведений этого цикла, прежде всего «Сумасшедший корабль» О. Форш, «Художник неизвестен» В. Каверина, «Козлиная песня» К. Вагинова, отразили мучительные искания и сомнения части художественной интеллигенции тех лет. Сомнения эти порой оборачивались пессимизмом, вопросами, остающимися без ответа. На один из вопросов был, однако, дан достаточно четкий ответ: нельзя жить вне социального «пространства и времени», не определив своего отношения к современности, своего места в ней. Этот вывод с неизбежностью вытекал из того ощущения краха всей системы старых представлений, которым было проникнуто каждое из произведений этого цикла.

Публикация всех этих произведений в «Звезде» вызывает чрезвычайно острую реакцию критики. Обсуждение некоторых из них — «Братьев» К. Федина, «Скандалиста» В. Каверина — выливается в целые дискуссии. Появляются критические статьи, ставившие проблемы интеллигенции на материале ряда произведений, напечатанных в «Звезде»[24].

Критика тех лет, прежде всего рапповская, склонна была рассматривать героя-интеллигента, переживающего сложный и противоречивый процесс «перестройки», как «лишнего человека» современности. «Образ лишнего, сброшенного с главной магистрали эпохи человека, почти полностью захватил гегемонию в литературно-художественном секторе журнала»,— отмечалось в одном из обзоров «Звезды» 1928 г.[25] В связи с этим журналу инкриминировалась «отчужденность от широкого потока революционной современности»[26].

К концу 20-х — началу 30-х годов оценка рапповской критикой произведений об интеллигенции и революции становится все более жесткой. Симптоматично, например, появление в «Комсомольской правде» статьи о «Братьях» К. Федина под названием «Лицо классового врага». «Сумасшедший корабль» О. Форш, «Художник неизвестен» В. Каверина были объявлены «идеологической диверсией», произведениями «новобуржуазной» литературы. В связи с этим «Звезда» квалифицируется как «правопопутнический» журнал.

«Звезда» не приняла участия в спорах, развернувшихся вокруг опубликованных на ее страницах произведений. В журнале была напечатана только одна статья — о «Братьях» К. Федина, появившаяся вскоре после окончания публикации романа в «Звезде». Не включаясь в полемику, она, однако, достаточно определенно подчеркивала позитивный смысл романа. «Свое право на бытие Никита утверждает своей судьбой художника, социальной ценностью своего творчества»,— писал автор статьи И. Оксенов[27-28].

---

[24] Ж. Эльсберг. Настроения современной интеллигенции в отображении художественной литературы.— «На литературном посту», 1929, № 2; А. Селивановский. Островитяне искусства.— «На литературном посту», 1928, № 22.

[25] М. Гельфанд. «Звезда» 1928 года (№ 1—10).— «Книга и революция» 1929, № 1, стр. 48.

[26] Там же.

[27-28] «Звезда», 1928, № 7, стр. 128.

В остальных случаях критический отдел «Звезды» хранил молчание, явно избегая полемики, обсуждения остродискуссионных вопросов[29]. Это создавало ощущение разъединенности и несоизмеримости между литературно-художественным отделом журнала и его критикой. По-видимому, именно с этим и была в первую очередь связана неудовлетворенность постановкой критики в журнале, которую единодушно высказали современники — участники «Анкеты о толстых журналах», проведенной в 1928—1929 гг. редакцией журнала «На литературном посту». (Во многих ответах отмечалось, что «Звезда» — не столько журнал, сколько литературно-художественный альманах ленинградских писателей.) Были для этого и другие основания — случайность выбора объектов критики в журнале, почти полное отсутствие статей широкой проблематики. Во второй половине 20-х годов «Звезда» воспринимается как журнал без ясно выраженной позиции критического отдела. Отчасти это было связано с достаточно пестрым составом критиков, группирующихся вокруг журнала. В эти годы на страницах «Звезды» выступают более или менее постоянно И. Оксенов, И. Груздев, В. Друзин, М. Майзель, З. Штейнман, Н. Степанов, Г. Горбачев, О. Немировская, А. Камегулов.

Для критики журнала характерен методологический разнобой: порой мы сталкиваемся с неприятием оценок рапповской критики (так «Звезда» в 1927 г. берет под защиту «Трансвааль» К. Федина, объявленный апологией кулачества), в некоторых случаях — с определенным тяготением к методам анализа формальной школы (работы Н. Степанова, Е. Журбиной, О. Немировской), порой — с социологическим схематизмом. Один из примеров последнего рода — позиция «Звезды» в споре о Есенине. В № 3 «Звезды» за 1927 г. была опубликована статья В. Правдухина «От Иванушки-дурачка до Карла Маркса», полемизировавшая с наметившейся в период кампании по борьбе с упадочничеством оценкой поэзии Есенина («Не следует поклоняться судьбе Есенина,— пишет Правдухин,— ... но нельзя так вульгаризировать и принижать большие и сложные явления культуры, каким является поэзия Есенина»). В том же выпуске была опубликована статья редактора журнала П. Петровского «Ответ товарищу Правдухину» (само название статьи подчеркивало ответственность и некую коллегиальность этого выступления журнала), в которой давалась чрезвычайно резкая оценка творчества Есенина как «поэзии разлагающегося, гибнущего, гниющего уклада», «чуждой эпохе строительства социализма, индустриализации и культурной революции».

Среди критических выступлений «Звезды», заметных на общем литературном фоне тех лет,— статья М. Чумандрина «Чей писатель М. Зощенко?» (1930), призывавшая к пересмотру оценки творчества Зощенко, которому часть критиков навязывала ярлык «мещанский писатель».

В актив журнала следует отнести хорошо поставленный отдел библиографии. Калейдоскоп библиографических заметок с его чрезвычайно широким диапазоном тем — текущая беллетристика, новые поэтические

---

[29] В этой связи представляет интерес факт внутриредакционной жизни, ставший известным после опубликования переписки Горького с И. Груздевым. В портфеле редакции была статья И. Груздева о «Козлиной песне» К. Вагинова — произведении, вызвавшем при своем появлении особенно резкую, порой ожесточенную критику. Статья была набрана, но, по свидетельству Груздева, редакция долго не могла решить вопрос о ее публикации. В конце концов статья так и не увидела света. О ней можно судить лишь по одному из писем И. Груздева, в котором он сообщает Горькому, что написал для «Звезды» статью о К. Вагинове, «допустившем в «Козлиной песне» отчаянные ошибки, но остро и талантливо поставившем в ней исключительной важности вопрос об эстетствующей интеллигенции и ее отношении к революционной действительности» («Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым», стр. 220).

сборники, новые критические и литературоведческие работы, очередные выпуски журналов и альманахов, издания классиков, переводная литература, библиографические издания — давал значительно более выразительную картину движения современной литературы, чем собственно критический отдел журнала.

Пожалуй, наибольшую определенность критическому отделу «Звезды» тех лет придает постоянный интерес журнала к литературоведческим проблемам. Статьи академического профиля иногда берут явный перевес над критикой текущей литературы. Так в течение нескольких лет на страницах «Звезды» идет обсуждение «формального метода» в литературоведении. В журнале были опубликованы статьи П. Медведева «Ученый сальеризм» (1925), «Формализм и история литературы» (1928) [30], М. Григорьева «Понятие материала и приема в теории литературы» (1926), Е. Мустанговой «Путь наибольшего сопротивления» (1928), Гр. Гуковского «Шкловский как историк литературы» (1930). «Звезда» напечатала статьи Б. Эйхенбаума «О'Генри и теория новеллы» (1925), «Литература и писатель» (1927). В 1929—1930 гг. «Звезда» принимает активное участие в дискуссии о переверзевской школе (Г. Горбачев. «Бытие и сознание в понимании Переверзева», В. Друзин. «Как не надо критиковать Переверзева», С. Малахов. «К итогам дискуссии о переверзевской школе» и мн. др.). Журнал периодически публикует статьи по истории русской литературы, чаще других — работы В. Евгеньева-Максимова, Л. Войтоловского.

Начиная с 1929 г. в критическом отделе «Звезды» можно заметить вторжение новых веяний рапповского толка (статья Л. Авербаха «О классовой борьбе в литературе» и др.). В дальнейшем все большее место на страницах журнала начинают занимать перепечатки докладов рапповских руководителей, статьи, пропагандирующие лозунги рапповского движения, отражающие внутренние споры в РАПП. В конце 20-х годов РАПП настойчиво пытается включить «Звезду» в орбиту своего влияния, которое, однако, распространилось лишь на критический отдел журнала, затронув в очень незначительной степени его литературно-художественный отдел.

На рубеже 20-х — 30-х годов «Звезда» привлекает к участию в журнале А. М. Горького (главы из III и IV книги «Клима Самгина»), А. Чапыгина (автобиографические повести «Жизнь моя», «По тропам и дорогам»), А. Грина («Автобиографическая повесть» [31]). В «Звезде» были опубликованы рассказы И. Бабеля, М. Пришвина, В. Шишкова.

Создавалось, однако, странное и во многом противоречивое положение. Критический отдел журнала стал публиковать вслед за рапповской критикой разгромные проработочные статьи о произведениях, напечатанных ранее в «Звезде». Так, через несколько месяцев после публикации в журнале повести А. Воронского «Глаз урагана» (1931) появляется статья Р. Мессер «Самосечение теоретика», так, в 1932 г. печатается статья Миллер-Будницкой «Эпигон формализма» о последних произведениях В. Каверина «Пролог» и «Художник неизвестен», опубликованных в «Звезде» в 1931 г.

«Звезда» собиралась откликнуться подобным же образом и на другие свои публикации [32]. Но это намерение не было осуществлено: произошедшая весной 1932 г. перестройка литературно-художественных организаций в корне изменила общую атмосферу литературной жизни.

---

[30] Главы из книги «Формальный метод в литературоведении» (Л., 1928).

[31] Отдельные ее части были опубликованы в «Звезде» под заглавиями «Бегство в Америку», «Баку», «Одесса», «Севастополь» (1931).

[32] См. обращение редакции к читателям «Звезды» в № 11—12 за 1932 г.

2

1932 год не был вместе с тем в истории «Звезды» столь резким рубежом, как во многих других изданиях. Утверждение «Звезды» в качестве органа Ленинградского оргкомитета по подготовке Первого Всесоюзного съезда писателей (июнь 1932 г.) и произведенные одновременно перемены в составе ее редколлегии [33] не повлекли за собой резкого изменения ее облика, во всяком случае характера ее литературно-художественного отдела.

В 30-е годы «Звезда» вступает как журнал с устоявшейся литературной репутацией. По свидетельству современника, относящемуся уже к 1934 г., на протяжении многих лет «интерес к этому журналу обусловлен был тем, что в нем читатель неизменно находил произведения, само появление которых представляло собой «событие» в нашей литературе». Далее отмечалось существующее в «Звезде» известное «пренебрежение к отделам журнала, содержащим публицистическую, критическую либо научную прозу» [34].

Приведенное выше высказывание давало довольно точный портрет журнала — при несколько излишней категоричности оценок. Хотя литературно-художественный отдел «Звезды» не всегда выдерживался на уровне литературного события, на ее страницах было опубликовано немало значительных произведений. Так, в 1932 г. многое из опубликованного в «Звезде» было отмечено читателем и критикой — «Якобинский заквас» О. Форш, проза Н. Тихонова (в том числе «Клятва в тумане»), роман А. Лебеденко «Тяжелый дивизион», повесть Б. Лапина «Подвиг». В 1933 г. «Звезда» предложила своим читателям «Похищение Европы» К. Федина, «Символистов» О. Форш, «Возвращенную молодость» М. Зощенко, «Синее и белое» Б. Лавренева. В отделе поэзии в 1932—1933 гг. были опубликованы большие циклы стихов А. Прокофьева, Б. Корнилова, произведения Н. Заболоцкого, И. Сельвинского, П. Антокольского, Н. Брауна, М. Комиссаровой, Е. Полонской, А. Гитовича, переводы Ю. Тынянова из Гейне (в том числе поэмы «Германия»).

Говоря о «Звезде» начала 30-х годов, следует отметить известный консерватизм журнала в освоении новой, остросовременной тематики. «Звезда» всегда стояла несколько в стороне от того, что называли тогда «магистральными темами эпохи». Здесь в большей мере, чем в других журналах, соблюдалась дистанция времени: в начале 30-х годов «Звезда» оказывается едва ли не единственным журналом, которого почти не коснулся широкий поток очерковой литературы с темой социалистического строительства.

С другой стороны, заметное место на страницах «Звезды» заняла в 30-е годы историческая проза, представленная произведениями О. Форш («Якобинский заквас», 1932; «Символисты», 1933; «Казанская помещица», 1934—1935; «Пагубная книга», 1939), а также именами В. Шишкова, А. Чапыгина [35], исторического романиста более молодого поколения Л. Раковского [36].

---

[33] В 1932 г. в редколлегию «Звезды» входили Д. Белицкий (отв. редактор), Н. Тихонов (зам. отв. редактора), М. Слонимский, К. Федин, О. Форш, М. Чумандрин, Д. Лаврухин, Н. Осипов. Этот состав редколлегии с некоторыми изменениями (вместо Д. Лаврухина и Н. Осипова будут введены А. Толстой, Ю. Либединский и несколько позже — А. Горелов, Н. Коварский) сохранится в «Звезде» до 1936 г.

[34] «Литературный Ленинград», 1934, № 22.

[35] В «Звезде» были опубликованы отдельные части «Емельяна Пугачева» В. Шишкова (1935) и «Гулящих людей» А. Чапыгина (1937), а также отдельные рассказы того и другого писателя.

[36] В «Звезде» был напечатан роман Л. Раковского «Изумленный капитан» (1936).

Известная отрешенность журнала от современности вызывает к нему порой настороженное отношение критики: его называют «сборником интересных романов», «комнатным журналом, оторванным от жизни» [37].

В 1933 г. «Звезда» подверглась резкой критике в связи с публикацией поэмы Н. Заболоцкого «Торжество земледелия» (1933, № 2—3). Появилась целая серия статей, в которых произведение Заболоцкого квалифицировалось как клевета на колхозное движение, как проповедь кулацкой идеологии [38]. Это было предвзятое истолкование поэмы, прямолинейно соотнесенной с политическими событиями современности. Интересна в этой связи недавняя публикация переписки Заболоцкого с К. Э. Циолковским, обнаружившая, в частности, что нарисованная в «Торжестве земледелия» утопическая картина, воспринятая критикой 30-х годов как «пасквиль на коллективизацию», была во многом навеяна мыслями Циолковского о возможном усовершенствовании человеком мира животных и растений [39].

Серьезность обвинений, выдвинутых против Заболоцкого, заставила предубежденно отнестись к содержанию журнала в целом. Вскоре появился обзор семи номеров «Звезды» за 1933 г. под названием «Тени старого Петербурга» [40], где в один ряд с «Торжеством земледелия» были поставлены опубликованные в журнале рассказы В. Шкловского, очерк О. Мандельштама «Путешествие в Армению», стихотворения К. Вагинова. Обращало на себя внимание, что конкретные критические замечания, высказанные в адрес этих произведений, были несоизмеримы с той характеристикой, которая давалась в статье их авторам [41]. Конечный вывод статьи звучал весьма недвусмысленно: «Остатки петербургского периода литературы, осколки старых классов и литературных школ продолжают жить. Шкловский, Мандельштам, Вагинов, Заболоцкий... Тени старой петербургской литературы толпятся на страницах «Звезды».

Такая критика сыграла определенную роль в дальнейшей судьбе «Звезды», вызвав, в частности, отход от журнала после 1933 г. значительной части его постоянных авторов.

В 1933 г. в Ленинграде начинает выходить новый литературно-художественный ежемесячник «Литературный современник». С появлением в Ленинграде второго толстого журнала «Звезда» лишилась того монопольного положения, которое она занимала около десяти лет. «Литературный современник» оказался для «Звезды» серьезным соперником. Молодому журналу довольно быстро удалось стать на ноги, завоевать хорошую литературную репутацию. В первые же годы своего существования «Литературный современник» начинает явно перетягивать к себе постоянных авторов «Звезды». Так, в 1933 г. «Литературный современник» публикует повесть Ю. Тынянова «Малолетний Витушишников», а в 1935—1937 гг. роман «Пушкин». Каверин в 30-е годы предоставляет «Литературному современнику» по существу всю свою творческую про-

---

[37] «Литературный Ленинград», 1933, № 16 (информация о заседании президиума Ленинградского оргкомитета).

[38] В. Ермилов. Юродствующая поэзия и поэзия миллионов.— «Правда», 21 июня 1933 г.; Е. Усиевич. Под маской юродства.— «Литературный критик», 1933, № 4; А. Тарасенков. Похвала Заболоцкому.— «Красная новь», 1933, № 9.

[39] См. публикацию А. Павловского «Из переписки Н. А. Заболоцкого с К. Э. Циолковским».— «Русская литература», 1964, № 3.

[40] С. Розенталь. Тени старого Петербурга.— «Правда», 30 августа 1933 г.

[41] Так, например, автору очерка «Путешествие в Армению» было поставлено в вину, что он путешествует, «сидя в комнате и окружив себя гравюрами, старыми книгами и раритетами армянской старины». Из этого следовал вывод: «Расточая похвалы Армении, Мандельштам хвалит ее экзотику, ее рабское прошлое... Старый петербургский поэт-акмеист О. Мандельштам прошел мимо бурно цветущей и радостно строящей социализм Армении».

дукцию — „Исполнение желаний“, несколько пьес и сценариев, роман „Два капитана“. М. Козаков печатает здесь продолжение романа «Девять точек», ранее публиковавшегося в «Звезде». А. Чапыгин публикует заключительную часть своей автобиографической трилогии (ее первые две части также были опубликованы в «Звезде»).

Что касается самой «Звезды», то здесь старые, давно связанные с журналом авторы выступают с каждым годом все реже и реже. В 1934—1935 гг. как будто бы еще ничего не изменилось. «Звезда» опубликовала «Казанскую помещицу» О. Форш, продолжение «Похищения Европы» К. Федина, главы из «Емельяна Пугачева» В. Шишкова, повесть Н. Никитина «Поговорим о звездах», рассказы Б. Лавренева. Но уже в эти годы в журнале ощутимы существенные перемены, прежде всего — приток новых авторов, выдвинувшихся вскоре на первый план. Большинство из них было связано с организованным в Ленинграде в 1933 г. Объединением молодых писателей [42]. Среди опубликованного журналом в середине и второй половине 30-х годов — произведения Н. Чуковского (в том числе романы «Слава», «Княжий угол», «Ярославль», «Лето»), Г. Фиша («Падение Кимас Озера», «Терве, товери», «Мы вернемся, Суоми»), П. Лукницкого («Земля молодости»), П. Далецкого («Тахома»), повести и рассказы Г. Гора, С. Колбасьева, Л. Борисова, Л. Канторовича, В. Тоболякова, Г. Холопова.

Одновременно в журнале публикуется ряд критических статей, посвященных творчеству молодых писателей — назовем статью А. Бескиной и Л. Цырлина о первом сборнике Г. Гора «Живопись» (1933, № 7), обзор творчества молодых ленинградских прозаиков Н. Константинова (1934, № 2), статью В. Друзина о Н. Чуковском «Преодоление малого мира» (1935, № 8), Вс. Рождественского «О молодых поэтах» (1936, № 3).

«В 1934 г. «Звезда» гостеприимно открыла свои страницы молодым писателям»,— отмечал рецензент «Литературного Ленинграда» [43]. Было, однако, в новом облике «Звезды» и нечто настораживающее, вызывавшее тревогу почти всех, кто писал в середине 30-х годов о журнале. «Звезда» тускнеет на литературном небосклоне»,— констатировал автор цитированной выше рецензии, отмечая заметное снижение общего уровня литературно-художественного отдела, потерю его былой значительности. В самом деле, с середины 30-х годов «Звезда» начинает периодически публиковать произведения, появление которых невозможно было представить на страницах журнала, до сих пор отличавшегося повышенной требовательностью к мастерству писателя. Таковы были, по единодушному мнению критики, центральные вещи 1934 г.— «Рыцарские добродетели» П. Далецкого и «Учителя» Г. Куклина, «Вылазка Кандида» Л. Савина и многие другие.

Более высоким уровнем отличался в этот период отдел поэзии. Заметным событием литературного года была публикация на страницах журнала «Стихов о Кахетии» Н. Тихонова (1935, № 7) и в следующем году — его большого цикла «Из книги стихов о Европе». На страницах журнала продолжают выступать А. Прокофьев, Б. Корнилов, П. Антокольский, Е. Полонская, В. Саянов, М. Комиссарова. Из литературной молодежи — О. Берггольц, П. Шубин, В. Лифшиц, Вс. Азаров, Ю. Инге.

---

[42] Объединение оказалось довольно многочисленным. Вот далеко не полный перечень его участников: Ю. Берзин, Л. Борисов, Н. Вагнер, Г. Венус, А. Гитович, Г. Гор, Ю. Герман, А. Далецкий, А. Дмитриев, И. Дмитроченко, Ю. Инге, Г. Куклин, Б. Корнилов, Б. Лихарев, В. Лозин, П. Лукницкий, Д. Остров, Л. Радищев, Л. Рахманов, А. Решетов, В. Пошехонов, П. Сажин, Л. Соболев, М. Троицкий, И. Уксусов, Н. Чуковский (см. информацию об учреждении объединения, опубликованную в газете «Литературный Ленинград», 1933, № 13).

[43] И. Архипов. Поиски равнодействующей.— «Литературный Ленинград», 1934, № 30.

В 1935—1936 гг. журнал публикует большие подборки переводов поэтов Армении (пер. Б. Брика), поэтов Грузии (пер. Н. Тихонова), Украины (пер. Н. Брауна, М. Комиссаровой, А. Прокофьева). В 1937 г. печатаются главы из поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (пер. Н. Заболоцкого и Б. Брика).

Очень интересным был в журнале отдел иностранной литературы. Назовем только некоторые произведения, опубликованные в журнале: роман Дос Пассоса «1919», главы из «Семьи Оппенгейм» Л. Фейхтвангера, «Улисса» Дж. Джойса, «Путешествие на край ночи» Луи Селина (1934). На протяжении 1935—1936 гг. в «Звезде» печатается «Роман нищих» Б. Брехта, переводы стихов Артюра Рембо, Карла Сэндберга, Роберта Броунинга, Редиарда Киплинга, Гарсиа Лорки, Эриха Вайнерта и других.

На этом фоне особенно отчетливо выступала слабость русской прозы журнала. Редакция «Звезды» связывала это с потерей постоянного авторского коллектива, который действительно к середине 30-х годов становится очень пестрым и «текучим». 1 августа 1936 г. в «Литературной газете» была напечатана небольшая заметка, рассказывающая о том, как А. Толстой, член редколлегии «Звезды», собрал у себя ближайших сотрудников журнала с тем, чтобы обсудить вопрос о реорганизации «Звезды» и ее дальнейших перспективах. «Необходимо вернуть авторитет старейшему советскому ежемесячнику... За последнее время журнал растерял своих авторов,— сообщалось в заметке.— Писательский актив, в том числе и писатели, числящиеся членами редколлегии[44], никакого участия в работе журнала не принимают. «Звезда» превратилась в литературную гостиницу, в которой писатели останавливались на «кратковременный постой» на время печатания их произведений...». Редакция заявила о своем намерении создать при журнале творческое содружество писателей. В заметке был приведен обширный список ближайших публикаций журнала.

Кое-что из обещанного (но далеко не все) действительно появилось в ближайшее время на страницах «Звезды» — произведения М. Зощенко (повесть «Возмездие», рассказы «Тишина», «Новые времена»), М. Слонимского (повесть «Прощание»), Ю. Германа («Лапшин»), стихотворная повесть Н. Асеева о Маяковском, сценарий Н. Тихонова «Друзья» (совместно с Л. Арнштейном), сценарий Л. Славина, Г. Козинцева, Л. Трауберга «Возвращение Максима».

Публикация названных выше сценариев, которой редакция «Звезды», видимо, придавала особое значение (об этом см. в послесловии к сценарию Н. Тихонова «Друзья», 1936, № 12), шла в русле поисков новых тематических ориентиров для журнала во второй половине 30-х годов, что проявляется прежде всего в постоянном интересе журнала к историко-революционной тематике («Княжий угол» и «Ярославль» Н. Чуковского, «Это началось в Коканде» Н. Никитина, «Прощание» М. Слонимского, «Встреча друзей» И. Бражнина). Не менее четко обозначена в журнальных публикациях второй половины 30-х годов и другая тематическая линия: авторов «Звезды» привлекает романтика освоения Севера, новых водных путей, экзотика далеких окраин, будни героев современности — участников дальних экспедиций, летчиков, пограничников. В «Звезде» печатаются рассказы Г. Гора, И. Кратта, В. Тоболякова из жизни народов Севера и Дальнего Востока, серия рассказов И. Соколова-Микитова (циклы «Над синей тайгой», «В лесах Аргевана», «У синего моря», «У студеного моря»). Назовем в этой

---

[44] В 1936 г. в редколлегию журнала входили А. Горелов (и. о. отв. редактора) Н. Коварский. Ю. Либединский, М. Слонимский, А. Толстой, К. Федин, О. Форш. М. Чумандрин.

связи и публиковавшийся в «Звезде» роман В. Саянова «Небо и земля», герои которого принадлежат к поколению первых русских летчиков.

Следует заметить, однако, что порой в поисках актуальной и значительной тематики редакция «Звезды» допускала непозволительную «скидку на тему», публикуя в журнале произведения, заведомо художественно неполноценные, такие как поэма Л. Поповой «Открытое небо», посвященная перелету Чкалова, Белякова, Байдукова. Резкой критике подвергся публиковавшийся в журнале на протяжении 1938 г. роман Е. Федорова «Горная дорога», претендовавший на жанр историко-революционной эпопеи [45]. Рецензент «Литературного критика», отмечая полную художественную беспомощность автора, успевшего, однако, испортить свой вкус дурными образцами, приходил к выводу, что «и автор, и редакция «Звезды» поторопились с опубликованием романа» [46].

Еще большей неудачей журнала была публикация печально-знаменитого романа Г. Алехина «Неуч» (1938). Появление его в печати имело довольно широкий резонанс: «Неуч» обсуждался на диспуте в ленинградском Доме писателей им. Маяковского. Этому произведению было посвящено несколько журнальных и газетных статей [47].

Критика была единодушна в оценке «Неуча»: произведение Алехина было признано беллетристическим браком, книгой пошлой, вульгаризаторской и вредной. (В ней рассказывается о том, как некий «неуч», которого не приняли в среднюю школу из-за безграмотности, решает самостоятельно изучить полное собрание сочинений Ленина, с тем чтобы в дальнейшем посвятить свою жизнь «писанию философских повестей и рассказов».) «Звезда» выступила в защиту «Неуча», обвинив критиков Алехина в недооценке... постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды» [48]. Публикация на страницах журнала произведений, подобных «Неучу», приводит к тому, что в конце 30-х годов «Звезда» теряет репутацию журнала с большим именем и литературными традициями. «Серый журнал» — так был озаглавлен обзор «Звезды», опубликованный в 1938 г. в «Известиях» [49].

В конце 30-х годов в «Звезде» часто меняется состав редколлегии. В 1938 г. ответственным редактором журнала становится А. Семенов, членами редколлегии — Б. Лавренев, Н. Лесючевский, М. Слонимский, Н. Тихонов, О. Форш. В 1940 г. ответственным редактором «Звезды» был назначен С. Полесьев. С № 7 1940 г. редколлегия журнала выглядела следующим образом: И. Груздев (отв. редактор), В. Каверин, П. Капица, Б. Лавренев, Н. Лесючевский, М. Слонимский, Н. Тихонов.

В начале 40-х годов литературно-художественный отдел журнала становится лучше. За короткий предвоенный отрезок 40-х годов «Звезда» опубликовала главы из «Хмурого утра» А. Толстого, IV часть «Последнего из удэге» А. Фадеева, пьесу Вс. Иванова «Пархоменко», серию рассказов О. Форш из цикла «Живописная автобиография», рассказы М. Зощенко из книги для детей, его же пьесу «Опасные связи», рассказы И. Соколова-Микитова, Ю. Германа. Среди публикаций поэтического отдела — большой цикл стихов А. Ахматовой, «Поездка в Загорье» А. Твардовского, стихи И. Эренбурга, Е. Полонской, О. Берггольц, П. Шубина, Вс. Азарова, И. Авраменко.

---

[45] См. статью Е. Катерли, опубликованную в «Известиях» от 11 октября 1938 г., а также статью М. Эгарта «О произведениях Е. Федорова» в «Литературном критике», 1938, № 6.

[46] «Литературный критик», 1938, № 6, стр. 228.

[47] См. рецензии Г. Мунблита в «Литературной газете» от 5 января 1939 г.; А. Рагозина в «Литературном критике», 1939, № 1, а также статью Л. Левина «Секрет быстрого развития» в журнале «Ленинград», 1940, № 2.

[48] «Звезда», 1939, № 4, стр. 178.

[49] «Известия», 11 октября 1938 г.

✪

Критический отдел журнала после 1932 г. переживает период перестройки (здесь, как уже отмечалось выше, были сильны рапповские позиции), протекавшей медленно и трудно. В этом смысле журнал явно не справился с теми задачами, которые были возложены на него в связи с утверждением журнала в качестве органа Ленинградского оргкомитета. «Звезда» не только не проявляет инициативы в обсуждении дискуссионных проблем, но и явно уходит от споров, публикуя то большую подборку материалов о детской литературе, то статьи, посвященные взаимоотношениям литературы и науки и т. п. По существу «Звезда» оказывается вне предсъездовской дискуссии. «Критика на задворках» — так назывался обзор «Звезды», опубликованный в 1933 г. на страницах «Литературного Ленинграда»[50]. Несколько позже ленинградский критик Н. Коварский писал о «постыдном по существу периоде (1932—1933), когда у журнала почти не было критики»[51].

Заметные сдвиги происходят в работе критического отдела «Звезды» после Первого Всесоюзного съезда советских писателей. «Звезда» включается в современную ей литературную жизнь, принимает участие в литературных дискуссиях. Критики журнала полемизируют с М. Розенталем («Литературный критик») по вопросу о методе и мировоззрении (статьи А. Горелова «Идеи и образы в художественном творчестве» и Д. Тамарченко «Мировоззрение и метод в художественном творчестве» были напечатаны в № 6 за 1934 г.). В 1935 г. «Звезда» подвела некоторые итоги дискуссии, опубликовав статью М. Витенсона «В спорах о мировоззрении» (№ 6), рассматривавшую вышедший в Ленинграде в 1934 г. сборник «В спорах о методе».

Интересен опубликованный «Звездой» цикл критических работ, посвященных поэзии. Здесь прежде всего нужно назвать статью Б. Мейлаха («О форме в поэзии», 1934, № 10), призывающую к решительному пересмотру принципов рапповской критики, а также статью Е. Мустанговой «О поэтических традициях» (1936, № 1), включающую «Звезду» в спор о традициях в советской поэзии. Журнал выступил против схематизма в разработке проблем поэтического наследия (в частности, против вывода о том, что основная и единственная тенденция развития современной поэзии — это поворот к простоте и к освоению классических традиций), одновременно отвергнув выдвинутую в дискуссии альтернативу — декаденты или классики.

Во время широкого обсуждения на страницах литературной печати проблем исторического романа «Звезда» выступает со статьей Л. Цырлина «Советский исторический роман» (1935, № 7), которая стала заметной вехой в истории советской критики, посвященной этой проблеме.

Отметая предрассудки недавних времен и, в частности, взгляд на исторический жанр как на некую автономную от современной литературы область, Цырлин видит главную задачу исследования в том, чтобы «рассмотреть историческую прозу в свете общих процессов и закономерностей нашего литературного развития».

Статья Л. Цырлина — показатель нового уровня критики в журнале, для которого характерны повышение культуры критического анализа, расширение историко-литературного кругозора. Правда, еще совсем недавно на страницах журнала можно было встретить и другого рода

---

[50] «Литературный Ленинград», 1933, № 5.
[51] «Литературный Ленинград», 1934, № 22.

выступления, в которых сказывался неизжитый схематизм рапповского толка (Г. Горбачев «Творчество Б. Корнилова», 1934, № 2), а иногда и проработочные интонации (М. Витенсон. «О правде жизни, классовой борьбе в литературе и задачах критики», Р. Миллер-Будницкая. «Потомки луддитов» — 1934, № 2, 4). Но все это казалось принадлежащим уже прошлому.

В 1935 г. в «Звезде» была напечатана статья Л. Левина «Все пропорции должны взвешиваться» (о сборнике стихов В. Гусева «Слава» — 1935, № 11), автор которой выступил против ложного пафоса, «легковесного и поверхностного оптимизма» стихов Гусева и одновременно против критиков-вульгаризаторов, исходящих в своих оценках лишь из важности тематики [52].

В журнале появляются критические работы, обобщающие опыт советской литературы,— статья И. Гринберга «Горизонт романа» (1935, № 8), цикл статей Е. Добина «Будни и героика» (1936, № 2, 4, 8), Л. Левина «Человеческий материал» (1936, № 5). Заметным событием была публикация на страницах «Звезды» такого фундаментального исследования, как работа И. Груздева «Горький и его время» (1936).

В дальнейшем полемический тонус журнала явно снизился. За весь период с 1937 по 1940 г. можно отметить только одно значительное выступление журнала с полемическим адресом — статью Б. Костелянца «Герой советской литературы в оценке критики» (1938, № 8), направленную против наметившейся в некоторых критических работах (в статье рассматривается в основном вышедший в Ленинграде сборник Образ большевика в советской литературе») тенденции к схематизации положительного героя, наделению его заранее заданными качествами.

В отдельных критических выступлениях «Звезды» этих лет мы сталкиваемся со стремлением утвердить некие обязательные для советской литературы «нормативы» героев, положений, конфликтов. Это проявляется, например, в резко отрицательной оценке творчества А. Платонова (Б. Костелянец. «Фальшивый гуманизм», 1938, № 8). С другой стороны, в неумеренно апологетическом тоне статьи о «Брусках» Панферова, отвергающей какие бы то ни было критические замечания в адрес романа (Кл. Лаврова. «Тема социализма у Панферова», 1938, № 8).

Статей о современной литературе в «Звезде» в этот период появляется сравнительно мало. В 1937—1938 гг., например, бросается в глаза заполнение отдела критики многочисленными материалами о фольклоре, народном эпосе, творчестве акынов и ашугов. Характерно, что многие из них дублировали друг друга, например, статьи «Героическая тема всенародного эпоса (обращения народов СССР к товарищу Сталину)» и «Героическая тема советского фольклора» (1937). В 1938 г. появляется еще одна статья на ту же тему и две статьи о Джамбуле — «Песни Джамбула» И. Эвентова и «Певец сталинской эпохи» Г. Владимирского.

В начале 40-х годов заметно возрастает интерес «Звезды» к вопросам академического литературоведения, к истории литературы. На это указывает уже сам факт появления на страницах «Звезды» новых для журнала имен. «Звезда» опубликовала статьи Б. Эйхенбаума «Заметки о творчестве Л. Толстого» (1940, № 11), «Творчество Ю. Тынянова» (1941, № 1), статью В. Орлова «Воскрешенный поэт» (о выходе I и II тт. сочи-

---

[52] Л. Левин полемизирует с оценкой сборника стихотворений В. Гусева, данной в рецензии Ф. Власова («Новый мир, 1935, № 7) и С. Швецова («Красная новь», 1935, № 9).

нений Кюхельбекера), рецензии Б. Томашевского, В. Жирмунского, Б. Бухштаба, Н. Степанова на новые литературоведческие работы. Критических статей, посвященных современной литературе, в «Звезде» по-прежнему мало. Может быть, поэтому со страниц журнала исчезают рубрики «Критика», «История литературы». Материалы этих отделов стали даваться в указателе содержания номера в подбор с литературно-художественным отделом. Одновременно со страниц «Звезды» исчезают и все остальные рубрики, разделявшие содержание журнала на отделы, а вместе с ним и материалы некоторых отделов — публицистики, научного обозрения, культуры и быта. Следует заметить, правда, что и в предшествующие годы все эти отделы имели в журнале непериодический характер — статьи под каждой из этих рубрик появлялись, как правило, один, в лучшем случае, два раза в год.

Нововведение 1940 г. — обширный отдел библиографии, интересно и разнообразно составленный, со сложной рубрикацией разделов: «Художественная литература», «Литературное наследие», «История литературы», «История», «Искусство». Такую структуру отдел библиографии сохраняет до середины 1941 г.

3

27 июня 1941 г. был подписан к печати очередной выпуск «Звезды» — сдвоенный № 7-8. Журнал во многом жил еще вчерашним мирным днем. Серия статей была посвящена столетию со дня смерти Лермонтова. Вс. Азаров рассказывал о юности Багрицкого. Рядом с первыми откликами на начавшуюся войну — стихотворениями Н. Тихонова, В. Саянова, Вс. Рождественского — был напечатан сценарий В. Каверина и П. Арманд «Большой экзамен», общая тональность которого резко диссонировала с атмосферой военного времени (читатель получил журнал, когда враг уже подходил к Ленинграду).

Следующий номер журнала (№ 9) вышел в сентябре 1941 г., когда город уже был сжат огненным кольцом блокады. «Звезда» публикует очерки с полей сражений — «Воздушные бои» Н. Чуковского, «На границе» и «В тылу у врага» В. Саянова, рассказы В. Кетлинской, Е. Каралиной, стихи В. Инбер, И. Оксенова, Вс. Азарова, А. Мариенгофа, И. Бехера. Выпуск этот был последним в 1941 г. В первую блокадную зиму издание журнала было прекращено — в городе работала только одна типография, которая обеспечивала выпуск «Ленинградской правды» и хлебных карточек. «Созданные вражеской блокадой чрезвычайные трудности, особенно тяжелые осенью и зимой 1941—1942 гг., заставили ленинградцев жертвовать многим, жестоко экономить на всем... При крайне ограниченных ресурсах электроэнергии стало невозможным расходовать ее на издание литературного журнала,— писала «Звезда» в обращении к своим читателям несколько месяцев спустя (1942, № 1; этот номер был подписан к печати 7 июня 1942 г.).— Теперь, благодаря усилиям ленинградских трудящихся по преодолению трудностей, мы получили возможность продолжить выпуск «Звезды».

Нужно представить себе реальную обстановку в Ленинграде на одиннадцатом месяце блокады, после жестоких испытаний зимы 1941—1942 гг., чтобы понять, что означал в тех условиях сам факт возобновления издания «Звезды». Журнал осажденного города — этот беспрецедентный в истории факт стоит в ряду множества других, таких, как работа ленинградского радио, издательств, публичной библиотеки,

филармонии, театра. «Ленинградцы мыслили, творили, дерзали, то есть дрались за жизнь на всех ее рубежах,— писала впоследствии Ольга Берггольц.— Это было очень трудно, но ни с единого рубежа жизни мы не отступили» [53].

Фронт, эвакуация, блокада лишили журнал основных его сотрудников. Распался авторский коллектив, перестала существовать редколлегия. Журнал фактически пришлось создавать заново. Эта задача была возложена на оставшихся в Ленинграде членов редколлегии «Звезды» Н. Лесючевского и Н. Тихонова. В конце 1942 г. к работе в журнале был привлечен также В. Мануйлов (такой состав редколлегия «Звезды» сохраняет до середины 1943 г., когда ответственным секретарем журнала становится А. Голубева, а членами редколлегии — И. Авраменко, Вс. Вишневский, А. Решетов, Н. Тихонов).

Потребовались поистине героические усилия для того, чтобы обеспечить периодический выпуск журнала (раз в два месяца) в условиях, когда на каждом этапе подготовки номера возникали, казалось бы, непреодолимые трудности. «Журнал в те годы набирался в типографии порой при свете керосиновых ламп и коптилок, под грохот артиллерийской канонады,— вспоминает Г. Холопов,— печатался чуть ли не на оберточной бумаге, но продолжал выходить, сплачивая вокруг себя писательские силы Ленинграда, мобилизуя ленинградцев на битву с врагом» [54].

Резко изменился облик «Звезды». «Задача журнала в том, чтобы каждая его книжка являлась боевым залпом, разящим ненавистного врага и вдохновляющим на смертельную борьбу с ним защитников советской земли»,— подчеркивалось в обращении к читателям № 1-2 «Звезды» за 1942 г.

На обложке этого выпуска были напечатаны стихи А. Прокофьева «Бей штыком, гранатой бей!». На протяжении всей блокады «Звезда» будет выходить с такой стихотворной листовкой на обложке, обращенной к защитникам города.

Война продиктовала журналу новые рубрики: «Люди города Ленина — бойцы Отечественной войны», «На поле битвы за родную землю», «Лицо врага», «Слава русского оружия», «Война и печать». Большое место на страницах журнала заняли материалы документального характера, рассказывающие о жизни и борьбе осажденного города — о народном ополчении Ленинграда, его первых боях с немцами (И. Айзеншток, А. Бартэн. «Ополченцы»), о работе ленинградских заводов (П. Лукницкий. «Пулеметы идут на фронт»), о том, как прокладывалась знаменитая «дорога жизни» (И. Мордашкин. «Ледовый поход через Ладогу»). В одном из номеров журнала был опубликован очерк В. Дружинина с характерным названием — «Ленинградские портреты». Этот жанр, включающий в себя очерк и небольшой рассказ, близкий к очерку, в основе которого, как правило, лежал реальный жизненный факт («Письмо» В. Кетлинской, «Встреча» О. Матюшиной, «Большие танки» Е. Каралиной), становится очень распространенным в «Звезде». Вершина его — «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова (в «Звезде» были опубликованы четыре рассказа из этого цикла: «Девушка на крыше», «Дети гор», «Костер», «Ненависть» — 1942, № 3-4).

«Звезду» 1942 г. можно с полным основанием назвать художественной летописью осажденного Ленинграда. Она запечатлела на своих страницах то, что было создано ленинградскими писателями в самые трудные, трагические дни блокады. Среди опубликованного — поэма

---

[53] О. Берггольц. Сочинения в двух томах, т. II. М., ГИХЛ, 1956, стр. 178.
[54] Г. Холопов. Нам сорок лет.— «Огонек», 1964, № 5, стр. 22.

«Киров с нами» и стихотворения, вошедшие в сборник «Огненный год» Н. Тихонова (№ 1-2); «Пулковский меридиан» и серия лирических стихотворений, посвященных Ленинграду, В. Инбер (№ 3-4, 5-6); стихотворения А. Прокофьева «Клянемся!», «Мстить!», «За все ответит враг», «Слушай страна, говорит Ленинград!», «Не отдадим!» (№ 1-2, 3-4, 5-6); поэма И. Авраменко «Ночь накануне бессмертия» (№ 5-6); лирический цикл Вс. Азарова «Сердце Ленинграда» (№ 3-4); первая пьеса о героических защитниках Ленинграда — «Звезды на рейде» М. Тевелева (№ 1-2); героическая комедия «Раскинулось море широко» Вс. Вишневского, А. Крона, Вс. Азарова (№ 5-6). Публикация пьесы в журнале предварялась указанием: «Первая постановка в Ленинграде к двадцатипятилетию Октября в театре Музыкальной комедии». Премьера состоялась в назначенный срок — 7 и 8 ноября 1942 г. Это был первый ленинградский спектакль, поставленный в дни блокады.

Под рубрикой «Война и печать», «Война и литература», «Литература и искусство на войне» журнал публиковал критические материалы. Мы находим здесь рецензии на первые книги, выпущенные ленинградским издательством в блокаду,— поэтические сборники «Таран» А. Прокофьева, «Душа Ленинграда» В. Инбер, «Ленинградская доблесть» А. Решетова, на серию книг ленинградских писателей «В боях за город Ленина».

О работе фронтовых писателей рассказывали И. Эвентов («Стихотворные листовки»), Р. Мессер («Юмор, смекалка, сатира»), Вс. Азаров («Письма с Балтики»). С отчетом о поездке ленинградских композиторов на фронт выступал В. Богданов-Березовский («Боевые песни ленинградцев»).

С начала войны почти в каждом выпуске «Звезды» читатель находил раздел, посвященный военной истории России. Под рубрикой «Слава русского оружия» печатались статьи о великих русских полководцах: Александре Невском, Суворове, Кутузове. Журнал знакомил своих читателей с историей русской пехоты, военно-морского флота, с военным искусством древней Руси.

Ленинградцы были достаточно требовательны к своему журналу. Критические замечания в адрес «Звезды» 1942 г. («без скидок на трудности, на спешку, на что бы то ни было») были высказаны на страницах газеты «Литература и искусство» Р. Мессер, отмечавшей недостаточную оперативность отдельных публикаций журнала, не отражающих течения войны и военной истории Ленинграда, и в частности отставание таких разделов, как публицистика, фронтовой очерк[55].

Первые номера 1943 г. порадовали читателей — «Звезда» выступила с серией превосходных материалов, посвященных великому событию в жизни города — прорыву блокады. Мы находим в журнале очерки Н. Тихонова «Ленинград — Волхов», В. Саянова «В Шлиссельбурге», Л. Успенского «Три часа пятьдесят минут», темпераментную публицистическую статью Вс. Вишневского «Наш 1943». Оглядываясь на прошедший год, Вишневский писал: «Многие люди — и в нашей стране и за рубежом — следили за отчаянной борьбой Ленинграда... Да, этот удивительный город, его удивительный народ первым в мире показал, что немцев можно остановить, можно поломать их планы»[56].

В 1943 г. на страницы «Звезды» хлынул поток фронтовой поэзии. Печатались в большинстве своем авторы, в предвоенные годы постоянно

---

[55] «Литература и искусство», 8 мая 1943 г.
[56] «Звезда», 1943, № 1, стр. 7.

связанные с журналом, а теперь воевавшие на различных участках Ленинградского, Волховского, Карельского фронтов, на Краснознаменной Балтике,— Вс. Рождественский, А. Гитович, П. Шубин, В. Шефнер, В. Лифшиц, Вс. Азаров. Появились в журнале и новые имена. На протяжении войны почти в каждом выпуске «Звезды» публиковались стихи и поэмы красноармейца М. Дудина, который на фронте был принят в члены Союза писателей. Постоянным автором «Звезды» стал гвардии лейтенант Георгий Суворов, поэт-воин, погибший в боях за Ленинград. Публикуя последние стихи Суворова, редакция «Звезды» писала: «Его путь — суровый путь поколения, окрыленного войной. Но стихи его, несмотря на свою документальность,— не только документы войны. В них есть золотая правда поэзии» [57].

Многообразно представлено в «Звезде» военных лет творчество А. Прокофьева. Мы находим здесь лирические и торжественно-патетические стихи, стихи-лозунги, песни и частушки, столь популярные на Ленинградском фронте, и, наконец, поэму «Россия», опубликованную № 5-6 за 1943 г. и № 5-6 за 1944 г.

Поэтический отдел «Звезды» в годы войны во многом определил облик журнала. Это в особенности относится к 1942—1943 гг., когда проза в журнале была представлена в основном очерком и коротким рассказом. «Звезда» того времени по своей внутренней структуре, объему, общему характеру публикаций приближается к типу тонкого литературного журнала. Облик «Звезды» заметно изменяется в 1944 г. После снятия блокады стало возможным наладить ежемесячный выпуск журнала (в 1944 г. вышло восемь номеров, в 1945 — двенадцать).

К концу войны заметно расширяется авторский коллектив журнала. «Читатель журнала «Звезда» встречает на его страницах своих старых, до войны знакомых ленинградских писателей,— отмечалось в одной из рецензий, посвященных «Звезде» 1945 г.,— Н. Тихонова, О. Форш, А. Ахматову, А. Прокофьева, В. Саянова, Ю. Германа, В. Кетлинскую, О. Берггольц, И. Кратта, Г. Гора, Н. Никитина, Л. Борисова, М. Козакова, А. Зонина, Л. Успенского, Вс. Рождественского С. Спасского, Б. Эйхенбаума, Д. Острова, М. Лозинского, В. Орлова и других» [58].

Новая редакция «Звезды», приступившая к работе в конце 1944 г. (И. Груздев, В. Мавродин, В. Орлов, А. Прокофьев, В. Саянов — отв. редактор), большое значение придавала открытию в журнале постоянных отделов — «Дневник писателя», «Наука и техника», «Литературный архив», «Воспоминания», «Из прошлого», «Летопись Ленинграда». Об этом писал на страницах журнала В. Саянов, подчеркивавший, что одна из главных задач «Звезды» — всестороннее отражение жизни Ленинграда, возрождающегося как крупнейший культурный центр страны [59].

В 1944 г. «Звезда» выступает с большой прозой — третьей книгой романа А. Толстого «Петр I» (1944, № 4, 5-6, 1945, № 1). Одновременно в журнале печатается роман В. Саянова «Небо Ленинграда» (1942, № 2, 3, 4), представляющий собой заключительную часть книги «Небо и земля». В том же году журнал опубликовал повести А. Розена, цикл рассказов Н. Никитина, произведения Н. Вагнера, И. Кратта, В. Кнехта, В. Василевского и других.

К концу войны проза занимает на страницах «Звезды» место, соответствующее профилю толстого журнала. При этом на первый план

---

[57] «Звезда», 1944, № 3, стр. 74.
[58] «Знамя», 1946, № 2-3, стр. 168.
[59] «Звезда», 1944, № 7-8, стр. 108.

в журнале выдвинулись произведения исторического жанра. «Петр I» А. Толстого, «Бессмертный город» О. Форш (1945, № 5, 6), роман И. Кратта «Остров Баранова», посвященный истории русских поселений на Аляске (1945, № 1—4), пьеса Л. Рахманова о Чарлзе Дарвине «Даунский отшельник» (1944, № 7-8) — вот наиболее значительное из того, что опубликовала «Звезда» в последний год войны.

Многочисленные отклики критики вызвало появление в журнале повести Л. Борисова об Александре Грине «Волшебник из Гель-Гью» (1945, № 4, 5, 6). Большинство из них признавало попытку автора нарисовать образ Грина неудачной, искажающей творческий облик писателя.

Критика тех лет ставила журналу в вину чрезмерное увлечение историческими романами, пренебрежение к современной тематике. Более справедливо было бы упрекнуть редакцию «Звезды» в другом: в отсутствии должной требовательности при отборе произведений на современную тему, например при публикации цикла рассказов и повестей о Ленинграде периода блокады. В таких произведениях, как «Лебединое озеро» А. Штейна, «На невской позиции» В. Кнехта, «Вороний Камень» И. Груздева и Б. Четверикова, «ленинградская тема» была втиснута в рамки надуманной схемы, непременной принадлежностью которой оказывалась мелодраматическая ситуация и всякого рода литературные «красивости». Облегченность, поверхностность в раскрытии «ленинградской темы» особенно бросались в глаза при сравнении художественной прозы журнала с документальной: под рубрикой «Летопись Ленинграда» в «Звезде» печатались воспоминания, дневники и записи дней блокады. «Когда-нибудь тысячи дневников лягут на стол историка, и тогда мы увидим, сколько замечательного было в незаметных биографиях простых русских людей»,— писал в 1942 г. Н. Тихонов[60]. Первый такой дневник «Звезда» опубликовала в 1943 г. Это были «Записки» О. Матюшиной (№ 3-4), одной из героических ленинградских женщин, сохранившей в самые трудные дни блокады необычайное мужество и силу духа. В 1944 г. в журнале были напечатаны воспоминания А. Августынюка «Сквозь блокаду» (№ 7-8), рассказывающие о самоотверженной работе ленинградских железнодорожников; в 1945 г.— записки профессора одной из ленинградских больниц В. Гаршина «В дни блокады» (№ 7). В рецензии, посвященной «Звезде» 1945 г., отмечалось, что «бесхитростные записки профессора В. Гаршина, не претендующие на художественную выразительность», «гораздо лучше передают подлинную трагедию и подлинный героизм великого города, осажденного врагами, чем многие художественные произведения, посвященные той же теме». Автор обзора задавал далее вопрос: «Почему это происходит? Потому, что записки В. Гаршина лишены какого бы то ни было стремления «приукрасить» ленинградскую действительность периода блокады: она дается во всей своей жестокости. В этих записках нет желания сглаживать углы и смягчать краски, нет стремления реальных людей превращать в бесплотных духов, на которых не действуют никакие испытания»[61].

Однако не все критики столь положительно относились к произведениям, в которых «нет желания сглаживать острые углы». Во всяком

---

[60] Н. Тихонов. «Ленинградский год». Военное издательство Ленинграда, 1943, стр. 64.

[61] Б. Соловьев. История и современность (Журнал «Звезда», № 1—9, 1945).— «Знамя», 1946, № 2-3, стр. 168, 177.

случае к художественному освещению «ленинградской темы» в конце войны наметился и другой подход. Ряд писателей, в том числе О. Берггольц, В. Инбер, подверглись резкой критике за пессимизм, нагнетание мрачных подробностей при описании блокадного быта, за «любование страданием». Такая критика прозвучала на дискуссии о «ленинградской теме», прошедшей в Ленинграде в апреле 1945 г., а также на X пленуме Правления ССП, состоявшемся в мае 1945 г.[62]

Все это в значительно меньшей мере распространялось на документальную прозу, обладавшую в этом смысле бо́льшими правами и бо́льшими возможностями. Отмеченное выше сопоставление художественной и документальной прозы с явным предпочтением факта вымыслу встречалось в критике тех лет довольно часто. В опубликованной на страницах «Звезды» рецензии С. Спасского на книгу В. Кетлинской «Рассказы о ленинградцах», состоящую из двух частей, беллетристической и очерковой, отмечалось: «Вторая часть содержательней первой и читается с большим интересом. Казалось бы, положение должно быть обратным,— рассуждает автор рецензии.— Рассказы сюжетны, оживлены характеристиками героев, описаниями обстановки. Казалось бы, рассказ имеет больший радиус действия и устойчивей сопротивляется времени, тогда как очерк связан с текущим моментом, более сух и может скорей устареть. Но очерки Кетлинской сложены из крепкого материала... В очерках Кетлинской — добросовестное знание обстоятельств и умение говорить о них без умалений и прикрас».

Обращаясь далее к анализу рассказов, рецензент отмечает упрощенность и облегченность в изображении людей, рассудочность, отсутствие художественного такта [63].

Можно привести и другие примеры того же рода. В рецензии на сборник рассказов и очерков «Ленинград 1944» читаем: «Для многих рассказов сборника характерен некоторый налет сентиментальности, авторы книги нередко впадают в безмятежно идиллический тон... Вообще надо сказать, что наиболее удачными рассказами сборника являются те произведения, в которых описательная сторона доминирует над сюжетом, т. е. рассказы, по типу приближающиеся к публицистическому очерку» (1945, № 6).

В «Звезде» была опубликована критическая статья, в которой преимущество очерка перед вымыслом отстаивалось весьма категорично: «...очерковый подход к теме порою оказывается эстетически более действенным,— писал П. Громов в статье «О литературе военных лет» [64],—...сейчас выясняется, что очерк не только гибче, мобильней..., но в иных случаях полнее отражает действительность». Статья Громова вызвала при своем появлении немало резких возражений, в том числе обвинения в формализме и в приверженности к «литературе факта».

Между тем приведенное выше положение статьи Громова, несомненно, основывалось на конкретных наблюдениях критики, отмечавшей столь характерное для литературы военных лет тяготение к документу и факту.

Статья Громова была наиболее заметным выступлением критического отдела «Звезды», занимавшего до конца войны сравнительно небольшое место в журнале. Здесь были опубликованы статья Е. До-

---

[62] См. информацию о дискуссии и пленуме в журнале «Ленинград», 1945, № 7-8, стр. 26—27, № 10, стр. 26—27.

[63] «Звезда», 1945, № 4, стр. 98—99.

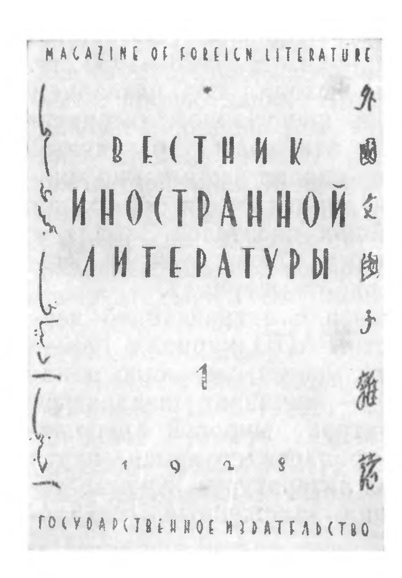
[64] «Звезда», 1945, № 2, 3.

бина «Лирическая тема А. Прокофьева» (1944, № 1), статья И. Эвентова о военной прозе Н. Тихонова (1944, № 3), «Письма о поэзии» С. Спасского (1945, № 1).

С начала 1944 г. в журнале регулярно публикуются историко-литературные материалы. Среди них статьи Л. Гинзбург о «Войне и мире» Л. Толстого (1944, № 1), Вл. Орлова «Судьба Грибоедова» (1945, № 1), Б. Эйхенбаума «Н. С. Лесков» (1945, № 3). В 1944 г. «Звезда» отметила сорокалетие со дня смерти А. П. Чехова: в № 5-6 были напечатаны неизданные письма Чехова, статья Б. Эйхенбаума «О Чехове», К. Муратовой «Юмор молодого Чехова».

Таков был облик журнала «Звезда», вступавшего в новый, послевоенный период своей истории.

«Интернациональная литература»

В один из ноябрьских вечеров 1927 г. в Москве у А. В. Луначарского собрались зарубежные писатели, приехавшие на празднование десятилетия Октябрьской революции. В центре внимания собравшихся оказалось издание журнала, который пропагандировал бы рождающуюся за рубежом пролетарскую литературу и знакомил с лучшими образцами прогрессивной литературы мира.

В те дни в Москве проходил Всемирный конгресс друзей СССР. Решено было созвать конференцию, чтобы на ней с участием зарубежных писателей обсудить вопрос о мировой пролетарской литературе и ее журнале. 15 ноября 1927 г. в Москве открылась Первая международная конференция революционных и пролетарских писателей, организованная Международным бюро революционной литературы (МБРЛ) и Всероссийской ассоциацией пролетарских писателей (ВАПП).

Конференция, представлявшая восемнадцать стран, приняла решение о создании центрального органа МБРЛ на русском языке, информационного бюллетеня на немецком и французском языках, а также наметила широкий план вовлечения в работу писателей. «не являющихся приверженцами марксистской идеологии, но сочувствующих идеям демократии». Председательствовавший на конференции А. В. Луначарский в беседе с корреспондентом РОСТа сказал: «Если нам и не удастся иметь большого интернационального

журнала, то мы будем все-таки иметь капитальный журнал на русском языке, посвященный иностранной литературе... Значение конференции не ограничивается только одобрением планов издания, выбором редакции и установлением связи отдельных групп революционных писателей с центром. Конференция показала также замечательное единство подхода к задачам литературы и принципиальное понимание этих задач»[1].

Первый номер журнала «Вестник иностранной литературы» появился в январе 1928 г. Обязанности главного редактора были возложены на А. В. Луначарского. Редколлегию составили: Л. Авербах, О. Бескин, А. Курелла, Я. Янсон, Анри Барбюс, Джозеф Фримен, Панаит Истрати, П. Вайян-Кутюрье, И. Бехер, Б. Иллеш, Ф. К. Вейскопф и др.

В пятнадцатилетней истории журнала четко вырисовываются три периода. В 1928—1930 гг. журнал выходил под названием «Вестник иностранной литературы». За эти годы его главный редактор сделал необычайно много для привлечения симпатий крупнейших писателей Запада к Советскому Союзу, для их участия в работе журнала.

В связи с активизацией деятельности РАПП журнал в 1931—1932 гг. меняет свое лицо и название — начинает издаваться «Литература мировой революции», пропагандирующая почти исключительно международную пролетарскую литературу. Журнал теряет ширсту своего предшественника. Традиции, заложенные Луначарским, были утрачены.

Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932 г.) определило перелом во всей линии журнала.

Была преодолена рапповская ограниченность, и с 1933 г. «Интернациональная литература», как теперь стал называться журнал, начала выходить на широкие пути всемирной литературы. Процесс этот не был простым и легким: продолжали сказываться вульгарно-социологические тенденции. В этом заключается одна из причин той односторонней избирательности художественной литературы для перевода в журнале, из-за которой советский читатель остался в неведении о некоторых крупнейших явлениях мировой литературы (например, о романах У. Фолкнера).

За полтора десятилетия существования журнал тем не менее сумел стать настоящим центром по изучению и популяризации мировой литературы в нашей стране, сделав в этом отношении несравнимо больше,

[1] «Известия», 18 ноября 1927 г.

чем какой-либо иной журнал в дореволюционное или советское время.

Одной из объективных предпосылок создания журнала «Вестник иностранной литературы» явился все возрастающий интерес советского читателя к зарубежной литературе. Вместе с тем с момента возникновения журнал видел свою задачу в воспитании и направлении эстетических вкусов читателя.

В обращении к читателю, определяя задачи и цели журнала «Вестник иностранной литературы», его главный редактор писал: «Наш журнал, при помощи своих европейских, американских и т. д. друзей, стоящих на одной платформе с редакцией, будет внимательно следить за всем, что появляется в области литературы, давать полностью непосредственные образцы того, что мы найдем особенно интересного, и давать в сжатых изображениях более второстепенные, но характерные произведения литературы разных народов. Мы будем давать также оценку отдельных школ писателей и их произведений; мы будем давать более беглые, но достаточно меткие рецензии, на все сколько-нибудь замечательное, что появится за рубежом на иностранных языках» (1928, № 1, стр. 3).

Имея в виду опыт журналов «Пламя» (1918—1920), «Художественное слово» (1920—1921), «Запад» (1922—1924), А. В. Луначарский пишет в той же передовой статье к первому номеру: «После революции несколько раз предпринимались журналы приблизительно такого же типа. Мы подходим к разрешению этой задачи с новой организацией. Наша редакция всецело опирается на Международное бюро революционной литературы. Наш журнал будет результатом коллективной работы целого авангарда литераторов разных стран. Это, как мне кажется, обеспечивает за ним известные шансы на успех».

«Вестник иностранной литературы»[2] был верен провозглашенной программе. Воссоздание широкой картины литературной и культурной жизни за рубежом определяло лицо журнала.

Главное внимание уделялось развитию и пропаганде революционной и пролетарской литературы Запада, Анри Барбюс, Людвиг Ренн, Матэ Залка, Бела Иллеш, Ярослав Гашек, Бруно Ясенский, Жан-Ришар Блок, П. Вайян-Кутюрье, Назым Хикмет, Иоганнес Бехер, С. Р. Станде, А. Гидаш — среди постоянных авторов журнала. Со страниц «Вестника иностранной литературы» к советскому читателю

---

[2] В 1928 г. вышло 12 номеров, в 1929 г. и в 1930 г.— по 6 номеров.

пришли ранее не публиковавшиеся на русском языке произведения многих известных зарубежных писателей: романы и повести Леонгарда Франка, Синклера Льюиса, Герберта Уэллса, Тристана Реми, рассказы Т. Драйзера и Дж. Голсуорси, новые переводы из Уолта Уитмена, Артура Рембо, Жюля Ренара. В журнале печатались и Дос Пассос, Панаит Истрати, Андре Жид, в те годы изображавшие себя друзьями Советского Союза и международного революционного движения, но перешедшие позже в лагерь реакции.

Этот далеко не полный перечень имен свидетельствует о стремлении журнала быть действительно вестником зарубежной литературы, представить всемирный литературный процесс в его сложности и многообразии. Одной из задач, которую поставила перед собой редакция с момента создания журнала, было требование не замыкаться в рамках западноевропейской и американской литературы, сделать достоянием духовной жизни общества современную литературу стран Востока. Журнал печатал произведения Назыма Хикмета, Према Чанда, Фусао Хаяси, Кадзуо Като и других.

Выход первых номеров «Вестника иностранной литературы» вызвал отклик советской критики. Журнал «Революция и культура» писал: «Журнал иностранной литературы несомненно отвечает назревшей потребности. Это потребность живой связи с зарубежным читателем и писателем, потребность в путеводителе по неровным путям иностранной литературы, в руководстве для выявления литературных запросов, потребностей и вкусов читателя мало нам знакомого»[3].

Однако подбор переводных произведений в первых номерах журнала вызвал справедливые нарекания критики. Интереснейший американский романист Синклер Льюис, мастер бытописания и социальной сатиры, обличитель американского мещанства, представлен в первых двух книгах журнала наивным юношеским произведением «Простаки», которое не дает никакого представления о действительных достоинствах писателя. Это слащавая повесть о жизни и приключениях двух милых старичков, которые разоряются от неумения вести свои дела, а к концу жизни снова обретают благополучие и житейский комфорт.

С первых же номеров стал вопрос, не терявший своей остроты на протяжении всех пятнадцати лет жизни журнала,— о качестве перевода. Прошло немало лет прежде чем выросла школа советских переводчиков, таких, как И. Кашкин, В. Топер, Е. Калашникова, Н. Дарузес, Н. Вильям-Вильмонт и другие.

Первые номера «Вестника иностранной литературы» вышли без распределения материала по жанровым рубрикам. Но уже к середине первого года издания определяются основные разделы журнала: художественная проза, стихи, статьи и обзоры. С шестого номера вводится интересный публицистический раздел «Быт», просуществовавший до конца 1928 г. Среди материалов этого отдела — очерки Синклера Льюиса «Самодовольная Америка» и «Британия», Генри Менкена «Американа», Курта Клебера «Гамбург» и др., воссоздающие сатирические картины буржуазного образа жизни.

Принцип классификации материала по отделам, однако, не привился в журнале. Рамки отделов нередко «разламывались». На передний план выступал наиболее интересный материал вне зависимости от его жанровой принадлежности.

С первого номера «Вестника иностранной литературы» интересной и неотъемлемой частью журнала стал отдел хроники «Запад и Восток». Наряду с информационными сведениями о новинках пролетарской ли-

[3] «Революция и культура», 1928, № 9, стр. 78.

тературы, обзорами иностранной периодики, отчетами о юбилеях здесь был опубликован ряд ценных литературных документов: статья Б. Шоу «Мой конфликт с Толстым» и публикация переписки Шоу с Л. Н. Толстым по поводу пьесы «Разоблачение Бланко Поснета», статья Дж. Фримена «Американцы и Толстой» — к столетию со дня рождения великого русского писателя, эссе Генриха Манна «Вольтер и Гете», заметки Эптона Синклера «Как я писал «Бостон» и т. п.

Если отдел художественной литературы знакомил читателя с новинками иностранной литературы, то отдел критики имел двоякую цель. дать оценку произведениям, которые публиковались в журнале, и воссоздать картину развития современной литературы и эстетической мысли.

Отдел критики был представлен содружеством советских и зарубежных исследователей литературы. В журнале печатались литературные портреты современных писателей и представителей литературы прошлого: Анри Барбюса, Артура Рембо, Поля Вайяна-Кутюрье, Джеймса Джойса, Джона Рида, обзоры литератур (американской, чехословацкой, болгарской, японской, китайской, новогреческой).

Пафос большинства публицистических и критических выступлений заключается в разоблачении этики и морали буржуазного общества. Так, американский критик Джозеф Фримен характеризует почву, на которой пышно произрастают различного типа комиксы, вытеснившие почти все виды искусства из духовной жизни среднего американца: «Средний американец, обладающий зрелым умом и суждением во всем, что касается техники и организации производства, по своему общему развитию — настоящий ребенок; американские же газеты, кино и общедоступные театры делают всё возможное, чтобы удержать рядового американца на таком низком уровне развития. Для них это выгодно, так как они научились извлекать из подобного положения вещей огромные прибыли» (1930, № 2, стр. 185).

Эстетическая мысль журнала определялась статьями Луначарского, Барбюса, Ромена Роллана, Куреллы. Каждое из этих выступлений столь различных писателей свидетельствовало о многообразии точек зрения, представленных в журнале.

К середине 20-х годов книжный рынок наполнили переводные издания, которые не всегда отвечали эстетическим и идеологическим требованиям. Под эгидой «Госиздата», «ЗИФа», «Огонька» и особенно в получастных издательствах времен нэпа массовыми тиражами выходили бульварные и полубульварные романы; произведения классиков мировой литературы нередко представали безобразно препарированными, в обработке случайных, малоквалифицированных переводчиков. Это не могло не вызвать законной тревоги со стороны редакции «Вестника иностранной литературы».

На страницах журнала выступил член редколлегии Анри Барбюс с программной статьей «О переводе»: «Следует самым серьезным образом обсудить вопрос распространения французской и иностранной литературы в СССР,— писал Барбюс.— Наплыв этих книг происходит неорганизованно и непланомерно. Есть пробелы, допущены неосторожные ошибки, идущие во вред интеллектуальным и социальным интересам страны» (1928, № 8, стр. 131). Барбюс выдвинул поддержанное А. В. Луначарским предложение о создании специального комитета, чтобы определить: «Какие именно литературные произведения было бы желательно распространить в СССР, будь то с точки зрения их культурной ценности, либо с точки зрения движения общественной мысли» (там же).

За трехлетний период своего существования «Вестник иностранной литературы» неоднократно возвращается к проблеме художественного

перевода. В журнале появляется ряд статей, посвященных этой проблеме.

«Вестник иностранной литературы» — живое свидетельство того, как в развернувшейся борьбе двух миров, двух идеологий, лучшая часть зарубежной интеллигенции встала на сторону мира, строящего социализм.

Для характеристики отношения к революционной России крупнейших мастеров культуры зарубежного мира весьма показательно опубликование в третьем номере журнала за 1928 г. письма Ромена Роллана к русским писателям-белоэмигрантам Константину Бальмонту и Ивану Бунину. Выступление Роллана явилось ответом на адресованное ему «Открытое письмо» Бальмонта и Бунина, полное злобных нападок на великого французского писателя за его приветствие советскому народу к десятилетию Октября.

«Я никогда не забываю, во что обошлись десять лет русской революции! Мне известен огромный итог ее страданий. Мысль о них часто удручает меня. Но я без колебаний делаю свой выбор в происходящем ныне поединке между революционной Россией и остальным миром»,— писал Роллан (1928, № 3, стр. 133).

Выступление Роллана, «совести европейской интеллигенции», имело большой общественный резонанс, сыграв положительную роль в развитии отношений передовой зарубежной интеллигенции с миром строящегося социализма. Тот факт, что автор абстрактно-гуманистической «Декларации независимости духа» столь страстно встал на защиту суровой революционной законности, отмежевавшись от тех, кто прикрывал свою ненависть к революционному народу прекраснодушными фразами о гуманизме, был знаменательным, поднимал вопрос, позже так отчетливо сформулированный Горьким: «С кем вы, мастера культуры?»

Вопрос этот во весь голос прозвучал на страницах «Вестника иностранной литературы».

Одной из магистральных и наиболее плодотворных в работе МБРЛ была линия борьбы против военной угрозы миру социализма. Антимилитаристская тема получает на страницах журнала боевое агитационное звучание. Призыв к защите СССР перерастает в широкую антимилитаристскую кампанию.

Вновь раздается гневный голос Анри Барбюса. В первом номере «Вестника иностранной литературы» появляется его рассказ «Преступный поезд» (из книги «Правдивые повести») — трагический эпизод гибели по вине тылового чиновника железнодорожного состава, везущего на побывку солдат, чудом уцелевших после разгрома французов осенью 1917 г.

Наряду с рассказами Барбюса на страницах «Вестника иностранной литературы» печатаются едкая антивоенная сатира Вайяна-Кутюрье «Бал слепых», рассказы Ж.-Р. Блока, стихи А. Гидаша, Иоганнеса Бехера и других.

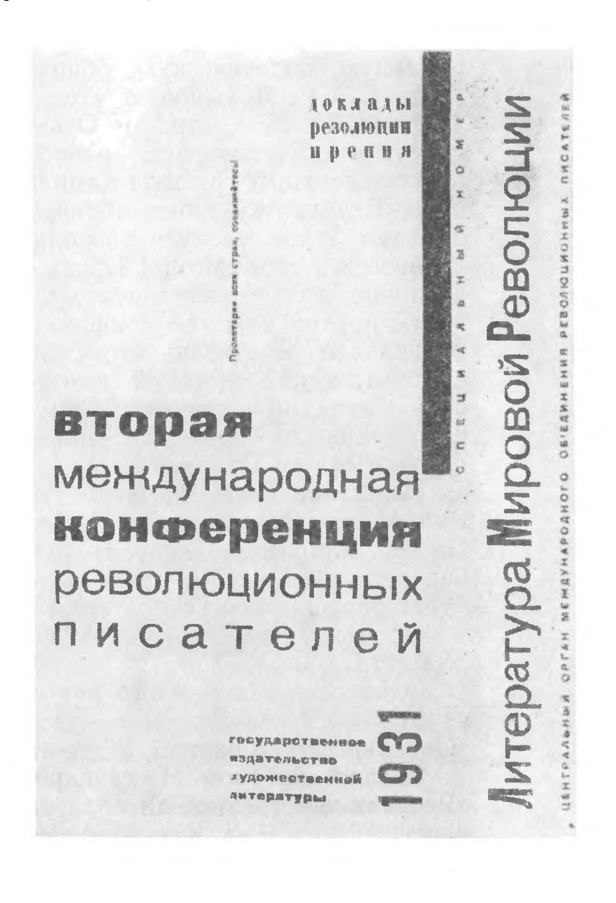
В традиционный Антивоенный день 1 августа 1929 г. Международное бюро революционной литературы обратилось к пролетарским и революционным писателям мира с призывом: «возвысить свой голос против войны».

Этим обращением МБРЛ открывается четвертый номер журнала за 1929 г., являющий собой яркий пример антивоенной пропаганды.

Журнал поставил перед собой задачу показать, как отразилась первая мировая война в литературах мира. Художественный отдел этого номера представлен такими различными и значительными произведениями о войне, как романы Ремарка «На Западном фронте без перемен» и Людвига Ренна «Война», принесшие их авторам мировую из-

вестность, рассказы Ивана Ольбрахта «Неизвестный солдат», Матэ Залки «Военная почта», стихи Иоганнеса Бехера, Жоржа Шеневьера, Марселя Мартине — автора сборника антимилитаристских стихотворений «Проклятые годы».

Статьи «Мировая война в современной германской литературе», «Война и литература войны во Франции», «Война и поэзия у болгар», «Отражение мировой войны в венгерской литературе», «Чешская литература о войне», «Почему мировая война так мало отражена в американской литературе?» давали оценку художественным произведениям, напечатанным в журнале, и одновременно воссоздавали более широкую картину — отражение войны в мировой литературе.

Агитационность антивоенного номера журнала усилена антимилитаристской графикой и карикатурой Георга Гросса, Кете Кольвиц, Франса Мазерееля, Ф. Бренгвина, а также произведениями из цикла «Ужасы войны» Франциско Гойи. Горькие картины народных бедствий, запечатленные искусством, предстали как решительный протест против новой войны. Антивоенный номер «Вестника иностранной литературы» за 1929 г. — один из наиболее удачных в истории журнала. С позиций сегодняшнего исторического опыта очевидны ошибки в оценке тех или иных произведений, в частности односторонняя критика романа «На Западном фронте без перемен». Это не умаляет эстетического и агитационного значения антивоенного номера.

Весной 1930 г. Международное бюро революционной литературы обратилось к крупнейшим деятелям мирового искусства с вопросом: «Какова будет ваша позиция в случае объявления войны империалистическими державами СССР?» Анкеты с этим вопросом были разосланы художникам различных эстетических направлений и политических симпатий с тем, чтобы из полученных ответов сложилась объективная картина борьбы идеологий в современном мире искусства.

На двести разосланных анкет было получено семьдесят пять ответов, опубликованных в 4, 5 и 6 номерах «Вестника иностранной литературы» за 1930 г.[4]

Анкета МБРЛ получила большой общественный резонанс за рубежом: продемонстрировала дружеское отношение к стране строящегося социализма со стороны ряда крупнейших писателей и вместе с тем вызвала бешенство у реакционно настроенных кругов, спровоцировавших появление в буржуазной прессе целого ряда фальшивок.

[4] Затем эти ответы были собраны в книжке «Долой войну империалистов против СССР». Анкета МБРЛ. М.—Л., 1931.

Ответы на анкету МБРЛ представляют большой историко-литературный интерес. В них проявилось живое дыхание времени и некоторые черты творческих индивидуальностей, грани характеров и интеллектуального склада писателей XX столетия.

«Я лично считаю русскую революцию и ее культурные завоевания одним из основных элементов цивилизации. Что бы ни произошло — открытое нападение или атака из-за угла — я буду рассматривать защиту этих завоеваний как защиту самого необходимого и драгоценного в нашей цивилизации. Я считаю своим долгом отстаивать материальную, политическую, общественную и моральную неприкосновенность СССР. Я выполню этот долг»,— писал коммунист Жан-Ришар Блок (1930, № 4, стр. 8). Ответ Ромена Роллана вылился в гневный политический памфлет, разоблачающий продажность буржуазной прессы, ведущей грязную кампанию клеветы против Советской республики. Великий гуманист обличает правящие круги своей страны: «Мы срываем с вас маску и разоблачаем вас перед миром. Заговорщики, вернитесь в свое логово! Прочь руки от СССР!» (1930, № 5, стр. 5),— заканчивал свой ответ писатель.

«Я против каждого конфликта с Советским Союзом, от кого бы он ни исходил. Я считаю, что Советская Россия является экономической и политической системой, которая уже нынче в состоянии конкурировать с западным капитализмом, а в будущем — возможно, уже в близком будущем — окажется сильнее его» (1930, № 5, стр. 10),— писал в своем ответе Драйзер.

Известная часть писателей уклонилась от ответа на анкету МБРЛ. Ряд буржуазных писателей дал пацифистски уклончивые ответы. Дос Пассос, например, недвусмысленно признался в неустойчивости и неопределенности своей позиции: «Так как вопрос, по всей вероятности, будет разрешаться не столько теоретическим отношением, сколько оружием, должен сказать откровенно, что не знаю, что буду делать» (1930, № 6, стр. 170—171).

Однако спустя немного лет прогрессивные писатели мира доказали на фронтах Испании, что «теоретическое отношение» и «оружие» не взаимоисключающие начала, а две стороны одного вопроса.

Являясь органом Международного бюро пролетарской литературы, «Вестник иностранной литературы» пропагандировал достижения пролетарского искусства, разрабатывал вопросы его теории. Журнал заботливо выращивал кадры новой, еще только нарождающейся пролетарской литературы.

Наряду с ветеранами революционной литературы Анри Барбюсом, Ж.-Р. Блоком, П. Вайяном-Кутюрье, Матэ Залкой появляются имена молодых пролетарских писателей.

К середине 20-х годов относится бурный расцвет революционной литературы Японии, представленный на страницах «Вестника иностранной литературы» романом Кадзуо Като «Под натиском волн», повестью Никаниси Иносуке «Осеки — дочь Сейроку», рассказами Фусао Хаяси, Торао Хаяши и других. В журнале заняла достойное место поэзия Христо Смирненского, Иоганнеса Бехера, Людвига Ренна, Курта Клебера, Антала Гидаша, Эмиля Мадараса в переводах М. Зенкевича, С. Кирсанова, А. Жарова и других.

«Вестник иностранной литературы» познакомил русского читателя с такими выдающимися произведениями революционной поэзии, как «Необычайные похороны в Бреддоке» Майкла Голда, «Романтика Анатолии» Назыма Хикмета, «Галицийская Жакерия» Бруно Ясенского.

Стремясь к воссозданию картины интернациональной революционной литературы, журнал печатает статьи о пролетарских литературах Америки, Германии, Венгрии, Японии, Китая.

Бурно нарождающаяся пролетарская литература давала утвердительный ответ на вопрос, волновавший писателей и литературоведов,— возможно ли пролетарское искусство в условиях капитализма.

Свою основную задачу «Вестник иностранной литературы» видел в пропаганде интернациональной пролетарской литературы. В соответствии с этим большое внимание уделялось вопросу генезиса пролетарского

МЕЖДУНАРОДНОЕ БЮРО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Внизу лежат (слева направо): П. ИСТРАТИ, Т. НЕРМАН; 2-й ряд (стоят): Г. КАГАН, А. БЕРЗИНЬ, И. АНИСИМОВ; (сидят): Б. ИЛЛЕШ, А. ПУЛАЙЛЬ, Ф. ВАЙСКОПФ, П. ВАЙАН-КУТЮРЬЕ, А. ЛУНАЧАРСКИЙ, Л. АВЕРБАХ, А. СЕРАФИМОВИЧ, Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ, А. ФАДЕЕВ; 3-й ряд (стоят): А. ГИДАШ, К. БАНКСИН, У. АКИТА, С. ДИНАМОВ, Ст. СТАНДЕ, ДОС ПАССОС, Д. ФРИМЕН, И. БЕХЕР, Д. РИВЕРА, А. КУРЕЛЛА, К. КЛЕБОР, СОЛЬСКИЙ. Шарж Кукрыниксов («Вестник иностранной литературы», 1929, № 1)

искусства. Проблема создания нового метода, возникавшая в те годы перед советской литературой, волновала и зарубежных писателей.

«Пролетарское искусство будет «новым» искусством, несущим совершенно особый стиль» (1929, № 1, стр. 215),— утверждал Барбюс.

На страницах «Вестника иностранной литературы» широко обсуждались вопросы становления нового метода. Утверждая возможность возникновения пролетарской литературы в капиталистических странах, журнал одновременно выдвинул требование создать образ положительного героя, борца за социалистические преобразования.

«Искусство и литература, в центре которых стоит этот новый тип человека, рабочего — хозяина своей страны, строителя своей жизни, борца, отвоевывающего все новые и новые области от стихии общества и природы, в состоянии совершить революцию в голове пролетарского читателя, борющегося еще за власть. Из образов этого настоящего пролетарского искусства он может черпать новые силы и лучше определить свою *актив-*

Эрих Вайнерт
Анри Барбюсс
(Франция)
В условиях капиталистического режима невозможен мир, невозможно окончательное разрешение нынешнего кризиса. Война и все теперешние экономические бедствия могут прекратиться только при социализме.
Иоганнес Бехер
Шервуд Андерсон
(САСШ)
Майкл Голд
(САСШ)
Иван Ольбрахт
HENRI BARBUSSE
ERICH WEINERT
SHERWOOD ANDERSON
MICHAEL GOLD
IVAN OLBRACHT

Жан Ришар Блок.

(Франция)

Я не коммунист, я не принадлежу ни к какой партии, я повинуюсь только велениям моей совести, но мои установки нисколько не изменились с 1917 года. Я непрестанно горячо защищал пролетарское государство. Я непоколебим в своих симпатиях. И если наши усилия в один прекрасный день окажутся недостаточными, чтобы остановить империализм, стремящийся к войне, тогда я без колебания, также как и Ромен Роллан, приму ленинскую тактику.

Жан Ришар Блок.

ЖАН РИШАР БЛОК — французский писатель, романист, драматург, критик. Один из главных редакторов журнала „Европа“.

Рабиндранат Тагор
RABINDRANATH TAGORE
Ромен Роллан
Рамон Х. Сендер
Людвиг Ренн
Бернард Шоу
BERNARD SHAW
Элтон Синклер
UPTON SINCLAIR

ную роль в коллективе революционного авангарда»,— утверждал немецкий писатель-коммунист А. Курелла, в те годы председатель немецкого Союза друзей СССР (1928, № 4, стр. 128). Такая постановка вопроса была новаторской и смелой для своего времени.

Одновременно журнал выдвинул ошибочное положение о том, что подлинную пролетарскую литературу может создать лишь писатель пролетарского происхождения, «который жил жизнью пролетарского авангарда, который активно участвовал как в идеологической, так и в практической борьбе рабочего класса» (1928, № 4, стр. 129). Не секрет, что подобного рода высказывания восходили к пролеткультовским теориям о происхождении пролетарского искусства. Литературно-эстетические теории МБРЛ, ориентировавшегося в своей работе на ВОАПП, складывались в ближайшем контакте с рапповскими установками. В частности, МБРЛ и его печатный орган разделяли вульгаризаторские взгляды РАПП на писателей непролетарского происхождения. А. В. Луначарский в своем «Ответе Ромену Роллану» в известной мере находился под воздействием вульгарно-социологических теорий, от имени пролетариата отказываясь признать Ромена Роллана «в каком-нибудь отношении своим» (1928, № 3, стр. 140).

Главным и наиболее ценным было стремление журнала представить явления культурной жизни в их сложности и многообразии. Вопросы живописи, музыки, кино, театра находили свое освещение на его страницах.

В журнале были опубликованы статьи А. Куреллы «Франс Мазереель и развитие революционного искусства», А. Луначарского «Последняя пьеса Пиранделло», Ш. Андерсона «Джаз-банд культуры и писатель», С. Динамова «Герберт Уэллс на переломе», Дж. Фримена «Американские комические рисунки», И. Анисимова «Анри Барбюс», определившие собой направление критической мысли журнала.

За этой широтой и многоплановостью угадывалась колоссальная эрудиция и высокая культура главного редактора «Вестника иностранной литературы» А. В. Луначарского, блестящего знатока и популяризатора лучших образцов зарубежной литературы в нашей стране. Работы Луначарского в области французской, немецкой, английской, американской, итальянской и других литератур до сих пор не утратили своего научного значения. Пример тому — статья об итальянском драматурге Луиджи Пиранделло, появившаяся в «Вестнике иностранной литературы».

Луначарский дает оценку творчества Пиранделло, «самого сложного и самого виртуозного из европейских драматургов». Получив от Пиранделло его пьесу «Сегодня мы импровизируем» с просьбой содействовать ее постановке в Советском Союзе, Луначарский пишет: «Естественно, что

ему хочется видеть осуществление самой сложной и самой оригинальной из своих пьес — той, которая является кульминационным пунктом развития всей его драматургии, в московском оформлении, ибо вся Европа знает, что помимо острого политического содержания, все больше и больше наполняющего наш театр, мы обладаем еще и отзывчивостью на всякое формальное новаторство, если только оно представляет собой действительный шаг вперед и способно благодаря своей чрезвычайной изощренности соответствовать самым гибким, самым оригинальным замыслам авторов... Ни в одной пьесе Пиранделло не достигал такой умопомрачительной игры между иллюзией и действительностью, или еще больше того — между мнимой театральной действительностью и художественной театральной правдой, как в своей последней пьесе «Сегодня мы импровизируем» (1930, № 1, стр. 116—117).

Б. ЯСЕНСКИЙ

Статья Луначарского была направлена против попыток некоторых реперткомов запретить постановку пьес Пиранделло из-за их мнимого мистицизма. Историко-литературная проблематика увязывалась в статьях Луначарского с задачами текущей литературной и театральной политики. Однако позиция Луначарского противостояла эстетической линии рапповского руководства МОРП и привела вскоре к отходу Луначарского от работы в журнале.

✪

6 ноября 1930 г. в Харькове открылся расширенный пленум МБРЛ, в ходе работы получивший название Второй международной конференции пролетарских и революционных писателей. Делегаты 23 стран собрались на свой форум с тем, чтобы отчитаться в достижениях революционной литературы и обсудить конкретные проблемы ее развития.

На самый животрепещущий и острый вопрос: возможно ли создание пролетарской литературы и культуры в условиях буржуазного строя до победы социалистической революции? — конференция ответила положительно, опираясь на опыт бурно развивающейся литературы мирового пролетариата. Само развитие литературного процесса красноречиво свидетельствовало против правооппортунистических теорий о невозможности строительства социалистической культуры в условиях капитализма.

В отчете секретариата Международного бюро революционной литературы Второй международной конференции пролетарских писателей докладчик Бела Иллеш охарактеризовал деятельность печатного органа МБРЛ: «Журнал этот не вполне справился со своей задачей: он не отражал точки зрения Бюро на ряд вопросов, он освещал только основные

вопросы и часто плелся в хвосте событий... Тип журнала не стоит в соответствии с задачами пролетарской литературы... В нем печатались преимущественно произведения уже более квалифицированных, с точки зрения литературной техники, писателей, рассчитанные на интеллигентские читательские круги». Как на первостепенную задачу докладчик указал на необходимость в дальнейшем «уделять больше места произведениям, посвященным международному рабочему движению и молодым начинающим пролетарским писателям»[5].

Конференция развернула борьбу против правого уклона как основной опасности в развитии революционного литературного движения, подчеркнув в то же время вредность левого сектантства. Однако оценка Бела Иллешем «Вестника иностранной литературы» дана с тех самых ультралевых позиций, которые порицались в решениях конференции.

На Второй международной конференции революционных писателей Международное бюро пролетарской литературы было реорганизовано в Международное объединение революционных писателей (МОРП). Соответственно с этим печатный орган МБРЛ «Вестник иностранной литературы» с 1931 г. был преобразован в журнал «Литература мировой революции».

В решении конференции указывалось: «Реорганизовать журнал «Вестник иностранной литературы», превратив его в руководящий теоретический и творческий орган революционно-пролетарского литературного движения, изменив его название и приняв меры к его изданию на русском, немецком, французском и английском языках»[6]. Журнал выходил параллельными изданиями на русском, французском, немецком, английском языках. Обязанности ответственного редактора были возложены на польского писателя-коммуниста Бруно Ясенского (1901—1941), эмигрировавшего в 1929 г. в Советский Союз. Заместителем ответственного редактора был назначен венгерский революционный поэт Антал Гидаш. В редакционную коллегию вошли: Л. Авербах, А. Берзинь, Дж. Джерманетто, С. Динамов, Бела Иллеш, И. Микитенко, А. Селивановский, А. Халатов. Кроме этой рабочей редколлегии, был создан международный редакционный совет, в состав которого входили: Мартин Андерсен-Нексе, А. Барбюс, И. Бехер, Дж. Дос Пассос, Э. Глезер, Майкл Голд, Го Мо-жо, Максим Горький, А. Луначарский, А. Б. Магил, Людвиг Ренн, А. Серафимович, Эптон Синклер, Токунага Наоси.

С 1932 г. редакционный совет пополнился Т. Драйзером, Роменом Ролланом, Эрихом Вайнертом.

В 1931 г. вышло двенадцать номеров журнала, в 1932 г.— десять[7]. В 1932 г. изменился состав рабочей редколлегии. Ответственным редактором журнала был утвержден С. Динамов — будущий редактор «Интернациональной литературы», редактором русского издания — С. М. Третьяков.

Работа МОРП велась по секциям, что получило отражение в журнале. Наряду с Комитетом советских писателей наиболее крупной секцией МОРП был Союз пролетарско-революционных писателей Германии (с 1928 г.). В начале 30-годов в МОРП входили Союз венгерских революционных писателей и художников (основан в 1926 г.), Союз пролетарско-революционных писателей Австрии (основан в 1930 г.), группа польских

---

[5] «Вторая международная конференция революционных писателей». Доклады, резолюции, прения. М., 1931 (специальный номер «Литературы мировой революции»), стр. 17.

[6] Там же, стр. 85.

[7] Французское, немецкое и английское издания «Литературы мировой революции» выходили, как правило, по 5 номеров в год, в 1932 г. английского издания вышло 3 номера.

пролетарских писателей, созданная в 1925 г., американский Клуб Джона Рида, английский рабочий Клуб Роберта Трессела, Лига писателей левого фронта Китая, французская, чехословацкая, болгарская, испанская, японская и другие секции.

О кипучей деятельности редакции центрального органа МОРП вспоминает через тридцать лет Антал Гидаш в своей статье о главном редакторе журнала Бруно Ясенском: «В редакцию журнала, которая помещалась тогда на Тверской — ныне улице Горького,— он являлся ежедневно вместе со своей женой Анной Берзинь... Он принадлежал к породе тех сухопарых, жилистых, я сказал бы, двужильных мужчин, которые способны трудиться от зари до зари, для которых труд — отдых...

Там, на Тверской, в крохотной, отгороженной досками каморке, сидели главный редактор журнала и ответственный секретарь — Анна Берзинь. Помещение было столь тесным, что когда заместитель главного редактора (автор сих строк) входил в каморку, кто-то из них должен был встать из-за стола, ибо сидя уже нельзя было поместиться втроем. В главной редакции нашего журнала — день был или вечер — все равно непрерывно горела электрическая лампочка. Из других клетушек редакции к нам доносился стук пишущих машинок, тихие и громкие слова сновавших туда-сюда сотрудников, которые отдавали переводчикам «на дом» самые свежие произведения советской литературы, тут же на месте писали заметки, статьи и составляли хронику для журнала. И все это должно было выйти на английском, французском и немецком языках. На русском печатались лучшие труды прогрессивных писателей мира. Главная редакция работала с утра до позднего вечера в своей дощатой клетушке размером в пять квадратных метров, и ее хватало, очевидно, ибо воодушевленье и убежденность не зависели от квадратных метров площади» [8].

Как уже говорилось, одной из магистральных линий в работе «Вестника иностранной литературы», а затем и «Литературы мировой революции» была постоянная и неослабевающая борьба против военной угрозы.

В начале 1932 г. в связи с японской авантюрой в Китае Международное объединение пролетарских писателей обратилось к писателям всего мира, в частности к тем, которые откликнулись два года назад на анкету МБРЛ — «Какова будет ваша позиция в случае объявления войны империалистическими державами СССР?» МОРП поставил перед ними вопрос: «Что Вы делаете, что Вы намерены сделать сейчас, когда империалистическая война уже началась, когда японский империализм громит уже Китай, когда война, вспыхнувшая на Востоке, грозит превратиться в войну всех империалистов против СССР?» (1932, № 4, стр. 5).

МОРП объявил международную антивоенную перекличку писателей мира. «Через рогатки границ, впервые, в грозный час надвигающейся войны советский писатель и революционный писатель Запада и Востока обмениваются боевым рукопожатием» (1932, № 4, стр. 6).

В международной антивоенной перекличке прозвучали тревожные и гневные голоса Ромена Роллана, Анри Барбюса, Жан-Ришара Блока, Эптона Синклера, Шервуда Андерсона, Стефана Цвейга, Вилли Бределя, революционных художников Кете Кольвиц и Вильяма Гроппера. С советской стороны им ответили Леонид Леонов, Николай Асеев, Илья Сельвинский, Л. Сейфуллина, В. Лидин, Вера Инбер, В. Катаев и другие.

За два года, прошедшие с того времени как была проведена антивоенная анкета МБРЛ, произошли значительные изменения во взглядах таких писателей, как Стефан Цвейг и Шервуд Андерсон.

---

[8] А. Гидаш. Бруно Ясенский — В кн.: Б. Ясенский. Слово о Якубе Шеле. Поэмы и стихотворения. М., 1962, стр. 16—18.

«Вы имеете слишком много оснований крайне настойчиво указывать своей стране и другим странам на грозящую опасность войны. Эта опасность представляется мне действительно неизмеримо большой... Два года тому назад мне казалось,— и я открыто вам это высказывал,— что война невероятна... Но с тех пор как с такой силой разразился кризис, для некоторых групп предприятий не оказалось другого выхода из хаоса, как создать еще больший», — пишет Стефан Цвейг (1932, № 4).

Если «Вестник иностранной литературы» стремился к всестороннему охвату литературного процесса, то с переменой названия журнал сознательно отказывается от этой многоплановости, полностью посвятив себя пропаганде литературы мировой революции. Эстетическая программа журнала находилась в полном соответствии с его названием. Это действительно была литература, рожденная в горниле революционной борьбы, овеянная ее суровой романтикой, агитационная и тенденциозная. Опубликованные в журнале романы и повести, очерки, стихи и поэмы взволнованно рассказывали о революционной борьбе и пролетарской солидарности, о чудовищном быте тюремных застенков и готовности к жертвам во имя общего дела, о том, как ковалось мужество, складывался характер нового человека, борца за революционное преобразование мира.

Напечатанные в журнале романы и повести классиков пролетарской литературы Вилли Бределя «Машиностроительный завод», Ганса Мархвица «Штурм Эссена», Токунага Наоси «Улица без солнца» и «Токио — город безработных», Кобаяси Такидзи «Пятнадцатое марта 1928 года» родились из живого опыта классовой борьбы пролетариата.

В своей работе с авторами редакция журнала «Литература мировой революции» большое внимание уделяла рабкоровскому движению, видя в рабкорах кадры будущих пролетарских писателей. Репортаж, очерк, рассказ становятся определяющими жанрами художественного отдела журнала.

Наряду с выступлениями известных литераторов Эгона Эрвина Киша, написавшего книгу очерков о советской Средней Азии «Азия совершенно преображенная», Жоржа Садуля, автора репортажа о трагическом положении миллионов безработных в буржуазной Франции «По стопам безработицы», появляются рабкоровские, часто безымянные очерки.

Международное объединение революционных писателей проводило последовательную линию сближения писателя с производством, с жизнью рабочего класса.

Со страниц «Литературы мировой революции» русский читатель впервые услышал взволнованный и страстный голос писателя коммуниста Юлиуса Фучика, выступившего с очерками «Семья забастовщика» и «Черная лавина».

В седьмом номере журнала за 1931 г. появилась серия документальных очерков «Карлова Гуть», написанных в результате поездки, по заданию Союза пролетарских писателей Чехословакии, группы литераторов в составе Юлиуса Фучика, Б. Кани и других на литейные заводы в Чешской Силезии в связи с вспыхнувшей там мощной забастовкой.

«Приехав на заводы, писатели приняли участие в борьбе рабочих с администрацией, участвовали в заседаниях забастовочного комитета, выступали на митингах, печатали материал в местной газете, стояли в пикетах и т. п. Собранный ими материал будет издан в Чехословакии отдельной брошюрой. Печатаемые ниже очерки членов бригады ценны как документальный пример правильного включения одной из самых молодых секций МОРП в революционную практику пролетариата Чехословакии»,— сообщалось в редакционном примечании (1931, № 7, стр. 80).

В журнале были напечатаны отрывки из романов Дос Пассоса, пьеса Бернарда Шоу. Но такого рода произведения выглядели чужеродными в «Литературе мировой революции». Публикуемая в журнале художест-

венная продукция носила целенаправленный, пролетарско-агитационный характер. Далеко не все напечатанные в журнале произведения равны по своей эстетической ценности, не все выдержали проверку временем. Но эти материалы и сегодня сохраняют свое историко-литературное значение, раскрывая интереснейшую страницу в развитии социалистического искусства за рубежом.

В прозаических жанрах дерзали не только профессиональные литераторы, но и начинающие, рядовые участники рабкоровского движения, поэзию же в «Литературе мировой революции» представляли крупнейшие мастера современности — И. Бехер, Луи Арагон, В. Броневский, Эми Сяо, Л. Хьюз и другие.

Публикуемые в журнале материалы свидетельствовали о росте теоретической мысли. Обзоры литератур отличались проблемностью, поднимая насущные вопросы литературного развития. Например, журнал опубликовал сокращенную стенограмму весьма показательного для теоретического уровня журнала выступления О. Биха на харьковской конференции «Пролетарская и революционная литература Германии». Журнал призывал бороться за высокий идейно-художественный уровень пролетарской литературы. Борьба за качество становится одним из главных эстетических требований. Не снижать литературу до уровня наиболее отсталых слоев читателей, а подымать читателя до самого высокого уровня художественности — таковы установки журнала.

В выступлении О. Биха, представителя одной из наиболее сильных и политически зрелых писательских организаций МОРП, прозвучало требование бороться с комчванством, не замыкаться в цеховщине, идти на союз с «попутчиками».

«Литература мировой революции» вела постоянную борьбу за крупнейших зарубежных писателей, стремясь содействовать их переходу на позиции коммунизма.

«Теодор Драйзер идет к нам» — это не только заглавие статьи об американском писателе, написанной в 1931 г. С. Динамовым. Это выражение одной из принципиальных установок журнала на привлечение в ряды друзей СССР лучших писателей мира. Автор не закрывает глаза на сложный путь эволюции мировоззрения и творчества Драйзера. С излишней прямолинейностью и суровостью рапповца С. Динамов перечисляет прежние «грехи» Драйзера: «Идеолог мелкой буржуазии, выступавший с очень слабой критикой крупного капитала и сам же им восхищавшийся (Каупервуд в «Финансисте» и «Титане»), проповедник индивидуализма, противник коммунизма — Теодор Драйзер в наше время становится революционным публицистом, принимает участие в широко проводимых коммунистической партией агитационных кампаниях, выступает с резкой критикой капиталистической системы и с горячей защитой СССР» (1931, № 10, стр. 98).

Упрекнув Драйзера во всем, в чем только было можно его упрекнуть, С. Динамов с тем большим пафосом заканчивает свою статью прямым ораторским обращением к своему заокеанскому другу: «Вперед и дальше, Драйзер!»

Боевой, тенденциозный, непримиримый к какому бы то ни было проявлению «сосуществования» различных идеологий журнал привлек к себе симпатии многих выдающихся деятелей культуры Европы и Америки.

В отзыве на присланные ему номера французского издания журнала «Литература мировой революции» Ромен Роллан писал главному редактору Бруно Ясенскому: «Журнал произвел на меня большое впечатление Прошу считать меня его подписчиком. Я сумел оценить как по содержанию, так и по художественным достоинствам — ряд произведений, опубликованный в № 1. ...Что касается материалов Второй международной конференции революционных писателей, то она является замечательным

историческим документом и вместе с тем глубоко поучительным для всех нас» (1932, № 1, стр. 116—117).

«Объединенное заседание редколлегии и редсовета «Литературы мировой революции» постановило кооптировать в состав редсовета т. Ромена Роллана, публицистическая деятельность которого за последний год, свидетельствующая о мужественном преодолении автором «Прощания с прошлым» его гуманистических ошибок, выдвинула его в передовые ряды борцов за мировую пролетарскую революцию. Тов. Ромен Роллан в ответном письме в редакцию заявил о своей полной солидарности с литературно-политической линией «Литературы мировой революции»,— сообщалось в журнале (там же).

Одним из ведущих в журнале был отдел «На литературных фронтах», отличавшийся полемической направленностью и оперативностью. Наименование отдела очень метко характеризует исходные, наступательные позиции журнала. Но в своей непримиримости, в жарких литературных битвах журнал нередко обрушивал на писателей критическую дубинку, не учитывая сложности идеологической борьбы за рубежом.

Одной из наиболее драматических страниц в истории «Литературы мировой революции» явилась критика политической линии журнала «Монд». Созданный в 1928 г. Анри Барбюсом в поисках новых путей объединения прогрессивно настроенной интеллигенции, «Монд» скоро обнаружил оппортунистическую направленность этой «группировки, не зависящей ни от каких партий» (1931, № 1, стр. 99). Полемические статьи Жака Дюкло и Бруно Ясенского убедительно вскрыли всю порочность и реакционность «платформы независимости от политических партий». Однако редакция «Литературы мировой революции» не отделила основателя журнала «Монд» от реакционных элементов, в нем сотрудничавших, и превратила принципиальную критику надклассового характера барбюсовского издания в осуждение Барбюса. Сражение было «выиграно» дорогой ценой. Барбюс был исключен из редакционного совета «Литературы мировой революции»[9].

Ориентация журнала исключительно на пролетарскую литературу, сознательный отказ от той широты и масштабности, которые ощущались в «Вестнике иностранной литературы», объективно обернулись односторонностью и превратили «Литературу мировой революции» в журнал, близкий по своему направлению рапповским изданиям.

Идеологическую линию центрального органа МОРП поддерживали «Литературная газета» и некоторые журналы. Журнал Института литературы, искусства и языка Комакадемии «Литература и искусство», публиковавший материалы МБРЛ, еще в 1930 г. призывал МБРЛ потребовать от А. Барбюса и ему подобных более четкого ответа на вопрос: «с кем они — с отрядом, борющимся за пролетарскую революцию, или с душителями революции?» (передовая в № 3-4 за 1930 г.).

Так рапповцы толкали МБРЛ к проведению сектантской политики и в международных литературных делах.

Одним из немногих, кто постоянно критиковал МОРП за сектантство, был А. В. Луначарский. Особенно резко разошелся он с руководством МОРП во время конфликта с Барбюсом. Решительно отказав МОРП в своей поддержке, Луначарский заявил: «В этом случае вам может помочь только тот, кто вас хорошенько побьет, потому что вы неправы».

После смерти Луначарского Бела Иллеш вспоминал о его разногласиях с руководством МОРП: «Анатолий Васильевич далеко не был в таком восторге, как мы, от произведений молодых рабочих-писателей и всегда предостерегал нас, чтобы мы не отталкивали тех мелкобур-

---

[9] «Задачи союза революционных писателей Франции». Резолюция секретариата МОРП.— «Литература мировой революции», 1932, № 2, стр. 61.

жуазных писателей, которые нам сочувствовали. Часто доходило до жарких дискуссий, и несмотря на то, что он не стоял на нашей точке зрения и был против того пыла, с каким мы продвигали первые произведения молодых пролетарских писателей, он всегда помогал нам расчищать путь этим писателям к печати.— Их надо печатать не потому, что они хороши,— говорил он,— а потому, что они только тогда станут хороши, если мы обеспечим им возможность печататься»[10].

✪

С 1933 г. журнал стал выходить под названием «Интернациональная литература». Обновился и значительно расширился авторский коллектив журнала. После постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» Л. Авербах, А. Селивановский и А. Халатов были выведены из его редколлегии, которая пополнилась И. Анисимовым, П. Вайяном-Кутюрье, Г. Гюнтером, Н. Огневым, С. Третьяковым, А. Фадеевым и другими.

В составе международного редакционного совета был восстановлен Анри Барбюс. Журнал взял курс на ознакомление советского читателя с широким кругом иностранных писателей.

Зарубежный читатель «Интернациональной литературы» получил три различных издания на французском, немецком и английском языках. Редактором французского издания «Интернациональной литературы» стал П. Вайян-Кутюрье, немецкого — Ганс Гюнтер, английского — С. Динамов.

Первые два года «Интернациональная литература» выходила по шести номеров в год, с 1935 по 1942 г.— по двенадцати. В 1943 г. по выходе первого номера издание было прекращено и возобновилось лишь в июле 1955 г. под названием «Иностранная литература». Но это был по существу уже другой журнал.

До ноября 1935 г. журнал оставался органом МОРП. Вместе с ликвидацией МОРП на титульном листе «Интернациональной литературы» было снято указание на то, что журнал является органом Международного объединения революционных писателей.

Издания на иностранных языках занимают особое место в истории «Интернациональной литературы»[11]. Они стали звеном развивающихся взаимосвязей зарубежных и советских литератур. Различные национальные издания отличаются друг от друга публикуемым материалом. С годами эти расхождения становятся все больше и приводят в конечном счете к образованию различных журналов. Отличительной чертой всех этих изданий является обращение к советской художественной литературе, переведенной на иностранные языки. Уже в 1938 г. появился план реорганизации иностранных изданий «Интернациональной литературы» в сторону решительного увеличения в них советских художественных произведений. В связи с этим постоянный сотрудник и корреспондент журнала английский писатель Джек Линдсей сообщал в своем письме 19 января 1938 г.: «Что касается предполагаемой реорганизации «Интернациональной литературы», то должен сказать, мне жаль было бы, если

---

[10] Б. Иллеш. Луначарский в МОРП.— «Литературная газета», 29 декабря 1933 г.

[11] В 1933—1934 гг. издания на французском, немецком и английском языках выходят, как правило, по 6 номеров в год, однако в 1933 г. английского издания вышло 4 номера, а в 1934 г. французского издания — 5 номеров. С 1935 г. все эти издания выходят по 12 номеров в год. На китайском языке журнал «Интернациональная литература» выходит с 1935 г., на испанском — с 1942 г. (6 номеров, а с 1943 г. по 12 номеров). Роль иностранных изданий «Интернациональной литературы» возросла после прекращения в начале 1943 г. русского издания. В 1946 г. названия всех иностранных изданий «Интернациональной литературы» были изменены на «Советская литература».

бы «Интернациональной литературы» не было, ибо нет ничего другого, что позволяло бы окинуть взором революционную литературу всего мира. Так, много писателей Японии, Китая, Центральной Америки и Центральной Европы, которые никогда бы не стали известными, если бы не журнал. В то же время я убежден, что как Советский Союз является отечеством для всех, кто полностью осознал современные проблемы, так и советская литература представляет собой особый интерес и значение. Журнал имел огромное для меня значение. Мне кажется, что советской литературе в журнале должно быть отведено центральное место. Но, по причинам, указанным выше, мне было бы жаль, если бы были исключены иностранные писатели» [12].

Для журнала «Интернациональная литература» характерно стремление представить литературы крупнейших стран мира во всем их многообразии. Отдельные номера целиком посвящаются литературам Германии, романских стран Европы, литературе США (№ 3—5 за 1933 г.). В этих выпусках не только художественный отдел, но и разделы «Критика и теория», «Факты и документы» посвящены национальной тематике.

В середине 30-х годов журнал стал отражать политику народного фронта, публиковать литературу, порожденную этим движением. Это была одна из общих закономерностей литературного процесса 30-х годов, сказавшаяся в деятельности журнала.

Расцвет литературы критического реализма во французской, американской, английской и некоторых других литературах 30-х годов представил для журнала исключительно обширный и интересный выбор художественных произведений. Этот подъем литературы, близкой к народу, изображающей буржуазное общество более исторично и конкретно, чем раньше, стремящейся показать трудовые массы во всем разнообразии социальных групп, оказал определяющее воздействие на характер «Интернациональной литературы». Можно без преувеличения сказать, что всем лучшим, что печаталось на его страницах, журнал обязан тому новому этапу в развитии критического реализма в зарубежных литературах, которым ознаменованы 30-е годы в истории мировой литературы.

Журнал публикует романы, пьесы, стихи, статьи крупнейших писателей мира. Только в 1933 г. в «Интернациональной литературе» появились произведения А. Барбюса, Р. Роллана, П. Вайяна-Кутюрье, Ж.-Р. Блока, Л. Арагона, Г. Манна, И. Бехера, Б. Брехта, Фр. Вольфа, Э. Вайнерта, Ст. Цвейга, Э. Ремарка, Р. Олдингтона, Б. Шоу, Т. Драйзера, С. Льюиса, Ю. О'Нила, Л. Хьюза, Дж. Джерманетто, Р. Альберти, Х. Мансисидора, И. Ольбрахта и других. Особенно часто и охотно журнал печатал романы Л. Фейхтвангера («Сыновья», «Лже-Нерон», «Изгнание», «Иудейская война») и Э. Хемингуэя («Фиеста», «Прощай, оружие!», «Иметь и не иметь», рассказы и репортажи из Испании, пьеса «Пятая колонна»). Безусловной заслугой журнала является публикация таких выдающихся романов, надолго оставшихся в памяти советских читателей, как «Юность короля Генриха IV» и «Зрелость короля Генриха IV» Генриха Манна (1937, 1939), «Война с саламандрами» Карела Чапека (1938), «Сущий рай» Ричарда Олдингтона (1938).

Едва ли какой-нибудь другой журнал мог похвастать столь блестящим «авторским коллективом» [13]. Это обстоятельство накладывало осо-

---

[12] ЦГАЛИ, ф. 1397, оп. 1, № 580.

[13] Другие советские журналы 30-х годов редко обращались к публикации зарубежной литературы. Исключение составляет журнал «Знамя». В 1933 г. в двух номерах журнал печатает дискуссию «Советская литература и Дос Пассос», в которой приняли участие Вс. Вишневский, А. Фадеев, И. Сельвинский, В. Перцов и другие. Подробнее о зарубежной литературе в журналах «Знамя», «За рубежом» см. стр. в настоящем томе, в статьях, посвященных этим журналам.

бые обязанности на критический отдел «Интернациональной литературы», который должен был освещать литературное развитие тех многочисленных стран мира, писатели которых переводились в журнале на русский язык.

Несмотря на невозможность охарактеризовать в журнале творчество всех крупнейших писателей мира, следует признать, что критический отдел достиг главного — правильно наметил расстановку литературных сил в современном мире, выделил наиболее художественно и идеологически важные явления и попытался дать им научно-марксистскую оценку.

Среди первых статей «Интернациональной литературы», сделавших отдел критики и теории журнала серьезным фактором изучения зарубежных литератур в Советском Союзе, были работы А. В. Луначарского («Анри Барбюс об Эмиле Золя»), Ф. Кельина («Советская художественная литература в Испании»), С. Третьякова (о Б. Брехте и И. Бехере), И. Анисимова (о литературе французского декаданса), А. Елистратовой («Литература современной Америки»).

Редакция журнала вела постоянную борьбу с литературой модернизма. Убежденное отстаивание реализма в искусстве вовсе не предполагало, по мнению редакции, исключение из круга переводимых и публикуемых в журнале произведений книг модернистского толка. Напротив, чтобы сознательно полемизировать с писателями-модернистами, чтобы видеть художественное превосходство мастеров реализма над модернистской литературой, надо было доверить читателю самому произвести сравнение. И журнал публикует «Улисса» Джойса, отрывки из романа Олдоса Хаксли «Прекрасный новый мир», из «Путешествия на край ночи» Л. Селина, из книг Дос Пассоса.

Претензии Джойса и Пруста разоблачаются в критическом отделе журнала, в ходе полемики о реализме (1938, № 12), в публикуемых главах из книги Ральфа Фокса «Роман и народ»: «Модернистский подход к проблеме создания характера состоит в отделении жизни от материальной действительности. Разрушая время и внутреннюю логику событий, писатель утрачивает ощущение взаимодействия характеров и внешнего мира. Такой подход сводит на нет создание художественного характера, ибо отрицает исторический характер человека» (1938, № 2-3 стр. 316).

В 30-е годы «Интернациональная литература» стала одним из центров изучения истории зарубежных литератур. В 1935 г. журнал публикует серию статей И. А. Аксенова о Шекспире, в которых рассматривается происхождение и проблематика пьес великого драматурга, статьи С. Д. Кржижановского о комедийном сюжете Шекспира и поэтике шекспировских хроник. Развитие советского шекспироведения проходило при постоянном внимании со стороны журнала, главный редактор которого С. Динамов был шекспироведом. В 1939 г. журнал отметил шекспировский юбилей, в годы Великой Отечественной войны в «Интернациональной литературе» публикуются статьи выдающегося советского шекспироведа М. М. Морозова.

В журнале проводилось систематическое изучение крупнейших литератур Западной Европы, Америки и некоторых стран Востока. После публикаций в начале 30-х годов высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса в области эстетики, теории и истории литературы, в частности о реализме Бальзака и тенденциозности искусства, советская наука о зарубежной литературе, преодолевая вульгарно-социологическую замкнутость, начинает обращаться к проблемам реализма и народности иностранных писателей, к проблеме литературного наследства.

Журнал постоянно обращался к истории взаимосвязей русской и советской литератур с зарубежными литературами. Органической частью этой большой темы стала проблема мирового значения советской литературы. В разработке этого вопроса важную роль сыграли статьи и вы-

сказывания крупнейших писателей мира, присланные в адрес «Интернациональной литературы» и опубликованные на ее страницах.

В период организационной подготовки Первого Всесоюзного съезда советских писателей редакция «Интернациональной литературы» и МОРП обратились к крупнейшим писателям Запада с просьбой высказать мнения о советской литературе. Их ответы были помещены в номере журнала, посвященном съезду (1934, № 3-4).

Так, были написаны статьи «Мой путь к пролетарской революции» Роллана, «Интеллигенция и рабочие» Барбюса, «СССР — маяк человечества» Драйзера, «Советская литература — бодрая, свежая» Нексе. В этих выступлениях отчетливо и страстно прозвучала мысль о мировом значении Октябрьской революции и рожденной ею советской литературы.

«Больше всего меня интересует общая линия,— писал Роллан в ответе на вопрос «Ваше мнение о советской литературе».— Я радуюсь, что, в противовес поклонению искусству для искусства, в противовес эстетическому нарциссизму Запада, тщеславному и ребячливому, который углубляется в созерцание своей банальной и нарумяненной красоты, отгородившись от дуновения мировой жизни, от ее тягот, ее борьбы,— я радуюсь, что советская литература — одновременно и искусство и действие, что это действие отражается в искусстве, а это искусство — прожектор отраженного в нем действия, что оно повторяет его силу, стимулирует ее и светит ее лучами. Но само собой разумеется, что искусство при этом не должно терять ни одного из своих специфических качеств — точности и совершенства выражения... За совершенством в искусстве скрывается долгая работа. Новое, пролетарское искусство должно упорно работать, тем более, что оно не должно быть, подобно старому, искусством витрины, а прекрасным оружием, тонким, острым, хорошо закаленным,— прочным и радостным инструментом действия»,— обращался большой друг советской литературы к советским писателям, подчеркивая новаторскую сущность социалистического искусства (1934, № 3-4, стр. 14).

Журнал опубликовал приветствия, присланные съезду революционными организациями всего мира. От имени группы немецких революционных писателей Иоганнес Бехер писал: «Мы рассматриваем ваш съезд как предложение проверить наши силы. И думаем, что имеем право ответить вам так: «Интернационал революционной литературы, связанный с вами неразрывной солидарностью, стоит на посту!» (там же, стр. 6).

Разработка проблемы мирового значения советской литературы велась прежде всего на материале творчества А. М. Горького и В. В. Маяковского.

К семидесятилетию со дня рождения М. Горького журнал опубликовал высказывания о нем Анри Барбюса, Мартина Андерсена-Нексе, Бернарда Шоу, Ромена Роллана, Шервуда Андерсона, Лиона Фейхтвангера, Карла Сэндберга и других. Имя великого писателя неразрывно связывается с рождением нового мира и нового героя, с новаторством советской литературы.

«В наше время Горький — великий светоч, открывающий новые пути всему миру» (1938, № 2-3 стр. 298),— писал Барбюс. Через все высказывания проходит мысль о международном значении творчества Горького. «Он был одним из действительных творцов всей современной литературы» (1938, № 2-3, стр. 300),— утверждает Шервуд Андерсон.

Журнал публикует подборку «Горький о мировой литературе» (1938, № 6), проблемные статьи о творчестве основоположника метода социалистического реализма.

В статье Е. Книпович «Социалистический гуманизм Горького и западный гуманизм» на материале творчества крупнейших художников

XX века Томаса и Генриха Маннов, Ромена Роллана рассматривалась одна из самых животрепещущих и жгучих морально-этических проблем современности. Эволюция гуманизма этих писателей дана в соотношении с творческим опытом и личностью великого пролетарского художника.

О своей близости к Горькому и Советской стране прекрасно сказал Роллан: «Братство, которое единит меня с Горьким,— писал Роллан в 1931 г.,— тем более знаменательно, что мы пришли друг к другу с противоположных точек горизонта. Но замечательно то, что, работая каждый по-своему, мы в конце наших усилий встретились. И мы узнали, что мы товарищи и союзники... Менее счастливый, чем он, я должен был тщетно искать в течение 30 лет народ, чтобы в нем пустить свои корни... Этот народ я не мог найти на Западе. Но я простер свои корни под самой Европой, чтобы приобщиться к плодотворным пластам русского народа, к огромной жизни, проснувшейся в глубинах СССР, и в конце этой подземной работы мои корни встретились с корнями Горького, и там они братски переплелись» (1937, № 11, стр. 242).

К четвертой годовщине со дня смерти А. М. Горького журнал публикует несобранные материалы — отзывы и рецензии великого писателя о художественном переводе. Горьковские традиции в оценках зарубежной литературы становятся ведущими для критического отдела журнала, горьковский подход к явлениям современной литературы Запада определял во многом отбор имен иностранных писателей, представленных в журнале.

Связи творчества Маяковского с зарубежной поэзией привлекли внимание еще «Вестника иностранной литературы», опубликовавшего статью «Маяковский и Сэндберг» (1928, № 11). С середины 30-х годов интерес к поэзии и личности великого поэта революции возрастает как в Советском Союзе, так и за его рубежами.

К восьмой годовщине со дня смерти Маяковского журнал дает первую публикацию на русском языке отзывов зарубежной прессы о пребывании поэта в Европе и Америке. В выступлениях Людмила Стоянова (1937, № 2), Джека Линдсея (1938, № 4) и других отмечается значение творчества Маяковского в мировой поэзии.

В статье «Влияние Пушкина на болгарскую литературу» Людмил Стоянов полемически заостренно поставил вопрос о преемственности традиций Пушкина и Маяковского в болгарской поэзии, показав роль Маяковского в творческой эволюции Гео Милева и Христо Смирненского.

«Молодое поколение поэтов, особенно в первые годы после мировой войны, увлекается модными тогда экспрессионизмом, футуризмом, сюрреализмом. Пушкин временно остается забытым. Но реакция против модернизма, особенно под влиянием революционных стихов Маяковского, скоро вернула этих поэтов к простоте и стройности пушкинской формы и пушкинского реализма» (1937, № 2, стр. 178).

Материалы, опубликованные в «Интернациональной литературе» к десятой годовщине со дня смерти Маяковского, свидетельствовали о ширящемся интересе зарубежных писателей к творчеству поэта. Журнал выдвинул как первоочередную задачу создать высокохудожественные переводы Маяковского. Статья Гуго Гупперта «Немецкое воссоздание Маяковского» давала своеобразный очерк истории переводов Маяковского, вводя в творческую лабораторию одного из мастеров перевода.

«Интернациональная литература» сыграла немалую роль в сплочении мировой прогрессивной интеллигенции перед надвигающимся фашизмом. Журнал стал боевой трибуной крупнейших деятелей культуры. С его страниц звучали пламенные призывы Ромена Роллана, Анри Бар-

бюса, Генриха и Томаса Маннов, Лиона Фейхтвангера, Рабиндраната Тагора, обращенные к интеллигенции мира.

Перед угрозой фашизма, пришедшего к власти в Германии, нависшего над Европой, протянувшего лапу к республиканской Испании, объединяются представители различных эстетических и философско-социальных убеждений, образуя единый фронт от Ромена Роллана и Хьюлетта Джонсона до Андре Жида и Джона Дос Пассоса. Известно, что некоторые писатели, первоначально входившие в единый фронт защитников культуры и прогресса, затем перешли в лагерь реакции. К моменту созыва Первого Всемирного конгресса деятелей культуры, проходившего в Париже с 21 по 25 июня 1935 г., антифашистский фронт объединял большинство писателей. Трагический конец выдающегося деятеля испанской литературы Мигеля Унамуно наглядно показал, к чему может привести позиция «над схваткой», попытка остаться на «ничьей земле».

И. И. АНИСИМОВ

Гражданская война в Испании, охватившая страну после фашистского мятежа, вспыхнувшего в июле 1936 г., стала сигналом к сплочению фронта мира и цивилизации против фашистского средневековья.

Защита республиканской Испании превратилась в битву за мировую культуру и цивилизацию. В годы гражданской войны в Испании, когда эта страна приковывала к себе внимание всего мира, «Интернациональная литература» становится своеобразным дневником испанских событий. Журнал публикует документы героической борьбы испанского народа. Отделы «Хроника», «Факты и документы», «Отклики, письма, встречи» стали волнующей летописью международной солидарности.

В августе 1936 г. испанская революционная молодежь обратилась к молодежи мира: «На наших глазах в Испании рождается новая, лучшая жизнь и загорается заря светлого будущего. Сейчас мы переживаем опыт, решающий для современного мира. С одной стороны — прогресс, мир, культура и свобода — возможность создать жизнь, достойную человека. С другой стороны — война, возврат к временам и методам инквизиции, разрушение и горе... И вот в этих условиях мы просим вашей моральной и материальной поддержки. Вашей помощи, начиная с коллективных приветствий и кончая сборами в пользу раненых и семей тех, кто пал в борьбе. Ваших энергичных действий — таких же, как наши...» (1936, № 10, стр. 196).

Призывы республиканской Испании дошли в самые отдаленные места земного шара, встретив горячий отклик. Люди поняли главное: сегодня под Мадридом решаются судьбы европейской цивилизации. В первую очередь это со всей остротой осознала творческая интеллиген-

ция, устремившаяся в Испанию с тем, чтобы с оружием в руках защищать Республику. В рядах интернациональной бригады в Испании были писатели, составившие гордость передовой литературы мира: Михаил Кольцов, венгр Матэ Залка, немцы Людвиг Ренн, Вилли Бредель, Ганс Мархвица, англичанин Ральф Фокс, американец Эрнест Хемингуэй и многие другие.

Только в боях на мадридском фронте погибли Матэ Залка — командир интернациональной бригады, Ральф Фокс — политический комиссар английской колонны добровольцев, видный деятель английского коммунистического движения, один из самых блестящих литераторов-коммунистов Англии, молодые английские писатели: Джулиан Белл, Джон Корнфорд, Кристофер Кодуэлл (Сприг).

«Я не могу быть равнодушным к испанским событиям, я не могу спокойно болтать о культуре и справедливости, когда люди идут за нее на смерть» (1937, № 9, стр. 223). Эти слова Кристофера Кодуэлла, произнесенные перед отъездом в Испанию, хорошо передают отношение к испанским событиям деятелей культуры, защищавших от фашизма на испанской земле честь и свободу своих народов.

Мы пришли из города чужого,
Ненависть лишь принеся с собой.
Родину здесь обрели мы снова,
За Мадрид идя на смертный бой.

Эти опубликованные в журнале стихи немецкого поэта-антифашиста Эриха Вайнерта о легендарном батальоне имени Эрнста Тельмана, сражавшемся на испанской земле, передают дух интернационализма, пронизывающего поэтический отдел журнала.

Первым командиром этого батальона был коммунист Людвиг Ренн, бежавший в Испанию из застенков фашистской Германии.

«Если бы во всем мире было много таких людей, как Ренн, сейчас не было бы итало-германского вторжения в Испанию, не было бы вообще фашизма, так как последний обязан своим существованием в первую очередь трусости и бесхарактерности тех, кто ему покоряется»,— писал Альберт Эйнштейн в открытом письме Людвигу Ренну (1938, № 5, стр. 249).

Журнал «Интернациональная литература» систематически печатал документальные произведения писателей, побывавших на фронтах гражданской войны. Среди них очерки Луи Арагона «Думайте только об Испании», Ж. -Р. Блока «Испания! Испания!», Пабло Неруды «С Испанией в сердце» и др.

Сами заглавия позволяют судить о лирической тональности очерков, о глубоко личном отношении авторов к событиям.

Испанская тема навсегда стала своей в творчестве крупнейшего американского писателя Эрнеста Хемингуэя. В Мадриде в отеле «Флорида» под непрерывными бомбежками осенью и зимой 1937 г. писал Хемингуэй пьесу «Пятая колонна». Совместно с голландским режиссером Йорисом Ивенсом Хемингуэй работает над фильмом «Испанская земля» о борьбе испанских патриотов с фашистами. Сбор от просмотра фильма в Голливуде пошел в фонд республиканской Испании. Дикторский текст к фильму, написанный Хемингуэем, был напечатан в журнале (1938, № 12).

В журнале публиковались главы из книги очерков Хемингуэя «Война в Испании». Трагедийность испанских событий послужила основой для создания романа Хемингуэя «По ком звонит колокол», окрашенного горечью поражения. Однако художественный замысел писателя и его философско-историческое осмысление событий были восприняты по-

разному. Справедливая критика руководства республиканцев, одна из причин трагического поражения, была оценена тогда как клевета. Появление романа вызвало резкий протест со стороны соотечественников писателя из Интернациональной бригады Линкольна, сражавшейся на фронтах республиканской Испании (1940, № 11-12, стр. 364).

Сложность конкретно-исторической обстановки кануна второй мировой войны, а также неопределенность идейно-эстетической платформы помешали ряду писателей дать художественно и исторически правдивое изображение испанских событий. Это относится к роману Андрэ Мальро «Надежда» (1938, № 4—6).

Горячо сочувствуя испанскому народу, Мальро сражался в рядах республиканских войск в чине подполковника военно-воздушных сил. Однако субъективистские взгляды на историю и искусство сказались в его творчестве уже в те годы.

Журнал «Интернациональная литература» многое сделал для ознакомления советского и зарубежного читателя с литературой республиканской Испании. Бурно развивающиеся поэзия и проза молодой республики еще раз опровергли тезис о так называемой «дистанции времени» при изображении эпохальных событий в жизни народа.

Одной из особенностей новой революционной литературы Испании периода гражданской войны являлось параллельное развитие жанров. Одновременно с традиционным романсом получает развитие новый революционный романс, очерк и повесть, большая прозаическая и драматическая форма.

Романы и повести Рамона Сендера, Сесара М. Арконады, поэзия Рафаэля Альберти отличаются сочетанием документальности с художественностью.

Журнал широко представлял современную испанскую литературу. Рядом с произведениями крупнейших поэтов Испании Хуана Рамона Хименеса, Антонио Мачадо, Гарсиа Лорки печатаются стихи молодых поэтов, заявивших о себе в годы гражданской войны.

Журнал «Интернациональная литература» открыл русскому читателю творчество великого испанского поэта, расстрелянного фашистами в Гренаде в августе 1936 г., Федерико Гарсиа Лорки, опубликовав лучшие из его романсов и пьес, а также напечатав ряд статей об этом удивительном явлении мировой литературы. Пабло Неруда в своем слове о Федерико Гарсиа Лорке говорил: «Я не политик и никогда не принимал участия в политических схватках, но мои слова, в которых многие желали бы видеть спокойствие, окрасились страстью. Поймите меня! Поймите, что убит тот, кого мы, поэты Испанской Америки и Испании, по праву считаем лучшим из нас. Убийства Федерико Гарсиа Лорки мы никогда не забудем и не простим. Никогда» (1937, № 7, стр. 22).

Большая заслуга в популяризации испанской культуры журналом принадлежит его сотруднику Ф. В. Кельину. Крупнейший советский испанист, ученый и переводчик, доктор Мадридского университета Ф. В. Кельин, страстный борец за демократическое искусство Испании, с огромным энтузиазмом пропагандировал испанскую культуру. Его выступления по истории и современности, насыщенные острой проблематикой и гражданским пафосом, направлены против попыток фальсифицировать прошлое испанской культуры, объявить христианское смирение и терпение национальными чертами испанского народа. Серия «Испанских очерков» Ф. В. Кельина, его статьи «О героизме в испанской литературе», «Поэзия испанского народного фронта», «Культурная политика испанского народного фронта» и др. раскрывали новаторские черты новой испанской литературы, диалектическую взаимосвязь традиций и новаторства в истории ее культуры, подлинно народную основу древнего искусства Испании.

В июле 1937 г. представители 28 стран собрались на Второй международный конгресс писателей. В знак солидарности с республиканской Испанией конгресс проходил на испанской земле. Журнал «Интернациональная литература» публикует на своих страницах дневник конгресса, открывшегося 4 июля в Валенсии, продолжившего свои заседания в Мадриде и Барселоне, закончившего работу 17 июля 1937 г. в Париже.

Второй международный конгресс явился выражением братской солидарности прогрессивной интеллигенции мира с борющейся Испанией. В работе конгресса приняли участие Мартин Андерсен-Нексе, Генрих Манн, Пабло Неруда, Эрих Вайнерт, Людвиг Ренн, Эгон Эрвин Киш, Бертольт Брехт, Луи Арагон, Поль Вайян-Кутюрье, Жан-Ришар Блок, Андре Шамсон, Лэнгстон Хьюз, Николас Гильен, Антонио Мачадо, Эми Сяо, Хосе Бергамин, Рамон Х. Сендер и другие. От Советского Союза присутствовали Алексей Толстой, Александр Фадеев, Всеволод Вишневский, Илья Эренбург, Михаил Кольцов, Владимир Ставский, Агния Барто.

«Мы хорошо знаем, что мы победим с помощью культуры прошлого, борясь за культуру будущего!» (1937, № 9, стр. 40). Эти слова одного из делегатов конгресса — редактора газеты интернациональных бригад Курта Штерна — несли в себе уверенность в силах цивилизации и гуманизма, знаменем которых стала республиканская Испания.

Второй международный конгресс писателей продемонстрировал сплоченность прогрессивной интеллигенции мира перед лицом надвигающегося фашизма. Вновь со всей остротой, с доселе небывалой силой встал горьковский вопрос «С кем вы, мастера культуры?»

«Писатели и все честные интеллигенты мира! Займите свои места, подымите забрала, не прячьте своих лиц, скажите: «да» или «нет», «за» или «против»! Вы не укроетесь от ответа. Отвечайте же скорее!» — обратился со страниц журнала к интеллигенции мира Михаил Кольцов (1937, № 9, стр. 16, 19).

Второй международный конгресс писателей осудил отступничество Андре Жида, выступившего с клеветой на СССР.

От имени испанской интеллигенции, а также писателей стран испанского языка Хосе Бергамин заявил: «Здесь в Мадриде я прочитал новую книгу Андре Жида об СССР. Эта книга сама по себе незначительна. Но то, что она появилась в дни, когда фашисты обстреливают Мадрид, придает ей для нас трагическую значимость. Мы стоим все за свободу мысли и критики. За это мы боремся. Но книга Андре Жида не может быть названа свободной, честной критикой. Это несправедливое и недостойное нападение на Советский Союз и на советских писателей» (1937, № 9, стр. 8). Конгресс обратился с воззванием к писателям, интеллигенции и трудящимся всего мира о помощи республиканской Испании и героическому Мадриду.

Журнал «Интернациональная литература» наглядно показал, что трагические события, развернувшиеся на испанской земле, очень скоро перестали быть только испанскими, получив широкий международный резонанс. «В этот серьезный и решительный час, в этот час страданий испанского народа, я обращаюсь к совести человечества. Поддержите народный фронт в Испании! Поддержите народное правительство! Пусть миллионы остановят руку реакции! Спешите на помощь демократии, спешите спасти цивилизацию и культуру!» (1937, № 6, стр. 250),— призывал из далекой Индии Рабиндранат Тагор в воззвании Всеиндийской Лиги борьбы с войной и фашизмом.

«Мы всегда были друзьями Испанской республики. В годы ее страданий и героизма росла и наша любовь. Какие бы испытания ни пришлось претерпеть еще Испанской республике, она уже вписала своей кровью прекрасные страницы в историю человечества.

Она завещает свой бессмертный пример всем народам, ведущим войну за независимость; мучительные угрызения совести — трусливым державам, отказавшим ей в помощи, и вечный позор фашистским палачам Германии и Италии» (1938, № 6, стр. 226),— эти слова Ромена Роллана из его обращения к испанскому народу к седьмой годовщине провозглашения Республики выражали отношение к Испании мировой общественности.

Став боевой трибуной писателей-антифашистов, журнал систематически печатает материалы, показывающие, как в борьбе с фашизмом создавался и креп единый фронт деятелей культуры.

К двадцатой годовщине Октября в журнале под рубрикой «Героические биографии» публикуются яркие очерки о жизни и борьбе писателей, боровшихся за свободу республиканской Испании.

«Интернациональная литература» печатает многочисленные послания иностранных писателей к знаменательной дате — двадцатилетию Октября. «Идеей, воплощенной в жизнь»,— назвал Советский Союз Генрих Манн. Из своей французской эмиграции он писал к двадцатилетию Октября: «Большое счастье сознавать, что такое государство существует. Многих и многих спасет от отчаяния надежда, что и в их стране будет достигнута эта великая цель. Существование и пример Советского Союза дают нам силу не отворачиваться от действительности» (1937, № 11, стр. 199).

Приветствия прислали писатели борющейся Испании и Китая, Америки и Англии, Чехословакии и Болгарии и многих стран мира, где журнал «Интернациональная литература» нашел благодарных читателей.

В юбилейном номере напечатаны литературные портреты антифашистских писателей мира. Среди них — Рафаэль Альберти и Антонио Мачадо, Хосе Мансисидор и Лу Синь, Луи Арагон и Поль Вайян-Кутюрье, Томас Манн и Иоганнес Бехер, Эрих Вайнерт и Арнольд Цвейг, Мартин Андерсен-Нексе и Людмил Стоянов, Теодор Драйзер и Эрнест Хемингуэй, Бернард Шоу и Ричард Олдингтон, Вирджиния Вульф и Олдос Хаксли, Рабиндранат Тагор и Карел Чапек, писатели Италии и Венгрии, Эквадора и Уругвая, Швеции и Австрии. Уже один этот весьма неполный список дает представление о том, насколько велик и разнообразен был круг имен писателей мира, которых «Интернациональная литература» держала в сфере своего постоянного творческого общения.

Очерки «Антифашистские писатели мира» свидетельствуют о необычайной широте сложившегося к тому времени антифашистского фронта.

Едва ли можно упрекнуть редакцию, столь смело объединившую представителей нередко враждующих эстетических направлений и политических взглядов. В канун второй мировой войны, когда с предельной резкостью обозначилось два политических полюса, творческая интеллигенция оказалась перед выбором одного из путей. Третьего пути не было. Это поняли и осознали художники самых различных эстетических устремлений. Даже писатели модернистского направления, не участвующие своим творчеством в борьбе за демократию, не могли молчать перед лицом надвигающегося фашизма.

«Как может художник сегодня оставаться неподвижным в своей студии, созерцая свои модели? Он должен принять участие в политике; он должен объединиться с другими в группы, в ассоциации. Две цели стоят перед ним, обе полны глубокого значения. Он должен спасти себя. Он должен спасти искусство» (1937, № 12, стр. 121),— писала в те годы Вирджиния Вульф.

Покинувший Германию Генрих Манн обратился из эмиграции к деятелям культуры с требованием определить свою позицию: «Мы переживаем решающие дни. Пусть каждый для себя решит,— что делать. Тот, кто пойдет на компромисс со своей совестью, тот, кто ищет личной

свободы, стоит на краю бездны. Пусть каждый для себя решит,— с кем он. Либо утверждать себя, унаследовав культуру, либо от всего отказаться» (1938, № 8, стр. 232).

Публикуя широкий поток писем и документов, журнал показывает, как разными путями, чаще решительно и смело, порой с оглядкой и оговорками, все большее число писателей рвет с традициями аполитичности, вступая на дорогу открытой антифашистской борьбы.

В 1938 г. редакция «Интернациональной литературы» обратилась к писателям Западной Европы и Америки с просьбой высказаться на страницах журнала о современном международном положении в связи с растущей фашистской агрессией. На основании полученных ответов была напечатана анкета «Писатели мира против фашистской агрессии, за демократию, мир и СССР» (1938, № 10—12).

Редакция получила ответы от Ромена Роллана, Мартина Андерсена-Нексе, Вилли Бределя, Шона О'Кейси, Джона Пристли и многих других.

«Показательно, что все лучшие антифашистские бойцы положительно относятся к Советскому Союзу. Там черпаем мы физическую и нравственную силу; СССР для нас огромная, непобедимая крепость, исходный пункт и опора в борьбе с фашизмом» (1938, № 12, стр. 152),— писал в своем ответе старый друг Советского Союза Нексе. Проведенная «Интернациональной литературой» анкета красноречиво свидетельствовала о неуклонном процессе консолидации писательских сил, о все возрастающей симпатии к Советскому Союзу интеллигенции мира.

Анкета показала, что от политической пассивности к открытой антифашистской борьбе приходят все новые писатели, видя в СССР единственную силу, способную спасти мировую цивилизацию.

«Союз с СССР — залог мира, а только в обстановке мира могут процветать искусство и науки. Только в СССР могут совершаться великие дела, являющиеся жизненной необходимостью, дела, без которых жизнь не может двигаться вперед. Любая политика, исключающая СССР, является не политикой ослабевшего, но в прошлом тонкого ума, а политикой ума, который вообще никогда не был сильным» (1938, № 11, стр. 162),— заявил Шон О'Кейси.

Напечатанный «Интернациональной литературой» доклад секретаря ЦК Французской коммунистической партии Жака Дюкло «Права интеллигенции», прочитанный Пьером Жолио на многолюдном собрании в Париже 1 июня 1938 г. (на нем присутствовали Ирен Жолио-Кюри, Тристан Реми, Луи Арагон), прозвучал как манифест, обращенный к интеллигенции мира, как яркое свидетельство силы народного фронта во Франции:

«Как бы ни относились к нашим идеям, я уверен, что мы с вами согласны в одном: надо спасти культуру, представителями которой являетесь вы, культуру, которая принадлежит народу» (1938, № 11, стр. 182).

Журнал печатает антифашистские произведения немецких писателей-эмигрантов Анны Зегерс, Ганса Фаллады, Вилли Бределя, Бертольта Брехта, стихи Иоганнеса Бехера, Эриха Вайнерта, рисующие картины жизни и борьбы германского народа против фашизма. Со страниц журнала звучит властное требование противопоставить многовековую культуру Германии фашизму.

Печатая произведения писателей-антифашистов, журнал стремился раскрыть роль художественного слова в борьбе с фашизмом, за гуманистические идеалы человечества. Этим объясняется интерес журнала к историческому роману, достигшему столь яркого расцвета в литературе немецкой эмиграции.

«С тех пор, как я пишу, я стараюсь писать исторические романы для разума, против глупости и насилия, против того, что Маркс называл

«погружением в отсутствие истории». Возможно, что в области литературы существует оружие, действующее более непосредственно, но по причинам, которые я пытался вам изложить, мне ближе всего это оружие — исторический роман, и я намерен пользоваться им и дальше» (1935, № 8, стр. 132),— говорил Лион Фейхтвангер на Первом международном конгрессе защиты культуры («Смысл и бессмыслица исторического романа»).

«Интернациональная литература» указывает на закономерность превращения современного исторического романа Лиона Фейхтвангера, Генриха Манна, Бруно Франка в роман антифашистский. Критикуя субъективизм исторических концепций этих писателей, журнал вместе с тем отмечает их активное, пропагандистское отношение к истории. Создавая свои исторические романы, европейские мастера культуры защищали от посягательств фашистских историков и идеологов великое наследие прошлого.

«В исторических романах писателей-гуманистов Запада мы встречаемся с одной и той же глубоко правильной и глубоко плодотворной тенденцией. Все они поднимают на бой с силами современной реакции «старое, но грозное оружие» гуманистических традиций прошлого, все они воскрешают «старых богов» Европы, некогда сражавшихся за право человеческого разума против мракобесия и изуверства. Эта боевая, активная преданность величайшим традициям человечества и делает современный западный исторический роман большим культурным явлением»,— пишет Е. Ф. Книпович в статье «О современном историческом романе на Западе» (1937, № 5, стр. 192).

Первыми и наиболее взыскательными критиками «Интернациональной литературы» были ее читатели. Их многочисленные письма с разных концов Советского Союза и из-за рубежа, хранящиеся в архиве,— убедительное тому свидетельство. «Интернациональная литература» была журналом со своим лицом. Это был журнал международных связей советской литературы и советского читателя с зарубежным искусством слова.

Именно так оценивали «Интернациональную литературу» ее читатели. Этим же объясняются и многочисленные пожелания и критические замечания в адрес журнала. «Хотелось бы видеть больше материала по странам Южной Америки, Австралии, Канады»,— пишет один из читателей [14]. «Увлекаясь знаменитостями, я просил бы редакцию не забывать латино-американских, индийских, китайских писателей, знакомство с которыми для нас необходимо»,— советует другой читатель.

Одним из лучших в журнале читатели считают отдел «Литературное прошлое» и просят печатать отрывки из испанских классиков и классической китайской литературы, материалы о Стендале, Бальзаке, Шекспире, Золя, Гейне и других великих писателях. Наряду с этим в читательских письмах есть и иная тенденция. Так, один читатель из Пскова пишет: «Отдел «Литературное прошлое» расширять не следует. Несмотря на все значение писем и мемуаров Гете, Вольтера, Гонкуров и др., они сейчас не имеют актуального значения. Основной упор журнала должен быть на современность».

И тем не менее большой заслугой журнала остается то, что он познакомил советского читателя с письмами с фронта Анри Барбюса и дневниками Стендаля, очерками о Шекспире Ромена Роллана и статьей Адама Мицкевича о Пушкине, стихами Эжена Потье, Уолта Уитмена, Томаса Гарди, Николауса Ленау, лекцией Теккерея с Свифте, речами Виктора Гюго и Эмиля Золя, автобиографическими материалами Мар-

---

[14] Все читательские высказывания цит. по ЦГАЛИ, ф. 1397, оп. 1, № 26, 33.

ка Твена и Теодора Драйзера, мемуарами и дневниками Лоренса Стерна и Байрона, новеллами Сервантеса, новыми переводами из Чосера, Шекспира. Этот список, который можно было бы продолжить, убедительно свидетельствует, что отдел «Литературное прошлое» успешно продолжал дело, начатое библиотекой «Всемирной литературы», основанной А. М. Горьким.

Читатели хотели видеть в своем журнале наиболее полное представление литературной жизни мира во всем ее разнообразии. Один из москвичей справедливо подметил, например, что в журнале совершенно отсутствует юмор. «Как будто зарубежные писатели не знают сатиры и юмора».

Многие читатели 30-х годов сетуют на трудности подписки на журнал «Интернациональная литература». Ничтожно малым называют они тираж в 15 тысяч и ставят законный вопрос: «Почему в то время как «Октябрь», «Красную новь», «Знамя», «Новый мир» и «Звезду» можно везде и всегда выписать и достать в любом книжном магазине и киоске, «Интернациональную литературу» нельзя достать нигде и никак?»

Большинство читателей отмечало, что «Интернациональная литература» — один из лучших советских журналов тех лет. Однако внимательный глаз уловил к 1939 г. некоторый регресс журнала. Один из москвичей справедливо отмечал: «Если в прошлые годы, в частности в 1936, 1937 гг. и первой половине 1938 г., я мог по «И. Л.» довольно успешно следить за развитием западной литературы, быть в курсе литературных событий и книжных новинок, которые волнуют передовое общественное мнение Запада, то в этом году такая живая связь с западной литературой через посредство Вашего журнала совершенно мной утрачена».

«Интернациональная литература» была в середине 30-х годов одним из самых популярных журналов в Советском Союзе. Вводя все новые и новые отделы, редакция вела его талантливо, с любовью и проявляла много изобретательности, не давая застыть в узких рамках «специализированного журнала».

Вокруг журнала объединился коллектив работников-энтузиастов, хорошо знающих западную литературу и сумевших привлечь к непосредственному участию в нем многих демократических писателей Европы, Азии и Америки. Живая творческая связь с передовыми зарубежными писателями, уменье разобраться в сложных путях развития западной литературы в сочетании с публицистическим мастерством, способность рассматривать литературу как часть всей культуры в целом, в связи с политикой и борьбой демократии с реакционной буржуазией — все это помогло коллективу редакции «Интернациональной литературы» сделать журнал, как это неоднократно отмечалось в советской печати тех лет, не просто «поставщиком иностранной литературы», а талантливым антифашистским пропагандистом, выполняющим важную политическую задачу.

Все значительные произведения западных писателей, помещенные в «Интернациональной литературе», получают систематический отклик в критико-библиографическом журнале «Литературное обозрение».

«Интернациональная литература» не была просто собранием отдельных лучших произведений зарубежных мастеров слова. Выделяя и пропагандируя антифашистские, прогрессивные произведения, журнал тем самым участвовал в литературной жизни Запада. Русское издание «Интернациональной литературы» наряду с его иностранными изданиями, дававшими переводы наиболее талантливых произведений советских писателей, стало определенным фактором литературной жизни многих зарубежных стран.

Прогрессивная зарубежная журналистика с интересом следила за каждым новым номером «Интернациональной литературы», появлявшимся в переводах на иностранные языки. Жорж Садуль в своем обзоре новых журналов писал в апрельском номере «Коммюн» за 1938 г.: «Одним из журналов, дающих французскому читателю возможность лучше понять все значение советского гения в интеллектуальной области, является «Интернациональная литература» — французский журнал, издаваемый в Москве, на который мы часто обращали внимание наших читателей и который, к сожалению, у нас еще слишком мало читают» [15].

Швейцарский журнал «Конэтр» в обзоре «Интернациональной литературы» за 1937 г. писал: «Само собой разумеется, что в Швейцарии (как и в Гитлерии) запрещена продажа «Интернациональной литературы». Этим она обязана своему названию и тому, что издается в Москве. Достаточные причины для бернских цензоров! Однако публика смеется над ними и продолжает читать этот боевой и честный журнал» [16].

Истинные друзья журнала за рубежом всегда высоко ценили сочетание в нем литературных достоинств с общественно-публицистическим пафосом идей интернационализма. Один из больших друзей журнала — Теодор Драйзер писал в начале 1939 г. о своем впечатлении от «Интернациональной литературы»: «Журнал мне нравится, но я ото всей души хочу видеть в нем больше интернационального материала — статей из Англии, Франции, Италии — материалы о религии, правительстве, философии» [17].

Ведя обширную переписку с антифашистскими писателями мира (в 1938 г. ежемесячно за границу отправлялось 100—125 писем и 80—100 писем приходило), «Интернациональная литература» умела воздействовать на настроения и общественные позиции виднейших писателей. Эти писатели иногда в откровенной, иногда в прикрытой форме ставили в своих письмах вопросы, свидетельствующие о непонимании некоторых проблем, связанных с положением в СССР. Такие письма (Т. Драйзера, А. Барбюса, Р. Роллана, Генриха и Томаса Маннов, Р. Олдингтона и других) нуждались в обстоятельных ответах, а иной раз и в серьезных возражениях. Журнал считал своей задачей завоевывать крупнейших зарубежных писателей для дела строительства нового коммунистического мира.

До «Интернациональной литературы» в России не было журнала, который имел бы такой авторитет за рубежом, пользовался бы такой популярностью в самых различных странах мира, так горячо поддерживался бы прогрессивной мировой общественностью. Журнал, созданный по инициативе А. В. Луначарского, стал международной трибуной советской литературы, носителем самой передовой идеологии первой страны победившего социализма.

Годы наибольшего расцвета деятельности журнала — это тот период, когда его главным редактором был С. С. Динамов. Постановление ЦК ВКП(б) 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» сыграло решающую роль в развитии международных связей советского искусства, в деле широкого знакомства советского читателя с лучшими новинками зарубежной литературы. Журнал «Интернациональная литература» был для этого наиболее действенной и оперативной формой. Его главный редактор, прошедший в 20-е годы школу со-

[15] ЦГАЛИ, ф. 1397, оп. 3, № 59.
[16] Там же.
[17] Там же, оп. 1, № 832.

ветского журналиста-западника, сыграл решающую роль в определении лица и профиля журнала [18].

Организаторская энергия и диапазон творческих интересов С. Динамова вызывали уважение всех, кому приходилось знать его, работать вместе с ним. Уменье сочетать организаторскую деятельность с большой и плодотворной работой критика, публициста и историка литературы отличало всю недолгую творческую жизнь выдающегося советского литературоведа. За семь-восемь лет им опубликовано свыше трехсот статей и рецензий, а также несколько отдельных полемических работ: «Бернард Шоу» (1931), «Гете и современный капитализм» (1932), «М. Горький и Запад» (1932). Особенно много статей С. Динамова, публиковавшихся в журналах «Октябрь», «Новый мир» и «Интернациональная литература», посвящено проблемам английской и американской литератур. Творчество Уэллса, Шоу и Шекспира, Эдгара По, Марка Твена, Джека Лондона, Джона Рида, Шервуда Андерсона, Синклера Льюиса, Хемингуэя и Драйзера стало темой специальных статей С. Динамова.

С. С. ДИНАМОВ

Будучи членом редколлегий ряда журналов («На литературном посту», «Литература и марксизм», «Литература и искусство» и др.) и принимая деятельное участие в работе руководства МОРП, С. Динамов постоянно способствовал развитию международных связей советской литературы. Достаточно сказать, что дружественные связи великого американского писателя Теодора Драйзера с Советским Союзом завязались в конце 20-х годов и поддерживались целое десятилетие при самом непосредственном участии Динамова. Переписка редактора журнала «Интернациональная литература» с его большим американским другом [19]

---

[18] Сергей Сергеевич Динамов (настоящая фамилия Оглодков, 1901—1939) — сын московского рабочего. Его трудовая жизнь началась с двенадцати лет, сначала на текстильной фабрике, потом в типографии. В 1919 г. он вступает в члены Коммунистической партии и идет добровольцем в Красную Армию. После окончания гражданской войны Динамов заочно учится на факультете общественных наук Московского университета. В 1923 г. он начинает печататься в газетах «Рабочая Москва», «Красный воин». А в 1925 г. выходит книга стихов и рассказов С. Динамова «Крепь».

Продолжая учебу в аспирантуре Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), Динамов много печатается в журналах, сосредоточивая свое внимание на вопросах современной зарубежной литературы, особенно английской и американской. С 1930 г. Динамов на руководящей работе в Институте литературы и языка РАНИОН, в «Литературной газете». С 1932 г. он работает в аппарате ЦК ВКП(б), становится ответственным редактором «Литературы мировой революции», затем «Интернациональной литературы».

[19] См. публикацию писем Т. Драйзера к С. Динамову в «Филологических науках», 1966, № 4.

открывает волнующие страницы из истории советско-американских литературных связей.

Динамовым были установлены крепкие и постоянные связи журнала с крупнейшими писателями мира[20–21], со многими прогрессивными журналами и газетами за рубежом. Тираж «Интернациональной литературы» увеличился с четырех тысяч в 1933 г. до пятнадцати тысяч в 1937 г. (и сохранялся на этом уровне все последующие годы); тираж английского издания доходил до трех тысяч, французского — до двух тысяч.

Однако в августе 1937 г. деятельность С. Динамова оборвалась.

Репрессии 1937 г. тяжело отразились на зарубежных связях «Интернациональной литературы».

Но, несмотря на это, журнал продолжал благородное дело ознакомления советского читателя с лучшими новинками иностранной литературы.

✪

В 1939 г. журнал выпустил два тематических номера. Один из них (№ 5—6) был посвящен французской литературе в связи со стопятидесятилетием Французской революции. Он открывается «Марсельезой» (в переводе П. Антокольского), которую Морис Торез незадолго перед тем назвал «гением французского народа, сверкающим самой чистой его славой, выражением его глубокой преданности делу свободы и всеобщего мира»[22].

Славным революционным традициям французской литературы посвящена статья писателя Жана Кассу, ставшего через несколько лет участником движения Сопротивления.

В этом номере журнал напечатал только что появившуюся пьесу Ромена Роллана «Робеспьер»[23] и пламенную речь о Робеспьере, произнесенную на родине великого якобинца, в городе Аррасе 4 марта 1939 г. Морисом Торезом. Связывая воедино прошлое и настоящее, историю и современность, генеральный секретарь французской компартии накануне новой героической борьбы французского народа, воскресившей революционные традиции, заявил: «Нет, фашизму не угасить факел 1789 года! Несмотря на невмешательство и его последствия, ужасные для нашего народа, ужасные для республиканской Испании, несмотря на Мюнхен, несмотря на измены и предательства, французский народ не

[20–21] В архиве «Интернациональной литературы» (ЦГАЛИ, ф. 1397, 1206 ед. хр. за 1928—1943 гг.) хранится переписка журнала со многими десятками иностранных писателей. Среди корреспондентов журнала писатели и критики Англии: Т. А. Джексон, С. Дэй Льюис, Альфред Коппард, Джек Линдсей, Шон О'Кейси, Ричард Олдингтон, Джон Б. Пристли, Джон Соммерфилд, Герберт Уэллс, Алик Уэст, Гарольд Хезлоп, Олдос Хаксли, Бернард Шоу; Австралии: К. С. Причард; Бельгии: Франц Элленс; Болгарии: Людмил Стоянов; Германии: Франц Вейскопф, Фридрих Вольф, Эгон Эрвин Киш, Генрих Манн, Томас Манн, Ганс Мархвица, Людвиг Ренн, Бодо Узе, Лион Фейхтвангер, Бруно Франк, Арнольд Цвейг; Дании: Мартин Андерсен-Нексе; Индии: Мулк Радж Ананд, Рабиндранат Тагор; Испании: Рафаэль Альберти, Сесар Арконада, Антонио Мачадо; Италии, Китая, Мексики (Хосе Мансисидор), Польши (В. Броневский), США: Шервуд Андерсон, Ван Вик Брукс, Майкл Голд, Теодор Драйзер, Эрскин Колдуэлл, Джек Конрой, Джон Говард Лоусон, Ричард Райт, Эптон Синклер, Джон Стейнбек, Уолдо Фрэнк, Эрнест Хемингуэй; Франции: Луи Арагон, Жан-Ришар Блок, Шарль Вильдрак, Андре Вюрмсер, Жан Кассу, Роже Мартен дю Гар, Франсуа Мориак, Леон Муссинак, Ромен Роллан, Жорж Садуль, Эльза Триоле, Жан Фревилль; Чехословакии: Станислав Нейман, Карел Чапек; Чили: Пабло Неруда.

[22] Морис Торез. Избранные произведения, т. I. М., Госполитиздат, 1959, стр. 190.

[23] В следующем номере журнала появился критический анализ этой драмы Р. Роллана (И. Анисимов. Завершение цикла «Театр революции»).

откажется от своей исторической миссии защиты прогресса, свободы и мира» (1939, № 5-6, стр. 199).

В юбилейном номере даны переводы стихов современников и поэтов XIX в., посвященные Французской революции. В разделе «Прошлое» помещены речи Сен-Жюста в революционном Конвенте и письма о Французской революции немецкого писателя-демократа Георга Форстера, участника и свидетеля революционных событий.

Второй тематический номер журнала (1939, № 7-8) посвящен литературе США и советско-американским литературным связям[24]. Номер готовился к открытию международной выставки в Нью-Йорке.

Еще в феврале редакция журнала разослала крупнейшим писателям США и Советского Союза письма с просьбой прислать материалы для специального номера, посвященного советско-американским культурным связям.

Результатом этих запросов явилась интересная подборка «Перекличка через океан (американские и советские писатели о культурных связях народов СССР и США)». Американские писатели (Драйзер, Синклер, Лоусон, Колдуэлл, Стейнбек, Андерсон[25] и другие) с чувством большой симпатии говорили о Советском Союзе, о советском народе и его культуре. Не менее горячие отклики об американской литературе, классической и современной, прислали советские писатели (Вс. Вишневский, В. Катаев, Е. Петров, К. Федин, Л. Леонов, К. Чуковский, А. Корнейчук, С. Маршак, Я. Купала. К. Паустовский, А. Новиков-Прибой, В. Инбер, К. Тренев, Ф. Гладков и другие).

«Вместе с очень немногими своими соотечественниками,— писал К. Федин о Хемингуэе,— он показал европейскому и, в том числе, русскому читателю ту сторону душевной жизни американцев, которая страстно объединяет их со всем человечеством: тоску по общественной справедливости» (стр. 217). «Давайте вместе смотреть в будущее!» — так закончил свое обращение к американскому народу на страницах журнала Л. Леонов (стр. 218).

Значительное место уделил журнал литературному прошлому США. Помимо нескольких критических статей об американской литературе, о взаимосвязях литератур Америки и России, в номере опубликованы баллады и песни эпохи американской революции и Гражданской войны в США, отрывки из Марка Твена и биографии Джека Лондона.

2—4 июня 1939 г. в Нью-Йорке заседал Третий конгресс Лиги американских писателей, основанной в 1935 г. Работа конгресса, на котором присутствовало 453 делегата, в том числе 38 иностранных писателей, была посвящена теме «Писатель в борьбе за демократию». Луи Арагон, делегат Международной ассоциации писателей в защиту культуры, призывал американских писателей помнить о героической борьбе испанского народа против фашистских агрессоров.

Наряду с отчетом о работе конгресса «Интернациональная литература» поместила приветствия конгрессу от редколлегии журнала и от Пре-

---

[24] Первый тираж журнала (432 стр.) вышел в свет в августе 1939 г. В ноябре был допечатан второй тираж того же номера (295 стр.) Материалы о советско-американских литературных связях были исключены из второго тиража журнала.

[25] Высказывание Шервуда Андерсона не было опубликовано в журнале. Оно сохранилось в архиве «Интернациональной литературы» и представляет несомненный интерес: «Связи между американскими и русскими писателями возникли издавна. Мы, писатели Америки, были пробуждены и испытали глубокое воздействие гигантов русской литературы. Не побывав в России и будучи неподготовлен к тому, чтобы говорить о современном русском писателе со знанием дела, я, тем не менее, чувствую, что есть много общего как в наших двух странах, так и в той любви к жизни, которую чувствуют народы наших двух стран» (ЦГАЛИ, ф. 1397, оп. 1, № 786).

зидиума Союза советских писателей. В послании советских писателей, подписанном Асеевым, Толстым, Фадеевым, Фединым, Шолоховым и другими, говорилось об угрозе фашизма и о полуторавековой дружбе американского и русского народов: «Сто шестьдесят лет тому назад, когда молодой американский народ боролся за свою независимость, лучшие люди Европы пришли на помощь заокеанской демократии. Писатели всех стран пропагандировали идеалы американской революции. В царской России писатель Александр Радищев, сосланный в Сибирь за свои политические идеи, создал настоящий гимн в честь освобождения американского народа» (стр. 269).

Материалы Третьего конгресса американских писателей были получены в момент печатания номера и не могли быть широко представлены советскому читателю. Поэтому редакция обратилась к истории недавних лет и поместила отрывок из речи Э. Хемингуэя «Писатель и война», произнесенной им на Втором конгрессе американских писателей в июне 1937 г. Писатель поднимал в ней — своем первом публичном выступлении — особенно острый в те годы вопрос о гражданской честности писателя: «Настоящий хороший писатель будет признан почти при всякой из существующих форм правления, которая для него терпима. Есть только одна политическая система, которая не может дать хороших писателей, и система эта — фашизм... Фашизм — ложь, и поэтому он обречен на литературное бесплодие» (стр. 384).

Французский и американский номера «Интернациональной литературы» как бы подвели итог развитию культурных связей СССР с этими странами в 30-е годы и сами явились фактором упрочения зарубежных связей советской литературы.

В последнюю неделю августа 1939 г. события в Европе разворачивались со стремительной и трагической быстротой. Утром 1 сентября Европа проснулась в состоянии второй мировой войны. Фашизм начал агрессию против Польши, Балкан, Скандинавии, Франции.

Многие писатели Англии, Франции, США, которые ранее были тесно связаны с «Интернациональной литературой», после августа 1939 г. оказались в положении полной изоляции от СССР.

«Интернациональная литература» как одно из звеньев международных культурных связей СССР переживала в связи с войной тяжелое время. И хотя в эти годы в журнале появились такие выдающиеся произведения, как «Гроздья гнева» Дж. Стейнбека, «Лотта в Веймаре» Томаса Манна, начало автобиографической эпопеи Ш. О'Кейси и эпилог «Семьи Тибо» Р. Мартен дю Гара, интенсивность культурного обмена между странами Запада и СССР заметно спала.

За это время журнал отметил юбилеи Анатоля Франса, В. В. Маяковского, Эмиля Золя, А. М. Горького, Анри Барбюса, Л. Н. Толстого, Адама Мицкевича, Генриха Гейне, семидесятилетие Парижской Коммуны.

Специальным приложением к № 3-4 журнала за 1940 г.[26] были опубликованы зарубежные материалы к семидесятилетию со дня рождения В. И. Ленина. Среди них высказывания и воспоминания, документы мирового признания идей ленинизма, принадлежащие Т. Драйзеру, М. Андерсену-Нексе, И. Бехеру, Дж. Джерманетто, Эми Сяо и другим. Иоганнес Бехер проникновенно писал:

«Ленин — неисчерпаемая тема для художника. Его образ, глубоко человечный и многогранный, никогда не перестанет волновать и вдохновлять писателей и поэтов. Все вновь и вновь сталкиваясь с Лениным, мы всякий раз поражаемся тому, что он кажется нам совсем иным, как буд-

---

[26] С 1939 г. большинство номеров журнала выходило сдвоенными или даже строенными (№ 3-5 за 1942 г.).

то мы встречаемся с ним впервые. Это вечное обновление ленинского образа объясняется тем, что, приближаясь к нему, мы каждый раз бываем в состоянии охватить лишь некоторую часть этого необъятного человека-колосса. Ибо Ленин — исключительно редкий в истории пример всепроникающего гения, разрешающего самые жгучие жизненные вопросы для всех времен, для всех народов» (стр. XIII).

О своей встрече с В. И. Лениным в Кремле во время конгресса Коминтерна осенью 1922 г. рассказал на страницах журнала Мартин Андерсен-Нексе: «Сама внешность Ленина, его простота обличали в нем человека нового времени. Разговаривая с ним, каждый, самый простой человек чувствовал, что перед ним один из тех необыкновенных людей, кто рождается раз в столетие, а может быть, и в тысячелетие; и этот редкостный человек, здороваясь за руку, говорил: „Расскажи мне что-нибудь о себе, о своей жизни“» (стр. XII).

В отделе «Литературное прошлое» появились новые публикации из Беранже, Верхарна, Ленау, Бальзака, Байрона, Мериме, Чосера, Гарди, Гаркнесс, Уитмена, Шекспира и Сервантеса.

По-прежнему одним из наиболее интересных в журнале оставался отдел теории и критики. Именно в этом отделе советское литературоведение, занимающееся вопросами зарубежных литератур, сделало решительные шаги к преодолению вульгарно-социологических концепций, имевших распространение в изучении иностранных литератур в начале 30-х годов. Среди авторов критических статей — специалисты в области зарубежных литератур И. Анисимов (об Анатоле Франсе), Н. Вильям-Вильмонт (статьи о Лессинге, Гете, по теории перевода), Е. Гальперина (статьи о Р. М. дю Гаре и А. Франсе), И. Кашкин (об Эрскине Колдуэлле), Ф. Кельин (о М. Сервантесе), Е. Книпович (об Иоганнесе Бехере), А. Старцев (о литературе США) и другие.

В работах о крупнейших писателях Запада ставился вопрос о народной основе их творчества. Вопрос о народности великих писателей прошлого был в центре внимания советской литературоведческой мысли тех лет.

Задача освоения культурного наследия прошлого, стоявшая перед советскими писателями и критиками, практически решалась на страницах «Интернациональной литературы», постоянно обращавшейся к лучшему в художественном наследии.

В связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 26 ноября 1940 г. «О литературной критике и библиографии» редакция журнала провела реорганизацию и усиление критического отдела русского издания. Увеличилось число рецензируемых произведений зарубежных писателей и работ советских критиков о зарубежной литературе. В рецензиях и в обзорных статьях пропагандируются наиболее выдающиеся произведения современной зарубежной литературы.

Наряду с усилением литературно-критической работы в первой половине 1941 г. продолжали ослабевать зарубежные контакты журнала, на что редакция неоднократно обращала внимание. К лету 1941 г. фактически вся работа редакции держалась только на ее связях с несколькими иностранными писателями и корреспондентами. Перестала поступать нужная литература из многих стран мира. Полностью изолированной оказалась редакция от литературной жизни Англии.

Журнал готовился отметить столетний юбилей М. Ю. Лермонтова, когда вероломное нападение гитлеровской Германии прервало мирный труд советского народа. «Интернациональная литература» выпускает свой первый военный номер[27]. Ввиду общественно-политической важ-

[27] Вместо предполагавшегося юбилейного номера, посвященного М. Ю. Лермонтову, в сдвоенном выпуске журнала за июль-август 1941 г. напечатана подборка материалов к столетию со дня смерти великого поэта.

ности журнала его тираж остался прежним, хотя из-за нехватки бумаги, вызванного условиями военного времени, тиражи всех остальных художественных журналов были снижены.

Деятельность журнала, как и жизнь всего советского народа в годы Отечественной войны, была подчинена единой цели разгрома немецко-фашистских захватчиков. В 1942 г. главным редактором журнала становится Б. Л. Сучков.

Журнал печатает антифашистские стихи Бертольта Брехта, Эриха Вайнерта, Фридриха Вольфа, анонимные стихи из фашистского концлагеря и прозу немецких писателей-эмигрантов. «В тылу гитлеровской Германии» — так называется один из отделов первого военного номера журнала. Литературно-публицистические статьи написаны на тему «Фашизм — разрушитель культуры». Уже в самих названиях («Писатели, убитые фашизмом», «Почему фашисты не любят Гейне», «В стране, управляемой людоедами», «Германия подлецов») выражена прямая антифашистская направленность.

Журнал дает ряд актуальных подборок: «Мастера культуры о разбойном нападении Гитлера на СССР» (высказывания, статьи, телеграммы Т. Драйзера, Э. Синклера, Г. Манна, Г. Уэллса, Э. Хемингуэя, Л. Фейхтвангера, Ш. О'Кейси, а также редакций прогрессивных журналов, писательских и культурных организаций), «Славяне объединяются против фашистской тирании» (высказывания участников всеславянского митинга в Москве 10—11 августа 1941 г.).

Материалы, опубликованные в военных номерах журнала, полны ненавистью к германским захватчикам и мобилизуют мировую общественность на борьбу с фашизмом. В разделе «Героические традиции славянских народов» журнал печатает стихи о немецких псах-рыцарях Адама Мицкевича, отрывки из «Крестоносцев» Генриха Сенкевича (эпизод Грюнвальдской битвы), из романа «Против всех» Алоиза Ирасека. В главе «Битва при Жидкове» из книги Ирасека описан один из ярких эпизодов в истории гуситских войн — героической борьбы чешского народа против немецких захватчиков. Основная мысль отрывка — славян не удастся истребить немецким поработителям.

С героическими традициями прошлого перекликается современная поэзия славянского народа. Славяне уверены в победе над врагом. Об этом повествует стихотворение М. Важинской «Мы умножим славянскую славу».

Между выходом № 7-8 журнала за 1941 г. и следующим № 9-10 прошло полгода. Многое изменилось с лета 1941 г. до весны 1942 г. Фашисты понесли первое серьезное поражение в ходе второй мировой войны под Москвой, был развеян миф о непобедимости гитлеровской армии. Сплочение всех антифашистских сил мира предрешило конечный разгром фашизма.

С № 9-10 за 1941 г. и на протяжении всего 1942 г. в «Интернациональной литературе» все большую роль начинают играть материалы английской и американской литератур. Так, в двух последних номерах за 1941 г. приводятся избранные места из книги дочери американского посла в Германии Марты Додд «Из окна посольства», рассказывающей о режиме террора и насилия, царившего в фашистской Германии; глава из романа Эптона Синклера «Между двумя мирами», повествующая о фашистской Италии; московские репортажи Эрскина Колдуэлла, находившегося в Москве во время начала войны; подборка англо-американских военных новелл; рассказы английских летчиков о воздушных боях над Англией, о налетах на вражеские базы, откуда совершались разбойничьи нападения на английские города, о бомбежках военных объектов гитлеровской Германии.

Разделы критики и литературного прошлого также ориентировались

главным образом на английскую и американскую литературу. Значительный вклад в советское литературоведение, посвященное проблемам зарубежных литератур, внесли опубликованные в «Интернациональной литературе» в годы войны, когда издание литературоведческих работ было затруднено, статьи М. Морозова, Ф. Кельина, А. Елистратовой и других историков зарубежных литератур. Журнал печатал специальные подборки литературно-критических статей о русско-англо-американских литературных связях, материалы к 450-летию открытия Америки, к пятидесятилетию со дня смерти Уолта Уитмена, к шестилетию со дня смерти М. Горького.

В дни войны на первое место выдвигается жанр публицистического очерка, репортажа. Характерны уже самые названия: «Франция под пятой Гитлера», «Сельская Англия в дни войны», «Битва танков в пустыне» и т. д.

Писатели всего мира с уважением и сочувствием следили за героической борьбой советского народа и стремились помочь своим творчеством делу скорейшей победы над ненавистным врагом. Американский писатель Альберт Мальц, например, телеграфировал в сентябре 1941 г. редактору «Интернациональной литературы» Т. Рокотову: «Прошу использовать мой литературный гонорар на оборону Советского Союза» [28]. В редакцию журнала приходило много писем от зарубежных писателей, сотрудничавших до войны в «Интернациональной литературе». Их письма были полны энтузиазма антифашистской борьбы.

Из далекой Индии, где в частях английского военно-воздушного флота служил писатель Джон Соммерфилд, в редакцию «Интернациональной литературы», печатавшей его произведения в 30-е годы, приходили длинные взволнованные послания, написанные карандашом на простой солдатской бумаге. В одном из писем в сентябре 1942 г. Дж. Соммерфилд писал:

«Несмотря на войну Советский Союз продолжает жить культурной жизнью. Хотел бы я, чтобы то же можно было сказать о нас, живущих в несравненно более легких условиях...

Вам легко представить себе «духовную атмосферу», в которой мы жили в начале войны. Нападение на СССР в корне изменило объективную ситуацию. Оно вызвало у нас симпатии, надежды, энтузиазм, которые, казалось, совершенно изменят наше отношение к войне и к вопросу о роли в ней каждого из нас. И все же этой перемены не произошло; несомненно, отношение изменилось — вспыхнул огромный энтузиазм и восхищение Советским Союзом, как будто давно тлеющий костер вдруг разгорелся ярким пламенем. Но этот энтузиазм не был связан с нашей жизнью, он не проникал в нашу деятельность. Казалось, мы ведем совсем другую войну, чем вы...

Существует огромная разница между «духовной атмосферой» в СССР и в Англии, и эта разница особенно ясно видна в области литературы и искусства. Ваши писатели, художники и музыканты не просто выражают пламенный энтузиазм по поводу войны как войны — их энтузиазм является выражением чувств обыкновенных людей, работающих, сражающихся и жертвующих жизнью в этой войне» [29].

Сложность положения «Интернациональной литературы» заключалась в том, что по своей тематике журнал оказался в известной мере в стороне от героической борьбы советского народа против фашистских захватчиков. В годы войны журнал писал главным образом о подвигах английских и американских летчиков, антифашистской борьбе в порабощенных странах Европы или о жизни и размышлениях «мистера Бантин-

[28] ЦГАЛИ, ф. 1397, оп. 1, № 583.
[29] ЦГАЛИ, ф. 1397, оп. 1, № 603.

га в дни мира и в дни войны» (роман Роберта Гринвуда, печатавшийся в журнале в 1942 г.).

К 1943 г. англо-американская тематика окончательно возобладала в «Интернациональной литературе». Так, в последнем номере журнала (1943, № 1) из 160 страниц только 10 были написаны не на англо-американском материале.

В 1943 г. журнал, работавший в контакте с иностранной комиссией ССП, был переориентирован на зарубежного читателя, на пропаганду советской литературы за рубежом, что и осуществляли издания «Интернациональной литературы» на иностранных языках. Будучи организационно связанными с русским изданием, «Интернациональные литературы» на английском, немецком, французском и испанском языках были по существу другими журналами с другими целями и задачами.

Подводя итог пятнадцатилетней деятельности журнала «Интернациональная литература», следует прежде всего отметить его выдающуюся роль в развитии международных связей советской литературы. Все эти годы журнал был самым действенным источником живых контактов советского писателя и советского читателя с зарубежной литературой. Журнал впервые организовал систематическое знакомство русского читателя с произведениями многих зарубежных писателей и существенно способствовал изучению современной мировой литературы советским литературоведением.

Сатирическая журналистика («Крокодил», «Лапоть», «Смехач», «Чудак»)

В «Предиполсловии» к сборнику «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается», изданном в 1923 г., Владимир Маяковский писал:

«18, 19, 20-й годы — упадок сатиры.

Больше, чем драматическое, белое окружение не позволяло нам чистить себя чересчур рьяно.

Метла сатиры, щетка юмора были отложены.

Многое трагическое сейчас отошло.

Воскресло количество сатиры» [1].

С этой краткой характеристикой трудно не согласиться. Правда, сатирические издания выходили и в годы гражданской войны. Достаточно вспомнить «Соловья», «Красного дьявола», «Красную колокольню», «Гильотину» — журналы, в острой форме изображавшие внешних и внутренних врагов революции, «капитал его препохабие», и его присных. Но все эти журналы существовали недолго: порой издание, как это было с «Бовом» (1921), ограничивалось одним номером.

К 1923 г., когда «многое трагическое отошло», а в связи с нэпом оживилось мещанство и другие враждебные революции элементы, количество сатиры «действительно воскресло»: «Красный перец», «Крокодил», «Мухомор», «Дрезина», «Безбожник» и другие сатирические журналы быстро завоевали популярность. Качественно это были совершенно новые

[1] «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается». Москва — Петроград, изд-во «Круг», 1923.

издания, рожденные теми историческими социальными изменениями, которые произошли после победы Октябрьской революции.

Среди этих журналов самым массовым изданием быстро стал «Крокодил». Этому способствовала популярность «Рабочей газеты», которой он был обязан своим возникновением и при которой вначале издавался в качестве иллюстрированого приложения [2].

«Крокодил» унаследовал от «Рабочей газеты» партийность, принципиальность и боевитость, унаследовал читателей (рабочие — партийцы и близкие к партии широкие круги трудящихся). «Рабочая газета» питала его информацией.

Естественно, что в «Крокодиле» — первом советском сатирическом еженедельнике шли поиски тем, форм, жанров, приемов. Поиски эти были характерны для становления новой сатирической журналистики.

Поначалу огонь критики «Крокодил» сосредоточил на буржуазной и мещанской накипи нэпа. В манифесте «Красный крокодил, смелый из смелых,— против крокодилов черных и белых», подписанном Демьяном Бедным и «краснокрокодильской компанией», говорилось: «Пришло время для очистки нэповского Нила выпустить Красного крокодила» [3].

В стихотворении «Нечисть густо пошла» «Крокодил» объявлял спекулянтам, буржуям, купцам решительную борьбу: «Есть зубок у «Крокодила», мы посмотрим — кто кого».

Эту борьбу редакция повела не только с нэпманами, но и с людьми, подпавшими под их влияние. Интересен, с этой точки зрения, рассказ В. Кубанского «Слякоть быта», иллюстрированный рисунками М. Черемных, одного из первых «крокодильских» художников. Написанный в форме раешника, рассказ знакомит читателей с галереей персонажей, «подмятых» нэпом. Один из них, Павел, «героический боец», участник революции и гражданской войны, когда-то был хорошим товарищем, но «показалось рыло нэпа, все гоня на свой фасон», и Павел ушел от борьбы и «кем-то чем-то где-то служит на хорошеньком пайке».

Такова же история и бывшего «крамольного» студента, и активистки Маши, раньше работавшей в женотделе, а теперь погрязшей в мещанстве. Мрачная картина, изображенная в рассказе, завершалась призывом: «Смело всадим в рыло нэпа смеха острый красный нож» [4].

В № 4 «Крокодил» помещает «Басню без заглавия», в которой высмеивает бюрократов, любителей пустых заседаний в комиссиях и арбитражах. Стихотворение и карикатура в № 5 журнала направлены против протекций и охотников «порадеть родному человечку». Помещает журнал и юмористические рисунки, отражающие черты нового быта. Рисунок М. Черемных и стихотворение Вас. Лебедева «Поэзия ремонта» рассказывают о восстановлении московских зданий, обновлении площадей и улиц [5], а рисунок Чермалмоора (М. Черемных, И. Малютина, Д. Моора) «Два новобранца» изображает проводы в солдаты «прежде» и «теперь». Современный новобранец идет в армию трезвым и не с пением «Последнего нынешнего денечка», а под звуки «Интернационала» [6].

---

[2] Большинство советских сатирических журналов 20-х годов возникло при газетах на правах приложений. С августа 1927 г. вслед за «Крокодилом» такое приложение начинает издавать ленинградская «Красная газета». Это приложение затем было преобразовано в сатирический журнал «Красный ворон» (1922—1924). В 20-х годах «Красная газета» издавала сатирические журналы «Бегемот» (1924—1928), «Пушка» (1926—1929), «Ревизор» (1929—1930). В Москве в эти годы выходили «Красный перец» (1923—1926) и «Заноза» (1924) при газете «Рабочая Москва»; «Дрезина» (1923—1924) и «Смехач» (1924—1928) при «Гудке»; «Бузотер» (1924—1927), «Бич» (1927—1928) при «Труде»; «Лапоть» (1924—1933) при «Крестьянской газете» и другие журналы.

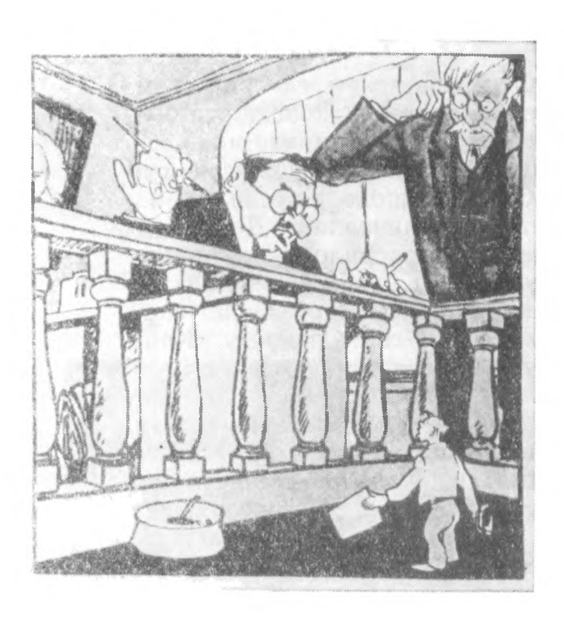
[3] «Крокодил», 1922, № 1.

[4] Там же.

[5] «Крокодил», 1922, № 8.

[6] «Крокодил», 1922, № 9.

Если подобные юмористические рисунки мирно уживались в журнале рядом с сатирическими, то фотоочерки, которые появились в «Крокодиле» в том же 1922 г., выглядели в сатирическом журнале несколько необычно. В очерке «Грознефть» («Крокодил», 1922, № 10) говорилось о том, что мешает развитию Грознефти, критиковался Госплан и другие учреждения, мало заботящиеся о развитии нефтяного хозяйства. Критическая корреспонденция, естественно, могла найти место на страницах журнала. Но значительная часть очерка о Грознефти и иллюстрирующих его фотоснимков никакого отношения к журналу сатиры и юмора не имела.

— СКОЛЬКО РАЗ Я ВАМ ГОВОРИЛ «ПРИХОДИТЕ ЗАВТРА», А ВЫ ВСЕГДА ПРИХОДИТЕ СЕГОДНЯ!
Рис. К. Елисеева. «Крокодил», 1925.

Вслед за «Грознефтью» редакция, как бы стремясь уравновесить «отрицательную», сатирическую часть журнала, помещает серию «положительных» документальных очерков «Мосмукомол. (Победа на хозяйственном фронте)» [7], обильно иллюстрированных фотографиями героев труда. Подробно рассказал «Крокодил» и о новых типах самолетов, объявив, что «каждый гражданин должен знать о том, чего он может ждать от аэроплана в великой борьбе пролетариата на полях брани и на культурной ниве!» [8] К концу 1922 г. подобные очерки исчезли со страниц журнала.

В журнале появляются материалы о непорядках на производстве, на транспорте, в сатирических заметках и рисунках «Крокодил» выступает против религиозных предрассудков, пьянства и хулиганства. Тема борьбы с нэпом и его идеологией по-прежнему остается одной из ведущих в журнале.

Так, в стихах Д. Бедного («Крокодил», 1922, № 5) разоблачение беззаконий «частных предпринимателей» сочетается с агитацией за вступление рабочих в профсоюзы, ибо

Власть разъевшегося пуза
Одиночкам лишь крута.
Знай, товарищ, без союза
Пролетарий — сирота!

В. Маяковский в стихотворении, опубликованном в том же номере, изображает печальной памяти «Казино» в Каретном ряду — «зрелище оное — очень агитационное». Поэт предлагает «сделать в двери дырку-глазок», в которую мог бы заглянуть рабочий —

При виде шестиэтажного нэповского затылка
Руки начинают чесаться пылко.

---

[7] «Крокодил», 1922, № 12 и № 14.
[8] «Крокодил», 1922, № 13.

Разнообразно трактовалась тема нэпа и в карикатурах Д. Моора «Из жизни Крокодила», И. Малютина «Раньше и теперь» (1922, № 4), Б. Ефимова «Белые рабыни» (1922, № 7).

Такое большое внимание к нэпу со стороны «Крокодила» было, конечно, не случайным. Орган ЦК РКП(б) журнал «Красная печать» в редакционной статье «Печать в современных условиях» подчеркивал одну из главных задач газет и журналов — «борьбу с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией»[9]. Борьба эта шла в сложных условиях, когда оживившаяся буржуазная пресса и бульварные листки, вроде московской «Тачки», пытались оказывать влияние на массы, искали пути к расширению своей деятельности. «Крокодил» и другие советские сатирические журналы должны были противопоставить обывательскому хихиканию настоящую революционную сатиру.

Свои позиции обывательская пресса почти не маскировала. Именно на мещанина, новоявленного нэпмана, она и делала ставку, на их поддержку и рассчитывала. Неспроста «Тачка» (полное ее название — «Тачка прокатывает всех») в одном из первых номеров сочувственно изобразила положение обывателя при Советской власти:

Чистит жизнь карманы шибко,
Как бандит иль неприятель.
Весь ободран я, как липка,—
Обыватель[10].

Если «Крокодил», давая разоблачительные материалы о взяточничестве, утверждал, что «только теперь, при Советской власти объявлена этому злу война»[11], «Тачка» помещает «первополосный» рисунок «Покорительница сердец», которым пытается утвердить постоянное всесилие взятки. На рисунке изображена цветущая дама. Вокруг нее толпятся служащие, железнодорожники и т. д. Рисунок сопровождает следующий «сатирический» текст:

Она царит во всей красе
И лавры пожинает,
За ней ухаживают все,
Она сердца пленяет[12].

Аналогично подает журнал и тему нэпа. Ей посвящены десятки обычно анонимных, как это было принято в «Тачке», материалов. Журнал с удовольствием печатает «нэпманские» пословицы: «На жалованье надейся, а нэп не забывай» или «Ешь в ресторане пирог с грибами, а за кошелек держись зубами»[13]. Об обличении нэпманов здесь, конечно, не было и речи. «Тачка» не шла дальше беззубого анекдота: «Уверяю вас, Яков Маркович, что лучшего компаньона вам не найти. У меня есть опыт, а у вас — деньги. И вот вы увидите, что не пройдет и месяца, как опыт будет у вас, а деньги у меня»[14].

Понятно, что подобная «сатира» вызвала резко отрицательную оценку многих советских изданий. «Тачку» высмеивал в карикатурах журнал «Прожектор». «Крокодил» написал своей читательнице: «Что вы стихи Саши Черного переписали и за свои выдаете — еще не беда. А вот из «Тачки» списывать и нам присылать так это уж настоящее свинство. Такой дряни не печатаем»[15].

---

[9] «Красная печать», 1922, № 1.
[10] «Тачка», 1922, № 2.
[11] «Крокодил», 1922, № 10.
[12] «Тачка», 1922, № 2.
[13] «Тачка», 1922, № 7.
[14] «Тачка», 1922, № 20.
[15] «Крокодил», 1923, № 15.

Проблемы развития советской сатиры становились все более актуальными. Особенно остро стал вопрос о «сатирических кадрах». Михаил Кольцов еще в 1919 г. в статье «Русская сатира и революция», отмечая заслуги Демьяна Бедного, сетовал, что пролетарская сатира еще скудна и нет притока сил снизу [16]. Он ратовал за появление «злых и громокипящих сатириков из рабочих кварталов».

В 1922 г. картина изменилась. Правда, во многих сатирических журналах, главным образом ленинградских, продолжали сотрудничать бывшие сатириконцы и питомцы «Бича», но многие из них — такие, как И. Малютин, Б. Антоновский, А. Радаков, Л. Бродаты, А. Бухов, В. Князев, О. Л. Д'Ор и другие,— перешли на новые позиции и стали в ряды советских сатириков. Кроме того, и этого нельзя было не заметить, рождались новые мастера и подмастерья сатирического жанра, сформировавшиеся как писатели или журналисты уже в годы революции и гражданской войны, начавшие творческую жизнь в молодой советской прессе.

Круг этих сатириков на первых порах был не широк. На страницах «Крокодила» первого года рождения из номера в номер мелькают фамилии начинающих журналистов, руками которых, главным образом, и делался журнал. Причем, В. Лебедеву-Кумачу, например, приходилось в одном номере выступать два-три раза, подписывая рассказы «Вас. Лебедев», стихи «В. Кумач», эпиграммы «В. Л.», анекдоты — «Векум». Зачастую в одном номере выступал в ролях прозаика и стихотворца и Н. Иванов-Грамен.

Охотно и много печатались в «Крокодиле» и другие новички: А. Архангельский (под псевдонимом «дежурный секретарь Архип»), Г. Рыклин, дебютировавший в № 3 журнала рассказом «Денежный разговор», А. Исбах, опубликовавший в № 5 «Обыкновенную историю», И. Шехтман (его псевдонимы — И. Свэн, И. Кремлев) и другие. «Старейшиной» этой молодой «краснокрокодильской компании» стал Демьян Бедный, участие которого вместе с Владимиром Маяковским, постоянным сотрудником «Крокодила» [17], придало журналу боевую принципиальность и сатирическую остроту.

Идейным вдохновителем, душой «Крокодила» был его первый редактор знаменитый правдист «Дядя Костя» — К. С. Еремеев. «Под его руководством работалось удивительно легко и радостно, хотя обстановка была подчас трудной,— вспоминает один из первых сотрудников «Крокодила» И. Абрамский.— Он умел передавать работникам свою огромную энергию и непреклонную веру в дело, которое зачинал» [18].

Говоря об авторском активе «Крокодила», нельзя забывать еще об одном авторе — новом, не виданном буржуазной печатью — о читателе журнала.

Практика сатирических журналов 20-х годов убедительно показывает, что там, где этот автор активно помогал изданию, присылал заметки, отклики, критические сигналы, там журнал жил полнокровной жизнью, был боевым и бил по нужным мишеням.

Читатель пришел в советские сатирические журналы с первых их номеров. Отчасти это объясняется тем, что почти вся сатирическая журналистика 20-х годов начиналась, как мы уже говорили, в качест-

---

[16] «Стихи и проза о русской революции».— Сб. «Современная мысль». Киев, 1919, стр. XI.

[17] В «Крокодиле» Маяковский опубликовал несколько десятков стихотворений, в том числе и знаменитую серию 1928 г. «Трус» (№ 28), «Пампадур» (№ 29), «Плюшкин» (№ 31), «Халтурщик» (№ 33), «Столп» (№ 36), «Зевс-опровержец» (№ 37), «Подлиза» (№ 44), «Сплетник» (№ 47), «Ханжа» (№ 48) и др.

[18] «Советская печать», 1962, № 9, стр. 45.

ве приложений к большим партийным и советским газетам. Все эти приложения уже при возникновении располагали читательскими письмами, которые приходили в газеты. Журналы сумели найти этим письмам самое разнообразное применение.

В № 7 «Крокодила» появляется созданная по инициативе К. С. Еремеева «Страничка читателя», где печатались письма читателей, и «Почтовый ящик» — ответы редакции на присланные в журнал материалы.

Идея «Почтового ящика» была не нова. В свое время остроумными ответами профессиональным юмористам и юмористам-любителям прославился редактор «Сатирикона» А. Аверченко, отводивший «Почтовому ящику» непременное место в каждом номере журнала. Используя эту традицию, «Крокодил» стал регулярно помещать ответы примерно такого рода:

«Минск. В. Дробову.— «Посылаю что-то вроде фельетона»,— пишет т. Дробов.

Что-то вроде фельетона попало во что-то вроде корзины»[19].

В «Почтовом ящике» появлялись ответы и на те произведения, которые не могли быть напечатаны в журнале, но представляли интерес с фактической стороны. «Крокодил» в таком случае цитировал читательскую заметку или стихотворение и давал свой комментарий. Так поступил он, например, с «невероятно длинным» стихотворением, в котором критиковался за пьянство председатель одного из волсоветов. «Крокодил» поместил из всего стихотворения лишь две строчки.

— ВСТАНЬ, ТОВАРИЩ. К СОЦИАЛИЗМУ НЕ ДОЙДЕШЬ НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ.
Рис. М. Черемных. «Крокодил», 1929.

Председатель волсовета
Пьет безмерно, как свинья,

и добавлял от себя:

Просит взгреть его за это
Крокодилова семья»[20].

Но главное место на «Страничке читателя» занимал не «Почтовый ящик», а письма самих читателей. «Пишите мне обо всем!» — просил «Крокодил» и охотно печатал небольшие юморески, заметки, стихи, а порой и рисунки, присланные читателями. Не сразу была найдена форма подачи писем. Некоторые из них, хотя и содержали критический материал, были написаны сухим языком, без тени юмора. «Крокодильцы» стали комментировать письма, давали к письмам карикатуры.

[19] «Крокодил», 1922, № 14.
[20] «Крокодил», 1922, № 8.

Позже читательская корреспонденция стала обрабатываться в журнале. Так родилось «юмористическое письмо» читателя, ставшее традиционным.

«Мы, друзья, будем делать журнал по-иному,— говорил «крокодильцам» К. С. Еремеев, анализируя опыт «желтой» прессы.— И в этом нам помогут рабочие письма и сама жизнь, врывающаяся в редакцию вместе с письмами и заметками о повседневных рабочих нуждах» [21].

«Крокодил» заботился о крепких, постоянных связях с читателями. С этой целью журнал проводил среди них анкеты и «конкурсы»: «на совдурака» (1923), «на самого круглого хозидиота в СССР, самого безответственного совбюрократа и самого отъявленного лодыря» (1926).

Читательские письма печатались и в другом «еремеевском» отделе «Вилы в бок», появившемся в журнале с № 1 (тогда он назывался «Вилами в бок»). Сначала в этом отделе критиковались провинциальные газеты и журналы, которые печатали на своих страницах благоглупости или демонстрировали свою неграмотность. Иногда «Крокодил» перепечатывал «местную» заметку для того, чтобы выставить ее «героев» на всесоюзное осмеяние, сопровождая цитату стихотворным комментарием редакции.

Однако вскоре «крокодильцы» решили и этот отдел строить на письмах читателей. В журнале появились выразительные призывы: «А ты послал материал для отдела «Вилы в бок?» Остроумно обработанная читательская информация позволила сделать «Вилы в бок» боевыми страницами журнала. Отдел значительно разросся за счет злободневных заметок о бюрократах и волокитчиках, взяточниках и головотяпах — о всех «негероях нашего времени», доставленных на страницы журнала читателями — «крокодильскими корреспондентами» («крокорами»).

О значении этих начинаний для «Крокодила» писал в 1965 г. один из его первых сотрудников И. Кремлев: «Сегодня груды читательских писем никого не удивляют. Но сорок с лишним лет назад органическая связь сатирического журнала с тысячами читателей осуществлялась впервые. Скоро на «Крокодил» начали уже смотреть как на рьяного и надежного защитника от всех тех, кто из корыстолюбия или по глупости покушался на завоеванные революцией права» [22].

Методы работы «Крокодила» с письмами читателей, организация института «крокоров», революционная направленность его сатиры, тематическое разнообразие — все это служило образцом для других сатирических журналов, делавших вслед за «Крокодилом» свои первые шаги. «Крокодил», возглавляемый К. С. Еремеевым, сыграл ведущую роль в формировании советской сатирической периодики.

В конце 1923 г. К. С. Еремеев был переведен на другую работу. Некоторые ведущие «крокодильцы» (Д. Моор, М. Черемных и др.) сосредоточивают свою деятельность в новых, организуемых с их помощью сатирических журналах. Все это не могло не сказаться на самом «Крокодиле». Письма читателей, их «острые сигналы» почти исчезают с его страниц. В середине 1924 г. закрывается один из лучших отделов — «Вилы в бок». Рабкоровская заметка оказалась вытесненной произведениями штатных сотрудников. «Политическая острота, злободневность, масштабность сатиры «Крокодила» заметно снижаются» [23].

---

[21] «Советская печать», 1962, № 9, стр. 47.

[22] И. Кремлев. Трубка Крокодила. М., Политиздат, 1965, стр. 152.

[23] С. Стыкалин, И. Кременская. Советская сатирическая печать. М., Госполитиздат, 1963, стр. 188.

К 1925 г. определились новые объекты сатиры «Крокодила» и его собратьев. Нэп медленно сдавал свои позиции, и хотя он еще был под прицелом, главный огонь был направлен на пережитки прошлого в сознании человека, строящего социалистическое общество. Журналы боролись (в меру своих способностей) за новое отношение к труду и новые отношения в быту, за ликвидацию неграмотности, против пьянства и хулиганства. Огонь сатириков был направлен на бюрократизм. Продолжали появляться на страницах журналов рассказы и фельетоны о деревенских кулаках. Отводилось место в журналах и международной тематике — делам и дням капиталистов всех мастей.

Разумеется, при общности содержания каждый сатирический журнал искал и находил свои, специфические сатирические формы. Ведь и читатели у них были разные: «Крокодил», как указывалось, предназначался для рабочих — членов партии и широких кругов передовых трудящихся, близких к РКП(б), «Смехач» адресовался к железнодорожным рабочим, «Лапоть» был рассчитан на крестьян.

Пожалуй, ориентация на своего читателя наиболее ярко сказалась в «Лапте». «Лапоть» появился позже «Крокодила» и «Смехача» — его первый номер вышел в ноябре 1924 г. Читательская аудитория была определена уже в подзаголовке — «веселый и ядовитый крестьянский журнал». Сообщалось, что он намерен «бить лаптем по шее» врагов крестьянства. На обложке первого номера был изображен крестьянин, высыпающий из огромного лаптя кулака, самогонщика, взяточника. Крестьянин обращался к девочке, стоящей рядом также с лаптем в руках: «Гляди ты! Остались еще проклятые паразиты... Добивай, дочка, подряд, а то и твою жизнь заедят!»

Журнал старался говорить простым, ясным языком, смеяться весело, а порой и ядовито. Очень любили сотрудники «Лаптя» рифмованную прозу, так называемый раешник, который широко использовался в одном из лучших отделов журнала «Лаптем по шее». По своему материалу и по названию отдел напоминал «крокодильский» («Вилами в бок»). Однако обрабатывались читательские письма иначе. От письма в «Крестьянскую газету», при которой издавался «Лапоть», и сообщений селькоров, писавших непосредственно в журнал, оставалось две-три фразы, вкрапленных в сатирическую заметку, написанную в форме раешника. При этом журнал обращался не к читателю вообще, а как бы к каждому из них персонально: «Вот какой в Рязанской гу-

бернии случай. Садись, да слушай!» Изложив суть дела (в заметке, начало которой мы привели, речь шла о председателе райсельсовета Шерехове, эксплуатировавшем труд крестьян), журнал давал свое заключение: «Дело ясно для всего света: стал кулаком предрайсельсовета. А кулакам в совете не место — это тоже всем известно. А чтобы Шерехов не жирел на крестьянском теле — надо луга сдавать деревенской артели. Во! И больше ничего»[24].

При помощи раешника редакция стремилась расширить границы конкретного факта, обобщить его, разъяснить читателям его значение. Сообщения о «деяниях» отдельных кулаков, бюрократов, церковников, знахарей превращались на страницах журнала в выступления против кулачества, бюрократизма, религии. Редакция умела так подать читательские письма, что они становились отличным материалом для агитации за деревенские артели, грамотность, культуру.

Пристрастие сотрудников «Лаптя» к рифмованной прозе сказалось и в афористичных рифмованных заголовках («Прибаутка, от которой жутко!», «Такой совхоз доведет до слез», «Культурные работнички — до самогона охотнички» и т. д.), рифмованных подписях к карикатурам. Успешно культивировал «Лапоть» и форму сказки (например, «Сказки-складки про наши непорядки»), диалога («Прибаутки на две минутки»), частушки под трехрядку и без нее, народного анекдота, загадки и т. д.

Правда, в стремлении «потрафить» читателю журнал иной раз сам становился не очень грамотным и вместо того, чтобы бороться за культуру речи, изъяснялся на ломаном псевдокрестьянском «диалекте»: «канпания», «сумление» и тому подобные «крестьянские» слова пестрят в журнале, особенно в 1924 г. и первых номерах следующего года. Но затем журнал становится строже к себе, и хотя форма раешника по-прежнему популярна в нем, коверкание языка постепенно исчезает.

«Лапоть», не без основания считая раешник одной из самых доходчивых форм, поднимал в нем наиболее важные темы. Короткий, веселый, зубастый раешник обычно открывал журнал, успешно выполняя роль передовой. Например, раешник Д. Долева «Рассказывается не зря про деда Вавилу, про внуков Петра и Гаврилу, про годовщину Октября, а также про то, как старуха Матрена поверила в советского агронома» и его же «Письмо о политике» («Есть, братцы, страна заграничная с виду очень приличная...») открывали второй и третий номера журнала за 1924 г.

Краткость становится законом для авторов «Лаптя» — и в этом также проявилась установка на читателя. Самые большие материалы занимали здесь максимум полстраницы. Как правило, на полосе умещались «сказочка», «частушки-лаптюшки», рассказ и одна-две карикатуры.

Вопреки разговорам об отсутствии объектов для советской сатиры, о недопустимости «смеха над победителями», журнал сумел в своих передовых, да и в других материалах показать врагов крестьян, и найти место для осмеяния медленно поворачивающегося к деревне горожанина.

Взаимоотношения крестьян и рабочих, связь деревни с городом, так называемая «смычка» — одна из основных тем «Лаптя».

Уже на обложке первого номера он провозгласил: «Да здравствует союз крестьян и рабочих!» Этой теме нередко посвящалось в одном номере несколько материалов. В № 1 (1924) публикуется «рассказ из нынешних времен» — «Иван да Семен» В. Лебедева-Кумача, рисунки

[24] «Лапоть», 1924, № 1.

К. Елисеева «Город-друг, гони плуг!» и «Крепи рабоче-крестьянскую смычку, суши торгаша в спичку!» В. Лебедев-Кумач изображает старательного Семена и его брата, рабочего Ивана. Иван обещал помочь деревенскому труженику, но забыл об этом. Правда, он во-время опомнился, осознал свою ошибку и привез в деревню Семену новый плуг. Идея рассказа выражена недвусмысленно самим Иваном в словах, обращенных «под занавес» к брату: «Не проживем мы друг без друга: я без хлеба, ты без плуга!»

Дидактичность подобных рассказов искупалась юмором положений, в которые попадали герои, сочностью языка. Сотрудники «Лаптя» вели с читателем разговор как бы от лица сметливого, умудренного опытом мужичка, хорошо по-своему, по-крестьянски разбирающегося в современной жизни, любящего поучать, советовать, умеющего посмеяться и зло и добродушно.

Склад речи этого героя оказался настолько заразительным, что стал проскальзывать и в языке персонажей явно городского происхождения. Так, в упомянутой карикатуре К. Елисеева «Город-друг, гони плуг!» городской бюрократ, агент по снабжению, так отвечает крестьянину: «А вот погоди: выясню спрос — пошлю в центр запрос. Получу в ответ отношение — приму решение: теперь заказ передать или еще обождать. Глядишь к лету и плуг будет!...»[25] Редакция еще не всегда находила тон разговора с читателем.

Добилась же она главного — доступности, доходчивости своих выступлений. Свидетельство тому — обильная корреспонденция селькоров, которая использовалась не только в отделе «Лаптем по шее», но и в других, появившихся в журнале позже,— «В Лапоть», «Сор из избы», «И еще кланяемся» и т. д. Быстро рос и тираж журнала. С 25 тысяч экземпляров первого номера он вскоре возрастает вдвое, а затем и втрое.

В «Лапте» сотрудничали почти те же авторы, которые выступали в «Крокодиле», «Смехаче» и других сатирических журналах: А. Архангельский, В. Лебедев-Кумач, М. Зощенко, М. Козырев, А. Григорович, Б. Антоновский, Л. Бродаты, Д. Моор, А. Радаков, И. Малютин. Секрет успеха редакции «Лаптя» — в том, что она сумела заставить этих авторов работать на ту аудиторию, которую она обслуживала, четко определила цели и задачи издания. Недаром А. М. Горький, приветствуя «Крестьянскую газету» в связи с ее десятилетием, писал: «Ее «Лапоть» весьма умело бил кулаков, лентяев, жуликов»[26].

Умение «Лаптя» найти свой подход к читателю проявилось, разумеется, не только в фельетоне, сказке, частушке, но и в карикатуре.

Карикатура в советских сатирических журналах 20-х годов получила бурное развитие. Художники-карикатуристы сатирической периодики успешно продолжали лучшие традиции РОСТА. Традиции эти сказались, прежде всего, в умении быстро откликнуться на злободневное событие, остро прокомментировать его средствами графики.

Однако, если плакаты РОСТА отдавали предпочтение рисунку обобщенному, изображающему, например, буржуя вообще, то в сатирических журналах 20-х годов ясно намечается тяготение к карикатуре, имеющей персонифицированный характер. Эта тенденция по-разному сказалась в творчестве отдельных художников.

Д. Моор отдавал предпочтение карикатуре на международную тему. Его рисунки в «Крокодиле» «Будь на страже» (1922, № 5), «На Ближнем Востоке» (1922, № 7), «Капитал и комсомол» (1922, № 12), «Существует ли классовая борьба?» (1922, № 18) и др. решены в тради-

---

[25] «Лапоть», 1924, № 1.
[26] М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 27, стр. 123.

ционно плакатном духе: схематический рабочий вонзает штык в столь же схематического капиталиста, традиционный буржуй в цилиндре старается задушить молодого парня, олицетворяющего весь комсомол. Не умаляя важности этой работы (названные рисунки отличаются актуальностью тематики и политической остротой), отметим новые тенденции, сказавшиеся в творчестве Д. Моора. Уже тогда же, в 1922 г., в «Крокодиле» появляется все больше его рисунков, изображающих не абстрагированных буржуев, а крупнейших заправил капиталистического мира Ллойд Джорджа, Пуанкаре, Керзона, Стиннеса и т. д. Таковы карикатуры «Европейский концерн без дирижера» (№ 8), «Цирк Стиннеса» (№ 12), «Инородцы» (№ 18) и др.

Эта же тенденция сказалась и в работах Б. Ефимова. В те годы Б. Ефимов в равной степени охотно рисовал и на международные, и на внутренние темы.

В сатирических журналах нередко появлялись его выразительные зарисовки «Картинки Москвы», «Картинки нэпа», печатавшиеся обычно без «подтекстовок». В сериях этих карикатур художник создал своеобразную летопись темных сторон жизни тех лет, запечатлев беспризорных и проституток, торгашей и взяточников, нэпманов и нищих. Одновременно с этим рождается и знаменитая ефимовская «международная галерея», в которую вошли «Портреты» и политических главарей капиталистического мира, и «бывших» — Керенского, Милюкова, Родзянко и т. д.

Персонажей ефимовских карикатур, даже если они не были названы, узнавал не только советский читатель. Известна, к примеру, история с рисунком Б. Ефимова «На литовской сцене» («Известия», 1926), на которой зрителю, аплодирующему палачам из застенков буржуазной Литвы, были приданы черты Чемберлена. «Карикатура,— рассказывает Б. Ефимов,— по всей видимости, задела за живое, так как, хотя ни имя, ни звание аплодирующего джентльмена не были на рисунке обозначены, Чемберлен не замедлил расписаться в получении» [27],— английское правительство направило специальную ноту протеста.

В жанре карикатур на международные темы успешно работали почти все художники «Крокодила»: М. Черемных, И. Малютин, Д. Мельников и др. «Зарубежной» карикатуре журнал отводит зачастую свои обложки, постоянное место занимает она и и в так называемом «Театре «Крокодила». Нередко «Крокодил» перепечатывал политически острые рисунки и из иностранных журналов — немецкого «Симплициссимуса», английского «Коммуниста» и т. д.

Другие советские сатирические издания печатали «зарубежные» карикатуры реже. Причины этого разные.

«Лапоть», например, поначалу решил обойтись без зарубежной тематики, видимо, полагая, что его читателя не столь интересуют события, происходящие за пределами страны. Затем (с № 3 за 1924 г.) он начинает печатать карикатуры, в которых затрагивает проблемы международной жизни, но делает это очень нерешительно и редко.

Некоторые сатирические журналы, кажется, посчитали, что тема «Ллойд Джорджа» и «Чемберлена» исчерпана, и уже надоела читателю.

Это можно сказать, например, о журнале «Смехач». На многих материалах «Смехача» вообще сказалось отсутствие четких позиций, ясной идейной направленности. В журнале выработался некий «смехаческий» взгляд на жизнь, для которого были характерны переменчивость и неопределенность. Сегодня можно выступить (и талантливо!)

---

[27] Б. Ефимов. Сорок лет. М., «Советский художник», 1961, стр. 95.

против какого-либо недостатка, а завтра над ним просто похихикать, сегодня поместить острый фельетон М. Зощенко против обывателей, любящих скабрезные истории, а завтра рассказать несколько «анонимных» анекдотов в угоду вкусу этих же обывателей.

«Смехаческий» взгляд на жизнь не раз подвергался критике в печати, но положение не менялось. Критические голоса раздавались и в адрес других крупных сатирических журналов. Однако критика признавала, что «еще хуже обстоят дела в «Смехаче». Там, по-видимому, о содержании и задачах журнала мало и задумываются. Кто во что горазд, тот то и лепит»[28].

Эта критика была совершенно справедливой.

Если в первых номерах журнала чувствовалась ориентация на своего читателя — железнодорожного рабочего, с которым «Смехач» пытался установить связи, то уже к 1924 г. эта ориентация исчезает. Журнал был лишен читательской информации. Перевод редакции «Смехача» из Москвы в Ленинград, осуществленный после выхода первого номера, оторвал ее от своей базы — газеты «Гудок», сделал «прикрепление» «Смехача» к железнодорожному издательству пустой формальностью.

По существу, у журнала не было четкой и ясной цели. В нем, как мы уже говорили, сотрудничали главным образом сатирики с дореволюционным стажем, люди зачастую очень талантливые, но не умевшие разбираться в политической обстановке и нередко рассматривавшие события с обывательской точки зрения.

СМЕХАЧ:— ЭТО НЕ ВАЖНО, ЧТО ОНИ ЗДЕСЬ ВСЕ ГОЛЫЕ! Я КОЕ-КОГО И ИЗ ГОЛЫХ РАЗОБЛАЧИТЬ МОГУ!..
Рис. В. Козлинского. «Смехач», 1928.

Это привело к тому, что в журнале появилась карикатура, трактующая решение об обязанности сельсоветов регистрировать рождение и смерть крестьян как нелепое и ненужное. На рисунке М. Добужинского были изображены два пьяных мужика, заросших и босых, сидящих под портретом Маркса. Из подписи явствовало, что новое решение им явно не под силу[29]. Другой рисунок дал сообщению газет о том, что «деревня предъявляет повышенный спрос на популярную литературу по химии», свое объяснение: химия, мол, нужна деревне для усовершенствованной гонки самогона[30]. В № 4 за 1925 г. целая полоса была отведена серии рисунков Б. Антоновского, публикацию которых трудно объяснить. На шести рисунках, названных

---

[28] «Журналист», 1925, № 4, стр. 46.
[29] «Смехач», 1925, № 1.
[30] «Смехач», 1925, № 30.

«1001 возможность, или выдающая (!) шуба», изображены два беседующих парня.

Диалог:

1. — «Ваня, никак новую шубу купил?» — «Не-е».
2. —«А что, на заказ?» — «Не-е».
3. — «В кредит?» — «Не-е».
4. — «В рассрочку?» — «Не-е».
5. — «По коллективному?» — «Не-е».
6. — «По индивидуальному?» — «Да, не-е. Просто спер».

В начале 1927 г. было принято решение вернуть «Смехач» в Москву.

Вскоре в отделе печати ЦК ВКП(б) состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос о сатирических журналах. Деятельность многих сатирических изданий была подвергнута критическому разбору. Отмечались бедность и ограниченность тематики помещаемых в журналах фельетонов и карикатур, оторванность некоторых выступлений от задач современности, отсутствие ясной ориентировки на те или иные группы читателей.

Считая, что «большинство сатирико-юмористических журналов не сумело еще стать органами бичующей сатиры», отдел печати ЦК наметил широкую программу деятельности сатирической периодики. В принятом Постановлении говорилось, что основными задачами сатирических журналов является критика и разоблачение «отрицательных явлений, мешающих нашему строительству; буржуазных воззрений и мещанских традиций и навыков, обнаруживающихся в быту и в различных сторонах жизни масс; всяких групповых, корпоративных, бюрократических и национально-шовинистических тенденций, противоречащих общепролетарским интересам и задачам социалистического строительства; и классовых врагов и их сознательных и бессознательных пособников» [31].

Много горьких слов было сказано на совещании в адрес «Смехача». «Издавался он до сих пор в Ленинграде,— говорил М. Кольцов,— во главе его стояла группа виднейших сатириконских художников. Велся журнал талантливо, остроумно, свежо, но без всякой социальной установки. Это заставило в конце концов перевести журнал в Москву, чтобы подтянуть его идеологически» [32].

Однако предложение о закрытии «Смехача», слиянии его с «Крокодилом» вызвало протест Кольцова, Иванова-Грамена, Рыклина и других участников совещания. «...Мы сейчас, привлекши новые силы, меняем лицо журнала и начинаем производить, так сказать, коренную ломку в этом деле,—говорил редактор «Гудка» С. Б. Урицкий.—Мы привлекли к участию в журнале новых работников, как Аграновский, Зорич, Кольцов, и я думаю, что при наличии таких работников есть возможность исправить журнал в требуемом направлении» [33].

И действительно, «Смехач» медленно, но явно становился лучше. В 1927—1928 гг. здесь стали печататься рассказы и фельетоны А. Зорича (В. Локтя), Е. Петрова, И. Ильфа, В. Катаева, М. Кольцова, В. Ардова, карикатуры Кукрыниксов, Б. Ефимова, К. Ротова. Правда, о «коренной ломке» журнала говорить было преждевременно. Журнал искал свое лицо, и поиски эти были нелегки. На страницах «Смехача» появились материалы, направленные против буржуазной идеологии, он стал чаще обращаться к сатире на зарубежные темы.

---

[31] «О сатиро-юмористических журналах». Постановление Отдела печати ЦК.— «Красная печать», 1927, № 11—12, стр. 74.

[32] «Красная печать», 1927, № 7, стр. 32.

[33] «Красная печать», 1927, № 7, стр. 33.

Были сделаны попытки привлечь к участию в журнале самих читателей. Журнал вводит на своих страницах новый отдел — «Смехачина» (по примеру популярной «Викторины» в «Огоньке») и объявляет, что «фамилии авторов премированных ответов и наиболее остроумные ответы будут опубликованы».

Однако, что могла дать «Смехачина», ставившая такие, к примеру, вопросы: «Что делает в театре зритель, когда он не спит?» или «У кого руки коротки?», или «Почему месяц спрятался за тучку?». Из публиковавшихся кратких ответов подавляющее большинство было только потугами на остроумие. Разумеется, эти ответы не могли удовлетворить ни редакцию, так и не присудившую обещанных премий, ни читателей, один из которых, отвечая на вопрос «Все ли терпит бумага?», недвусмысленно высказал свое мнение: «Решительно все, даже некоторые ответы на «Смехачину».

А вместе с тем журнал так и не мог расстаться с привычными, но давно изжившими себя сюжетами и образами. Чуть ли не из номера в номер давались то «Похождения Евлампия Надькина», постоянного героя журнала, то приключения его супруги Матильды. Мелкими шутками, подчас дурного пошиба, заполнялось «Бюро обслуживания «Смехача» (БОС). Так, в юбилейном «Некрасовском» номере были опубликованы такие объявления:

Нет музы, ласково поющей и прекрасной.

Ушла в очередь за маслом. Вернется к 7 часам.

Кто снимал рубашку с пахаря?

Знающих просят обратиться в Губсуд.

Что так жадно глядишь на дорогу?

Проходи быстрее по правой стороне и берегись трамвая.

Чувствовалось, что у журнала нет настоящего редактора.

Вопрос о редакторах сатирических журналов довольно остро встал на упомянутом совещании в отделе печати. До сих пор журналы, которые возникали и существовали при газетах, возглавлялись, как правило, редакторами этих же газет. Это обеспечивало сатирическим изданиям политическое руководство. Газеты же, подчеркнем еще раз, питали журналы фактическим материалом, помогали поддерживать тесную связь с читателями.

Но редакторы газет, за редким исключением, которым, например, был К. С. Еремеев, не уделяли журналам столько же внимания, сколько газете. А сатирический журнал, особенно в период своего становления, требовал постоянной заботы.

Кроме того, редактор газеты вовсе не был обязан знать все тонкости такого сложного дела, каким является сатирический журнал. На практике же он зачастую становился руководителем художественного сатирического издания, не имея для того необходимого опыта.

Характерное признание сделал по этому поводу в 1927 г. заместитель заведующего Агитпропом ЦК партии С. Б. Ингулов: «Что касается вопроса о редакторах сатирических журналов,— сказал он,— то этот вопрос на некоторое время придется оставить без внимания. У нас нет еще своих Аркадиев Аверченко и пока как будто не предвидится. И пусть еще два-три года редактор будет главным образом политцензором»[34].

С утверждением этим нельзя согласиться безоговорочно. К концу 20-х годов в рядах советских писателей было уже немало сатириков, которые по художественным, да и по организаторским способностям не уступали, а пожалуй, и превосходили А. Аверченко.

---

[34] «Красная печать», 1927, № 7, стр. 27.

Не говоря уже о Д. Бедном и В. Маяковском, отметим, что уже в это время талантливый советский сатирик Н. К. Иванов-Грамен фактически возглавил «Крокодил», а несколько месяцев спустя к руководству «Смехачом» пришел Михаил Кольцов.

Изменилось ли что-либо в «Смехаче» после этого?

Да. С этого времени со страниц журнала исчезают отделы «Бюро обслуживания», и «Смехачина», рисунки из жизни Евлампия Надькина и его супруги Матильды, материалы на железнодорожную тематику. Журнал опубликовал ряд острых фельетонов, среди которых наиболее удачны антирелигиозные. Но все же ничего принципиально нового в этих номерах «Смехача» не появилось. Журнал вызывал недовольство. Характерно в этом отношении «Письмо в редакцию», с которым обратился к «товарищам-художникам» один из старых сотрудников «Смехача» А. Радаков. Автор письма протестовал против изображения в бесчисленных карикатурах секретарей-машинисток. Это, по мнению художника, та же «теща, только омоложенная». «Нет, художники-товарищи,— заканчивал свое письмо А. Радаков,— для острот другой товар ищи!» [35].

Стать свидетелями новых поисков читателям «Смехача» не пришлось. В № 44 «Смехача» публикуется сообщение о подписке на новый журнал «Чудак», в № 45 помещено объявление: «Меняю имя Смехач на Чудак», а уже в № 48 — последнем выпуске журнала опубликовано юмористическое завещание: «Прощание «Смехача».

«Итак, Смехач прекращает свое существование,— говорилось в «завещании».—Обыкновенно в таких случаях говорили, что журнал закрывается по «независящим от редакции обстоятельствам».

Но я заявляю:

— Я прекращаю свое веселое существование *по зависящим от себя обстоятельствам.*

— Я был, надо прямо признаться, хорошим журналом, но разве нельзя создать журнал еще лучше?

— Я зло расправлялся с врагами новой жизни, но разве нельзя расправляться с ними еще злее?

— Я вызывал в читателях спокойный смех, но разве нельзя вызывать в них буйную радость?..

— Я издавался в издательстве «Гудок» и предназначался главным образом для железнодорожников. Но разве нельзя издаваться для трудящихся всего Союза в издательстве «Огонек» (Страстной бульвар, 11)...».

Заканчивалось «Прощание» просьбой:

«На своей гробовой плите прошу написать следующие слова:

«Смехача больше нет. Да здравствует Чудак!»

Думается, что в этом «Прощании» названа часть причин, по которым Кольцов решил прекратить издание «Смехача» и затеять «Чудак».

Замышляя журнал «для трудящихся всего Союза», Кольцов мечтал о совершенно новом сатирическом издании.

Почти за два месяца до появления журнала, Кольцов рассказал о нем в письме Горькому, находившемуся тогда в Сорренто.

«Я сейчас подготовляю первый номер нового сатирического журнала «Чудак»,— писал Кольцов.— У нас собралась неплохая группа писателей, художников, и мы решили во что бы то ни стало придать будущему журналу облик, совершенно порывающий с увядшими сатириконскими традициями. Мы убеждены, что в СССР, вопреки разговорам о «казенной печати», может существовать хороший сатирический жур-

[35] «Смехач», 1927, № 42, стр. 5.

нал, громящий бюрократизм, подхалимство, мещанство, двойственность в отношении к окружающей обстановке, активное и пассивное вредительство. (Журнал предназначается для интеллигенции и служащих.)

Название «Чудак» взято не случайно. Мы, как перчатку, подбираем это слово, которое обыватель недоуменно и холодно бросает, видя отклонение от его, обывателя, удобной тропинки: — Верит в социалистическое строительство, вот чудак! Подписался на заем, вот чудак! Пренебрегает хорошим жалованьем, вот чудак! — Мы окрашиваем пренебрежительную кличку в тона романтизма и бодрости. «Чудак» представительствует не желчную сатиру, а полнокровен, весел и здоров, хотя часто гневен и вспыльчив. «Чудак» — не принципиальный ругатель, наоборот, он драчливо защищает многих, несправедливо заруганных при общем попустительстве, он охотно обращает свое колючее перо против присяжных скептиков и нытиков. Иными словами, «Чудак», как Горький, играет на повышение. Вот, в самых общих чертах, основное умонастроение редакции» [36].

— ВСЕ ЭТО ПРЕКРАСНО, ДРУЗЬЯ, НО СТРАНА ПРЕДПОЧЛА БЫ ИМЕТЬ ВСЕ ЭТИ ПОЛЕЗНЫЕ ВЕЩИ В НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ.
Рис. И. Малютина. «Чудак», 1929.

Кольцов обратился к Горькому с просьбой принять участие в журнале, «как реальный союзник, сотрудник, друг». «Позволяю себе покорнейше просить Вас оказать мне парламентское доверие,— писал он,— и сейчас же (первый номер выходит 15 декабря, журнал еженедельный) прислать что-нибудь, хотя бы небольшое, весело-зубастенькое или суровонаставительное, и то и другое одинаково подойдет к характеру журнала». Горький откликнулся на эту просьбу. Его «сказочка» «Факты» и ласковое напутствие журналу были напечатаны в первом номере «Чудака» и подписаны одним из псевдонимов Горького: «Самокритик Словотеков». Горький рекомендовал его как своего знакомого, «человека... уже довольно пожилого, но «начинающего». Беспартийный. Отношение к алкоголизму умеренное». И уже в следующем письме Кольцов сообщал Горькому, что «Словотекова.. приняли, как родного, в дружную семью чудаков. Будут ему и харчи, и постоянный теплый угол, и обеспечение на старости. Только бы бодрился, только бы писал» [37]. Горький не смог прислать более «сказочек» «Самокритика Словотекова», но связи с «Чудаком» не порывал.

---

[36] «Новый мир», 1956, № 6, стр. 150.
[37] «Новый мир», 1956, № 6, стр. 151.

Зная слабость многих сатирических журналов — неумение давать материалы на зарубежные темы, Горький взял этот участок в «Чудаке» под свою опеку. В одном из писем [38] он предложил Кольцову «ввести в «Чудаке» отдел «Культурная жизнь Европы» или что-нибудь в этом роде», в котором советовал юмористически освещать бесчисленные скандалы и «сенсации» капиталистического мира. Часть материала для этого отдела Горький обещал прислать сам.

Письмо это было получено редакцией в январе 1929 г., а в первом февральском номере журнала («Чудак», № 6) в коротких заметках под рубриками «Зоосад», «В обществе и свете», «Да здравствует Европа!» журнал высмеивал и французское духовенство, и жалкие кривляния эмигрантов, и «скромные» нравы английской буржуазии.

Некоторые из этих материалов были опубликованы с подзаголовками «От собственного странствующего «Чудака». В примечании редакция разъяснила, кто он, этот странствующий собкор: «... он хитер, он просто берет ножницы и стрижет из разных газет разные разности и, таким образом, прикрывшись с тылу и сбоку фактами, скромно делится своими впечатлениями с читателями «Чудака» [39].

Очевидно, здесь редакция использовала «заготовки», присланные Горьким, поместив их с остроумными и меткими комментариями. Горький и в дальнейшем снабжал Кольцова подобными материалами. Направляя Кольцову очередную партию вырезок из зарубежных газет, Горький писал: «Решил послать его Вам, м. б., Ваше острое перо обработает этот глубоко поучительный хлам? Очень хотелось бы этого» [40].

Не только «Чудак» стремился улучшить свою работу, но и другие сатирические журналы. С этой целью было проведено слияние одних изданий с другими. Ленинградская «Красная газета» объединяет своего «Бегемота» (1924—1928) с «Пушкой», «Бич» слился с «Крокодилом». Каждое издание старалось усилить связь с читателями. «Крокодил», например, вновь открыл доступ на свои страницы широкому потоку читательской информации. Воссоздается когда-то популярный отдел «Вилы в бок». Журнал обращается к читателям с просьбой присылать кандидатуры для награждения «Орденом Крокодила». Новый отдел, появившийся в 1928 г. (№ 11), рассказывал о представленных к награде бюрократах, волокитчиках, любителях семейственности и просто дураках. Читатели приняли участие и в «крокодильском конкурсе» на лучший рисунок, проведенный в декабре 1928 — январе 1929 г.

И другие сатирические издания искали новые пути привлечения читателей к непосредственному авторству, делали многое, чтобы лучше обслужить интересы своей аудитории, с помощью которой стремились добиться точности и безошибочности своих выстрелов.

Ленинградский «Ревизор» организует новый отдел «От доски до доски», который строит на конкретных фактах, сообщенных рабкорами. В журнале появились «странички», рассказывающие о неполадках на различных предприятиях Ленинграда («Ревизор» на заводе имени Карла Маркса, «Ревизор» на заводе «Красный гвоздильщик» и т. д.).

Для рабкоров и начинающих авторов «Ревизор» открыл устную литературно-художественную консультацию, пригласив в качестве консультантов М. Зощенко, И. Пруткова, Д. Флита, Н. Радлова и других.

«Чудак» среди своих собратьев сумел занять особое место.

---

[38] См. «М. Горький и советская печать». М., изд-во «Наука», 1965, стр. 228.
[39] «Чудак», 1929, № 23.
[40] «Новый мир», 1956, № 6, стр. 154.

Острые вопросы современности «Чудак» поднимал прежде всего в фельетонах.

Д. Заславский называет Кольцова «одним из первых создателей советского фельетона, определившим его основные черты и особенности»[41].

Действительно, фельетон Кольцова, рожденный в «Правде» и широко культивируемый в «Чудаке», отличается прежде всего ленинской ясностью позиции автора, вооруженного передовым, пролетарским самосознанием.

Подобный подход к явлениям вытекает из того нового места фельетониста в жизни, которое он занял после Октября. «Никогда до советских времен писатель в прямом своем качестве непосредственно не строил, не изменял жизнь, никогда перо его из кусочка стали, чертящего знаки на бумаге, не превращалось в острое оружие, инструмент стройки, в двигательную пружину. Это стало возможным только в обществе, сознательно складывающем свою историю»,— писал Кольцов[42].

Лучшие советские фельетонисты стремились отыскивать не случайные, пусть яркие факты, а глубоко изучать типические явления, отбирая из многообразия жизненных наблюдений те, которые наиболее ярко характеризуют самую сердцевину этого явления.

Активные поиски в области фельетона вел, например, «Крокодил». В начале 20-х годов в нем нередко печатались такие полуфельетоны-полурассказы, как «Учитель Матвеев» В. Лебедева-Кумача (1923, № 2), его же «Набат» (1924, № 6), «В красном трактире» Н. Иванова-Грамена (1923, № 4) и другие. Подобный фельетон чаще всего давал художественное осмысление помещенного в эпиграфе факта.

Читательская информация стала постоянным и надежным источником советских фельетонистов. Успешно пользовался этим источником и М. Кольцов, опубликовавший в «Правде» сотни фельетонов «по письмам читателей».

Но кольцовские фельетоны в «Чудаке» отличались от тех, что печатались в газетах и других изданиях, и были несколько необычными.

Помещенные под рубрикой «Календарь Чудака», все они открывали журнал и выполняли функции, сходные с передовой статьей. Как и передовая статья, материалы Кольцова намечали главное направление всего номера, его основную тему, задавали тон всем материалам.

Тематическую направленность фельетона-передовой Кольцов настойчиво подчеркивает в своих заголовках, отвечающих на вопрос: о чем написан «Календарь Чудака». Например: «О цитатах», «О диспутах», «О пропащем времени», «О некоторых безбожниках», «О режиме, который начинают забывать», и др.

Интересно отметить, что в этих фельетонах читатель встречался с условным «героем». Он существовал во многих сатирических изданиях. В «Крокодиле» это был зубастый Крокодил. В «Смехаче», во-первых, сам Смехач — этакий карлик с огромной головой и гусиным пером в зубах и, во-вторых, Евлампий Надькин — бродячий юмористический образ глуповатого обывателя, кочующего по многим ленинградским изданиям. Все эти «герои» и образы время от времени появлялись на обложках или страницах журнала, иной раз непосредственно обращались к читателям и имели, так сказать, свое зрительное воплощение.

---

[41] Д. Заславский. Михаил Кольцов, мастер советского фельетона. Вступительная статья к кн.: Михаил Кольцов. Фельетоны и очерки. М., изд-во «Правда», 1956.

[42] М. Кольцов. Предисловие к фельетонам А. П. Чехова в кн.: А. П. Чехов. Собр. соч. т. 10. М., 1929, стр. 128.

Чудака читатели не видели, но это не помешало стать ему подлинным героем журнала. Это умный, справедливый, благородный, полный юмора *человек,* которого и увидеть в окарикатуренном виде было бы странно. В «Календаре Чудака» он как бы сам открывает каждый номер, сообщает, о чем пойдет речь, знакомит с выставленными на его страницах экспонатами.

А экспонаты были самые разные. И в зависимости от этого рассказ Кольцова то становился гневно-сатирическим, то в нем звучали нотки юмора и даже лирики.

Иной раз Кольцов занимает позицию только комментатора, подобного тем, которые в старину толковали народные лубки. Таков, например, фельетон «О пташке», в котором даны злые, едкие и точные характеристики различных врагов страны Советов. Здесь и пташка заграничная, расправляющая свои перышки, «то бишь снаряжение и пулеметы», и пташки отечественные: деревенская с кулацкими замашками, религиозная, стремящаяся вредить там, где возможно, пташка городская, распространяющая злобные сплетни, и другие.

Объекты сатиры выбраны Кольцовым безошибочно. Особое внимание он уделяет тем «пташкам», которые выступали против политики партии, маскируя свою враждебную деятельность. В то время (шел 1929 г.) партия, взявшая курс на индустриализацию и коллективизацию страны, вела внутри своих рядов борьбу на два фронта — с правыми и троцкистами.

«Песни этих птиц принято делить на правые и левые,— пишет Кольцов.— Но в общем они — один черт. Куплеты разные, а припев один:

— Не построите, не сделаете... Зря взялись за это дело... Скажите пожалуйста — социализма захотелось! Чудаки какие» [43].

Борьбу за генеральную линию партии Кольцов считал важнейшей задачей и своей, и журнала. Он неоднократно возвращается к этой теме в «Календаре Чудака». В фельетоне «О приготовлении пищи» Кольцов дает рецепты-характеристики, разоблачающие врагов партии; в фельетоне «О контрамарках» рассказывает о людях, случайно оказавшихся в партии, чуждых ее интересам [44].

Пятилетка, сражение с кулачеством, борьба за чистоту партии — все находится в поле зрения автора «Календаря Чудака». И какую бы тему он ни брал, она получает под его пером своеобразное сатирическое решение.

Работа Кольцова-фельетониста в «Чудаке» имела принципиальное значение для всей сатирической журналистики. Если в газете фельетон быстро и бесповоротно утвердил себя, то о месте его в журналах велись бурные споры. «Фельетон по своей природе ни в коем случае не должен выходить из рамок газеты»,— писал один из критиков.— В журнале фельетон курьез» [45]. Объявляя фельетониста «рабом факта», критик выступал против какой бы то ни было обработки конкретного материала, ибо «художественность есть отнятие у фактов конкретности», художественность, по его мнению, должна быть приравнена к искажению факта.

За этими разговорами о праве фельетониста на «художественность» стоял спор о возможности обобщения в фельетоне, что делает его выступлением, поднимающим важную проблему действительности. Возражая тем, кто категорически требовал только «конкретных» фельето-

---

[43] «Чудак», 1929, № 14, стр. 2.

[44] «Чудак», 1929, № 17, стр. 2.

[45] С. Морозов. Фельетон — не художественный жанр.— «Журналист», 1927, № 3, стр. 33.

нов, один из участников вновь вспыхнувшего спора писал: «Говорят, что в противном случае у читателей может создаться впечатление, что зло носит всеобщий характер, что корни его лежат в «основах»[46]. Критик совершенно справедливо разъяснял, что у советской печати разные читатели, и нельзя сатирику ориентироваться на тех, для кого «всякое разоблачение, будь оно даже направлено против конкретного лица, всегда является поводом для обобщения, для критики строя в целом».

Не на обывателей и мещан были рассчитаны «Крокодил», «Лапоть», «Чудак» и другие советские сатирические журналы. Читатели отлично понимали, с кем борются сатирики и поддерживали эту борьбу.

Журнал «Чудак» стремился держать в чистоте, говоря словами А. М. Горького, «знаменательное имя свое».

Бюрократизм, двурушничество, зазнайство, головотяпство и бесхозяйственность, культурная отсталость — все это было в поле зрения сатиры «Чудака». Журнал, говоря словами Кольцова, писал «...о людях, о книгах, о фактах, о хамстве и некультурности, о подхалимах и угождателях, о самоновейших «европейцах» с яркими галстуками и от роду немытыми ногами»[47].

При этом в «Чудаке» хорошо знали, что главное оружие сатиры — смех. «Вкладывая содержание в сатирический и юмористический материал, мы должны не оскучнять его»,— писал Кольцов. И редактируя «Чудака», он всегда оставался нетерпимым к серости, растянутости, скуке. Известна, к примеру его резолюция, появлявшаяся на фельетонах и рассказах, доставляемых в журнал: «Сократить и усмешнить», впоследствии переродившаяся, ввиду частого употребления, в аббревиатуру «СИУ».

В «Чудаке» собрались талантливые писатели-сатирики, юмористы, художники-карикатуристы — все в большинстве своем молодые и полные энергии. Михаил Кольцов, Илья Ильф и Евгений Петров, Ефим Зозуля, Валентин Катаев, Борис Левин, Виктор Ардов, А. Зорич, Кукрыниксы, Константин Ротов, Борис Ефимов, Владимир Козлинский, Иван Малютин, Александр Радаков — составили основное ядро журнала, своеобразный «Клуб чудаков», объединенных одним стремлением, одним делом.

И. Ильф и Е. Петров опубликовали в вышедших 56 номерах «Чудака» около 80 произведений: здесь и сатирические «повести с продолжением» — «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска», и «1001 день, или Новая Шехерезада», печатавшиеся под псевдонимом Ф. Толстоевский, и фельетоны в отделе «Уголок изящной словесности», подписанные «Дон-Бузиньо», и произведения, написанные сатириками порознь.

В. Ардов руководил в журнале отделом театрального фельетона «Деньги обратно!» Но это, конечно, не мешало ему помещать свои фельетоны и в других отделах. Характерной особенностью «Чудака» было то, что журнал делался по-настоящему коллективно. Е. Петров вел отдел так называемых «мелочей», носивших название «Веселящий газ», но каждый «чудак» считал своим долгом поставить этому отделу остроумное наблюдение, реплику на злобу дня, маленькую зарисовку.

«Чудак» привлек к сотрудничеству В. Маяковского. Уже во втором номере журнала печатаются его «Стихи о разнице вкусов», затем они появляются и во многих других номерах издания.

---

[46] Я. Шафир. Фельетон в советской печати.— «Журналист», 1927, № 2, стр. 129.
[47] «Новый мир», 1956, № 6, стр. 151.

«Чудака» Маяковский ценил.

В бюрократа,
　　　　рифма,
　　　　　　вонзись, глубока!
Кто вонзит?
　　　　Сотрудники Ч у д а к а.
Умри,
　　подхалим,
　　　　　с эпиграммой в боку!
Подхалима
　　　　сатирой
　　　　　　распнем по Ч у д а к у.
Протекция держится
　　　　　　　где и на ком?
Эту
　　протекцию
　　　　бомбардируем
　　　　　　　Ч у д а к о м.
Иди
　　на вредителя
　　　　　　лавой атак.
Кто застрельщик?
　　　　　　Застрельщик —
　　　　　　　　　Ч у д а к.

Эти строки из стихотворения «Исцеление угрюмых». Написал его Маяковский в качестве рекламы для подписки на журнал на 1930 г. Оно стало краткой и боевой программой «клуба чудаков».

Появилось в «Чудаке» имя и старейшины советских сатириков — Демьяна Бедного, в эти годы не печатавшегося в «Крокодиле». Из пяти стихотворений Д. Бедного, опубликованных в «Чудаке», три написаны в специальные, тематические номера, несомненно, по особому заданию редакции. В этих стихотворениях с чисто «демьяновским» запалом поэт выступал против врагов революции, церковников, против штампов в литературе, против искусства, не согретого настоящим гражданским чувством.

Проходит десятилетие —
Одно, и два
И новые слова,
Говорившие что-то действительно новое
Обомшалой душе,
Превращаются в постоянно-готовое,
Шаблонно-пустое клише.
Удивляешься:— «батюшки-светы»!
До чего растрещались поэты:
　　Знамя!
　　Пламя!
　　Знамя!
　　Пламя!
　　Знамя!
　　Пламя!..
Вышивают машинною строчкою!
А присмотришься к жизни — вот на!
Под пламенно-знаменною оболочкою
Та же ста-а-ренькая старина! [48]

[48] «Чудак», 1929, № 2, стр. 3.

Борьбе с пошлостью и халтурой в литературе и искусстве «Чудак» уделял постоянное внимание. Впрочем, темы литературы и искусства занимали важное место и в других журналах.

Уже в первом своем номере (1922 г.) «Крокодил» опубликовал «Пролетарский рассказ» — пародию на творения «пролеткультовцев»: «Красное солнце встало над красной Москвой. Причудливые облачка громоздились вокруг солнца, образуя сияющий серп и молот. Товарищ Сознательнов, простой рабочий высшей квалификации в синей засаленной блузе, гордым и твердым победным шагом шел к родному заводу, потирая свои мозолистые руки...» Впрочем, эта пародия, по признанию журнала, оказалась бледнее действительности и была написана «слишком акварельными красками». Поэтому в № 3 за тот же год «Крокодил» обращается к документальным образцам «пролетарской» поэзии и прозы, взятым из журнала «Красный клич»:

В мире — великое и небывалое!..
Огненно-грозно-коммунное-алое!..
Взвыл ураган катастроф, революций,
Вздыбил он сонный поток эволюций!..

Материал для отдела «Вилами в бок» оказался отличный.

«Крокодил» и впоследствии выступал за ясность языка литературы и искусства, за чистоту их идейного содержания, за доступность театра рабочему человеку.

Особенно досталось спектаклю «Горе уму» в театре им. Мейерхольда. Карикатура М. Бабиченко, которая была названа так же, как и спектакль, изображала В. Мейерхольда с огромной дубиной, которой он пытался разделаться с Грибоедовым. Вдали стояла карета скорой помощи. «Карету мне, карету!» — просил Грибоедов [49].

Но когда «Смехач» выступил с грубой карикатурой на Мейерхольда, «Крокодил» дал язвительный рисунок «Репетиловы резвятся» с подписью: «Смехач» (жизнерадостно): Хамим, братец, хамим!» [50]

К концу 20-х годов позиция «Крокодила» в вопросах литературы и искусства стала близкой к рапповской.

В № 47 за 1928 г. под рубрикой «Братцам-писателям» журнал печатает эпиграмму А. Безыменского «К. Федин»:

В романе «Братья» — люди, платья,
Хвалы, сомненья и проклятья,
Но все же не могу понять я,
Чей автор брат?
                Мы с ним — не братья.

Здесь же помещены плоские эпиграммы на М. Шолохова и даже на одного из постоянных авторов журнала В. Маяковского.

Как бы продолжением этой рубрики явились эпиграммы, опубликованные под недвусмысленным заголовком «Кто там шагает правой?» [51]. На этот раз были высмеяны Л. Сейфуллина, Вс. Иванов, М. Пришвин и снова К. Федин. Эпиграммы иллюстрировались шаржами Ю. Гомбарга, выполненными в резко огрубленной манере.

Постоянный обстрел слабых и серых произведений литературы и искусства вел «Чудак». Он объявил беспощадную войну пошлости и ме-

---

[49] «Крокодил», 1928, № 12.
[50] «Крокодил», 1928, № 39.
[51] «Крокодил», 1929, № 16.

щанству в искусстве, он выступал против штампованных произведений, ходульности и схематизма.

Под рубрикой «Рычи — читай» «Чудак» помещает язвительные рецензии на книги Р. Ивнева (1929, № 18), повесть «Поросль» Кибальчича (1929, № 9), рассказы Г. Алексеева «Свет трех окон» и др. Зло высмеял журнал в заметке «О клубничке» «Нечестивые рассказы» Е. Замятина (1929, № 14).

Из номера в номер в «Чудаке» печатались фельетоны о театральных премьерах, новых фильмах, концертных программах.

Последовательную борьбу с пошлостью в искусстве вели И. Ильф и Е. Петров. Их фельетоны, появившиеся под рубрикой «Деньги обратно!» а затем и в «Уголке изящной словесности», принадлежат к лучшим произведениям «малого жанра», созданным этими писателями. В «Чудаке» были опубликованы «Пташечка из Межрабпромфильма» (1929, № 14), «Ваша фамилия» — фельетон об обозрении «С неба свалились» в Мюзик-холле (1929, № 16), «Полупетуховщина» — известный фельетон об оздоровлении эстрады (1929, № 50), «Великий лагерь драматургов» (1929, № 44) и др.

Особое место занимали в «Чудаке» «мелочи». Для них существовало множество разных рубрик: «Но-но, — без хамства», «Рычи — читай», «Слезай — приехали», «Милый стадион», «Веселящий газ», «Сквозь розовые очки», «Свинья под дубом», «Тир для стрельбы стихами», «Зоосад», «Всякая печатная чепуха», «Крики с мест».

И почти каждой из них редакция стремилась придать своеобразие. В «Веселящий газ» попадали анекдоты, эпиграммы, диалоги, микрорассказы и микрорисунки. «Рычи — читай» предлагал образцы «литературной продукции», выпущенной издательствами или напечатанной в толстых журналах. Отдел «Слезай — приехали» помещал сатирические заметки о бюрократах и дураках. В «наиболее страшном», по уверению редакции, отделе «Свинья под дубом» печатались рескрипты о тех, кто действует аналогично героине крыловской басни.

Был и еще один оригинальный отдел в «Чудаке». Организуя его, редакция руководствовалась указанием Центрального Комитета партии, обязавшего «журналы... развивать борьбу против конкретных нездоровых явлений и фактов, используя для этого, кроме газетных методов, помещение иллюстраций, документов, фотоочерков и т. п.»[52] Назывался отдел «Семейным альбомом». В нем читатели находили обычно 4—6 фотографий, объединенных общей темой, иногда сделанных корреспондентами специально для «Чудака», иногда остроумно смонтированных из разных изданий. Сопровождаемые очень кратким, выразительным текстом фотографии эти были своеобразными фотоновеллами. Нередко здесь публиковались снимки, которые иногда противопоставлялись, иногда уподоблялись друг другу, причем зачастую последний из них содержал в себе неожиданную, эффектную концовку всей фотовыставки.

Вот «Титаны авиации»[53]. На первых трех снимках изображены летчики — Бабушкин, совершающий трудные полеты за Полярным кругом, Громов, который вылетел из Москвы и, облетев пять стран Европы, опустился в Москве, и Шибанов, успешно ведущий полеты между Москвой и Берлином.

Четвертая фотография неожиданно представляет читателю другого «титана авиации» — бюрократа ИКС, который вылетел по чистке из финансового учреждения в Москве и благополучно опустился в аналогич-

---

[52] Из материалов Всесоюзного совещания по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства (май — июнь, 1928). «Справочник партийного работника», вып. 7, ч. 1, ГИЗ, 1930.

[53] «Чудак», 1929, № 32.

ном месте в Ленинграде. Чиновник этот сидит за массивным столом, заваленным бумагами, а возле него длинная очередь — ничего не изменилось в его работе, разве что появилось новое кресло и новый номер телефона.

Ясно выраженная направленность журнала, его стремление подавать материал свежо и оригинально привлекли к «Чудаку» многих маститых и молодых писателей — М. Зощенко, Л. Никулин, Ю. Олеша (Зубило), Г. Рыклин, Вс. Иванов, Д. Кунин, Д. Заславский, С. Кирсанов печатались в «Чудаке». Появились здесь стихи Н. Заболоцкого («Сохранение здоровья», 1929, № 22; «Предсказание погоды», 1929, № 34), М. Светлова («Сливочный подход», 1929, № 7; «Комод», 1930, № 1), А. Твардовского («Варенье», 1929, № 33), М. Исаковского («Детская романтика», 1929, № 34), Т. Тэсс, начинавшей в «Чудаке» в качестве поэтессы-сатирика («Квартира», 1929, № 10; «Вещи и мы», 1929, № 12; и др.).

Объединял эту дружную работу сатириков и умело руководил ею редактор «Чудака» Михаил Кольцов. Однако, начиная с № 38 журнала (1929 г.), имя Кольцова неожиданно исчезло с его страниц.

Произошло следующее. Ленинградское отделение акционерного общества «Огонек» организовало для «Чудака» материал в «Семейный альбом»[54]. Используя многочисленные газетные выступления, рассказывающие об ошибках некоторых руководящих работников Ленинградских учреждений, отделение отправило в «Чудак» несколько фотографий, которые были опубликованы в «Семейном альбоме» под названием «Ленинградская карусель» (№ 36, последняя неделя сентября 1929 г.).

Тираж номера, в котором была помещена «Ленинградская карусель», был задержан. № 38 вышел уже за подписью временно исполняющего обязанности редактора С. Смирнова. Вышел без привычного «Календаря Чудака» и, конечно, без «Семейного альбома». В остальном журнал сохранил все свои отделы и продолжал держаться избранного им направления.

В последнюю декаду декабря 1929 г. журнал, объявляя об открытии подписки на 1930 год, сообщил, что в «Чудаке» будут работать прежние сотрудники и прежний редактор — Кольцов.

Однако журнал просуществовал еще только два месяца. В № 6, оказавшемся последним, объявлялось, что «Чудак» сливается с «Крокодилом».

Еще в 1927 г. один из участников диспута, названного «О пределах критики», довольно откровенно заявил: «Ежедневные фельетоны Сосновского, Зорича, Кольцова, кричащие о безобразиях и непорядках, опасны. Они, как капли воды, долбящие камень, падают на мозг читателя и неизбежно толкают его к вопросу: кончатся ли когда-нибудь эти безобразия, заложены ли в самой партии гарантии того, что эти безобразия можно изжить?»[55–56] В этих разговорах об «опасности» сатиры еще раз проявилось полное непонимание ее назначения. Практика работы советских сатириков — и на страницах газет и на страницах журналов — показала, что сатира является тем оружием, которое способно помочь партии, государству успешно бороться с «безобразиями», с пережитками прошлого, мешающими двигаться вперед.

К сожалению, неверное понимание природы советской сатиры, шедшее вразрез с ее практикой, было свойственно не только журналистам — участникам диспутов.

---

[54] Н. П. Прокофьева (Гордон). Из воспоминаний о работе с М. Е. Кольцовым. Архив автора.

[55–56] «Журналист», 1927, № 2, стр. 40.

«В дебатах о пределах критики, о границах сатирического обличения,— пишут С. Стыкалин и И. Кременская,— подобные вульгаризаторы находили порой сторонников среди руководящих работников партийных и советских органов на местах»[57].

В одном из официальных отзывов, пришедших в Экономический Совет Совнаркома РСФСР, который решил обсудить деятельность издательства «Огонек», «Чудак» был подвергнут самой резкой критике. Сарказм его сатирических выступлений был объявлен недопустимым, а ирония названа либо «нездоровой», либо «обывательской». Вывод звучал как судебный приговор: «Журнал в основной массе своего материала не отвечает целям советской общественной сатиры»[58].

Особо надо сказать о ленинградских сатирических журналах. В конце 20-х годов при «Красной газете» выходили «Бегемот» и «Пушка». В этих двух журналах сложился постоянный авторский состав сатириков-ленинградцев: М. Зощенко, В. Тоболяков, Р. Волженин, Б. Малаховский, К. Рудаков, Г. Эфрос, А. Юнгер и др. Особенно активно здесь сотрудничал М. Зощенко. И в «Пушке» (выходила под девизом: «Гражданин, пока у тебя в руках нет «Пушки» — ты безоружен!») и в «Бегемоте» постоянно появлялись его рассказы, фельетоны, заметки, печатавшиеся и под его фамилией, и под псевдонимами — «Гаврилыч», «приват-доцент М. М. Прищемихин». Упомянутый «приват-доцент» вместе с «профессором Н. Э. Ущемихиным» (художником Н. Э. Радловым) явились авторами отдела «Счастливые идеи», зло бичующего бытовые неполадки и бюрократизм.

Весной 1929 г. редакция «Красной газеты» провела реорганизацию своих сатирических изданий — «Бегемот» и «Пушка» были закрыты, на свет появился новый журнал «Ревизор». В № 1 «Ревизора», разосланного подписчиками вместо «Пушки», редакция писала: «Можно ли представить себе Ленинград без Адмиралтейства? Без Эрмитажа? Без гранитных набережных?.. Нет? Точно так же нельзя представить себе Ленинград без сатирического журнала»[59].

Сильной стороной «Ревизора» было обилие конкретных материалов по письмам читателей и рейдам редакции. Они появились под рубриками «На заводах и около», «Всякое такое» и др. По примеру «Чудака» журнал отдавал на своих страницах много места «мелочам»: сатирическим миниатюрам, эпиграммам, басням, заметкам, которые объединились в отделах «Богоугодные заведения», «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина», «Ни се, ни то, черт знает что такое» и др. Регулярно появлялась и рубрика «Теа-кино-музо-изо», где особенно часто публиковал свои фельетоны Л. Малюгин.

«Ревизор» прекратил свое существование в конце 1930 г., затем та же судьба постигла «веселый и ядовитый крестьянский» «Лапоть» и антирелигиозный «Безбожник у станка». К 1934 г. остался один всесоюзный сатирический журнал «Крокодил».

Другие сатирические издания прекратили свое существование — частью из-за параллелизма, частью ввиду невысокого качества журналов, частью в связи с теми трудностями, которые испытывала сатира в 30-е годы.

Тенденция к устранению параллелизма в сатирической периодике, наметившаяся после совещания 1927 г. в отделе печати ЦК, была верной. Она была направлена на улучшение сатирических журналов, укрепле-

---

[57] С. Стыкалин, И. Кременская. Советская сатирическая печать. М., Госполитиздат, 1963, стр. 22.

[58] Центральный государственный архив РСФСР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 2088, л. 25—26.

[59] «Ревизор», 1929, № 1, стр. 2.

ние их авторского актива, способствовала сосредоточению сил литераторов и карикатуристов.

В статье «Сатира на социалистической стройке», подписанной группой ведущих авторов — сотрудников «Крокодила», говорилось, что роль сатиры «коренным образом изменилась», что она (сатира) перестала быть орудием разрушения, что «сатира в нашей стране в руках пролетариата стала средством созидания» [60–61].

Авторы этой статьи, объявляя себя приверженцами новой сатиры, стремились отмежеваться от своих собратьев. «Бич», «Бегемот», «Ревизор», «Чудак» и другие издания они объявляли «журналами, возникшими с начала нэпа» (?!), и упрекали их за то, что все они якобы объединяли «большую группу мелкобуржуазных сатириков-попутчиков». А. Платонов был назван в статье «прямым выразителем классово враждебной идеологии», И. Ильф и Е. Петров клеймились за то, что они «находятся в процессе блуждания и, не сумев найти правильной политической ориентации, работают вхолостую», В. Катаев и М. Зощенко были причислены к мелкобуржуазным сатирикам, которые должны побыстрее «перестроиться».

Говоря о сатире как средстве созидания, статья выдвигала лозунг: «Наша сатира прежде всего конкретна». Конкретность фельетона противопоставлялась типизации явлений и выдвигалась как первоочередное, основное и обязательное требование. Конкретность фельетона рассматривалась как панацея от возможных обобщений.

Эта статья показывает, насколько запутанным оказался вопрос о роли сатиры в социалистическом обществе.

Не случайно М. Кольцов посвятил этой проблеме свою речь на Первом съезде писателей, утверждая право сатирика на «корчевание пней», право на борьбу за уничтожение недостатков, мешающих нашему обществу. Он рассказывал о том, как «на одном из последних заседаний покойной РАПП, чуть ли не за месяц до ее ликвидации» ему пришлось «при весьма неодобрительных возгласах доказывать право на существование в советской литературе писателей такого рода, как Ильф и Петров, и персонально их» [62].

В апреле 1934 г. редактором «Крокодила» был назначен М. Кольцов, сумевший значительно поднять уровень журнала.

Когда двумя годами ранее отмечалось десятилетие «Крокодила», Г. Рыклин писал: «Была такая полоса «Крокодила»: маленькая групночка профессионалов заперлась в журнале, как в ящике, и не дозволяла туда проникать ни свежему воздуху, ни свежему человеку.

Теперь этот ящичек разбит, уничтожен. Запестрели новые имена в журнале. «Крокодил» пошел на завод. Начал обрастать кружками» [63].

При Кольцове журнал продолжал улучшаться, в «Крокодиле» появляются «Холодный философ» (И. Ильф и Е. Петров) и «Иван Дитя» (В. Ардов), печатаются рассказы и фельетоны И. Эренбурга, Е. Зозули, Д. Заславского, В. Катаева и самого редактора, стихи Д. Бедного, М. Светлова, С. Кирсанова и других.

Кольцов стремился использовать лучшие традиции, накопленные «Крокодилом» и другими сатирическими журналами. Работа выездных бригад, «крокодильский» контроль за ходом строительства крупнейших заводов (в 1931 г., например, редакция взяла под свой контроль 36 ударных строек), выпуск специальных сатирических листков и газет «Крокодила» — все это стало постоянными формами связи журнала с читателями, с жизнью.

60–61 «Журналист», 1932, № 6, стр. 10.
62 «Литературная газета», 24 августа 1934 г.
63 «Огонек». 1932, № 19, стр. 11.

Связи эти получили неожиданное и надежное подкрепление — самолет «Крокодил», построенный на добровольные взносы читателей. Сказалась кольцовская любовь к авиации.

Раскрашенный художниками журнала «зубастый» самолет «Крокодил» совершал свои регулярные рейсы, быстро доставляя выездные бригады журнала по адресам, подсказанным рабкорами. Оперативные материалы, подготовленные выездными бригадами, печатались и в самом журнале, и в местных газетах, и, кроме того, нередко в виде листовок разбрасывались крылатым «Крокодилом» с воздуха.

Журнал возрождает практику выпуска тематических номеров — «О воспитании и вежливости» (1935, № 6), театральный (1935, № 7), «О хорошем тоне и приличном обществе» (1935, № 30—31). Возникает много новых рубрик и среди них «Дорогой Крокодил!». При ее появлении (1934, № 13) журнал провозгласил: «Товарищи читатели! Этот новый отдел в журнале — ваш отдел. Я писать в нем не буду. Пишите сами. Шлите ваши письма и сообщения обо всех интересных фактах, достойных широкого распубликования». Вскоре отдел «Дорогой Крокодил!» стал самым популярным в журнале.

Позиция коллектива «крокодильцев» 30-х годов выражена в «Необходимом послесловии» в «Крокодильской советской энциклопедии» (1934, № 29—30), в котором редакция журнала отстаивала право на сатиру: «В Октябре семнадцатого года трудящиеся нашей великой родины завоевали не только фабрики, заводы, шахты и землю, но и право на смех, на чудесный настоящий смех победителей.

Мы — настоящие, полнокровные люди, черт возьми! Мы строим изумительную, крепкую, радостную жизнь. Нам нечего жалеть ничего из ушедшего!..»

Журнал печатает фельетоны и карикатуры, высмеивающие бюрократов, берет под обстрел неумных воспитателей молодежи, остро ставит тему борьбы с хулиганством и невежеством, помещает материалы о «летунах», лодырях, «алиментщиках».

В конце 1937 — начале 1938 гг. «Крокодил» дал ряд острых карикатур и сатирических рассказов, в которых выступил против перестраховщиков, клеветников, строчащих во все инстанции «заявления», ответработников, не признающих социалистической законности.

В общем же в конце 30-х годов уровень сатирических выступлений «Крокодила» несколько снижается. Журнал становится суше. Все больше места он отдает критике различных бытовых неполадок: плохой работы бань, магазинов и т. д., часто варьируется проблема «курортных командировок» и летних отпусков. На его страницах появляются «добренькие» юмористические рисунки, в которых трудно усмотреть даже насмешку, не говоря уже об иронии. Например, на одном из них, названном «Письмо нынешних запорожцев», была изображена группа строителей нового курорта, расположившаяся вокруг стола в позах репинских героев. Подпись: «Пиши, Грицько: темпов не сдадим и курорт построим на славу»[64]. Такой юмор, очевидно, полностью отвечал провозглашенной некоторыми критиками теории «положительной сатиры», утверждающий, что «лирически-патетическое отношение к нашей действительности... сделалось питательной средой наших «разоблачений»[65].

Но и с «положительной сатирой» было нелегко. В «Крокодиле» появляются материалы, выражающие «лирически-патетическое отношение

---

[64] «Крокодил», 1935, № 17—18, стр 9.

[65] Е. Журбина. О мере сарказма.— «Наши достижения», 1936, № 8, стр. 129.— Слово «разоблачение» взято в кавычки автором статьи. В этой же статье, кстати, содержится упрек авторам «Крокодила» за «гипертрофию сарказма».

к действительности», но не имеющие никакого отношения ни к юмору, ни к сатире. Странно, например, было видеть в сатирическом еженедельнике осенний пейзаж С. Герасимова, опубликованный в № 28-29 «Крокодила» за 1938 г. в сопровождении следующих стихов К. Михайлова:

Пейзаж печален, а нам не грустно:
Пшеница собрана в закрома;
Ведет машину пилот искусно;
Ему не страшны ни дождь, ни тьма.

С материалом, очевидно, были трудности. Семь страниц одного номера 1938 г. журнал отводит пьесе А. Толстого «Чертов мост», в других номерах печатает отрывки из пьесы С. Михалкова «Коньки», драмы А. Корнейчука «Богдан Хмельницкий» и др.

«Крокодил» одерживал успехи там, где оставался верен настоящей сатире. Сильной его стороной в эти годы оставалась сатира на зарубежные темы. Здесь он широко использовал все разнообразие жанров и форм, выработанных многолетней практикой. Для критики фашистских главарей и их сподручных, буржуазных дипломатов, «Крокодил» с успехом прибегал к фельетону, карикатуре, сатирическому рассказу, фотомонтажу, басне.

Началась Отечественная война. Борьба советского народа с фашистскими захватчиками стала основной темой журнала. «Крокодил» объявил себя призванным в ряды защитников Родины. Вскоре на его страницах появляются материалы, присланные из действующей армии.

Это были рассказы, фельетоны, стихи, написанные военными корреспондентами журнала: К. Симоновым на Южном, А. Твардовским на Юго-западном, И. Андрониковым на Калининском, С. Михалковым и Братьями Тур на Северо-западном, А. Прокофьевым на Ленинградском, Л. Митницким на Западном фронтах, А. Яшиным на Балтийском флоте. Фронтовые корреспонденции, рассказывающие о боевых действиях советских солдат и партизан, не теряющих в трудных обстоятельствах чувство юмора, умеющих зло посмеяться над врагом, фельетоны о фашистских вояках, разоблачающие миф о непобедимости германской армии,— заняли главное место в журнале.

Круг авторов «Крокодила» необычайно расширился. Война призвала в строй сатириков и тех писателей, которые когда-то сотрудничали в сатирической журналистике, но в 30-е годы отошли от нее, и тех, кто обратился к ней впервые.

В «Крокодиле» военных лет печатались В. Катаев, К. Финн, С. Кирсанов, С. Маршак, В. Шишков, П. Маркиш, Н. Вирта, И. Уткин, Л. Никулин, С. Трегуб, О. Брик, П. Антокольский и другие. В трудных военных условиях, когда не хватало бумаги и пришлось вдвое уменьшить объем журнала, когда вместо многокрасочных пришлось печатать только двухцветные рисунки, редакция делала все, чтобы «Крокодил» был боевым, острым, ярким по форме и, что самое главное, нужным своим читателям. Весь арсенал сатирических средств был взят на вооружение.

А тяга к юмору, к сатире у нового, военного читателя журнала была необычайно велика. Умение увидеть слабые, смешные стороны врага, зло высмеять его высоко ценилось. Характерно: не было ни одной фронтовой газеты, которая обходилась бы без сатирических рубрик, без фронтового юмора, творцами которого были зачастую сами воины Советской Армии.

Не случайно, что первым новым отделом, введенным «Крокодилом» после начала войны, был «Метким ударом (по столбцам фронтовой печати)», который появлялся в каждом номере журнала. Анекдоты, микрорассказы, эпиграммы стали постоянными гостями этой рубрики.

Малые жанры сатиры нашли место и в другом отделе «Короткая очередь». Здесь можно было прочесть маленький фельетон Д. Заславского, куплеты Ю. Тимошенко и В. Гранова, частушки А. Прокофьева, загадки Л. Лагина. Журнал вообще стал значительно больше, чем прежде, заботиться о мелочах. Их можно было встретить и в новом отделе «С подленьким верно!», где печатались выдержки из писем попавших в плен фашистов, и под рубрикой «Из альбома Крокодила».

Уже в 1942 г. перед журналом встал остро вопрос о связи с читателями. На первых порах отсутствие читательской информации компенсировалось бурным притоком писательских материалов, присланных непосредственно с фронтов. Однако «Крокодил» чувствовал недостаток читательских материалов.

Весной 1942 г. в журнале появляется новая рубрика «Полевая почта №», где печатались короткие веселые истории из фронтовой жизни, большинство из которых было написано фронтовиками. Здесь было помещено обращение: «Товарищи бойцы, командиры и политработники! Шлите материал для отдела «Полевая почта №». Призыв был услышан — в дальнейшем в новом отделе публиковались только читательские письма. Возобновление другого читательского отдела — традиционной рубрики «Дорогой Крокодил!»— было связано с обращением к невоенной тематике, которая с началом войны почти совершенно исчезла из журнала. Журнал как бы торопился наверстать упущенное, спешил обрушиться на Ивана Петровича Бревно, отучившегося мыслить самостоятельно и спрятавшего свои мозги подальше, в несгораемый шкаф, на Александра Федоровича Липу — пустышку, состоявшую при своей добротной и уютной анкете, на Петра Петровича Пня, умеющего всех и каждого ловко обвинить в вульгаризаторском, немарксистском подходе к событиям.

Однако критика этих «героев» была хотя и злой, но направленной в прошлое. Все их прегрешения — и это подчеркивалось в фельетонах — относились к довоенному времени. Фельетонисты утверждали, что теперь, в новых условиях существование этих «лишних людей» совершенно невозможно, сама жизнь обрекла их на гибель. А раз так, возникал вопрос: стоило ли тратить запал на стрельбу по мертвым мишеням?

Помогли «Крокодилу» читатели. В отделе «Дорогой Крокодил!», появившемся в № 9 за 1943 г., они рассказали о новоявленных волокитчиках, о халатных почтовых работниках, о чиновниках, отказавших в помощи семье фронтовика, короче — о тех людях, которые свою леность, нерадивость, бездушие маскировали фразой: «Ничего не поделаешь — сейчас война».

Журнал подхватил и успешно развил темы, подсказанные читателями. Сатирические рисунки Н. Радлова, Ю. Ганфа, М. Черемных, В. Горяева, большой цикл стихотворных фельетонов В. Лебедева-Кумача «Негерои нашего времени», М. Слободского, Г. Рыклина, А. Раскина и других бичевали всех, мешавших главному делу советского народа — разгрому фашизма. Важность цели порождала непримиримость сатиры.

«Крокодил»[66] вместе с появившимися новыми сатирическими изданиями «Сквозняк» (1942 г.) и «Фронтовой юмор» (1944—1945 гг.), разя смехом гитлеровцев, высмеивая заботящихся о собственном благополучии бюрократов и обывателей, в меру своих сил содействовал победе над фашистскими захватчиками.

---

[66] Кольцов редактировал журнал до декабря 1938 г. В дальнейшем журнал подписывался редакционной коллегией. С 1943 г. отв. редактором был назначен Г. Рыклин.

Указатель названий газет и журналов

«Автономная Якутия» I 294; II 129
«Архитектурная газета» II 216
«Ачинский крестьянин» II 129

«Балтиец» II 184
«Бегемот» II 445, 460, 468
«Беднота» II 129
«Безбожник» II 444
«Безбожник у станка» II 469
«Без муз» I 475
«Беседа» I 180—183, 196
«Биржевые ведомости» (далее «Утренние ведомости», «Жизнь») I 8, 12, 18
«Бич» II 445, 448, 460
«Бов» («Боевой отряд весельчаков») II 444
«Боевой призыв» II 115, 116
«Большевик» (М.) I 63, 105, 391; II 220, 222, 337, 365
«Большевик» (Самара) I 468
«Большевистская печать» II 210, 216, 217
«Большевистский Дон» II 157
«Будущая Сибирь» II 50—53
«Бузотер» II 445
«Буксир» (далее «За Магнитострой литературы») I 506
«Былое» I 15, 71

«Ватага» I 498
«В буре» I 469
«Век» I 18
«Взмахи» I 471, 474
«Вестник» I 468
«Вестник Европы» I 12, 13, 14, 15, 18, 146, 151
«Вестник жизни» I 10, 12, 13, 15, 45, 52—55, 151, 158, 165, 166
«Вестник Иностранной литературы» (далее «Литература мировой революции», «Интернациональная литература») I 96, 119; II 404—419, 421, 426
«Вестник Интернационала» I 466
«Вестник коммунистической академии» (ранее «Вестник социалистической академии») I 118, 290
«Вестник литературы» I 12, 13, 71, 72, 73, 74, 77, 161, 212, 248; II 375
«Вестник народного просвещения» I 10
«Вестник социалистической академии» (далее «Вестник коммунистической академии») I 254, 255
«Вечерняя Москва» II 58, 301, 334
«Вокруг света» II 67, 69
«Волжская новь» I 478, 479, 504
«Вольное искусство» I 474
«Воля народа» I 16
«Вопросы литературы» I 36, 173, 227; II 177, 199, 232
«Восток» I 183
«Вперед» I 144
«В часы досуга» I 497

«Газета футуристов» I 10, 39, 311—313
«Гильотина» I 20; II 444
«Голос минувшего» I 15, 71
«Голос работницы» II 184
«Голос студента» I 483
«Горн» I 25, 26, 35—38, 52, 61, 151, 155, 330, 354, 473
«Горнило» I 10
«Горное машиностроение» II 217
«Гостиница для путешествующих в прекрасном» I 72, 166
«Грядущая культура» I 36, 42, 471, 472
«Грядущее» I 9—12, 30, 32—35, 38, 42, 47, 61, 151, 155, 156, 166, 354, 473; II 375
«Гудки» I 38, 39, 346, 347
«Гудок» I 480; II 130, 445, 455

«Дальневосточная правда» I 476
«Дальний Восток» I 476
«Дело народа» I 16, 17
«День» I 8, 12
«Деревенский театр» (далее «Искусство массам») I 153
«Детская литература» (ранее «Детская и юношеская литература») II 11, 57, 64
«Детская и юношеская литература» (далее «Детская литература») II 48
«Детский пролеткульт» I 472
«Для наших детей» I 175
«Доброе утро» I 175
«Дом искусств» I 72—74, 76, 161, 175, 212, 248, 258
«Дон» I 500
«Дрезина» II 444, 445

«Дружба народов» II 25, 56, 59, 80—84
«Дружные ребята» II 48

«Еж» II 48

«Жаворонок» I 175
«Железный путь» I 470, 477, 478
«Железобетон» I 507
«Жернов» I 155, 170
«Жизнь» (М., 1922) I 70, 72, 74
«Жизнь» (Пенза, 1918) I 469
«Жизнь» (ранее «Утренние ведомости», «Биржевые ведомости») I 18
«Жизнь» (1897—1901) I 144, 171
«Жизнь искусств» I 470, 472
«Жизнь искусства» II 383
«Жизнь и творчество» I 491
«Жизнь раненого и больного красноармейца» I 470
«Журнал для всех» (далее «Пролетарский авангард», 1928—1930) I 361—366, 407; II 7
«Журнал для всех» (1896—1906) II 158
«Журнал крестьянской молодежи» II 153
«Журналист» I 103, 104, 115, 279, 448, 456—458, 482; II 147, 455, 462, 463, 467, 469

«Залп» II 27
«За Магнитострой литературы» (ранее «Буксир») I 507, II 53
«За Родину» II 113, 115
«Запад» II 405
«Записки мечтателей» I 12, 17, 71, 75; II 375
«За пролетарскую литературу» I 507
«Запросы жизни» I 147
«Зарево» (Сычовка) I 468
«Зарево» (Устюжна) I 470
«Зарево заводов» I 470—472, 477
«За рубежом» I 6, 122, 123, 125, 172, 190, 200, 201, 443; II 16, 128, 161, 200—217, 423
«За рулем» II 217
«Затейник» II 48
«Звезда» (с 1924) I 5, 6, 69, 86, 88, 89, 104, 106, 112, 120, 185, 193, 258, 270, 279, 286, 397, 402; II 7, 30, 43, 44, 46, 61, 64, 76, 77, 80, 84, 97, 116, 120—122, 124, 252, 258, 288, 375—402, 434
«Звезда» (1910—1912) I 44, 144, 147, 148; II 110
«Звезда Севера» II 53
«Звено» (Иваново) II 53
«Звено» (Уфа) I 465
«Земля советская» II 7, 11, 139, 341, 342
«Знамя» (1919—1922) I 21, 23, 24, 48, 166
«Знамя» (первоначально «Локаф», с 1931 г.) I 119, 244, 386; II 27, 36, 58, 59, 60, 66, 77, 89—96, 100, 103, 107, 109, 118, 119, 121—123, 125, 252, 253, 346—374, 378, 399, 400, 423, 434
«Знамя Родины» II 112
«Знамя Советов» II 115
«Знамя Труда» I 21, 22
«Зори» (Воронеж) I 473, 486
«Зори» (Новгород») I 486

«Известия» I 30, 31, 44, 67, 83, 96, 105, 106, 162, 172, 174, 187, 249, 264, 265, 273, 329, 332, 341, 346, 387, 408, 409, 442, 445; II 9, 22, 104—106, 129, 131, 132, 137, 139, 142, 146, 148, 156, 171, 186, 217, 260, 282, 288, 301, 302, 316, 326, 393, 404, 454
«Изобразительное искусство» I 153
«Изобретатель» II 216
«Интернациональная литература» (ранее «Вестник иностранной литературы», «Литература мировой революции») II 25, 59, 60, 80, 84—89, 103, 352, 422—443
«Искра» (1900—1903) I 5, 45, 144
«Искра» (1859—1873) I 143
«Искры» I 491, 493, 499
«Искусство» (М., 1919) I 10, 41, 43, 153
«Искусство» (Омск, 1921—1922) I 484, 485
«Искусство» (М., с 1933) II 39, 308
«Искусство и жизнь» I 468
«Искусство коммуны» I 10, 39—43, 47 90, 92, 153, 154, 313—318, 334, 474
«Искусство массам» (ранее «Деревенский театр», далее «Самодеятельное искусство») II 153

«Казанский библиофил» I 490
«Касимовский лапоть» II 154
«К знанию» I 482
«Киевский пролетарий» II 129
«Книга и революция» (М.— Пг., 1920—1923) I 74, 178, 245—248, 252, 254; II 227, 375
«Книга и революция» (М., 1929—1930) I 119, 274, 280; II 386
«Книга и пролетарская революция» II 64, 71, 220
«Книжная полка» I 464
«Книжный угол» I 12, 16, 17, 21, 71, 73, 161
«Ковш» I 185, 186; II 383
«Кокс и химия» II 217
«Коллективист» II 130
«Колокол» I 143, 206
«Коломенский рабочий» I 494
«Колос» II 155
«Колхозная газета» II 152, 153
«Колхозник» (1930—1932, ранее «Крестьянский журнал») II 154—155
«Колхозник» (1934—1939) I 6, 123, 172, 188—190, 194, 196, 197, 199; II 12—14, 128, 140, 152, 155—169, 177
«Колхозный прилив» I 505
«Колхозный театр» (ранее «Самодеятельное искусство») II 153
«Комбайн» II 155
«Коммунист» (1921—1924) I 63, 79, 96
«Коммунист» (с 1952 г., ранее «Большевик») II 191
«Коммунист» (Симбирск) I 470
«Коммунистическая революция» I 63, 65, 67
«Коммунистический Интернационал» I 158, 174
«Коммунистическое просвещение» II 130
«Комсомолия» I 368
«Комсомольская правда» I 133, 345, 362, 373, 376, 378, 380, 427, 428; II 8, 80, 131, 244, 251, 259, 264, 282, 323
«Корабль» I 483
«Костер» II 48
«Красная Армия» (газета, 1919—1947, далее «Советская Армия») II 111, 113—116, 363
«Красная Армия» (журнал, 1919) I 478, 479—481, 496

«Красная газета» I 160, 174; II 30, 375, 445, 460, 468
«Красная деревня» II 153, 154
«Красная заря» II 184
«Красная звезда» II 103—110, 282
«Красная колокольня» II 444
«Красная летопись» I 70; II 217
«Красная нива» I 46, 67, 70, 87, 113, 398 («Нива»), 472, 445—451, 457—459, 461, 462; II 147, 288, 302
«Красная новь» I 69, 70, 79—84, 87, 90, 95, 97, 100, 102, 104, 106, 110—112, 114—116, 118—122, 128, 129, 135, 136, 138, 165—168, 172, 179, 184, 185, 192, 207—244, 250, 251, 258, 259, 261, 265, 267, 279, 295, 330, 332, 342, 354, 361, 368, 370, 372, 374, 386, 394, 396—398, 402, 451, 460, 498, 500; II 7, 8, 11, 16, 25, 27, 33—37, 40, 59, 61, 63, 64, 68, 72, 77, 78, 80, 84, 90, 95, 103, 123, 142, 147, 251, 252, 288, 291, 301, 306, 319, 353, 375, 378, 380, 381, 383, 384, 390, 395, 434
«Красная панорама» II 67
«Красная печать» I 489; II 48, 133, 447, 456, 457
«Красная Татария» II 141
«Красноармейская правда» II 114—116
«Красное слово» I 482
«Красное утро» I 471
«Краснофлотец» II 27, 115, 116
«Красные всходы» I 491, 492
«Красные зори» (Иркутск, 1923) I 294, 464
«Красные зори» (Пг., 1919) I 175
«Красный архив» I 70
«Красный Балтийский флот» II 112, 11? 116
«Красный воин» II 436
«Красный дьявол» I 19, 20; II 444
«Красный клич» II 465
«Красный милиционер» I 490
«Красный перец» II 444, 445
«Красный путиловец» II 184
«Красный Север» I 294
«Красный террор» I 159
«Красный ткач» (ж) I 494, 495, 496
«Красное утро» I 471
«Красный черноморец» II 112, 113
«Крестьянка» II 153, 164
«Крестьянская газета» I 174; II 136, 139, 144, 154, 156—158, 162, 165, 168, 445, 451, 453
«Крестьянский журнал» II 154
«Крокодил» I 243, 344, 445; II 67, 444—451, 453, 456, 458, 460, 463—465, 467, 469—472
«К свету» (Казань) I 466
«К свету» (Пенза) I 482
«Кузница» I 10, 38, 69, 163, 345—355; II 8
«Кузница смены» I 491, 493

«Лава» I 500—503
«Лапоть» II 154, 445, 451—454, 463, 469
«Ленинград» (1930—1932) I 119; II 6, 11
«Ленинград» (1940—1946) II 121, 122 393, 401
«Летопись дома литераторов» I 71, 73, 74, 79
«Леф» I 69, 91, 92, 94, 134, 185, 210, 225, 265, 311—313, 316—325, 327—332, 334, 335, 340—342, 474; II 8, 288, 299, 375—378
«Литература и искусство» (далее «Марксистско-ленинское искусствознание», 1930—1932) I 119, 430, 436—439; II 421, 436
«Литература и искусство» (газета, 1942—1944) II 118, 122, 124, 125, 253, 282—285
«Литература и марксизм» I 119, 138, 279, 280—292, 418; II 218, 436
«Литература мировой революции» (ранее «Вестник мировой литературы») I 119, 172; II 84, 417—421, 436
«Литература национальностей СССР» (ранее «Национальная литература») II 80
«Литературная газета» (М.) I 119, 121, 131, 137, 139, 141, 194, 196, 238, 243, 275, 351, 369, 423, 426, 454; II 9—14, 17—28, 33, 34, 39, 40, 50, 57, 59, 63—68, 72—81, 84, 89, 104, 117, 118, 126, 143, 148, 158, 166, 183, 187, 189, 216, 225, 236, 238, 239, 242, 243, 244, 245, 248—251, 253—282, 285, 286, 302, 323, 334, 351, 359, 360, 372, 392, 393, 421, 422, 436, 469
«Литературная газета» (Казань) I 489, 490
«Литературная газета» (Смоленск) I 499
«Литературная неделя» II 375
«Литературная учеба» I 6, 122, 172, 190—192, 194, 198, 201; II 15, 16, 24, 49, 53, 56, 57, 59, 68, 170—199, 247
«Литературное обозрение» I 193, 205; II 25, 57, 77, 225—227, 236, 243, 244, 247, 249, 278, 308, 358, 360
«Литературное Закавказье» II 80
«Литературное творчество пролетариата» I 468, 493
«Литературные записки» I 73, 265, 267
«Литературный двухнедельник» I 497
«Литературный Донбасс» II 50, 96
«Литературный еженедельник» II 375
«Литературный листок» I 497
«Литературный Казахстан» II 80
«Литературный критик» I 238, 243, 319, 333, 425; II 11, 13, 24—26, 57, 63, 72—77, 192, 218—252, 278, 280, 281, 306, 309, 347, 348, 351, 353, 359, 390, 393, 394
«Литературный Ленинград» II 10, 20, 40—43, 92, 389—391, 394
«Литературный современник» II 12, 25, 42—44, 57, 63, 72, 77, 229, 252, 390
«Литературный Узбекистан» II 80
«Литературный фронт» I 497
«ЛОКАФ» (впоследствии «Знамя») I 119, 120; II 9, 12, 93, 95, 96, 340—346
«Луч» I 468
«Льняное поле» II 155

«Марксистско-ленинское искусствознание» (ранее «Литература и искусство») I 439, 440; II 11
«Маяк» I 175
«Метеор» I 469
«Мир и человек» I 467, 470, 472
«Молодая гвардия» I 5, 69, 70, 82—84, 87, 95, 104, 110, 120, 141, 224, 258, 332, 361, 367—388, 390, 402, 420, 492; II 6, 8, 31, 33, 46—48, 56, 100, 103, 172, 173, 259, 288, 301, 375, 376, 380, 384
«Молодая кузница» I 370, 491
«Молот» (Калуга) I 468, 469, 496
«Молот» (Оренбург) I 471
«Молот» (Тула) I 498, 499

«Мурзилка» II 48, 56
«Мухомор» II 444
«Мысль» I 72
«Мысль красноармейца» I 469

«На грани» I 467
«Наковальня» I 494
«На литературном посту» I 90, 104, 106—108, 110, 114—116, 118, 130—133, 136, 140, 141, 221, 228, 229, 275, 276, 277, 279, 280, 285, 286, 302, 333, 338, 342, 362, 364, 374, 383, 399—429, 432, 436; II 6, 8, 11, 31, 33, 50, 59, 172, 186, 255, 259, 261, 262, 266, 299, 326, 382, 386, 387, 436
«На литературном посту» (газета-приложение к «Сибирским огням») I 302
«На подъеме» I 435, 502, 503, 504, 506; II 49, 53.
«На посту» I 69, 82, 84, 85, 87, 90, 91, 95, 98, 100, 106, 166, 185, 210, 221, 225, 226, 227, 264, 327, 329, 332, 360, 374, 375, 389—399; II 7, 288, 375, 379, 381, 382
«На рубеже» (Петрозаводск) II 53, 54, 103
«На рубеже» (Хабаровск) II 99
«Народное хозяйство» I 212
«Настоящее» I 185, 301, 302; II 260
«На стройке МТС и совхозов» I 188, 190, 196, 200; II 13, 168, 169, 177
«Наступление» I 464, 504—506; II 53
«Натиск» I 193, 504
«Наука и ее работники» I 172, 177, 196, 212
«Национальная литература» (далее «Литература национальностей СССР») II 80
«Национальная книга» II 80
«Начала» I 265
«Начало» I 72
«Наш век» I 19, 172
«Наш горн» (ж) 470
«Наш журнал» (М.) I 172, 178, 179, 469; II 137, 148
«Наш журнал» (Саратов) I 463
«Наш путь» (Пг.) I 21, 23
«Наш путь» (Калуга) I 479
«Наша речь» (ранее «Речь») I 18
«Наше хозяйство» I 159
«Наши достижения» I 6, 121—125, 127, 134, 171, 172, 187, 188, 190, 194, 195, 196, 199, 200, 201—203, 303, 450; II 13, 14, 16, 17, 26, 27, 46, 54, 61, 62, 67, 69, 76, 89, 97, 100, 127—151, 161, 184, 206, 471
«Неделя» I 507
«Нива» I 74, 151; II 146
«Новая жизнь» (1905) I 144, 145, 150
«Новая жизнь» (1917—1918) I 16, 19, 151, 152, 172, 173
«Новое время» I 19
«Новые силы» I 470
«Новый быт» I 485—487
«Новый журнал» I 182
«Новый Леф» I 104, 113, 122, 123, 126, 128, 134, 136, 225, 285, 311, 318, 328, 334—343, 380, 404, 416, 417; II 136, 172
«Новый мир» I 5, 6, 96, 104, 106, 110, 112, 113, 114, 118, 120, 121, 122, 128, 135, 136, 185, 186, 190, 192, 202, 208, 225, 243, 258, 263, 290, 342, 361, 364, 386, 402, 407, 413, 415, 479; II 6, 7, 8, 12, 25, 30, 31, 33, 37, 38, 39, 59, 60, 64, 75—78, 82, 90, 95, 100, 103, 118—120, 122—126, 148, 205, 216, 252, 253, 257, 258, 287—313, 356, 395, 434, 459, 460, 463
«Новый мир» (Ташкент) I 368
«Новая Россия» (с 1922 по 1925 «Россия») I 72, 76, 77, 105, 163
«Новая русская книга» I 65
«Новый сатирикон» I 151
«Ночь» I 18

«Обуток» II 154
«Огни» I 482, 483
«Огонек» I 46, 69, 185, 398, 442—451, 453—462; II 33, 60, 67, 70, 103, 147, 191, 216, 337, 397, 407, 469
«Октябрь» I 5, 6, 69, 85, 86, 89, 95, 104, 106, 109, 110, 112, 120, 122, 131, 132, 136, 137, 192, 215, 258, 360, 361, 383, 402, 407, 423, 506; II 6—8, 10, 11, 20, 27, 30—34, 36, 38, 39, 40, 43, 44, 56, 57, 63, 64, 72, 76—80, 84, 95, 103, 105, 119, 120—122, 124—126, 172, 252, 253, 271, 288, 314—339, 376, 378, 384, 434
«Октябрь мысли» I 330; II 378
«Орловская правда» II 130
«Отечественные записки» I 5, 206
«Отклики» I 464, 480, 481

«Первоцвет» I 483
«Перелом» II 155
«Петроградская правда» I 174; II 375
«Петроградский листок» I 8
«Печать и революция I 69, 70, 74, 76, 78—82, 95, 96, 113, 120, 125, 128, 136—138, 165, 166, 178, 183, 185, 186, 212, 220, 225, 245—280, 289, 354, 359, 376, 402, 415, 490; II 147, 218, 261, 289, 375, 378
«Пионер» II 48, 56
«Пламя» (Пг.) I 10—12, 30, 45—49, 54, 57, 151, 477, 478; II 375, 405
«Пламя» (Царицын) I 483, 496, 497
«Поволжье» II 53
«Под знаменем марксизма I 63—65, 67, 70, 94, 96, 164, 165, 436
«Под знаменем советов» II 217
«Подъем» I 504—507, II 50, 52, 53
«Полярная звезда» I 143
«Понизовье» I 486, 487
«Порывы» I 469
«Правда» I 17—19, 30, 39, 44, 67, 79—81, 89, 95, 96, 99, 103, 105, 137, 140, 141, 144, 147, 148, 150, 153, 165, 169, 173, 174, 190, 205, 208, 231, 252, 276, 277, 323, 329, 332, 344, 346, 356, 357, 376, 388, 396, 398, 413, 427, 428, 439, 441, 442, 445, 452—455, 485, 507; II 60, 63, 64, 66, 75, 77, 83, 96—99, 103—107, 110, 122, 129, 132, 153, 156, 164, 165, 166, 179, 185, 191, 194, 196, 197, 213, 217, 229, 236, 237, 238, 245, 259, 260, 261, 264, 265, 282, 308, 310, 315, 317, 326, 329, 330, 336, 359, 390, 461
«Правда Востока» II 141
«Призыв» (газета, 1919) I 464
«Призыв» (журнал, 1922) I 483
«Пробуждение стен» I 183
«Прожектор» I 46, 49, 69, 87, 88, 91, 208, 209, 442—449, 451, 452, 457, 460—462; II 67, 147, 447
«Пролетарий» (1918—1919) I 469
«Пролетарий» (1905) I 144, 145, 150

«Пролетарская культура» I 25—30, 34—38, 42, 56, 57, 61, 70, 154, 166, 346, 347, 348, 471, 473
«Пролетарская литература» (ранее «РАПП») I 119, 430—436; II 11
«Пролетарская революция» I 70, 259, 488
«Пролетарское искусство» I 470
«Пролетарское студенчество» I 330
«Пролетарский авангард» (ранее «Журнал для всех») I 364—366; II 7, 11
«Пролетарский путь» II 129
«Пролеткульт» I 471—473
«Просвещение» I 147, 148, 150
«Путеводный огонек» I 175
«Путь коммунизма» I 71
«Пушка» II 445, 460, 468

«Работница» II 67
«Рабочая Москва» II 33, 436, 445
«Рабочая газета» II 33, 128, 131, 132, 445
«Рабочий депутат» II 217
«Рабочий край» I 494, 497; II 133
«Рабочий журнал» I 85, 86, 112, 356, 358—360; II 7, 288, 376
«Рабочий металлург» II 217
«Рабочий мир» I 469
«Рабочий путь» II 129
«Рабочее творчество» (Кинешма) I 494
«Рабочее творчество» (далее «Рабоче-крестьянское творчество», Нижний Новгород) I 495, 496
«Рабочее творчество» (Ярославль) I 494
«Рабоче-крестьянское творчество» (ранее «Рабочее творчество») I 496
«Радиотехника» II 217
«Радиофронт» II 216, 217
«РАПП» (далее «Пролетарская литература») I 119, 131, 287, 383, 429, 430, 432—436; II 11
«Ревизор» II 445, 468
«Революционное творчество» I 16
«Революция и культура» II 406 426
«Революция и национальности» II 81, 82, 217
«Резец» II 49, 172, 180, 265
«Речь» (далее «Наша речь», «Свободная речь») I 8, 12, 18, 146, 172
«Родина» I 151
«Родина Халтурина» I 497
«Росинки» I 483
«Россия» (ранее «Новая Россия», далее «Новая Россия») I 72, 77, 78, 79, 95, 96, 163; II 7, 384
«Рост» I 464; II 6, 10, 11, 49, 56, 57, 68, 190, 265
«Рубежи» I 471, 474
«Руль» I 102, 182
«Русская книга» I 166
«Русская литература» II 229, 390
«Русская мысль» I 12—15, 146, 151
«Русские ведомости» I 12, 17
«Русский современник I 72, 78, 79, 161, 183, 184; II 315
«Русское богатство» I 12—15, 18, 146, 151; II 294
«Русское слово» I 5

«Самодеятельное искусство» (ранее «Искусство массам», далее «Колхозный театр») II 153
«Самодеятельность красноармейца» I 470
«Сам себе агроном» II 154
«Свет» I 491
«Свободная речь» (ранее «Речь», «Наша речь») I 18
«Сдвиг» I 476
«Северная коммуна» I 174
«Северная правда» II 129
«Северное сияние» I 10, 172, 175, 176
«Северные зори» I 469
«Сибирские огни» I 5, 69, 70, 79, 80, 82, 166, 186, 251, 252, 293, 310, 318, 354, 391, 402, 483, 485, 487; II 50, 103, 157, 288, 375
«Сирена» I 10, 24, 469, 477, 478
«Сквозняк» II 473
«Смена» (М.) II 67
«Смена» (Семипалатинск) I 294
«Смехач» II 445, 451—457
«Собеседник» I 182, 183
«Советская литература» II 422
«Советская литература Средней Азии» II 80
«Советская Монголия» II 34
«Советская Сибирь» I 294, 295, 301, 302; II 173
«Советская страна» I 119, 193; II 128
«Советская печать» II 448, 450
«Советский Северный Кавказ» II 504
«Советский Союз» II 143
«Советский театр» II 57
«Советский юг» I 500
«Советское искусство» II 216, 253, 278, 282, 285
«Советское строительство» II 217
«Советское фото» II 216
«Современник» I 5, 143, 146, 147, 206; II 38
«Современный Запад» I 183
«Современный мир» I 146; II 294
«Согры» I 293
«Сокол Родины» II 115
«Соловей» I 20; II 444
«Сороконожка» I 12
«Социалистический Север» I 504
«Социалистическое земледелие» I 165
«Спутник агитатора» I 217
«Спутник коммуниста» I 84
«Спутник коммуниста в деревне» II 153
«СССР на стройке» I 122, 123, 172, 187, 188, 196, 200; II 13, 14, 78, 128, 143
«Степная правда» I 294
«Студент» I 483

«Таежные зори» I 483
«Таежные огоньки» I 294
«Тайга и тундра» I 193
«Твори» I 86, 256
«Творчество» (М.) I 10, 11, 12, 30, 45, 47, 50, 56—61, 151, 157, 351, 354, 369, 473, 477
«Творчество» (Владивосток) I 39, 294, 318, 469, 475, 476
«Творчество народов СССР» I 194; II 82
«Театр» II 61
«Театр и драматургия» II 75, 216
«Ткач» I 484, 487—489
«Трактор» II 155
«Тридцать дней» II 68—71, 80
«Труд» II 445
«Труд и творчество» I 470
«Тяжелая индустрия СССР» II 217

«Ударник слова» I 504, 506
«Уральская новь» I 464, 499

«Утренние ведомости» (ранее «Биржевые ведомости») I 18
«Утроба» I 12
«Учительская газета» II 130

«Факел» I 479
«Филологические науки» II 132, 436
«Фронтовой юмор» II 473

«Художественная литература» II 11
«Художественное слово» I 10, 45, 49—52, 54, 57, 165; II 405

«Чернозем» I 480
«Чертова перечница» I 12
«Читатель и писатель» II 172, 200, 254, 255
«Чудак» I 202, II 201, 459, 460, 461, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469

«Шахта» I 294
«Школьная новь» I 483
«Штурм» I 504, 506, 507; II 53, 96

«Экономист» I 67, 72, 163, 165
«Экран» I 456, 457
«Эстетика» I 466
«Эхо» I 448

«Юношеский стяг» I 368, 491, 492
«Юный коммунист» I 368, 378
«Юный пролетарий» I 368

Указатель имен *

Абакумов С. I 490
Абрамович А. Ф. I 310
Абрамович-Блэк С. II 94
Абрамский И. П. II 448
Аванесов В. А. I 9
Августынюк А. II 400
Авдеев В. Ф. II 356
Авдеенко А. О. I 192, 193; II 21, 53, 191, 272
Авенариус Р. I 359
Авербах Б. II 80
Авербах Л. А. I 105, 192, 233, 369, 397—399, 408, 414—416, 421, 424, 425, 500; II 9, 16, 183, 264, 315, 338, 404, 411, 417, 422
Аверченко А. Т. I 151, 169, 490; II 449, 457
Авраменко И. К. II 122, 393, 397, 398
Агапов Б. Н. I 328; II 186, 255, 285, 364, 374
Агжибесов Н. II 51
Аграновский А. А. II 143, 456
Адалис А. (Е. Ефрон) I 50, 187; II 94, 350
Адамов Г. (Г. Б. Гибс) II 143, 150
Адамович Г. I 255
Адарюков В. Я. I 257
Азаров Вс. Б. II 116, 122, 125, 339, 391, 393, 396—399
Азарх Р. М. I 274
Азеф Е. Ф. II 215
Айзеншток И. Я. II 397
Айкуни Г. С. II 321
Айни С. С. I 187
Айхенвальд Ю. (Б. Каменецкий) I 13, 75, 182
Акита У. II 411
Аксельрод Л. И. (Ортодокс) I 212—214, 420
Акульшин Р. I 214; II 294, 295
Александр Невский II 398
Александров (Келлер) В. Б. I 403; II 75, 125, 225, 236—238, 243, 244, 251, 280, 367, 368
Александровский В. Д. I 37, 38, 50, 57, 79, 85, 164, 212, 216, 255, 327, 345, 347, 348, 351—353, 457, 486; II 296
Алексеев В. М. I 181, 183
Алексеев Г. В. I 412; II 158, 301, 329, 330, 466
Алексеев М. А. I 407
Алексеев Н. А. I 303
Алехин Г. (Г. В. Алехин-Масловский) II, 61, 245, 393
Алигер М. И. I 192, 244, 386; II 113, 119, 120, 198, 250, 283, 284, 305, 331, 350, 351, 356, 357, 364, 367, 368, 373
Алпатов В. II 165
Алперс Б. В. I 382; II 227
Алтайский К. Н. II 167, 190, 191
Алтаузен Джек (Алтаузен Я. М.) I 129, 294, 459; II 35, 155, 167, 243, 249, 296, 354
Альберти Р. II 89, 307, 423, 429, 431, 437
Альский I 451
Альтинская П. II 79
Альтман И. Л. I 243, 313, 437; II 59, 74, 124, 225, 234, 245, 251, 273
Амп П. I 242
Амстердам А. В. II 44, 185, 358
Амфитеатров А. В. I 146, 147
Ананд М.-Р. II 437
Ангарский (Клестов) Н. С. I 58, 59
Андерсон Ш. II 415, 418, 425, 436—438
Андреев А. А. I 158
Андреев Л. Н. I 212, 296
Андреева М. Ф. I 103, 153, 185
Андроников И. Л. II 471
Анзимирова О. II 170
Аникст А. А. II 88, 106, 125
Анисимов И. И. I 138, 233, 235, 237, 281, 402, 403, 419; II 74, 85, 88, 124, 268, 411 415, 422, 424, 427, 434, 440
Анов Н. (Иванов Н. И.) I 296, 301; II 150
Ансон А. I 301, 302
Антокольский П. Г. I 50, 230, 232 II 36, 48, 119, 120, 198, 284, 296, 357, 367, 371, 374, 389, 391, 437, 471
Антоновская А. А. II 117
Антоновский Б. II 42, 448, 453, 455
Антонов-Овсеенко В. А. II 297
Антюхин Г. I 478
Анучин Д. Н. I 81

* Римскими цифрами обозначены соответствующие тома издания.

Анучина Е. Н. I 296
Аплетин М. Я. II 357
Апресянц Л. II 131
Арагон Л. II 85, 209, 212, 420, 423, 428, 430, 431, 432, 437, 439
Аракелян К. II 94
Арамилев В. (Зырянов И. А.) II 163
Арбатов С. I 490
Арбачева В. I 387
Арбузов А. Н. II 66, 250
Арватов Б. И. I 37, 38, 91, 94, 212, 261, 262, 312, 319, 321, 323, 334, 336, 354, 416; II 381
Арго П. (Гольденберг А. М.) I 404
Ардов В. Е. II 456, 463, 464
Аристотель II 234, 249
Арконада С.-М. II 276, 429, 437
Арманд П. II 396
Арнштейн Л. II 392
Аросев А. Я. I 58, 79, 80, 82, 212, 215, 458; II 383
Арсеньев В. К. I 127, 339
Арский П. А. I 32, 49, 472
Артамонов М. Д. I 155, 212, 216, 488
Архангельский А. Г. I 202, 404; II 17, 259, 448, 453
Архангельский В. В. I 211
Асафьев Б. В. II 282
Асеев Н. Н. I 79, 81, 83, 91, 97, 104, 112, 207, 212, 216, 219, 221, 225, 234, 238, 240, 254—256, 318—320, 322, 325—329, 332, 335, 340—342, 344, 371, 372, 375, 382, 390, 395, 396, 402, 450, 464, 466, 475, 482; II 11, 38, 92, 104, 120, 125, 198, 283, 287, 288, 296, 298, 305, 327, 331, 346, 377, 392, 418, 439
Асмус В. Ф. II 94, 358, 361
Астахов И. Б. I 439
Астров В. Н. I 408
Атаров Н. С. I 195; II 138, 143, 148, 150, 151, 354
Ауэзов М. О. II 223
Ауэрбах Н. I 301
Афиногенов А. Н. I 237, 240, 382, 435, 436, 439, 452; II 12, 66, 70, 242, 274, 308, 327
Афиногенов-Степной Н. А. I 356, 478—480, 486, 487
Ахматова А. А. I 16, 73, 74, 108, 152, 212, 244, 255, 264; II 393, 399
Ацарин Э. II 38
Ашукин Н. С. I 50, 445

Бабачян I 438
Бабель И. Э. I 68, 79, 91, 94, 103, 107, 111, 184, 217, 219, 222, 240, 256, 263, 264, 321, 325, 332, 382, 396, 402, 413, 414, 421, 457, 458, 460, 461; II 20, 36, 69, 267, 268, 287, 288, 290, 296—301, 319, 320, 334, 381, 382, 388
Бабенчиков М. В. I 257
Бабиченко М. II 465
Бабушкин М. С. II 356, 362, 466
Бабушкина А. I 235
Багдасаров А. А. II 307
Багратион П. И. II 337
Багрицкий Вс. Э. II 117
Багрицкий Э. Г. I 97, 103, 110, 111, 115, 129, 189, 193, 219, 231, 241, 244, 327, 340, 371, 377, 410, 417, 461; II 17, 20, 22, 34, 38, 72, 164, 268, 273, 274, 277, 284, 287, 296, 303, 305, 327, 333, 358, 396
Бадигин К. П. II 307
Баев К. Л. I 370; II 159, 160
Бажан М. (Н. П.) II 113, 284, 307, 358
Баженов А. II 210
Бажов П. П. I 466; II 36, 59, 65, 284, 312
Базанов В. Г. II 53
Базаров В. I 167, 208
Байдуков Г. Ф. II 243, 356, 393
Байрон Д.-Г. II 164, 226, 434, 440
Бакулин В. I 50
Бакунин М. А. I 211, 221, 259, 260; II 289
Бакунц А. II 48
Балабанова А. I 53
Балашов П. С. II 212
Балухатый С. Д. I 11, 192; II 15, 195, 277
Бальзак О. I 426; II 15, 36, 188, 231, 234, 236, 238, 240, 248, 251, 424, 433, 440
Бальмонт К. Д. I 39, 50, 54, 296, 486, II, 52, 408
Банксин К. II 411
Баранцевич К. С. I 144
Баратынский Е. А. I 129
Барбюс А. I 119, 190, 201, 235; II 168, 371, 404, 405, 407, 408, 411, 415, 417, 418, 421—426, 433, 435, 439
Бардин И. П. I 386
Баркова А. А. I 216, 486
Барсуков М. Н. I 130
Бартельс Е. II 83
Барто А. Л. II 274, 430
Бартэн А. А. II 397
Бархударов С. Г. II 15, 176
Баршев Н. В. II 376, 385
Басов М. М. I 80, 294, 300, 301; II 51
Басов-Верхоянцев С. А. I 23; II 154
Батрак И. II 155
Батыр М. II 164
Баузе Р. II 42
Бауков И. П. II 119
Бауман Н. Э. II 330
Бахбин В. II 156
Бахметьев В. М. (Г-бах, Л. Остапов, М. Задонский, Пажитнов, Уржатский, Голодников) I 231, 238, 338, 355, 356, 359, 361, 363—366, 402, 405, 407, 422, 464, 477; II 35, 223, 296, 326
Бахрушин С. В. I 295
Бахтин М. М. II 292
Бачелис И. И. I 382
Бегак Б. А. II 146, 272, 352, 357
Бегляев Н. II 148
Бедный Д. (Придворов Е. А.) I 19, 20, 39, 53, 60, 68, 82, 83, 86, 94, 97, 148, 150, 157, 163, 212, 216, 218, 371, 390—392, 400, 405—407, 433, 439, 457, 461, 470, 488, 506; II 31, 54, 66, 110, 155, 249, 287, 317, 340, 341, 345, 446, 448, 458, 464, 470
Бедов М. I 403
Бедуин А. II 138
Беззубова Ф. И. II 167
Безыменский А. И. I 83, 84, 86, 94, 97, 103, 110, 141, 225, 371, 372, 378, 382, 385, 390, 392, 395, 396, 404, 406, 410, 426, 427, 436, 446, 457, 466, 490, 492, 495; II 21, 46, 204, 249, 288, 296, 301, 315, 318, 327, 334, 341, 363, 376, 384, 465
Бек А. А. II 295, 365, 370
Беккер М. I 121, 378, 401, 403, 409, 411, 500; II 191, 257, 323
Беленький Е. И. I 310, 485

Белецкий А. И. II 125
Белицкий Г. II 40, 178, 357
Белицкий Д. П. II 389
Белинский В. Г. I 47, 114, 206, 258, 259, 295; II, 30, 38, 63, 64, 124, 130, 226, 233, 249, 274, 278
Белкина Н. П. II 63
Белоконь В. II 196
Белопольский И. Р. I 175, 176
Бельский Н. I 250
Бельчиков Н. Ф. I 417; II 46, 83, 167
Белый А. (Бугаев Б. Н.) I 16, 17, 21—24, 26, 37, 39, 50, 75, 76, 103, 108, 114, 181, 182, 223, 434, 478; II 23, 24, 28, 60, 238, 305, 380
Беляев А. Р. II 67
Беляев В. Р. II 121
Беляев С. М. II 133, 306
Беляков А. В. II 393
Бенар II 233
Беранже П.-Ж. II 440
Берг I 81
Бергамин X. II 430
Берггольц О. Ф. II 34, 107, 119, 120, 122, 284, 338, 339, 367, 391, 393, 397, 399, 401
Бергельсон Д. Р. II 82
Бергсон А. I 437
Бердников Я. П. I 32, 33, 86; II 377
Бердяев Н. А. I 14, 16, 65, 167
Березко Г. С. II 119, 120, 286, 368, 373, 374
Березницкий Е. I 306
Березов П. (П. И. Полозов) II 344, 345, 357
Березовский Ф. А. I 70, 80, 231, 294, 296, 299, 304, 361, 458; II 35, 317, 318
Береснев I 395
Берзин Ю. С. II 391
Берзинь А. А. II 411, 417, 418
Бесики (Габашвили В.) II 82
Бескин О. М. I 234; II 268, 404
Бескин Э. М. II 268
Бескина А. II 74, 183, 240, 391
Беспалов И. М. I 229, 231, 234, 236, 271, 273—277, 287, 418, 426, 432; II 220 232, 248, 260, 261, 316
Бессалько П. К. I 32—35, 42, 47
Бехер И. I 119, 183, 190, 403; II 85, 87, 117, 202, 263, 307, 341, 351, 396, 405, 408—411, 417, 418, 420, 423—425, 431, 432, 439, 440
Бехтерев В. М. I 454
Бибик А. П. I 57
Билль-Белоцерковский В. Н. II 227
Бих О. II 420
Благой Д. Д. I 192, 225, 286; II 167, 176; 195, 197, 219, 235
Блажко I 212
Бланк И. I 18
Блинков В. I 393
Блок А. А. I 13, 16, 17, 21, 23, 24, 47, 73, 75, 181, 184, 224, 237, 238, 252, 469, 477, 485, 490; II 357
Блок Ж.-Р. II 118, 352, 355, 356, 405, 408, 410, 418, 423, 428, 430, 437
Блюм В. И. II 257
Бляхин П. А. I 412
Бобров М. II 52
Бобров С. П. I 212, 216, 221, 244, 262, 266, 458
Бобрышев В. Т. I 194, 203; II 14, 25, 129, 135, 145, 146, 184, 247, 273
Богданов (Малиновский) А. А. I 25—29, 31, 32, 35—37, 55, 59, 61, 160, 346—348, 353, 471
Богданов Ал. I 297
Богданов В. Н. I 378, 384, 406; II 46, 47, 330
Богданов-Березовский В. II 398
Богословский Н. I 450; II 298
Болотин С. Б. II 258
Болотников А. А. II 21, 265
Большаков К. А. II 36
Бондарев Ю. В. I 388
Бондарин С. А. II 162
Бондин А. II 21
Бонч-Бруевич В. Д. I 152, 233, 368, 374; II 297
Борецкий В. II 184
Борзенко С. А. II 112, 113, 364
Борисов Г. I 406
Борисов Л. И. II 391, 399, 400
Борисов С. II 161
Борисова М. И. I 309
Борисоглебский М. В. II 51, 161
Боровой Л. Я. II 118, 243
Бороздин И. I 212, 233
Борщевский С. С. I 420; II 368
Босняцкий Е. Г. II 150
Боттичелли С. I 46
Бочаров Н. В. II 109
Бочачер И. II 80
Бочачер М. Н. II 357, 358
Бояджиев Г. Н. I 281
Брагин М. Г. II 366
Брагинский И. С. I 254
Бражнев Е. (Трифонов Е. А.) I 116
Бражнин (Пейсин) И. Я. II 392
Брайнина Б. Я. I 237; II 121, 197, 268
Браудо Е. I 257
Браун Н. Л. II 35, 40, 42, 376, 384, 385, 389, 392
Браун Ф. А. I 180
Браун Я. I. 296
Браунштейн А. I 196
Бредель В. II, 25, 67, 85, 206, 263, 351, 418, 419, 428, 431, 428, 431, 432
Брейгель П. II 165
Бренгвин Ф. II 409
Брехт Б. II 89, 206, 212, 392, 423, 424, 430, 432, 441
Бриан А. I 146
Брик О. М. II 40—43, 91, 128, 134, 313, 314, 317, 319, 321, 325, 330, 332, 333, 336, 338, 339, 343, 344, 390, 394, 395, 405, 411; II 222, 269, 471
Бровка П. У. II 167, 312
Бровман Г. А. II 74
Бродаты Л. Г. I 19; II 448, 453
Бродский Н. Л. I 192; II 195, 197
Броневский В. II 263, 420, 437
Бронштейн М. I 199
Броунинг Р. II 392
Брукс В. II 437
Брюсов В. Я. I 21, 37, 50—52, 57, 81, 91, 212, 254—256, 259, 323, 359, 469, 477, 486
Буачидзе Б. М. I 233
Бубнов А. С. I 63, 65, 70, 72, 81, 95, 96, 233, 488

Буданцев С. Ф. I 50, 256, 458; II 259, 296, 297
Буденный С. М. I 388; II 319, 320, 382
Букшпан Я. I 65, 167
Булгаков М. А. I 108, 414, 416, 434
Бупимович Т. II 311
Бунин И. А. I 223, 339; II 53, 166, 408
Бурдуков А. В. I 300
Бурлюк Д. Д. I 312, 318, 476
Бурский М. И. II 157, 159
Бурсов Б. И. II 74
Бусыгин А. Н. I 376, 502; II 27
Бутковский Г. А· I 385; II 46
Бухарин Н. И. II 54, 56, 250
Бухарцев Д. П. II 345
Бухов А. С. II 448
Бухштаб Б. Я. II 396
Буцевич А. I 213
Бэрк II 210
Быстрянский В. I 245, 247
Бялик Б. А. II 74, 114, 123, 124, 277

Вавилов Н. И. II 307
Вагинов К. II 385, 386, 387, 390
Вагнер Н. П. II 391, 399
Ваграмов Ф. А. I 436
Важдаев В. (Рубинштейн В. М.) II 157, 161, 163, 164
Важинская М. II 441
Вайнерт Э. II 85, 88, 263, 307, 392, 417, 423, 428, 430, 431, 432, 441
Вайскопф Ф. II 411, 437
Вайян-Кутюрье П. I 119, 189; II 85, 89, 146, 162, 405, 407, 408, 410, 411, 422, 423, 430, 431
Варга Е. С. I 212
Вардин И. I 97, 99, 100, 160, 212, 225, 226, 392, 398, 399, 417; II 321, 384
Варейкис И. I 99, 470
Варшавский С. П. II 122
Василевская В. Л. II 119, 243, 286, 307, 336, 358
Василевский В. С. I 196, 203; II 63, 151, 399
Васильев Ив. II 377, 382
Васильев П. Н. I 231; II 36, 38, 189, 269, 272, 303, 305, 360
Васильев С. А. I 192; II 163, 198, 236, 371
Васильевский (Василевский) В. Н. I 119, 215, 229, 230, 462; II 301
Васильковский Г. II 11
Васильченко С. Ф. I 404; II 254
Васнецов А. М. II 165
Вассерман Я. II 263
Ватсон М. I 14
Ваулин П. I 317
Вашенцев С. И. II 92, 94, 345, 349, 350, 353, 354, 360, 363
Вашенцева-Новикова Е. I 199
Вдовин В. А. I 198
Вебер К. I 271
Веберг В. II 135
Вегман В. Д. I 295, 300
Веденеев Б. Е. II 167
Венгров Н. (М. П.) II 125
Венецианов А. Г. I 46
Верейский О. Г. II 116
Вересаев (Смидович) В. В. I 79, 144, 212, 215—217, 361; II 21, 287, 288, 296, 298
Вертов Д. I 324, 337
Верфель Ф. II 93
Верхарн Э. I 152, 478; II 440
Верхоустинский Б. I 176
Верцман И. Е. II 234
Вершигора П. П. II 374
Веселый А. (Кочкуров Н. И.) I 68, 79, 97, 212, 215, 230, 263, 321, 325, 332, 369, 374, 390, 402, 459, 461, 499, 501, 503; II 12, 69, 94, 223, 228, 287, 296—299, 314, 341; 342, 346, 358
Веснина А. I 212
Вессель Л. II 212
Ветлугин И. I 309
Ветров С. I 498
Вешнев В. (Пржецлавский В. Г.) I 38, 108, 405, 408; II 255
Виардо П. I 259
Виглянский Н. Д. II 144
Визе В. Ю. I 198; II 16, 307
Вико Д. II 74, 238, 239
Вилаплана А.-Р. II 355
Виленкин Б. II 140
Вильдрак Ш. II 437
Вильена М. II 85
Вильям-Вильмонт Н. Н. (Вильмонт Н.) II 88, 406, 440
Вильямс В. Р. II 139, 167
Винкельман Д. II 73
Виноградов А. К. I 370; II 268
Виноградов И. А. I 192, 233, 402, 418, 433; II 17, 179, 188, 193—195
Виноградская П. С. I 258
Винокур Г. О. I 262, 323, 330
Винтер А. В. I 198
Виппер Р. Ю. I 165
Вирта Н. Е. II 65, 94, 350, 356, 357, 471
Висляк Я. II 85
Витенсон М. II 394
Витин Н. II 177
Вихрев Е. Ф. I 488, 496; II 52, 143, 262
Вишневский В. В. I 231, 436; II 6, 22, 26, 27, 58, 89, 90, 92, 93, 95, 103, 107, 112, 118, 120, 121, 125, 176, 195, 223, 242, 268, 273, 276, 285, 305, 340, 341, 347—349, 351—357, 359, 360, 363, 365, 366, 369, 370, 372—374, 397, 398, 423, 430, 438
Владимиров В. Н. II 196, 197
Владимирский Г. II 395
Владыкин Г. И. II 363
Владыкин Т. II 139, 363
Власов Ф. II 395
Власов-Окский Н. С. I 57, 480, 481
Воблый В. М. II 143
Войнич Э. Л. I 38
Войтинская О. С. II 30, 251, 335
Войтинский В. I 150
Войтинский Г. II 202
Войтоловский Л. Н. II 298, 388
Волгин Ф. I 156
Волженин Р. II 468
Волин Б. М. I 84, 230, 232, 233, 394, 395, 398, 399, 408, 420; II 85, 255, 259, 322
Волков А. А. I 383, 498; II 236, 274, 360, 372
Волков В. I 176
Волков М. И. I 38, 57, 112, 350, 356, 359, 486
Волков-Ланнит Л. I 339
Волкова Е. II 140
Володарский Д. II 367
Володин М. II 118
Воложенин А. II 78
Волошин А. Н. I 306, 308

Волошин (Кириенко-Волошин) М. А. I 108, 212, 216
Волошинов В. Н. II 176, 379
Волчанецкая Е. Д. I 212
Вольнов (Владимиров) И. Е. I 16, 88, 148, 187, 212, 375, 478; II 46, 129, 141, 149
Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) II 407, 433
Вольф Ф. II 67, 90, 352, 361, 423, 437, 441
Вольфсон И. В. I 185
Волынский (Флексер) А. Л. I 247
Воровский В. В. I 431, 432
Воронин С. А. I 462; II 296
Воронский А. К. I 69, 79, 80, 82, 84, 87—91, 95—97, 99, 100, 104, 105, 110—116, 119, 129, 131, 133, 135, 136, 165—168, 184, 185, 207—213, 215—230, 236, 250, 252, 259, 260, 274, 300, 301, 332, 338, 357, 372—374, 392, 398, 404, 414, 415, 418, 420—422, 424, 437, 451, 460, 461, 466; II 16, 34, 38, 76, 288, 291, 296—299, 379, 380, 382, 388
Воронцова Л. I 189
Врангель П. Н. II 344
Вульф В. II 431
Вургун С. II 167
Выгодский Д. И. 212, 216, 262, 266; II 64
Высоцкий А. В. I 302, 303
Вышинский А. II 140
Вюрмсер А. II 140
Вяткин Г. А. I 294, 296, 303, 304, 484, 485
Вячеславов П. Л. II 190

Габор А. I 451
Габрилович Е. И. I 187, 192, 204, 380; II 16, 23, 353, 354
Гаврилова М. II 161
Гайдар (Голиков) А. П. I 240, 241; II 21, 37, 48, 106, 281, 326, 327, 335
Галактионов И. I 247
Галактионов М. II 362
Галин Б. (Рогалин Б. А.) I 192, 244, 380; II 186, 313, 325, 329, 364
Галкин С. З. II 82
Гальперина Е. Л. I 402, 403; II 88, 434, 440
Гамсахурдия К. С. II 69
Гамсун К. II 87, 263
Ганф Ю. II 210, 473
Гарди Т. II 433, 440
Гаркнесс М. II 231, 234, 440
Гарри А. Н. II 358
Гаршин В. М. II 400
Гастев А. К. I 28, 39, 43, 53, 472, 473
Гатуев Д. II 68
Гашек Я. II 67, 405
Геббельс И. II 106, 207
Гегель Г.-В.-Ф. I 165; II 73, 74, 233, 249
Гейм С. II 367
Гейне Г. I 237, 433; II 106, 164, 389, 433, 439, 441
Геккерт Ф. II 209
Гельдерс II 345
Гельфанд М. С. I 134, 138, 139, 233, 258, 271, 274, 277, 411, 432; II 258
Генри Э. II 361
Герасимов А. М. II 165, 308
Герасимов М. П. I 25, 32, 37, 50, 53, 57, 83, 86, 108, 111, 164, 212, 216, 263, 327, 345, 346, 350, 351, 353, 371, 396, 457, 472, 477—480, 486; II 376
Герасимов С. А. II 282, 471
Герасимова В. Г. I 83, 369, 385; II 250
Гербстман А. О. I 392
Геринг Г. II 106
Герман Ю. П. I 386; II 42, 43, 46, 244, 272, 357, 369, 391—393, 399
Геронский Т. И. I 450
Герцен А. И. I 30, 46, 59, 143, 206, 419; II 52, 63, 166
Гершензон М. О. I 222; II 209
Гете И.-В. I 237; II 39, 71, 106, 196, 234, 236, 239, 248, 407, 433, 440
Гетцендорф, фон II 378
Гехт С. Г. I 449, 450; II 62, 118, 243
Гидаш А. II 85, 332, 341, 405, 408, 410, 411, 417, 418
Гиерман В. II 176
Гизетти А. I 162
Гийю Л. II 212
Гильбо А. I 153, 183
Гильен Н. II 430
Гиндин М. I 301; II 173
Гинзбург Л. В. II 402
Гиппиус З. Н. I 16, 17
Гитлер А. II 95, 106, 116, 121, 213, 214, 327, 361, 441, 442
Гитович А. И. I 449; II 43, 97, 389, 391, 399
Гиш Г. I 384
Глаголев Арк. I 130, 136; II 298
Глаголев Н. А. I 402, 419, 431, 438
Гладков Ф. В. I 84, 94, 112, 115, 116, 121, 128, 186, 192, 210, 212, 217, 228, 241, 263, 355, 356, 358, 361, 362, 365, 369, 398, 405, 414, 426, 457, 459; II 10, 12, 20, 78, 123, 124, 176, 195, 204, 228, 240, 256, 267, 285, 288, 290, 297, 298, 301—303, 304, 306, 309, 312, 316, 318, 319, 333, 334, 336, 438
Глебка П. Ф. II 120, 312
Глезер Э. II 263, 417
Глоба А. П. I 212
Гобсон Дж. I 69, 168, 208, 214
Гоголь Н. В. I 31, 262, 226, 268, 339, 377; II 5, 15, 24, 36, 73, 75, 176, 182, 196, 224, 236, 280, 292, 335
Гойя Ф. I 46; II 409
Голд М. I 403; II 85, 410, 417, 437
Голованивский С. II 116, 119
Головенченко Ф. М. I 438; II 196
Голодный М.(Эпштейн М. С.) I 112, 129, 216, 356, 373, 378, 392, 459, 500; II 48, 163, 195, 249, 250
Голомб Э. I 457
Голсуорси Дж. I 14, 181, 188; II 406
Голубева А. Г. II 397
Голубов С. Н. II 124, 305, 337, 351
Гольдарбайтер Р. I 247
Гольдберг И. I 80, 296, 297, 302, 303; II 51
Гольдебаев А. К. I 477, 486
Гольдин М. (И. Гранич) II 159
Гольцев В. В. I 237, 238; II 268, 273, 274
Гольцман А. Г. II 137, 147
Гомбарг Ю. II 465
Го Мо-жо II 417
Гончаров И. А. I 284, 287, 377; II 176, 226, 247
Гончаров В. (Семен Михайлович) II 374
Гор Г. С. II 43, 391, 392, 399
Горбатов Б. Л. I 241, 242, 244, 406; II 71, 108, 110, 119, 120, 125, 283—285, 321, 323, 329, 330, 336, 354, 356, 368
Горбатенков В. II 192

Горбачев Г. Е. I 128, 235, 236, 432, 433; II 40, 377, 380—382, 387, 388, 395
Горбов Д. А. I 128, 129, 136, 140, 225, 226, 230, 236, 274, 414, 415, 432, 457; II 257, 298
Горбунов К. Я. I 187, 192, 196, 426, 464, 496; II 149, 186, 190, 196, 197
Горев (Гольдман) Б. I 212, 258
Горелик Б. II 144
Горелов А. Е. II 389, 392, 394
Горлов Н. I 326
Горнфельд А. Г. I 73
Горный Г. II 143
Городецкий С. М. I 212, 216, 486, 489
Горохов Л. I 231; II 384
Горький А. М. I 12, 16, 19, 34, 35, 46, 55 68, 72, 78, 79, 88, 96, 97, 103, 108, 110—112, 114, 115, 117, 119, 121—126, 134, 141, 142, 144—152, 155, 157, 158, 160, 166, 168, 171—212, 216—218, 220, 223, 227, 230, 231, 233, 237, 238, 240, 242, 244, 259, 264, 273, 295, 300—303, 305, 307, 339, 341, 361, 363, 374, 375, 383, 385, 386, 393, 395, 398, 401, 405, 408, 409, 419, 431, 432, 438, 455, 457, 460, 461, 465, 469, 475, 480, 488, 506; II 6, 8—10, 13—17, 20, 21, 23, 24, 31, 32, 34, 36, 39, 40, 41, 43, 46, 49—52, 55, 56, 59, 62, 63, 69, 75, 80, 81, 83, 87, 90, 97, 98, 104, 110, 127—175, 177—205, 210, 215—217, 223, 227, 228, 248, 253—256, 258—260, 267—277, 279, 287, 289, 297—299, 301, 305—308, 320, 322, 323, 325, 326, 328, 333, 334, 345, 354, 384, 387, 388, 395, 408, 417, 425, 426, 434, 439, 442, 453, 458—460, 463
Горяев В. II 69, 473
Гоффеншефер В. Ц. II 74, 124, 224, 228, 229, 233, 240, 242, 243, 246, 251, 280, 298, 351, 352
Гра Ф. I 254
Грабарь Л. Ю. I 397, 407, 412; II 43, 382, 383
Гран А. II 212
Гранов В. И. II 472
Грасис К. I 318
Грачев М. II 311
Гребенников М. П. II 262
Гредель В. II 190
Грекова Г. (А. Я.) I 193
Греми Р. II 211
Гржебин З. И. I 173
Гриб В. Р. II 73, 225, 234, 238, 239, 245, 251, 280, 281, 358
Грибачев Н. М. II 113, 167, 351
Грибоедов А. С. I 402, 465
Григоренко В. В. II 262, 302
Григорович А. II 453
Григорьев В. II 366
Григорьев М. П. I 38, 136, 233, 402, 407, 413, 417, 418, 450; II 388
Григорьев Я. I 403
Грин А. (А. С. Гриневский) I 47, 210, 240, 457, 458, 490; II 22, 243, 297, 388, 396, 400
Гринберг И. Л. I 192; II 72, 178, 195, 279, 370, 395
Гринвуд Р. II 367, 443
Гриц Т. С. I 343; II 275
Громов М. М. II 363, 466
Громов П. П. II 66, 280, 401
Гронский И. М. I 120, 232; II 9—11, 20, 38, 90, 219, 268, 302, 303, 307, 309
Гроппер У. II 204, 418
Гросс Г. II 292
Гроссман Б. II 358
Гроссман В. С. I 203, 241, 243, 260; II 70, 106—108, 118—120, 163, 243, 281, 283, 285, 312, 338, 351, 352, 364, 365, 368
Гроссман Л. П. I 237, 241, 450, 458; II 44, 257, 263, 298
Гроссман-Рощин И. С. I 233, 259, 271, 275, 411, 437
Грошик (С. Копейкин) I 33
Груздев И. А. I 185, 192, 377; II 42, 183, 185, 187, 195, 383, 384, 387, 393, 395, 399, 400
Грязнов I 217
Губер Б. А. I 459
Гугель Я. I 200
Гуд Томас I 189; II 164
Гудзенко С. П. II 119, 285, 365, 368, 374
Гудзий Н. К. II 167
Гудок-Еремеев К. II 14, 135, 148
Гудон А. I 46
Гудошников М. II 51
Гуковский Г. А. II 388
Гулиа Д. I 238
Гулям Г. II 83
Гумилев Н. С. I 255
Гумилевский Л. И. I 377, 411; II 324
Гупперт Г. II 246
Гурарий С. II 311
Гурвич А. С. I 237—239, 241—243, 439; II 74, 125, 224, 242, 251, 280, 283
Гурвич В. II 357
Гуро Е. Г. I 319
Гурштейн А. Ш. I 233, 431, 432
Гус М. С. I 238
Гусев В. М. II 120, 195, 242, 395
Гусев С. И. (Я. Д. Драбкин) I 63, 212, 229, 375, 379
Гюго В. II 240, 433
Гюисманс Ж.-К. II 277
Гюль О. II 158
Гюнтер Г. II 85, 422

Давид Ж. I 46
Давыдов Д. В. II 46
Давыдов О. Ф. II 379
Дайреджиев Б. Л. II 275
Далецкий П. Л. II 391
Дальний Б. (Б. Д. Живоглядов) II 52
Данилевский Н. Я. I 65
Данилевский Г. I 57
Данилин Ю. И. I 237, 402, 403
Данилов И. М. I 439; II 344
Данин Д. С. (Плотке) II 125, 283, 358
Дарвин Ч. II 400
Дарузес Н. II 406
Двойлацкий Ш. I 211, 212
Деборин (Иоффе) А. М. I 212
Де-Бужим Г. I 466
Дегтярев Л. С. I 39; II 340, 342, 343
Дейнека А. А. I 446, 453; II 204
Дейч А. И. II 212
Делакруа Э. I 46
Дельвиг А. А. II 46
Дементьев Н. И. I 86, 112, 129, 309, 377; II 34, 269
Демидов А. А. I 187; II 263
Демирчан Д. II 48

Дени (В. Н. Денисов) I 444
Денике Б. П. I 490
Денисов Н. II 364
Денисова Л. Ф. II 75
Державин Н. С. I 248; II 377
Дерман А. Б. II 74, 125, 223, 225
Дерптский Б. I 486
Дерсо II 210
Десницкий В. А. I 192; II 15, 43, 176, 183, 187, 193, 195
Десняк О. (А. И. Руденко) II 82
Джабаев Дж. II 66, 83, 167, 307, 358, 395
Джексон Т. II 437
Джерманетто Д. I 190; II 85, 202, 417, 423, 439
Джойс Д. II 22, 84—86, 90, 348, 392, 407, 424
Джонсон Х. II 427
Джордж Л. I 238; II 454
Дзенис О. II 202
Дзержинский Ф. Э. I 387
Дивильковский А. А. I 120, 233
Дидро Д. II 234, 247, 248
Диккенс Ч. II 188
Диковский С. В. II 21, 186, 198, 243, 305
Димитров Г. I 201
Динамов (Оглодков) С. С. I 233, 235, 281, 290, 402, 403, 435—439; II 11, 19, 21, 39, 40, 74, 76, 85, 86, 219, 263, 265, 268, 411, 415, 417, 420, 422, 424, 435—437
Дин Лин II 85
Дитрих П. II 85
Дмитриев А. М. II 94, 391
Дмитриев В. А. I 231, 377, 406
Дмитриев В. С. I 317
Дмитриев С. I 198
Дмитриев Т. П. I 364; II 317
Дмитриева Ц. Е. II 372
Дмитроченко И. II 391
Добин Е. С. I 137, 402; II 42, 74, 174, 183, 187, 190, 196, 365, 395, 402
Добролюбов Н. А. I 143; II 63, 196, 226, 233, 234, 249, 273, 277, 335
Добрынин М. К. I 233, 434; II 125
Добужинский М. В. I 179; II 455
Довженко А. П. II 90, 108, 120, 350, 351
Додд М. II 441
Долев Д. Н. II 452
Долматовский Е. А. I 384; II 113, 226, 305, 331, 350, 354, 356, 371, 374
Доль I 453
Дольный Н. I 363
Д'ор О. Л. I 453; II 448
Дороватовский С. П. I 259
Дорогойченко А. Я. I 110, 350, 390, 405, 407, 478, 479, 486; II 314, 323
Доронин И. И. I 86, 97, 372, 390, 392, 498, 502; II 314, 317, 318
Дорохов П. Н. I 350, 356, 478
Дорош Е. Н. I 244
Дорфман В. I 197, 198; II 159, 160
Дос Пассос Дж. II 22, 23, 35, 36, 52, 84, 85, 90, 206, 347, 348, 392, 406, 410, 411, 417, 419, 423; 424, 427
Достоевский Ф. М. I 14, 72, 184, 221, 237, 258—262, 266, 275, 276, 284, 301, 338, 379, 408, 422; II 176, 292
Драверт П. Л. I 294, 296, 305, 485
Драйзер Т. II 84, 263, 276, 332, 392, 406, 410, 417, 420, 423, 425, 431, 434—437, 439, 441
Древс А. I 165
Дробов В. II 449
Дроздов А. М. I 212
Дружинин В. Н. I 216, 218; II 397
Друзин В. П. I 403; II 387, 388, 391, 395
Друнина Ю. В. II 374
Дудин М. А. II 122, 399
Дукор И. I 238, 402
Дульский П. М. I 490
Дульцев В. I 504
Дунаевский Е. II 80
Дуниковский К. I 46
Дурылин С. Н. II 125
Дымшиц А. Л. I 192; II 74, 124
Дынник В. А. I 225, 241, 291; II 72
Дэвис Б. II 205, 206
Дюамель Ж. I 403; II 263, 291
Дюбин В. В. II 161, 164
Дю Гар Р.-М. II 87, 437, 439
Дюкло Ж. II 421, 432
Дюре Ж. II 379
Дюртен Л. II 263, 291

Евгенов С. В. II 140
Евгеньев-Максимов В. Е. I 5, 258, 420; II 388
Евдокимов И. В. I 86, 217, 239; II 306, 309
Еголин А. М. II 73
Елизарова М. Е. II 188
Елисеев К. II 446, 453
Елистратов В. II 51
Елистратова А. А. II 88, 424, 442
Емельянов Б. А. II 225, 242
Емельянова (Козловицкая) Н. А. I 307; II 119, 120, 366
Енукидзе А. С. I 233
Енчмен Э. I 67, 92
Еремеев К. С. II 449, 450, 457
Ерикеев А. Ф. II 307
Ермилов В. В. I 115, 136—138, 141, 192, 231, 233, 237, 238, 241, 242, 244, 275, 338, 365, 375, 377, 379, 402, 404, 410, 412, 419, 421—423; II 16, 34, 35, 40, 63, 66, 74, 125, 222, 229, 243, 251, 257, 258, 277, 279—281, 284, 285, 359
Ерошин И. Е. I 28, 38, 57, 212, 296, 298, 305
Есенин С. А. I 21—24, 35, 36, 38, 39, 50, 53, 57, 58, 68, 79, 152, 207, 212 216—219, 221, 222, 224, 332, 412, 434, 459, 460, 469, 477, 502; II 274, 284, 287, 288, 296, 297, 303, 376, 387
Ефимов Б. Е. I 444, 446, 447, 452, 453; II 210, 214, 447, 454, 456, 463
Ефремин А. В. I 233, 237, 363
Ефремов (Горемыка) С. Г. I 33

Жак В. К. I 403, 426
Жакова В. Н. I 193
Жаркий I 502
Жаров А. А. I 83, 86, 97, 111, 112, 234, 369, 371, 372, 385, 390, 392, 400, 404, 406, 409, 446, 457, 500, 502; II 38, 46, 48, 116, 167, 249, 250, 296, 314, 317, 327, 334, 410
Жданов В. В. II 225
Жданов Н. Г. II 350, 357
Жданов С. I 501
Железнов П. И. II 116
Жемчужный В. Л. I 337, 344
Жеребцов Б. О. I 307; II 143
Жерико I 46
Жига И. (И. Ф. Смирнов) I 121, 187, 189, 192, 362, 363, 366, 422; II 149, 161, 325

Жид А. II 392, 406, 427, 430
Жижин И. И. I 155
Жирмунский В. М. I 192, 268, 418; II 178, 195, 196, 276, 396
Жироду Ж. II 292
Жислин Б. I 451
Житков Б. С. II 48
Жиц Ф. А. I 225, 359, 412
Жолио-Кюри И. II 432
Жув П. II 93
Жуков Л. II 73
Жуков П. I 86
Жуков Ю. А. II 364
Жуковский П. М. I 211; II 307
Журавлева Е. В. II 38
Журбина Е. И. II 387, 471

Заболоцкий Н. А. II 98, 229, 276, 313, 385, 389, 390, 392, 467
Завадовский Б. М. I 212, 214, 370; II 159, 160
Завадовский М. I 81, 212
Завьялов К. I 488
Задорнов Н. П. I 309
Зазубрин В. Я. I 169, 295, 296, 299—301, 306, 310; II 157—159, 163, 165, 166, 168
Зайцев Б. К. I 75, 287
Залевский (Трусевич) К. I 31, 52, 54
Залесский II 58
Залка Матэ I 85, 503; II 86, 163, 326, 340, 345, 346, 355, 405, 409, 410, 428
Залыгин С. П. I 308
Замойский (Зевалкин) П. И. I 415; II 155, 259, 263, 316
Замошкин Н. И. I 244; II 157, 165, 196, 298, 357, 358
Замятин В. Д. II 119
Замятин Е. И. I 16, 17, 21, 22, 73—76, 78, 82, 108, 114, 139, 152, 179, 184, 222, 248, 370, 412, 416; II 259, 260, 315, 466
Запорожский П. I 302
Запровская А. Я. I 403, 437
Зарудин Н. Н. I 130, 415, 459; II 62, 150, 151, 296, 335
Зарьян С. (А. Егиазарьян) II 307
Заславский Д. И. I 190; II 98, 125, 162, 209, 268, 327, 461, 467, 470, 472
Засулич В. И. I 17
Звавич И. II 88, 361, 362
Здобнов Н. В. I 251, 252
Зегерс А. I 190; II 85, 87, 88, 212, 332, 432
Зелинский К. Л. I 134, 135, 233, 237, 241, 333, 402, 409, 417; II 71, 211, 219, 220, 223, 224, 228, 233, 246, 257, 263, 268, 276, 335, 345, 357, 358
Зенкевич М. А. II 410
Зингер М. Э. II 34, 68, 142, 296
Златова Е. В. II 125, 181, 182, 286
Златовратский Н. Н. II 52
Злобин С. П. I 230; II 112
Зозуля Е. Д. I 187, 234, 402, 452, 454, 458; II 210, 223, 255, 263, 346, 463, 469
Золотухин В. II 188
Золя Э. I 183, 289; II 36, 176, 188, 240, 424, 433, 439,
Зонин А. И. I 109, 115, 138, 226, 271, 274, 275, 287, 290, 395, 402, 405, 414, 421, 424, 425, 500; II 318, 322, 384, 399
Зорич А. (В. Т. Локоть) I 187, 445, 450, 452, 453, 458; II 52, 456, 463, 467
Зорян С. II 69
Зощенко М. М. I 182, 192, 203, 212, 216, 217, 222, 240, 256, 263, 457—459, 461; II 36, 41, 48, 59, 63, 70, 74, 82, 118, 176, 186, 195, 240, 243, 266, 272, 275, 296, 337, 338, 383, 387, 389, 392, 393, 396, 453, 455, 460, 467—469, 473
Зуев А. Н. I 209, 212, 216
Зуев П. I 295
Зуев-Ордынец М. Е. I 308
Зюйд-Вест (Бывалов) II 47

Иван IV Грозный II 124, 125, 337
Иванов А. С. I 309; II 176
Иванов Вс. В. I 68, 79, 80, 82, 88, 94, 108, 111, 112, 120, 121, 141, 179, 182, 192, 208—212, 216, 217, 219, 220, 222, 223, 230—233, 236, 263, 294, 295, 305, 307, 310, 361, 362, 364, 375, 396, 408, 410, 411, 414, 457, 459, 460, 488; II 12, 16, 17, 28, 35, 38, 49, 59, 69, 129, 186, 266, 268, 269, 281, 287, 296, 298, 311, 324, 341, 384, 393, 465, 467
Иванов Вяч. И. I 17, 50, 222
Иванов Е. I 238
Иванов Е. Ф. (Филиппыч) I 307
Иванов Л. И. I 308
Иванов М. Ф. II 137
Иванов П. И. I 174
Иванов С. II 169
Иванов-Грамен Н. К. II 448, 456, 458, 461
Иванов-Разумник Р. В. I 13, 22, 24, 247
Ивантер Б. А. II 281
Ивенс И. II 211, 428
Ивич А. (И. И. Ивич-Бернштейн) II 225
Ивнев Р. (М. А. Ковалев) I 47; II 466
Игнатов П. К. II 120
Игнатьев А. А. II 99, 285, 351, 356, 366
Изгоев Н. I 14, 73, 74, 396
Иезуитов Н. I 233, 413, 434
Илларионов В. Т. I 187
Иллеш Б. I 85, 119; II 86, 219, 307, 315, 332, 405, 411, 416, 417, 421
Ильенков В. П. II 31, 32, 167, 323, 325, 327, 329, 333, 334
Ильин И. I 471
Ильин М. (И. Я. Маршак) I 198, 199; II 8, 158
Ильин Я. Н. I 187, 380; II 17, 28, 144, 240, 329, 374
Ильина В. В. I 50, 212
Ильф И. (И. А. Файнзильберг) I 453; II 20, 24, 52, 63, 68—70, 94, 205, 206, 243, 266, 269, 272, 351, 358, 396, 456, 463, 466, 469
Инбер В. М. I 79, 88, 207, 216, 231, 234, 264, 333, 396, 397, 402, 417, 450, 458, 459; II 22, 110, 120, 122, 125, 284, 296, 297, 300, 311, 365, 372, 396—399, 401, 418, 438
Инге Ю. А. II 113, 391
Ингулов С. Б. I 99, 212, 213, 233, 391, 394; II 204, 457
Иносуке Н. II 410
Ионов И. И. I 32, 49, 53, 86, 105, 182, 183, 245; II 376, 381
Иоффе А. Ф. I 53, 196, 451, 454; II 137, 158
Иоффе Ф. М. II 219
Ипатьев В. Н. II 137, 378
Ипполит И. К. (И. Ситковский) I 434; II 212, 230, 262
Ирасек А. II 441

Исаакян А. II 120, 277, 307
Исаковский М. В. I 189, 192, 244, 300, 403, 404, 464, 465, 499, 505; II 119, 154, 155, 163, 178, 192, 195, 197, 198, 296, 305, 327, 338, 354, 368, 467
Исбах А. (И.А. Бахрах) I 83, 120, 122, 390, 402, 406; II 35, 93, 103, 116, 119, 314, 330, 340, 346, 349, 352—354, 356, 357, 360, 363, 364, 448
Истрати П. I 181, 235; II 404, 406, 411
Итин В. А. I 301—303, 306, 450; II 379
Ихок Р. II 212

Кабаяси Т. II 85
Каверин В. А. I 181, 198, 375, 413, 458; II 12, 41, 43, 59, 119, 120, 195, 281, 311, 336, 366, 370, 383—386, 388, 390, 393, 396
Кавказский А. I 495
Каган Г. А. II 411
Кажинский В. I 196
Казанский I 331
Казанцев Ф. П. I 198
Казарновский Ю. I 493
Казин В. В. I 38, 39, 57, 79, 111, 182, 207, 212, 216, 229, 345, 351—353, 392, 398, 486, 502; II 198, 296, 371
Кайсаров В. II 378
Калашникова Е. Д. II 406
Каледин А. М. I 151
Калинин А. В. II 119
Калинин М. И. I 83, 368, 447; II 133, 297, 302—304
Калинин Ф. И. I 25, 32, 34—36, 38, 42
Калинников И. Ф. I 210
Калита Иван II 299
Калитин Н. (Н. И. Никитин) II 125, 339
Кальм Д. II 258, 259
Кальницкий Я. I 196
Камегулов А. Д. I 125, 190, 277, 278, 402; II 147, 171, 175, 176, 180—183, 385, 387
Каменский В. В. I 312, 321, 322, 328, 329; II 269, 296, 297
Кан И. I 59
Канаев Ф. Ф. I 431
Канатчиков С. И. I 230, 233; II 140, 255, 261
Кандыба Ф. I 196
Каневский А. II 69
Кант И. II 74, 106, 234
Канторович В. Я. I 195; II 143, 145
Канторович Л. В. II 391
Капелюш Ф. II 378
Капиев Э. II 371
Капица П. И. II 393
Каплан Л. II 116
Каплун С. Г. I 180
Капцов Б. II 38
Караваева А. А. I 80, 104, 109, 111, 112, 120, 128, 129, 217, 230, 231, 298, 304, 308, 369, 380, 384, 405, 464; II 28, 46, 47, 256, 285, 290, 296, 297, 301, 312, 321, 325, 329, 331
Каралина Е. (Е. М. Введенская) II 396, 397
Карамоленко С. II 345
Карасевич А. I 480
Каргаполов А. I 297
Карелин А. А. I 9
Карелина-Кац М. Л. II 179
Каринский Н. М. II 224
Каркавицас А. I 14
Карлин С. II 8
Кармен Р. Л. I 311, 353
Карпинский А. П. I 454; II 168, 211
Карпов Л. II 139
Карпов М. Я. II 255, 377, 382, 383
Карпов П. И. I 50
Карцев А. II 342, 346
Касаткин И. М. I 148, 212, 221, 442, 445, 459, 460, 486; II 52, 129
Касвинов М. I 457
Кассиль Л. А. I 187, 190; II 58, 68, 120, 204, 244, 269, 339, 370
Кассу Ж. II 226, 437
Касторский С. В. I 192; II 179
Катаев В. П. I 120, 230, 231, 237, 238, 240, 242, 244, 449; II 20, 34, 36, 40, 59, 119, 121, 186, 212, 228, 256, 266, 267, 274, 281, 296, 312, 336, 358, 418, 438, 456, 463, 469—471
Катаев И. И. I 129, 130, 133, 134, 187, 231, 243, 380, 415; II 8, 14, 36, 60—62, 65, 74, 149, 246, 255, 262, 385
Катанян В. (И. Ломов) I 137, 383, 411, 420; II 173, 255
Катков М. Н. II 294
Катков Н. П. II 376
Като К. II 406, 410
Каутский К. I 253
Кауфман А. II 362
Кахана М. I 384
Кац Г. М. I 501—503
Кацман Е. II 38
Качоровский I 146
Качура Я. Д. II 82
Кашкин И. А. II 225, 406, 440
Кашуб В. II 363
Квецана Д. II 355
Квин М. (М. Клювин?) I 370
Квитко Л. М. I 243
Кедрин Д. Б. I 231, 238—240; II 331
Кедрина З. С. II 125, 367, 368
Кежун Б. А. II 226
Кейнс Д. II 208
Келен II 210
Келлер Б. I 198; II 167
Кельин Ф. В. II 424, 429, 440, 442
Кеменов В. С. II 280
Керенский А. Ф. II 454
Керженцев П. М. (Керженцев В., псевдоним Лебедева П. М.) I 25, 30, 53, 261, 274, 436; I 468, 475, 477; II 129, 132, 140
Керзон Д. I 444; II 454
Кетлинская В. К. I 192; II 122, 125, 199, 243, 360, 365—397, 399, 401
Киачели Л. II 82
Кибальчич М. II 466
Кин В. (В. П. Суровикин) I 406
Киплинг Р. II 392
Кипренский О. А. II 38
Кириллов В. Т. I 25, 32—35, 43, 48—50, 53, 59, 83, 86, 108, 111, 164, 212, 255, 263, 327, 345, 348, 350, 352, 371, 396, 457, 472; II 296, 376
Кирилович А. II 51
Кирпотин В. Я. I 192, 233, 238, 244, 431, 433; II 11, 16, 27, 74, 93, 167, 183, 187, 195, 196, 219, 227, 236, 239, 251, 281, 347, 358
Кирсанов С. И. I 237, 240, 328, 333, 335,

341, 344; II 54, 296, 320, 351, 410, 467, 470, 471
Киршон В. М. I 241, 375, 377, 382, 427, 436, 500, 502; II 12, 26, 27, 38, 99, 190, 219, 325, 326
Кирьянов С. Л. II 9, 190
Киш Э. II 85, 88, 205, 263, 327, 419, 430, 437
Кларк Б. I 181
Клебер К. I 403; II 406, 410, 411
Клеман М. К. II 15, 176, 188
Клепиков С. А. I 213
Клосс К. II 250
Клубень С. I 43
Клычков (Лешенков) С. А. I 36, 53, 75, 212, 216, 218, 221, 375, 394, 402, 403, 412, 415, 434, 486, 488; II 8, 10, 12, 258, 296, 324, 384
Клюев Н. А. I 21, 22, 24, 47—49, 53, 403, 412, 415; II 300, 324, 385
Кнехт В. А. II 346, 362, 399, 400
Книпович Е. Ф. I 237, 241, 233; II 74, 88, 89, 120, 125, 281, 285, 367, 370, 425, 433, 434, 440
Кнорин В. Ю. I 229
Кнорре Ф. Ф. II 351, 353, 366
Князев В. В. I 19, 35, 50, 176; II 448
Кобб Х. II 93, 350
Ковалевский В. А. I 192
Коваленко Б. Л. I 233
Коваленков А. А. II 163
Ковальчик Е. И. I 238, 433; II 103, 123, 125, 283, 285
Коварский (Витин) Н. А. II 74, 389, 392, 394
Ковнатор Р. II 384, 385
Ковпак С. А. II 120, 336
Ковынев Б. К. I 498
Коган А. Г. II 114
Коган П. С. I 44, 81, 86, 128, 212, 221, 225, 250, 252, 262, 266, 268, 291, 378, 391, 403, 405, 488; II 298, 380
Кодуэлл (Сприг) К. II 428
Кожевников В. М. I 187, 231; II 114, 119, 179, 199, 284, 285, 311, 364, 366
Кожевников С. Е. I 186, 303, 395, 306
Козаков (Казаков) М. Э. I 57; II 42, 43, 263, 269, 376, 384, 385, 391, 399
Козин В. Р. II 250
Козинцев Г. М. II 392
Козлинский В. I 444, 453; II 455, 463
Козьмин Б. П. I 258
Козырев М. II 453
Колас Я. II 53, 64, 118, 164, 277
Колбасьев С. А. II 391
Колдунов С. А. II 21
Колдуэлл Э. II 84, 162, 437, 438, 440, 441
Колегаев I 9
Колесников В. II 161
Колесникова Г. А. 397, 402; II 308, 334, 335, 360
Коллинз Дж. II 353
Коллонтай А. М. I 53, 60, 83, 233, 368; II 378
Кологриевский И. II 377
Колоколов Н. И. I 196, 211, 216; II 52
Колосков А. II 371
Колосов А. И. I 486; II 274
Колосов М. Б. I 83, 86, 146, 369, 378, 384, 406; II 47
Кольвиц К. II 409, 418
Кольцов М. Е. I 68, 123, 124, 190, 192, 201, 202, 237, 390, 402, 441, 442, 444, 450, 452—458, 460, 462; II 17, 59, 101, 140, 143, 150, 167, 201, 202, 205—207, 210, 212, 215—217, 243, 255, 276, 305, 310, 355—357, 428, 430, 448, 456, 458—463, 467, 469
Кольцов Н. К. II 128, 137, 273, 307
Кольчугин М. I 498
Колычев О. Я. II 58, 274
Комаров П. С. I 307
Комиссарова М. И. II 376, 385, 389, 391
Кон Ф. I 233; II 297
Коненков С. Т. I 36
Коновалов В. М. II 368
Коновалов Д. П. I 454
Конрой Д. II 437
Константинов Н. II 391
Кооль Н. II 84
Коппард А. II 437
Коптелов А. Л. I 195, 296, 297, 301, 303—306, 308, 309; II 143
Копылова Л. Ф. II 197
Копытов Н. I 452
Кор Б. I 314
Корабельников Г. М. I 233, 377, 378, 402; II 9, 22, 124
Кораблинов В. А. II 53
Корзухин А. И. II 165
Корнев Н. I 232, 241; II 361
Корнейчук А. Е. II 110, 275, 283, 307, 312, 330, 438, 471
Корнилов Б. П. I 386; II 43, 97, 358, 360, 385, 389, 391, 395
Корнфорд Д. II 248
Коробкова Э. I 402
Коробов Я. Е. I 103, 109; II 316, 383
Коровин С. А. II 169
Короленко В. Г. I 17, 19, 30, 72, 210, 221, 259, 295
Коротков Н. I 259
Коррис Л. II 162
Корчагина-Александровская Е. П. II 40
Косарев А. В. I 133, 427, 428; II 48, 93, 264, 270, 349, 360
Косарев И. I 488
Косвен М. I 214
Космодемьянская З. А. II 107, 364
Костарев Н. К. II 352
Костелянец Б. О. II 395
Костров Т. (А. М. Мартыновский) I 123, 125, 134, 137, 379, 423; II 202, 204
Костылев В. И. II 124, 337
Костычев С. П. I 182
Коцюбинский М. М. I 238, 259; II 277
Кочин Н. И. II 330
Кошурников А. М. I 308
Кравков М. А. I 296, 298, 304; II 163
Кравцов Г. II 69
Крайский (Кузьмин) А. П. I 356; II 377
Красильников В. А. I 362—364, 402, 417; II 298, 319
Красильников С. II 362, 363
Краснов П. Н. I 221
Краснов В. II 190
Красновская Е. I 408
Красновский Г. II 64
Кратт И. Ф. II 392, 399, 400
Крачковский И. Ю. I 183
Крекшин Е. II 249, 357, 360, 372
Кременская И. II 67, 468
Кренкель Э. II 356
Кретова О. К. II 52

Кржижановский Г. М. I 198, 212, 213; II 16
Кржижановский С. Д. II 88, 424
Кривицкий А. (Зиновий Юрьевич) II 107, 113
Кривцов С. С. I 52
Кригер Е. Г. II 69, 284, 364
Крон А. А. II 116, 284, 366, 370, 398
Крумин Г. И. I 230; II 140
Крупская Н. К. I 31, 61, 63, 69, 81, 166, 168, 176, 208, 210—212, 254, 368, 494; II 18, 270, 278, 330
Круссер Г. I 300, 485
Крученых А. Е. I 91, 319, 322, 328, 329, 331
Крушинский С. К. II 163
Крыленко Н. В. I 53
Крылов П. II 106
Крылова С. А. I 412
Крымов (Беклемишев) Ю.С. I 192, 239, 240, 244; II 14, 37, 59, 106, 199, 242, 243, 284, 286, 371
Крюкова М. С. II 167
Крючков П. П. I 121; II 168, 306
Крючкова Е. З. II 157
Кряжин В. А. I 54, 166
Кубанский В. II 445
Кубиков И. Н. (И. Дементьев) I 277, 418
Кувалдин В. II 156
Кугельман Л. I 254
Кудимов В. II 197
Кудрявцев Н. I 306
Кузнецов Б. I 387
Кузнецов В. I 488
Кузнецов Н. I 390; II 314
Кузнецов Ф. II 361
Кузьменко Д. I 302
Кузьмин В. I 487
Кузьмин М. А. I 73, 152; II 52
Кукаркин А. II 356, 358
Куклин Г. О. II 391
Кукрыниксы (М.В. Куприянов, П.Н. Крылов, Н. А. Соколов) I 203, 382, 404; II 17, 18, 24, 26, 210, 259, 456, 463
Кулешов А. А. II 116, 117, 119, 120, 285, 312, 368, 371
Кулешов Л. I 337
Кулиев К. II 119
Куликов А. I 306
Куманов Д. М. I 178
Куно I 259
Кун Бела I 475
Кунин Д. II 467
Купала Я. (И. Д. Луцевич) II 164, 277, 307, 340, 438
Купер Ф. I 383
Куприн А. И. I 157
Курбэ Г. II 38
Курелла А. I 190, 377, 403, 422, 423; II 85, 204, 404, 407, 411, 415
Курода II 353
Курочкин Вас. С. I 143, 237
Курочкин Вл. II 197, 244, 245, 353, 355—357
Курс А. Л. I 301, 302
Курский Д. I 53
Кусиков А. Б. I 50
Кустодиев Б. М. I 444
Кутузов М. И. II 237, 398
Кутяков И. II 307
Кухтин П. I 501
Кучияк П. В. I 305
Кушнер Б. А. I 16, 40, 41, 314, 319, 325, 339, 451; II 273
Кюхельбекер В. К. II 396

Лавеле I 259
Лавинский А. М. I 335
Лавренев Б. А. I 86, 192, 237, 411, 458, 466; II 15, 43, 44, 97, 120, 176, 178, 183, 195, 223, 263, 285, 287, 296, 344, 346, 353, 357, 366, 370, 376, 378, 381, 383—386, 389, 391, 393
Лаврентьев Б. И. II 159
Лаврентьев В. В. I 309
Лаврецкий А. (И. М. Френкель) II 197, 233, 236
Лавров Е. М. I 370
Лаврова К. Н. I 212, 216; II 395
Лаврухин (Георгиевский) Д. И. II 389
Лагин Л. И. II 116, 472
Ладыжников И. П. I 185
Ланда М. М. II 349, 360
Ландин И. II 143
Лапин Б. М. I 187, 380, 387; II 37, 267, 268, 305, 352, 353, 372, 389
Лаптев Ю. Г. II 369
Ларин Б. II 15, 224
Ларин Ю. I 9, 212, 213
Ларионов А. II 185
Ласни Г.-Д. II 24
Ласс Д. I 375
Лассаль Ф. I 177, 258, 425
Лауберт Ю. I 250
Лахути А. II 85
Ле И. (И. Л. Мойси) II 56
Лебедев В. В. I 444, 446; II 445
Лебедев Г. I 436; II 219, 228
Лебедев Д. I 445
Лебедев-Кумач В. И. I 386, 445, 446, II 104, 106, 120, 154, 167, 363, 448, 452, 453, 461, 473
Лебеденко А. Г. II 44, 385, 389
Левидов М. Ю. I 91, 324, 342, 456, 457; II 209, 243, 250, 275
Левин Б. М. I 204; II 37, 269, 275, 463
Левин К. Я. II 94, 344, 346, 349
Левин Л. И. II 268, 357, 358, 367, 395
Левин Ф. М. I 402, 452; II 26, 74, 225, 240, 243, 244, 247, 251, 278, 281
Левина М. II 361
Левитанский Ю. Д. II 113
Левицкая А. I 402
Левман С. II 346, 349
Левченко Д. II 363
Лежнев А. З. (А. З. Горелик) I 84, 128, 130, 225, 226, 229, 241, 243, 244, 258, 262, 263, 274, 342, 396, 415, 457, 461; II 663, 255, 257, 275, 298, 382, 383
Лежнев И. (И. Г. Альтшулер) I 76—78, 92, 95, 105, 370, 387; II 28, 74, 100, 307
Лейтес А. М. II 72, 74, 90, 93, 99, 125, 195, 279, 285, 345, 347, 352, 357—359, 370
Лелевич Г. (Л. Г. Калмансон) I 83, 84, 87, 90, 95, 97, 99, 226, 237, 262, 264, 271, 370, 377, 390, 393—399; II 315, 321, 380, 384
Лемке М. К. I 245
Ленау Н. II 440
Ленин В. И. I 8, 9, 14, 18, 21, 22, 26, 31, 43—46, 56, 60—63, 66—69, 72, 75, 81, 83, 90, 94, 96, 106, 107, 114, 124, 125, 131, 143—170, 172—174, 179, 180, 206, 209, 211, 212, 215, 216, 219, 233, 240,

259, 260, 264, 290, 292, 295, 320, 323, 331, 352, 353, 395, 408, 417, 419, 420, 425, 430, 431, 434, 438, 466, 475, 492; II 13, 61, 110, 133, 153, 164, 167, 177, 181, 188, 191, 209, 226, 229, 230, 234, 235, 240, 268, 288, 292, 297, 307, 318, 322, 330, 338, 378, 393, 439, 440
Ленобль Г. М. I 383, 387; II 274
Ленуа Н. II 433
Леонидзе Г. II 117, 307
Леонидов О. Л. I 50
Леонов Л. М. I 68, 79, 82, 94, 103, 107, 110, 115, 116, 120, 121, 128, 142, 181, 184, 210, 217, 219, 222, 231, 232, 235, 263, 338, 361, 383, 407, 411, 412, 414, 421, 457—461, 466; II 6, 8, 11, 14, 18, 20, 27, 37, 40, 54, 66, 96, 106, 111, 117, 119, 204, 241, 267—269, 271, 283, 288, 296—298, 300—303, 306, 309, 311, 370, 383, 384, 418, 438
Леонтьев К. Н. I 65
Лепешинский П. Н. I 63, 83, 368
Лермонтов М. Ю. I 31; II 53, 75, 83, 234, 273, 396, 440
Лернер Н. О. I 247
Лесков Н. С. I 339; II 53, 164, 402
Лессинг Г.-Э. I 387; II 74, 234, 238, 248, 440
Лесючевский Н. В. I 192; II 179, 393, 397
Либединский Л. I 412
Либединский Ю. Н. I 68, 82, 83, 86, 97, 109, 115, 131, 132, 134, 137, 190, 209, 236, 275, 365, 368, 370, 374—376, 389, 390, 398, 399, 402, 405, 407, 419—424, 427, 458, 467; II 15, 97, 125, 171, 175, 176, 180—183, 195, 255, 261, 287, 315, 319, 321, 323, 341, 364, 370, 389, 392, 411
Либерзон Д. Г. II 129
Лившиц И. Л. II 157
Лидин В. Г. I 113, 181, 457; 458, II 198, 296, 297, 303, 304, 346, 354, 418
Лидов П. А. II 107, 108
Лин В. II 142
Линде Г. I 309
Линдсей Д. II 422, 426, 437
Линуш Ф. II 178
Липпай З. I 403
Лисовский К. Л. I 306, 309
Литвинов М. М. II 211
Лифшиц В. А. II 391, 399
Лифшиц М. А. I 241, 433; II 219, 225, 238, 239, 251, 278, 280, 281
Лихарев Б. М. II 391
Ллойд-Джордж Д. I 146
Логинов И. С. I 19
Логинов-Лесняк П. С. I 116, 220
Лозин В. II 391
Лозинский З. Б. II 40, 42
Лозинский М. Л. II 399
Лозовский А. (С. А. Дридзо) I 212, 230, 232, 233
Локс К. Г. I 266
Ломакин И. I 14
Ломов С. I 480
Лондон Дж. I 38; II 436, 438
Лопатин Г. А. I 146
Лоптин К. Л. I 33
Лорка Г.-Ф. II 89, 392, 429
Лоскутов М. П. II 151
Лосский Н. О. I 247
Лоу II 210
Лоусон Д. II 437, 438
Луговской В. А. I 122, 134, 141, 204, 230—232, 386, 387, 410, 417, 461; II 34, 54, 56, 93, 198, 199, 296, 303, 305, 313, 327, 333, 340, 346, 349—351, 354, 358, 360, 363, 371
Луговской И. С. I 305, 309
Лузгин М. В. I 121, 403, 404, 434; II 8, 109, 146, 321
Лукач Г. I 243, 244; II 24, 73, 85, 219, 224, 233, 234, 238—241, 248, 249, 251, 280, 281
Лукин Ю. Б. II 279
Лукницкий П. Н. II 368, 391, 397
Луконин М. К. I 284, 387; II 119
Лукьянов М. II 139
Луначарская А. А. I 154
Луначарский А. А. II 113, 116, 117
Луначарский А. В. I 16, 17, 45, 46, 49, 50, 53, 55, 63, 69, 70, 76, 81—83, 96—98, 114, 115, 118, 119, 130, 131, 134, 145, 150, 153—155, 157, 169, 170, 174, 175, 211, 212, 220, 221, 225, 228, 229, 233, 237, 247—254, 258, 261, 262, 267—271, 274, 290, 295, 314, 315, 319, 329, 332, 333, 376, 377, 397, 402, 408, 417, 420, 438, 457, 459, 477; II 23, 24, 26, 49, 59, 67, 74, 75, 129, 140, 141, 177, 227, 230, 233, 234, 254, 260, 263, 269, 270, 288, 291—294, 297—301, 308, 317—319, 403—405, 407, 411, 415—417, 421, 424, 435
Лундберг Е. Г. II 84
Лунц Л. Н. I 73, 181, 212
Луппол И. К. I 115, 231, 237; II 35
Лу Синь II 85, 431
Лыньков М. Т. II 48
Лысогорский О. II 120
Львов Б. II 209
Львов В. Е. II 307
Львов М. Д. II 374
Львов-Рогачевский В. Л. I 59
Льюис С. II 211, 212, 379, 392, 406, 423, 436
Людкевич С. П. II 85
Люксембург Р. II 230
Ляо-Чжай, I 183
Ляшко (Лященко) Н. Н. I 33, 57, 85, 94, 212, 355, 356, 358, 359, 361, 362, 365, 400, 458, 461, 469, 477, 486; II 198, 263, 319, 331

Мавродин В. II 399
Магил А.-Б. II 417
Мадарас Э. II 332, 410
Мазереель Ф. II 204, 409, 415
Мазнин Д. М. (А. Гранин) I 237, 241, 427; 435; II 35, 36
Майзель М. Г. II 387
Майков А. Н. I 184
Майоров И. А. I 486
Майский И. М. I 86, 88, 89, 180, 212, 215; II 297, 375, 376—382
Макагоненко Г. П. II 123, 125
Макаренко А. С. I 192, 240—242, 283; II 6, 17, 37, 198, 246, 250, 272, 330, 335
Макаров А. Н. I 356
Макаров И. И. I 407; II 263
Макарьев И. С. I 502; 507; II 22, 345, 347
Македонов А. В. I 402; II 225, 236, 237
Маклецов Н. I 19
Максимов А. А. I 81
Максимов Н. И. I 308
Максимов П. Ф. I 195, 500, 501, 504; II 143

Малахов К. II 251
Малахов С. А. I 392, 432, 433, 493; II 72, 183, 388
Малаховский Б. II 468
Малашкин С. И. I 110, 112, 350, 362, 376, 377, 390, 404, 407, 411, 416; II 167, 294, 295, 300, 301, 314, 317, 324
Малевич К. С. I 40, 42, 314, 315
Маленький (Попов) А. Г. I 301
Маликов К. II 82
Малинкин А. С. I 431; II 190
Малкин Б. Ф. I 9, 152, 166; II 168
Малов Ф. II 161
Малышкин А. Г. I 88, 103, 111, 129, 217, 219, 237, 242, 243, 256, 395, 403, 411, 459—461; II 12, 14, 35, 59, 272, 289, 296, 297, 299, 301, 302—305, 309, 310, 334, 342, 358
Малышко А. С. II 82, 119, 307
Малюгин Л. А. II 468
Малютин З. I 411
Малютин И. А. I 444; II 445, 447, 448, 453, 454, 459, 463
Мальро А. II 88, 212, 429
Мальц А. II 442
Мальцев К. II 128
Мальцев Л. I 302
Мальцев Т. I 197; II 158
Мамин Н. II 346
Мамонтов Е. М. I 294
Мандельштам О. Э. I 212, 216, 255, 450, 478; II 20, 228, 376, 385, 390
Манизер И. II 40
Манн Г. II 276, 332, 407, 423, 425, 427, 430, 431, 433, 435, 437, 441
Манн Т. II 89, 276, 379, 425, 427, 431, 435, 437, 439
Мансисидор Х. II 423, 431, 437
Мантейфель П. II 160
Мануильский Д. З. I 233
Мануйлов В. А. II 397
Манучарьянц Ш. I 155
Мао Дунь II 85
Мар (Памирец) С. II 141
Маргерит В. II 263
Мариенгоф А. Б. I 24, 212, 477; II 396
Маринетти Ф. I 40, 315
Маркиш П. Д. II 82, 117—119, 155, 164, 471
Марков П. А. I 233, 257, 301, 382
Марков С. Н. I 307, 308
Маркс К. I 8, 40, 114, 237, 254, 286, 315, 316, 417, 466; II 17, 188, 229, 230, 235, 238—240, 292, 331, 424, 432, 455
Маркузе Л. II 212
Марр Н. Я. I 454
Мартине М. II 409
Мартинец-Сиерра Г. и М. I 181
Мартов Л. I 461
Мартынов А. К. I 215
Мартынов В. II 185
Мартынов Л .Н. I 80, 232, 294, 296, 301, 304—306, 309, 485; II 243, 385
Мархвица Г. II 419, 428, 437
Маршак М. II 140
Маршак С. Я. I 195, 199, 397; II 42, 43, 48, 56, 57, 124, 125, 143, 258, 283—285, 313, 368, 438, 471
Матисс А. I 46
Матусовский М. Л. II 113, 116, 119, 354, 356, 362, 364
Матюшина О. К. II 120, 369, 397, 400
Маца И. Л. I 233, 258, 274, 439; II 292
Мацкин А. П. II 121, 124, 125, 273, 364
Мачадо А. II 276, 430, 431, 437
Машбиц-Веров И. М. I 383, 402, 403, 412; 417
Маширов-Самобытник А. И. I. 32, 33, 53, 486
Маяковский В. В. I 20, 41—43, 47—50, 54, 60, 68, 73, 79, 83, 88, 91, 94, 97, 103, 104, 110—113, 126, 127, 141, 142, 153, 160, 189, 207, 212, 216, 219, 221, 225, 226, 229, 230, 234, 241, 255, 274, 312—315, 317—320, 322—328, 330—336, 340—344, 368, 371—372, 375—377, 382, 390, 395, 408—410, 416, 426, 433, 435, 438, 442, 444, 448, 456, 457, 461, 475, 492, 502; II 46, 53, 63, 90, 176, 177, 226, 227, 244, 249, 250, 257, 265, 268, 274—276, 278, 284, 287, 288, 290, 296—298, 300, 322, 323, 326, 357, 392, 425, 426, 439, 444, 446, 448, 458, 463—465
Медведев П. Н. I 418, 457; II 376, 388
Медведев С. С. II 264
Медынский (Спасский) Д. I 468
Медынский (Покровский) Г. А. II 313, 325
Межиров А. П. II 285, 374
Мейерхольд В. Э. I 234, 435; II 292, 465
Мейлах Б. С. I 237; II 236, 394
Меликадзе Е. II 38, 308
Мельников Д. II 454
Менделеев Д. И. I 211
Мендельсон М. О. II 361
Менкен Г. II 406
Менье А. I 46
Меньшиков И. Н. I 192; II 37
Мережковский Д. С. I 17
Мериме П. II 440
Меринг Ф. I 264, 433
Мессер Р. I 402, 437; II 388, 398
Месяцев П. I 212, 213
Металлов Я. М. II 88
Мехлис Л. З. I 428; II 264
Мещерский В. П. II 294
Мещеряков Н. Л. I 20, 56, 63, 70, 81, 97, 160, 211—213, 215, 221, 232, 233, 247—250, 252, 253, 274
Микаилов Ш. II 346
Микитенко И. К. I 231; II 34, 85, 325, 417
Микоян А. И. I 230, 233, 493
Микулина Е. I 380
Милев Г. II 426
Миллер-Будницкая Р. Ш. II 188, 357, 367, 388, 395
Милюков П. Н. II 454
Милютин Н. I 212
Мильеран А. I 146
Минаев К. I 405
Миндлин Э. Л. I 233; II 151, 379
Миндлос Б. II 354
Минеев А. I 195
Минин С. К. I 215, 304; II 378
Минц И. И. II 164
Мирецкий Ю. II 51
Миролюбов В. С. II 158
Мирошниченко Г. И. II 122, 187
Мирский Д. П. II 17, 74, 272—275, 348, 357, 358
Митин М. Б. I 428
Митницкий Л. Д. II 471
Митрофанов А. Г. II 326
Митрофанов Н. II 356

Михайлов А. I 233, 408, 419, 420, 431, 434, 437; II 38, 309
Михайлов Б. II 209
Михайлов В. I 310
Михайлов К. II 471
Михайлов М. II 211
Михайлов Н. Н. I 187, 199; II 144, 145
Михайлов С. М. II 346
Михайлова Е. Н. II 103, 363, 368, 369
Михайловский Н. II 113
Михалков С. В. I 192; II 120, 198, 243, 283, 284, 331, 371, 471
Мицкевич А. II 433, 439, 441
Мичурин И. В. II 6, 141, 160, 161
Модестов В. II 233
Молоков В. С. I 200; II 169
Молчанов А. II 189
Молчанов И. Н. I 80, 86, 294, 404, 408; II 51
Монтерлан А. II 212
Моор Д. С. I 444, 486; II 204, 210, 445, 447, 450, 453, 454
Мопассан Г. I 38, 403; II 74, 149
Мордашкин И. II 397
Мориак Ф. II 437
Морозов М. М. II 424, 442
Моруа А. II 212
Моряк В. I 492
Мосашвили И. II 82
Москвин (Воробьев) Н. Я. II 125
Мотылев В. I 213
Мотылева Т. Л. I 402; II 74, 125
Мошенский О. II 358
Мстиславский (Масловский) С. Д. I 386; II 12, 296, 326, 330, 340, 352
Муйжель В. В. I 47, 212; II 376
Муканов С. М. II 80, 307
Мунблит Г. Н. I 378; II 20, 146, 268, 272, 274, 352
Муратова К. Д. I 468, 481, 496; II 402
Мурашов В. II 364
Мусатов А. И. I 384
Мусрепов Г. II 69
Муссинак Л. II 205, 437
Муссолини Б. II 378
Мустангова (Рабинович) Е. Я. II 359, 381, 388, 394
Мухачев И. А. I 303, 305, 306, 309
Мэй II 208
Мысенков В. II 113
Мытарь П. I 212
Мышковская Л. М. I 192, 233, 241; II 195—197
Мюнценберг В. II 215
Мюссе А. II 226
Мясников Г. I 67, 162
Мясоедов Г. II 169

Навои А. II 82
Надсон С. Я. I 72
Назаров А. I 480
Наоси Т. II 417, 419
Напельбаум I 444
Нарбут В. И. I 212, 216, 361, 469
Наркевич А. II 125
Наровчатов С. С. II 284, 285
Наседкин В. Ф. I 216, 218; II 157
Насимович А. Ф. I 57
Наумов И. К. II 381
Н-бург Л. I 500
Неверов А. С. I 68, 79, 83, 84, 94, 212, 350, 356, 357, 374, 390, 391, 461, 477, 479, 482, 486, 487, 489; II 147, 154, 288 318, 319
Невский В. И. I 31, 61, 212
Недогонов А. И. II 100, 284, 305, 313
Недолин И. II 190
Незнамов П. В. I 318, 325, 328, 338, 340, 341
Нейман С. II 437
Нейштадт В. И. I 244
Некрасов А. И. I 257
Некрасов Н. А. I 31, 34, 72, 91, 143, 206, 258, 259, 391, 420; II 24, 38, 52, 63, 73, 164, 249, 357
Нексе М.-А. I 190 II 332, 417, 425, 430—432, 437, 439, 440
Нельдихен С. Е. I 247
Нельс С. М. I 233, 237, 433; II 197
Немировская О. II 188, 357, 387
Непомнящих В. I 303, 305
Нерадов (Шатуновский) Г. Б. I 363
Нерис С. II 119
Нерман Т. II 411
Неруда П. II 89, 429, 430, 437
Нечаев Е. Е. I 36, 85, 350, 480
Низами I 183; II 82, 83, 84, 335
Низан П. II 226
Низовой П. Г. I 83, 84, 113, 182, 212, 350, 356, 373; II 296
Никандров Н. Н. I 113, 186; II 296, 300
Никитин И. С. I 284, 285
Никитин И. Н. II 382
Никитин М. А. I 296, 301; II 160
Никитин Н. Н. I 79, 179, 182, 209, 212, 216, 217, 219, 222, 230, 233, 256, 305, 390, 395, 486; II 40, 178, 376—378, 380, 383, 391, 392, 399
Никитин П. А. I 179
Никитина З. А. II 377
Никифоров Г. К. I 103, 109, 111, 368, 405, 426, 458; II 259, 296, 317
Николаева Г. Е. II 373
Никольский В. К. II 160, 167
Никонов В. II 50
Никонов Л. I 493
Никулин Л. В. I 187, 189, 190, 231, 233, 458; II 22, 34, 40, 59, 92, 99, 150, 198, 204, 211, 266, 267, 296, 346, 352, 370, 467, 471
Нилин П. Ф. II 118, 243, 356, 364
Нитобург Л. В. II 43
Новиков А. Н. I 231; II 257
Новиков И. А. I 103, 238, 241; II 126, 312
Новиков-Прибой А. С. I 57, 85, 350, 356, 382, 458, 459, 482, 486; II 21, 28, 38, 93, 167, 267, 268, 285, 296, 297, 308, 319, 341, 342, 345, 349, 360, 363, 366, 438
Новицкий П. И. I 81, 258
Нович (Файнштейн) И. С. I 107, 108, 233, 402, 418; II 30, 327
Нусинов И. М. I 128, 274, 286, 290, 291, 437; II 26, 176, 222; 230—232, 236, 264, 268, 278

Оборин А. II 191
Обрадович С. А. I 37, 38, 50, 79, 85, 212, 263, 345, 351, 352, 356, 359, 371, 457
Обручев С. В. II 307
Овалов (Шаповалов) Л. С. I 387; II 62, 151, 182
Овечкин В. В. I 244; II 126, 337
Овчаров А. I 387
Огарев Н. П. I 46, 284; II 226

О'Генри I 458; II 388
Огнев Н. (М. Г. Розанов) I 111, 129, 192, 217, 224, 413, 458; II 23, 85, 92, 129, 179, 256, 274, 296, 297, 327, 346, 422
Огурцов С. И. I 489, 495
Озеров Л. А. II 125, 283
О'Кейси Ш. II 432, 437, 439, 441
Оксенов (Аксенов) И. А. I 50, 247, 255; II 358, 376, 386, 387, 396, 424
Олдингтон Р. II 212, 226, 423, 431, 435, 437
Олдридж Д. II 367
Олендер С. I 244
Оленич-Гнененко А. П. I 294, 296, 301, 484
Олеша Ю. К. I 103, 107, 111, 133, 203, 217, 230, 231, 234, 241, 361, 364, 365, 411, 413; II 22, 40, 69, 240, 268, 272, 276, 298, 299, 358, 467
Ольбрахт И. II 409
Ольденбург С. Ф. I 182, 183, 198, 376; II 16, 137
Ольминский М. С. I 53, 63, 81, 114, 212, 399, 401, 402, 420
Ольховский Б. I 437
Ольховый Б. В. I 380; II 261, 263
О'Нил Ю. II 423
Орджоникидзе Г. К. I 83, 217, 368
Орешин П. В. I 21, 22, 36, 53, 57, 88, 112, 212, 216, 218, 340, 371, 403, 457, 459; II 154, 296
Орлов А. С. II 52
Орлов В. Н. II 46, 396, 399, 402
Орлов Н. А. I 197; II 169
Орловцев Н. И. I 404
Ортенберг Д. И. II 108, 109
Оружейников Н. II 18, 72, 273, 300, 301
Осин Д. Д. I 499
Осинский Н. (В. В. Оболенский) I 97, 168
Осипов Н. II 389
Осипов П. Н. II 242
Остров Д. К. II 391, 399
Островой С. Г. II 198
Островский А. Н. I 295, 329, 332
Островский Н. А. I 384—386; II 47, 48, 93, 197, 274, 277, 331, 335
Островский Ю. II 240, 357
Отсоли Н. I 19
Оттвальт Э. II 85, 87
Офросимов В. I 380
Охлопков Н. II 282
Оцуп Н. А. I 181
Ошанин Л. И. II 167, 198
Ошаров М. I 189, 305, 310; II 163

Павленко П. А. I 118, 121, 134, 141, 192, 232, 233, 238; II 12, 16, 38, 54, 66, 69, 82, 92, 103, 106, 118, 168, 195, 247, 268, 281, 284, 296, 298, 308, 334, 351, 352, 354, 357, 360, 364, 374
Павлов И. П. I 182; II 6
Павлова М. К. II 374
Павлович М. Н. I 53, 69, 182, 212
Павловский Е. Н. II 137
Пакентрейгер С. И. I 415; II 298
Палей А. Р. II 191
Палийчук Б. Д. II 114, 116
Пальгов Н. I 451
Панаева А. Я. I 72
Панкрушин А. I 301; II 173
Панов Н. Н. II 116
Панова В. Ф. (В. Вельтман) I 499; II 372
Пантелеев М. I 187
Панферов Ф. И. I 97, 120, 231, 234, 238, 338, 382, 403, 406, 415, 435, 459, 503; II 11, 20, 23, 24, 26, 27, 30, 32, 33, 35, 36, 78, 139, 167, 168, 189, 243, 256, 269—271, 305, 312, 323—329, 333, 334, 395
Панфилов Е. II 377, 385
Панченко П. Е. II 116, 197, 226, 312
Папава М. I 195
Папанин И. Д. I 387
Парнок С. Я. I 74
Пархоменко М. Н. I 238
Пастернак Б. Л. I 50, 103, 182, 207, 212, 216, 225, 230, 231, 233, 241, 321, 322, 325, 328, 335, 341, 375, 402; II 20, 38, 48, 61, 268, 276, 296, 297, 305, 357, 384, 385
Паустовский К. Г. I 187, 192, 195, 199—201, 231, 238; II 9, 12, 14, 36, 48, 62, 67, 94, 117, 120, 125, 150, 186, 198, 339, 351, 355, 370, 438
Пахомов А. И. II 112
П. Б. I 20
Первенцев А. А. II 119, 124, 191, 199, 285, 312, 327, 330, 336, 338
Первомайский Л. С. II 119, 284, 368, 371
Переверзев В. Ф. I 128, 138, 139, 234—236, 256, 258, 261, 262, 268, 271—274, 277, 280—282, 286—290, 342, 343, 417—419, 426, 432, 437, 438, 459; II 180, 224, 247, 262, 388
Перегудов А. В. I 212; II 52
Перекати-Поле Г. (Г. М. Кальмансон) I 392
Перельман Я. И. II 138, 208, 379
Пересветов И. I 239
Пери Г. II 204
Перимова Г. II 73
Перлин Б. II 353, 362
Пермитин Е. Н. I 296, 304, 464
Перцов В. О. I 121, 241, 291, 335, 340, 343, 402, 449; II 125, 186, 272, 275 285, 339, 347, 357, 423
Песис Б. А. II 88, 368
Петефи Ш. II 307
Петников Г. Н. I 43
Петров Е. П. I 453; II 20, 24, 52, 63, 68, 94, 103, 108, 109, 120, 205, 206, 243, 266, 269, 272, 351, 354, 358, 396, 438, 456, 463, 466, 469
Петров П. П. I 296, 301; II 51
Петров-Скиталец С. Г. I 478
Петровский Д. В. I 325, 328; II 296
Петровский П. Г. II 384, 387
Пешехонов А. В. II 178
Пешкова Е. П. I 16
Пигарев К. В. II 366
Пикассо П. I 46
Пикель Р. I 233
Пиксанов Н. К. I 233, 264, 277, 465
Пильняк (Вогау) Б. А. I 50, 51, 78, 82, 88, 92, 103, 111, 112, 139, 141, 163, 184, 186, 212, 216, 217, 222—224, 256, 362, 396, 404, 410, 412, 414, 421, 427, 448, 459, 467, 477; II 8, 21, 23, 241, 258—260, 296—298, 300, 305, 306, 307, 309, 334, 384
Пинегин Н. I 195
Пиотровский А. I 296
Пиранделло Л. I 181; II 415, 416
Писарев Д. И. I 284; II 273
Писахов С. Г. I 504

Письменный А. Г. II 244, 339
Пичета I 81
Платонов (Человеков)А. П. I 129, 231, 232, 238, 241, 242, 243, 459; II 70, 78, 119, 225, 241—244, 246, 296, 313, 395, 469
Платонов С. Ф. I 182
Платошкин М. Н. I 378; II 46, 198, 316, 326
Плетнев В. Ф. I, 37, 161, 212, 215
Плеханов Г. В. I 114, 131, 139, 262, 264, 280, 282, 290, 42, 359, 411, 415, 418, 419, 423, 425, 430, 431, 434, 438, 439, 493; II 74, 233, 234, 268, 378
Плещеев А. Н II 52
Плиско Н. Г. I 402; II 250, 268, 275
Плоткин Л. А. II 53
По Э. II 436
Погодин И. I 417
Погодин (Стукалов) Н. Ф. I 240, 380, 436, 450, 452; II 12, 198, 227, 268, 273, 330, 348, 349
Подобедов М. М. I 507; II 52
Подъячев С. П. I 79, 178, 179, 211, 212, 459
Покровский М. Н. I 63, 70, 153, 154, 212, 233, 248, 249, 255, 420
Полевой (Кампов) Б. Н. I 192; II 107, 116, 126, 199
Полевой Н. А. I 284
Полежаев А. И. II 46
Полесьев С. II 393
Полетаев Н. Г. I 32, 37—39, 85, 148, 164, 212, 216, 264, 345, 346, 352, 353, 356, 359, 457, 461; II 296
Поливка Ю. I 283
Поликарпов Д. А. II 285
Поллит Г. II 206
Полонская Е. Г. I 212, 216; II 385, 389, 391, 393
Полонский В. П. (В. П. Гусин) I 70, 97, 106, 112, 113, 120, 125, 128, 186, 211, 212, 221, 236, 248—251, 253, 254, 257—260, 262, 264, 269, 271, 273, 274, 277, 280, 341, 342, 364, 365, 404, 409, 415, 416; II 8, 147, 258, 287—292, 294—301, 305, 308
Полосихин Н. В. II 321
Поляк Л. М. I 237, 402; II 125, 367, 368
Поляков А. II 109
Полянский В. (П. И. Лебедев-Полянский) I 11, 25, 28—33, 35, 36, 55, 58, 89, 94, 114, 235, 267, 268, 281, 282, 287, 289, 290, 298, 329, 402, 405, 412, 466; II 297
Поль К. II 363
Польский А. II 140
Поморский А. Н. I 10, 32, 33, 37, 350, 472
Помяловский Н. Г. I 38
Попов А. А. II 282
Попов В. В. I 249
Попов И. И. II 197
Попова Л. М. I 323; II 393
Поспелов Г. Н. I 225, 262, 271, 272, 285, 287, 417
Поссе В. А. I 144
Постышев П. П. II 81
Потапенко И. Н. II 269
Потехин Ю. Н. I 66
Потресов А. Н. I 16, 17, 144
Потье Э. II 226, 433
Пошехонов В. Е. II 178, 391
Правдухин (Шанявец) В. П. I 70, 80, 82, 225, 226, 294, 295, 298, 299, 301, 306, 318, 457, 459; II 387
Прадос Э. II 355
Праскунин М. В. I 38, 57
Премиров М. П. I 298
Преображенский Е. I 70
Пристли Д. II 206, 432, 437
Приходченко Е. С. I 356
Причард К. II 437
Пришвин М. М. I 16, 21, 78, 79, 104, 112, 129, 181, 187, 189, 201, 214, 215, 217, 219, 239, 240, 243, 244, 339, 384, 395, 412, 413, 459; II 8, 9, 12, 14, 15, 20, 28, 34, 36, 46, 48, 64, 147, 150, 162, 163, 186, 269, 287—289, 296, 297, 335, 388, 465
Пришелец А. (А. И. Ходаков) I 212, 216, 218
Прозоров А. I 418
Прокофьев А. А. I 192, 241; II 34, 38, 40, 42, 72, 121, 122, 163, 296, 305, 347, 385, 389, 391, 397—399, 402, 471, 472
Прокофьев С. С. II 64, 282
Прокофьева С. Е. II 151, 216
Пророков Б. И. II 20, 116
Проскуряков В. М. II 129, 144
Пруст М. II 22, 348, 424
Прутков И. К. II 460
Прянишников Д. Н. I 212, 214; II 128
Пуанкаре Р. II 454
Пугачев Е. И. II 337
Пудовкин В. И. I 337
Пулайль А. II 411
Пуни И. I 317, 318
Пунин Н. Н. I 40—42, 313—316, 318
Пушкарев Г. Н. I 296
Пушкин А. С. I 16, 31, 72, 130, 206, 238, 330, 384, 391, 433; II 15, 24, 63, 64, 75, 83, 94, 164, 176, 182, 196, 227, 233—238, 249, 277, 298, 335, 344, 357, 426, 433
Пфейфер Г. II 204
Пчелинцев И. I 359
Пшавела Важа I 183; II 82, 277

Рагимов С. II 371
Рагозин А. II 244, 245
Радаков А. А. II 210, 448, 453, 458, 463
Радимов П. А. I 54, 212, 216, 459, 486; II 154, 296
Радищев А. Н. I 46; II 44, 166, 391, 439
Радлов Н. Э. I 179, 453; II 41, 460, 468, 473
Разин И. М. II 327, 333
Райнис Я. II 82
Райт Р. Я. II 437
Ракитин Н. II 344
Раковский Л. О. II 44, 385, 389
Ральцевич В. Н. I 428, 430, 431
Рамирес А.-С. II 355
Рамм Е. I 327
Раскин А. Б. II 473
Раскова М. М. II 356
Раскольников Ф. Ф. (Ильин) I 119, 210, 215, 226, 227, 229, 230, 233, 398, 399, 420; II 301, 307
Рафаил М. А. II 183, 187
Рафаэль С. I 43
Рахилло И. С. I 369; II 344
Рахманов Л. Н. I 386; II 21, 391, 400
Рахья Э. II 307
Рашевский П. I 493
Реглер Г. II 355

Редько А. М. I 74
Резник О. С. II 358
Резников Б. I 301; II 98
Реизов Б. Г. I 192; II 15, 176, 188, 195
Рейзин С. Б. II 60, 340, 342, 344, 349, 350, 352, 360
Рейснер Л. М. I 53, 212, 214, 390; II 358, 379
Рейх Б. I 403, 437; II 88
Рем П. II 432
Ремарк Э.-М. II 87, 93, 343, 350, 371, 408, 423
Рембо А. II 392, 406, 407
Рембрандт X. II 39, 90, 309
Реми Т. II 406
Ремизов А. М. I 13, 16, 17, 21, 22, 75, 78, 114, 152, 181, 223, 477, 490
Ренар Ж. II 406
Ренн Л. II 85, 405, 408, 410, 417, 428, 430, 437
Репин И. Е. I 46, 490; II 38, 39, 309
Рест Б. (Б. Р.) II 122, 272
Реформатский А. А. I 212
Решетников Л. В. I 309
Решетников Ф. П. II 116
Решетов А. Ф. II 97, 122, 391, 397, 398
Ржанов Р. II 384
Рид Д. II 407, 436
Рингов Б. Р. II 321
Ришар А. I 259
Робеспьер М. II 437
Роги М. П. II 257
Родов С. А. I 37, 38, 84, 99, 109, 226, 329, 345, 346, 370—372; 375, 390, 393—399; II 315, 380, 384
Родченко А. М. I 188, 323, 334, 335, 337, 341, 342, 344
Родэн О. I 46
Рождественский В. А. II 64, 122, 376, 385, 391, 396, 399
Рожков П. Д. I 439; II 31, 90, 262, 308
Розанов В. В. I 108, 266
Розанов И. Н. II 223
Розен А. Г. II 399
Розенталь М. М. II 57, 73, 74, 75, 219, 220, 222, 225, 230—232, 235, 236, 240, 250, 278, 310, 394
Розенталь С. Д. II 997
Розенфельд М. К.I 386; II 363
Рокотов Т. II 434, 437, 442
Роллан Р. I 181, 183, 188, 190, 212; II 17, 30, 34, 80, 84, 182, 212, 226, 263, 268, 275, 292, 307, 332, 352, 392, 407, 408, 410, 415, 417, 418, 420, 421, 423, 425—427, 430, 431—433, 435, 437
Роман Р. I 404
Романо М. II 204
Романов П. С. I 110—112, 376, 377, 404, 411, 414; II 12, 296, 300, 301, 324
Романов I 300
Романов Р. II 321
Романова Е. С. II 88
Ромашов Б. С. I 452; II 92, 94, 273, 334, 350, 357
Ромен Ж. II 212
Ромм М. И. II 282
Роскин А. И. II 146, 225, 251
Ростовская Н. II 50
Ротов К. I 444—446; II 210, 456, 463
Рохо В. II 206
Рубанович С. I 478
Рубенс П.-П. II 90, 309
Рубинер Ф. II 212
Рубинштейн А. Г. II 211
Рубинштейн Л. В. II 94, 244, 352, 353
Рубинштейн М. И. II 202
Рудаков К. II 468
Рудзутак Я. Э. I 105
Рудман В. Г. II 353
Рудой Д. I 494
Рукавишников И. С. I 75, 212
Рунин (Рубинштейн) Б. М. II 243
Русанов (Кудрин Н. С.) I 152
Руссо Ж.-Ж. I 387
Руставели Ш. II 24,35, 83, 164, 277, 335, 392
Ручьев Б. А. I 240; II 6, 32, 36, 53
Рыбаков Н. II 176
Рыбацкий Н. И. I 33, 472
Рыбникова М. А. II 223
Рыжиков К. I 408
Рыкачев Я. С. I 244, 383; II 71, 353
Рыклин Г. Е. I 195, 450; II 448, 456, 467, 469, 473
Рыкова Н. I 403; II 188
Рылеев К. Ф. II 273
Рыленков Н. И. I 192, 505; II 120, 126, 167, 312, 331
Рыльский М. Ф. II 80, 120, 284, 307, 312
Рынин Н. А. I 198
Рытхеу Ю. I 309
Рэгг II 210
Рюриков Б. С. II 53
Рябченко О. II 131
Рязанов Д. Б. II 129
Рязанцев Вс. I 57
Рясенцев Б. К. I 310
Ряховский В. Д. II 112

Сабанеев Л. Л. I 257
Сабир II 82
Савельев В. А. I 446
Савельев М. А. I 178, 233
Савин Л. И. II 391
Савич О. Г. II 361
Садовский А. А. II 150
Садофьев И. И. I 9, 32, 33, 42, 48, 86, 396, 472, 490; II 296, 327, 376, 377, 383, 385
Садуль Ж. II 419, 435, 437
Сажин П. А. II 150, 391
Сакулин П. Н. I 81: 262, 266, 267, 270, 271, 280, 286, 418; II 233
Салазкин Г. I 176
Саломатин П. II 164
Салтыков-Щедрин М. Е. I 47, 206, 258, 420; II 64, 164, 185, 196, 335
Самойлов Д. (Д. С. Кауфман) II 110, 111
Самуйленок II. 307
Самцов Ф. И. II 161
Сандомирский М. I 449
Санников Г. А. I 38, 57, 85, 111, 141, 232, 255, 345, 351—353, 356, 359, 404, 461; II 306, 321, 327
Сарабьянов В. Н. I 212, 213
Саратовский П. II 307
Саргиджан А. (Бородин С. П.) II 34
Сарик О. I 474
Сартаков С. В. I 306, 307, 309
Сац И. А. II 25, 219. 225, 251, 306
Сашин Я. (Сашин-Левин Е. А.) II 116
Саянов В. М. I 190, 192, 193; II 92, 122, 171, 175, 178—181, 183, 194, 195, 296, 327, 346, 377, 385, 391, 393, 396, 398, 399
Саянский Л. В. I 295; II 158

Сбитнева А. II 151
Сварог В. С. I 453
Свердлов В. М. I 450
Свердлова К. Т. I 397
Сверчков Д. Ф. I 214, 233
Светлов М. А. I 83, 86, 112, 193, 216, 327, 369, 371, 372, 378, 385, 392, 406, 446, 459, 460, 503; II 36, 37, 46, 47, 117, 123, 249, 296, 327, 341, 385, 467, 470
Свидерский А. И. I 123
Свиридов С. II 161
Свирин Н. Г. I 402, 427; II 42, 74, 344, 346
Свирский А. И. I 374, 458, 459; II 317, 331
Свифт Д. II 247, 433
Святогор А. I 58
Северянин И. (И. В. Лотарев) I 493
Севрук Ю. П. II 357, 358, 367, 372
Седых К. Ф. I 306, 307, 309; II 51
Сейфуллин С. II 80
Сейфуллина Л. Н. I 68, 69, 79, 80, 82, 88, 94, 97, 108, 112, 113, 116, 217, 219, 220, 222, 263, 293, 295—298, 306, 310, 368, 375, 460, 461; II 70, 158, 163, 198, 263, 287, 288, 296—298, 334, 418, 465
Селивановский А. П. I 132, 233, 237, 241, 243, 362, 377, 402, 403, 406, 410, 417, 434, 435; II 10, 18, 38, 50, 72, 74, 187, 191, 233, 263, 265, 268, 274, 276, 308, 325, 326, 335, 357, 359, 417, 422
Селин Л. II 226, 350, 392, 424
Сельвинский И. Л. I 112, 122, 128, 141, 207, 230—232, 234, 333, 340, 375, 382, 410, 411, 413, 417; II 20, 22, 34, 65, 120, 124, 228, 257, 269, 283, 287, 296, 297, 305, 346, 347, 366, 374, 389, 418, 423
Семашко Н. А. I 250, 254, 376, 387; II 272
Семенов А. А. II 393
Семенов Н. Ф. II 235
Семенов С. А. I 103, 110, 134, 136, 209, 212, 216, 338, 379, 405, 407, 422; II 204, 376, 383, 385
Семеновский Д. Н. I 57, 112, 148, 155, 189, 212, 216, 488, 489; II 52, 161, 296
Семушкин Т. З. I 187; II 8, 145, 150, 329
Сендер Р.-Х. II 85, 430
Сенеп II 210
Сен-Жюст II 438
Сенкевич Г. II 64, 441
Ceратти Д. II 378, 379
Серафимович А. С. I 10, 56, 57, 60, 68, 78, 82, 89, 94, 97, 120, 156, 157, 256, 390—392, 400, 406, 422, 427, 473, 488; II 12, 15, 24, 26, 31, 32, 118, 204, 219, 271, 287, 288, 296, 297, 318, 319, 321, 323, 324, 326, 333, 334, 341, 345, 346, 371, 411, 417
Сервантес М. II 434, 440
Сергеев И. II 352
Сергеев К. I 449
Сергеев М. А. I 183
Сергеев-Ценский С. Н. 112, 181, 210, 212, 215, 217, 230, 412; II 12, 30, 124, 167, 281, 284, 296, 297, 301, 308, 312, 331, 358, 366
Сергиевский И. В. II 75, 225, 234—236, 298
Серебровский А. С. II 138, 159, 160
Серебрякова Г. О. (Гарт-Свит) I 231, 233; II 275, 307, 331
Серебрянский М. И. I 130, 192, 233, 241, 402, 415, 422, 432, 434, 502, 503; II 74, 124, 179, 191, 195, 197, 240, 246, 247, 268, 274, 357, 367, 372
Серов В. А. II 165
Сертсвенс А. Т. II 214
Сивачев М. Г. I 350
Сидоренко В. II 185
Сидорин В. II 268
Сидоров А. А. I 81, 250, 257, 489
Сикар Е. II 358
Сикс Р. II 212
Силлов В. I 323
Симонов К. М. I 192, 384, 387; II 95, 100, 107—110, 119, 120, 198, 243, 244, 281, 283—285, 305, 311—313, 331, 338, 351, 354—356, 364—370, 372, 374, 471
Симуков А. Д. II 161
Синклер М. I 181
Синклер Э. I 235, 304, 489; II 188, 275, 355, 407, 417, 418, 437, 438, 441
Ситник К. II 308
Скалов С. I 233
Скафтымов А. П. II 176
Скворцов-Степанов И. И. I 63, 70, 112, 124, 128, 212, 248, 249, 254, 264, 274, 368, 445; II 129, 132, 153, 288, 289, 291, 294—297, 299, 301
Скиталец (Петров) С. Г. II 331
Скляренко С. Д. II 82
Скосырев П. Г. I 189; II 62, 148, 151, 161
Скрыпник Н. I 118
Скуратов М. М. I 298
Славин Л. И. I 241, 387; II 20, 186, 220, 342, 392
Славов Г. II 134
Славятинский Н. А. II 196
Слепнев М. Т. II 356
Слепцов В. А. II 185
Слесаренко П. II 340
Слетов П. В. I 130, 231, 415; II 59, 198, 262, 266, 296
Слободской М. Р. II 116, 473
Словцов П. А. I 182
Слойнов И. II 178
Слонимский М. Л. I 86, 182, 192, 396, 411, 458; II 35, 40, 42, 48, 59, 92, 97, 178, 195, 266, 350, 378, 383—386, 389, 392—393, 396
Смаглов В. II 343
Смедли А. II 202
Смердов А. И. I 306, 307, 309
Смирненский Х. II 410, 426
Смирнов А. I 221; II 176, 188, 195
Смирнов В. А. II 328
Смирнов Н. П. II 289, 297, 298, 303—305
Смирнов С. С. II 467
Смирнова В. В. II 258, 281, 367
Смоляков I 504
Смушков В. I 250
Соболев В. I 380; II 79
Соболев И. II 140, 148
Соболев Л. С. II 28, 42, 93, 96, 104, 119, 285, 311, 336, 342, 346, 353, 354, 365, 370, 391
Соболев П. М. I 283
Соболев Ю. В. I 490; II 296
Соболевский Е. I 382
Соболевский Н. II 167
Совсун В. I 287, 418
Соглоу II 210
Сойфертис А. II 69
Соколов А. А. I 390; II 315, 318
Соколов В. I 233
Соколов Д. II 353
Соколов Ю. М. I 283; II 197, 223, 237

Соколов-Микитов И. С. I 112, 189, 195, 457, 459, 504; II 43, 167, 296, 297, 392
Соколов-Скаля П. П. II 165
Соколовский М. II 363, 372
Солбонэ Т. I 295
Соловьев Б. И. II 97, 367, 370, 377, 385
Соловьев В. А. II 116
Соловьев Вл. С. I 23
Соловьев Л. В. I 192, 241; II 163, 195, 197—199, 223, 329, 370
Сологуб (Тетерников) Ф. К. I 17, 50, 75, 108, 181, 196, 414; II 376
Солодарь Ц. С. II 116
Сольц И. I 361
Соммерфилд Д. II 437, 442
Сориа Ж. II 206
Сорин В. Г. I 226, 227, 229
Сорокин А. I 294, 296, 305, 310, 485
Сорокин П. А. I 17, 67, 73, 164
Сослани Ш. I 384; II, 71, 164
Сосновский Л. С. I 329, 391, 395, 445, 453; II 467
Спасский С. Д. I 235, 475; II 305, 399, 401, 402
Спектатор II 378
Сперанский А. Д. I 197
Спирин И. II 356
Спокойный Л. II 234
Сретенский Н. I 213
Ставский (Кирпичников) В. П. I 120, 189, 406, 462, 464, 496, 500—504; II 12, 103, 121, 139, 140, 158, 190, 195, 301, 303, 309, 310, 313, 325, 326, 328, 329, 340, 430
Сталин И. В. I 168, 238; II 58—60, 66, 125, 132, 133, 229, 302, 307, 335, 360, 395
Стальский И. Н. I 500
Стальский С. II 83, 164, 167
Станде С.-Р. II 263, 405, 411
Станиславский К. С. I 138, 276, 435
Старов Н. I 200
Старцев А. И. I 402; II 440
Старцев В. I 498
Стебер Ш. II 162
Стейнбек Д. II 366, 437, 438, 439
Стеклов Ю. М. I 233, 247, 420; II 288
Стендаль (А.-М. Бейль) II 176, 234, 433
Стенич В. II 347, 392
Степанов А. II 366
Степанов К. I 436
Степанов Н. Л. I 192; II 176, 185, 195, 197, 361, 371, 387, 396
Степной М. I 16
Степун Ф. А. I 65, 167
Стерн Л. I 266; II 434
Стецкий А. И. I 230, 233; II 384, 385
Стиннес Г. II 454
Столпнер Б. II 233
Стонов Д. М. I 230
Стоу Л. II 364
Стоянов Л. II 426, 431, 437
Страхов Н. Н. I 184
Стрельникова В. I 376
Стрельченко В. К. I 239, 386; II 36, 243
Стрижков П. I 304
Струве П. Б. I 14, 16, 73
Стыкалин С. II 67, 468
Стюарт Е. К. I 306
Субоцкий Л. М. II 12, 285
Субоцкий М. М. II 93, 219, 349, 360, 371
Суворов Г. К. I 306; II 399
Суворов А. В. II 366, 398
Суриков В. И. I 46, 238
Сурков А. А. I 192, 193, 231, 386; II 34, 54, 63, 73, 100, 102, 104, 105, 108, 109, 111, 112, 116, 118—120, 121, 124, 125, 163, 178, 190—192, 195—198, 250, 283, 285, 305, 310, 327, 331, 333, 334, 338, 340, 346, 367, 374
Сурков Е. Д. II 53
Сурожский П. Н. I 176
Сутырин В. А. I 231, 233, 275; II 219, 258
Суханов (Тиммер) Н. Н. I 67, 167, 208
Суханова (Флаксерман) Г. К. I 178
Сухотин П. С. I 212
Сучков Б. Л. II 88, 441
Сысоев П. II 38, 308
Сэндберг К. II 392, 425, 426
Сю Э. I 237
Сяо Э. II 85, 307, 353, 420, 430, 439

Табаро Ж. I 309
Табидзе Т. I 238; II 357
Тагер Е. Б. I 237, 241, 243
Тагор Р. I 183; II 427, 430, 431, 437
Таиров А. Я. II 211
Такидзи К. II 419
Таксер I 428
Талвир А. II 358
Тальников Д. Л. I 234; II 257
Тамарченко Д. Е. II 42, 188, 235, 236, 394
Тан В. I 77, 95; II 379, 380
Танк М. (Е. И. Скурко) II 307
Тарасенков А. К. I 233, 235, 237, 402; II 25, 74, 94, 112—115, 198, 249, 268, 342, 347, 352, 357, 360, 363, 367, 369, 370—374
Тарасов-Родионов А. И. I 36, 82, 83, 86, 91, 137, 219, 299, 373, 382, 390, 393, 407, 411, 489; II 164, 315, 335, 340, 344
Таратута Е. А. I 237
Тарле Е. В. II 366
Тарловский М. А. I 232; II 83
Тарский Л. I 482
Татлин В. Е. I 41
Татуйко А. I 476
Тачалов И. И. I 374, 488
Твардовский А. Т. I 192, 238—240, 244, 387, 464; II 36, 53, 59, 65, 92, 102, 103, 110, 113, 115, 116, 119, 120, 126, 191, 192, 198, 226, 243, 283, 284, 331, 342, 351, 354, 358, 363, 367, 368, 374, 393, 467, 471
Твен М. II 64, 87, 164, 212, 434, 436, 438
Тверяк А. (А. А. Соловьев) II 377, 382, 383
Тевелев М. Г. II 197, 398
Теккерей У. II 433
Телешов Н. Д. I 238
Тельман Э. I 201
Темерин В. I 215
Тендряков В. Ф. I 388
Тенякова Е. I 307
Теплов А. Ф. II 73
Тер-Асатуров М. I 198; II 16
Терентьев И. Г. I 328, 329
Терзибашьян В. II 84
Терновец Б. I 257, 258
Тимирязев А. К. I 211, 212, 214
Тимофеев Л. И. I 192, 233, 237, 280, 287, 288, 302, 418; II 125, 178, 193—195, 223, 298, 363, 368—370
Тимошенко С. К. II 319
Тимошенко Ю. II 472
Тисленко Я. I 479

Титков И. I 306
Титов Е. И. I 301
Тихомиров М. I 309
Тихомиров Н. С. I 19, 49
Тихонов А. Н. I 183, 185
Тихонов А. С. II 160
Тихонов В. I 402
Тихонов Н. С. I 68, 79, 83, 86, 88, 94, 97, 103, 110, 111, 121, 141, 182, 190, 192, 212, 216, 217, 219, 230, 231, 237, 375, 396, 411, 412, 457, 460, 489; II 15, 16, 23, 35, 40, 54, 67, 69, 92, 93, 97, 107, 108, 110, 120, 122, 124, 125, 171, 175—177, 179, 192—195, 229, 284, 285, 287, 296, 311—313, 333, 342, 344, 350, 352, 354, 357, 364, 367—370, 372, 373, 376, 384, 385, 389, 391—393, 396—402
Тишин А. I 289
Тоболяков В. II 391, 392, 468
Тодорский А. И. I 157, 158; II 13
Тока С. I 309
Токомбаев А. II 164
Токунага Н. II 353
Толлер Э. I 489
Толстая С. А. I 72
Толстов А. Д. II 140
Толстой А. К. I 184
Толстой А. Н. I 79, 86, 88, 103, 104, 109, 111, 112, 116, 212, 216, 217, 219, 221, 233, 235, 243, 361, 386, 387, 390, 395, 412—414, 416, 421, 434, 458, 461; II 21, 26, 28, 32, 34, 38, 40—42, 48, 59, 64, 71, 76, 100, 101, 104—106, 109, 119, 122, 124, 125, 186, 197—199, 254, 258, 263, 269, 271, 276, 283—286, 290, 295—297, 300, 301, 306, 309—313, 334, 336—338, 358, 376—378, 380, 383, 384, 389, 389, 392, 393, 399, 400, 430, 439, 471
Толстой В. М. II 343
Толстой Л. Н. I 31, 47, 72, 181, 184, 225, 236, 275—277, 287, 295, 336, 339, 341, 363, 377, 379, 384, 408, 419, 420, 425, 426, 433, 438; II 22, 36, 48, 63, 93, 108, 234—236, 239, 240, 248, 251, 309, 335, 348, 396, 402, 407, 439
Толченов М. II 369
Томашевский Б. В. I 192, 331; II 46, 176, 195, 197, 396
Томилин В. I 176
Тоом Л. П. I 57, 137, 422
Топер П. М. II 406
Топорков Н. II 366
Топоров А. В. I 300
Торез М. II 437
Торов М. I 53, 54
Торский В. I 27, 32
Трауберг Л. II 392
Трегуб С. А. I 387; II 283, 471
Тренев К. А. I 212; II 286, 287, 337, 438
Тренин В. В. II 246
Треплев А. I 478
Третьяков С. М. I 91, 92, 94, 97, 122, 127, 318, 319, 321, 322, 324—326, 328, 330, 335, 336, 339, 343, 344, 375, 380, 448, 451, 475, 482; II 51, 85, 417, 422, 424
Трефолев Л. Н. II 52
Триоле Э. II 205, 367, 437
Трифонова Т. К. I 402
Троицкий М. II 391
Тропинин В. А. I 46
Троцкий Л. Д. I 82, 87, 88, 97, 227; II 318
Трощенко Е. Д. I 233, 241, 406; II 74, 125, 268, 359, 360
Трусов Ф. II 255
Тугенхольд Я. А. I 257, 258, 445
Тулайков А. II 137
Туманян О. II 83, 277
Тумаркин Д. Г. I 294
Тумерман Л. II 167
Тургенев И. С. I 30, 47, 52, 259, 285, 287, 339, 387, 434; II, 149, 230, 247
Турок Л. II 187
Туссель Ж. II 263
Тушнова В. М. II 285
Тымянский Г. С. II, 181, 182,
Тынянов Ю. Н. I 91, 104, 230, 238, 262, 266, 272, 285, 331, 339, 401; II 41, 42, 44, 48, 275, 366, 384—386, 389, 390, 396
Тычина П. Г. II 307
Тэсс (Сосюра) Т. Н. I 187; II 467
Тэффи Н. А. I 490
Тютчев Ф. И. I 184

Узе Бодо II 437
Уитмен У. I 485; II 406, 433, 440, 442
Уксусов И. И. II 391
Ульрих В. II 181
Унануно М. II 427
Униловский З. II 352
Упит А. I 403; II 284, 312
Ужатский I 366
Урин В. А. II 374
Урицкий С. Б. II 139, 141, 143, 156, 157, 160, 162, 166, 168, 456
Урманов К. Н. I 80, 301, 485
Урнис С. II 140, 148, 354
Урнов М. В. II 212
Урусов Г. I 14
Усас-Водкин С. М. II 379
Усачев Н. I 276
Усиевич Е. Ф. I 192; II 22, 74, 188, 193, 219, 225, 229, 241—244, 249—251; 268, 269, 274, 281, 366, 372
Успенский А. И. I 382
Успенский Г. И. I 91, 431; II 149, 164, 185
Успенский Л. В. II 365, 398, 399
Устрялов Н. В. I 66
Уткин И. П. I 80, 97, 112, 230, 231, 294, 296, 369, 371, 378, 385, 402, 404, 406, 459, 460; II 46, 125, 250, 296, 317, 471
Ушаков Н. И. II 36, 296
Уэйвелл II 363
Уэллс Г. I 180, 182, 188, 211; II 211, 263, 406, 415, 436, 437, 441
Уэст А. II 437

Фаворский В. А. I 248
Фадеев А. А. I 68, 84, 89, 103, 107, 109, 114—116, 120, 132, 134, 136, 141, 192, 205, 225, 228—231, 238, 240, 241, 243, 338, 339, 344, 361, 374, 375, 382, 405, 408, 410, 411, 415, 419—421, 423—425, 435, 459, 464, 500, 501, 503; II 7, 11, 12, 16, 19, 26, 27, 33—36, 58, 59, 76, 85, 90, 98, 103, 107, 114, 117—119, 123—125, 129, 140, 197, 222, 224, 225, 246, 251, 266, 267, 270, 272, 281, 282, 285, 287, 298, 299, 310, 316, 317, 319, 322, 323, 326, 333, 341, 345, 347, 364, 368, 371, 393, 411, 422, 430, 439
Фаллада Г. II 87, 226, 432
Фальконе С. II 276
Фарер К. I 14

Фатов Н. Н. I 108, 271, 377, 402
Федин К. А. I 68, 73, 74, 108, 128, 138, 178, 192, 209, 212, 216, 217, 219, 222, 231, 233, 234, 245, 247, 248, 263, 275, 361, 397, 410, 411, 413, 415, 421, 424, 457, 458, 480, 482; II 15, 28, 40, 41—43, 97, 125, 176, 184, 192, 194, 195, 198, 204, 227, 263, 269, 271, 272, 284, 285, 287, 296—298, 300, 311, 312, 334, 358, 376, 378, 383, 384—387, 389, 391, 392, 438, 439, 465
Федоров Е. А. I 212, 308; II 393
Федоров-Давыдов А. А. I 254, 257
Федорович В. Ф. I 200
Федоровский Н. II 307
Федорченко С. З. II 296
Федосеев Г. А. I 308
Федотов А. Ф. I 462
Фейгин Г. I 466
Фейхтвангер Л. II 30, 84, 87, 88, 95, 162, 212, 233, 276, 332, 350, 392, 423, 425, 427, 433, 437, 441
Феоктистов Н. I 233, 301
Ференц М. I 309
Ферсман А. Е. I 196, 454; II 137
Фет А. А. I 74
Фет-али-Ахундов I 183
Фибих I 231
Фиксин С. А. I 499, 505
Филин Ф. I 426
Филин Ф. П. II 224
Филиппов А. II 316
Филиппченко И. Г. I 350
Филиппченко Ю. А. I 182
Фингерт Б. А. II 183
Финк В. Г. I 187; II 118, 355—357, 362, 366, 368
Финн (Хальфин) К. Я. II 242, 471
Фитцджеральд Э. II 85
Фихте И.-Г. II 75
Фиш Г. С. I 205, 499; II 43, 346, 360, 366, 377, 391
Флерина Е. II 258, 259
Флеров Д. Н. II 52
Флит Д. II 460
Флобер Г. I 236; II 36, 73, 196
Фокс Р. II 356, 424, 428
Фолкнер У. II 404
Фомин С. Д. I 57
Фоньо А. II 355, 357
Фоняков И. О. I 309
Форд Д. II 207
Форстер Г. II 438
Фортунато Е. I 176
Форш О. (Терек) I 21, 78, 79, 179, 182, 192, 212, 256, 339; II 40, 44, 178, 179, 184, 192, 195, 288, 376, 378, 384—386, 389—393, 396, 399, 400
Фохт У. Р. I 262, 271, 272, 286, 287, 291, 418
Фраерман Р. И. I 240, 241, 298, 303, 305; II 69
Франк Б. II 433, 437
Франк Л. II 93, 406
Франк С. Л. I 65, 167
Франко И. Я. II 82
Франс А. II 439
Фревилль Ж. II 437
Фрейд З. I 111, 228
Фрид II 298
Фридлендер Г. М. II 74, 225
Фридлянд С. I 188, 444
Фримэн Д. I 403; II 85, 404, 407, 411, 415
Фриче В. М. I 53—55, 58, 59, 81, 89, 114, 119, 120, 135, 137, 212, 213, 215, 221, 225, 229, 235, 274, 276, 280—284, 288—292, 363, 423, 431, 437; II 247, 298, 301
Фролов Ю. II 307
Фроман М. А. II 376, 385
Фрунзе М. В. I 69, 99, 100, 213, 217, 227, 229, 387, 399
Фрэнк У. II 437
Фурманов Д. А. I 68, 81, 84, 86, 89, 90, 94, 97, 103, 109—111, 189, 219, 225, 226, 228, 254, 368, 376, 387, 392, 394, 398, 400, 402, 406, 466, 488; II 31, 246, 277, 287, 288, 296, 298, 315, 317—320, 322, 324, 326, 333, 341, 357
Фучик Ю. II 313, 351, 419

Хавин П. II 184
Хаймэн С.-Э. II 371
Хаксли О. II 424, 431, 437
Халатов А. Б. I 124, 126, 134, 141—143, 185, 188, 233; II 60, 128, 133, 135, 139, 141—143, 148, 168, 175, 183, 200, 254, 417, 422
Хамадан А. II 353
Ханин Д. М. I 373
Харджиев Н. И. II 246
Харитонов Д. II 361
Хаустов Л. И. II 122
Хацревин З. Л. II 37, 257, 268, 352, 353, 372
Хаяси Ф. II 410
Хаяши Т. II 352, 406, 410
Хезлоп Г. II 437
Хемингуэй Э. II 36, 84, 87, 93, 206, 209, 212, 226, 276, 350, 423, 428, 431, 436—439, 441
Херсонская Е. П. I 38
Хетагуров К. II 164
Хикмет Н. II 405, 406, 410
Хилл Д. II 88
Хименес Х.-Р. II 429
Хитарова С. Н. I 244
Хлебников В. В. I 41, 315, 316, 318, 319, 321, 322, 325, 328, 344, 475, 476; II 194, 385
Ховин В. I 16, 17, 73
Ходасевич В. Ф. I 37, 57, 75, 78, 181, 182, 184, 185, 216; II 376
Холопов Г. К. II 397
Хомик II 203
Хоппер О. II 36
Хохлов Г. II 353
Храпковский М. II 210
Храпченко М. Б. I 192, 402, 437—439; II 15, 73, 195, 196, 236
Хребтовский Н. I 294
Хьюз Л. II 276, 420, 423, 430

Цагарелли Г. I 238
Цвейг А. II 89, 212, 431, 437
Цвейг С. I 181; II 263, 418, 419, 423
Цейтлин А. Г. I 330; II 197
Цейтлин М. А. II 114
Церетели А. II 277
Цеткин К. I 96, 153, 159, 213
Цехновицер О. В. II 113, 124
Циолковский К. Э. II 6, 67, 390
Цынговатов А. Я. I 225

Цыперович Г. II 376
Цырлин Л. В. II 44, 391, 394

Чавчавадзе И. II 277
Чагин А. I 212
Чаковский А. Б. II 119, 336
Чанд П. II 406
Чапаев В. И. II 307
Чапек К. II 376, 423, 431, 437
Чаплин Ч. II 70, 396
Чапыгин А. П. I 21, 23, 44, 47, 103, 176, 469, 477, 478; II 30, 43, 44, 155, 162, 163, 331, 376, 384, 388, 389, 391
Чарный М. Б. I 237, 387; II 66, 279, 280, 334, 366
Чарушин Е. И. II 48
Чахотин С. С. I 66
Чемберлен О. II 454
Чемоданов С. М. II 379
Чередниченко П. II 354
Черемных М. М. I 300, 444; II 445, 449, 450, 454, 473
Черкасов Н. П. I 238
Черкасов В. II 178
Черненко А. И. II 328, 329
Чернов В. М. I 13, 16, 19, 152
Черноков М. II 383
Черноморцев Л. Н. I 306; II 167
Черных П. Я. II 52
Чернышев Ф. А. II 362
Чернышевский Н. Г. I 46, 114, 143, 206, 284, 363, 387, 418—420, 431, 434, 490, 493; II 38, 63, 233, 249, 273, 379
Чернявский Е. I 363
Чертова Н. В. I 199, 296, 300—304; II 163
Чесноков Г. II 139
Четвериков Д. (Б. Д.) I 196; II 376, 377, 400
Четунова Н. И. II 125, 224
Чехов А. П. I 34, 38, 223, 324, 339, 376, 402, 465; II 15, 16, 52, 247, 304, 335, 402
Чехонин С. В. I 477
Чикин Л. I 309
Чиковани С. II 82, 117, 307, 371
Чириков Е. Н. I 144
Чирков Б. П. I 387
Чистяков Ф. I 306
Чичерин Г. В. I 447
Чичибабин А. Е. II 128
Чкалов В. П. I 244; II 393
Членов С. Б. I 213, 214
Чосер Д. II 434, 440
Чужак Н. (Н. Ф. Насимович) I 91, 92, 95, 126, 134, 294, 318—321, 323, 325, 326, 332, 338, 339, 342, 344, 359, 416, 422, 476
Чуковский К. И. I 73, 179, 183, 397; II 48, 56, 98, 125, 179, 195, 198, 298, 357, 438, 467
Чуковский Н. К. I 181; II 122, 391, 392, 396
Чулков Г. И. II 63
Чумандрин М. Ф. I 190, 379, 402, 407; II 41, 42, 97, 171, 175, 176, 180—183, 383, 387, 389, 392
Чуркин А. Д. II 163
Чухновский Б. Г. I 195
Чхеидзе Н. С. I 461

Шагинян М. С. I 78, 79, 88, 121, 168, 209, 212, 231, 237, 238, 395, 403, 407, 411, 412, 450; II 8, 21, 35, 48, 103, 117, 125, 228, 256, 268, 269, 284, 285, 296, 297, 300, 301, 306, 309, 312, 333, 376
Шайхет А. С. I 188, 444, 447
Шамориков И. В. II 103
Шамсон А. II 430
Шапиро И. II 138
Шапиро Л. Я. II 362
Шаповалов А. II 160
Шаров А. (Ш. И. Нюренберг) II 364, 368
Шатопаднайа В. II 215
Шатхан Н. II 294
Шварц Е. Л. II 118, 285
Шведов Я. З. I 392; II 323
Швецов С. А. I 203, 404; II 61, 191, 395
Шевченко Т. Г. I 47, 384; II 24, 52, 82, 83, 164, 167, 247, 277, 309, 335
Шейдер Е. II 180
Шекспир В. I 184, 324; II 61, 74, 88, 188, 234, 424, 434, 436, 440
Шелли П. II 164, 226
Шеллинг Ф.-В.-И. II 75
Шенгели Г. А. I 212, 216
Шендерович М. I 250
Шеневьер Ж. II 409
Шергин Б. В. II 163
Шергова Г. II 374
Шершеневич В. Г. I 24, 475
Шефнер В. С. II 399
Шехтман (Кремлев) И. Л. II 448, 450
Шибанов, летчик II 466
Шиллер Ф. II 196, 270
Шиллер Ф. П. II 230
Шиловский Е. II 364
Шильдкрехт К. Г. II 47
Шимкевич М. I 212, 215
Шиперович Б. II 360
Ширамов А. I 294, 296
Ширвинд М. II 181
Ширяевец А. В. I 21, 53, 457, 459, 472, 478, 479
Шишко А. В. I 386
Шишков В. Я. I 33, 47, 57, 88, 176, 212, 216, 231, 256, 305, 413, 457, 459, 477; II 34, 44, 258, 284, 285, 296, 297, 324, 337, 376, 388, 389, 391, 471
Шишова (Брухнова) З. К. II 368
Шишов И. П. II 163
Шкапа И. С. (Гриневский И.) I 196; II 129, 139, 144, 149
Шкапская М. М. 200, 231; II 377
Шкловский В. Б. I 41, 78, 91, 181, 184, 266, 272, 277, 285, 316, 319, 320, 331, 337—339, 342, 343, 416, 456, 457; II 22, 76, 90, 94, 186, 262, 269, 273, 280, 285, 302, 353—355, 357, 358, 367, 388, 390
Шмидт О. Ю. II 137
Шмидт П. Ю. II 377, 379
Шолио П. II 432
Шолом-Алейхем II 71, 247
Шолохов М. А. I 120, 121, 235, 243, 276, 278, 369, 383, 387, 406, 435, 459, 461; II 12, 20, 22, 28, 32, 36, 37, 48, 59, 61, 66, 81, 106, 108, 110, 139, 157, 228, 246, 267, 268, 271, 272, 275, 279, 280, 297, 302, 304, 309, 310, 311, 319, 321, 323, 326, 327, 333, 334, 341, 358, 439, 465
Шолохов-Синявский Г. Ф. II 197, 329
Шостакович Д. Д. II 40
Шоу Б. I 214, 448; II 98, 208, 263, 307, 407, 419, 423, 425, 431, 436, 437
Шоу И. II 307

Шошин М. Д. I 488, 495; II 139, 140, 143, 154
Шпанов Н. Н. II 66, 92, 353, 360, 370
Шпенглер О. I 65, 67, 167, 208
Штейман З. II 387
Штейн А. П. II 42, 400
Штерн К. II 430
Шток И. В. II 21
Шторм Г. П. I 193, 199; II 163, 166
Шуб Э. И. I 337
Шубин А. И. II 52
Шубин Г. I 390; II 314
Шубин П. Н. II 391, 393, 399
Шугаев А. П. I 296; II 157
Шухов И. П. I 120, 307; II 269, 325, 328, 329
Шушканов Н. Г. I 434; II 180, 186

Щапов А. П. II 51
Щелканов П. А. I 373
Щербаков А. С. II 50, 248
Щербина В. Р. I 244; II 63, 103, 124, 125, 311, 313, 335
Щипачев С. П. I 230, 231, 464; II 103, 120, 286, 305, 327, 338, 340, 341, 345, 346, 351, 354
Щукин С. И. I 419
Щупак С. II 227

Эвентов И. Г. II 74, 352, 357, 358, 395, 398, 402
Эйдеман Р. I 212, 216, 217
Эйдук Я. I 403
Эйзенштейн С. М. I 320, 324, 337; II 64, 90, 94, 124, 283, 352
Эйнштейн А. I 67, 164; II 428
Эйхенбаум Б. М. I 91, 266—268, 271, 272, 285, 319, 331, 401; II 255, 276, 388, 395, 399, 402
Эйхенгольц М. Д. I 81; II 196
Эйшискина Н. М. II 73
Элленс Ф. I 181; II 437
Эльсберг Я. Е. (Я. Лерс) I 108, 192, 244, 410; II 196
Энгель С. II 161
Энгельс Ф. I 114, 254, 259, 425; II 74, 229, 231, 234, 424
Эпштейн М. С. II 140
Эрдберг О. I 189, 380
Эрдман Н. Р. I 24
Эренбург И. Г; I 78, 79, 108, 170, 210, 212, 216, 231, 233, 241, 295, 386, 390, 394—396, 412, 448, 457, 461, 479; II 21, 23, 28, 34, 38, 48, 64, 74, 93, 94, 100, 104—107, 117, 118, 124—126, 167, 205, 225, 267, 269, 272, 275, 276, 284, 288, 310—313, 334, 338, 350, 351, 355—359, 362, 364, 368, 374, 393, 396, 430, 469
Эркес Э. I 181
Эрлих А. И. I 238; II 103
Эррио Э. II 146
Эртель А. И. II 53
Эстаже Ж. I 309
Этли Ф. II 204
Эттель В. I 484
Эттингер П. I 257
Эфрос А. М. II 44, 368
Эфрос Г. II 468
Эффель II 210

Югов А. К. I 300; II 137, 143, 150
Юдин П. Ф. I 428; II 98, 219, 221, 222, 224, 229, 230, 270, 327
Южный Е. II 185
Юзовский Ю. (И. И.) I 409, 501, 502; II 73, 219, 224, 240, 241, 251, 267, 268, 273, 275
Юнгер А. II 468
Юнеева О. II 242
Юнович М. М. II 103, 286
Юоон К. Ф. I 258
Юрезанский В. Т. I 181; II 150
Юрин М. П. I 392
Юров Б. II 176
Юст I 451
Юфит М. И. II 244

Явич А. Е. I 111, 220
Яковлев Б. В. II 38
Яковлев Я. А. I 97, 98, 105, 117, 208, 212, 213, 450, 458, 488; II 139
Якубинский Л. П. I 331; II 183
Якубович Д. П. II 176
Якубовский Г. В. I 86, 113, 258, 263, 355, 356, 358, 359, 362, 363, 405, 457, 461; II 257, 298, 380
Яглинг Б. Л. II 116, 144, 364
Ямпольский И. Г. II 46
Ян В. (Янчевский) II 124, 284, 312
Яновский Н. Н. I 303, 310
Яновский Ю. И. I 231; II 36, 93, 106, 275, 346, 350, 352
Янсон Я. II 404
Янчевский Н. I 296, 493
Яров Н. I 376
Яровой П. (Ф. Е. Комаров) I 356, 478, 479, 486, 487
Ярославский Е. М. I 63, 70, 80, 105, 123, 190, 227, 233, 293, 294, 368, 375, 376, 469; II 129, 133
Ясенский Б. I 382; II 38, 84, 85, 186, 263, 272, 305, 306, 334, 360, 405, 410, 416—418, 420, 421, 437
Ясинский И. И. I 39, 49
Ясный А. М. I 392
Яшин А. Я. I 244; II 53, 120, 191, 371, 471

Содержание

ЖУРНАЛИСТИКА ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ 5
(А. И. Хайлов)

ЖУРНАЛИСТИКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 гг.)
(Н. И. Дикушина) 102

«НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ»
(А. И. Хайлов) 127

«КОЛХОЗНИК»
(В. Н. Чуваков) 152

«ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЕБА»
(В. А. Максимова) 170

«ЗА РУБЕЖОМ»
(Г. А. Скороходов) 200

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК»
(Г. А. Белая) 218

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»
(Л. К. Швецова) 253

«НОВЫЙ МИР»
(А. Г. Дементьев и Н. И. Дикушина) 287

«ОКТЯБРЬ»
(А. А. Максимов) 314

«ЗНАМЯ»
(Т. Б. Дмитриева) 340

«ЗВЕЗДА»
(Л. А. Скворцова) 375

«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
(С. А. Коваленко и А. Н. Николюкин) 403

САТИРИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА
(Г. А. Скороходов) 444

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ 473

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 479

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ
СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
(1933—1945)

—

УТВЕРЖДЕНО К ПЕЧАТИ
ИНСТИТУТОМ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

—

Редакторы издательства
В. Ч. ВОРОВСКАЯ и В. Б. ГУСЫНИНА
Суперобложка, переплет
и титульные страницы
художников
Н. Б. СТАРЦЕВА и **Ю. А. ТРАПАКОВА**

—

Художественно-технический редактор
В. В. ТАРАСОВА

Сдано в набор 3/I 1968 г.
Подписано к печати 27/III 1968 г.
Формат 70×108[1]/16
Усл. печ. л. 44,1. Уч.-изд. л. 44,1
Бумага № 1. Тираж 6200 экз.
А-06413 Тип. зак. 2201
Цена 2 р. 98 к.

—

Издательство «Наука». Москва, К-62,
Подсосенский пер., д. 21

2-я типография издательства
«Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

